Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

ТРУДЫ
ПО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
Ю. Г. АЛЕКСЕЕВА

Т. 1

Юрий Георгиевич
АЛЕКСЕЕВ
(1926–2017)

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Вступительная статья:
К. В. Петров, С. В. Стрельников, Н. В. Штыков

Научное издание

Санкт-Петербург
2018

УДК 355/359 (091)
ББК 63.3(2)4-68
А471

Ю. Г. Алексеев

А471 Военная история допетровской России. — Вступит. статья: К. В. Петров, С. В. Стрельников, Н. В. Штыков. — Научное издание. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. — 752 с.

ISBN 978-5-6040487-1-9

В книгу вошли все основные работы замечательного советского и российского историка Юрия Георгиевича Алексеева (1926–2017), посвященные военной истории России допетровской эпохи. В издании представлены монография «Походы русских войск при Иване III» и курс лекций «Русское войско и военное искусство IX–XVII вв.». Кроме того, книга содержит 11 статей, изданные в малодоступных сегодня сборниках. Все публикуемые исследования объединены единым научным подходом и общей идеей становления и развития отечественного военного искусства. В фокусе авторского внимания также история создания централизованной системы управления войсками. Ю. Г. Алексеев показывает, как на протяжении веков, в связи с изменениями системы органов власти и увеличения территории будущего Российского государства, менялись принципы управления войсками, как и сама организация русской армии. В книге наиболее подробно рассматривается эпоха Ивана III — ключевой этап в процессе формирования общероссийского государства и изменений в системе управления его вооруженными силами.

Издание предназначено для историков, преподавателей, студентов вузов, а также для всех интересующихся отечественной историей.

Юрий Георгиевич Алексеев и его труды по военной истории

Юрий Георгиевич Алексеев,[1] замечательный специалист по истории России XIV–XVI вв. (главным образом, по истории землевладения, крестьянства, государства и права, политической и военной истории), родился 15 апреля 1926 г. в Ленинграде. Его отец Георгий Михайлович Алексеев (1888–1942), юрист по образованию, был инженером и в 30-е гг. занимался постройкой кораблей. Свою любовь к флоту он передал сыну, что впоследствии и предопределило поступление Ю. Г. Алексеева в морское училище. Сам Юрий Георгиевич позднее вспоминал, что с детства у него было два увлечения — флот и история. Мама Ю. Г. Алексеева, Наталия Генриховна (Андреевна), урожденная Берг (1890–1967), выпускница Елизаветинского института, была преподавателем французского языка. Позднее учителя и коллеги не раз будут отмечать хорошее знание Ю. Г. Алексеевым иностранных языков и, как следствие, знакомство с литературой западноевропейских

---

[1] О биографии Ю. Г. Алексеева см.: *Петров К. В.* 1) Предисловие // Юрий Георгиевич Алексеев: К 75-летию со дня рождения: Библиографический указатель трудов, 1960–2000 / Сост. К. В. Петров. СПб., 2001. С. 4–7; 2) *Он же*. Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2002. С. 6–30; *Кривошеев Ю. В., Штыков Н. В.* К 75-летию Юрия Георгиевича Алексеева // Университетский историк. Вып. 1. СПб., 2002. С. 193–198; *Аракчеев В. А., Стрельников С. В.* Юрий Георгиевич Алексеев // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М.; СПб., 2006. С. 5–24; *Фетищев С. А.* Юрий Георгиевич Алексеев — руководитель студенческого научного семинара // Там же. С. 28–32; *Штыков Н. В.* Юрий Георгиевич Алексеев — профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское средневековье: Сб. статей в честь профессора Ю. Г. Алексеева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 3–9; *Кром М. М.* Компаративистика в творчестве Ю. Г. Алексеева // Грани русского Средневековья: Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексеева. М., 2016 / Редколл.: М. М. Кром, К. В. Петров, С. В. Стрельников, Н. В. Штыков. С. 3–10.

стран, что позволяло ему широко пользоваться в своих исследованиях сравнительно-историческим методом. Следует отметить, что в роду Алексеевых уже были знаменитые историки. Родным дядей Ю. Г. Алексеева был известный востоковед-китаист академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), женатый на дочери выдающегося русского историка Михаила Александровича Дьяконова (1855–1919).

После первой суровой блокадной зимы Юрий Георгиевич был вместе с мамой эвакуирован в Тбилиси, где осенью 1943 г. его призвали в армию. В сентябре 1945 г. он стал курсантом Каспийского высшего военно-морского училища, а спустя год перевелся в Ленинград в Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, по окончании которого служил на кораблях ВМФ СССР. После тяжелого ранения, полученного при исполнении служебных обязанностей, старший лейтенант Ю. Г. Алексеев в ноябре 1953 г. уволился в запас.

Однако прерванная военно-морская карьера не сломила Ю. Г. Алексеева. Еще в 1949 г. он поступил экстерном на исторический факультет Ленинградского государственного университета (ныне — Санкт-Петербургский государственный университет), который с отличием закончил в 1954 г. Здесь начинающий историк познакомился со многими своими будущими коллегами и друзьями. Его научным руководителем и Учителем на многие годы станет Иван Иванович Смирнов — большой специалист по истории России XV–XVII вв.

В эти же годы Юрий Георгиевич знакомится со своей будущей супругой Марией Андреевной (1930–2011), правнучкой Воина Андреевича Римского-Корсакова, знаменитого контр-адмирала и гидрографа, брата композитора Н. А. Римского-Корсакова. Будучи крупным специалистом по истории русской графики XVIII в., кандидатом искусствоведения, она подготовит в стенах Русского музея немало искусствоведов. Но это будет позднее. А тогда, в начале 1952 г., Юрий Георгиевич предложит ей руку и сердце... В последующие годы в семье Алексеевых появятся дети: Андрей, Марина, Надежда.

В ноябре 1957 г. Ю. Г. Алексеев будет зачислен в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (сокращенно — ЛОИИ). Именно здесь под началом И. И. Смирнова и произойдет окончательное становление Юрия Георгиевича как историка, раскроются многие грани его яркой и индивидуальной исследовательской натуры.

В 1963 г. Ю. Г. Алексеев защитил кандидатскую диссертацию по землевладению Переяславского уезда XV — начала XVI вв., в 1980 г. — док-

торскую диссертацию по Псковской судной грамоте. Опубликованные на их основе монографии еще при жизни автора войдут в «золотой фонд» отечественной историографии.

Наряду с работой в ЛОИИ, Юрий Георгиевич стал заниматься и преподавательской деятельностью. Так, в 80-е гг. он читал лекции и вел семинары в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (ЛГПИ). В 1992 г., после 35 лет работы, Юрий Георгиевич покидает ЛОИИ и переходит в СПбГУ на кафедру истории России, одновременно завершая преподавать и в ЛГПИ. Еще долго студенты из Герценовского института будут посещать семинар Ю. Г. Алексеева на историческом факультете СПбГУ Собственно, семинар как бы перешел из стен одного вуза в другой, пополнившись при этом новыми слушателями и учениками. Атмосфера свободного ведения дискуссий сочеталась с академической манерой научного семинара. Семинар был открыт для всех желающих. Детальный разбор на семинаре доклада выступавшего зачастую становился отправной точкой для многих начинающих исследователей. Не менее интересными оказывались и лекции Ю. Г. Алексеева. В ходе них слушателям раскрывалась «кухня» исторической науки, творческая «лаборатория» исследователя. Ход рассуждений Юрия Георгиевича зачастую позволял увидеть трудноразрешимые вопросы исторической науки с различных, иногда неожиданных, ракурсов, предлагая порой несколько вариантов решения дискуссионных проблем.

На фоне переломных событий в истории нашей страны рубежа 80–90-х гг. XX в., связанных с распадом советской государственности, выходит серия книг, посвященных политической истории России второй половины XV в. и личности Ивана III — «Государя всея Руси», при котором произошло объединение русских земель: «Освобождение Руси от Ордынского ига» (Л., 1989), «Государь всея Руси» (Новосибирск, 1991), «“К Москве хотим”: Закат боярской республики в Новгороде» (СПб., 1991) и «Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси» (М., 1992). Все они раскрывают процесс создания единого Русского государства, выработки механизмов, позволявших регулировать неизбежную общественную борьбу и обеспечивать баланс между справедливостью в ее христианском понимании и политической целесообразностью.

Проблеме становления государственных и правовых институтов XIV–XV вв. посвящены такие работы Ю. Г. Алексеева, как «У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв.» (СПб., 1998) и «Судебник Ивана III. Традиция и реформа» (СПб., 2001).

От изучения внутренней политики складывающегося Русского государства Ю. Г. Алексеев переходит к исследованию его внешней политики. И здесь на первый план выходит военная история России, чему были посвящены его последние книги — «Походы русских войск при Иване III» (СПб., 2007) и «Русское войско и военное искусство IX–XVII вв.» (СПб., 2015).

В последние годы Ю. Г. Алексеев сосредоточился на изучении военно-морской истории России. Им планировался цикл работ о деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова... Однако 13 апреля 2017 г. Юрия Георгиевича не стало... Похоронен Юрий Георгиевич Алексеев на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга рядом с могилой своей супруги Марии Андреевны.

* * *

В 2007 г. увидела свет монография Ю. Г. Алексеева «Походы русских войск при Иване III».[1] Исследование Юрия Георгиевича стало важным событием в науке и не осталось незамеченным в отечественной[2] и зарубежной историографии.[3] Главное направление исследования заключалось в последовательном рассмотрении военной истории Руси эпохи Ивана III и в изучении формирования во второй половине XV в. принципиально нового института управления великокняжеским войском.

Книга Ю. Г. Алексеева о походах русских войск при Иване III стала логичным завершением исследования процессов трансформации институтов власти в связи с новыми социальными, политическими и экономическими условиями, в которых пребывало великое княжество Московское во второй половине XV в. Вместе с тем, книга Ю. Г. Алексеева оказалась на оживленной магистрали отечественных исторических исследований.

[1] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007

[2] *Курбатов О. А.* О новой книге Ю. Г. Алексеева. Рец.: *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007 //Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2011. С. 522–528; *Филюшкин А. И.* Рецензия на книгу: *Алексеев Ю. Г* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007 //Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. 9. С. 260–263.

[3] См. обзорную работу К. Стивенс, посвященную ряду книг о военной истории России, в том числе и о работе Ю. Г. Алексеева: *Stevens C. B.* Pokhody russkikh voisk pri Ivane III (The Campaigns of the Russian Armies under Ivan III), [and other] (review) //Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. N. S. 2010. Vol. 11. N 4. P. 889–901.

Одним из направлений научных исследований, которое отличает отечественную историческую науку начала XXI в., является усиление внимания к проблемам военной истории. В значительной степени этот тренд проявился в исследованиях по военной истории Византии[1] и восточных стран.[2] В меньшей степени военная история привлекает внимание медиевистов, исследователей европейского средневековья (и т. н. «раннего Нового времени»).[3]

[1] *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000; *Он же.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006; *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. СПб., 2001; *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001; *Рубцов С. М.* Легионы Рима на Нижнем Дунае. Военная история римско-дакийских войн (конец I — начало II в. н. э.). СПб., 2003; *Шувалов П. В.* Секрет армии Юстиниана. Восточно-римская армия в 491–641 гг. СПб., 2006; *Горончаровский В. А., Виноградов Ю. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2008; *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011; *Банников А. В., Морозов М. А.* Византийская армия (IV–XII вв.). СПб., 2013; *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII — середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013.

[2] *Васильев В. Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н. э. Уфа, 2001; *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2004; *Худяков Ю. С.* Золотая волчья голова на боевых знаменах. Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. СПб., 2007; *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX вв.). СПб., 2003; *Он же.* Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. — V в. н.э. СПб.; М., 2004; *Он же.* Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб., 2011; *Он же.* Победители легионов. Военное дело готов. М., 2012.

[3] *Александров С. Е.* Немецкий наемник конца XV — середины XVII вв.: грани ментальности // Военно-историческая антропология — 2002. М., 2002. С. 83–112; *Новоселов В. Р.* Обычаи войны XVI в. и мотивация поведения наемных солдат // Там же. С. 113–130; *Он же.* Проблемы западноевропейской военной организации в эпоху раннего Нового времени // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. Выборгские чтения (1). М., 2005. С. 27–38; *Бикунов В. Ю.* Вооруженные силы Англии в конце XVI — начале XVII вв. // Известия РГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2008. Вып. 85. С. 106–111; *Костырев В. Г* Представления о платной военной службе в эпоху Столетней войны: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2010; *Калмыкова Е. В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010; *Мухаметсалимов П. Р.* Военная организация англосаксонского общества (IX–XI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012; *Козлов М. Е.* Развитие военной

Следует отметить, что в европейской исторической науке проблемы военной истории никогда не оставались без внимания, но в значительной степени военная история рассматривается в контексте экономического развития и технических инноваций.[1] Подобный акцент также лежит в основе зарубежных исследований по военной истории России XVI–XVII в.[2] Другое направление исследований традиционно связано с изучением военного фактора в территориальном расширении России.[3] Но только в XXI в. в зарубежных исследованиях появилось отчетливое стремление к изучению системы управления войсками и развитию военного искусства.[4]

системы Англии в правление династии Тюдоров в XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013.

[1] *Cipolla C. M.* Guns, Sails, and Empires: Technological Innovation and The Early Phases of European Expansion 1400–1700. N.Y.: Pantheon Press, 1965; War and Economic Development: Essays in Memory of David Joslin / Ed. by J. M. Winter. Cambridge: Cambridge University Press, 1975; War in Society: Historical Essays in Honour and Memory of J. R. Western. 1928–1971 / Ed. by M. R. D. Foot. L.: Elek Books, 1973; *Howard M.* War in European History. Oxford: Oxford University Press, 1976; *Parker G.* The Military Revolution. Military Innovation and the rise of the West, 1500–1800. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Prestwich M.* Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven; L.: Yale University Press, 1996; Der Krieg im Mittelalter und in der Fruhen Neuzeit: Grunde, Begrundungen, Bilder, Brauche, Recht / Hrsg. H. Brunner. Wiesbaden, 1999; Krieg im Mittelalter / Hrsg. H.-H. Kort m. Berlin, 2001; *Glete J.* War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic, and Sweden as fiscal-military states, 1500–1660. L.; N.Y.: Routledge, 2002.

[2] *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. L.: Chicago: University of Chicago Press, 1971; *Hellie R.* The Costs of Muscovite Military Defense and Expansion // The Military and Society in Russia 1450–1917 / Ed. by E. Lohr and M. Poe. Leiden: Brill, 2002. P. 41–66; *Stevens C. B.* Solvency and Service Status: the Economic Effects of Military Reform, 1678–1682 // New Perspective on Muscovite History / Ed. by L. Hughes. N. Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 156–173.

[3] *Stevens C. B.* Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995; *Davies B.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. N. Y.: Routledge, 2007.

[4] *Brown P. B.* The Military Chancellery: Aspects of Control during the Thirteen Year's War // Russian History. 2002. Vol. 29. N 1. P. 19–42; *Brown P. B.* Tsar Aleksei Mikhailovich: Muscovite Military Command Style and Legacy to Russian Military History // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Eds. E. Lohr, M. Poe. Leiden: Brill Publishing, 2002. P. 119–146; *Davies B.* The Polotsk Campaigns of Ivan IV and Stefan Bathory: The Development of Military Art During the Livonian War // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М., 2010. С. 106–120 (на англ. яз.).

Изучение военной истории России в отечественной науке также переживает определенный подъем. Появились специализированные издания: журнал «Старый цейхгауз» («Цейхгауз»), непериодические сборники «Единорогъ» и «Военно-историческая антропология», электронный журнал «История военного дела: исследования и источники»,[1] изданы исследования А. В. Малова,[2] О. А. Курбатова,[3] И. Б. Бабулина и ряда других ученых.[4] Однако практически все они сфокусированы на изучении военной истории XVI в., в большей степени даже XVII в. Это обстоятельство представляется вполне естественным, поскольку таково состояние источниковой базы — документы до 1626 г. практически не сохранились.

Книга Ю. Г. Алексеева в данном контексте занимает особое место по постановке проблем, которые в ней решаются, и по ее результатам. Однако главным итогом исследования военной истории эпохи Ивана III стало выяснение вопроса о том, как постепенно в результате роста территории Московского великого княжества меняется тип руководства военными силами: от личного участия князя в сражении, выработке им тактических действий и стратегической политики — к разделению этих функций. Стра-

---

[1] См. ссылку: http://www.milhist.info

[2] *Малов А. В.* Выборные полки солдатского строя. 1656–1671 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Он же.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006; *Он же.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006.

[3] *Курбатов О. А.* Из истории военных реформ в России во 2-й пол. XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650–1660-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Он же.* Военная история русской Смуты начала XVII в. Изд. 2-е. М., 2014; *Он же.* Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017.

[4] *Бабулин И. Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009; *Он же.* Битва под Конотопом. 28 июня 1650 г. М., 2009; *Он же.* Борьба за Украину в гетманство Ивана Выговского: военные события 1658–1659 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; *Он же.* Каневская битва 16 июля 1662 г. М., 2015; *Он же.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015; *Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. СПб., 2011; *Пенской В. В.* Вооруженные силы России допетровской эпохи: традиции и новации. М., 2002; *Он же.* Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV–XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004; *Он же.* Русско-крымская война 1568–1574 гг. Белгород, 2009; *Он же.* От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород, 2014; *Он же.* «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017, и др.

тегические вопросы военной политики остаются в вéдении великого князя (по выражению Ю. Г. Алексеева, «верховное главнокомандование»), и в зависимости от них формируются несколько тактических направлений, в которых принимают участие отдельные полки, командующие которыми решают сугубо тактические вопросы на данном конкретном направлении военных действий.

В своей монографии Ю. Г. Алексеев специально оговорил использование таких терминов, как «главнокомандование», «верховное главнокомандование» и ряд других. Несмотря на это обстоятельство, некоторые историки рассматривают применение данных терминов в качестве недостатка работы. С ними нельзя согласиться. С одной стороны, если просмотреть новейшие работы историков, посвященные истории эпохи Ивана III, можно без труда обнаружить использование специальных терминов, либо же понятий, которые не обладают однозначностью, причем без всяких оговорок. Например, «аристократия», «элита», «суверенитет», «статус» и др. Действительно, что такое «статус»? Интуитивное понимание данного слова и четкое формулирование его смысла — далеко не одно и то же. Однако этот термин кажется очевидным, поскольку «в семантическом отношении не отделен резкой чертой от обыденного языка».[1]

С другой стороны, в исследованиях по военной истории Византии в новейшей специальной литературе также используются современные термины: например, «армейский корпус» (Army corps), «военный округ» (Military district). Сейчас у византинистов вполне считается возможным использовать и другие современные термины — «армия», «вооруженные силы», «формирование», «контингент» (недопустимым является только применение современной терминологии по отношению к титулам и должностям).[2]

Стоит напомнить, что гипертрофированное неприятие к использованию современных понятий приводит к необходимости говорить языком изучаемой эпохи. Что, в свою очередь, ведет к тому, что научное исследование вообще становится невозможным, поскольку лучший вариант при данном подходе — говорить языком источника и строго в его смысловых пределах.

Тем не менее, применение современного термина к реалиям прошлого является естественной исследовательской процедурой соотнесения тер-

---

[1] *Петров В. В.* Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982. С. 114.

[2] Об использовании этих терминов в европейской исторической науке см.: *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII — середине IX вв.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013. С. 22–25.

мина и его содержания к объективированному фрагменту исторической действительности. В методологическом плане, корректность подобной процедуры возможна при соблюдении нескольких условий. Первое — при раскрытии значения современного термина, т. е. если исследователь предварительно оговорил определение и объем понятия. Другое условие заключается в необходимости обозначить смысловую избыточность определения, т. е. указать в содержании те признаки, которые не отражают историческую реальность — объект понятия. Наконец, следует указать особенности, специфику прошлого, т. е. те признаки объекта понятия, которые не отмечены в содержании понятия.[1]

Итак, руководство действием военного отряда обозначено Юрием Георгиевичем как командование; общее руководство действием нескольких военных отрядов («полков») — главное командование; общее руководство действиями военных отрядов на разных оперативных направлениях (и в разных местах обширного государства) — верховное главнокомандование. Таковы основания использования Ю. Г. Алексеевым указанных терминов.

В книге впервые в историографии всесторонне разобраны все известные по источникам походы русских войск при Иване III. Автор подробно рассмотрел стратегические операции на всех основных направлениях: ливонском, литовском, восточном, южном, новгородском, балтийском и северном. Нередко великому князю и его воеводам приходилось решать сразу несколько важных задач на ряде направлений. В этих случаях создавались оперативные группы под командованием опытных военачальников. Успешное функционирование института верховного главнокомандования стало возможным благодаря созданию и развитию аппарата управления войсками. Следы деятельности такого аппарата отчетливо видны по разрядным записям, впервые появившимся в 1477 г.[2] Наряду с летописями, разряды стали основными документами историка. Среди источников исследования Ю. Г. Алексеева особое место занимает т. н. «походный дневник Ивана III», частично отразившийся в великокняжеском официальном летописании.

Не все походы великокняжеских войск при Иване III привлекали внимание исследователей. Одной из таких полузабытых в историографии военных операций 1460-х гг. был поход «на Черемису» и Пермь в 1462 г.

---

[1] См.: *Петров К. В.* Подлинное и мнимое: проблемы реконструкции прошлого в исторических исследованиях // Русское средневековье. Сб. статей в честь Ю. Г. Алексеева. С. 81–102.

[2] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 248 (здесь и далее указаны страницы наст. издания).

Ю. Г. Алексеев детально проследил путь судовой рати, сравнив поход с действиями русских войск на данном направлении в XIII — первой половине XV вв. Важную роль в этом походе, помимо отрядов служилых людей, играло земское ополчение Великого Устюга, Вологды и Галича. Успешный поход знаменовал собой «переход от стратегической обороны к стратегическому наступлению против Казанского ханства».[1] Поход русских воевод вызвал противодействие со стороны Казанского ханства, считавшего черемису своими союзниками. Важным представляется наблюдение Ю. Г. Алексеева о том, что события 1462 г. не нашли отражения в официальном московском летописании. Это привело ученого к выводу об отсутствии в то время в Москве единого ведомства, регистрирующего и координирующего действия русских войск.

Другая малоизвестная военная кампания Ивана III — конфликт 1463 г. между Псковом и католическим епископом Дерпта. Выступление объединенного московско-псковского войска заставило немцев пойти на переговоры о мире. Псков получил военную поддержку со стороны великокняжеского войска Ивана III. Поход 1463 г., носивший, с точки зрения стратегии, оборонительный характер, был важен в плане приобретения московскими воеводами опыта военных действий на западных рубежах Руси.[2] Ю. Г. Алексеев отметил различные стадии мобилизации псковичей, особенности действий главных сил Господина Пскова и псковских пригородов.

Походы на Казань русско-татарского войска под командованием царевича Касима и князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского в 1467–1468 гг. интересовали отечественных историков со времен Н. М. Карамзина. Целью похода было воцарение в Казани служилого царевича Касима при помощи опытного московского воеводы. Для отражения последующего контрудара казанцев были приняты меры по обороне русских городов. Отразив нападение казанцев, великий князь направил войска в двух направлениях: на север против черемисы и на восток — по Волге к Казани. Личного участия в походах Иван III не принял, а командование войсками осуществлял из своей ставки, рассылая указания воеводам. Еще одна особенность, подмеченная Ю. Г. Алексеевым, это действия русских войск сразу на двух направлениях, что подразумевало создание хотя бы минимального аппарата управления войсками при Иване III как главнокоман-

---

[1] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 42.

[2] Там же. С. 42–58.

дующем.[1] Важнейшей особенностью кампании было оставление главных сил русского войска в резерве, во Владимире. В целом, кампания 1468 г. окончилась неудачей, однако эти события, по мысли Ю. Г. Алексеева, надо понимать как «начало нового этапа военной истории России — переход от удельно-княжеского уровня управления и руководства войсками к уровню государственному, соответствующему новому политическому облику Русской земли, превращавшейся в единое Российское государство».[2]

Кампания 1469 г. — поход на Казань московской рати — началась с мобилизации служилого ополчения великого княжения Московского. Из источников нам опять видны действия сразу на нескольких направлениях. При этом отсутствие Ивана III в войске — явный показатель укрепления новой системы управления вооруженными силами страны. Великий князь вновь командует войсками из «Ставки», осуществляя общее руководство.[3]

В кампаниях 60-х гг. XV в. еще только намечаются контуры будущей военной организации Государства Всея Руси. Наряду с новым служилым войском, еще действовало старое земское ополчение, но уже под командованием великокняжеских воевод. Ю. Г. Алексеев смог определить состав этих двух главных частей русского войска. Так, у псковичей, действовавших в целом в русле старой, земской традиции, значительную роль начинало играть конное войско. При этом главным средством доставки пешего войска были парусно-гребные суда — «ушкуи» и «насады». Успехи русских войск в войне с Казанью дали возможность Ивану III вести военные действия на других направлениях.

Среди военных кампаний 1470-х гг. поход великокняжеского войска на Новгородскую землю в 1471 г. занимает особое место. Военные действия опять велись сразу на нескольких направлениях.[4] Помимо огромного политического значения похода 1471 г., Ю. Г. Алексеев отметил высокий уровень организации управления русского войска. Война с Новгородом показала действенность новой системы военного планирования и ведения боевых действий, когда все операции координируются из единого центра — великокняжеской Ставки.

В условиях постоянной угрозы войны, Иван III не прекращал отслеживать обстановку на различных направлениях. Так, в 1472 г. состоялся поход на Пермь. Главное новшество кампании 1472 г. — совместные действия

[1] Там же. С. 69.
[2] Там же. С. 86–87.
[3] Там же. С. 113.
[4] Там же. С. 121–170.

конницы и судовой рати. Конница впервые передвигалась по рекам на плотах, что обеспечило высокую маневренность русской рати.[1]

В 1472 г. хан Большой Орды Ахмат, собрав войско, двинулся на Русь. Подойдя к Алексину и разорив его, Ахмат был остановлен русскими войсками и повернул обратно в степи. Ю. Г. Алексеев рассмотрел состав русских сил, сосредоточенных на берегу Оки и далее действовавших против татар. Оборонительная операция русских войск на Оке привела к успеху и способствовала дальнейшему ослаблению зависимости от Орды.[2] Поход 1473 г. на помощь Пскову для устранения угрозы нападения немцев не был отражен в разрядных записях. Однако информация о нем имеется в русском летописании. Появление в Пскове московских войск заставило Орден пойти на мирные переговоры. Таким образом, действенная военная помощь со стороны великого князя еще больше втягивала Псков в орбиту московского влияния.[3]

Последний поход на Новгород Ивана III 1477 г. стал крупной наступательной операцией, закончившейся поражением и капитуляцией новгородцев. Войска великого князя шли на Новгород несколькими колоннами под командованием опытнейших воевод при отсутствии активного сопротивления противника. Поход закончился «тесной блокадой» Новгорода, что и привело к сдаче города после полуторамесячного сопротивления. Иван III, отказавшись от штурма города, проявил себя не только как выдающийся полководец, но и как мудрый политик. В итоге, кампания оказалась выигранной практически без потерь.[4]

События 1480 г. на Угре давно привлекали к себе внимание историков. Ю. Г. Алексеев выдвинул свою версию трактовки действий Ивана III как политика и полководца.[5] Кампания 1480 г. была насыщенной событиями: военные действия на ливонском направлении, мятеж удельных князей — братьев Ивана III, поход хана Ахмата на Русь. Нападение Ордена вынудило великого князя отправить отряды для отражения угрозы Пскову. Огромную опасность в условиях иноземного вторжения таили в себе действия удельных князей — Андрея «Большого» Углицкого и Бориса Волоцкого. Однако великому князю удалось договориться с братьями и сосредоточить основные силы против орды Ахмата. Развертывание главных сил Ивана III

[1] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 175.
[2] Там же. С. 175–213.
[3] Там же. С. 214.
[4] Та же. С. 238–242.
[5] Там же. С. 248–318.

на Оке заставило Ахмата в поисках обходных путей выдвинуть ордынскую рать к Угре. Важнейшую роль в обороне берега Угры сыграли меры, предпринятые великим князем: защита переправ, сожжение Каширы, эвакуация Дмитрова (и частично Москвы), подготовка городов к длительной осаде. Все это — результат учета всего предыдущего опыта ордынских нашествий на Русь.[1] Ахмат не решился продолжать попытки переправы через Угру, столкнувшись с главными силами русских войск и использованием ими полевой артиллерии, имевшей также, помимо боевого, и «значительный моральный эффект». Еще одна попытка переправы у Опакова городища также не принесла врагам успеха. Упустив инициативу, татары отошли от Угры, разоряя по пути литовские и русские земли. Так закончилась одна из самых важных отечественных военных кампаний.[2]

90-е гг. XV в. — время активных боевых действий на южном и западном направлениях. В 1491 г. состоялся поход против ханов Ахматовой Орды. Это был первый поход русских войск вглубь ордынских степей — «Дикого Поля», осуществленный в союзе с ханами Казани и Крыма. Литовская война 1492–1493 гг. привела к овладению частью верховских городов. По замечанию Ю. Г. Алексеева, все операции русско-литовского конфликта конца XV в. проводились по нескольким направлениям одновременно, что сводило к минимуму возможность эффективного контрудара литовцев. Русские войска достигли своей цели — предотвращения нападений литовских войск на русские сторожевые отряды, что давало возможность перейти и на западной границе от обороны к наступательной тактике.

Рассматривая историю Свейской войны 1495–1497 гг., ученый отметил в числе ее главных причин борьбу против монополии Ганзейского союза на мореплавание и торговлю в Балтийском море, а также невыполнение шведами условий Ореховецкого мира 1323 г. Выход к морю стал важнейшей целью похода Ивана III на Выборг.[3] Несмотря на неудачу, штурм Выборга сыграл важную роль в развитии отечественной осадной артиллерии, поскольку это первый пример для Руси использования крупнокалиберных орудий при осаде крепости. В ходе боевых действий значительное место заняли операции судовой рати.[4]

---

[1] Там же. С. 297–304.

[2] Там же. С. 295–296.

[3] Там же. С. 375. См. также: *Алексеев Ю. Г.* Первые шаги к морю // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: Сб. научных статей / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М., 2010. С. 9–11.

[4] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 406.

Успешный поход на северо-восток 1499 г. против «Югрич и Гогулич» привел к усилению влияния Русского государства за Уральским хребтом. Обращает на себя внимание подбор воевод для командования: все они были связаны с северными уездами и хорошо знали театр военных действий.[1] Исследуя походы русских войск XV — начала XVI вв., Ю. Г. Алексеев много внимания уделял персональному составу воевод Ивана III.[2] Это позволило ученому проследить динамику изменений в структуре управления войсками, выделить роды, участвовавшие в походах в рамках отдельных служилых корпораций или «специализировавшихся» на отдельных регионах.

Поводом для кампании 1500 г. стал переход из Литвы на русскую службу князей Василия Шемячича и Семена Можайского. Переход князей привел к военному столкновению с Литвой. Конфликт закончился битвой на Ведроше — полным поражением литовского войска под командованием гетмана князя Константина Острожского.[3]

Последние годы жизни великого князя Ивана III — время военных действий на нескольких операционных направлениях, главные из которых ливонское и литовское. Самые яркие страницы — борьба за Смоленск и оборона Пскова от немцев — были подробнейшим образом рассмотрены Ю. Г. Алексеевым. Один из главных выводов заключался в том, что продуманные политические и военные действия Ивана III, стратегические и тактические, привели к созданию государства, с интересами которого были вынуждены считаться все соседи.[4]

---

[1] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 408–409.

[2] *Он же.* Тверичи — воеводы Ивана III // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре» / Под ред. Ю. В. Кривошеева, В. М. Воробьева. Тверь, 2009. С. 86–97; *Он же.* Список воевод Ивана III // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Т. 6. Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С. 216–234.

[3] *Он же.* Походы русских войск при Иване III. С. 436–438.

[4] Другим подтверждением данного вывода служат работы М. Б. Бессудновой. Они выражают позицию другой стороны, в данном случае — Ливонского ордена. Как посмел Иван III менять «старину» в отношениях Новгорода и Ганзы?.. Конечно, с рациональной, европейской точки зрения, нарушение торговых выгод делало Ивана III врагом обеих сторон этих отношений. М. Б. Бессуднова, вслед за своими ливонскими источниками, считает, что «Иван III не делал особого различия между реальностью и иллюзией», чем «поражал приверженных казуистике европейцев, которые зачастую не понимали мотивы его поступков». Не понимая его рационально, они «перешли к эмоциональной рефлексии» — тезису о

Выводы, полученные Ю. Г. Алексеевым, вызвали необходимость рассмотреть вопросы военной организации и военного руководства на более широком историческом материале, в контексте развития государственности на территории Восточной Европы с «начального» периода (IX в.) до конца «старой эпохи» (XVII в.). Вполне понятно, что данная проблема имеет определенные ограничения источникового характер, поскольку ранний период русской истории может быть исследован на крайне ограниченном материале (летописи, акты, сведения нарративного содержания). Поэтому работа Юрия Георгиевича «Русское войско и военное искусство IX–XVII вв. Курс лекций» носит обобщающий характер. В ней в виде очерков намечены контуры тех процессов, которые были исследованы Ю. Г. Алексеевым в том числе и в работе о походах русских войск при Иване III.

С методологической точки зрения, Ю. Г. Алексеев сохраняет традиционный взгляд на военную историю: историю военной организации как социальной организации и историю военного искусства как практического использования «военной организации для решения конкретных политических задач». Военная история, с одной стороны, отражает уровень социального, экономического и технического развития государства, с другой стороны, является средством изучения достижения внешнеполитических результатов.

В истории отечественного военного искусства исследователь выделяет несколько этапов. Походы князей Олега и Игоря нам плохо известны в деталях, летописец передает лишь общие действия князей — грабительские походы, успех которых обеспечивается внезапностью нападения. Отсутствие достаточных сухопутных коммуникаций предопределяет широкое использование водных путей — т. н. «путь из варяг в греки».

Совершенно иной характер носят действия, предпринятые князем Святославом. Ю. Г. Алексеев видел значение балканских походов этого князя в выработке стратегии и тактики военно-политических решений. Впервые формирование расчлененного порядка войска в качестве способа управления военными силами, исходя из источников, использовал князь Мстислав против войск Ярослава Мудрого в битве у Листвена в 1024 г. Верши-

«русской угрозе». См.: *Бессуднова М. Б.* Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта: Автореф. ... докт. истор. наук. Липецк, 2015. С. 18. См. также: *Она же.* Магистр Ливонского ордена Вольтер фон Платтенберг и проблема преобразования Ливонского орденского государства на рубеже XV–XVI вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Она же.* Россия и Ливония в конце XV в. Истоки конфликта. М., 2015.

ной стратегического искусства в домонгольский период (так, как оно видится из летописных известий) является деятельность Владимира Мономаха — политическая целесообразность и использование военной силы для оптимального достижения цели. Однако в целом уровень социального и экономического развития предопределил уровень и особенности военного искусства той эпохи, результатом чего стало поражение военных отрядов русских князей в кампаниях 1237–1238 и 1240 гг.

Особое место в военной истории занимает личность Александра Невского. В нем сочетались качества военачальника-тактика и политика-стратега, «способность принимать наиболее целесообразное решение» в конкретной политической ситуации. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. «романтический невроз», охвативший российское общество, привел некоторых историков к выводу о необходимости переоценки роли Александра Невского. Однако следует признать, что подобная переоценка была преждевременной. Несмотря на тяжелую катастрофу, связанную с татаро-монгольским нашествием, традиционный уклад жизни людей сохранился, и определенные уроки были сделаны.[1] Более того, как установлено сейчас генетиками, период «ига» не оставил генетических следов в обществе.[2] Иначе говоря — татаро-монголы пришли и ушли, а рыцари никуда не уйдут. Думается, современники это отчетливо осознавали, не желая ассимилироваться и борясь за свою идентичность, а возможно, и за свое существование.[3]

Следующий этап охватывает XIV — первую половину XV вв. Сопутствующим фактором развития военного искусства на данном этапе стал

---

[1] См.: *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2001. С. 167–168; *Чернецов А. В.* К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII в.: древности «темного времени» / Отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов. М., 2003. С. 13; *Шполянский С. В.* Заселение водоразделов в Суздальском Ополье (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008. С. 157–170.

[2] Как пишут генетики, «мы не обнаруживаем никаких “монголоидных” влияний на русский генофонд — вопреки мифу о мощном влиянии “татаро-монгольского ига” на антропологический тип русского народа». См.: *Балановская Е. В., Балановский О. П.* Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. С. 72.

[3] Калининградские археологи (В. И. Кулаков и др.) исследуют «древности» пруссов — балтского народа, подвергшегося рыцарской христианизации, а лингвисты (В. В. Иванов и др.) изучают ныне «мертвый» прусский язык.

территориальный, политический и военный рост Великого княжества Литовского, самого сильного государства в данный период. Одновременно возникает практика военного сопротивления Орде. В этом отношении особое место занимает деятельность Дмитрия Донского. В результате его политики формируется практика заключения междукняжеских союзов в военных и других целях. Вероятно, существовавшая ранее практика заключения договоров князей внутри княжеских домов была использована в решении общих военно-политических проблем. Конечно, новые реалии не сразу прижились. Триумф 1380 г. сменился поражением. Как отмечал Ю. Г. Алексеев, показателем слабости военно-политического союза князей стала кампания 1382 г. (нашествие Тохтамыша). События первой половины XV в. показали, что сохранение в неизменном виде удельной системы в Московском великокняжеском доме не позволяет эффективно противостоять военному давлению соседей — Великого княжества Литовского и Казанского ханства. Катастрофа 1445 г. под Суздалем, в первую очередь, отражает недостатки политической системы. С 1459 г. начинает упоминаться «береговая служба» — это мероприятие, как полагал Ю. Г. Алексеев, стало главным итогом развития военного искусства и военной организации данного периода.

Основным содержанием следующего этапа — эпохи Ивана III — являлось, напомним, постепенное формирование института общего военно-политического руководства войсками на разных направлениях, т. е. того, что в работах Ю. Г. Алексеева обозначено в качестве «верховного главнокомандования». Вместе с этим, происходят изменения в структуре военной организации, и в 1490-х гг. пятиполковое деление войска становится почти постоянным. Одновременно в 1480-х гг. решается проблема обеспечения служилых людей, что позволило увеличить численность армии.[1]

XVI в. в военной истории России привел к значительным изменениям в военной организации — появляются артиллерия и стрелецкое войско, формируется система засечных укреплений. Вместе с тем, Ю. Г. Алексеев отмечал «низкий уровень управления войсками со стороны главного командования». Все успехи, достигнутые в Ливонской войне, были дезавуи-

---

[1] Почти единственным критическим замечанием по поводу книги Ю. Г. Алексеева о походах Ивана III, которое высказывалось в литературе, было преувеличение им численности войск для периода второй половины XV в. и более раннего времени. Отсюда следовало скептическое отношение по поводу тезиса автора о существовании структурного деления полков (см.: *Курбатов О. А.* О новой книге Ю. Г. Алексеева. С. 522–528).

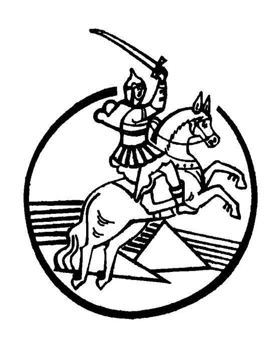
рованы основной причиной поражения — «неверным политическим расчетом, поставившим перед стратегией невыполнимую задачу».

Военная история XVII в. также принципиально отличается от предшествующей эпохи: создается целая система органов военного управления, военные округа («разряды»), творчески заимствуется передовой европейский опыт в военном деле.[1] Однако при этом «новины» сочетались с традиционными моделями организации армии и способами ее руководства. Иначе говоря, в облике XVII в. сосуществование и взаимодействие традиций и инноваций в равной степени характерны для военной истории данного периода.

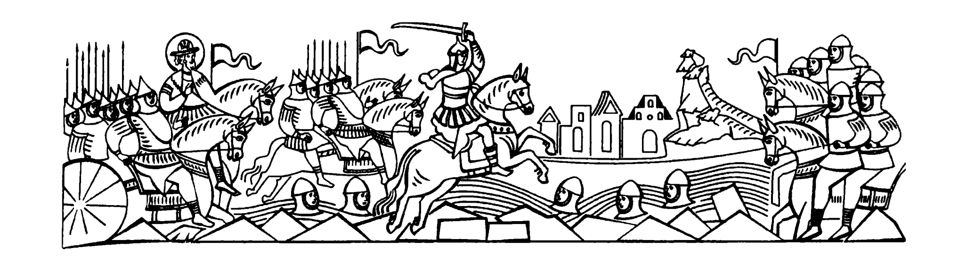
Настоящим томом открывается серия публикаций трудов Ю. Г. Алексеева — малая толика признания заслуг талантливого исследователя и яркого человека.

Общий именной и географический указатель будет дан в последнем выпуске трудов по российской истории Ю. Г. Алексеева, общее число которых на данный момент составляет пять объемных томов.

Петров К. В., Стрельников С. В., Штыков Н. В.



[1] Почему-то в историографии применительно к реформам (в том числе, военным) принято творческое заимствование считать непоследовательностью и незавершенностью.



ПОХОДЫ РУССКИХ ВОЙСК ПРИ ИВАНЕ III

Введение

Военные проблемы истории создания единого Российского государства при Иване III, в частности, боевая деятельность войск, почти не подвергались специальному исследованию.

Дореволюционная историография рассматривала эти проблемы в общем контексте истории России, не уделяя им специального внимания (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и др.). Исключение составляют труды Г. Ф. Карпова[1] и особенно А. Е. Преснякова,[2] в которых рассмотрено «Стояние на Угре» в 1480 г.

В советской историографии К. В. Базилевич в своей монографии, посвященной внешней политике Ивана III, исследовал такие проблемы, как «Стояние на Угре», Свейская война 1495–1497 гг., война с Литвой и Орденом 1500–1503 гг.[3] Н. А. Казакова в исследовании о русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях уделила внимание

---

[1] *Карпов Г Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. М., 1867

[2] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре//С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 280–290.

[3] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

войнам с Орденом в 1481 и 1501–1503 гг.[1] А. А. Зимин рассматривал события войны 1500–1503 гг.[2] Этой же войны коснулся и С. М. Каштанов.[3]

Военные историки уделяют эпохе Ивана III гораздо меньше внимания, чем, например, Куликовской битве или эпохе Ивана IV Н. С. Голицын ограничился общим обзором военных событий при Иване III, не подвергнув их специальному анализу.[4] А. К. Баиов, признавая в принципе важность изучения истории русского военного искусства, подверг специальному изучению только Шелонский поход 1471 г.[5]

В обобщающем труде Е. А. Разина прослежены некоторые вопросы: поход на Новгород в 1471 г. и Шелонская битва;[6] война с Литвой 1492–1493 гг.;[7] война 1500–1503 гг. с Литвой и Ливонией; битва на Ведроше и бой у оз. Смолина. Но такому событию, как победа («Стояние») на Угре, уделено всего несколько строк, а многолетняя война с Казанью и Свейская война 1495–1497 гг. не упомянуты вовсе.

В. В. Каргалов подробно рассмотрел «Стояние на Угре» и сделал ряд интересных наблюдений и выводов, но событий на других стратегических направлениях не затронул.[8]

В. А. Волков последовательно рассмотрел военные действия на всех направлениях, но только после 1480 г.[9]

В новейшем обобщающем труде Института Военной истории Министерства обороны РФ времени Ивана III посвящены три страницы, на которых дается общая характеристика стратегии Ивана III и упоми-

---

[1] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975 (далее — Казакова).

[2] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

[3] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1967.

[4] *Голицын Н. С.* Русская военная история. Ч. II. СПб., 1878. С. 67–95.

[5] *Баиов А. К.* Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля. Пг., 1915.

[6] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957 С. 312–318, 319–320, 320–325.

[7] Там же. С. 301.

[8] *Каргалов В. В.* На границе Руси стоять крепко! М., 1998.

[9] *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.

наются некоторые события (Ведроша, Угра), но без их конкретного анализа.[1]

Предлагаемая работа — попытка проследить реальный ход боевых действий, формы руководства войсками, основные стратегические идеи военно-политического руководства страны (т. е. верховного главнокомандования).

Основными источниками для поиска ответа на эти вопросы служат летописи и разрядные записи.

Летописный материал хорошо изучен в отечественной науке с источниковедческой, главным образом текстологической, точки зрения. Для предлагаемой работы наибольший интерес представляет не столько соотношение летописных текстов между собой, сколько их первоисточники. С этой точки зрения я пытался выделить первоисточники документального и нарративного характера, имея при этом в виду, что грань между ними в реальных текстах провести не всегда удается.

Разрядные записи также тщательно изучались и изучаются отечественными источниковедами. В работе использованы разрядные записи, дошедшие в составе опубликованных разрядных книг 1598 и 1605 гг.

На протяжении рассматриваемого хронологического периода круг источников постепенно расширяется, характер их меняется, меняется и соотношение между ними. Можно отметить, что все большую роль играют разрядные записи, которые все в большей мере влияют на летописные тексты. Уникальным источником является походный дневник великого князя, частично отразившийся в официозной великокняжеской летописи.

Изменение состава и характера источников само по себе является важным источником, свидетельством определенных исторических процессов, имеющих прямое отношение к рассматриваемым сюжетам. Анализ эволюции источников — основная источниковедческая проблема, стоящая перед автором предлагаемого исследования.

В силу специфики материалов и задач исследования, первоочередное внимание уделяется самому ходу боевых действий, т. е. конечному результату деятельности всей военной системы в целом. Анализ хода боевых действий может дать возможность проследить в какой-то

---

[1] История военной стратегии России / Под ред. генерал-майора В. А. Золотарева. М., 2000. С. 37–40.

мере нити управления, движущие пружины боевой деятельности, т. е. перейти от видимых следствий к невидимым причинам, от результатов — к порождающим их условиям. По мере развития корпуса источников эти возможности будут расширяться, но в любом случае наши построения и заключения будут с необходимостью носить в значительной мере характер более или менее правдоподобных гипотез, а не незыблемых истин в последней инстанции.

Тесная связь стратегии с политикой — общепринятая аксиома. Следствие этой неразрывной связи — сосредоточение политического и стратегического руководства в одних руках, что в той или иной форме наблюдается во всех больших войнах и фактически приводит к появлению института верховного командования.

В малых войнах Средневековья этот институт воплощается в лице князя, который является и политическим, и стратегическим, а также, как правило, и тактическим руководителем на поле боя.

По мере развития политической системы средневекового государства, роста государственной территории и масштабов военных действий неизбежно наступает момент, когда тактическое и стратегическое руководство разделяются. Вот здесь и появляется институт главного командования, несущего функции стратегического руководства вне поля сражения. При наличии нескольких стратегических направлений главное командование превращается в верховное командование, а соединяя в своем лице все функции политического и военного руководства — в верховное главнокомандование (ВГК). Как правило, эти функции осуществляет глава государства, при котором с необходимостью создается соответствующий аппарат управления.[1]

Представляется важным проследить, когда в процессе складывания Российского государства, идущего на смену великому княжеству Московскому, возникает это новое явление, означающее важный рубеж в развитии политической и военной системы нашей страны. Одна из главных задач предлагаемой работы — поиск ответа на этот вопрос.

Вопросы, не имеющие непосредственного отношения к походам русских войск, не являются предметом исследования в предлагаемой книге и затрагиваются в ней только по мере необходимости.

Вне рамок исследования остаются такие важные сюжеты, как развитие социально-экономической и социально-политической инфра-

[1] История военной стратегии России. С. 37.

структуры, эволюция военной техники, сравнительный анализ русского и западноевропейского военного искусства и т. п.

Глава 1

Походы 60-х годов

Поход 1462 г.

Поход 1462 г. «на Черемису» и Пермь был известен еще со времени опубликования Архангелогородского Летописца,[1] но внимания историков не привлекал.[2] На фоне позднейших крупных внешнеполитических и военных предприятий Ивана III он казался незначительным эпизодом, не вызывающим интереса. Однако в истории нет мелочей, которыми можно было бы пренебречь и которые не вписывались бы как необходимые элементы в общую канву исторического процесса.

Устюжская летопись под 1462 (6970) г., после рассказа о кончине и погребении великого князя Василия Васильевича,[3] сообщает: «Того же лета посылал князь великий Иван Васильевич рать на Черемису: воевод своих Бориса Кожанова да Бориса Слепаго. А с ними устюжане, да вологжане, да галичане. А шли воеводы мимо Устюга к Вятке, по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь. Того же лета рать

---

[1] Летопись, содержащая в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 гг., т. е. по кончину царя и великого князя Федора Иоанновича. М., 1781.

[2] Н. М. Карамзин поместил это известие в примечаниях к т. VI своей «Истории» без каких-либо комментариев (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VI. М., 1998. С. 228, прим. 15).

[3] ПСРЛ. Т. 37. С. 90. Этот рассказ включает оригинальное известие: «Сам великий князь Василей Васильевичь Темный созва всех князей именных, и боляр, и воевод, и боярских детей, и митрополита Феодосия, и благослови детей своих, и утвердив златопечатными граматами; и целовав великую княгиню и детей своих, и князей, и боляр, и от митрополита Феодосия прият благословение и прощение...». Этих слов нет в московских летописях, носящих официозный характер.

черемиская с татары казаньскими приходили на Устюжъский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много руских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь».[1]

Это — первое известие о военных событиях времени великокняжения Ивана III, и уже в этом смысле оно заслуживает внимания.

Прежде всего, необходимо установить степень достоверности рассказа Устюжской летописи. Рассказ уникален — никаких упоминаний об этих событиях в других летописях нет. Однако Типографская летопись под тем же годом отмечает: «Того же лета Иона, епископ Пермский, крести Великую Пермь и князи их, и церкви постави, и игумены, и попы».[2]

Это известие также уникально — его нет в московских летописях.

Известие Типографской летописи о крещении Великой Перми в какой-то мере связано по смыслу с сообщением Устюжской о походе великокняжеских воевод, что косвенно подтверждает правдоподобие обоих известий.

При оценке степени достоверности известия необходимо учитывать особенности Устюжской летописи. Она неоднократно подвергалась текстологическому изучению.[3] Новейший исследователь отметил, что она весьма своеобразна, не находит близких аналогий в других летописях и что одним из возможных ее источников был Северо-Русский (Кирилло-Белозерский) свод 70-х гг. XV в.[4]

Общерусские известия Устюжская летопись нередко дает в собственной редакции (что частично отмечено исследователями). Особое значение имеют собственные устюжские известия, отмечаемые с 1218 г. К их числу относятся и сообщения о походах устюжан, и, в частности, рассматриваемый нами текст 1462 г.

Известие 1462 г. содержит важные реалии.

Первая из них: «...посылал князь великий Иван Васильевич рать на Черемису воевод своих...».

---

[1] ПСРЛ. Т. 37. Список Мацеевича приводит это известие в сокращенном виде (см.: ПСРЛ. Т. 37 С. 46).

[2] Там же. Т. 24. С. 185.

[3] *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

[4] *Лурье Я. С.* Летопись Устюжская //Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 67.

Кто такие эти воеводы?

Имя Бориса Кожанова в других источниках пока обнаружить не удалось.[1] Предок Бориса Слепца — Захарий Тютчев — упоминается в Повести о Мамаевом побоище как «уноша от двора» великого князя и «доволен смыслом», отправленный на переговоры.[2] Сам Борис Слепец Матвеев сын Тютчева 10 ноября 1462 г. (вернувшись, очевидно, из похода) дал митрополиту Феодосию грамоту с обязательством не отчуждать пожалованные митрополитом зе́мли в Суздальском уезде.[3] В 1471 г. по приказу великого князя он ходил с вятчанами в поход на Двину и участвовал в битве с новгородцами в устье Шиленги,[4] в дальнейшем был наместником, или волостелем, у Большой Соли в Костромском уезде.[5] Таким образом, по крайней мере, один из воевод похода 1462 г. — представитель видного служилого рода, вероятно, связанный с Двором великого князя (в Тетради Дворовой XVI в. Тютчевы — дворовые дети боярские по Дмитрову, Кашину и Суздалю).[6]

Назначение такого воеводы — свидетельство серьезного внимания, уделяемого великим князем походу 1462 г. Поход «на Черемису» — акция великокняжеской власти, имеющая не частное, но государственное значение. С воеводами великого князя идут «устюжане, да вологжане, да галичане».

Походы устюжан упоминаются в летописях неоднократно. Первый такой поход отмечен под 1219 г.: «Князь великий Юрий Всеволодичь посла брата своего Святослава на безбожные Болгары... и братаничь его князь Васильке Константиновичь посла воеводу своего со своими Ростовцы и с Юстюжане в помощь... Святослав... ста на усть Камы, и ту прииде к нему Воислав Добрыничь и Ростовцы и Устюжане со

[1] Единственное исключение — упоминание в рязанском акте начала XVI в. какой-то княгини Василисы, «княже Борисовой Федорович Кожанова» (АСВР. Т. III. № 368. С. 389), но этот «князь» (если это не ошибка переписчика XVII в.) не может иметь отношения к летописному персонажу 1462 г.

[2] ПСРЛ. Т. 26. С. 129.

[3] АФЗХ. Ч. 1. № 160. С. 142.

[4] ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

[5] В 1485 г. «доложа Бориса Матфеевича Слепца... Матрена Сабурова дала в Троицкий Сергиев монастырь половину своей варници» (АСВР. Т. 1. № 515. С. 389–390).

[6] ТКДТ. С. 414.

множеством полона... те бо отпущены бяху преже еще вниз воевати по Каме...».[1]

Таким образом, в 1219 г. устюжане вместе с ростовцами идут в поход по призыву ростовского князя и с его воеводой во главе. Это речной, судовой поход.

В 1386 г. «устюжская рать» принимала участие в зимнем походе Дмитрия Донского на Новгород.[2] Это, очевидно, поход сухим путем.

В 1390 г. устюжане вместе с новгородцами «вышед в насадях и ушкуях» совершили поход на Болгар и взяли Жукотин.[3]

В 1401 г. устюжане по велению великого князя Василия Дмитриевича идут в поход на Двинскую землю,[4] тоже, очевидно, на судах.

В 1417 г. устюжане участвуют в походе воевод князя Юрия Дмитриевича (посланных по распоряжению великого князя) на Заволоцкую (т. е. Двинскую) землю.[5]

В 1425 г. устюжане «повоевали землю Заволоцкую».[6]

В 1459 г. устюжане идут в поход на Вятку с войсками великокняжеского воеводы князя И. Ю. Патрикеева.[7]

Летописные известия дают возможность установить две разновидности походов — с княжескими воеводами и без них. К первой разновидности относятся походы 1219, 1386, 1401, 1417, 1459 гг. Это походы, предпринимаемые по распоряжению княжеской власти. Ко второй — походы 1390 и 1425 гг.

В поход 1462 г., как и три года назад, устюжане идут во главе с воеводами великого князя, но не против русских людей — православных вятчан, а на иноплеменников — язычников.

Кто же такие эти «устюжане»?

Упоминаемый в летописи начала XIII в.[8] Устюг тянул сначала к Ростову, а с 60-х гг. XIV в. — к Москве. Несмотря на долголетнюю

---

[1] ПСРЛ. Т. 10. С. 83, 85.

[2] Там же. Т. 4. С. 345.

[3] Там же. Т. 28. С. 86.

[4] Там же. Т. 37. С. 81.

[5] Там же. Т. 4. С. 416; Т. 37. С. 83; Т. 26. С. 180.

[6] Там же. Т. 4. С. 432; Т. 37 С. 84.

[7] Там же. Т. 37 С. 90.

[8] *Давыдов В. Н.* Присоединение Коми-края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977 (далее — Давыдов). С. 21. В Вологодской-Вымской летописи под 1212 г. говорится о закладе града и детинца князем Константином Все-

связь с княжескими центрами, военно-служилое землевладение на Устюге, видимо, не сложилось. Одной из причин этого были, вероятно, природные условия лесистого края, малопригодные для развития пашенного хозяйства.[1] Основную роль в Устюжском крае играло, по-видимому, промыслово-охотничье хозяйство, что консервировало старинные общинные отношения.

Устюг никогда не был самостоятельным княжеским центром. Феодальное землевладение на Устюге в источниках почти не упоминается. В своих духовных грамотах великий князь Василий Дмитриевич говорил о селах и деревнях, приобретенных в непосредственной близости от Устюга.[2] Прежние владельцы этих сел — боярин Федор Свибло и служилые люди Тутолмины, владевшие землями в Переяславском уезде и Пошехонье.[3]

Великий князь Василий Васильевич завещает своей вдове к ее куплям Левонтьевскому, Пятницкому и Вондокурье «свои села» Машенское и Дымкову сторону с «присельем». Судя по карте, Пятницкое поселение на Сухоне — в непосредственной близости от Устюга, Вондокурье — тоже на Сухоне, примерно в 40 км ниже Устюга. По-видимому, это приречные промысловые села, ставшие дворцовыми землями. О служилых людях, устюжанах, сведений в источниках нет: ни в разрядах, ни в летописях. Можно сделать вывод, что сколько-нибудь значительного служилого землевладения на Устюге не было. О характере тамошней местности говорит более поздняя (1517 г.) жалованная грамота великого князя Василия Ивановича троим братьям Лукиным и Ромашке Фролову на «лес дикий старый, липовое раменье "в Вондокурской волости с правом" лес сечь, и дворы ставить».[4]

Однако сами «устюжане» как таковые проявляют большую активность. Об этом свидетельствуют как местные, так и общерусские ле-

---

володовичем (см.: *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись//Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова/Ред. В. А. Александров и др. М., 1967).

[1] По словам С. Герберштейна, хлеб здесь редок, «его почти нет» (см.: *Герберштейн С.* Записки о Московии/Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988 (далее — Герберштейн). С. 155).

[2] ДДГ. № 21. С. 58.

[3] Там же. № 61. С. 196.

[4] ААЭ. Т. 1. № 163.

тописи. Так, Устюжская летопись под 1262 г. упоминает вече, на котором устюжанам «добил челом» ясащик Буга, которому угрожала расправа.[1] Легендарные детали известия не исключают достоверности основного факта — дееспособности и активности устюжской вечевой общины. Когда в 1398 г. на Устюг напали новгородцы, осадили город и потребовали откупа — «копейщины», они имели дело с «устюжанами», а не с княжеской администрацией. В апреле 1446 г. Устюг подвергается нападению казанских татар — устюжане опять отбиваются самостоятельно, без участия княжеских воевод (во всяком случае, последние не упоминаются, что может свидетельствовать об их отсутствии или незначительной роли в обороне города).[2] Устюжане были втянуты и в межкняжеские усобицы. Они оборонялись в 1435 г.[3] от Василия Косого, но против Шемяки в 1450 г. «щита не держали».[4]

Все это свидетельствует о большой жизнеспособности и активности устюжской городской общины. Именно она, по-видимому, была инициатором тех походов устюжан, в которых не упоминаются княжеские воеводы, а в походах княжеских воевод она становилась организатором земского ополчения. Итак, «устюжане» похода 1462 г. — это, скорее всего, земские люди, поднятые по призыву великого князя.

Вторым контингентом, идущим в поход 1462 г., являются «вологжане». Как и Устюг, Вологда не имела собственной княжеской традиции. Еще во второй четверти XV в. она была пограничным спорным пунктом между Новгородом и великокняжескими землями. Первым вологодским князем был Василий Васильевич в короткий период 1446–1447 гг., до своего возвращения на великокняжеский стол. Второй раз Вологда получила своего князя в лице Андрея Меньшого по духовной грамоте великого князя Василия Васильевича в 1462 г.[5] Еще несовершеннолетний (10 лет) князь, по-видимому, не поселился сразу в Вологде, так как никаких признаков его деятельности до конца 60-х гг. нет. Как нет и признаков сколько-нибудь заметного атрибута княжеской власти — служилого землевладения в Вологодском уезде; вероятно, оно стало появляться только при князе Андрее. В своей духовной

[1] ПСРЛ. Т. 37 С. 70.
[2] Там же. С. 87–88.
[3] Там же. Т. 26. С. 191.
[4] Там же. Т. 37 С. 88.
[5] ДДГ. № 61. С. 196.

(1481 г.) он упоминает «села и деревни за моими детьми боярскими с моим серебром...». Такая формулировка свидетельствует, на мой взгляд, о начальной стадии оформления служилой вотчины, — она еще не полностью отпочковалась от земель, тянущих непосредственно к князю. Однако служилое землевладение в Вологодском уезде не укоренилось: дети боярские с Вологды в XV в. не известны ни летописям, ни разрядам.

Немногочисленный сохранившийся акто́вый материал не содержит почти никаких сведений о местных светских вотчинниках. Дошедшие до нас монастырские акты говорят о землях и пустошах, затерянных в лесу,[1] и оставляют впечатление малолюдности уезда.

В отличие от светских вотчин, черная волость на Вологодской земле довольно ясно просматривается в источниках. Так, первый и единственный реальный вологодский князь Андрей в своей духовной отказал в Троицкий Сергиев монастырь 40 черных деревень Сямской волости.[2] Представляет интерес и более поздний (1495 г.) акт, говорящий о должностных лицах черной волости: во главе ее стоят сотский и «люди добрые городские».[3] Отсутствие развитой системы служилого землевладения на Вологодской земле дает основание предположить, что «вологжане» летописного известия 1462 г. — это, как и «устюжане», в первую очередь, мобилизованные земские люди, что не исключает, однако, возможности присутствия среди них и служилых людей.

Третий контингент похода 1462 г. — «галичане».

В отличие от Устюга и Вологды, Галич — старинный княжеский центр. Первое упоминание о Галиче в летописи относится к 1238 г. и связано с походом Батыя, когда татары после взятия Владимира разделились на отряды, «пленили землю и даже до Галича Мерьского».[4] Упоминание о Галиче в одном контексте с Ростовом, Ярославлем и Городцом на Волге свидетельствует, что Галич рассматривался как важный по значению город Русской земли, независимо от того, тянул ли он к Ростову или непосредственно к стольному городу Владимиру. С другой стороны, в известии о большом походе 1219 г. на волжских

[1] Напр., духовная грамота Дионисия Глушицкого (АСВР. Т. III. № 252. С. 273–274).

[2] ДДГ. № 74. С. 276–277

[3] АСВР. Т. III. № 275. С. 289.

[4] ПСРЛ. Т. 1. С. 464; Т. 10. С. 109; Т. 26. С. 73.

болгар, в котором приняли участие ростовцы и угличане, о галичанах не говорится,[1] — видимо, он еще не имел своей достаточно сложившейся городской общины.

По мнению исследователей, первым князем Галича был Константин Ярославич — сын Ярослава Всеволодовича, получивший этот город от своего дяди, Святослава Всеволодовича, в 1247 г.[2] Следует отметить, что летописи об этом ничего не говорят. В 1255 г. отмечается смерть князя Константина Ярославича, брата Александра Невского: в Никоновский летописи он назван князем Углицким,[3] в Тверском сборнике — князем Галицким.[4] Во всяком случае, несомненным галицким князем был Давид Константинович: в 1278 г. он пировал на свадьбе князя Михаила Ростовского, а под 1280 г. Никоновская летопись сообщает, что «преставися князь великий Давид Константинович Галичский и Дмитровский».[5] Таким образом, во второй половине XIII в. Галич был центром княжеской волости, и в нем могли формироваться элементы служилого землевладения.

Перелом в судьбах Галичского княжения произошел в 1362 г., когда, по словам Никоновский летописи, «князь великий Дмитрий Иванович съгна с Галичского княжения князя Дмитрия Галичского».[6] Это был, очевидно, Дмитрий Борисович, который незадолго до этого (1360 г.) был «от царя пожалован на княжение в Галич».[7] В истории Галичской земли начался новый этап — включение в обновленное великое княжение с фактическим центром в Москве. При великом князе Дмитрии Галич, по-видимому, непосредственно подчинялся Москве, и великий князь распоряжался в нем, как в своей вотчине.[8] В 1386 г. «галичская рать» упомянута в походе Дмитрия Донского на Новгород Великий.[9]

---

[1] ПСРЛ. Т. 10. С. 83.

[2] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891. Т. II. С. 208; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 116.

[3] ПСРЛ. Т. 10. С. 140.

[4] Там же. Т. 15. С. 398.

[5] Там же. Т. 10. С. 155–157.

[6] Там же. Т. 11. С. 2.

[7] Там же. Т. 10. С. 232; *Экземплярский А. В.* Указ. соч. С. 218 – 219.

[8] В 1378 г. митрополита Пимена, отвергнутого великим князем, «поведоша... в заточенье... в Галич, а из Галича на Чюхлому» (ПСРЛ. Т. 11. С. 41).

[9] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 345.

По духовной Донского Галич достался князю Юрию Дмитриевичу,[1] «а преже было Галичское княжение великое».[2] Термин «великий» по отношению к галичскому князю появляется уже в 1280 г., когда «преставился князь великий Давид Константинович». Во всяком случае, к концу XIV в. в Галиче была уже старая, пережившая несколько поколений княжеская традиция, и, надо полагать, один из основных атрибутов ее — служилое землевладение.

Оказавшись под властью князя Юрия Дмитриевича, Галич был втянут в его активную военно-политическую деятельность. Так, по словам Устюжской летописи, в 1417 г. галичане ходили с воеводами князя Юрия в поход на Двину.[3] Судя по характеру речного похода (судовая рать), можно думать, что участие в нем принимало пешее земское ополчение.

Имея важное стратегическое значение — прикрытие центра Русской земли с севера и северо-востока, — Галич не раз подвергался нашествиям. В 1398 г. во время большого «размирья» с великим князем Василием Дмитриевичем новгородцы захватили Устюг, «а оттуда послаша в Галич и повоеваша плениша около Галича».[4] В 1408 г. до Галича докатилась волна нашествия Едигея.[5]

В декабре 1428 г. к Галичу «приходиша Татаровя безвестно и стоя» в Галиче месяц.[6] Это долгое стояние объясняется тем, что татары «града не взяша»[7] — город смог отбиться от противника.

Во время княжеской смуты Галич был главной опорой князя Юрия Дмитриевича и его сыновей. Именно в Галич удалился из Звенигорода князь Юрий в марте 1425 г., начиная борьбу за великокняжеский стол. Здесь, в Галиче, и разыгрался один из самых любопытных и красочных эпизодов начального периода княжеской смуты.

Когда в июне 1425 г. митрополит Фотий по просьбе великого князя Василия Васильевича «поиде в Галичь» на переговоры, «князь Юрий

---

[1] ДДГ. № 12. С. 34.

[2] ПСРЛ. Т. 11. С. 114. Ср.: «...иже николи же было княжение Галичское» (Там же. Т. 26. С. 159–160).

[3] Там же. Т. 37. С. 83.

[4] Там же. Т. 11. С. 170.

[5] Там же. Т. 26. С. 177

[6] Там же. Т. 12. С. 8.

[7] Там же. Т. 26. С. 186.

Дмитриевич слышав то, и собра всю отчину свою, и срете его с детми своими и с бояры и с лутчими людми своими. А чернь всю собрав из градов, и властей, и сел, и из деревевь, а бысть их многое множество, и постави их по горе от града с приезда митрополича, сказывая и являя ему многих людей». Митрополит, по словам летописца, отнесся к этой демонстрации иронически («сыне князь Юрьи не видах столько народа во овчиих шерстях»). Тем не менее, этот эпизод заслуживает внимания. Выступая претендентом на великокняжеский стол, князь Юрий хотел показать митрополиту всю мощь своего княжества. Кроме сыновей князя и бояр, здесь были «лутчие люди» — надо полагать, наиболее авторитетные представители городской общины.

Особый интерес вызывает мобилизация «черни», т. е. земского ополчения. Одетое в простые «овечьи шерсти», оно представляло собой внушительное зрелище и свидетельствовало о большом удельном весе в войсках галичского князя и немалом значении в его глазах. Несмотря на то, что у князя Юрия были бояре и, несомненно, служилые землевладельцы низшего ранга («слуги вольные», будущие «дети боярские» княжеских докончаний), он отнюдь не пренебрегал земским ополчением, собирая его «из градов» и волостей, сел и деревень. В этом сказалась древняя домонгольская традиция: князья шли в походы не только с дружиной, но и с «ратью» — земским ополчением. Оно составляло в основном пехоту. Так, например, перед Липицкой битвой суздальские князья провели мобилизацию сельского населения: «бяше бо погнано из поселий и до пешцев», «бяше бо много собрано и поселян пешцев».[1]

Галичане принимали активное участие в боевых действиях на стороне своих князей. В 1433 г. они, сражаясь против войск великого князя, разбили великокняжеского воеводу князя Юрия Патрикеевича в бою на реке Куси.[2]

В 1434 г. великий князь пошел к Галичу ратью и город «взя и сожже».[3] Укрепления города были, видимо, разрушены, и на какое-то время Галич перестал быть надежным опорным пунктом мятежных князей. Так, в 1436 г. князь Василий Косой не смог удержаться в Галиче.[4] После потери Москвы в 1447 г. Шемяка и Иван Можайский

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 61; Т. 10. С. 70.
[2] Там же. Т. 28. С. 100; Т. 37. С. 85.
[3] Там же. Т. 12. С. 19.
[4] Там же. С. 21.

«побежаша к Галичю», но в нем не задержались и побежали дальше в Чухлому.[1] Но укрепления были восстановлены, и Галич снова превратился в грозную крепость. Об этом свидетельствует летописное известие 1450 г. «О бою под Галичем»,[2] которое заслуживает более подробного рассмотрения. Оно помещается во всех летописях великокняжеского цикла в одной и той же явно официозной редакции и с подробностями документального характера.

Великий князь Василий совершил зимний поход в поисках Шемяки. Думая, что он в Вологде, великий князь пошел вверх по Обноре (правый приток Костромы), но, узнав, что Шемяка «опять воротился к Галичю», двинулся «Обнорою на низ, да Костромою вверх». Став у Железного Борка в монастыре Иоанна Предтечи на Тебзе, левом притоке Костромы, примерно в 15 верстах на юго-запад от Галича, он, «слышав, что князь Дмитрий в Галиче, а людей около его много, а город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам пред городом стоит со всею силою». К Галичу двинулись великокняжеские войска во главе с воеводой князем Василием Ивановичем Оболенским. 27 января войска подошли к Галичу, «а князь Дмитрий таки стояша на горе со всею силою, не поступи ни с места». Укрепления Галича, расположенные на горе над озером, были обойдены со стороны озера. Войска, видимо, использовали овраги для маскировки своего движения («опасался, понеже бо гора крута»). «Выправяся из тех врагов, войска взыдоша на гору... Бысть сеча зла... Поможе Бог великому князю: многих избиша, а лучших всех изымаша рукама». Конница Шемяки была разбита, «а пешую рать мало не всю избиша».

Представляется важным различие «лучших» и «пеших» людей. Пешая рать — те самые земские ополченцы «в овечьих шерстях», которых князь Юрий Дмитриевич продемонстрировал митрополиту Фотию. В войсках галицких князей пешая земская рать, наряду со служилыми людьми, была существенным компонентом — признак, напомним, важного значения общинной организации.

Но в 1450 г. с особностью Галичской земли было покончено. С приходом великого князя Василия в Галич «граждане... предашася ему; он же, град омирив и наместники свои посажав по всей отчине той». Когда на Масленой неделе (15 февраля) великий князь возвратился в

[1] Там же. С. 73.

[2] Там же. Т. 25. С. 270–271.

столицу, Галичская земля была уже неотъемлемой частью великого княжения, тянущей непосредственно к Москве.

После взятия Галича в 1450 г. и бегства Шемяки нет известий о каких-либо антивеликокняжеских выступлениях на Галичской земле.

В 1462 г. галичане впервые идут под знаменами великого князя. За 10–12 лет на Галичской земле произошла, очевидно, перестройка военно-служилой системы. Эта система была ориентирована теперь на великого князя: служилые люди Галичской земли, еще вчера поддерживавшие Шемяку, теперь либо целовали крест великому князю, либо лишились своих земель, уступив место сторонникам Москвы. В Галичской земле, надо полагать, произошел примерно такой же пересмотр служилых отношений, какой позднее — уже при великом князе Иване Васильевиче — наместник князь Иван Васильевич Стрига Оболенский проделал в Ярославской.[1] Переориентация на Москву произошла, видимо, и у земских людей Галича: пешие земские люди «в овечьих шерстях» — наиболее подходящий контингент для дальних походов на речных судах. Именно такие люди, вероятнее всего, и идут в поход 1462 г.

Таким образом, поход 1462 г. в изображении Устюжской летописи — это поход, прежде всего, земского ополчения северных городов с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя. Как и другие походы на севере России, поход 1462 г. совершается по рекам.

На севере России, покрытом густыми лесами, реки служили основным путем передвижения людей и грузов. По рекам ходили и княжеские судовые рати — знаменитый поход Олега на Киев в 882 г. был совершен именно по рекам. Передвижение в речных судах предполагало наличие пехоты (пешей рати) как основного рода войск в данном походе.

Так, в походе 1219 г. на волжских и камских болгар русские лодьи, совершив маневр по рекам, подошли к болгарскому городу Ошел и здесь «изыдоша из лодьи все полци пеши»[2] (в дальних походах лодьи служили транспортным средством для перевозки пеших полков). Судовая рать — это, по существу, пешая рать.

Тип гребных судов, совершавших походы, летописи называют поразному. Наиболее популярными типами речных судов были лодьи,

[1] ПСРЛ. Т. 23. С. 158.
[2] Там же. Т. 1. Стб. 444.

насады и ушкуи. Чем отличались они друг от друга, в настоящее время сказать трудно, и сами летописи их иногда путают.[1] Устюжская летопись чаще всего говорит о насадах. Так, в 1375 г. новгородцы во главе с Прокопием прошли в насадах Костромою «на Низ» (т. е. на Волгу)[2] (Московская летопись называет эти суда ушкуями);[3] в 1398 г. новгородцы напали на Устюг, придя в насадах;[4] в насадах пришел на Устюг в 1450 г. и Шемяка.[5]

Насад — судно достаточно легкое, удобное для переноски волоком. Например, когда в 1446 г. на Устюг напали казанские татары, они при штурме города несли насады на головах, прикрываясь от стрел и камней защитников города.[6] Именно такие суда были наиболее удобны для плавания по рекам с их перекатами и особенно для переноски волоком.

В отличие от Устюжской летописи, Московская отличает насады от ушкуев. Так, в 1391 г. новгородцы и устюжане совершили поход по Вятке в Волгу в ушкуях и насадах;[7] в 1393 г. новгородцы «во многих насадах и ушкуях взяша град Устюг».[8] Тем не менее, между насадом и ушкуем большой разницы, видимо, не было: в обоих случаях это гребное (возможно, парусно-гребое) судно, пригодное для переноски волоком.

В 1947 г. на Ярославовом дворище в Новгороде на раскопках были обнаружены остатки такого судна. Его длина — 12–14 м, ширина 2,5 м, осадка — 40–60 см.[9] Судно имело набойную конструкцию, т. е. борта его состояли из скрепленных между собой горизонтальных поясьев. По оценке специалистов, такое судно вмещало до 30 человек.[10]

---

[1] Так, в 1183 г. «пришед в землю Болгарскую», русские «выседя из насад на брег. Болгаре же поидоша... к лодиям» русских (Там же. Т. 25. С. 90). В глазах летописца XV в. между насадом и лодьей не было разницы.

[2] Там же. Т. 37 С. 75.

[3] Там же. Т. 25. С. 191.

[4] Там же. Т. 37. С. 80.

[5] Там же. С. 88.

[6] Там же. С. 87

[7] Там же. Т. 25. С. 219.

[8] Там же. С. 220. Этого известия, как и предыдущего, в Устюжской летописи нет.

[9] История отечественного судостроения. Т. 1. СПб., 1994. С. 22.

[10] Там же. См. также: *Нефедов А. С.* Северное русское морское судостроение и мореходство в XIV–XVII вв. и его вклад в строительство и становление Балтийского флота и Санкт-Петербурга. СПб., 1995. С. 14.

Это соответствует летописным данным: в 1375 г. 70 новгородских ушкуев (по устюжской терминологии — насадов), напавших на Кострому, имели на борту 2 тыс. человек.[1] Надо полагать, что большой поход 1462 г. был совершен на судах примерно такого типа.

В 1462 г. вологжане шли, видимо, по Сухоне вниз, до Устюга; галичане — вверх по Костроме и волоком в Сухону. От Устюга на Вятку соединенное войско могло двигаться вверх по Югу, а далее волоком в Молому и вниз по Моломе до самой реки Вятки. Дойдя до впадения Вятки в Каму, судовая рать повернула к северу и пошла по Каме вверх. Конечный пункт похода не известен, но, очевидно, обратный путь должен был совершаться по тому же маршруту: Кама — Вятка — Молома — Юг — Сухона. За один поход было пройдено не менее тысячи верст, причем половина их — вверх по течению с преодолением волоков, хотя и сравнительно небольших.

Судовая рать шла «на Черемису», а потом на Великую Пермь. Черемисы были известны устюжскому летописцу только в числе союзников Мамая в битве на Куликовом поле.[2] Другие летописи об участии черемисов в походе Мамая не говорят, и черемисы в них вообще не упоминаются вплоть до последних десятилетий XV в. По словам Герберштейна, черемисы «всюду бродяжничают и грабят между Галичем и Вяткой».[3] Такими представлялись черемисы собеседникам Герберштейна.

Пермская земля упоминается в летописи как объект миссионерской деятельности: в 1383 г. здесь была основана епископская кафедра в Усть-Выми (первым епископом был св. Стефан).[4] По-видимому, к этому времени южная часть Пермской земли, Вычегодская Пермь, уже входила в орбиту влияния московских князей.[5] В 1455 г. очередной Пермский епископ Питирим был убит «от безбожных вогулич».[6]

Так называемая Вычегодско-Вымская летопись, обнаруженная в церкви Благовещения в Усть-Выми и опубликованная в 1955 г., говорит об этом событии гораздо подробнее: епископ Питирим, который

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 191.
[2] Там же. Т. 37. С. 76.
[3] Герберштейн. С. 162.
[4] ПСРЛ. Т. 25. С. 211.
[5] Давыдов. С. 17–18.
[6] ПСРЛ. Т. 25. С. 273.

в 1444 г. крестил местных удельных князей, был убит вогулами на пути из Чердыни в свою резиденцию Усть-Вымь.[1] Во всяком случае, события 1455 г. свидетельствуют о напряженном положении в Вычегодском крае и могут рассматриваться как один из поводов для похода 1462 г.

Некоторое время, по-видимому, в Пермской земле не было епископа: он не упоминается в 1461 г. в числе иерархов, бывших на поставлении митрополита Феодосия.[2] Под 1462 г. Типографская летопись сообщает об активной церковно-строительной деятельности нового епископа Ионы.[3] С этой деятельностью, как мы уже отмечали, может быть связан и поход 1462 г. — это первый поход русских войск в Пермскую землю.

Поход 1462 г. вызвал активное противодействие Казани и ее союзников. «Того же лета рать черемисская с татары казанскими приходили на Устюжский уезд верх по Югу реки на волость на Лоху повоевали и в полон повели многих руских голов...».[4]

Казанские татары нападали на Устюг и раньше. Устюжская летопись сообщает о набеге 1446 г., когда «на сам Велик день [17 апреля] приходили татарове казаньские ратью на Устюг, стояли под городом 3 дни... и зажгли город». Но «по Божий милости огнь угасиша, а татар от города отбиша», хотя пришлось дать откуп («копейщину») 11 000 денег со всякой рухлядью. По словам летописца, татар было всего 700 человек, но все отборные воины — «царев двор». На обратном пути, идя вверх по Югу и по Ветлуге на плотах, почти все они «истонули», так что до Казани добралось только 40 человек.[5]

Черемисы жили в бассейне Ветлуги, и им легко было, идя вниз по Югу, вторгнуться в Устюжскую землю. Нападение 1462 г. было, по-видимому, не только грабительской, но и военно-политической акцией. Оно сопровождалось захватом полона. Воеводы великого князя в этом контексте не упоминаются; их, видимо, на Устюге уже не было. «Устюжане» сами отправились в погоню за своими противниками и, «сугнав их», «отполонили» весь полон. В этой акции устюжан есте-

[1] Давыдов. С. 29.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 277
[3] Там же. Т. 24. С. 185.
[4] Там же. Т. 37 С. 90.
[5] Там же. С. 87–88.

ственнее всего видеть действия земских людей, поднявшихся для своей защиты самостоятельно, без княжеских воевод.

Итак, события 1462 г., изложенные Устюжской летописью, имеют определенное внешнеполитическое и военно-историческое значение.

В восточной политике нового великого князя был сделан первый шаг — он означал переход от стратегической обороны к стратегическому наступлению против Казанского ханства, движение на северо-восточном направлении в сторону Предуралья. Основным инструментом этой политики стала судовая рать — земско-служилое ополчение северных городов во главе с воеводами великого князя. Оно впервые совершило столь дальний поход стратегического масштаба, выйдя за пределы Русской земли.

Почему же известие об этом походе не отразилось в общерусском (московском великокняжеском) летописании? Можно предполагать, что в начале 60-х гг. еще не существовало ведомства, регистрирующего все походы великокняжеских воевод. Поэтому великокняжеский летописец не отметил ни события 1462 г., ни достаточно важные и крупные по масштабам походы последующих лет — вплоть до 1467 г., до начала большой войны с Казанью («Первая Казань»).

Отсутствие официальных известий о военных событиях 1462 г. и последующих лет само по себе может рассматриваться как важный источник, характеризующий уровень организации руководства военной деятельностью великого княжества Московского.

Поход 1462 г. отражает устоявшуюся военную систему. Элементов нового не видно, и, может быть, это главная черта первого похода войск Ивана III. Новая стратегия использует старую военную систему.

Кампания 1463 г. на псковско-ливонском рубеже

События весны-лета 1463 г. на псковско-ливонской границе не привлекают внимания отечественных исследователей. Н. А. Казакова[1] посвятила им всего несколько строк, К. В. Базилевич о них не упомянул вовсе.

[1] Казакова. С. 133–134.

Такое отношение к событиям 1463 г. объясняется их фактически небольшим масштабом — они носили характер очередного пограничного конфликта между Псковом и епископом Дерптским. Тем не менее, в контексте истории первых лет великого княжения Ивана III события марта-июля 1463 г. представляют определенный интерес.

Единственным русским источником для изучения этих событий являются псковские летописи. Описание конфликта с Дерптским епископом содержится в этих летописях в двух основных вариантах — кратком и пространном.

Краткий вариант приводится в Синодальном списке (по определению А. Н. Насонова, Псковская II летопись). Пространный вариант — в Тихановском списке (Псковская I летопись) и Строевском (Псковская III летопись). Все три рассказа не противоречат друг другу, приводят события в одной и той же последовательности и отличаются только в подробностях и деталях. Видимо, они восходят к одному первоначальному тексту, который в Строевском списке передан полнее, чем в Тихановском, а в Синодальный вошел в сокращенном виде. Общая основа всех трех рассказов содержалась, вероятно, в предполагаемом А. Н. Насоновым общем протографе псковских летописных сводов.[1] В основу дальнейшего изложения будет положен текст Строевского списка (в необходимых случаях с указанием разночтений).

В 6970 (1461 / 1462 г.) «заложиша Псковичи новый городок на обидном месте, на Великом озере, при князе Псковском Володимере Ондреевиче... того же лета и свершиша его, и церковь поставиша в нем святого Архаггела Михаила и освящаша».[2]

Новый городок (известный позднее под названием Кобылин) со своей церковью был построен на спорном с немцами месте. Произошло это не позже лета 1462 г., так как «тое же осени месяца сентября выгнаша псковичи князя Володимера», и он «поеха на Москву к великому князю Ивану Васильевичю жалиться на псковичей».[3]

Независимо от причины и повода изгнания наместника (по словам Строевского списка, «он приеха не по псковской старине, псковичи не зван, а на народ не благ»;[4] по словам Тихановского списка, «иные

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1 (далее — ПЛ. I). Стемма на с. LXIII.

[2] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2 (далее — ПЛ. II). С. 150.

[3] Там же.

[4] Там же.

невегласы псковичи злые люди, сопхнувше его степени»),[1] сам факт его изгнания весьма осложнял отношения «Господина Пскова» с великим князем. Псковичи это сознавали.

Записи за 6970 г. кончаются рассказом об изгнании князя, а новое лето 6971 г. открывается сообщением о поездке псковских послов «к князю великому... просити князя во Псков». Изгнание наместника никак не должно было перерасти в конфликт с самим великим князем.

Тем не менее, изгнание великокняжеского наместника не могло не стать известным псковским соседям.

«Того же лета немцы-юрьевцы посла псковского Кондрата сотского и гостя псковского всадиша в погреб». В свою очередь, псковичи «немецкого гостя посадиша в погреб». Все это происходило без формального объявления войны — «на миру и на крестном целовании».[2]

Не исключено, что именно ослабление связей с Москвой, наряду с постройкой городка на «обидном месте», подтолкнула немцев-юрьевцев к враждебным действиям против Господина Пскова.

«Тое же зимы [1462 / 1463 гг.] в Великое говение месяца Марта 21 день, на память святого Якова Исповедника [в понедельник, в 1 час дни] приидоша Немцы ратью к Новому городку, с многым замышлением, [в силе тяжце] и оступиша городок, и начаша пушки[3] шибати на город».[4]

Это первое известие о военных действиях в кампании 1463 г. представляет значительный интерес.

Во-первых, обращает на себя внимание точная датировка события — по месяцу и числу, по церковному календарю и по дню недели, с точностью до одного часа. Такая датировка может свидетельствовать об официальном происхождении известия.

Вторая особенность — указание на крупные (во всяком случае, значительные) силы немцев: они имели артиллерию и, обступив город, подвергли его обстрелу. «А другая сила немецкая начаша воевати и жещи псковские исады».

Таким образом, немцы действовали двумя отрядами: один — пытался овладеть городком, другой — применял тактику «выжженной земли», разоряя хозяйство псковичей.

---

[1] ПЛ. I. С. 62.

[2] ПЛ. II. С. 151. Это известие в Тихановском списке (далее — Тих.) отсутствует.

[3] В Тих. «пущичи».

[4] ПЛ. II. С. 151. Слова в квадратных скобках в Тих. отсутствуют.

«И князь Иоан Иоанович [дебрянских князей] тыми часы присла из городка во Псков гонца своего [человека] Якуша, что рать немецкая под городком».[1]

В Новом городке, построенном на пограничной, спорной территории, сидит псковский наместник — выходец из удельных князей. Сам по себе этот факт представляет большой интерес для характеристики военно-политической организации Господина Пскова — у него были свои служилые князья, возглавлявшие (по крайней мере, в некоторых случаях) оборону пограничных пунктов. Князь Иван сидел в Новом городке со своими людьми, составлявшими гарнизон этой небольшой крепости. Один из этих людей и прорвался во Псков сквозь кольцо (видимо, неплотное) немецкой осады.

«И посадник степенный Федор Никифорович, и посадник Тимофей, и бояре псковичи, немного того же дне совокупившеся, и поехаша к городку, и приидоша псковичи на завтрея».[2] Тихановская летопись дает другое чтение: «и пскович не много собравшеся и поедоша...» Это чтение, вероятно, более точно — «не бояре-псковичи», а «бояре **и** псковичи».

Во всяком случае, реакция во Пскове была немедленной. Степенный посадник выступил в поход с наличными силами — это были бояре (очевидно, со своими людьми) и рядовые псковичи, которых было «не много». Отсюда вытекает, что в Пскове в распоряжении посадника не было сколько-нибудь значительных боеготовых сил.

Быстрое прибытие псковского отряда изменило ситуацию. «Немцы, услышавше псковскую силу, [и отбегоша от городка], и запас свой пометаша».[3] Решение немедленно двинуться на помощь Новому городку, хотя бы и не собрав всех сил, оказалось правильным. Это был тот случай, когда решающее значение имела быстрота действий. Классический пример подобного рода в нашей военной истории — маневр князя Александра Ярославича с небольшими силами для атаки шведского десанта на Неве в 1240 г.

«И посадник Федор, и Тимофей с псковичами быв городку неделю». Несмотря на поспешное отступление немцев, посадники решили остаться в городке. Очевидно, наличные силы в маленькой крепости

---

[1] Там же. С. 152.
[2] Там же. С. 151.
[3] Там же. С. 152. В Тих.: «Немцы... устремишася на бег» (ПЛ. I. С. 63).

были слишком незначительны, и в данной ситуации она не могла быть предоставлена самой себе.

«Немцы, не рядя того, что псковская сила в городку, того же месяца 27, в неделю в 1 час дни, за неделю до Вербницы, и пришедши да два исада больших выжгоша, Островцы да Подолешие, и христиан посекоша много, а иных в полон поведоша».

Удержание псковичами городка не прекратило вооруженного конфликта. Немцы продолжали разорять псковские исады. Видимо, на этот раз речь шла об особенно крупных хозяйствах — рыболовецких поселках со значительным населением. Рыбное хозяйство играло большую роль в экономике Пскова — вспомним внимание, уделяемое исадам в Псковской Судной грамоте, в которой рыболов-«катечник» (или кочетник), живущий на исаде, поставлен на одну доску с пахарем-«изорником» как производителем основной сельскохозяйственной продукции.

Что же делали войска, стоявшие в Новом городке? «Псковичи боящеся большей силе немецкой и не ударишася на них. Зане же они поидоша через озеро борзо в свою землю с городка, и постигнути не успеша скорого и борзого ради шествия».[1] В приведенном тексте — явное противоречие. То ли псковичи не «ударишася» на немцев, опасаясь их крупных сил, то ли они (псковичи) немцев «постигнути не успеша». Противоречие разъясняет Тихановский список, содержащий здесь более верное (по-видимому) чтение. Псковичи «мняхуть подсаде быти у них, и того ради не ударишася на них»,[2] т. е. псковичи опасались засады.

Во всяком случае, сил, пришедших в Новый городок с посадниками Федором и Тимофеем, было, очевидно, недостаточно для дальнейших активных действий — для защиты исадов от разорения.

«И посадник Федор, и Тимофей послаша гонца с грамотою ко Пскову, что Немцы воюют наши исады».[3]

«[Зиновий посадник и] псковичи, услышавша такову весть, и поставиша вече, и даша на вече воеводство Максиму посаднику Ларивоновичю, и Олексию Васильевичю, и Игнатью Логиновичю. И совокупившеся псковичи и с пригорожаны, и поидоша к городку, и не обретоша немець, [понеже немцы ушли в свою землю]».[4]

---

[1] ПЛ. II. С. 152.

[2] ПЛ. I. С. 64.

[3] ПЛ. II. С. 152; ПЛ. I. С. 64.

[4] Там же. Олексий и Игнатий названы в Тих. посадниками.

Поджог исадов производит на Господин Псков более сильное впечатление, чем нападение на пограничный городок. Приводится в действие весь механизм военной организации вечевого города. Главное звено этого механизма — вече. На вече назначают воевод — трех посадников и, очевидно, принимают решение о мобилизации городского ополчения. Назначение трех (а не одного) воевод может свидетельствовать о масштабах мобилизации. Все три воеводы — посадники, представители высшего эшелона псковского общества. Важнейшая часть военной организации — союз с пригородами, которые, очевидно, по призыву старшего города проводят у себя аналогичную мобилизацию и шлют войска на помощь Господину Пскову. Но когда силы Псковской земли подошли к городку, немцев там уже не было.

«И посадники псковскыя и псковичь начаша думати, куда поити за ними. И здумаша и поидоша к Воронью Каменю, и выеха вся псковская сила на озеро».[1]

Контакт с противником был потерян, тактическая разведка как таковая, очевидно, не велась. Предварительное планирование отсутствовало. Произошло нечто вроде военного совета или вечевой сходки, на которой и был намечен план дальнейших действий.

«И пришедше доброхот из зарубежья Чюдин, и сказа посадником псковским, что сила немецкая готова и хотят ударити на шию нощь на Колпиное».[2]

Это неожиданное известие, полученное от своего рода агентурной разведки, полностью изменило планы псковичей. Они «возвратишася на тую же нощь и поидоша в Колпиное».

Марш, очевидно, был форсированным — шли ночью. «И приидоша тамо порану и узреша, что Немцы жгут по нашей волости и воюют, и церковь колпинскую зазгоша, и инех исадов много жгуть, и полона много поимаша».[3] Доброхот Чюдин оказался прав. Нападение на Колпино носило действительно угрожающий характер.

«И посадники псковские и псковичи ударишася на немци на Колпиной реце [противу церкви, не стоя ни часу, передовые люди Псков-

---

[1] Там же. В Тих.: «Они же здумаша поити за Немцы к Воронию Камени и выедаша псковичи на озеро» (ПЛ. I. С. 64).

[2] ПЛ. II. В Тих. добавлено: «псковичи же обещаша ему дати оброк за его доброхотство» (ПЛ. I. С. 64).

[3] ПЛ. II. С. 152; ПЛ. I. С. 64.

ского полка. И бысть ту сеча велика, и Немцы не успеша ничтоже, и устремишася на бег. И вся сила псковская поидоша на них, овы секучи, овы бодучи,] месяца Марта в 31 день, [в четверг, на вербной недели в 1 час дни]».[1]

Итак, по буквальному смыслу рассказа Строевского списка, немцы на рассвете были атакованы «передовыми людьми» — очевидно, Передовым полком, авангардом псковского войска. Внезапная атака («не стоя ни часу») обратила немцев в бегство. В сражение вступили главные силы псковского войска, вооруженные саблями (мечами) и копьями. Победа была полной.

«Помощью святыя Троица и пособием святого архистратига Божия Михаила побиша Немець[2] и биша их в погоню на 15 верст до Кохове реце и за Кохову двемя путьми гонячися».[3]

Бой на реке Колпиной расценивался как большая победа: «Дивно бе се, братье, чюда и дива исполнено и достойно памяти, коль велице истрашне сущи брани, ни один человек псковской рати не паде...», — утверждает Строевский список, в то время как «мост лежит трупья немецкого, куды бегли Немцы».[4] Эта обычная в подобных случаях фразеология не должна восприниматься как точное свидетельство факта. Она скорее отражает общее радостное впечатление от победы со свойственной средневековому восприятию эмоциональной насыщенностью.

Однако другие реалии летописного рассказа заслуживают внимания.

Бой произошел 31 марта, через четыре дня после того, как посадники Федор и Тимофей дали знать в Псков из Нового городка о сожжении исадов. Известие от воевод могло прийти во Псков только 28 марта. Псковичи сразу собрали («поставили») вече, назначили воевод и начали мобилизацию. Со своими вновь набранными силами они могли подойти к Новому городку 29 марта, оттуда после совещания вышли на озеро, направляясь к Вороньему Камню, а затем уже на рассвете 31 марта атаковали немцев на Колпине.

---

[1] ПЛ. I. С.152–153. Слова в квадратных скобках в Тих. отсутствуют.

[2] Тих.: «и молитвами благоверных князей, лежащих в дому святыя Троицы, Гавриила и Тимофея» (ПЛ. I. С. 64).

[3] ПЛ. II. С. 152–153; ПЛ. I. С. 64–65.

[4] ПЛ. II. С. 152–153. В Тих. этого текста нет.

Если датировка, приведенная летописцем, верна (а у нас нет оснований сомневаться в ней), то можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, мобилизация была проведена чрезвычайно быстро — за один день. Скорее всего, она носила характер частичной мобилизации. Правда, предварительные мероприятия могли начаться раньше — еще 21 марта, при первом известии о нападении немцев. Но и в этом случае можно говорить о быстроте приведения в боевую готовность жителей города. Очевидно, горожане Пскова, члены городской общины, привыкшие к военным тревогам и мобилизационным «разрубам» в прифронтовом городе, имели наготове необходимое вооружение и снаряжение — и для приведения себя в полную готовность к походу не нуждались в длительном времени.

Во-вторых, несмотря на обращение к пригорожанам, поход под Новый городок был совершен силами самих псковичей — жители пригородов участвовать в нем не могли. Мобилизация пригородов была рассчитана на более продолжительное время.

Третье наблюдение можно сделать из описания самого похода и боя на Колпине. В походе участвовала, видимо, конница. Только она могла совершать такие быстрые марши и на много верст преследовать бегущих немцев. Мобилизация непосредственно коснулась той части жителей Пскова, которые могли по определенному расчету («разрубу») выставить в поле конных воинов, вооруженных и снаряженных всем необходимым для похода. Описание самого боя отвечает этому предположению: стремительный удар могла нанести только конница передового отряда, за которым следовали — также на конях — главные силы псковичей.

Но как эта конница передвигалась в конце марта по зимним дорогам, покрытым, надо полагать, снегом? Ответа на этот вопрос мы не имеем.

Скоротечная мобилизация псковской конницы и отсутствие крупных потерь в бою (не принимая буквально оптимистично-радостное утверждение летописца о полном отсутствии потерь, можно все же предположить, что потери были незначительные) приводят к заключению, что общая численность псковского войска, двинутого в конце марта в район Нового городка, была невелика.

Однако это была не вся псковская сила. «А иная сила псковичей, нерубленные люди, охвочеи человек, в то же время ходиша за Изборско в слободу, и воеваша немецкую власть, поимаша полона бес-

числено, и придоша сами здрови с многым полоном. А воеводою у них был Ивашко диак».[1]

Это известие открывает новую сторону военной организации Господина Пскова и характера действий псковских войск. Кроме людей, обязанных идти в поход по мобилизации (по «разрубу»), есть еще и «нерубленные люди» — «охвочей человек», добровольцы, под мобилизацию не подпадающие. Они составляют как бы свое самостоятельное войско. У них свой воевода, не воин-профессионал, а дьяк, у них свое направление движения, и, в сущности, свои задачи — захват добычи, «полона», т. е. грабеж и разорение «немецкой волости», расположенной за Изборском. Тактика «выжженной земли», общеупотребительная в средневековых войнах, находит здесь полное применение. Именно захват полона и добычи были, по-видимому, главным стимулятором в действиях псковских «охвочих человек». Но кроме чисто корыстных мотивов личного обогащения, у этой тактики (как и, соответственно, у тактики немцев, жгущих псковские исады) есть и вполне рациональная (в военном отношении) составляющая — ослабление экономического потенциала противника, принесение ему возможно большего материального и морального ущерба, а также отвлечение его сил от главного направления.

Но кто такие «охвочие люди», не попадающие в обязательный «разруб»? Это, очевидно, в первую очередь, городская беднота, не имеющая возможности приобрести полноценное оружие и военное снаряжение и действующая на свой страх и риск, на самостоятельном операционном направлении и, по-видимому, без взаимодействия с главными силами.

«Тоя же весны, на Страстной недели, в Великую пятницу, месяца Априля в 8, приидоша Изборяне под Новый городок Немецкий и посад и волости немецкыа пожгоша, и възвратишася ко Изборску со многым полоном, помощью святого Николе».

Вот когда вступают в действие вооруженные силы пригородов. Изборяне действуют самостоятельно, независимо от псковичей, на своем операционном направлении — на немецкий Нейгаузен (Ниенгаузен). Их цель — не занятие города, но, как и у псковских «охвочих человек», опустошение вражеской территории и добыча «полона». Нет никаких признаков организации взаимодействия псковичей и

[1] ПЛ. II. С. 153; ПЛ. I. С. 65.

изборян и их действий по единому, общему плану: как и псковские «охвочие», изборяне ведут «свою» войну, свою кампанию в рамках общего конфликта с дерптскими немцами.

10 апреля произошло существенно важное событие: «приеха с Москвы от князя великого... во Псков на княжение князь Иоан Александрович Звенигородский».[1] Конфликт с великим князем был улажен. Политическая ситуация изменилась — Господин Псков не был больше одинок в противостоянии Дерптской епископии.

Прибытие нового князя-наместника, возможно, стимулировало военно-оборонительное строительство во Пскове. Во всяком случае, летописец, стремящийся в своих записях к хронологической последовательности событий, сразу после известия о приезде князя Ивана Звенигородского отмечает: «Того же лета почаша делати стену, на Крому прьси, в Домантове стене... помостиша [мост] чрез Великую реку».[2]

Однако на ходе военных действий прибытие князя сказалось далеко не сразу. «Того же лета присла князь великой... воеводу своего князя Федора Юрьевича и с людьми своими во Псков по псковскому челобитью в помощь псковичем на Немець, месяца Иуля в 8, на память святого мученика Прокофия».[3]

Таким образом, прибытие князя-наместника само по себе еще не означало военной помощи со стороны Москвы. Понадобилось особое челобитье о помощи — и тогда во Псков двинулись великокняжеские войска. Князь-наместник — фигура политическая, символизирующая политическое единство Русской земли и власть великого князя над его Псковской «отчиной». Военными функциями князь-наместник не наделен — в его распоряжении нет войск, непосредственно ему подчиненных. Только прибытие воеводы великого князя с великокняжескими войсками означает реальную военную помощь, т. е. вступление великого князя в вооруженный конфликт между Господином Псковом и его дерптским соседом.

Подобное явление не имело прецедентов. За три года до этих событий, зимой 1460 г., Господин Псков бил челом «господину и государю великому князю Василию Васильевичю о жаловании и о печало-

---

[1] ПЛ. II. С. 153; ПЛ. I. С. 65.

[2] ПЛ. II. С. 156; ПЛ. I. С. 65: «мост плавучей».

[3] ПЛ. II. С. 154; ПЛ. I. С. 65: ошибочно — «июня».

вании своей отчине мужей псковичъ добровольных людей, что есми приобижены от поганых Немець», принял у себя сына великого князя и официально вошел в сферу политической власти великого князя Московского. Начался новый этап истории Господина Пскова.

Но тогда военных действий фактически не было. «Местер ризский» запросил мира, начались переговоры, и никаких великокняжеских войск во Псков не посылали.

Теперь, в 1463 г., ситуация была другая. Шли военные действия, и великокняжеский воевода привел войска для участия в этих действиях. Впервые войска великого княжества Московского оказались на ливонском театре военных действий, лицом к лицу с западноевропейским противником. Впервые они взаимодействовали с псковичами.

Своим защитникам «псковичи даша подворье у святого Спаса, у монастыри на Мирожи и у святого Николы на Завеличьи».[1] Московские войска стояли за городом и «быша в Пскове с неделю».

«В то же время князь псковский... и посадники псковскые начаша совокупляти пригорожаны изо всех пригородов и изо властей людей». В Пскове начался второй этап мобилизации. Мобилизованы были не только пригорожане, но и жители сельских местностей — волостей. Текст Тихановского списка более точен: «начаша... порубати пригорожан псковских» — шла мобилизация по разрубам.[2] Именно этим (а также необходимостью дать отдых войскам перед походом), вероятно, объясняется недельное пребывание великокняжеских войск на Завеличье.

Наконец, «совокупившися псковичи с пригорожаны и со всеми людьми и поидоша с воеводою князя великого и с их силою за Великую реку к Новому городку немецкому, и начаша съжидатися во Изборске».[3]

Новый план кампании, предложенный великокняжеским воеводой (или выработанный совместно с псковичами), существенно отличался от того, что было раньше. От обороны переходили к наступлению. Военные действия переносились на территорию противника, захватывалась стратегическая инициатива. Заметно стремление к сосредоточению сил на направлении главного удара — от Изборска на Нейгаузен.

---

[1] ПЛ. II. С. 154; ПЛ. I. С. 65.
[2] ПЛ. I. С. 66.
[3] ПЛ. II. С. 154; ПЛ. I. С. 66.

«И бысть заутра порану, месяца Иулия в 18 день, на память святого мученика Леонтия, приступиша к городку немецкому, и начаша городок бити пушками» (в Тих. — «пущичами»).[1]

Впервые упоминается о действиях русской артиллерии. Ясно, что в мартовском походе применить ее не было возможности. Только теперь, когда собрались крупные силы и была поставлена цель овладеть неприятельским городом, артиллерия смогла заявить о себе.

«И стояша вся сила у городка четыре дни и 4 нощи». Все эти дни, очевидно, шел обстрел города. «И пустиша псковичи болшею пушкою на городок, и колода вся изломася, и железо около разорвашася, а пущича вся цела».[2] По Тих.: «пушка ростреснулася».[3]

Опыт применения артиллерии оказался неудачным. По-видимому, «большая пушка» была железная, лежавшая на деревянной колоде, и с железною казенной частью. Железные орудия первых десятилетий XV в. разрывались неоднократно.

Неудача обстрела заставила принять решение снять осаду: «отъидоша сила вся от городка, [не вжемше, крепок бе]».[4] «А в то время как сила была под городком, псковичи на вече посаднику Дорофею Олферьевичю даша ему воеводство ехати с охвочим человеком, с мужи псковичи в насадах воевати Немецкой земли. А которое прихожим людем, иноземцом, повелеша псковичи пешим идти на Немецкую землю. А которые изможный приходец, и он себе на кони [к рати в силу] едет. Тыа же иноземци биша челом псковичам, чтобы их приняли к себе в насады, и псковичи прияша их к себе [в насады]».[5]

Перед нами — картина своего рода тотальной мобилизации. «Охвочей человек» призывается на службу по решению веча, которое назначает им в воеводы одного из посадников и ставит определенную боевую задачу. Это уже не те добровольцы, которые весной ходили грабить немцев во главе с «дьяком Ивашкой». «Охвочие люди» на этот раз идут в насадах, т. е. совершают переход через озеро. Это, очевидно, пехота, а не «изможные» люди, способные идти на конях вместе с «силой» — ратью псковичей. В социальном плане, как и в марте, — та

---

[1] Там же.
[2] ПЛ. II. С. 154.
[3] ПЛ. I. С. 66.
[4] ПЛ. II. С. 154; ПЛ. I. С. 66.
[5] Там же. Слова в квадратных скобках в Тих. отсутствуют.

же псковская беднота, но на этот раз официально призванная и организованная.

Не менее интересна мобилизация «прихожих людей иноземцев». Хотя они не граждане Пскова, требование веча идти в поход распространяется и на них. Особенно четко видна разница между «изможными», которые «на кони к рати в силу» едут, и прочими, которым «повелеша псковичи пешим идти на Немецкую землю».

Поход совершается через озеро, в насадах. Очевидно, предполагается, что насады — парусно-гребные суда — имеются в готовности. Для пеших «охвочих» гребное судно — такой же необходимый предмет снаряжения, как конь для всадника, «изможного» человека. Пешее войско «охвочих человек» — это фактически судовая рать, хорошо известная на Руси с древнейших времен и напоминающая скандинавский лейдунг.[1]

«И поехаша псковичи, охвочей человек, и прихожии люди с посадником Дорофеем в насадах, и иныа в лодьях. И ехавше в Немецкую землю, и много воеваша, и Кержели половину выжгоша».[2]

Кержели, по мнению Н. А. Казаковой, — это область Кервель по верхнему течению р. Воо, правому притоку Эмбаха (по-русски — Омовжи), реки, на которой стоит Дерпт.[3] Следовательно, псковские насады пересекли озеро, вошли в реку и поднялись по ней вверх. Парусно-гребные суда имели малую осадку и могли двигаться по небольшим рекам. Псковские лодки не впервые входили в Омовжу — известен поход посадника Ильи в мае 1341 г.[4]

Н. А. Казакова, вслед за К. Штерном, предполагает, что поход судовой рати имел целью «воспрепятствовать продвижению дерптских сил на помощь осажденному Ниенгаузену».[5] Это предположение правдоподобно. Поход «охвочих» на этот раз был организован псковским вечем и, вполне вероятно, был нацелен на помощь главным силам. Это косвенно подтверждает и текст летописи: «...услышавша,

[1] См., напр.: *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство в феодальной Норвегии. М., 1971. С. 166–195.

[2] ПЛ. II. С. 155; ПЛ. I. С. 67.

[3] Казакова. С. 134.

[4] ПЛ. II. С. 93. Тих. об этом не сообщает.

[5] Казакова. С. 134; *Stern C.* Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448 – 1463 // Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas. Breslau, 1940. S. 408.

что сила псковская отступила от городка, и поехаша во Псков посадник Дорофей с своим войском».[1]

Численность судовой рати приводит только Строевский список: «...а всех было людей с посадником Дорофеем 20 ускуев да 80 лодей, а все то с людьми».[2] Как видно, Псковская летопись понимает под «насадами» разные типы гребных судов — это и «ускуи», и «лодьи». Определить размеры (вместимость) этих судов мы не имеем возможности. По тексту летописи можно полагать, что ускуи были более крупными судами, чем лодьи. О вместимости ускуев (ушкуев), напомним, есть свидетельство великокняжеской летописи под 1375 г.: 70 новгородских ушкуев несли на себе до 2 тыс. воинов,[3] т. е. около 30 человек на каждом. Нет, однако, уверенности в том, что размеры ушкуев были везде одинаковы. Во всяком случае, можно предполагать, что в походе воеводы Дорофея принимали участие многие сотни «охвочих человек» и мобилизованных «прихожих».

Основным является то (весьма правдоподобное) предположение, что поход судовой рати был в оперативном отношении согласован с походом главных сил. Это представляет большой интерес, отражая определенный уровень здравого оперативно-тактического мышления — самих ли псковских руководителей, или великокняжеского воеводы князя Федора Юрьевича Шуйского, фактического главнокомандующего московско-псковскими войсками.

Военные действия продолжались.

«По том времени минувши недели, и Немци приеховше в снеках и в людиях, и ударившася на Норовлян, на Скамьи. И начаша Норовляне битися с Немци, и ту поимаша рукама наших человек 8, а судью Оданья Сидора мечи иссекоша, [а он бишася с ними крепко]».[4]

Как и русские, немцы использовали судовую рать. Их снеки (шнеки) — парусно-гребные суда, примерно соответствующие, по-видимому, русским ушкуям. Чудское озеро давало хорошие возможности для маневра судовой рати. Удару подвергся северный фланг фронта — земли норовлян, которые, вероятно, оказали упорное сопротивление.

---

[1] ПЛ. II. С. 155; ПЛ. I. С. 67

[2] ПЛ. II. С. 155.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 191.

[4] ПЛ. II. С. 156; ПЛ. I. С. 67.

«И гдовляне прислаша гонца во Псков, что Немци воюют по нашей земли, и псковичи хотеша поехати тамо».[1]

Нападение немцев вызвало обращение ближайшего к Нарове пригорода к старшему городу за помощью. Стали готовиться войска для защиты окраины. Но идти в поход не пришлось.

«Оже Немци прислаша Немцина на Псков с тым словом, чтобы нашему послу добровольно приехати на поговорку и опять отъехати, и псковичи даши ему на том руку... Того же лета по той руке прислал князь местер ризски своих послов...».[2]

Кампания 1463 г. закончилась. Начались переговоры о мире.

К каким же выводам можно прийти на основании нашего источника?

Изложение событий в Псковской летописи отличается документальным, неэмоциональным характером с точной фиксацией событий, дат и имен. По-видимому, это записи хорошо осведомленного официального псковского летописца.

В противоположность этому, московские летописи о событиях 1463 г. на псковском рубеже хранят полное молчание, хотя в этих событиях участвовали великокняжеские войска во главе со своим воеводой. В Москве не могли не знать о действиях этого воеводы. Молчание великокняжеского летописца может свидетельствовать об отсутствии в его распоряжении официального документального источника, в котором бы фиксировались распоряжения великого князя и действия его воеводы. Такого рода записи в Москве, по-видимому, не хранились — не было ведомства, которое занималось подобной документацией, составлением и хранением ее. Это значит, что в Москве еще не существовало центрального военного ведомства, хотя бы как соответствующего отделения великокняжеской канцелярии.

Согласно псковским записям, кампания 1463 г. состояла из двух этапов. Внезапное нападение немцев на Новый городок было началом первого этапа: в кампании приняли участие ограниченные силы псковичей, перед которыми были поставлены частные, локальные задачи по обороне участка псковско-ливонской границы. На этом этапе произошло единственное за всю кампанию столкновение в открытом поле на р. Колпине, закончившееся победой псковичей, но не имевшее заметных стратегических последствий. Не считая себя в силах бороться

---

[1] ПЛ. II. С. 155.

[2] Там же.

в одиночку с войсками Дерптского епископа, псковичи обращаются за помощью к великому князю и до прибытия его войск от каких-либо активных действий воздерживаются.

Прибытие великокняжеского воеводы с войсками знаменует начало второго этапа кампании. На этом этапе заметны элементы оперативно-тактического планирования и взаимодействия отдельных частей войска — конницы и судовой рати, что представляет определенный интерес. Важен сам факт перехода в наступление, перенос войны на вражескую территорию и захват стратегической инициативы.

Московские войска, прибывшие на театр военных действий, не были, видимо, особенно многочисленными. Единственное их предприятие носило, в сущности, ограниченный характер — удар наносился по приграничному немецкому городку, прикрывавшему южные подступы к Дерпту. На более глубокую операцию с более решительными целями сил, вероятно, не хватало. Московские войска, судя по всему, не имели своей артиллерии, а артиллерия псковичей была весьма несовершенна, — и это одна из главных причин неудачи осады Нейгаузена.

По-видимому, посылая войска на помощь Господину Пскову, великий князь не стремился к большой войне на северо-западном направлении. Судя по всему, основным стратегическим направлением являлось восточное (казанское), на котором уже с 1462 г. шла подготовка к большой войне. Этим предопределялась оборонительная стратегия на других направлениях. В данном случае, задача была в том, чтобы, не ввязываясь в большой конфликт, оказать непосредственную помощь псковичам и тем самым продемонстрировать реальность включения Псковской земли в политическую систему великого княжения. И эта реальность была по достоинству оценена немцами, сразу предложившими начать мирные переговоры.

Если для великого князя события 1463 г. имели хотя и важное, но не первостепенное значение, то для Господина Пскова кампания 1463 г. была серьезным испытанием, что отразилось на подробной летописной информации с большим вниманием к военным событиям.

Летопись позволяет проследить основные черты военной системы Господина Пскова. Постоянного войска у него нет — есть только небольшие гарнизоны в пограничных крепостях. Мобилизация проводится в случаях военной необходимости — по решению веча. Мобилизация — это, прежде всего, призыв «рубленных» людей. «Охвочие» —

пешие добровольцы. Они призываются в обязательном порядке только в особых случаях. В компетенции веча — назначение воевод.

В функции веча входит и призыв к пригородам, т. е. мобилизация всех сил Псковской земли. Пригороды имеют, по-видимому, свою местную военную организацию. Они могут действовать как совместно с псковичами, так и самостоятельно. В свою очередь, пригороды в случае необходимости обращаются к старшему городу и ждут от него помощи.

Псковские войска состоят из конницы «рубленных» «изможных» людей и пехоты «охвочих человек». В отношении этой пехоты можно отметить, что если на первом (мартовском) этапе она действовала, по-видимому, самостоятельно и самочинно, без видимой связи с главными силами, и занималась главным образом грабежами, то на втором этапе она в какой-то мере включается в общую канву боевых действий.

Большой интерес представляет использование гребных (или парусно-гребных) судов для маневра пехоты к театру военных действий. Этот излюбленный на Руси метод применения судовой рати проявился на Чудском озере в кампании 1463 г.

Кампания 1463 г. — типичный пограничный конфликт локального масштаба. Глубина операций не превосходит нескольких десятков километров, а их длительность — несколько дней. Борьба идет за овладение отдельными пунктами на территории противника и сопровождается опустошением территории.

Тем не менее, эта кампания является важным историческим событием. Господин Псков впервые ощутил реальную поддержку великого князя — самый факт своего перехода под эгиду Москвы. Великокняжеские войска получили первый боевой опыт в борьбе на северо-западном направлении, против нового противника. В военной истории России открывалась новая страница.

В стратегическом отношении поход 1463 г. носил оборонительный характер. Большая война на северо-западном направлении не соответствовала планам великого князя, — его внимание было приковано к решению казанской проблемы.

Походы на Казань 1467–1468 гг.

Историография походов 1467 и 1468 гг. небогата. Н. М. Карамзин ограничился пересказом летописных известий,[1] С. М. Соловьев — их краткой характеристикой.[2] Интерес к первым походам на Казань проявил только К. В. Базилевич, рассматривая их во внешнеполитическом аспекте, но коснувшись и чисто военных вопросов.[3]

Основным источником для изучения походов 1467 и 1468 гг. являются летописи.

Московская великокняжеская летопись по Уваровскому списку начинает записи за 6976 (1467 / 1468) г. с киноварного заголовка: «О пръвой Казани, ходил царевич Касым да с ним князь Иван Васильевич Стрига». Далее на листе 390 об. следует текст: «В лето 6976. С Вздвиженьева дни ходил царевич Касым к Казани, а с ним великого князя воеводы, князь Иван Васильевич Стрига со многою силою, и прочии».[4]

Известие краткое, не похожее на разрядные записи: нет перечисления воевод (хотя, возможно, в источнике, которым пользовался летописец, эти имена были — ср. «и прочии»).

«И шедшим им к Волзе, иде же бе и перевестися, и ту срете их царь казанский Обреим со всеми князьями своими... и не дасть им перевестися».[5]

Для царевича Касима это было полной неожиданностью: «...позван был царевич от царей казанских, от Авдул Мамона и от прочих, на царство лестью».

«Он же, надеяся на них... испроси силу у великого князя... и не успев ничтоже возвратися».

Военных действий фактически не было. Конная рать пошла обратно.

---

[1] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VI. М., 1990 (далее — Карамзин). С. 10–16.

[2] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. V (далее — Соловьев). Стб. 1411–1416.

[3] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952 (далее — Базилевич). С. 64–67

[4] ПСРЛ. Т. 25. С. 279. Касим — сын казанского царя Улу-Мухаммеда, с 1446 г. проживавший на Руси и державший город на Оке (будущий Касимов).

[5] Там же.

«Истомен же бе путь им, понеже бо осень студена бе и дождева и корму начат не оставати… в постные дни мясо ели, и кони их з голоду мерли… мнози от них и доспехи метали…». Запись об обстоятельствах отступления сделана, по всей вероятности, со слов участника похода. Она не носит официозного характера, но рассказчик был, по-видимому, осведомлен о планах и надеждах царевича Касима.

Князь Иван Васильевич Оболенский Стрига еще в 40-х гг. активно участвовал в борьбе против Шемяки, обороняя от него Кострому; в феврале 1456 г. он разбил новгородцев под Старой Руссой, что вынудило их заключить Яжелбицкий мир; бывал наместником во Пскове и Ярославле, имел чин боярина. Во Пскове он проявил себя так хорошо, что псковичи неоднократно просили о его повторном назначении († в 1478 г.).[1] Таким образом, во главе войск, отправленных с царевичем Касимом, был поставлен опытный военный и политический деятель, что свидетельствует о важности его миссии и значительности доверенных ему сил. Тем не менее, план похода был продуман плохо — вся ставка делалась на интриги казанских царевичей. Борьба с крупными силами противника не предусматривалась, и конная рать не поддерживалась пехотой.

«И татарове Казанстии по отходе их часа того поидоша изгоном к Галичю…».

Ближайшее следствие неудачного похода — начало большой войны с Казанью. И первый удар — по Галичу. Недавний центр удельного княжества, Галич после падения Шемяки превратился в важный опорный пункт великого княжества на его северо-восточных рубежах.

Но «мало нечто полону взяша, а градом и волостем ничто же успеша, всем бо беша в осаде в граде».

Итак, набег «изгоном» сразу после отхода русских фактически не удался — города успели привести в осадное положение (т. е. собрать окрестное население, сжечь посады и т. п.).

Распоряжение о приведении Галича в осадное положение едва ли могло быть сделано только после того, как в Москве узнали о неудаче похода Касима. Присылка гонца из Москвы в Галич и осуществление мероприятий по приведению города в осадное положение должно было

---

[1] Сводку данных о И. В. Стриге см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988 (далее — Зимин). С. 48–50.

занять значительно большее время, чем конный марш казанцев по левой стороне Волги. Распоряжение об осадном положении было сделано, надо полагать, заблаговременно — в ходе подготовки похода на Казань и в предвидении возможного контрудара казанцев.

«А князь великий разослал по городам заставы, в Муром и в Новгород Нижний, на Кострому и в Галич, и велел им сидети в осаде, стеречися от Казани». Таким образом, подготовка к обороне коснулась не одного Галича.

Заставы, т. е. отряды для обороны, были разосланы либо заранее, либо сразу после похода Касима. В первом случае это говорило бы о предусмотрительности великого князя, предполагавшего возможность враждебных действий со стороны Казани. Во втором случае — о быстрой и правильной реакции на сложившуюся обстановку. Нападение ожидалось на нескольких направлениях, на широком фронте по обе стороны Волги. В предыдущих кампаниях о такой заблаговременной подготовке городов к отражению нашествия известий нет. Значит, либо такой подготовки не было, либо она не фиксировалась в источниках, известных летописцу, т. е. в соответствующих записях официального характера. Теперь же эти записи, очевидно, велись и стали доступны составителю летописи.

Итак, Московская великокняжеская летопись отмечает в осенней кампании 1467 г. четыре основных момента:

— отправку царевича Касима под Казань с воеводами великого князя;

— выход русско-татарских войск к Волге и бой с казанцами;

— отступление после неудачи;

— контрудар казанцев по пограничным русским городам и принятие мер для их обороны.

Летописный рассказ представляет собой контаминацию двух основных источников.

К официозному источнику можно отнести известие о начале похода Касима и о последующих распоряжениях великого князя. К источнику частного происхождения — рассказ об отступлении от Казани.

Рассказ великокняжеской летописи о событиях осени 1467 г. вошел в большинство позднейших летописей, в том числе и в Никоновскую, что свидетельствует об официальной апробации этого рассказа.

Однако есть и другие версии известий об осенней кампании 1467 г. Одна из таких версий представлена в Типографской летописи.

«В лето 6976 поиде великий князь Иван Васильевич в Володимерь и отпусти из Володимеря царевича Каисима с Татары и воевод своих и с ними полки свои и братьи своей полки отпусти, и инех в судех отпусти».[1]

Как видим, сообщение Типографской летописи отличается от великокняжеской двумя важными деталями. Во-первых, указывается местопребывание великого князя в момент посылки Касима к Казани. Во-вторых, совсем по-другому пишется состав: судовая рать и полки братьев, причем имя воеводы посланных сил не упоминается. Ясно, что автор сообщения Типографской летописи имел другие источники, чем составитель великокняжеской.

По-другому изображаются и события под Казанью: «...пришедше на усть Свияги, к Волге, противу Казани. Татарове же Казань стали сретоша и не даша перелестися за Волгу».[2] Автор сообщения Типографской указывает место выхода русских войск (и указывает правдоподобно — Свияга впадает в Волгу прямо напротив Казани). Эта деталь могла быть взята из какого-то источника, не известного великокняжескому летописцу. Летописец ничего не говорит о действиях судовой рати, которая, по его собственным словам, тоже была отправлена в поход. Судовая рать в бою у переправы могла бы коренным образом повлиять на ход событий. Отсутствие судовой рати в бою близ устья Свияги ставит под сомнение предыдущее сообщение Типографской о составе сил, отправленных под Казань. Источник Типографской летописи — едва ли рассказ участника похода (отсутствуют характерные для такого рассказа подробности и эмоциональные оценки).

Третий вариант рассказа о походе Касима содержит Устюжская летопись (Архангелогородский летописец).

Рассказав под 6976 г. о пожаре в Устюге 15 февраля и о нападении казанцев на Кичменгу, летописец далее сообщает: «Того же лета князь великий Иван Васильевич посылал ратью воевод своих, царя Касима да князя Ивана Васильевича Стригу, с ними Двор свой весь, конную силу, на Казанского царя Абреима».[3]

Известие отнесено к 6976, т. е. к 1467 / 1468 гг., что правильно, но помещено после 15 февраля (т. е. в 1468, а не в 1467 г.), что неверно.

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 186.

[2] Там же. С. 187

[3] ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

«И пришла сила князя великого на берег к Волзе на Звениче Бору. И татарове Казанские пришли на них в судех, и на берег вылезли из судов. А сила князя великого норовитца заскочити татар от судов. И некто Аидар, постельник великого князя Григорьев сын Карпова, не отпусти Татар ни мало от судов, кликну на них. Татарове же вметався в суды и побегоша за Волгу. А другая сила еще не поспела».

Самостоятельный рассказ об осеннем походе — явно частного происхождения, со слов участника, о чем говорит эпизод с Айдаром. Новое по сравнению с великокняжеской и Типографской летописями — выход к Волге у Звенича Бора (т. е. на 40 верст выше по течению Волги), а не против самой Казани.

Ермолинская летопись ограничивается кратким сообщением: «В лето 976 князь великий Иван Васильевич посылал на Казань ратью, на царя Обреима, Касыма царевича, да князя Ивана Юрьевича, и иных воевод много, з Двором своим. Они же, пришедше, на сей стороне Волги, и постоявше противу Казани, и поидоша прочь, не учинивше ничто же».[1] Основная особенность этого рассказа — имя воеводы, не совпадающее с данными великокняжеской летописи.

Новгородская IV летопись по списку Дубровского приводит имена двух воевод: князя Ивана Юрьевича и князя Ивана Васильевича Стриги.[2]

Софийская II летопись, воспроизводя рассказ великокняжеской летописи, называет имена воевод: князя Данилы Дмитриевича Холмского и князя Ивана Васильевича Стриги.[3]

Сокращенные Своды называют имена князя Ивана Юрьевича и князя Ивана Васильевича и приводят в саркастическом тоне рассказ об Айдаре («некто уноша именем Аидар, постельник великого князя, наполнився духа ратна» и т. д.), что свидетельствует о популярности этого рассказа и в то же время выдает неофициальное происхождение их известия, а следовательно — и имен воевод.

Таким образом, летописные рассказы, рисуя одну и ту же общую картину неудачного похода, расходятся между собой в достаточно важных деталях. Это, во-первых, имена воевод, во-вторых, характеристика состава сил, отправленных в поход с царевичем Касимом, в-третьих, обстоятельства самого боя за переправу через Волгу. Рас-

[1] Там же. Т. 23. С. 158.

[2] Там же. Т. 4. С. 498.

[3] Там же. Т. 6. Ч. 2. С. 163.

хождения присутствуют, главным образом, в источниках частного происхождения, основанных в той или иной степени на рассказах участников похода. Думается, что эти расхождения более или менее закономерны и определяются особенностями рассказов очевидцев вообще. Участники похода могли быть по-разному осведомлены, например, об именах воевод — рядовой участник мог знать их не точно, а понаслышке, и при более поздней записи рассказов или при записи не из первых рук детали событий могли изгладиться или исказиться. Составитель летописного рассказа мог пользоваться недостоверной информацией и просто слухами, имевшими хождение в известной среде (вроде эпизода с Айдаром). Составитель рассказа мог приукрасить его живописными (с его точки зрения) подробностями. Все это заставляет относиться к частным известиям с осторожностью и в определенных случаях предпочитать им официальные сообщения (например, в вопросах об именах воевод и о составе сил).

О событиях осенней кампании после похода Касима наиболее подробно рассказывает Типографская летопись: «Татарове же Казаньстии шедше, воеваша около Галича, и приидоша под Галич, начаша наступать ко граду. Галичане же, выходя из града, и бишася с ними крепко. Граду же не успев ничтоже, возвратишяся, полону же много вземше и отъидоша».

Рассказ о нападении на Галич и о боях с галичанами основан, вероятно, на местных записях. Галич в церковном отношении тянет к Ростову, с которым связано происхождение Типографской летописи, и в Ростове лучше, чем в Москве, могли быть осведомлены о событиях в Галичской земле.

Зато Типографская не говорит о распоряжениях великого князя о приведении в осадное положение городов и о посылке в них застав, и т. д. — автор ее официальным источником не пользовался.

Типографская летопись содержит известия, отсутствующие в великокняжеском своде: «Тое же осени приходиша Татарове от Большой Орды и воеваша около Рязани, села и волости, и множество изсекоша, а иных в полон поимаша. Рязанцы же совокупившяся и гнаша по них. И бысть им бой и сеча зла. Татарове же знамя подсекоша у Рязанского полку, рязанцы же замятшяся и побегоша. Татар же множество избьено ту».[1]

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

Это сообщение, отсутствующее в великокняжеской летописи, рязанского происхождения. Нет оснований сомневаться в его достоверности. Великое княжество Рязанское, формально независимое от Москвы, постоянно подвергалось нападениям ордынских татар — последнее крупное нашествие во главе с самим ханом отмечено в летописях под 1460 г.[1] Рассказ Типографской летописи представляет определенный интерес. Против татар выступило не рязанское великокняжеское войско, а сами рязанцы, «совокупившеся», т. е., очевидно, в первую очередь, городское и земское ополчение. В бою большую роль играет знамя — потеря его или просто падение на землю означает поражение и ведет к бегству с поля боя.

Составитель Типографской летописи имел какой-то рязанский источник; так, под 1468 г. он пишет: «...родися князю великому рязанскому сын Петр»[2] — известие, отсутствующее в других летописях.

В отличие от событий в 1460 г., нападение на Рязань в 1467 г. могло носить характер «частной инициативы» воинственных ордынских царевичей, а не похода самого хана. Тем не менее, нападение на Рязань свидетельствовало о существовании южного стратегического направления, что не могло не учитываться в Москве. Служба на Берегу должна была нестись постоянно, отвлекая достаточные силы. Это было одним из важных факторов военно-политической обстановки.

«Посылал князь великий на Черемису воевати».

Новый киноварный заголовок великокняжеской летописи подчеркивает важность сюжета в глазах летописца.

«Тое же осени князь великий Иван посылал на Черемису князя Семена Романовича, а с ним многих детей боярских, Двор свой и совокупившеся вси поидоша из Галича на Николин день. Декабре 6. И поидоша лесы без пути, а зима была велми студена».[3]

Зимний поход из Галича — ответный удар по Казанскому ханству. Это, по-видимому, достаточно крупное военное предприятие: в походе участвуют дети боярские Двора.

Князь Семен Романович — из ярославских князей (это первый известный случай назначения ярославского князя воеводой). Впервые упоминаемый в летописи, он был, вероятно, еще молодым человеком,

---

[1] Там же. Т. 24. С. 184; Т. 25. С. 277.

[2] Там же. Т. 24. С. 187

[3] Там же. Т. 25. С. 279.

не имевшим большого боевого опыта. В качестве воеводы он упоминается впоследствии в 80–90-х гг., тогда же он был наместником в Новгороде и стал боярином († в 1503/1504 гг.).[1] В 1467 г. ему могло быть не более 30 лет, и едва ли ему были доверены крупные силы.

Интересна идея маневра — с северо-западного направления, и время похода — зима.

Русские войска имели опыт зимних походов. Так, в январе 1450 г. великий князь Василий Васильевич с крупными (по-видимому) силами совершил поход на Галич и овладел этим городом, нанеся решительное поражение Шемяке; в походе использовались замерзшие русла рек Обноры и Костромы.[2] В январе 1452 г. великий князь Василий совершил новый большой поход — от Ярославля к Костроме и Устюгу, а юный великий князь Иван ходил на Кокшенгу, до устья Ваги и Осинова Поля.[3] Опыт организации таких походов был, вероятно, использован в зимнем походе 1467/1468 гг. Однако теперь войска шли «без пути» — не по обычным дорогам, а лесными тропами для сохранения тайны.

Судя по позднейшему опыту, сосредоточение сил в Галиче должно было занять достаточное время, во всяком случае, несколько недель. Выдвижение к Галичу могло начаться в октябре-ноябре, т. е. сразу после отражения атаки казанцев.

Поход зимой «на Черемису» рассматривался, вероятно, как вспомогательный удар — для разорения вражеской территории. Едва ли перед войсками князя Семена Романовича Ярославского могли быть поставлены более серьезные стратегические задачи.

Рассказ летописи о походе прерывается кратким известием о поставлении архиепископа Ростовского Вассиана (тоже выделенным киноварным заголовком). Это событие датировано 13 декабря, что подчеркивает хронологическую последовательность летописных рассказов.[4] Рассказ о походе летописец излагает, прерывая его для другого известия. Видимо, рассказ о походе он передавал по какой-то имевшейся в его руках записи, и эта запись содержала точные даты.

---

[1] Зимин. С. 84.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 270–271.
[3] Там же. С. 272.
[4] Там же. С. 279.

«Тое же зимы 6 Генваря на Крещение Господне рать великого князя прииде в землю Черемисскую».[1]

Поход длился месяц, что говорит о медленности движения через густой лес, о преодолении значительных трудностей. Этот марш-маневр в зимнее время представляет большой интерес в тактическом и стратегическом отношениях. Преодоление лесного пространства в условиях сильных морозов свидетельствует о выносливости войск и обеспечивает достижение стратегической внезапности.

Нападение на Черемисскую землю было, по-видимому, действительно неожиданным — о сопротивлении ничего не говорится. Земля была предана огню и мечу, в соответствии с обычаями средневековой войны. «Кони их и всякую животину чего нелзе с собою имети, то все иссекоша...» Кони, представляющие вообще большую ценность для ратных людей, в данном случае были не нужны. «А за один день до Казани не доходили» — очевидно, не встречая организованного сопротивления.[2]

«И взвратишася приидоша к великому князю все по здорову». По буквальному смыслу летописи, дети боярские Двора не остались в Галиче, а возвратились в Москву. Зимний поход был единовременной акцией, не рассчитанной на продолжение.

Разорение чужой территории в войнах Средневековья — не просто проявление бессмысленной жестокости и не просто средство обогащения участников похода («...в полон поведоша... а что было живота их, то все взяша...»). Не занятие вражеской территории, не овладение каким-либо пунктом на ней с целью дальнейшего удержания его в своих руках, а опустошение этой территории — вот задача подобного рода действий, хорошо известных всей Европе.[3] Такие действия преследовали цель экономического ослабления противника и его морального подавления (устрашения). Разоренная, опустошенная земля на какое-то время не могла стать базой для вражеских войск.

«А Муромцем и Новгородцем велел князь великий воевати по Волзе. И те шедше повоевали горы и бараты по обе стороны».[4]

---

[1] Там же. С. 280.

[2] Там же.

[3] Один из наиболее ярких примеров — разорение Лангедока «Черным Принцем» в 1355 г.

[4] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

Удар на Черемисском направлении с северо-запада сопровождался ударом с запада — по Волге. Одновременное нападение с двух направлений могло преследовать цель ввести противника в заблуждение относительно главного удара, заставить разделить свои силы, перейти к обороне.

Дети боярские Двора в походе по Волге, по-видимому, не участвовали. В поход ходили местные силы — служилые люди, возможно, с участием городского (земского) ополчения. Никаких подробностей этого похода летопись не сообщает, что может свидетельствовать о его ограниченном масштабе. Вероятно, по своему характеру этот поход был аналогичен походу из Галича — ближайшей целью было «повоевати», т. е. разорить и разграбить. Одновременный удар с двух направлений был, по-видимому, успешным, хотя к крупным результатам не привел. Зимние походы, по всей вероятности, преследовали и разведывательные задачи — ознакомление с театром военных действий, с силами и тактикой противника.[1]

Рассказ великокняжеской летописи о зимних походах 1467/1468 гг. носит по преимуществу официальный характер. Его источниками могли быть какие-то официальные документы: записи распоряжений великого князя и донесений воевод. В руках летописца эти документы подверглись, по-видимому, обработке — они были сокращены, сведены в единое целое и, возможно, соединены с рассказами участников событий, сохранившими эмоционально-оценочные черты (лютые морозы, полное разорение земли).

Это известие без существенных изменений вошло в Никоновскую летопись, что косвенно подтверждает его официальное значение.

Типографская летопись приводит свое известие: «Тое же зимы ходиша Галичане и с ними Двора князя великого полки на Черемису, и повоеваша их, и полон вземше, отъидоша. Быша же тогда мразы велицы, иззябша мнози».[2] Подчеркнутое участие галичан — вероятно, это местная обработка и сокращение официального источника: опущены даты, имя воеводы, некоторые характеристики событий.

В осенне-зимней кампании 1467/1468 г. можно отметить несколько характерных моментов.

[1] Базилевич. С. 67

[2] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

Во-первых, великий князь личного участия в походах не принимает, что расходится с прежней практикой.[1]

Вторая особенность: находясь в своей ставке, великий князь рассылает директивы воеводам и таким образом осуществляет свои функции главнокомандующего.

Третья особенность: в зимнем походе войска действуют на двух независимых друг от друга операционных направлениях. Руководство войсками в этих условиях могло осуществляться только из Ставки. Это требовало наличия соответствующего аппарата управления, хотя бы самого элементарного — для оформления директив великого князя и фиксации донесений воевод. В этом аппарате управления можно видеть зародыш нового явления — центрального военного ведомства в его первоначальной форме, по всей вероятности, в составе канцелярии великого князя.

Если осенний поход Касима носил характер скороспелой акции, был плохо подготовлен, совершен недостаточными силами и потерпел полную неудачу, то дальнейшие события осенне-зимней кампании отражают целенаправленную и продуманную работу оперативно-стратегической мысли. Приведение городов в осадное положение на широком фронте, создание оборонительных (заставы) оперативных группировок с поставленными перед ними активными задачами — все это проявление действенного руководства войсками из Ставки.

Наступление по двум направлениям было связано с большим риском, вело к разделению сил и создавало известную опасность для каждой группировки. Этот риск можно было ослабить, во-первых, энергичными наступательными действиями каждой группировки, что не позволяло противнику сосредоточить достаточные силы против каждой из них; во-вторых, внезапностью удара с неожиданного направления — таким был поход северной рати князя Семена Романовича Ярославского через нехоженые лесные тропы в условиях суровой зимы.

Можно отметить, что северная рать, несмотря на свои успехи, была по размерам небольшой. Об этом свидетельствуют молодость воеводы и сам характер набеговых действий.

[1] Достаточно сравнить с Василием Темным, который ходил со своими войсками во все походы, даже после своего ослепления.

Силы, действовавшие на волжском направлении, также едва ли были крупными. Об этом косвенно свидетельствуют отсутствие имен воевод и сама постановка задачи «повоевать горы и бараты».

Главные силы русских войск еще не были введены в действие, и это — одна из основных особенностей осенне-зимней кампании 1467/1468 г.

Известия об этой кампании носят характер контаминации — соединения официозного и частного источников (рассказов участников и местных записей). И те, и другие летописец подвергает обработке. Следует отметить, что известия, восходящие к официальному источнику, не носят характера разрядных записей. Возможно, этих записей как таковых еще не было, и назначения воевод оформлялись как-то иначе.

Рассказав о зимних походах, великокняжеский летописец продолжает свое повествование: «Тое же зимы князь великий за три недели до Великого заговенья (т. е. 7 февраля. — *Ю. А.*) поиде к Володимерю... а с ним братия его, князь Юрий, да князь Борис, да сын его князь Иван, да князь Василий Михайлович Верейский, и вси князи их и бояре, и воеводы, и со всеми людьми».[1]

Это первое летописное известие о выступлении великого князя Ивана Васильевича из Москвы. Отъезды его из Москвы имели место и раньше и были, вероятно, нередкими. Так, в апреле 1467 г. он находился в Коломне[2] — важнейшем пункте южной оборонительной линии. О частых и долгих поездках великого князя пишут и иностранные современники. «У него был обычай ежегодно посещать некоторые местности своей страны», — пишет об Иване III Амброзио Контарини, посетивший Москву в 1476 г. Тот же Контарини отмечает особый интерес великого князя к южной окраине, «где жил один татарин, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников... они стоят на границах с владениями татар».[3] Поездка Ивана III по стране заняла в 1476 г. около трех месяцев (с конца сентября до конца декабря).[4]

Эти поездки не фиксируются летописью. Но февральский поход во Владимир имеет совсем другое значение. Это выступление войск,

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

[2] Там же. Т. 24. С. 186.

[3] Барбаро и Контарини о России / Вступ. статья, подг. текста, пер. с итал. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 226.

[4] Там же. С. 226, 229.

собранных со всего великого княжения, со своими князьями и воеводами. Великий князь с братьями и сыном шел во Владимир во главе служилого ополчения — главной силы Русской земли.

Летописная формула об этом событии носит чисто официальный характер, так мог начинаться походный дневник великого князя. Аналогичная формула встречается в великокняжеской летописи в 1445 г. в известии о походе великого князя Василия Васильевича на казанского царя Махмута.[1]

Представляет интерес порядок перечисления князей. На первом месте после великого князя — его брат Юрий, а сын, князь Иван, только на третьем месте, позади Бориса. 10-летний Иван еще не имеет официального статуса наследника и не носит политических функций, и первый человек после великого князя — старший из его братьев. Перечисление князей в этой формуле носит официальный характер.[2]

В поход идут не только воеводы великого князя с его служилыми людьми, но и его братья со своими воеводами. Собранное войско можно назвать княжеско-служилым ополчением.

«А князя Андрея Большого оставил князь великий на Москве, да и другого князя Андрея Меньшого».

Управление столицей было, надо полагать, в руках наместника (вероятно, князя И. Ю. Патрикеева) и бояр великого князя. Был на Москве и митрополит Филипп. Была и великая княгиня Мария Ярославна. Но упоминание князей, оставленных «на Москве», может свидетельствовать об уровне доверительных отношений между братьями. Конфликты были еще впереди. Между братьями царило согласие — об этом косвенно свидетельствует отсутствие каких-либо письменных докончаний между ними. Они жили по духовной отца.

«Тое же весны в Великое Говенье [т. е. после 27 февраля] пришел на Москву посол от короля Казимира, Якуб писарь да Ивашенец. И князь

---

[1] «...со своею братиею... князь Дмитрий Шемяка с ним, и князь Иван, князь Михайло Андреевич, князь Василий Ярославич, и со всеми князи своими, бояры и воеводами, и со всеми людьми...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 39).

[2] В грамоте о докончании с Михаилом Тверским (заключенном между 1462 и 1464 гг.) Иван III требует от тверского князя: «Целуй ко мне крест... и к моему брату молодшему, ко князю Юрию Васильевичу, и к нашей братье меньшей ко князю к Ондрею, и ко князю к Борису, и князю Ондрею...» (ДДГ. № 63. С. 204).

великий велел наехати ему себе в Переславле. А сам из Володимера с сыном иде к Переславлю, а братию и вся люди оставив в Володимере. И пришед к Переславлю посла отпусти, и възвратися опять к Володимерю».

Приезд королевского посла — важное событие. Тем не менее, великокняжеская летопись со времен Дмитрия Донского приезды послов не фиксирует, хотя с Литвой велись оживленные дипломатические отношения (что видно, например, из наличия договорных грамот).

Посольство «Якуба писаря» зафиксировано, видимо, в походном дневнике, который велся во время стояния великого князя во Владимире. Наличие церковных дат может свидетельствовать о принадлежности к духовенству лица, ведшего походный дневник.

Великий князь придает такое значение своему пребыванию с войсками, что не едет для встречи с послом в Москву, а назначает ему аудиенцию в Переяславле.[1] Не считает возможным принять посла во Владимире — очевидно, не хочет показывать ему войска, собранные там.[2] Великий князь на встречу с послом берет с собой сына — и это едва ли не первое указание на особую политическую роль наследника.

Какую цель могло преследовать сосредоточение войска во Владимире? Известно, что в 1461 г. великий князь Василий Васильевич «поиде к Володимерю, хотя ити на Казаньского царя». В марте 1461 г. он был во Владимире «зарати бо ся тогда с царем Казанским».[3] Мы уже видели, что, по сведениям Типографской летописи, осенью 1467 г. великий князь Иван был во Владимире и именно оттуда послал в поход войска с царевичем Касимом.[4] Владимир — место сбора войск, передовая база, выдвинутая от Москвы к востоку, к казанскому рубежу.

Владимир — в 200 верстах от Москвы на кратчайшем пути к Казани. Отсюда вниз по Клязьме — в Оку, по Оке — к Волге или сухим путем. Владимир может быть исходной базой и для наступления, и для обороны — противнику трудно его обойти.[5]

Мобилизация и сосредоточение княжеско-служилого ополчения должны были занять достаточно длительное время. Так, столетие спус-

[1] От Владимира до Переяславля по прямой — 120 км, до Москвы — 180 км.

[2] Базилевич. С. 63.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 277.

[4] Там же. Т. 24. С. 187.

[5] О значении Владимира в походах на Казань см.: *Амелькин А. О.* Владимир — крепость на Казанской Украине // Клио. 2000. № 2 (11). С. 180–188.

тя сборы в Полоцкий поход 1563 г. заняли два месяца (начались в конце сентября, а войска прибыли в Можайск к месту сбора в начале декабря).[1]

Подготовка к сбору войск для похода во Владимире могла начаться одновременно с отправкой войск к Галичу для похода северной рати. Это значит, что мобилизация княжеско-служилого ополчения началась уже в ноябре 1467 г., непосредственно после похода Касима. Не исключено, что в ходе мобилизации проводились смотры боеготовности служилых людей по уездам — о подобных смотрах впоследствии писал Герберштейн.[2] Такие смотры, сопровождавшиеся составлением десятен, хорошо известны в XVI в. в условиях развитой поместной системы. Но в своей первичной форме эти смотры могли появиться гораздо раньше — без них едва ли было возможно функционирование военно-служилой системы.

Длительное пребывание во Владимире могло быть использовано для проверки боеготовности войск, для росписи их по полкам (в 1562 г. в Можайске эта роспись заняла две недели). Главной целью было, вероятно, создание стратегического резерва для дальнейших действий.

Между тем, военные действия продолжались. «А Татарове казанские тое же весны шед взяша Кичменгу и зажгоша. Князь же великий посла переимати их».[3]

Кичменга — левый приток р. Юг, в устье ее — городок (примерно в 120 верстах к югу от Устюга), который, очевидно, и был сожжен казанцами. От Устюга до Владимира — не менее тысячи верст. Гонец мог покрыть это расстояние не менее чем за 10–15 суток, а на получение во Владимире известий о нападении на Кичменгу и передачу приказания должно было уйти несколько недель. Приказание могло иметь смысл как распоряжение нанести ответный удар по казанцам на этом направлении, т. е. к югу от Устюга, послать войска на Кичменгу и т. п. Важно то, что нападение казанцев вызвало какие-то ответные меры со стороны главного командования — оно старалось держать управление войсками в своих руках. Связь между войсками на театре военных действий и главным командованием в тылу поддерживалась — об этом

[1] Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подгот. текста, статья и указатели К. В. Петрова. Науч. ред. Г. П. Енин. СПб., 2004.

[2] Герберштейн. С. 113.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

свидетельствует запись в походном дневнике «Владимирского стояния», которая, по-видимому, была последней: «Прииде князь великий на Москву в пятой великий вечер (15 апреля. — *Ю. А.*)».

Итак, во Владимире вместе с великим князем был его аппарат управления, через который и осуществлялось руководство войсками. Вероятно, аппарат военного управления как таковой еще не оформился, как не было и особого аппарата для управления посольскими делами. Канцелярия великого князя еще не дифференцировалась. По крайней мере, в летописи нет явных признаков функциональной документации — ни военной, ни посольской.

Дошедшие до нас дневниковые записи (в их летописной интерпретации) отразили только часть работы Ставки — в нее стекались донесения, а из нее шли директивы, свидетельствующие о работе аппарата управления войсками.

Ближайший аналог дневниковых записей 1468 г. — записи 40–50-х гг. о походах великого князя Василия Васильевича. Эти записи сохранились за 1445, 1450, 1452 и 1456 гг.[1] Общее в них — более или менее точная датировка движения великого князя и некоторых его распоряжений. Даты приводятся как по церковному, так и (реже) по светскому календарю (6 июля 1445 г., 27 января 1450 г.). В некоторых случаях дневниковые записи перемежаются с воспоминаниями участников событий (Суздальская битва, бой под Галичем). Таким образом, известный опыт ведения походного дневника и его отражения в великокняжеской летописи уже имелся.

Напротив, Ермолинская, Типографская и Устюжская летописи не содержат никаких упоминаний о «Владимирском стоянии». Это объясняется, видимо, более или менее частным характером этих летописей, не связанных непосредственно с официальным великокняжеским летописанием и его источниками. Нет сведений о «Владимирском стоянии» и в Сокращенных Сводах — вероятно, к 90-м гг. эти события потеряли свою значимость, с точки зрения составителей Сокращенных Сводов.

Рассказ великокняжеского свода о «Владимирском стоянии» без каких-либо изменений перешел в летописи Вологодско-Пермскую, Спасо-Прилуцкую, Уваровскую, Никаноровскую, и, что особенно важно, в Никоновскую, что подчеркивает его официальный характер.

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 262–263, 270–272, 274–275, 394.

«Владимирское стояние» в глазах официозного летописца занимает центральное место в ряду событий зимы 1468 г. Прибытие великого князя во Владимир состоялось, когда результаты похода северной рати князя Семена Романовича Ярославского были уже, вероятно, известны в Москве. Какие бы ни строить предположения о цели и задачах «Владимирского стояния», ясно одно — главные силы русских войск были собраны именно здесь и фактически составляли стратегический резерв для будущих операций.

Новый этап войны с Казанью начался с наступлением весны. Как мы видели, в глазах великокняжеского летописца первым актом новой кампании было нападение казанцев на Кичменгу, что вызвало соответствующие распоряжения великого князя, находившегося еще во Владимире.

Типографская летопись пишет о событиях весенней кампании гораздо подробнее: «Тое же зимы на Вербной неделе (4–10 апреля. — *Ю. А.*) взяша Татарове Казаньскии две волости Костромских — Кусь и множество полону взяша, а иных изсекоша. Князь же Иван Васильевич Стрига Оболенский ходи за ними и до Унжи с Костромы, и не достиже их».[1]

Это самостоятельное известие из источника, не известного великокняжескому летописцу. Известие, вероятно, местного происхождения: Кострома тянет к Ростову в церковном отношении, и в Ростове могли быть осведомлены о костромских делах.

Татары разграбили восточную костромскую волость. Река Кусь — правый приток р. Нямды, которая в низовьях сливается с Унжей, близ ее устья в Волгу, против Юрьевца.

Воевода князь Иван Стрига стоял, очевидно, в Костроме и погнался за татарами. До Унжи он должен был пройти примерно 150 км, на что в условиях апрельской распутицы должно было понадобиться не менее 5 дней.

Не сказано, что он пошел в поход по велению великого князя. Вероятно, он стоял со своим полком в Костроме и принял решение сам, «по вестям», иначе поход его не имел бы никакого смысла. Такие решения воевода должен принимать самостоятельно, исходя из конкретной обстановки.

Сам набег татар носил характер именно набега — «изгоном», для грабежа и устрашения, примерно такой же характер, как зимний поход князя Семена Романовича Ярославского.

---

[1] Там же. Т. 24. С. 187.

Нападение на костромские волости сочеталось с нападением на устюжскую Кичменгу. Казанские отряды действовали на широком фронте и на разных направлениях.

Таким образом, известия Типографской летописи дополняют картину, содержащуюся в великокняжеской летописи: «Тое же весны те же Татарове имаша около Мурома в неделю святых Мироносиц (1–8 мая. — *Ю. А.*), и отъидоше».

«Те же», т. е. казанские, а не обязательно те именно, которые разграбили Кусь. Нападение на Муром еще раз показывает масштабы действий казанцев весной 1468 г. Муром, в каких-нибудь 120 км от Владимира, был атакован всего через две недели после отъезда в Москву великого князя. Возникает мысль, что сосредоточение войск во Владимире могло преследовать и оборонительные цели — на случай большого наступления татар. Не являлся ли и зимний поход «на Черемису» попыткой отвлечь внимание татар от владимирско-московского направления? «Того же лета Татарове Казанские имаше около Муроме и много полону взяше». Это, очевидно, второе нападение на Муром — после пожара Москвы в ночь на 23 мая, отмеченного в Типографской летописи. «Князь же Данило Дмитриевич Холмский иде за ними из Мурома, и постиже их, и бив их, полон весь отъиме. А ини, с коней сметався, уидоша на лес».

Из этого известия вытекает, что в Муроме, как и в Костроме, стоял гарнизон во главе с воеводой. Князь Данила Дмитриевич оказался более удачливым, чем князь Иван Стрига. Он сумел догнать и отбить полон. Любопытная деталь: татары, бросив коней и добычу, скрываются в лесу — густой лес недоступен для конницы. Это первое известное летописи упоминание знаменитого впоследствии воеводы дает исходную дату перехода его из Твери на службу великому князю Московскому, что могло быть связано с мерами по усилению великокняжеского войска.

«Того же лета Татарове Польстии побиши сторожев наших в Поле, и пришед без вести, и взяша Беспуту, и множество полону вземше, отъидоша».[1]

В Поле (Диком), за Окой стояли наши «сторожи» — сторожевые посты, обязанные предупреждать о приближении татар.[2] Но на этот

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

[2] «Сторожи» — разведчики, поставленные великим князем, упоминаются в рассказе Вологодско-Пермской летописи о Мамаевом побоище (Там же.

раз «польстии», т. е. степные, ордынские татары побили сторожей и «безвестно» напали на Беспутицу — русскую волость на правом берегу Оки. Служба на Берегу не смогла предотвратить это нападение. Она, видимо, неслась только на левом, русском берегу реки. Во всяком случае, известие Типографской летописи еще раз напоминает о реальном существовании угрозы с Юга, со стороны «Татар Польстиих», т. е. степняков-ордынцев. Эта угроза в любом случае не могла игнорироваться в Москве, она требовала внимания и сил; она как бы накладывалась на все остальные планы и действия русского командования. Правобережные волости были фактически беззащитны перед угрозой из Дикого Поля.

Составитель Типографской летописи имел какие-то источники информации, независимые от источника великокняжеской летописи. Что это за источники, сказать трудно, но они скорее документального, чем частного характера. В пользу этого говорит наличие дат и имен воевод. Во всяком случае, известия Типографской летописи значительно расширяют и уточняют представление о начале весенней кампании. Русские войска во главе с воеводами стояли в городах, где ожидалось нападение. Вероятно, это и были «заставы», о которых пишет великокняжеская летопись осенью 1467 г.

Задачи, объективно стоявшие перед главным командованием русских войск весной 1468 г., были достаточно сложными. Стратегическая инициатива была в руках казанцев, чьи нападения заставляли держать гарнизоны в пограничных городах, т. е. разбрасывать силы на широком фронте от Устюжских волостей до Мурома. Постоянная угроза из Дикого Поля вынуждала держать силы на рубеже Оки. В этих условиях необходимо было принять стратегическое решение на летнюю кампанию с целью изменить обстановку в свою пользу. Как почти во всех случаях, существовала альтернатива между оборонительным и наступательным образом действий.

В первом случае следовало усиливать гарнизоны в пограничных городах и держать их в полной боевой готовности для отражения внезапного нападения, одновременно формируя достаточно крупные силы стратегического резерва для нанесения контрударов.

Т. 26. С. 129, 134, 136 и др.). В 1468 г., по-видимому, сторожевая служба в Поле носила постоянный, а не разовый характер.

Во втором случае необходимо было перейти в наступление на важнейших направлениях, чтобы вырвать у противника стратегическую инициативу и заставить его перейти к обороне.

«И тое же весны по Велице дни (17 апреля. — *Ю. А.*) князь великий многих детей боярских, Двор свой, послал на Каму воевати мест Казанских... С Москвы к Галичу Руна с казаки, а из Галича Семеновых детей Филимонова Глеба, Ивана Шуста, Василия Губу. И поидоша к Вологде и Руно вместе с ними».[1]

Если учесть, что великий князь прибыл в Москву в Страстную пятницу (15 апреля), то отправка Двора в поход на Каму состоялась в самые ближайшие дни после «Владимирского стояния».

Очевидно, решение было принято, и вся необходимая предварительная подготовка проведена во время этого «стояния».

Летняя кампания началась. Отправка детей боярских Двора великого князя (т. е., надо полагать, отборных войск) свидетельствует о важном значении, которое придавалось походу. «Казаки» — это, видимо, добровольцы из детей боярских. Имя Ивана Руна встречаем здесь впервые, он не принадлежал к княжеско-боярской элите, и назначение его главой детей боярских Двора, посланных из Москвы, может свидетельствовать о его выдающихся личных качествах, известных великому князю.

Галич — сборный пункт для войск, предназначенных для похода (как уже было в зимнюю кампанию). Собравшись в Галиче, эти силы двинулись к Вологде — вероятно, по рекам Вексе и Леже, которая впадает в Сухону ниже Вологды.

«А с Вологды поидоша с Вологжаны в судех на Николин день (9 мая. — *Ю. А.*) к Устюгу».

Если Руно выступил из Москвы сразу после Великого дня (17 апреля), то для сосредоточения войск к Вологде через Галич понадобилось три недели.

«И с Устюга поиде князь Иван Звенец с Устюжаны, а Иван Игнатьевич Глухой — с Кичменжаны». Князь Иван Звенец Звенигородский и Иван Игнатьевич Глухой (из рода Морозовых) были, вероятно, наместниками в соответствующих городах.

Обращают на себя внимание родственные связи. Из пяти поименованных воевод (не считая Руна) четверо принадлежат к роду Мо-

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

розовых. Они — четвероюродные братья от общего предка Семена Мороза, жившего, по-видимому, в первой половине XIV в.[1] Фамильное прозвище не упоминается в летописи — видимо, оно не имело особого значения для родства в четвертом колене.

Тем не менее, родственные связи играют роль в служебных назначениях, и между родственниками сохраняется определенная корпоративная связь.

Князь Иван Иванович Звенец — из князей Звенигородских — совершил позднее выдающуюся карьеру как дипломат (именно ему удалось в 1480 г. заключить «докончание» с Менгли-Гиреем — важнейший договор Ивана III), в данное время был, вероятно, еще молодым человеком, впервые упоминаемым в источниках (умер в 90-х гг. во время своего второго посольства в Крым).[2]

Устюжане и кичменжане, а также вологжане — вероятно, местное земское ополчение (сколько-нибудь развитого служилого землевладения в этих местах не известно). В 1462 г. устюжане и вологжане уже ходили в поход по северным рекам во главе с воеводами великого князя.[3] Кичменжане в таком походе упоминаются впервые.

Итак, в поход идут дети боярские Двора (Руно), местное служилое (галичане) и земское (вологжане, кичменжане и устюжане) ополчения. Это своеобразный воинский контингент, который можно назвать земско-служилой ратью.[4]

«И сняшася вси вместе на Вятке под Котельничем и оттоле поидоша с ними Вятчане мнози».

Без волока не обойтись. Волоком, вероятно, шли из Юга в Молому, и по Моломе вышли на р. Вятку значительно ниже Хлынова. От Котельнича по Вятке — прямой путь на Каму.

«Вятчане мнози» — это добровольцы, а не вятское ополчение как таковое. Грабительский по форме поход судовой рати сулил добычу и привлекал добровольцев.

---

[1] Зимин. С. 236.

[2] Там же. С. 50.

[3] ПСРЛ. Т. 37 С. 96.

[4] К. В. Базилевич отмечает как особенность похода «широкое использование местных сил тех северных городов и уездов, которые подвергались нападению со стороны казанцев. Служилым людям... принадлежала только организаторская и командная роль» (Базилевич. С. 66).

«И бысть весть Вятчанам, что идут на них Казанцы, и възвратишася назад к Вятке. А с триста их поидоша с великого князя воеводами».

Нападение казанцев на Вятку — эффективный контрудар по тылам русского войска, двигающегося на Казань по северным рекам. Вятчане фактически отказываются от похода. По-видимому, только незначительная часть вятчан-добровольцев продолжает поход с воеводами великого князя.

Создается новая оперативная обстановка: Вятка вышла из союза с великим князем, путь через Вятку теперь закрыт, судовая рать отрезана от своей базы.

Здесь летописное изложение приобретает характер рассказа участника похода и теряет официозные черты. Но в руках рассказчика могли быть и документы, содержащие, например, имена воевод.

«Казанцы приидоше со многою силою к Вятке, и не возмогоша Вятчане противитися им, предашася за Казанского царя Обреима».

Типографская летопись приводит свою версию этого события: «Того же лета идоша Татарове казанскии к Вятке. Вятчане же обещa им дань давати гобины деля, отняша бо у них гобину, потом же не даша им. Татары же идоша прочь, не сотвориша зла никоего же».

Эта версия нападения казанцев на Вятку независима от великокняжеской летописи и опирается на какой-то свой местный источник.

Как впоследствии выяснилось, речь шла не о переходе Вятки под власть «Обреима» и не о выплате дани, а только об обязательстве не участвовать в войне против него. Но, во всяком случае, это событие существенно понижало шансы на успешные действия северной рати. Задуманный в Москве мощный удар с севера теперь состояться не мог, и поход судовой рати приобретал характер операции с ограниченными целями.

«А воеводы великого князя повоеваша Черемису по Вятке реке и поидоша из Вятки по Каме на Низ, да воевали и до Тамлуги,[1] и гостей побили многих, и товару у них поимаша много».

Вятка впадает в Каму примерно в 150 км на восток от устья последней и на таком же расстоянии на юго-восток от Казани. Судовая рать подошла достаточно близко к Казани. Но это был набег, не имевший существенного стратегического значения.

[1] Приток Камы (см.. Базилевич. С. 66).

«Ходили до перевозе Татарского, да опять воротились вверх, воюючи Казанские же места, и в Белую Волошку[1] ходили воевати».

Поход чисто грабительский по своей форме — захват товара, разорение местности. Отзывается удалью новгородских ушкуйников старого времени, совершавших такие же лихие походы, но на собственный страх и риск, а не под знаменами великого князя.

«А в то время Казаньские Татарове 200 человек воевати же пошли, и дошед до тое же Волошки на конех, и пометав туда кони у Черемисы, поидоша из Вол[о]жки в судех вверх по Каме».

Поход этого отряда имел, вероятно, цель нападения на русскую рать, грабившую казанские места. Конный отряд, оставив коней на попечение дружественной черемисы, пересаживается в суда и в таком виде идет на сближение с ратью великого князя. Очевидно, речной путь был самым коротким и надежным.

«Рать великого князя пришед и ту Черемису повоевати, а люди иссекоша и кони и всякую животину, и тех татар кони иссекоша... и поидоша за теми Татары по Каме».

Русские оказались позади татар, которые, видимо, были плохо осведомлены о пути движения русской рати.

«И яко услышали, что уже близ их те Татарове, и ставше воеводы, и избравша вси, которыи же от своих людей, семь насадов, да отпустиша с ними воеводу Ивана Руна».

Считая среднее число воинов в насаде 30 человек,[2] против казанцев был сформирован отряд силою примерно в 200 человек — равный отряду казанцев. И выбор добровольцев, и выбор воеводы — все это отзывается стариной, временами вольных походов без непосредственного руководства со стороны великокняжеских властей. Такие традиции, естественно, могли лучше всего сохраниться в среде земского ополчения, еще не охваченного служилыми отношениями.

«И угониша Татар. И увидевше их Татарове выметашася на брег, Руно же повеле своим за ними же на брег выйти, а Татарове забегше за речку и начаша с ними битися».

---

[1] Река Белая (Там же).

[2] В 1375 г. новгородец Прокопий на 70 судах (ушкуях — по московской летописи, насадах — по устюжской) вез 2 тыс. воинов (ПСРЛ. Т. 25. С. 191). Герберштейн, описывая поход 1523 г., упоминает «девяносто судов, на каждом из которых было по тридцать человек» (Герберштейн. С. 178).

Речные суда — только средство передвижения, а не боевое средство. Бой как таковой мыслится только на суше.[1]

«Милостию же Божиею начаша одолети Христиане и приидоша на Татар за реку ту», — вероятно, за приток Камы. «Бились», видимо, не только врукопашную, но и стреляя стрелами через реку.

«И тако избиша их и воеводу их Тулазия изънимаша княжа сына Тарханова, да другого Берды-шиика, а прочих всех избиша... А Руси на том бою дву человек убили, а раненых бы с шестьдесят человек, но милостью Божиею вси живы».

Цифры потерь реалистичны. Рассказчик — очевидец, участник похода.

Судовая рать сделала, что могла. Она глубоко проникла в землю, подчиненную царю Обреиму, предавая все огню и мечу. Тактика норманнов, тактика ушкуйников — передвигаясь по воде, нападают на землю, но за нее не держатся.

«И поидоша оттоля на Великую Пермь да къ Устюгу. И тако приидоша к Москве все по здорову, а Татар приведоша полоненых к великому князю».

Вверх по Каме до волока на бассейн Вычегды. Шли кругом, через Великую Пермь, а не кратчайшим путем, через Вятскую землю, волоками в Юг — вероятно, потому, что Вятская земля заключила договор с Обреимом.

Устюжская летопись приводит свой рассказ о походе судовой рати: «Того же лета князь великий посылал рать на Черемису: двою Ивана Ивановичя Глухого да Ивана Руна, а с ними Устюжане да Галичане. И шедше на Каму, да изымали языка, а сказывает, что Татарове пошли вверх по Каме в Великую Пермь. И воеводы, шедше за ними в погоню, да их побили. Тогда убили на том бою ватамана устюжского Саву Осеива. А рать великого князя, Устюжане и Галичане, шли в Великую Пермь и на Устюг».[2]

Рассказ, независимый от великокняжеской летописи, по всей вероятности, местного происхождения. Возможно, со слов участника, хотя живых деталей похода, обычных для такого рассказа, нет. Характерно внимание к устюжским сюжетам, в том числе к «ватаману»,

---

[1] И морские суда до появления артиллерии стремились превратить бой в рукопашную схватку (абордаж). См., напр., Сагу об Олафе Трюгвассоне.

[2] ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

павшему в бою. Устюжане — не дети боярские, а городовое (земское) ополчение, может быть, охочие люди во главе со своими «ватаманами». Наличие такого «ватамана» — важная черта организации земского ополчения, существенно отличающая его от служилого ополчения во главе с руководителями, назначенными великим князем.

Таким образом, известия устюжского летописца, несмотря на свою краткость, могут служить ценным дополнением к рассказу великокняжеской летописи.

Рассказав о походе северной рати, великокняжеская летопись приводит известие о боевых действиях на волжском направлении: «...месяца июня 4 дня из Новагорода из Нижнего застава князя великого князь Федор Хрупин [= Хрипун] с Москвичи идоша на Волгу и побиша Татар Казаньских, Двор царев, многих добрых. Тогды убили Колупая, а князя Хозум Бердея изымав привели к великому князю на Москву».[1]

Князь Федор Семенович Хрипун Ряполовский упоминается здесь в летописи впервые. В 70-х гг. был еще жив его отец, князь Семен Иванович Хрипун, активный деятель 40-х гг. в борьбе с Шемякой. Сам князь Федор известен как воевода в 80–90-х гг.[2] Из всего этого вытекает, что в 60-х гг. он был еще молодым человеком, и ему вряд ли были доверены крупные силы. В Нижнем Новгороде он командовал «заставой», в состав которой, по буквальному смыслу летописного известия, входили служилые люди только Московского уезда.

Типографская летопись пишет об этом событии гораздо подробнее: «Того же лета иде князь Федор Семенович Ряполовский Хрипун из Новгорода Нижнего, и поби заставу Казанскую на Звениче Бору, за 40 верст до Казани, и князей многих Казанских поби. Ту же и богатыря их уби, Колупая, и не пусти ни единого, иже бы весть несл к Казани, и князя их единого, руками изымав, к великого князя приведе. И стояв ту два дни на побоищи том, возвратися с честью».[3]

Краткое известие великокняжеской летописи здесь приведено в развернутом виде и с подробностями, заслуживающими внимания.

Выясняется, что войска князя Федора Ряполовского шли к Казани берегом и имели бой с заставой казанцев недалеко от столицы хана.

[1] Там же. Т. 25. С. 280.
[2] Зимин. С. 40–41.
[3] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

Любопытно соблюдение древнего обычая стоять на поле боя на костях разбитых врагов, как когда-то стояли и пировали древнерусские князья.

Во всяком случае, у составителя Типографской летописи был свой источник о действиях князя Федора Ряполовского — источник, независимый от великокняжеской летописи.

Победа князя Ряполовского в бою у Звенича Бора не имела дальнейших последствий. Войска вернулись. В чем причина этого странного отступления после одержанной победы? Прямого ответа на этот вопрос в источниках нет. Приходится довольствоваться предположениями. Представляется вероятным, что, по замыслу главного командования, действия северной рати и войск князя Федора Ряполовского должны быть согласованы по времени. Северная рать выступила в поход в начале мая, волжская — позже. Исходя из того, что путь ее движения был значительно короче, удары по Казани с запада и с севера должны были последовать в течение короткого времени, ставя царя Обреима меж двух огней. Но в начале июня, по-видимому, уже появились сведения об измене вятчан и неудаче северного похода. В этих условиях продолжать наступление на Казань по волжскому направлению было опасно — войска князя Ряполовского могли попасть под удар главных сил царя Обреима. Тут-то и было принято решение отказаться от дальнейшего движения к Казани и вернуть войска в исходное положение. Это решение было разумным — благодаря ему удалось избегнуть риска поражения войск по частям.

Итак, летняя кампания 1468 г. закончилась неудачей.[1] Широко задуманный стратегический маневр с двух направлений не получился. Решающее значение имел контрудар казанцев по Вятке, что привело к срыву похода северной рати и крушению всего стратегического замысла русского командования. В новых условиях принимается единственно целесообразное решение об отходе, что свидетельствует о реалистической оценке сложившейся обстановки. Надо полагать, что именно в этом сказалась работа Ставки главного командования. Если

[1] По С. М. Соловьеву, «выгоды были явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку» (Соловьев. Стб. 1416). Причина «неуспеха» — от недостатка единства в движениях, недостатка подчиненности. Однако К. В. Базилевич с этой оценкой не согласен. По его мнению, походы 1468 г. «дезориентировали Казань в отношении ближайших намерений великого князя» (Базилевич. С. 67).

решение об отходе северной рати могло быть принято на месте, под влиянием непосредственной обстановки, то отступление князя Федора Ряполовского после одержанной победы могло быть проделано по требованию Ставки, получившей информацию о неудаче северной рати. Это, разумеется, не более чем предположение, хотя, на мой взгляд, достаточно правдоподобное (не противоречащее известиям источников и реальному положению дел).

Известный нам летописный материал дает возможность представить ход событий с сентября 1467 г. по лето 1468 г., т. е. события трех кампаний — осенней, зимней и весенне-летней в ходе первой большой войны Ивана III. В обобщенном виде последовательность событий рисуется следующим образом:[1]

1467 г. Сентябрь 14-е. [сентябрь] [сентябрь-октябрь]	Начало похода на Казань царевича Касима, отступление от Казани. Приведение пограничных городов в осадное положение. Посылка «застав». Набеги казанцев на пограничные города и отражение этих набегов.
[октябрь-ноябрь] Декабрь 6-е.	Мобилизация служилого ополчения. Отправка войск для зимнего похода. Начало зимнего похода от Галича войск князя С. Р. Ярославского.
1468. Январь 6-е.	Вступление войск князя С. Р. Ярославского в Черемисскую землю.
Февраль 7-е.	Выступление великого князя к Владимиру. Начало «Владимирского стояния».
После февраля 27-го.	Прибытие королевского посла. Прием его в Переяславле.
весна [между 27 февраля и 15 апреля]	Нападение казанцев на Кичменгу.

[1] Отсутствие указаний на источник означает, что событие дано по великокняжеской летописи (ПСРЛ. Т. 25).

Апрель 4–10-е.	Нападение казанцев на костромские волости. Поход кн. Стриги.
Апрель 15-е.	Прибытие великого князя в Москву.
После 17 апреля.	Отправка войск в Галич для похода на Каму.
Май 1–8-е.	Нападение казанцев на Муром.
Лето? [после 8 мая?]	Нападение ордынцев на Беспуту.
Мая 9-е.	Поход из Вологды к Устюгу.
[23 мая]	Второе нападение казанцев на Муром. Поход князя Холмского.
[Май-июнь]	Поход судовой рати по Вятке и Каме.
Июнь 4-е.	Бой войска князя Ф. Ряполовского на Волге [у Звенича Бору].

Летописное изложение событий летнего похода 1468 г. кончается известиями об отходе северной судовой рати и войск князя Федора Ряполовского. Никаких сведений о последующих событиях (лета, осени и зимы вплоть до весны 1469 г.) в нашем распоряжении нет. По логике событий, военные действия должны были продолжаться как с той, так и с другой стороны. Отсутствие летописных известий можно объяснить только специфическим характером летописи как источника. По тем или иным причинам, летописец рассказывает не обо всех, а только о некоторых имевших место событиях. Выбор этих событий может, в первую очередь, определяться степенью осведомленности летописца, т. е. наличием в его распоряжении соответствующих источников, но также и его отношением к соответствующим событиям. События второй половины 1468 г. могли не отразиться в источниках, известных летописцу, т. е. в официальных документах и в рассказах участников, могли не привлечь его внимания в силу своей малой значимости (с его точки зрения) или нежелательности для включения в летописное повествование (опять-таки с точки зрения составителя летописи).

Что происходило на широком фронте борьбы с ханом Обреимом между летом 1468 г. и весной 1469 г., нам не известно. Но именно это отсутствие известий может косвенно свидетельствовать о том, что

серьезных, крупных событий в этот период не было — в противном случае, они, по всей вероятности, так или иначе отразились бы в последующем изложении.

Кампания 1468 г. окончилась неудачей. Тем не менее, с точки зрения эволюции военной организации великого княжества Московского, эта кампания представляет большой интерес.

Это первое большое военное предприятие Ивана III. В отличие от походов начала 60-х гг. по северным рекам в сторону Урала,[1] в отличие от похода 1463 г. в Ливонию, носившего локальный характер,[2] здесь были задействованы силы русских войск на обширном театре войны. Кампания 1468 г. была военной акцией большого масштаба, преследовавшей важные политические цели — подчинение Казанского ханства влиянию Москвы. Эта была первая наступательная война против улуса Чингизидов. Впервые после Куликовской битвы Русская земля от обороны на востоке перешла к наступлению.

Широко поставленная задача требовала привлечения крупных сил. Фактически в кампании 1468 г. участвовали воинские контингенты двух типов — княжеско-служилое ополчение среднерусских городов и земское ополчение северных уездов.

Военные действия развертывались на широком фронте и на двух операционных направлениях, что в военной истории Руси наблюдается впервые. Широкий размах операций приводит к качественно новому методу руководства войсками. Впервые великий князь не идет в поход во главе своих войск, а находится в тылу, в Ставке, из которой осуществляется оперативно-стратегическое управление войсками. Впервые великий князь выступает в роли не тактического, а стратегического руководителя.

Впервые можно наблюдать зародыш аппарата управления, без которого руководство войсками из Ставки невозможно. Аппарат этот, очевидно, еще не оформился, как не оформилась и документация, исходящая от этого аппарата: летописные известия, носящие официальный характер, еще не похожи на разрядные записи. Следы деятельности аппарата управления можно видеть в фиксации распоряжений великого князя и в записях дневникового характера во «Владимирском стоянии».

---

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 90.

[2] ПЛ. II. С. 52 и др.

По нашим источникам, несмотря на их заведомую неполноту, впервые можно наблюдать некоторые черты стратегического почерка русского главного командования. Неудачный осенний поход Касима дал, по-видимому, толчок развитию оперативно-стратегической мысли. После осени 1467 г. проявились такие черты, как стремление к стратегической инициативе, действия на разных операционных направлениях, объединенные одной конечной целью, предусмотрительность и осторожность — стремление избежать излишнего риска. Проявились и недостатки оперативно-стратегического руководства, которое не сумело предвидеть и парировать эффективный контрудар казанцев, искусно действовавших по внутренним операционным линиям.

Не будет преувеличением рассматривать события кампании 1467 / 1468 гг. как начало нового этапа военной истории России — переход от удельно-княжеского уровня управления и руководства войсками к уровню государственному, соответствующему новому политическому облику Русской земли, превращавшейся в единое Российское государство.

Нельзя, вместе с тем, не увидеть и стойких черт старой военной системы. Элементы военной системы централизованного характера еще перемешиваются и сосуществуют со старыми традициями — выборным воеводой, земским «ватаманом», подобно тому как великокняжеское служилое ополчение детей боярских сосуществует с земским ополчением, идущим под знаменами великого князя.

Кампания 1469 г.

Кампания 1469 г. почти не подвергалась специальному изучению. В общих трудах по истории России она рассматривается в контексте русско-казанских отношений.[1] М. Г. Худяков посвятил ей две страницы своего исследования по истории Казанского ханства.[2] Наибольшее внимание уделил этой кампании К. В. Базилевич, рассматривая ее не только как важный шаг во внешней политике Ивана III, но и как военно-исторический сюжет.[3]

[1] Карамзин. С. 12–16, 229; Соловьев. С. 64–67

[2] *Худяков М. Г* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923 (далее — Худяков).

[3] Базилевич. С. 68–72.

Единственным источником для изучения этих вопросов является летопись. Особое значение имеет официальная великокняжеская летопись,[1] которая содержит наиболее полную информацию о распоряжениях великого князя и действиях войск. Наиболее существенным (и трудно решаемым) является вопрос о степени достоверности этой информации.

Источники, которыми пользуется летописец, могут быть разделены на официальные, основанные на документации, и частные (основанные на рассказах участников или современников событий).

Источники официального происхождения могут содержать более точную информацию о распоряжениях великого князя, имена воевод и даты событий; источники частного происхождения содержат детали, подробности и эмоциональные оценки.

Трудность заключается в том, что в изложении летописца и те, и другие источники выступают, как правило, в переработанном виде, поэтому разделение их при попытке анализа будет почти всегда носить ту или иную степень условности.

Однако при всем этом без такого деления обойтись трудно — оно в какой-то мере может служить ориентиром в классификации известий, приводимых в летописи.

Изложение событий 6977 (1468 / 1469 г.) великокняжеская летопись начинает с рассказа о переговорах по поводу брака с царевной Софьей. События излагаются в хронологическом порядке с точными датами: («Февраля 11... Марта 20...»), что свидетельствует о документальном характере источника.

Далее следует киноварный заголовок:

«Послал князь великий судовую рать на Казань.

Тоя же весны по Велице дни на другую неделю (т. е. 9 апреля. — *Ю. А.*) послал князь великий на Казанские места рать в судех. Воевода Константин Беззубцев Александрович, а с ним многие дети боярские, Двор свой. Также и от всея земли своей дети боярские изо всех градов своих, и изо всех отчин братии своей, по тому же».[2]

Итак, в поход идут три контингента детей боярских: Двор великого князя; «изо всех градов земли»; «изо всех отчины братии своей».

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

[2] Там же. С. 281.

Перед нами — своего рода тотальная мобилизация всего служилого ополчения великого княжества Московского.

Это заставляет вспомнить о событиях февраля 1468 г., когда «князь великий за три недели до Великого заговенья (7 февраля. — *Ю. А.*) поиде к Володимерю, а с ним братия его... и вси князи их, и бояре и воеводы, и со всеми людьми».[1] Но если тогда служилое ополчение собиралось во Владимире, то теперь оно идет в дальний поход.

«А с Москвы послал сурожан и суконников и купчих людей и прочих всех Москвичь, кто пригоже по их силе. А воеводу над ними постави князя Петра Оболенского Васильевича Нагого».

В отличие от февраля 1468 г., теперь кроме служилых людей — детей боярских — мобилизованы москвичи. Эта та самая «рать Московская», о которой впервые упоминается в «докончании» 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским: «А Московская рать, хто ходил с воеводами, те и нонеча с воеводами, и нам их не приимати».[2] Эта формула в модифицированном виде повторяется во всех последующих «докончаниях» великих князей с их серпуховскими «молодшими братьями»: «А Московская рать ходит с моим воеводою, великого князя, как было переже сего».[3]

Воевода великого князя во главе московской рати, надо полагать, это нововведение Дмитрия Донского после реформы управления Москвой — отмены должности тысяцкого, традиционного представителя земского ополчения.[4]

Формула летописного известия 1469 г. конкретизирует понятие «рать Московская». Это четыре категории людей: сурожане; суконники; купчие люди; «и прочие все Москвичи... кои пригоже по их силе».

В поход идут привилегированные торговые люди — сурожане и суконники — цвет московского городского населения. Призыв их под знамена свидетельствует о масштабе мобилизации. Купчие люди и

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

[2] ДДГ. № 11. С. 32.

[3] ДДГ. № 13. С. 39; № 27 С. 71; № 45. С. 131; № 56. С. 171; № 58. С. 182.

[4] В 1374 г. «Сентября 17 преставился в чернецех и схиме» последний московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов. О реформе см.: *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 19–20; *Фроянов И. Я.* О возникновении монархии в России // Начало русской истории. СПб., 2001. С. 901–902; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 172–174.

«все прочие Москвичи» мобилизуются «по их силе», т. е. в зависимости от своих достатков, вероятно, по определенной норме (вроде псковского «разруба»). В полном соответствии с межкняжескими «докончаниями», во главе московской рати идет воевода, поставленный великим князем.

Таким образом, в поход были призваны как служилые люди, так и земское (городское) ополчение столицы.

Известен неудачный опыт призыва московского ополчения. В 1435 г. «Москвич гостей и прочих поим с собою» великий князь Василий для отражения внезапного нападения Юрия Галицкого. Но в бою 25 апреля на Клязьме, в 20 верстах от Москвы, по словам летописца, «от Москвич не бысть никоея помощи, мнози бе от них пьяны бяху, а и с собою мед везяху, что пити еще».[1] Из этого единственного, хотя и важного, эпизода никаких выводов о степени боевой ценности московской рати делать нельзя. Великие князья и до, и после этого случая включали клаузулу о московской рати в свои договорные грамоты, что свидетельствует о том, что московской рати придавалось серьезное значение. Это подтверждает и рассматриваемое нами известие: большой поход на Казань требовал участия московской рати во главе с воеводой великого князя.

Итак, великий князь, исполняя свои функции главы государства — верховного главнокомандующего, назначает высший командный состав идущих в поход войск: 1) воеводу во главе всей рати; 2) воеводу московской рати. Особое назначение воеводы московской рати может говорить об особом ее положении в составе всего войска.

«И те поидоша Москвою рекою к Новугороду Нижнему. А иные Клязьмою. А Коломничи и все, которые выше их по Оце, Окою поидоша, и Муромцы тако же. А Володимерцы, и Суздальцы, Клязмòю, и Дмитровцы, и Можаицы, и Угличане, Ярославци, Ростовци, Костромичи и прочие вси поволжане Волгою к Нову же Городу на один срок. И снидошася вси ти во едино место в Новъгород».

Перечислено поименно 11 городов, включая Москву. Но это не весь перечень: есть «которые выше по Оце», чем коломничи, есть «прочий вси Поволжане». Перечень городских полков 1469 г. можно сравнить с соответствующими сведениями 1375, 1380 и 1386 гг.

Состав полков в походе 1375 г. на Тверь отражен в Вологодско-Пермской летописи. На Тверь с великим князем Московским Дмитрием

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

шли со своими полками князья: Суздальские (четверо), Ростовские (трое), Смоленский, Ярославские (двое), Белозерский, Кашинский, Моложский, Стародубский, Брянский, Новосильский, Оболенский, Турьский. Всего поименно перечислено 18 князей из 12 городов.[1] Перечислены именно князья — на Тверь идет княжеское ополчение во главе с великим князем. Маршруты движения, место сбора и дата не указаны.

Известие о походе 1380 г. на Дон в Вологодско-Пермской летописи содержит сообщение, что великий князь Дмитрий «всему войску повеле писать... да будете готовы все на Успение... на Коломне, и переберем полки, и дам воеводу кое нужно полку».[2] Итак, по данному известию сбор войск проводился по письменному распоряжению великого князя, который назначил срок и место сбора войск. Назначение воевод великим князем должно было состояться после сбора войск и «перебора» полков.

С великим князем Дмитрием шли в поход князья Белозерские, Кемский, Андомский, Каргопольский, Ярославский, «Серпьский», Ростовский «и иные мнози».[3]

В результате «перебора» полков, были сформированы во главе с воеводами великого князя полки: Коломенский, Володимерский, Костромской и Переяславский. Муромские князья вели свой полк сами.[4]

Таким образом, если буквально верить этому летописному рассказу, формирование полков и назначение воевод состоялось после сбора и смотра войск самим великим князем. Несмотря на вероятную неполноту летописного известия, оно рисует в общем правдоподобную (не противоречивую) картину сбора и организации войска перед Куликовской битвой.

Состав войск в походе 1386 г. на Новгород освещен в летописях Новгородской IV, Софийской I старшего извода и Вологодско-Пермской (другие летописи помещают об этом событии только краткие сообщения). Перечни «ратей» в этих летописях восходят, очевидно, к одному источнику и расходятся только в деталях. Никаких данных о месте и времени сбора войск, об их организации летописи не приво-

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 122; Т. 37 С. 75.

[2] Там же. Т. 26. С. 130.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 133.

дят. С великим князем пошли рати: Московская, Коломенская, Звенигородская, Можайская, Волочская, Ржевская, Серпуховская, Боровская, Дмитровская, Переяславская, Володимерская, Юрьевская, Муромская, Мещерская, Стародубская, Суздальская, Городецкая, Нижегородская, Костромская, Угличская, Ростовская, Ярославская, Моложская, Галичская, Бежецкая, Белозерская, Вологодская, Устюжская, Новоторжская — всего 29 наименований. На Новгород идет ополчение всех русских городов (кроме Рязани и Твери). О князьях, идущих в поход, не упоминается. О воеводах, назначенных великим князем, не говорится.

По масштабам три похода Дмитрия Донского сопоставимы с походом 1469 г. Естественным образом расходится номенклатура городов, в силу тех изменений в политической географии, которые произошли за 80–90 лет после Донского. Но содержание летописных известий расходится существенно. Если в 1375, 1380 и 1386 гг. великий князь шел сам во главе своих полков, то в 1469 г. непосредственное командование войсками поручено воеводе, а великий князь остается в своей Ставке. Поэтому не могло быть ничего похожего на смотр войск и назначение воевод, проделанные Дмитрием Донским в походе 1380 г.

Кто возглавлял рати, мобилизованные весной 1469 г.? Константин Александрович Беззубцев — представитель боярского рода Кошкиных, одного из самых старых и влиятельных в Москве. Сам Константин Александрович в 1450 г. отразил нашествие ордынского улана Малыш-Бердея и во главе своего Коломенского полка разбил его на р. Битюге.[1]

Таким образом, во главе войск, собравшихся у Нижнего Новгорода, был поставлен воевода опытный, имевший заметные боевые заслуги. Глава Московского полка князь Петр Васильевич Оболенский Нагой — четвертый сын князя Василия Ивановича, выдающегося воеводы Василия Темного (в 1450 г. взял Галич) и младший брат другого известного воеводы — Ивана Стриги (разбил в 1456 г. новгородцев под Старой Руссой). В 1469 г. он был, по-видимому, еще молодым человеком: в 90-х — 500-х гг. был воеводой в походах на Литву, а с 1498 г. упоминается как боярин.[2] Во главе столичного полка стоял молодой воевода, сделавший впоследствии большую карьеру. Назначение его, сына и брата знаменитых военачальников, главой Москов-

[1] Там же. Т. 25. С. 271.

[2] Зимин. С. 45, 50.

ского полка свидетельствует о важном значении этой рати в составе великокняжеского войска.

В известии 1469 г., как и в 1380 г., точно указаны время и место сбора войск. Но если в 1380 г. пути движения к этому пункту не названы, и, очевидно, были предоставлены усмотрению самих князей, ведших свои рати, то в 1469 г. пути подробно расписаны. Источник, содержащий подробные сведения, имеет, скорее всего, документальное происхождение — из канцелярии великого князя; именно здесь могли назначаться маршруты войскам.

Отсутствие великого князя при войске, идущем в поход, ставило проблему, не известную во времена Дмитрия Донского, — проблему организации связи и управления войсками со стороны главного командования, находившегося далеко от театра военных действий.

Функции этого командования в лице великого князя не ограничивались посылкой рати к Нижнему Новгороду.

«А к Устюгу послал князь великий воеводу своего князя Данила Васильевича Ярославского, да с ним свой Двор, детей боярских...».

Итак, великий князь посылает не одну, а две рати по разным операционным направлениям. «Двор» — не единое целое соединение, а собирательное имя: это дети боярские, служащие с Двором, а не с городом. Очевидно, уже существовали какие-то дворовые списки — предшественники будущей Дворовой тетради. Дети боярские Двора ходят в походы с разными воеводами, вместе с детьми боярскими из городов: деление детей боярских на дворовых и городовых — уже налицо.

К Устюгу великий князь послал «...Ивана Гавриловича, Тимофея Михайловича Юрла, Глеба да Василия Семеновых детей Филимонова, Федора Борисовича Брюха, Салтыка Травина, Микиту Константинова, Григория Верхушкова, Андрея Бурдука...».

Поименно названные — это, видимо, головы, т. е. предводители отдельных подразделений.[1] «А с Вологды воевода князь Андреев Меньшого Семен Пешек Сабуров с Вологжаны». Вологжане составляют отдельную часть (полк). Эти люди князя Андрея Меньшого с его воеводой — едва ли не первое проявление деятельности молодого вологодского князя (род. 8 июня 1452 г.). Еще зимой 1468 г., во время Владимирского сбора войска, князь Андрей Меньшой сидел в Москве

[1] Базилевич. С. 66.

вместе с Андреем Большим. Семен Пешек Сабуров — единственный удельно-княжеский воевода, упоминаемый в походе 1469 г. Воеводой северной рати идет один из ярославских князей. Его родственник князь Семен Романович возглавлял зимний поход в Черемисскую землю в 1467–1468.[1] Переход ярославских князей на службу великому князю Московскому — характерное явление, связанное с распадом прежней ярославской княжеской системы и включением Ярославской земли в состав великого княжества. При этом ярославские князья возглавляют именно северные рати, набранные из жителей земель, близких к Ярославлю.

«И пришед на Устюг, поидоша в судех к Вятке, а Устюжане с ними же».

По всем имеющимся данным, служилое землевладение на Вологде и на Устюге было слабо развито, и надо полагать, что в судовой рати участвовали не только и не столько служилые люди, но и земское (городовое) ополчение, привычное к речным походам. Шли волоком из Устюга в бассейн Вятки, по уже не раз испытанным (в том числе и год назад) путям.

«И прииде к Вятке, и начаша Вятчанам глаголати речью великого князя, чтобы пошли с ними на Казанского царя». Очевидно, воевода князь Данило Васильевич Ярославский имел полномочия обратиться к вятчанам от имени великого князя.

Поход судовой рати 1469 г. имеет общие черты с походом предыдущего года. Войска собираются к открытию навигации к Вологде и Устюгу, судовая рать идет в Вятскую землю. Но на этот раз из Москвы идут не казаки-добровольцы во главе с Иваном Руно, а дворовые дети боярские во главе с воеводой — лицом высшего ранга, облеченного полномочиями от великого князя. Уровень командования на ступень выше; надо думать, что и численность войск больше, и задачи более ответственны. Самое главное — поход северной судовой рати на этот раз дополнен походом главных сил к Нижнему Новгороду с очевидной дальнейшей задачей движения на Казань.

Необходимым или, во всяком случае, крайне желательным условием успешности похода северной рати было участие вятчан, которое должно было не только усилить состав самой рати, но и обеспечить ее тылы и связи с Москвой.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

Но на предложение-предписание великого князя, сделанное от его имени воеводами судовой рати, вятчане «рекоша к ним: изневолил нас царь, и право свое дали есмя ему, что нам не помогати ни царю на великого князя, ни великому князю на царя».

Отказ вятчан от участия в походе носил официальный характер и имел существенно важное значение, фактически в большой мере подрывая саму стратегическую идею удара с двух направлений. Нельзя не отметить крупный успех казанской политики и стратегии — успешного для казанцев похода на Вятку в 1468 г., приведшего к таким важным результатам.[1] Можно отметить и другое — слабость политических связей Москвы и Вятки, недостаточность московского влияния на вятчан.

Но пребывание северной рати в Вятской земле имело еще более важные последствия.

«А в ту пору был на Вятке посол Казанского царя, и тот послал весть к Казани, что и отселе идет от Вятки рать великого князя судовая, но не во мнозе».[2] Таким образом, и маршрут движения, и состав судовой рати оказались раскрытыми для противника. В таких условиях трудно было рассчитывать на успех. Отметим, что, по оценке казанского посла-разведчика, судовая рать идет «не во мнозе». Перед ней, по-видимому, стояла задача нанесения сковывающего (отвлекающего) удара для облегчения действий главных сил, собиравшихся в Нижнем Новгороде.

Описание похода северной судовой рати носит в какой-то мере документальный, официальный характер — в источнике могли быть официальные сведения, наказы и донесения, включенные в летопись в переработанном виде.

Рассказав о первом этапе похода северной рати, великокняжеский летописец возвращается к рати Константина Александровича Беззубцева.

«А Константин Беззубцев со всеми предписанными вои совокупився стояше в Новогороде в Нижнем. И прислал к нему князь великий грамоту свою, веля ему самому стояти в Новегороде, а которые под

[1] М. Г. Худяков считает, что в 1468 г. Хлынов был взят и туда назначен наместник Казанского ханства (см.: Худяков. С. 34), однако в наших источниках таких сведений нет.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

ним дети боярские и вси прочии вои восхотят, тех повеле ему отпускати воевати мест Казанских».[1]

Великий князь осуществляет одну из функций главного командования — шлет директиву в форме грамоты воеводе, стоявшему с собранными войсками. Смысл этого письменного предписания заключается, видимо, в том, чтобы, сохраняя основное ядро войск в Нижнем, частью сил нанести удар по казанским местам — с обычной целью грабежа и опустошения, а также, может быть, отвлечения внимания от северного направления.

Главные силы, собранные в Нижнем, должны оставаться под непосредственным командованием своего воеводы — в готовности к походу на Казань.[2] Вероятнее всего, рать Беззубцева должна была двинуться в поход после получения известий об успешных действиях северной рати, наносившей сковывающий, вспомогательный удар.

Обращает на себя внимание предоставление широкой инициативы воеводе — численность войск, отпускаемых под Казань, он должен определить сам, опираясь на желание тех, «кто восхотят».

«Он же, прочет грамоту и разосла по всех сущих под ним. Сшедшим же ся к нему всем князем и воеводам и сказа им, что прислал к нему князь великий грамоту, а велел всем вам, кто въсхочет идти воевати Казаньские места по обе стороны Волгы, а мне велел здесе быти в Новегороде. И вы пойдете, а к городу к Казани не ходите». Устное распоряжение Беззубцева основано на директиве великого князя. Не ясно только, содержалось ли в директиве запрещение добровольцам идти к Казани, или оно было сделано воеводой по собственной инициативе. В любом случае, оно соответствовало идее рейда ограниченными силами без участия основной массы войск, собранных в Нижнем Новгороде. Основная масса судовой рати, собранной со всех городов великого княжества, должна была оставаться в Нижнем под командованием своего воеводы.

«То же слышавше вои князя великого рекоша воеводе своему Костянтину: "Все хотим на окаянных Татар за святые церкви и за своего

[1] Там же.

[2] К. В. Базилевич считает, что директива Беззубцеву была дана с учетом того, что хан знает о движении северной рати (см.: Базилевич. С. 68). Л. В. Черепнин видит в директиве Беззубцеву черты «феодальной войсковой демократии» (*Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 62–63).

государя великого князя Ивана и за православное христианство" И поидоша вси, и Костянтин остался в Новегороде».

Неопределенно поставленная задача привела к неожиданным результатам. Судя по летописному известию, прошло нечто вроде вечевой сходки. Импровизированное волеизъявление «всех воев» не соответствовало ни директиве великого князя, ни распоряжению самого воеводы. Замысел всей операции был коренным образом нарушен. Выражение «вси вои» не значит, конечно, что «все поголовно», но, во всяком случае, основная, бóльшая часть войска изъявила желание «идти воевати Казанские места».

Воевода Беззубцев, оказавшись перед фактом столь массового волеизъявления, не стал противиться ему и отпустил «всех воев», тем самым полностью нарушив полученную им директиву великого князя. По существу своему, такое действие (вернее, бездействие) воеводы, поставленного во главе всей судовой рати Русской земли, не может расцениваться иначе, как серьезнейшее должностное преступление с самыми тяжелыми последствиями.[1] Воевода-главнокомандующий нарушил данную ему директиву, потерял управление войсками и существенно ослабил вверенную ему рать. Это событие свидетельствует о низком уровне дисциплины высшего командного состава русского войска.

То, что произошло в Нижнем Новгороде, имеет своей основной причиной, надо полагать, не злой умысел воеводы или его личные недостатки как командующего, а сохранение в общественном сознании старых, неизжитых еще традиций общинно-вечевых времен, допускавших и даже предполагавших широкую, фактически неограниченную инициативу частных начальников и самих воинов. Поход «на Казанские места» отвечал идеалам лихой, удалой вольницы, соответствовал общепринятым представлениям о борьбе против «окаянных», а кроме того, сулил богатую добычу. Необходимо отметить, что исходное зерно этого проявления старых традиций заключалось в самой грамоте великого князя с ее достаточно неопределенной постановкой задачи. Видимо, и в Ставке не были еще преодолены привычные, освященные веками представления об организации управления войсками.

---

[1] «С самого начала оказался нарушенным весь хорошо задуманный план похода» (Базилевич. С. 68).

Так или иначе, с этого момента начинается новый этап всей кампании — этап самостоятельных действий судовой рати на Волге. Меняется и характер изложения.

«И поидоша из Окы под Новъгород под старой, сташа под Николою на Бечеве, и вышед из суд идоша в город к старой церкве Преображения Господня, и повелеша ту идущим священником молебны совершати за великого князя и за вои его... И отоля шед, такоже и у святого Николы молебнаа створиша, милостыню даша кождо их противу силе».

В этих известиях, лишенных всяких признаков официальности, чувствуется рассказ очевидца-участника событий.

«По сих же совокупишеся вси за едино и начаша мыслити себе, кого поставити воеводою, чтобы единого всем слушати. И много думав, избраша себе по своей воле Ивана Руна».

Вечевой, стихийный характер действий «воев»-добровольцев здесь проявляется в полной силе. Они сами избирают себе воеводу — вещь немыслимая в сколько-нибудь дисциплинированном войске, знающем субординацию. Воевода избирается общей сходкой «воев», вышедших из судов на берег, сохраняется и характерная терминология вечевых сходок — «много думав».

Избрание Ивана Руна объясняется, вероятно, исключительно его личными качествами. Он был известен, по-видимому, как смелый и опытный предводитель. Сам великий князь знал его и в предыдущую кампанию доверил ему посланных с Москвы на Север «казаков». Руно отличился и в бою с казанцами на Каме в 1468 г. Опыт прошлогоднего похода судовой рати во главе с Руном, очевидно, импонировал «воям», собравшимся в Нижнем Новгороде.

«И того же дни отплывше от Новагорода 60 верст, ночевали, и на утро обедали на Рознежи, и ночевали на Чебоксаре, и от Чебоксари шли весь день, да и ночь ту всю шли. И приидоша под Казань на ранней заре Маия 21, в неделю 50-ю».

Походные записи участника дают редкую возможность определить примерный темп движения судовой рати.

По карте от Нижнего до Чебоксар около 200 км. За первый день (вероятно, неполный — вышли не с рассветом) прошли 60 верст. Значит, за второй, с утра до ночи, — 140 верст, верст по 10 в час. От Чебоксар до Казани — 120 верст, шли день и ночь (ночью, вероятно, медленнее) — примерно 5–10 верст в час. Всего от Нижнего до Казани по Волге — 320 км, как видно, три дня пути вниз по реке с ночевками.

Начало похода Ивана Руна состоялось, видимо, 18 мая. Идя вниз по течению, судовая рать достигнет Казани раньше, чем могла бы идущая по берегу конница, которой для преодоления 300 верст нужно не менее 5–6 дней.

При быстром движении по течению легко достигнуть эффекта внезапности. И он, очевидно, был достигнут.

«И вышед из суд, поидоша на посад, а Татаром Казаньским еще всем спящим».

Избранный воевода Иван Руно с самого начала грубейшим образом нарушил инструкцию, данную ему воеводой великого князя. Не воевали «Казанские места по обе стороны Волги», а устремились к самой Казани, хотя им было прямо сказано: «к городу к Казани не ходите». Велик был соблазн удара по вражеской столице, удара внезапного, и потому допускавшего возможность эффектного успеха. И этот соблазн взял верх над воеводской инструкцией, над всем планом кампании, выработанным в Москве, в аппарате великого князя.

Суда служили только средствами передвижения. Боевые действия как таковые, напомним, развертывались на берегу.

«И вышед из суд... повелеша трубити, и татар начаша сечи и грабити, и в полон имати».

Трубили, вероятно, по боевому обычаю, а также для того, чтобы усилить панику у татар, захваченных врасплох нападением на утренней заре. Татары, видимо, не несли сторожевой службы на речных подступах к своей столице.

«А что полон был туто на посаде христианской, Московской и Рязанской, Литовской, Вяцкой и Устюжской, и Пермской, и иных прочих градов, тех всех о[т] полониша».

Дерзкий набег сопровождался не только избиением и разграблением татар, но освобождением христианского полона. По своему выгодному географическому положению Казань была важным пересыльным пунктом, откуда захваченный на Руси полон отправлялся далее — на восточные работорговые рынки. Освобождение пленников придавало набегу Руна нравственно возвышенную окраску и отличало этот поход великокняжеских войск от набегов удалых, но вполне беспринципных ушкуйников прошлых времен.

По словам очевидца-участника, посад города Казани был полностью разгромлен и сожжен, а население его беспощадно уничтожено, как

полагалось по нормам средневековой военной этики по отношению к противникам-иноверцам.

Атака Казани, сожжение посада, освобождение пленников имели несомненный морально-политический эффект: впервые грозная столица казанских ханов увидела под своими стенами русские войска, впервые горели посады не русских городов, а ханской столицы.

Но, отвлекаясь от этого морально-политического эффекта, нельзя не отметить, что сожжение посада само по себе отнюдь не могло решить главной задачи — овладения городом.

«Погоревшим же посадам, и рать отступи от града, а уже и истомившимся им велми, и вседше в суды свои отъидоша на остров Коровнич, и стояша ту седмь днии» (т. е. до 28 мая).

Эффект внезапности был исчерпан, а силы войска Ивана Руна истощены. Пребывание на острове в непосредственной близости от Казани подвергало русское войско большой опасности, да и не имело, вообще говоря, никакого смысла, если только Руно не ожидал скорого подхода подкреплений из Нижнего Новгорода или удара северной рати вниз по Каме на Волгу. Однако едва ли он мог строить свои расчеты на этих в высшей степени сомнительных предположениях. Напротив, были все основания ожидать контрудара со стороны казанцев.

«Ту прибеже к ним ис Казани полоняник Коломнятин, сказывая им, что до полна собрался на них царь Казанский Обреим со всею землею своею с Камскою, и с Сыплиньскою, и с Костяцкою, и Беловоложскою, и Вотяцкою, и з Башкирскою, и быть ему на вас на ранней заре и судовою ратью и конною».

Царь Обреим, ничем не скованный, имел полную возможность мобилизовать и стянуть свои силы для удара по судовой рати Руна, действуя по внутренним операционным линиям. Перечисление шести «земель» Обреима взято, вероятно, из какого-то официального (может быть, дипломатического) источника. Для нас важно, что это именно главные силы казанского царя.

«И то слышавши воеводы великого князя и все вои его, и начаша отсылати от себя молодых людей з большими суды, и сами осташася назади на брезе боронити тех. А повелеша им шед стати на Ирыхове острове на Волзе, а на узкое место не ходите».

Распоряжение отдает не единоличный воевода, Иван Руно, а «воеводы» и «вси вои». Опять происходит какое-то собрание, нечто вроде вечевой сходки, где и вырабатывается решение.

«Молодые люди» — беднота, маломощные и малодоспешные. «Большие суды» — значит, были и «малые», более маневренные. Возможно, на больших судах были добыча и припасы.

Оборона организуется на берегу, который, очевидно, прикрывает Ирыхов остров.

«Они же, не послушав, поидоша во узкое место, а в больших судех».

«Узкое место» — где-то между островами и берегом. «Молодые люди» оказались не более дисциплинированными, чем их старшие. Они не подчинились прямому распоряжению воевод и «всех воев» и со своими большими, громоздкими судами пошли в узкое место, подвергая и себя, и доверенные им суда большой опасности.

«И ту приидоша на них Татарове на конех, и начаша стреляти, хотяше бы бити их. Они же, противу им стреляюще, отбишася от них».

Конная татарская рать подошла к берегу и осыпала стоявшие в узкости большие суда тучами стрел. «Молодые люди», по словам летописца, «отбишася», не дав захватить суда. Бой, таким образом, носил характер перестрелки из луков.

Нельзя не подчеркнуть, что самостоятельные действия, нарушение дисциплины, снова ставили русские силы под угрозу поражения по частям. Дух вечевой вольности далеко не был изжит во всех эшелонах управления войсками, создавая большие трудности для проведения целесообразных и продуманных действий.

«А судовая рать Татарская, лучшие князи и людие, поидоша на великого князя рать на судовую, как пожрети хотяще, не многих бо видя их оставшихся».

Главные силы, «лучшие люди» татар, идут в судовой, а не конной рати. Живописное выражение «как пожрети хотяще» носит традиционный характер — обозначение яростной атаки.

Оставшиеся в распоряжении Руна силы были немногочисленными. В бою за посад они понесли какие-то потери, оставшиеся он разделил, отослав «молодых людей».

Тем не менее, «си же не убоявшеся поидоша противу Татар, аще и мнози суть, и много бившеся прогониша Татар до самого города Казани полоем и под стену, и возвращьшеся, сташа шед на Ирыхове острове, и совокупившася ту вместо и з большими суды».

Итак, бой главных сил судовых ратей был, по словам летописца, выигран русскими, но фактически закончился их отступлением к Ирыхову острову. Отражение удара казанцев имело тактическое, а не опе-

ративное значение. Проблемы остались те же — Казань не взята и взята быть данными силами не может; стоянка на Ирыхове острове продолжает оставаться и опасной, и бесперспективной, если только не изменится оперативная обстановка (подход сил из Нижнего, удар по Казани с тыла северной ратью).

«Стоящим же им на том острове, и ту прииде к ним Константин Александрович Беззубцев, воевода их болшей». Прибытие воеводы Беззубцева (очевидно, с какими-то силами) улучшило положение судовой рати на Ирыхове острове. Во всяком случае, произошло соединение русских сил, шедших Волгою, что уменьшило опасность стояния под Казанью и увеличивало шансы на последующий успех.

Воевода Беззубцев пошел под Казань либо по своей инициативе, либо, что более вероятно, — по директиве великого князя, во всяком случае, с ведома последнего. Главное командование, видимо, решило продолжить операцию против Казани, согласно первоначальному плану (как этот план вырисовывается из апрельско-майского развертывания войск).

Воевода Беззубцев «пришед, посла к Вятке великого князя словом к Вятчанам, чтобы пошли к Казани ратью, и срок им учинил от того дни полчетверты недели». Воевода Беззубцев выступает как доверенное лицо верховного командования, действует от его имени (по его уполномочию).

«Вятчане же отвечаша: коли подъидут под Казань братиа великого князя, тогды пойдем и мы».[1]

Ответ вятчан характерен для межкняжеских договоров, обязывающих стороны выступить при определенных условиях. Во всяком случае, он означает фактический отказ от совместных действий с войсками великого князя — в соответствии с вятско-казанским «докончанием», на которое ссылались вятчане в переговорах с северной ратью. Таким образом, основная идея плана — удар на Казань с двух сторон — окончательно отпала. Реальные военные действия развертывались совсем не по тому сценарию, который был составлен в Москве перед весенним походом. Действительность оказалась гораздо сложнее и неблагоприятнее.

Отказ вятчан от взаимодействия с войсками воеводы Беззубцева делал дальнейшее пребывание этих войск у стен Казани совершенно бессмысленным.

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 283.

«Костянтин же за тот срок со всею силою стоял другую полчетверти недели, а от великого князя воевод и от Вятчан не бывали к ним никакова весть. А у них начат уже корму не ставати, не много бо с собою запаса имали, поне же шли изгоном».[1]

Положение судовой рати, пытавшейся взять Казань «изгоном», стало критическим. Наладить снабжение войск за счет грабежа окрестных мест, очевидно, не удалось. Войска стояли в центре враждебной страны и могли ежедневно ожидать нападения крупных сил противника. Никакой связи с верховным командованием не было — войска были предоставлены сами себе, и их воевода должен был принимать самостоятельные решения. Таким образом, верховному командованию не только не удалось организовать оперативное взаимодействие северной и волжской ратей, но и сохранить связь с волжской ратью. На этом критическом этапе кампании главное командование утратило управление войсками. Теперь все зависело от самодеятельности воевод — начальников оперативных групп, разобщенных между собой и не связанных с центром.

Сказался основной недостаток подготовки волжской рати — она не была ориентирована на длительную, упорную борьбу за Казань. Расчет строился, очевидно, на быстром решительном двустороннем ударе, и запасы имелись только в ограниченном количестве.

«И поиде Костянтин со всеми вои с Ирыхова к Новугороду к Нижнему вверх». Этим обозначилась полная неудача похода волжской судовой рати и фактически неудача всей кампании.

Сколько же простояла русская рать под Казанью?

Появившись 21 мая, она до 28-го стояла под самым городом, а с 28-го — на Ирыхове острове. Через какое-то время появился воевода Беззубцев и стоял здесь то ли 3 ½, то ли дважды 3 ½, т. е. всего семь недель. Если считать, что Беззубцев прибыл через неделю после отхода к Ирыхову острову, т. е. 5 июня (допущение совершенно произвольное, основанное только на предположении, что Беззубцев не мог надолго терять из виду свои войска, ушедшие к Казани), то срок появления вятчан был назначен на 1 июля. Если он простоял на Ирыхове острове два таких срока («другую полчетверти недели»), то отход начался примерно 25 июля. Если так, то «стояние» под Казанью длилось два месяца. Если же считать, что отход начался после истечения

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 283.

первого срока, назначенного вятчанами, то это событие произошло в первых числах июля, и срок «стояния» на Ирыхове, соответственно, сокращается в два раза.

Все, что мы знаем об этом «стоянии» — из рассказа очевидца-участника, который не приводит ни цифр, ни точных дат (за исключением даты подхода к Казани и ее атаки). Ничего не известно о каких-либо действиях русских и татар в течение месяца или двух «стояния» у Ирыхова. Само отсутствие известий в рассказе участника может косвенно свидетельствовать о том, что крупных событий (вроде повторной атаки казанцев на судовую рать или попытки новой атаки на Казань со стороны русских) за это время не было. Собранная у Ирыхова судовая рать фактически бездействовала, и положение ее неуклонно ухудшалось. Никаких дальнейших перспектив не было видно. В этих условиях решение воеводы Беззубцева об отходе к Нижнему Новгороду следует считать единственно правильным, соответствующим сложившейся обстановке. Как и осенью 1467 г., после неудачной атаки царевича Касима, приходилось отступать под давлением непреодолимых обстоятельств и по собственному решению воеводы.

«Гребшим же день той и на утрее до полутора, и ту срете их царица Касимова, Казанского царя мати Обреимова... и начат говорите воеводам великого князя: "князь великий отпустил меня к моему сыну со всем добром и с честью, то уже не будет никоего же лиха межи их, но все добро будет"».

Речь царицы была либо умышленной ложью, либо неумышленным заблуждением. Из ее слов можно было заключить, что между Москвой и Казанью достигнуто соглашение, и военные действия прекращены. Следует еще раз обратить внимание на полное отсутствие связи между Москвой и судовой ратью: воеводы не имели никакого представления о том, что делалось в Москве. В этих условиях дезинформация могла иметь определенное значение.

«И поплы мимо их, а ини вверх поидоша. И приишед на Звенич, ночеваша ту с субботы на неделю».

По данным Типографской летописи, Звенич Бор — в 40 верстах от Казани.[1] Грести приходилось против сильного течения Волги, и до Звенича Бора добрались только к вечеру второго дня.

[1] Там же. Т. 24. С. 187.

«И в пол утра повелеша в неделю себе обедню служити сущим с ними священником, а ести на себя чинити. Отслуша обедню, хотеша сести ести, а у иных церквей еще не успеша и обедни отслужите».

В судовой рати, значит, была не одна походная церковь.

«И в то время приидоша на них Казаньстии Татарове, вси князи и вся земля их, судовою ратью и конною по берегу».

Очевидно, татары следовали за судовой ратью Беззубцева по пятам, отстав от нее на два дневных перехода. В отличие от русских, татары имели не только судовую рать, т. е. пехоту, но и конную. Нападение татар было, видимо, неожиданным. Конница шла, очевидно, по левому берегу Волги.

«Видевше же то, воеводы великого князя и вси воя его поидоша в суда свои и погребоша противу судовой рати Татарские и начаша битися с ними».

Бой происходит в данном случае на воде, суда сражаются с судами.

«И одолеша христиане Татаром, они же бежали к берегу, иде же конная рать их бяше. Коннии же татарове начата з брега наших стреляти, и они отступиша от них к своему берегу. А судовые Татарове опять воротишася за ними, си же обращяшася прогониша их к своим».

Бой шел с переменным успехом. Преимущество в судовой рати было у русских, но конная рать татар играла роль второго эшелона и не давала возможности развить успех боя на реке.

«И тако бишася весь день той и до самые ночи, и раззидошася кииждо на свой берег ночевати».

Бой фактически закончился вничью. В условиях действий на реке, хотя и широкой, наличие у одной из сторон конной рати давало ей неоспоримое преимущество. Отбив все атаки татар, русские могли рассчитывать только на возможность дальнейшего движения вверх по Волге, т. е. отступления, находясь при этом в невыгодных условиях из-за владения одним из берегов татарской конницей.

На этом рассказ очевидца, положенный в основу летописного известия, прерывается. Далее — киноварный заголовок «Знамение» и рассказ о событиях апреля 1470 г. («Месяца Апреля в 15 день...»).[1]

С точки зрения истории летописания, представляет интерес разрыв в известиях, на который обычно не обращают внимание.[2] Этот

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 283.

[2] *Тихомиров М. Н.* Предисловие к изданию великокняжеского свода // ПСРЛ. Т. 25; *Лурье Я. С.* Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 34.

разрыв — во всех летописях, где есть рассказ участника похода волжской рати.[1]

Итак, рассказ великокняжеской летописи о летней кампании 1469 г. представляет собой соединение двух известий: о походе северной рати князя Данилы Васильевича Ярославского и о походе волжской рати Константина Александровича Беззубцева. Основное внимание великокняжеская летопись уделяет именно ему. Рассказ великокняжеской летописи конца XV в. по Уваровскому списку об этом походе без существенных изменений вошел в другие летописи великокняжеского цикла.

Оригинальный рассказ приводит Устюжская летопись: «Мая 6970, на пятой неделе по Пасце, женился князь Андрей Васильевич...».

Известие не на месте. Оно относится к 1470 (6978) г. Взято из великокняжеской летописи и сюда искусственно вставлено.

«Тое же весны князь великий Иван послал рать судовую на Казань.

А братью свою, князя Юрия да князя Андрея Большого, послал берегом с конною силою, да с ними воеводы и князи, и Двор великого князя.[2]

А судовая рать наперед пришла под Казань Маия в 10 д[ень] в неделю пятидесятую.

А воеводы судовые рати нелюбья держат промеж себя, друг под другом ити не хочет.

И передумав, да поставили себе воеводу от середних бояр Ивана Дмитриевича Руна.

И приидоша под город Казань, в неделю пятидесятую утре, на ранней заре, безвестно; и сторожи Татарские не слыхали.

И взяти им было Казань; татарове спят, а рать судовая о стену пришла.

И понoровил татаром Иван Руно, отбил рать от ворот городных прочь и сам велел трубити во многие трубы.

И татарове, заслышаша, нарядилися».

Устюжская летопись проявляет зависимость от великокняжеской. Ряд известий ее опущен. Дата прихода под Казань перепутана, но рассказ содержит важные реалии, отсутствующие в великокняжеской летописи. Первое из них — известие об одновременной отправке в мае 1469 г. судовой и конной рати — является, по-видимому, ошибоч-

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 228; Т. 28. С. 289.

[2] Там же. Т. 37. С. 91.

ным: оно не находит подтверждения ни в других источниках, ни — главное — в последующих событиях. Второе известие — об обстоятельствах выбора на должность воеводы Ивана Руна — представляет интерес. Оно, по-видимому, взято из рассказа участника событий. Не поддержанное другими источниками, это известие не может быть безоговорочно принято, но не лишено правдоподобия — не противоречит известным фактам.

Зато третье известие — об измене Руна, «понаровившего» татарам и тем самым спасшим Казань от взятия, представляется досужим вымыслом, явно недостоверным, что уже отмечалось исследователями.[1]

Значительно больший интерес представляют известия Устюжской летописи о походе северной рати: «А вторую рать послал князь великий на Казань — князя Данила Александровича Пенка, да Никиту Константиновича, да Петра Плещеева, и иных многих, с ними Устюжане да Вятчане».[2]

Известие — местного, устюжского происхождения. Имена воевод даны неточно: князь Данило Ярославский — не «Александрович Пенко», а Васильевич,[3] как и написано в великокняжеской летописи. Плещеев — не «Петр», а Тимофей Юрло,[4] что также написано в великокняжеской летописи. Эти ошибки свидетельствуют о невысоком ранге автора рассказа, точно не знавшего имена воевод.

«А пошла рать мимо Устюга и Вятки. И пришли на Каму реку, и увидели Татарина на берегу, и начаша спрашивать: "Где рать великого князя стоит?" Он же сказал им: "Была рать у города да царь с князем Юрием мир взял и рать пошла прочь"».

«И князь Данило Александрович с воеводами и со всеми ратью пошел мимо Казань к Новогороду Нижнему.

А царь Абреим скопил много силы на Волзе в судех, а иных на конех по берегу, и доспел переем на рать. А князь Данило того не ведал».

Это известие представляет большой интерес. В основе его — рассказ очевидца-участника. Идя по Каме, судовая рать спустилась в Волгу, тут-то и произошла встреча с татарином, давшим ложную информацию. Судя по этому рассказу, рать князя Данилы Ярославского

---

[1] Базилевич. С. 69.
[2] ПСРЛ. Т. 37 С. 91.
[3] Зимин. С. 84.
[4] Там же. С. 195–197.

должна была выйти к Казани и соединиться с войсками великого князя, т. е. с ратью, шедшей по Волге от Нижнего. Показания татарина влекли русских в западню.

«И пришли под Казань, а татарове Волгу суды застали, и великого князя силы мало».

«И начаша битися на Волзе в судех за руки имаяся секлись. Князя Данилу убили, и Никиту Константиновича. А Петра Плещеева со многими товарыщи полонил в Казань. А Григорий Перхушков пробежал, не бившеся. А Устюжане билися. А князь Василий Ухтомский велми бился, и бил их, скачючи по судам, ослопом.

И многих Татар топили, и с суды, занеже Татары, поидучи на бой, суды вязали».

Пред нами — уникальное описание боя на реке, на судах, очевидно, со слов участника.

«А Устюжане сквозь рать татарскую пробилися, да и князь Василий Ухтомский да и ушли к Новугороду Нижнему.

А Устюжан убили: Андрея Федорова сына Коленова, да Степана Брыкова, а иных в полон взяли. А всех Устюжан погибло 110 человек, а татар бесчисленно побили и потопили.

А вси русские силы погибло 430 человек, и побили, и в полон вели, и во Орду свели. И князь великий многих из Орды выкупал».

Цифровые данные представляют, как всегда, особый интерес. Они реалистичны — счет идет не на сотни тысяч, как в мифотворческих летописных рассказах. Тут каждый человек на счету. Судя по потерям, устюжане составляли примерно четвертую часть русской судовой рати. В бою погиб экипаж примерно четырех устюжских насадов, а всего — примерно пятнадцати насадов.

Считая (по позднейшим псковским нормам) по одному воину с пяти дворов, получаем, что погибшие устюжане представляли примерно 550 дворов, а всего погибшая русская сила могла быть набрана с 2–2,5 тыс. дворов.

Если рассказ о подвиге князя Василия Ухтомского мог принадлежать только очевидцу-участнику событий, то перечисление имен погибших устюжан явно свидетельствует о частном местном устюжском происхождении источника.

Источник рисует тяжелую картину поражения северной рати. Не имея связи с верховным командованием, не имея никаких сведений о положении дел на фронте волжской рати, северная рать попалась в

ловушку, подстроенную казанцами, в частности, их агентом, высланным навстречу русской рати. Отразив к этому времени волжскую рать Беззубцева, татары имели полную возможность бросить свои главные силы навстречу северной рати. Заграждение Волги судами поставило рать князя Данила Ярославского в безвыходное положение — надо было вступить в бой в крайне невыгодных условиях и либо пробиться, либо всем погибнуть. Пробиться удалось, по-видимому, только меньшей части войска — об этом свидетельствует гибель главного воеводы и пленение «многих». В данном случае удивляться нужно тому, что хоть кому-то удалось прорвать татарское заграждение и на веслах подняться вверх по Волге.

Основная причина поражения и тяжелых потерь — слабость верховного командования, которому не удалось организовать связь, управление и взаимодействие между двумя оперативными группами, которые вступили в бой поодиночке и без всякой связи друг с другом. Можно отметить также отсутствие тактической и агентурной разведки на уровне северной (а также волжской) рати.

«А Устюжане, пришед к Новугороду, стояли 3 недели, и бить челом посылали великому князю, чтоб пожаловал.

И князь великий послал дважды по деньге золотой.

Они обе деньги попу Ивану, кои с ними под Казанью был [отдали], а велели Бога молити о государе и о всем его воинстве».

Продолжается рассказ участника, возможно, самого попа Ивана.

«А в третье послал [ужину] запас Устюжанам: 700 четвертей муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, 6000 стрел, да 300 шуб бараньих, да 300 однорядок сипских, и пунских, и новогонских, и трекумских, да 300 сермяг. А велел еще им идти под Казань со князем Юрием на зимование».[1]

Последняя часть рассказа участника событий содержит высокоценную информацию. По челобитью устюжан великий князь послал им запас, по размерам которого можно судить о примерной численности отряда, пробившегося к Нижнему. В его состав входили, по-видимому, 300 человек (по числу присланных шуб, сермяг, луков и т. д.). Если известно, что в бою на Волге погибло 110 устюжан, то общая численность их ополчения в походе 1469 г. — 410 человек, с учетом

[1] ПСРЛ. Т. 37 С. 92. В списке Мацеевича «ужину» отсутствует (Там же. С. 47).

какого-то количества ранее погибших или отставших — примерно 450 человек. Это экипаж 15 насадов, контингент, выставленный примерно с 2250 дворов (все эти цифры, разумеется, приблизительные, дающие не точное число, а только порядок величины).

Важно также, что устюжское ополчение для «зимования» снабжается за счет государственных запасов. На каждого ратника — лук с 20 стрелами, шуба, сермяга и однорядка. На каждого — пуд масла. На всех вместе — 700 четвертей муки, т. е. 2 $^1/_3$ на каждого. Считая в четверти до начала XVII в. 4 пуда,[1] получаем примерно 10 пудов муки на человека. Это — для излюбленного толокна, основной пищи воина в походе, простой в приготовлении и питательной.

Считая, что на 300 человек приходится 10 насадов, получаем, что на каждый насад для зимнего похода готовилось 100 пудов груза — продовольствия. На человека — 3 $^1/_3$ пуда, т. е. около 55 кг. Считая в среднем в день 2 кг на еду, получаем, что присланных запасов должно было хватить примерно на месяц «зимования».

Важно, что устюжане получают приказ идти на «зимованье» с князем Юрием Васильевичем: готовится новый поход.

Известно (из сообщения той же летописи), что князь Юрий Васильевич подошел к Казани 1 сентября, следовательно, вышел из Нижнего со своей конной ратью за 5–7 суток до этого (320 км по воде, немного больше — по сухопутью). Устюжане стояли в Нижнем 3 недели; если они пошли с князем Юрием или вскоре после него, то они прибыли в Нижний около 1 августа. Эту ориентировочную дату можно сопоставить с данными о походе волжской рати — она, вероятно, прибыла в Нижний раньше: иначе, по всей вероятности, автор устюжского рассказа упомянул бы о встрече с ней на Волге.

Таким образом, неофициальный источник Устюжской летописи содержит ценнейшие цифровые и календарные данные, значительно расширяющие и уточняющие сведения, приводимые официальной великокняжеской летописью.

Как мы видели, рассказ великокняжеской летописи о кампании 1469 г. заканчивается (вернее, обрывается) известием о бое у Звенича Бора.

Другие великокняжеские летописи после отмеченного нами разрыва летописного текста излагают события осени 1469 г.

---

[1] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1965. С. 113.

Никоновская летопись дословно воспроизводит рассказ великокняжеской летописи о летней кампании, содержащийся в летописи по Уваровскому списку, и делает вставку о князе Ряполовском («побил татар на Волзе июня в 4 день»),[1] взятую из известий за 1468 г.[2] Далее следует текст: «Того же лета бой был и сеча зла на Волге усть Камы с Устюжаны и с великого князя дворяны татаром казанским, и множество ту убиено бысть от обоих. Тогда же убили Никиту Константиновича, а Юрла Плещеева полонили и его товарищев. Прочим же Устюжане пробишася под Новгород».[3]

Это известие отсутствует в великокняжеской летописи; от соответствующего рассказа Устюжской летописи оно отличается отсутствием каких-либо подробностей и правильным наименованием воеводы Плещеева. Возможно, это официальная переработка устюжского рассказа.

Далее следует текст, отсутствующий в великокняжеской летописи.

«Того же лета князь великий Иван Васильевич всея Руси послал братию свою, князя Георгия, и князя Андрея Большого, и князя Василия Михайлова сына Андреевича и иных своих воевод со многими людьми на конех ратию на Казань».

Это — официальное известие о начале нового, осеннего похода на Казань. На этот раз двинута конная рать — очевидно, служилое ополчение во главе с князьями и воеводами, т. е. главные силы великого княжества Московского. Поход начался, по-видимому, в самом конце августа — следующая запись относится уже к новому, 6978 г.

«В лето 6978 Сентября 1 князь Юрий Васильевич всеми вои Московскими прииде под Казань, и судовые рати приидоша пеши ко граду. Москвичи же погониша их и сбеша под городом, и отъяша у них воду — царь же Обреим... добил челом... по всей воли великого князя. И возвратишася в Москву со всем воинством».[4]

Таково известие о победе над Казанью, отсутствующее в своде конца XV в., но включенное в своды XVI в.

Известие носит вполне официальный характер и весьма лаконично. Оно не похоже по форме ни на рассказ очевидца (нет деталей и эмо-

[1] ПСРЛ. Т. 12. С. 123.
[2] Там же. Т. 25. С. 280.
[3] Там же. Т. 12. С. 123.
[4] Там же. Т. 12. С. 123.

ций), ни на разрядную запись (нет имен воевод). Возможно, это плод работы великокняжеской канцелярии — обработки первичных записей и донесений.

То же известие — и в других летописях.[1] Устюжская летопись, приводя тот же рассказ, дает свою редакцию: «...со всею силою Московскою и Устюжскою, и конною, и судовою... и поидоша к городу нарядяся... сила русская стала около града и острог доспели».[2]

Несмотря на свою лаконичность, известие об осеннем походе весьма содержательно. Этот поход отличался от всех предыдущих двумя важными чертами. Во-первых, удар наносился по одному операционному направлению, что принципиально облегчало управление войсками и позволяло сосредоточить все силы. Во-вторых, конная рать действовала в тактическом взаимодействии с судовой, т. е. конница действовала совместно с пехотой.

Вылазка казанцев была отбита, город был окружен; согласно устюжскому известию, был построен острог — укрепление для прикрытия осадного корпуса. Решающее значение имело, по-видимому, перекрытие источников питьевой воды, для чего требовалось хорошее знание местности.

Итак, долгая и трудная война с ханом Обреимом закончилась полной победой — триумфом русского оружия, впервые после Куликовской битвы. «А стояли под Казанью 5 дней смиряся, и прочь пошли».[3] Утверждение устюжского летописца, что царь Обреим «полон выдал за 40 лет», в других источниках не подтверждается. К. В. Базилевич считает его малоправдоподобным.[4] М. Г. Худяков, напротив, видит в этом условии решение задачи, поставленной московским правительством, которое «желало добиться освобождения из неволи попавших к казанцам русских людей. Казань вела крупную торговлю рабами...».[5]

Память об осенних боях под Казанью отразилась в рассказе об Афанасии Никитине, авторе «Хождения за три моря». «Ходил, сказывает, с Василием с Папиным... коли Василий ходил с кречаты послом

---

[1] Там же. Т. 4. С. 465; Т. 23. С. 159; Т. 24. С. 188; Т. 27 С. 277, 350; Т. 39. С. 148.

[2] Там же. Т. 37 С. 92.

[3] Там же. Т. 37 С. 72, 92.

[4] Базилевич. С. 72.

[5] Худяков. С. 35.

от великого князя». Василий Папин «за год до казаньского похода пришел из Орды. Коли князь Юрий под Казанью был, тогды его под Казанью застрелили».[1]

Летописные известия о кампании 1469 г. можно разделить на три основных группы:

1. Рассказ великокняжеской летописи о летнем походе.
2. Рассказ о походе северной рати.
3. Рассказ официальный — об осеннем походе.

В первых двух случаях сведения официального происхождения сочетаются с рассказами очевидцев-участников. Эти рассказы включены как в провинциальную Устюжскую летопись, так и в великокняжескую. Рассказ о летнем походе представляет собой компиляцию официального источника и рассказа участника похода. В руках летописца его источники подверглись, надо полагать, определенному редактированию, что позволило создать внешне целостный, непротиворечивый рассказ о событиях весны-лета 1469 г.

Составитель Устюжской летописи также пользовался как официальным, так и частным источником. Этот последний занимает в его изложении основное место. Как уже говорилось, автором частного рассказа о походе может быть ходивший с устюжской ратью поп Иван, хотя это не более чем предположение.

От известий о летней кампании существенно отличается по своему стилю официальная реляция об осеннем походе князя Юрия, не носящая никаких видимых следов частной интерпретации (за исключением устюжского варианта). Такая реляция — точная, лапидарная, безэмоциональная — могла родиться в великокняжеской канцелярии. Это само по себе довольно важное обстоятельство — оно отражает рост внимания к военным событиям и к их освещению в рамках политики великого князя.

Во всяком случае, летописные известия о кампании 1469 г. (как и известия о кампании 1468 г.) от всех предыдущих рассказов Московской летописи о военных событиях отличаются богатством своего содержания. Ни одно военное событие со времен Куликовской битвы не привлекало такого внимания летописца и не было так подробно описано. Это свидетельствует, во-первых, о важности событий 1467—1469 гг. в глазах летописца; во-вторых, об относительном богатстве

[1] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 221.

источников, которыми он пользовался. Наибольшее значение имеют источники официального происхождения, определявшие основную канву летописного рассказа. Среди этих источников в кампании 1469 г. не было походных дневников великого князя (в отличие от походов 40-х гг. Василия Темного и рассказа о «Владимирском стоянии» зимой 1468 г.), что естественно, так как великий князь в походах 1469 г. не участвовал. Зато в летописных известиях в большой мере отразилась работа зарождающегося военного ведомства — органа подготовки к походу и управления войсками. Летописные известия 1469 г. дают возможность сделать некоторые наблюдения над содержанием и результатами этой работы.

Кампания 1469 г. — завершение большой войны, первой во время великого княжения Ивана III. Нельзя не согласиться с К. В. Базилевичем, что это «итог большой работы по объединению и упорядочению военных сил». Сравнение с походами великого князя Василия Васильевича показывает, что «самые выдающиеся успехи были достигнуты в этой области».[1]

Присоединяясь вполне к этой заслуженно высокой оценке, попробуем пристальнее присмотреться к известиям о кампании 1469 г.

Важнейшей особенностью кампании 1469 г. (как и 1468 г.) является отсутствие великого князя во главе войск, идущих в поход. Это отказ от старой традиции, восходящей к седой древности и вполне проявившейся в походах Дмитрия Донского и Василия Темного. Пребывание великого князя вдали от театра военных действий впервые возлагало на него задачу главного командования — руководства войсками на оперативно-стратегическом уровне. Осуществление этой функции требовало создания рабочего органа управления — своего рода военного ведомства.

Первой задачей такого органа, независимо от его названия и организационной структуры, является проведение мобилизации, т. е. создание войска, способного к решению тех или иных стратегических и оперативных задач.

Из летописного текста явствует, что войска, принимавшие участие в кампании 1469 г., состояли из двух основных контингентов — конного военно-служилого ополчения и пешего земского ополчения (в основном, судовая рать).

---

[1] Базилевич. С. 67.

Летописные известия о кампании 1469 г. не содержат никаких цифровых данных, поэтому судить о численности русских войск в походах 1469 г. нет возможности. Единственным исключением является Устюжская летопись, на основе которой можно в какой-то мере составить общее представление — на уровне порядка величин — о численности северной рати в летнем походе 1469 г. Как мы видели, устюжское ополчение могло насчитывать примерно 500 человек. Исходя из числа погибших в бою в устье Камы, и считая, что потери других контингентов — вологжан, галичан, детей боярских Двора — были более или менее пропорциональны потерям устюжан (потерявшим треть своего состава), можно было бы, на первый взгляд, определить численность всей судовой рати — примерно полторы тысячи человек. Однако это допущение встречает сомнение. Судя по всему, к Нижнему прорвались, главным образом, устюжане, а остальные в большей части погибли или попали в плен. Точные расчеты невозможны — предположительно, судовая рать могла насчитывать несколько сот человек (в пределах тысячи) и состоять из нескольких десятков насадов. Учитывая малолюдность северных уездов, эти цифры могут свидетельствовать о большом мобилизационном напряжении.

Никаких цифровых данных о составе войск в летнем и осеннем походах по Волге в источниках нет. Можно только с большой долей вероятности утверждать, что в этих походах приняли участие главные силы конного служилого ополчения — основного ядра великокняжеского войска. Из официальной реляции об осеннем походе видна большая роль судовой рати, т. е. пехоты, которая тоже входила в состав рати, осадившей Казань. Возможно, этих войск было значительно больше, чем в летнем походе, и именно этим, в конечном счете, был обеспечен успех похода князя Юрия. Если в летнем походе северной рати счет воинов шел на сотни, то теперь, вероятно, на тысячи — Волга покрылась насадами с русской пехотой.

«Обращает на себя внимание та быстрота, с которой Иван III собрал и отправил новое войско под Казань».[1] По мнению К. В. Базилевича, волжская рать могла вернуться из летнего похода не ранее начала июля. Устюжская рать после боя в устье Камы могла прибыть в Нижний в начале августа и до нового похода стояла там 3 недели. Князь Юрий с главными силами мог выступить в поход 15–20 августа:

[1] Базилевич. С. 72.

на переход до Казани нужно было 10–15 дней. Таким образом, мобилизация и сосредоточение всех сил к Нижнему должны были закончиться не позднее 10 августа. Поход князя Юрия мог казаться молниеносным ударом после долгих и трудных попыток добиться успеха.

Работа по мобилизации и сосредоточению войск была проведена, по-видимому, успешно. Еще весной были выбраны два основных пункта сосредоточения войск: Нижний Новгород — для ополчения среднерусских уездов и Устюг — для ополчения северных уездов. Были разработаны соответствующие маршруты и назначены даты сосредоточения; все это входило в функцию военного ведомства — органа управления при Ставке великого князя.

Второй задачей военного ведомства является организация командования войсками — назначение воевод на театре военных действий. Эта задача — одна из главных функций будущего Разрядного приказа. В походах прежних лет, когда сам князь шел во главе своих войск, такая задача могла решаться непосредственно им самим перед сражением. В кампании 1469 г. (как и в 1468 г.) эта возможность исключается — великий князь не шел с войсками, и воеводы должны были быть назначены заранее, что, по данным наших летописных источников, и было сделано. Из источников мы знаем имена воевод, возглавлявших войска на операционных направлениях, т. е. тех, кто в терминологии XIX–XX вв. мог быть назван командующим армией, а в терминах XV в. имел название первого воеводы Большого полка. Более мелкое членение ратей в кампании 1469 г. нам по нашим источникам неизвестны, хотя они, несомненно, существовали. Отсутствие упоминаний о них в источниках может свидетельствовать о том, что назначение младших воевод в полки делалось не в Москве, а самими воеводами, возглавлявшими рати. Косвенным подтверждением такого предположения может служить выбор-назначение Ивана Руно главой рати добровольцев, отправившейся из Нижнего Новгорода к Казани. Сам факт и процедура такого назначения свидетельствуют о слабости организации командования — как уже указывалось, о неизжитости удельно-вечевых традиций.

Об оперативно-стратегических задачах, поставленных перед войсками главным командованием, можно только догадываться, исходя из известий о развертывании войск. Можно думать, что главный удар предполагалось нанести по Волге от Нижнего Новгорода, а вспомога-

тельный, сковывающий — северной ратью.[1] Замысел этот осуществить не удалось — летняя кампания 1469 г. закончилась поражением обеих ратей. Причину этой неудачи можно видеть, прежде всего, в отсутствии достаточной связи между ратями и Ставкой, а также в слабости управления внутри самих ратей (действия Ивана Руна).

Управление войсками из Ставки осуществлялось путем присылки письменных директив — пример такой директивы воеводе Беззубцеву приводит летопись. Разработка, оформление и рассылка подобных директив — функция аппарата управления при Ставке.

Неудача летней кампании привела к разработке нового оперативно-стратегического замысла, который принципиально отличался от старого. Удар наносился всеми силами на одном направлении, дробление сил не допускалось. Было значительно усилено непосредственное руководство войсками — во главе их был поставлен брат великого князя, второе лицо в политической иерархии. В осенней кампании впервые удалось достигнуть оперативно-тактического взаимодействия конной и пешей (судовой) ратей, что было, надо полагать, заслугой войскового командования — самого князя Юрия (хотя, возможно, это предусматривалось данными ему инструкциями).

Кампания 1469 г. богата поучительными событиями. В тактическом плане она показала необходимость тесного взаимодействия судовой и конной ратей. В оперативном — рискованность создания самостоятельно действующих оперативных групп, недостаточно связанных между собой и с главным командованием. Более целесообразным оказалось сосредоточение войск в составе одной оперативной группы на главном направлении под единым командованием. Эти уроки были учтены в ходе самой кампании. Наиболее важны стратегические результаты. Кампания 1469 г. означала существенное изменение в стратегическом положении Русской земли. Победа над Казанью на целый ряд лет обеспечивала мир на восточном рубеже и давала возможность приступить к решению стратегических задач на других направлениях.

Кампания 1469 г. имела принципиальное значение, выходящее за рамки ее непосредственных результатов. «Во всех последующих вой-

[1] «Стиснуть Казань с двух сторон, — сверху и снизу по Волге» (см.: Худяков. С. 34–35).

нах с Казанью характер боевых действий в большей или меньшей степени воспроизводил походы 1469 г.».[1]

В кампании 1469 г. проявилось исключительное упорство в достижении поставленной цели, невзирая ни на какие неудачи и поражения. Эта твердость стратегического руководства при гибкости оперативно-тактических приемов — одна из важнейших черт деятельности русского главного командования, т. е. самого Ивана III.

Оперативно-стратегическое руководство, осуществляемое из Ставки, опиралось на определенную материально-техническую базу.

Одна из задач военного ведомства — организация снабжения войск. Служилое и земское ополчение находилось, в основном, на самообеспечении, что было одной из основ самой системы ополчения. Однако известия Устюжской летописи о присылке в Нижний Новгород продовольствия, одежды и военного снаряжения свидетельствуют о наличии у военного ведомства соответствующих запасов, которыми оно распоряжается по указанию великого князя.

Итак, летописные источники о кампании 1469 г. дают возможность проследить важные черты военной системы великого княжества Московского. Эта система, по существу, уже не является удельно-княжеской, как в еще недавние времена Василия Темного. Новым является и масштаб военных действий, и характер управления войсками, и определенные черты деятельности зарождающегося военного ведомства. Однако старые традиции еще далеко не преодолены. Перед нами — своеобразный симбиоз уходящей старой и нарождающейся новой системы военной организации Русской земли.

* * *

Походы русских войск в 60-х гг. XV в. были направлены на решение актуальных политических и стратегических задач.

По своему масштабу и значению эти задачи выходили за рамки примитивной княжеской политики и отражали новый, государственный уровень политического мышления и практики.

Важнейшей из задач было укрепление восточного стратегического направления на широком фронте от предгорья Северного Урала до средней Волги. Решению этой задачи были посвящены походы 1462,

[1] Базилевич. С. 71.

1467, 1468 и 1469 гг. Если первый из них проводился сравнительно небольшими силами, то три следующих кампании имели целью достижение решительной победы над сильным противником и потребовали мобилизации главных сил великого княжества Московского.

Второстепенным направлением являлось северо-западное, где ставилась оборонительная задача — защита Псковской земли от Ливонского ордена.

Летописные источники позволяют в общих чертах проследить основные события этих походов, состав и организацию войск, систему управления и командования, руководящие стратегические идеи и тактические приемы.

Прослеживаются два основных контингента в составе русского войска — служилое великокняжеское ополчение и земское (городское) ополчение.

В походах великокняжеских войск служилое ополчение составляло конницу — основной род войск для боевых действий в условиях русской равнины.

Земское ополчение северных уездов составляло судовую рать — пехоту, посаженную на речные парусно-гребные суда, — основной род войск на лесисто-болотистом и озерно-речном северо-восточном театре. Псковское городское ополчение включало как конницу, так и пехоту, набираемые по вечевому «разрубу». В походах 60-х гг., таким образом, отразилась как новая (военно-служилая), так и старая (земско-общинная) организация войска. При этом земское ополчение северных городов действует под руководством служилых людей великого князя — воевод и «голов», сохраняя свою внутреннюю специфику.

Наиболее важным событием была большая война с Казанью. После первых неудач война закончилась полной победой стратегического и политического масштаба.

В ходе этой войны впервые достаточно четко проявились функции главного командования в лице великого князя, руководившего войсками вне зоны непосредственных боевых действий, т. е. впервые обозначилось разделение стратегического и тактического уровней командования; соединение в руках великого князя всей политической и военной власти превращало главное командование в высшее звено военно-политического руководства — верховное главнокомандование (ВГК). ВГК определяло операционные направления, ставило политические и стратегические цели, проводило мобилизацию и разверты-

вание войск, назначало воевод и руководило ими с помощью письменных директив. Тактическое руководство было в руках воевод, идущих вместе с войсками.

Основными чертами стратегического руководства в Казанской войне можно считать:

— правильную постановку общей стратегической задачи (выход к основному политическому центру противника);

— исключительное упорство в достижении поставленной цели;

— способность к учету реальной обстановки и собственных ошибок, и, как следствие, выработка новых оперативно-тактических приемов;

— стремление к реальному осуществлению функции главного командования, т. е. к фактическому руководству на стратегическом уровне.

Казанские походы могут рассматриваться как опыт совместных действий конной и судовой ратей, т. е. служилого и земского ополчения, что в условиях театра военных действий имело решающее значение.

«Первая Казань» обогатила опытом стратегического и оперативно-тактического руководства и имела большое морально-политическое значение как первая победа над страной Джучиева улуса. Победа над Казанью создала новую стратегическую ситуацию, обеспечив на какое-то время относительную стабильность на восточном направлении и позволив сосредоточить силы для решения новых актуальных задач.

Глава 2
Кампании 1470-х гг.

Походы 1471 г.

Победа над Казанью создала новую стратегическую ситуацию. Открылась возможность перехода к активным действиям на других направлениях — прежде всего, на северо-западном, на котором в течение ряда лет обстановка становилась все более критической в связи с настроениями части новгородского боярства и притязаниями короля Казимира. Разрешением долго назревавшего кризиса стала кампания 1471 г.

События лета 1471 г. в военно-историческом плане исследованы значительно меньше, чем в общеполитическом. А. К. Баиов посвятил свою статью детальному описанию Шелонской битвы.[1] Е. А. Разин уделил этой кампании один из параграфов в своем общем обзоре истории военного искусства.[2] Во всяком случае, кампания 1471 г. заслуживает самого серьезного внимания как один из важнейших феноменов в военной истории России XV в.

Основным источником для изучения кампании 1471 г. является великокняжеская летопись (т. н. «Свод конца XV в.»).[3] Большую ценность представляет Псковская летопись по Строевскому списку (по А. Н. Насонову — Псковская III),[4] а также Новгородская IV по списку Дубровского.[5] «Словеса избранника» — официальный публицистический памятник, читающийся в ряде летописей и содержащий отдельные реалии, отсутствующие в великокняжеском своде.

Рассказ о кампании 1471 г. занимает в великокняжеской летописи особое место. Это именно рассказ — связное целостное повествование вполне официального характера, своего рода правительственное сообщение о военных событиях. Одним из источников этого рассказа был, по-видимому, военно-походный дневник великого князя, содержавший точные даты, реалии и формулировки документального характера. Это придает рассказу особую ценность. Однако в руках составителя рассказа дневниковые записи подверглись, вероятно, сокращению и переделкам, и были растворены (перемешаны) с текстами нарративного характера. Возможным источником рассказа могли быть в отдельных случаях показания очевидцев — участников событий, содержавшие красочные подробности и эмоциональные детали.

Известия Псковской летописи носят почти исключительно документальный характер и отличаются деловым, безэмоциональным стилем изложения. Это не рассказ, а хронологические заметки.

---

[1] *Баиов А. К.* Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля. Пг., 1915 (далее — Баиов).

[2] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957 (далее — Разин). С. 312–318.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 286–291.

[4] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 180–185.

[5] Там же. Т. 43. С. 188–198.

Известия Новгородской летописи отличаются краткостью, основой их могли послужить какие-то записи официального характера и рассказы участников событий.

В целом, летописный материал представляет возможность без особой противоречивости восстановить основные черты кампании 1471 г. и проследить ряд важных реалий военно-исторического характера.

К весне 1471 г. переговоры с Новгородом зашли в тупик. В Новгороде пришла к власти пролитовская партия, которая пригласила на новгородский стол короля Казимира и заключила с ним договор, направленный против великого князя Московского.[1] «Князь же великий... скорбен бысть... что поити на Новгород ратью».

По буквальному смыслу летописного рассказа, великий князь принимает принципиальное решение о походе самостоятельно, в результате многих размышлений («много мыслив»). Решение великого князя — исходный момент непосредственной подготовки к походу.

Второй момент — извещение об этом решении ближайшим людям. Эти люди — митрополит, великая княгиня-мать и «сущии у него бояре». «Сущии бояре» — очевидно, самые близкие советчики.

«Они же, слышавше се, советуют ему, упование положив на Бога, исполнити мысль свою над Новгородцы за их неисправление и отступление». Никаких споров, по-видимому, не возникло — «встречи», которую любил Иван III и за которую «жаловал» (по словам Берсеня Беклемишева), великий князь не услышал.

Следует третий шаг. «И в той час князь великий разосла по братью свою, и по все епископы земли своея, и по князи, и по бояре своя, и по воеводы, и по вся воя своя».

Такое совещание широкого состава, своего рода церковно-служилый собор, упоминается в великокняжеской летописи впервые.

«И яко же вси снидошася к нему, тогда всем възвешает мысль свою, что ити на Новъгород ратью... но поити ли ныне на них или не поити, понеже летнее уже время, а земля их мнози воды имать около себя и озера великые, и реки, и болота мнози и зело непроходимы. А прежние велиции князи в то время на них не ходили, а кто ходил, тот люди многы истерял... мысливше о том немало».

---

[1] ГНП. № 77 С. 129. См.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 135–143; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 144–173.

Фактически речь шла о важнейшем стратегическом вопросе, от решения которого зависела судьба всей кампании. Действительно, известные нам походы великих князей на Новгород происходили зимой: Дмитрия Донского — в декабре-январе, Василия Темного — в январе-феврале. Оба похода были успешны.

Однако на этот раз было принято решение о немедленном начале похода. Победила наиболее смелая и рискованная точка зрения — по всей вероятности, потому что она была предложена и, во всяком случае, активно поддержана самим великим князем. «Предстояло организовать большой 500-километровый поход в начале лета, когда лесистая и болотистая местность на подступах к Новгороду представляла серьезное естественное препятствие».[1]

Церковно-служилый собор 1471 г. — новое явление в политической практике великих князей. Оно отвечало стремлению заручиться возможно более широкой морально-политической поддержкой действий великокняжеской власти,[2] поддержкой со стороны «земли», а не только ближних советников и привычного тесного окружения. Еще более важное значение имеет сакрализация похода: благословение освященного собора превращало поход из политического конфликта из-за очередного «неисправления» новгородцев в войну за православное христианство против новгородских властей, предавшихся «латинству».

Церковно-служилый собор 1471 г. поднимал события с княжеского на государственный уровень. На Новгород впервые шел не просто старший из русских князей, а глава всей Русской земли. Именно в этом, по-видимому, заключалась основная цель созыва собора. Сам факт созыва такого собора представляет большой интерес как свидетельство серьезных изменений в политической идеологии великокняжеской власти.

При этом следует иметь в виду, что вся инициатива и, вероятно, предварительный план похода исходили от великого князя: фактически к маю 1471 г. к походу все было готово.

Нельзя исключить возможность искреннего стремления великого князя добиться мирного, наиболее легкого и наименее рискованного решения конфликта — принятия своих требований новгородской гос-

---

[1] Разин. С. 313.

[2] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 62.

подой, опираясь на сторонников Москвы. Об этом свидетельствует сама длительность переговоров, продолжавшихся несколько месяцев.

Однако уже в Рождественское говение 1470 г. во Псков прибыл посол великого князя Селиван «поднимати Псковичь на Великий Новгород: оже ми не добиеть челом Великий Новгород о моих старинах, тогды бы есте моя вотчина Псков послужил мне великому князю на Великий Новгород за моя старины».[1] Таким образом, ведение мирных переговоров сочеталось с подготовкой к возможной (но пока еще не неизбежной) войне. Господин Псков рассматривался как союзник, точнее — как «вотчина», подчиненная власти великого князя, составная часть Русской земли. Основанием для этого были события 1460 г., когда Господин Псков официально признал над собою верховную власть великого князя. Участие Господина Пскова в войне против Новгорода имело большое политическое значение — этим реализовывалась идея общерусской коалиции. Не менее важно стратегическое значение Пскова. Выступление его, во-первых, давало возможность отрезать Новгород от его потенциальных союзников — Литвы и Ордена; во-вторых, открывало кратчайший путь на Новгород с запада и заставляло новгородцев дробить свои силы. Обращение великого князя к Господину Пскову может рассматриваться как важный элемент стратегической подготовки к кампании 1471 г. Подготовка эта, таким образом, началась задолго до окончательного разрыва и принятия официального решения о начале похода.

На предпринятую псковичами попытку мирного посредничества («а мы за вас за свою братью, ради посла своего слати, только вам будет надобе к великому князю всея Руси челом бити...»), новгородцы отвечали не только решительным отказом («вашего посла к великому князю не хотим поднимати, ни сами ему челом бити не хотим»), но и предложением совместного выступления: «а вы бы есте за нас против великого князя на конь усегли, по своему с нами миродокончанию». Более того, Великий Новгород «не дал пути» псковскому послу к великому князю.[2]

В условиях очередного обострения новгородско-псковских отношений не было реальных оснований для выступления Господина Пскова на стороне «старейшего брата». В свою очередь, обострение отношений с Орденом и Литвой объективно способствовало усилению

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 173.

[2] Там же. С. 173–174.

тяги Господина Пскова к Москве — только великий князь мог оказать ему реальную помощь. На Русской земле Новгород оказывался в политической и стратегической изоляции.

Наиболее вероятным союзником Новгорода был король Казимир — союз с ним против великого князя был оформлен соответствующим договором. Но именно этот договор стал в глазах великого князя *casus belli* — признание власти Казимира сделало войну неизбежной.

Косвенными союзниками Новгорода (точнее, врагами великого князя) были Орден и Орда, вмешательство которых в московско-новгородский конфликт было вполне возможно.

Таким образом, если Господин Великий Новгород оказался в изоляции на Русской земле, то великому княжеству Московскому угрожала реальная перспектива войны на трех стратегических направлениях. В данных условиях решающее значение приобретал фактор времени — необходимо было не дать возможности окончательно оформить подчинение Новгорода королю Казимиру. Принятие решения о походе весной 1471 г. являлось стратегически единственно правильным, хотя и рискованным в оперативно-тактическом отношении.

Реализуя принятое решение, великий князь «в Тферь посла к великому князю Михаилу, помоги прося на Новгородцев же».

Выступление Михаила Тверского на стороне великого князя Московского предусматривалось договором, заключенным в первые годы великокняжения Ивана III и подтверждавшим прежнее «докончание» 1456 г.: «А быти, брате, нам на татар и на лях, и на Литву, и на немци заодин, и на всякого нашего недруга». В числе предполагаемых недругов «докончание» новгородцев не называет. Оно только требует от тверского великого князя «с Новым ти Городом жити по старине, как было при ваших пращурах, при великом князе Михаиле Ярославиче...»,[1] и т. д. Включение Господина Великого Новгорода в состав «недругов» вытекало из существующей политической ситуации 1471 г. Участие Твери в войне против Новгорода было необходимо уже потому, что путь на Новгород лежит через территорию великого княжества Тверского. Важен и политический фактор — Михаил Тверской идет со всей Русской землей под начальством великого князя Московского.

Впервые великий князь Тверской выступает как союзник великого князя Московского: в походе на Новгород Дмитрия Донского в 1386 г.

---

[1] ДДГ. № 63. С. 202, 205; № 59. С. 187, 190.

тверские полки не участвовали, ничего не известно и об их участии в походе 1456 г. Участие тверичей в походе 1471 г. — важный показатель тех сдвигов, которые произошли за последние годы в политической обстановке на Русской земле, прежде всего — роста реального значения власти великого князя Московского.

«А Пъскову послал дьяка Якушку Шачебальцева Маия 23 на праздник Вознесения Господня, глаголя им: "Отчина моя Новгород Велики отступают от меня за короля и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григорьи Латынина суща, и яз князь великий дополна иду на них ратью, а целованье к ним сложил есми. И вы бы, отчина моя, Пъсковичи, посадницы и житьи люди и вся земля Пъсковска к брату вашему Новугороду сложили бы есте, да и поидите на них ратью с моим воеводою с князем Федором Юрьевичем Шуйским, или с его сыном с князем Васильем».[1]

После известия о кончине архиепископа Ионы (8 ноября 1470 г.) 23 мая — первая точная календарная дата во всем повествовании Московской летописи о событиях 1470/1471 гг. Дата, связанная с отправкой посла во Псков, очевидно, была зафиксирована в официальном дневнике событий, откуда и попала в летописный рассказ. Наказ Якову Шачебальцеву носит вполне официальный характер и, по-видимому, выписан дословно из соответствующего документа.

Миссия Шачебальцева отражена и в Псковской летописи: «Приеха от великого князя с Москвы послом дияк... на имя Яков, на Троицкой неделе в пятой (т. е. 7 июня. — *Ю. А.*), а веля Пскову в Великом Новегороде положити розметнии грамоты в другую неделю заговев Петрово говение (16 июня. — *Ю. А.*) за великого князя обиду, а князь велики за вашими назавтреа в понедельник (17 июня. — *Ю. А.*) свои граматы положит».[2] Наказ Шачебальцеву предусматривал, таким образом, не только директиву об объявлении войны, но и точную дату доставки в Новгород разметной грамоты, согласованную с доставкой соответствующей грамоты из Москвы.

Расстояние от Москвы до Пскова Шачебальцев проехал за 15 дней, делая в среднем по 30–40 верст в день. Такая медлительность великокняжеского посла, ехавшего с чрезвычайно важным заданием, может объясняться только плохим состоянием дорог, еще не просохших от

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 286.

[2] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 180.

весеннего паводка. В этих условиях 180 верст от Пскова до Новгорода[1] гонец с разметной грамотой мог покрыть за 4–5 дней, т. е. должен был выехать не позднее 12 июня. Гонец из Москвы с аналогичной грамотой должен был выехать не позднее 4–5 июня (от Москвы до Новгорода — 500 верст). Все это было рассчитано в канцелярии великого князя — своевременной доставке разметных грамот придавалось, очевидно, большое значение. Псковичи должны были доставить свою грамоту на день раньше, чтобы исключить возможность дальнейших «мотчаний» (проволочек) с их стороны.

Отправка грамоты во Псков означает начало стратегического развертывания великокняжеских войск. «В 31-же день месяца Маия в пяток послал великий князь Бориса Слепца к Вятке веля ити им на Двинскую землю ратью же. А к Василью Федоровичю посла на Устюг, чтобы с Устюжаны на Двину же ратью пошел, а зжидал бы ся з Борисом да с Вятчаны».[2]

Так обозначается направление удара на Двинскую землю (Заволочье), важнейший источник богатства новгородской господы. В поход на Двинскую землю должна была, очевидно, идти судовая рать — пешее земское ополчение северных земель, не знавших развитой служилой системы.

«Месяца Иуня 6 в четверток на Троицкой неделе отпустил князь великий воевод своих с Москвы, князя Данила Дмитриевича Холмского да Федора Давыдовича со многим воинъством, с ними же и князя Юрья Васильевича и князя Бориса Васильевича дети боярьские многи. А велел тем князь великий ити к Русе».

Запись официального характера, напоминающая разрядную, но без распределения воевод по полкам. Движение начинает первый эшелон великокняжеских войск. Уже с 23 мая работает военно-походная канцелярия, фиксирующая распоряжения и действия великого князя.

Операционное направление Москва — Русса хорошо знакомо московским воеводам. Именно по этому направлению (через Волок) шли войска великого князя Василия Васильевича в зимнем походе 1456 г. Выход к Руссе воевод князя Ивана Стриги Оболенского и Федора Басенка привел к бою с новгородским войском. Решительная победа

[1] Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950 (далее — КБЧ). С. 184.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 286.

москвичей заставила новгородцев просить мира. Действительно, Русса — важнейший стратегический пункт, овладение которым выводит на ближние подступы к Новгороду.

Князь Данило Холмский — участник войны с Казанью.

Второй воевода, Федор Давыдович (Хромой) — выходец из знатнейшего боярского рода Ратшичей. Его предок — герой Невской битвы. Сам Федор Давыдович упоминается в 1471 г. впервые, что может свидетельствовать о его сравнительной молодости († ок. 1492 г.).[1]

В состав войска, отправленного к Руссе, входят, в частности, служилые люди Дмитровского и Волоцкого уделов — они идут в поход с воеводами великого князя, а не своих удельных князей, как предусматривалось старыми межкняжескими докончаниями.[2] Это свидетельствует о снижении роли удельно-княжеских воевод.

«А в 13 того же месяца в четверток отпустил князь велики князя Василия Ивановича Оболенского Стригу с многими вои, да с ним князей царевичей Даньярова с многими Татары, а велел тем ити на Волочек да по Мсте».

В существующем списке Московской летописи — явная ошибка. Князь Оболенский Стрига — не Василий Иванович, а Иван Васильевич. Войско князя Стриги Оболенского должно было совершить глубокий обход Новгорода с востока, отрезая его от северных владений. Включение в войско отрядов татарского царевича свидетельствует, что эти силы должны были обладать особой подвижностью — их путь на Новгород был самым длинным.

Князь Иван Стрига — один из старых и наиболее опытных воевод. Его первое упоминание относится к 1446 г., когда он участвовал в борьбе за освобождение Василия Темного. В 40–50-х гг. он получил богатый боевой опыт, в частности, в походе на Новгород в 1456 г. В 1467 г. он вместе с царевичем Касимом совершил неудачный поход на Казань.

Деловой стиль военно-походного дневника прерывается обширным рассказом о молебнах, совершаемых великим князем. Посещение храмов и молебны — в данном случае не только нравственный долг верующего православного человека, но и важная идейно-политическая акция. Снова и снова подчеркивается категорический императив по-

---

[1] Зимин. С. 165, 167

[2] Напр., между великим князем Василием и Василием Серпуховским. См.: ДДГ. № 58. 1454–1456 гг. С. 181.

хода — «не яко на христиан, но яко на иноязычник и на отступник православия».[1]

Впервые за 10 лет своего великокняжения Иван III отправляется в боевой поход (до этого известно его участие в походах 1452 г. на Шемяку и в 1458 г. на Оку против татар). Как видим, это событие обставлено с необычайной торжественностью, ему придается исключительное нравственно-политическое значение. Великий князь, поборник и защитник православия, выступает против отступников-еретиков.

С великим князем идет третий эшелон русского войска.

«А с ним царевич Даньяр и прочии вои великого князя, князи его мнози и воеводы со многою силою». С великим князем идет его военно-походная канцелярия, которая продолжает точно фиксировать даты и события.

«Приде же князь великий на Рождество Предтечево (24 июня. — *Ю. А.*) на Волок».

Переход от Москвы до Волока Ламского занимал 4 дня — по 25 верст в день.

«Так же и братиа великого князя поидоша кождо их от себя, князь Юрий Васильевич из своея отчины, а князь Андрей Васильевич из своея отчины, а князь Борис Васильевич из своея отчины. А князь Михайло Андреевич с сыном Василием из своея отчины».

Волок на Ламе — сборное место войск, идущих на Новгород. В 1456 г. в походе великого князя Василия «бывшу же ему на Волоце, и ту приидоша к нему братиа его и вси князи и воеводы его со множеством воинства».[2]

В отличие от краткого известия 1456 г., рассказ 1471 г. содержит важные сведения о сосредоточении войск. Князья-братья идут со своими полками из своих уделов на место сбора войск. Но уже известно, что часть служилых людей князя Юрия и князя Бориса отправлена в первом эшелоне с воеводами великого князя на Руссу. Князья Юрий и Борис приходят к Волоку только с частью своих сил. Таким образом, Дмитровский полк князя Юрия и Волоцкий полк князя Бориса не представляют единого целого — их силы распределены по двум эшелонам, и только часть их идет со своими князьями, как предписывалось в традиционных докончаниях московских князей. Передача части служилых людей удельных князей под непосредственное командова-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[2] Там же. С. 274.

ние великокняжеских воевод соответствует общей тенденции усиления великокняжеской власти, и в частности — ее военных функций. Великий князь все в большей мере выступает в роли распорядителя военных сил всего великого княжения Московского, а командные функции его братьев соответственно снижаются. Судя по рассказу летописи, организационно-тактическое единство мог сохранить только Углицкий полк князя Андрея Большого. Этому полку предстоял наиболее долгий путь до Волока; возможно, именно поэтому его части не были включены в первый эшелон, а остались под знаменами своего князя. Князья Михаил Андреевич и его сын Василий имели служилых людей в двух удаленных друг от друга уездах. Если служилые люди с Вереи и Рузы могли идти к Волоку во главе со своими князьями, то белозерским служилым людям предстоял до Волока долгий путь, и их более целесообразно было использовать на северном операционном направлении вместе с устюжанами и вятчанами.

Сбору войск на Волоке предшествовала, очевидно, рассылка директив великого князя — приказов о мобилизации. Затем следовала сама мобилизация служилого ополчения и марш-маневр к месту сбора. На все это требовалось более или менее значительное время, считая средний суточный переход для конницы 30–50 верст. От Углича до Волока (200 верст), например, можно было пройти не менее чем за 5–6 дней; значит, князь Андрей должен был выступить не позднее 18 июня, а начать сбор своего полка еще не менее чем за неделю раньше. Но до этого времени князь Андрей должен был еще приехать из Москвы, где он был на соборе, и для этого тоже нужно было прислать со своим служилым человеком соответствующий приказ, на что требовалось еще около недели. Мобилизация служилого ополчения удельных князей фактически началась не позже двадцатых чисел мая, сразу после собора, а возможно, еще раньше.

«А на Москве оставил князь великий сына, великого князя Ивана, да брата своего князя Андрея Меньшого».

Иван Молодой здесь впервые назван великим князем. Была ли официальная процедура возведения его в великокняжеское достоинство, остается неясным. Во всяком случае, можно считать, что его положение наследника этим титулом окончательно легитимизировалось. В то же время, очевидно, что должностных функций на данном этапе в возрасте 13 лет он не нес. Его оставление на Москве носило титулярный характер.

Менее понятно, почему на Москве был оставлен Андрей Меньшой — вполне дееспособный в свои 19 лет. Об участии в походе на Новгород вологжан — его служилых людей — сведений также нет, хотя еще в 1469 г. вологжане ходили в поход на Казань с воеводой своего князя.

«На Петров день (29 июня. — *Ю. А.*) прииде князь великий в Торжок. Приидоша же к нему в Торжок воевода великого князя Тферьского, князь Юрий Андреевич Дорогобужский да Иван Микитич Жито со многими людьми на помочь на Новогород же».

Путь от Волока до Торжка занял 4 дня (считая, что великий князь выступил из Волока на следующий день после прибытия). Средний суточный переход оставался прежним — около 40 верст.

Войска вступили на территорию великого княжества Тверского, оставляя Тверь справа, к востоку. Здесь реально вступает в силу статья о военном союзе: «А поидут, брате, на нас... и тобе, брате, к нам на помочь самому на конь всести и своею братьею молодшею, в правду, без хитрости. А корм взяти не корыстоватися».[1]

Отступлением от буквы договора стало личное неучастие Михаила Тверского в походе великого князя Московского. Это нельзя объяснить его молодостью — ему было 17 лет[2] (род. осенью 1453 г.). Однако самое главное условие договора, его основной смысл были соблюдены. Тверское великое княжество выступало как союзник Московского, впервые тверские полки шли в поход вместе с москвичами.

«Братья молодшая» тверского великого князя, обязанная «всесть на конь», представлена князем Юрием Адреевичем Дорогобужским, удельным князем, который в договоре 1462–1464 гг. не назывался по имени, а входил в состав «меньшей братии». Воеводой при нем был Иван Никитич Жито, из боярского рода Бороздиных (внук реального родоначальника Ивана Борозды).

Участие тверского полка в походе не было фикцией — князь Юрий и Иван Никитич Жито пришли «со многими людьми». Надо полагать, что Михаил Тверской, желая сохранить хорошие отношения со своим могущественным союзником, действительно стремился оказать ему действенную помощь и этим показать свою лояльность.

Участие Твери в военно-политической акции против Новгорода — одна из важных черт кампании 1471 г. Выступление Твери открывает

---

[1] ДДГ. № 63. С. 205.

[2] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495.

путь к Новгороду через тверские земли; оно означает признание Тверью руководящей роли Москвы; оно символизирует и материализует военное единство Русской земли под знаменами московского великого князя. Делается важный шаг в развитии военной системы. Эта система, складывавшаяся вокруг Москвы со времен первых Калитичей, основана на договорных началах в рамках княжеской иерархии. Развитие системы за сто с лишним лет шло, во-первых, за счет уточнения взаимных обязательств при сохранении принципиальной основы — княжеского суверенитета. Вторая черта развития системы — ее расширение за счет включения новых членов, т. е. княжеств, не входящих в состав Московского дома. Наиболее крупное из них — Тверское, которое и включается в систему военно-договорных отношений с Москвой, начиная со времен Дмитрия Донского.

Однако при всей важности договорных отношений как таковых решающей проверкой их является реальная политическая ситуация. Для реализации московско-тверского союза необходимо было достижение определенного уровня политической стабильности всей системы русских княжеств во главе с Москвой. Поход на Новгород в 1471 г. был одновременно и проявлением, и проверкой этой стабильности.

«А из Пскова в Торжок же прииде к великому князю посол Василей, да Богдан с Якушкою с Шачебальцевым, а присланы с тем, что целование к Новугороду сложили, а сами готовы все. Князь же великий из Торжку послал к ним Богдана, а с ним Кузьму Коробьина, чтобы не мотчая пошли к Новугороду, а Василья от себя не отпустил».

Военно-походный дневник фиксирует деятельность великого князя как главы общерусского союза — главнокомандующего. В Псков идет категорическое требование о немедленном выступлении в поход, политической акции сложения с себя целования недостаточно. От псковичей требуется реальное военное участие, соответствующее положению Пскова под главенством великого князя. В соответствии с первым требованием великого князя, переданным Яковом Шачебальцевым, «псковичи... месяца июня в 16 послаша с разметными грамоты... в Великой Новгород». По словам псковского летописца, Яков Шачебальцев не ограничился передачей великокняжеской грамоты, но и сам «много глаголаше, псковичь позывал: тымы часы со мною на конь вседя поидите в землю на Великий Новъгород воевати».

Псковичи проявили осторожность: «Дондеже услышим в Новогородской земли великого князя, тогды на конь всядем за своего госу-

даря». Для действительного выступления против могущественного «брата старейшего» псковичам была нужна гарантия фактического вступления великокняжеских войск в Новгородскую землю.

Проявилось особое положение Пскова в системе русских земель. Признавая над собой власть великого князя — «своего государя», Господин Псков сохранял значительную долю самостоятельности в своих внешнеполитических акциях; он сам распоряжался своим ополчением и неохотно втягивался в войну с Новгородом.

Несмотря на многие взаимные обиды и столкновения, Господин Псков еще ни разу не выступал против «брата старейшего» с оружием в руках на стороне великого князя. Во время предыдущего похода великокняжеских войск на Новгород в 1456 г. новгородцы призывали на помощь псковичей: «Братия наша молодшая, мужи псковичи, брат Великий Новгород вам кланяется, чтобы есте нам помогли противу великого князя, а крестное бы есте целование правили... И псковичи... не взираа, что псковичам новгородцы не помогали ни словом, ни делом ни на кую же землю... послаша... воевод своих... противу великого князя». Помощь запоздала: разбитые под Руссой новгородцы «добили челом» великому князю «за свою вину». До столкновения псковичей с великокняжескими войсками дело не дошло, они только простояли «с силою своею в Великом Новегороде полторы недели».[1]

Здесь важен основной факт — союз Пскова и Новгорода был многолетней традицией и еще недавно — реальным политическим фактором.

События 1460 г. принципиально изменили положение Господина Пскова. Признав над собою власть великого князя, он встал под его защиту. Летняя кампания 1463 г. на Ливонском рубеже была первой проверкой эффективности этой защиты. Но выступление в союзе с великим князем против Новгорода — явление другого масштаба. Оно окончательно перечеркивало всю многолетнюю совместную историю «братьев». Господин Псков бесповоротно и безальтернативно становился членом военно-политической системы, возглавляемой Москвой. Понятны и долгие колебания псковичей, и попытки компромисса; понятно и известное недоверие великого князя к лояльности псковичей, выразившееся в задержании одного из их послов.

Яков Шачебальцев «на другой неделе в среду Петрова говения (19 июня. — *Ю. А.*) с псковскими послы, с Васильем Быковым и с

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 142.

Богданом, поехали к великому князю, что там отведати, что великого князя самого и его войска, как он вступит в Новогородскую землю, а Пскову за ним поступити за его обиду, своего государя». Значит, псковские послы, приехавшие в Торжок, должны были, прежде всего, убедиться, что великий князь со своими войсками действительно вступил в Новгородскую землю, и только тогда псковичи соглашались выступить «за обиду своего государя». Как видим, у великого князя были основания для недовольства и для треббвания ускорить выступление псковичей. Это требование имело серьезное обоснование как в политическом (единство Русской земли), так и в военном отношениях.

Стратегический план великого князя предусматривал, по-видимому, окружение Новгорода со всех сторон. На долю псковичей выпало западное направление, едва ли не самое важное. Именно отсюда могла быть оказана помощь новгородцам со стороны короля и Ордена.

Господин Псков готовился к войне. Началось восстановление выгоревшей стены на Полонище. Но главное — «всем Псковом начаша по всем концом рубитися искрепка. А посадников и бояр великы на вече всем Псковом начаша обрубати доспехи и конми».[1]

Приведенный текст раскрывает систему псковской мобилизации. Решение о мобилизации принимается на вече («всем Псковом»). Рядовые псковичи «рубятся» по кончанскому раскладу, в рамках своих кончанских общин, которые организуют мобилизацию и несут за нее ответственность: верхушка псковского общества, посадники и бояре, мобилизуются на вече. Вече определяет нормы боеготовности посадников и бояр и контролирует их выполнение: поставку нужного (расчетного) количества коней и доспехов.

Очевидно, что рядовые псковичи по уровню своей боеготовности, по количеству и качеству оружия существенно отличаются от посадников и бояр. Во всяком случае, они выставляют не только всадников, но и пехоту, и даже, возможно, главным образом пехоту. О нормах мобилизации ничего не известно, но, в отличие от кампании 1463 г., не говорится о призыве «охвочих людей» — добровольцев.

Вопрос об ускорении вступления Господина Пскова в войну против Новгорода весьма интересовал великого князя.

В самый день прибытия великого князя в Торжок, т. е. 29 июня, на Петров день, в Псков «приеха князя великого боярин на имя Василий

[1] Там же. С. 180.

Зиновьев, а с ним человек 100». Василий Зиновьев Дятел — из рода Станищевых,[1] боярского чина он не имел.

Василий Зиновьев привез с собою «кляч новгородских с 300 полону» — первая добыча, захваченная на Новгородской земле, доказательство активных действий великокняжеских войск. Добыча была распродана в городе и по волостям, а сам «боярин» с его отрядом был помещен у Спасо-Мирожского монастыря. «И бысть Пскову от него велика истора, как самому кормом и его конем». Главная цель присылки Василия Зиновьева и его отряда — всемерное стимулирование выступления Господина Пскова: «Он по вся дни Пскову повестует, чтобы есте со мной на конь усегли сим часы, и яз к вам есмь отпущен великим князем, воеводою приехал, а уже есмь приехал здесь».

«Ис Торжку поиде князь великий».[2] Дата не указана, но, очевидно, это было после 29 июня — какое-то время великий князь должен был пробыть в Торжке, где он принимал тверских воевод и псковских послов.

«Братия же великого князя все со многими силами и кийждо их из своея отчины поидоша разными дорогами к Новугороду, пленующе и жгуще и люди в полон ведуще».

«Тако же и князь великий, коего воеводы та же творяху, кия же на какое место посланы». В данном случае, воеводы идут самостоятельно в те места, куда их послал главнокомандующий — великий князь.

«Предпосланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич и Федор Давыдович идуще по Новогородцким местам, иде же повелено им бяше, и распустиши вои свое на многие места жещи и пленити, и в полон вести, и казнити без милости за их неисправленье к своему государю великому князю». Снова подчеркнуто — воеводы идут по тем местам, где им повелено, т. е. согласно полученной директиве главного командования.

Инициативы воевод — в тактических рамках. В соответствии с правилами и обычаями средневековой войны, они «распускают» своих воинов для опустошения и разорения местности. К этой обычной тактике прибавляется политический мотив, подчеркиваемый летописцем: воины не только жгут и пленяют, как в обычной войне, но еще

[1] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969 (далее — Веселовский). С. 422, 424.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

и казнят без милости «за неисправленье». Военным действиям придается характер карательной меры за измену.

Войска князя Данилы Дмитриевича и Федора Давыдовича, этот первый эшелон великокняжеских сил, согласно отданной директиве, идут к Руссе. «Дошедшим же воеводам тем до Русы, поплениша и пожгоша место то, и пленив то и пожег, поидоша близ к Новугороду к реке Шелоне».

Таким образом, после сожжения Руссы войска повернули на северо-запад, оставляя озеро Ильмень справа.

Когда были взята Русса? Ответить на этот вопрос помогает Псковская летопись.

По словам Василия Дятла, приехавшего во Псков 29 июня, «Русу на сам Иван день извоевав и пожгли, а самому государю... с своими силами в сам Петров день в Торжку стати».[1]

Таким образом, Русса была взята и сожжена 24 июня — на Рождество Иоанна Предтечи, т. е. на восьмой день войны (официально объявленной 17 июня доставкой в Новгород разметной грамоты). Эта быстрота выхода великокняжеских войск на подступы к Новгороду была, вероятно, основной причиной того, что новгородцы не сумели (не успели) защитить Руссу. Василий Дятел выехал из ставки после взятия Руссы. Он знал маршрут и график движения великого князя. Русса была взята и сожжена за пять дней до прибытия великого князя в Торжок, и уже в дороге туда он знал об этом событии. Связь между Ставкой и воеводами поддерживалась четко, и это — одна из основных функций главного командования.

Приезд Василия Дятла, его призывы и еще более — сообщенные им сведения о ходе военных действий заставили Господин Псков поторопиться.

«И весь Псков... пригороды и волости собрав, князя Псковского Федора Юрьевича сын князь Василий, и Тимофей Власьевич, посадники псковские, а с ним 13 посадник псковских и вся сила псковская поидоша на Новогородскую землю, месяца июля в 10 день в среду на память святыя мученик 45. А в 12 день, в пяток, начаши воевати Новогородскую волость и жечи».

Сообщение Псковской летописи носит вполне официальный характер. Если псковичи «начаша по всем концом рубитися искрепка»

[1] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 181.

19 июня (после отъезда своих послов к великому князю), то от начала мобилизации до выступления в поход прошло три недели. Срок довольно большой, если учесть размеры Псковской земли и сравнить с мобилизацией 1463 г., когда Псков подвергался нападению ливонских немцев. Такое «мотчанье» можно объяснить либо тщательностью мобилизации, либо нежеланием втягиваться в войну с Новгородом. В поход шли по крайней необходимости, после многочисленных понуканий и уговоров великого князя.

Тем не менее, двинулась вся «сила Псковская», во главе с сыном князя-наместника и со всеми посадниками.

«Воевати и жечи» — псковские войска, как и великокняжеские, придерживались излюбленной средневековой тактики разорения и опустошения вражеской территории. В данном случае это была территория «брата старейшего», связанного с Господином Псковом вековой традицией и общностью социально-политического уклада. Эта вековая связь порвалась окончательно. «Брат меньшой» выступил против «брата старейшего», обходясь с ним как со злейшим врагом. На место новгородско-псковской общности, основанной на договорных началах и «братстве», пришла общность московско-псковская, основанная на безоговорочном подчинении власти великого князя.

«В тое же время приехал к ним посол наш Богдан, а с ним проводником князя великого боярин Кузьма Коробьин,[1] а с ним с полторасти человек, и сказывая, наехав великого князя в сам Петров день в Торжку, стояща с силами а 2 [во вторую] недели стати ему [в среду] в Русе».

Летописец приводит слова наказа великого князя. «А вы бы есте, отчина моя Псков, в сам Ильин день на конь усегли, или упустив неделю нонче».

Далее идет передача слов самого Богдана: «...с тем меня отпустил князь великий к вам, а только есми один день у него и был, а Василя Быкова оставил у себя по наказу вашему».

Сообщение Псковской летописи заслуживает серьезного внимания. Интересна и характерна сама форма изложения: дословное цитирование наказа великого князя и слов самого посла. В этой форме отразился официальный характер Псковской летописи. Но еще более важно фак-

[1] Коробьины — рязанские служилые люди. См.: Веселовский. С. 11, 13; Зимин. С. 269. Имя Кузьмы Коробьина в известных родословцах не встречается. Важен сам факт перехода рязанских бояр на службу в Москву.

тическое содержание известия. Псковский посол Богдан возвращается в сопровождении великокняжеского служилого человека, ведущего за собой большой воинский отряд. Как и миссия Василия Дятла, это — новое настойчивое напоминание псковичам об их обязанности выступить в поход. Конные отряды Дятла и Коробьина должны были, очевидно, не только усиливать псковскую конницу и придавать ей бóльшую устойчивость, но и поддерживать в ней соответствующее морально-политическое настроение, напоминая о верности великому князю.

Из слов посла Богдана видно, что, находясь в Торжке, великий князь с точностью рассчитал, когда ему быть в Руссе, уже взятой и сожженной московскими войсками, — быть в Руссе в среду на второй неделе после Петрова дня, т. е. 10 июля.

Великий князь требует выступления псковичей 20 июля, на Ильин день, или, в крайнем случае, на неделю позже. В данном случае псковичи превзошли ожидания великого князя, выступив на 10 дней раньше намеченного срока.

Когда псковское ополчение выступило в поход, военные действия были уже в самом разгаре. Взяв 24 июня Руссу, войска князя Данилы Холмского и Федора Давыдовича двинулись к Шелони. Дальнейшее движение выводило их на ближние подступы к Новгороду с запада и юго-запада. Однако, по словам Московской летописи, «яко же приидоша на место, нарицаемое Коростыни, у езера Илмеря на брезе, и внезапу паки безвестно прииде на них по озеру рать в судех от Новагорода».[1]

Даты не приводится, но, очевидно, это произошло через несколько дней после 24 июня — взятия Руссы.

Новгородцы «из судех вышед, приидоша таем под станы их, а им в то время оплошившимся». Новгородцы застали своих противников врасплох и этим могли поставить их в тяжелое положение. Однако «сторожа же воевод великого князя видевшие их, возвестиша воеводам, они же в тот час вооружившеся поидоша противу их».

По словам новгородского летописца, «к Русе послаша новгородцы судовую рать и пеши бишася много, и побиша Москвичь много, и пешей рати паде много, а иные разбегошася, а иных Москвичи поимаша».[2]

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[2] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 446.

Великокняжеское войско на берегу Ильменя — это конница (только она могла пройти от Москвы до Руссы около 500 верст за 15–18 дней марша по лесисто-болотистой местности). Основным преимуществом москвичей было, вероятно, их умение сражаться в конном строю (отработанное многолетней практикой службы на Берегу и столкновений с татарской конницей).

Победа осталась за москвичами: они «многих избиша, а иных рукама изымаша». Вооружение, как и тактика великокняжеской конницы, были отработаны в ходе бесконечных войн и походов на южном рубеже, тогда как ополчение Господина Великого Новгорода отнюдь не могло иметь такой практики. Как и в бою под Руссой в 1456 г., преимущество московского войска, в сущности профессионального, над массой новгородских ополченцев было решающим.

«И оттоле паки возвратишася к Русе в той день оже в Русе инаа рать пешаа множае первее и сугубейшиа, пришли рекою же в судех Полою именем».

Видны некоторые черты новгородского плана войны. Новгородское руководство стремилось, видимо, держать силы на ближних подступах к городу, нанося короткие контрудары, т. е. действовать по внутренним операционным линиям. Эта стратегия в большой степени определялась особенностью состава новгородского войска, состоявшего главным образом из пехоты, неспособной к марш-маневру на большие расстояния. Владение озером Ильмень давало новгородцам возможность маневрировать силами судовой рати против великокняжеских войск на южном берегу озера. Новгородцы не успели защитить Руссу, но теперь, с выходом великокняжеских войск на берег Ильменя, решили нанести им контрудар и не дать возможность выйти на ближние подступы к городу. Именно так можно понять действия новгородцев после падения Руссы.

Действия двух новгородских группировок, пересекавших Ильмень, не были согласованы между собой, что дало возможность воеводам великого князя разбить их поодиночке. Сказалось отсутствие или неэффективность главного командования новгородских войск, которым не удалось добиться взаимодействия. «Весьма поучительны тактические действия отряда Холмского. Пользуясь ошибками противника, отряд наступал смело и решительно и уничтожал противника по частям», — справедливо отмечает Е. А. Разин.[1]

[1] Разин. С. 318.

После победы под Руссой воеводы «послаша к великому князю с тою вестью Тимофея Замытского, а пригонил к великому князю иуля в 9 день на Коломно озеро».[1]

Впервые после прибытия великого князя в Торжок в рассказе Московской летописи появляется точная дата, свидетельствующая о ведении походного дневника. Вероятно, он велся без перерыва, но в летописном рассказе использовался лишь выборочно — в летописи представлен не сам походный дневник, а переработка его для нужд официального летописного рассказа.

Великий князь, направляясь из Торжка в Руссу, остановился на озере Коломно. Это позволяет уточнить маршрут его движения — он шел от Торжка на Вышний Волочек, а затем повернул налево, в сторону Руссы.[2] Если судить по теперешней карте, Коломно — в 90 км от Торжка. Если так, то при средней скорости движения 25–30 км в день, великий князь выступил из Торжка не позднее 5–6 июля.

От Руссы до Коломны Тимофей Замытский мог проскакать не менее чем за двое суток, следовательно, он был отправлен с победной вестью 6 или 7 июля. Около этого же времени и произошло второе сражение москвичей с новгородской пешей ратью.

Донеся о победе под Руссой, «сами воеводы от Русы поидоша к Демону городку»[3] (о чем, очевидно, тоже доложили великому князю). Это означало, что воеводы двинулись в юго-восточном направлении, не к Новгороду, а в обратную сторону. Демон, теперешний Демьянск, в 90 верстах, т. е. в двух или трех переходах, от Руссы. Целью этого движения было, очевидно, овладение укрепленным пунктом новгородцев в тылу наступающих великокняжеских войск.[4]

«Князь же великий посла к ним, веля им ити за реку Шолону сниматися с псковичи. А под Демоном велел стаати князю Михаилу Андреевичу с сыном своим князем Васильем и со всеми вои своими».

Это известие заслуживает самого пристального внимания. При всей важности овладения Демоном в оперативно-тактическом от-

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[2] По теперешней карте Коломно — на р. Шлине, вытекающей из озера того же названия и текущей на восток.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[4] А. К. Баиов почему-то считает, что к Демону отступили разбитые под Руссой новгородцы (Баиов. С. 20).

ношении, на стратегическом уровне оно ничего не решало. Более того, увод войск с главного (новгородского) направления ослаблял угрозу, нависшую над Новгородом, и развязывал новгородцам руки для дальнейших активных действий. Наконец, отвод великокняжеских войск от Ильменя в южном направлении означал отказ от взаимодействия с псковичами, мог поставить псковичей в опасное положение и подорвать саму идею концентрированного удара по Новгороду.

Концепция князя Холмского и Федора Давыдовича отражала оперативно-тактический, но не стратегический уровень мышления. Частная цель заслоняла главную.

Основная идея директивы великого князя — движение на соединение с псковичами. Этим исключалась возможность нанесения частного поражения псковичам и обеспечивалось их реальное участие в кампании. Соединенное московско-псковское войско выводилось на ближние подступы к Новгороду. Овладение Демоном рассматривалось как второстепенная задача, для решения которой выделялись второстепенные же силы верейского удельного князя.

Директива великого князя отражает здравое стратегическое мышление на уровне главного командования войсками. Автор директивы проявил подлинный талант стратега.

Но, как и всякое смелое решение, директива таила в себе известную опасность.

Псковские войска выступили на следующий день после того, как великий князь получил известие о победе под Руссой, а на новгородскую территорию вступили еще через два дня. Находясь на Коломне, великий князь едва ли мог знать точную дату выступления псковичей. Ни Псковская летопись, ни Московская ничего не говорят о новых псковских послах, прибывших в ставку. Великий князь мог иметь только общее представление о возможном (вероятном) направлении движения псковичей. Наиболее естественным путем движения псковской рати был левый берег Шелони, двигаясь по которому, они выходили к Ильменю в непосредственной близости от Новгорода.

Отсутствие точного согласования по времени движения псковичей и войск князя Холмского могло привести к их поражению по частям. Это был несомненный риск, и лучшим способом уменьшить его могло быть только энергичное движение вперед с целью соединиться с псковичами до встречи с ними новгородских войск.

Итак, войска князя Холмского и Федора Давыдовича, изменив свое первоначальное направление, двинулись к Шелони на соединение с псковичами.

Что же делали псковские войска?

Псковская летопись описывает пограничные столкновения — нападение новгородцев на Навережскую губу. Это вызвало ответное нападение псковичей на новгородский Вышгород. «Вся псковская сила... пришедше под Вышегород и обступиша его, того же месяца 15 день в неделю, утре, и начаша бити пушками и стреляти и начаша к нему примет приметывати».[1] После упорного, но короткого сопротивления город сдался на капитуляцию. Это случилось на следующий день, т. е. 16 июля. «Князь псковский Василий Федорович, и воевода великого князя Василей, и посадник псковской Тимофей Власьевич, и Стефан Офанасьевич, и все войско псковское челобитье их приняли и кровь их пощадили и отступиша на завтреа, в понедельник от городка».[2]

Известие весьма содержательно. Оно показывает руководство псковского войска, рисует методы осады крепости и подготовки штурма, свидетельствует о наличии в псковском войске вечевых традиций («и все войско псковское» как действующее лицо). Но наиболее важна хронология событий. В известии допущена ошибка — 15 июля приходилось не на воскресенье, а на понедельник. Псковичи подошли к городу именно в воскресенье («назавтреа в понедельник уже отступиша от городка»), т. е. не 15-го, а 14 июля. Это была именно «вся сила псковская» во главе с князем-наместником, воеводой великого князя и посадниками, снабженная артиллерией. Перейдя границу Новгородской земли, это войско двинулось не к Новгороду и не на соединение с войсками великого князя, а к маленькому пограничному городку, чтобы отомстить за то, что «из Вышегородские волости приездя, пакостят во Псковской волости».

В действиях псковского войска не заметно ни ясной стратегической идеи, ни хотя бы стремления к взаимодействию с великокняжескими силами. Это тот же уровень мышления, что у князя Холмского — стремление к решению не общих, а частных задач, отвечающее известной узости горизонтов удельно-княжеской системы. Все внимание приковано к решению частной, второстепенной задачи.

---

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 181.

[2] Там же. С. 182.

«А воеваша волости и пожгоша около рубежа на 50 верст оле и боле».[1]

По словам псковского летописца, именно эти действия псковичей вызвали ответную реакцию новгородцев.

«А новгородци, услышавше силу псковскую, что воюют волости, и отрядиша воеводою Казимера, да Дмитрия сына Марфина, и иных много бояр, и около их всей новогородской силе наиболее 40 тысящь, и поидоша на псковичи».

Дальнейшие события Псковская летопись описывает кратко.

Новгородцы «наехаша на Шелони силу московскую, князя Данилья, едут с ними поровну об он пол реки, и не дошедше Мустца и Сольцы, верговася москвици с берега в реку Дрянь, и прегнав ше Дрянь реку, и ударишася на них, и победиша их».

Псковские войска в этой битве не участвовали, летописец вставил в свое повествование краткое известие, полученное, по-видимому, от москвичей. Пскович мало знает и не интересуется этой битвой. По его мнению, сражение произошло «тоя же время, кои день поехала иза Пскова псковская сила»,[2] т. е., очевидно, в среду 10 июля.

Несмотря на эту очевидную ошибку, известие Псковской летописи содержит важные реалии. Оно точно указывает место сражения и топографическую деталь — речка Дрянь, видимо, старица Шелони; изображает такую деталь, как параллельное движение новгородцев и москвичей по берегам Шелони, знает имя одного из новгородских воевод.

Таким образом, в решающий день Шелонской битвы псковичи были в 80–100 км на юго-запад от поля сражения. Начав наступление 10 июля, они двинулись не по кратчайшему пути на Новгород, т. е. на восток от Пскова, что выводило бы их на среднее течение Шелони и далее на Ильмень, а отклонились на юго-восток, к верхнему течению Шелони, для осады второстепенного новгородского укрепления, совсем не заботясь о соединении с москвичами. Этим они ставили себя под реальную угрозу со стороны рати, двинутой из Новгорода.

Наиболее полный рассказ о Шелонской битве содержится в Московской летописи.[3] Здесь он выделен киноварным заголовком: «О бою на Шолони». В соответствии с полученной директивой, «воеводы ве-

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 182.
[2] Там же. С. 183–184.
[3] Там же. Т. 25. С. 288–289.

ликого князя поидоша к Шолоне, и яко пришедшим им к берегу реки тоя, иде же брести чрез ея, оже в ту же пору прииде ту рать Новогородская противу их с другой страны от града своего к той же реке Шолоне, многое множество, яко и ужаснутися полком великого князя, понеже бо в мале бяху вси бо вои сущии под ними, не видяще того, пленяху места их окрест Новаграда».

Если это сообщение принимать буквально, то оно означает, что воеводы, идущие к Шелони по директиве великого князя, часть своих сил распустили для грабежа окрестных мест, как это они делали уже и раньше, на марше к Руссе. Это поведение в условиях вероятности встречи с крупными силами противника было, по меньшей мере, рискованным, но отвечало правилам и обычаям войны и отражало уровень оперативно-тактического мышления воевод.

«А новогородцкие посадници все и тысяцкие, купцы и житьи людие, мастыри всякие, сироста рещи плотници и горчары и прочии, которые родивыся на лошади не бывали и на мысли которым того и не бывало, что руки подъять противу великого князя, всех тех изменницы они силою выгнаша. А которым бо не хотети поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, и иных в реку в Волхов метаху. Сами бо глаголаху, яко было их с сорок тысяч на бое том». Это известие, основанное, вероятно, на рассказах пленных новгородцев, интересно в том отношении, что рисует морально-политическую ситуацию в Новгороде, методы мобилизации и качество призванного к оружию контингента. Сообщение тенденциозно — оно стремится изобразить действия новгородских «изменников» в возможно более непривлекательном виде. Тем не менее, оно далеко не лишено реализма. В основе своей оно рисует состав и характер новгородского ополчения в общих чертах правдоподобно. Городское ополчение действительно не могло не состоять в своей основной массе из людей, не привычных к войне.

В отличие от жителей приграничного Пскова, новгородцы не имели опыта почти ежегодных «разрубов», что, конечно, сказывалось на их потенциальной боевой годности. Мобилизация этих «горчаров и плотников» действительно могла вызвать затруднения и материального, и морального порядка. Нестабильность политической ситуации в Новгороде, раздираемом противостоянием сторонников Москвы и Литвы, сочеталась с низкой боеготовностью призываемых к оружию мирных жителей. Сказался основной недостаток новгородской военной организации — отсутствие конного служилого ополчения.

Наибольшие сомнения вызывает численность новгородского ополчения, приводимая со слов самих новгородцев. При проведении самой жесткой мобилизации, при самом тяжелом «разрубе» едва ли можно было выставить в поле 40 тыс. ратников. В Новгороде не могло быть такого количества даже дворов — основной единицы при «разрубах».[1] Думается поэтому, что к летописному известию о численности новгородского войска, двинутого на Шелонь, следует отнестись с большой осторожностью. По всей вероятности, оно было большим, даже очень большим в глазах современников и участников событий, но величины, приведенной летописцем, достигнуть не могло, даже если считать, что в состав 40 тыс. входили не только войска, двинутые на Шелонь, но и пешие рати, отправленные ранее через Ильмень.

Тем не менее, большое количественное превосходство новгородской рати над великокняжескими войсками на берегах Шелони вполне вероятно — пешая рать могла быть многочисленной.[2]

«Воеводы же великого князя, еще и в мале бесте глаголють бо бывшой тамо, яко с пять тысяч их только бе, но видевше многое воинство их и положише упование на Господа Бога и Пречистую Матерь Его, и на правду своего государя великого князя, поидоша напрасно противу их, яко львы рыкающе...».

В отличие от приведенной численности новгородской рати, численность великокняжеских войск в общем более правдоподобна, хотя тоже отражает высокую степень мобилизационного напряжения. Если исходить из широко известных более поздних норм мобилизации («со ста четвертей человек на коне в доспехе в полном»), то 5 тыс. всадников соответствовали 500 тыс. четвертей земли, «в поле, а в дву потому ж». Писцовые книги конца XV — первой половины XVI вв. приводят к выводу, что на одно полноценное крестьянское хозяйство приходилось в среднем 10 четвертей в поле, т. е. для мобилизации 5 тыс. всад-

[1] По разрядному и разметному списку 1545 г. в Новгороде числилось 5096 дворов всех наименований. См.: ААЭ. Т. I. № 205. Едва ли в 1471 г. их могло быть намного больше. См. также: *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 52.

[2] По оценке А. К. Баиова, новгородское войско могло насчитывать на Шелони от 20 до 30 тыс. человек (Баиов. С. 56). Современный нам новгородец И. Н. Вязинин считает, что «рать была собрана с 30-тысячного города и близлежащих окрестностей... она составляла максимально 10 тысяч» (*Вязинин И. Н.* От Шелони к Руси единодержавной. Великий Новгород, 2001. С. 27).

ников требовалось 50 тыс. крестьянских дворов. А ведь рать князя Холмского и Федора Хромого едва ли могла быть много более трети всех войск, двинутых на Новгород, — по Мсте с востока шла рать князя Стриги, а великий князь со своим полком стоял в Коломне. Принимая это во внимание (и даже считая, что первый эшелон был наиболее многочисленным), можно предположить, что всего против Новгорода в июне 1471 г. могло быть выставлено не менее 12 тыс. воинов служилого ополчения. Разин видит ошибку великого князя в том, что он «не обеспечил своевременную поддержку своего основного передового отряда».[1] В известной мере, этот упрек справедлив — войска князя Холмского действительно были предоставлены своим силам. Но принятый план войны, предусматривавший одновременные действия на разных оперативных направлениях, требовал готовности к подобному риску.

Итак, по словам московского летописца, всадники князя Холмского и Федора Хромого «поидоша... яко львы рыкающе чрез реку ону великую, ея же сами Новогородци глаголют никогда тамо броду имуще, и сии не пытающе броду вси цели и здрави преидоша ее. Видевше же се Новогородци устрашишася зело, возмутишася и восколебавшеся, яко пьяни. А си пришед на них начаша преже стреляти их. И возмутишася кони их под ними и начаша с себя бити их, и тако вскоре побегоша...».

Красочность изложения не носит характер документальности. Вероятно, это запись рассказа (или рассказов) участников боя. Можно отметить несколько важных и достаточно правдоподобных реалий.

— Быстрая переправа москвичей через реку была неожиданной для новгородцев, знавших, что брода нет. Москвичи ударили на новгородцев врасплох.

— Перейдя реку, великокняжеские войска не бросились сразу в атаку, а осыпали новгородцев стрелами, стараясь поразить их коней. Это вызвало полное расстройство новгородской рати, обратившейся в бегство.

Это заставляет вспомнить картину боя под Руссой зимой 1456 г. в изображении той же летописи: «Вои же великого князя видевше крепкие доспехи на Новогородцех, и начаша стрелами бити по конех их. Кони же их, яко възбеснеше и начаша метатися под ними, с себя

[1] Разин. С. 318.

збивати их. Они же, не знающе того боя, яко омертве, и руки им ослабеша, копия же имяху долга и не можаху и възнимати их тако, яко же есть обычай ратным, но на землю испускающе их, а конем бьющимися под ними, и тако валяхуся под кони свои, не могуще здержати их... и тако вскоре побегоша...».[1]

Можно отметить общие черты тактики москвичей, приведшей к одинаковым (или похожим) результатам, — конница новгородцев обратилась в бегство под тучами московских стрел. В отличие от описания боя 1456 г., на этот раз у нас нет прямых указаний на особенности вооружения новгородцев (тяжелые крепкие доспехи, длинные копья). Но тактика их, по-видимому, оставалась прежней — к бою с великокняжеской конницей они были неспособны.

«Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их... Избьено же их бысть тода многое множество, самим бо глаголющим яко дванадесять тысячь изгибе их на боех тех, а изымали их руками боле двою тысячь...».

Цифры потерь, как и численность новгородского войска, великокняжеский летописец приводит со слов самих новгородцев. Эти цифры в общем соответствуют друг другу, но, как уже говорилось, сами по себе не заслуживают большого доверия — они сильно преувеличены, хотя и трудно сказать, насколько именно.

«А вои великого князя гонили по них двадесять верст, и тако възвратишася от великия тоя истомы. Воеводы же... князь Данило и Федор Давыдович ставше на костех, сождашася с воинством своим...».

Новгородская летопись дает свою версию сражения.

«И начаша Новгородци вопити на больших людей, которыи приехали ратью на Шолону: "ударимся ныне", каждо глаголюще. Яз человек молоды и испротеряхся конем и доспехом».

Непосредственно перед боем в новгородской рати проявилась социальная рознь, чем косвенно подтверждается сообщение о насильственном характере мобилизации «горчаров и плотников». «Молодые» новгородцы, беднейшая часть городского населения, не была способна к длительному походу и стремилась к скорейшему его окончанию. Необходимо отметить важную деталь новгородского рассказа — речь в нем идет только о коннице. Пешая рать в битве на Шелони, по-видимому, не участвовала — она билась под Коростынью и Руссой.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 274–275.

«Москвичам же до понедельника отлагающим, бяше бо неделя».

Это замечание новгородского летописца противоречит московским данным и не может быть принято: сражение произошло именно в воскресенье («неделю») 14 июля в день апостола Акилы, что подтверждается сооружением соответствующего придела к тогдашнему Успенскому собору в Кремле.

«И начаша ся бити, и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону реку, и ударишася на Новгородцев западная (засадная. — *Ю. А.*) рать Татарове, и паде Новгородцев много, а иным побегоша, а иных поимаша, а инех в полон поведоша».

Расходясь в деталях, порою существенных, все три наших источника, относительно независимых друг от друга (псковский, московский и новгородский), рисуют картину полного разгрома новгородского войска.

На расхождениях следует остановиться подробнее.

В отличие от псковского и московского известия, новгородское рисует бой состоящим из трех этапов — переход москвичей через Шелонь, атака их новгородцами и отступление их за Шелонь, атака новгородцев татарским засадным полком и бегство новгородцев.

Насколько правдоподобна эта версия? Основная слабость ее — упоминание о татарах. По данным Московской летописи, татар в войсках князя Холмского и Федора Давыдовича не было — они шли во втором эшелоне с князем Иваном Стригой Оболенским.

Вторым слабым местом новгородской версии является отступление москвичей обратно за Шелонь, после чего, очевидно, следовал повторный переход ее и погоня за бегущими новгородцами. Картина этих переходов взад-вперед через большую реку с войском в несколько тысяч человек вызывает большое сомнение. На практике это едва ли могло быть осуществимо. Можно допустить возможность контрудара новгородцев, заставившего москвичей на какое-то время отступить, — может быть, к самому берегу Шелони. Но обратная переправа означала бы не что иное, как разгром москвичей новгородцами, что в корне противоречит всем известиям, в том числе и новгородским. Московская версия хода сражения, в общем подтверждаемая псковской, представляется наиболее правдоподобной и в своих основных чертах сомнений не вызывает.

Отсутствие документального характера не снижает ценности московского рассказа, но свидетельствует о том, что сами по себе ведом-

ственные записи типа разрядных как таковые не проникают в летописное повествование.

Заслуживает внимания такая деталь, как возвращение на поле боя после преследования бегущего противника и стояние «на костях». Древнерусская традиция соблюдалась воеводами великого князя.

Итак, основной результат Шелонской битвы — разгром главных сил Господина Великого Новгорода и пленение его руководителей. Чем же был обусловлен этот решающий результат, фактически одним ударом решивший и исход кампании, и судьбу самого Новгорода?

На стратегическом уровне быстрое выдвижение великокняжеских войск к Ильменю застало новгородцев врасплох и заставило наносить разрозненные контрудары. Выдвижение главных сил Новгорода на Шелонь преследовало, по-видимому, цель нанести удар по псковскому войску и не допустить его соединения с москвичами. Образ действий псковичей, занятых осадой Вышгорода и не спешивших навстречу москвичам, давал благоприятные возможности для атаки их главными силами новгородцев. Это могло случиться не позже 17 июля (Вышгород — примерно в двух переходах от места Шелонской битвы).

План действий, предложенный князем Данилой Холмским и Федором Давыдовичем, вполне облегчал новгородцам решение задачи разгрома псковичей. Отход к Демону, уже начатый было воеводами, подставлял псковичей под удар главных сил новгородцев.

В этих условиях директива великого князя, отданная им в Ставке на озере Коломно 9 июля, имела решающее значение. Она придавала событиям совсем другой ход — войска были направлены не на второстепенный, а на главный объект, и перед ними была поставлена важнейшая стратегическая задача — не допустить разгрома псковичей.[1] Так как в Ставке не могло быть точных данных о действиях псковичей, директива исходила из собственной оценки обстановки великим князем. Во всяком случае, директива от 9 июля отвечает наиболее существенному требованию военного искусства — видеть главную цель и

[1] От Коломно до Руссы, где, по-видимому, находились воеводы, примерно 150 верст, от Руссы до Шелони (устье Мшаги) — примерно 50–60 верст. Директива великого князя, отправленная 9 июля, могла быть получена воеводами 12-го числа; начав немедленный марш к Шелони, они могли достичь ее к вечеру 13-го, т. е. накануне сражения. Это подтверждается источниками — в частности, Псковской летописью.

к ней стремиться — и отражает высокий уровень стратегического мышления своего автора. Как три века спустя писал великий Румянцев: «Искусство военное... состоит в одном том, чтобы держать всегда в виду главную причину (цель. — *Ю. А.*) войны... Полководец... в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие, от того зависящие».[1]

Победа на Шелони — результат и итог всей стратегии Ивана III в кампании 1471.

Оценивая эту стратегию, А. К. Баиов видит ее характерные черты:

— правильная оценка фактора внезапности;

— стремление к крайнему напряжению своих сил и к ослаблению сил противника;

— быстрая и правильная оценка обстановки;

— организация отрядов, соответствующая их назначению;

— обеспечение связи между частями армии;

— постановка частных задач, вытекающих из общей идеи;

— строгий расчет во времени и пространстве;

— быстрота и решительность действий.[2]

Если в стратегическом отношении воеводы князь Холмский и Федор Давыдович были далеко не безупречны, то на тактическом уровне действия воевод великого князя на Шелони заслуживают высокой оценки. Успешная переправа вброд через большую реку на виду у неприятеля делает честь их мужеству и глазомеру, а также боевым качествам их войска.

В бою проявилась тактика, выработанная москвичами в бесконечных схватках на южном рубеже, и качественное превосходство московского служилого ополчения, состоявшего фактически из воинов-профессионалов, над наспех собранной новгородской ратью. Победа на Шелони — победа нового над старым, великокняжеского служилого ополчения над удельно-городским.

Военные действия продолжались. По словам Московской летописи, «вои же князя великого и после боя того воевали много и по посады Новогородцкые и до Немецкого рубежи, по реку Нерову, и

---

[1] Цит. по: *Клокман Ю. Р.* Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 176.

[2] Баиов. С. 46.

великое место зовомое Новое Село попленише и пожгоша».[1] Речь идет, очевидно, о действиях великокняжеской конницы, рассыпавшейся по Новгородской земле, не встречая серьезного сопротивления после разгрома главных сил Новгорода.

Гораздо большее значение имела реализация результатов битвы на уровне главного командования.

«Воеводы великого князя мало отдохнув от того бою том и сождався с своими, послаша к великому князю Замятню с тою вестью, что поможе им Бог, рать Новгородцкую побили. Он же пригонил к великому князю в Яжелбицы, того же месяца Иуля 18 день, и бысть радость князю великому и братии его, и всему воинству их, бе бо тогда у великого князя и царевич Даниар и братия его, благоверныя князи Юрьи и Андреи и Борис, и бояре их, и все воинство их».[2]

Это известие основано, очевидно, на походном дневнике. Ставка переехала из Коломно в Яжелбицы примерно на 100 верст на северо-запад, ближе к театру военных действий. Из сообщения летописи видно, что удельные князья и царевич Данияр не шли со своими полками, а находились в Ставке, под рукой великого князя. Их полками командовали воеводы — под началом соответствующих воевод великого князя. 150 верст (по карте) от места Шелонской битвы (устья Мшаги) до Яжелбиц гонец покрыл за три дня (если он был отправлен на следующий день после битвы). Реальная скорость его передвижения составляла, вероятно, не менее 60 верст в день, так как он ехал не по прямой.

Ставка следовала за войсками первого эшелона, находясь от них в 3–4 конных переходах. Это расстояние следует считать максимально допустимым (если не чрезмерным) для оперативного управления войсками.

«А в ту же пору был у великого князя из Новагорода от нареченного архиепископа и всего Новагорода Лука Клементиев о опасе».

Получив известие о Шелонской битве, новгородские власти немедленно запросили мир. Новгородская господа рассчитывала, вероятно, как и зимой 1456 г. после своего разгрома у Руссы, купить мир.

«Князь же великий дасть им опас и отпусти того с селищ противу Демона». Ставка, очевидно, переехала из Яжелбиц на 50 верст к юго-западу к Демону, который, согласно директиве от 9 июля, осаждали войска верейско-белозерских князей.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 289.

[2] Там же.

«А князю Михаилу Андреевичю и сыну его князю Василью воеводы Новогородские, кои сидели в городке в Демону, добили челом и предашися на том, что их головами выпустити, а о ином ни о чем не стояти, а з города дали окупа 100 рублев Новогородских».

Капитуляция Демона была вызвана полной бесперспективностью дальнейшего сопротивления. Разгром главных сил новгородского войска предопределил судьбу всех новгородских крепостей, и на ход событий это уже почти не влияло.

«А от Псковичь прииде к великому князю в Ыгнатичи с Кузьмою Коробьиным посадник Микита с тем, что Псковичи со всею землею своею пошли на его службу...».[1] Это известие было получено уже после Шелонской битвы. Директива от 9 июля была дана, когда псковичи еще не выступили в поход. Направление на Шелонь, на соединение с псковичами было указано, исходя из наиболее целесообразного варианта действий псковичей, которому сами псковичи отнюдь не следовали.

«Князь же великий посла к ним Савастьяна Кушелева да первого посла их Василья с ними с Полы реки».

«Месяца того же 24 день на память святых великомученик Бориса и Глеба прииде князь велики в Русу и туто повеле казнити главною казнью Новгородских посадников за их измену за отступление... а иных многих послал на Москву, да велел их вметати в тюрму. А мелких людей велел отпусти к Новугороду... А сам поиде оттуда ко Илмерю озеру на усть Шолоны. И прииде ту на место завомое Межуберег и Коростынь 27 в субботу».

Походный дневник здесь прерывается вставкой: «А в той же день бой был воеводам великого князя с Двиняны». Это известие основано на донесении воевод, полученном, естественно, значительно позже самого события. Вставка о бое на Двине свидетельствует о позднейшей летописной обработке походного дневника.

Сам же дневник продолжает свое изложение: «А в той же день (т. е. в день прихода великого князя на Ильмень. — *Ю. А.*) прииде к великому князю на усть Шолоны в судех озером Илмерем нареченный Феофил с посадники и с тысяцкими и з житьими людьми со всех конець». Начались мирные переговоры.

Ход переговоров излагается протокольно — вполне официальным языком.

[1] Там же. С. 290.

Последняя сентенция — не дневниковая запись: «А земля их вся пленена и пожжена и до моря. Не токмо бо те толко были, кои с великим князем и з братьею его, но и изо всех земль их пешею ратью ходили на них. А Псковская вся земля от себе их же воевали. Не бывала на них такова воина и как земля их стала».

Эмоциональный характер этой записи резко отличает ее от выдержек из походного дневника с их деловым фактологическим стилем.

Несмотря на свою повышенную эмоциональность, запись о разорении Новгородской земли отражает определенные реалии. Сакральный характер, приданный походу в защиту православия, оборачивается своей жестокой, темной стороной. С жителями Новгородской земли поступают, как когда-то Филипп Август с еретиками-альбигойцами. Диссонанс в этой картине — повеление взятых в плен на Шелони «мелких людей... отпущати к Новугороду». Только здесь можно увидеть сознание единства Руси, понимание того, что новгородцы — хоть и мятежники, но свои, русские, православные люди. Однако эту гуманную акцию породило не только христианское милосердие, но и трезвый политический расчет — стремление противопоставить рядовых новгородцев мятежному боярству, учет социальных противоречий в новгородской городской общине.

Заслуживает внимания известие о пешей рати «изо всех земель их». Вероятно, здесь имеется в виду земское ополчение пригородов, тянущих к Новгороду, но выступивших против него. Тяжелый политический кризис привел к распаду прежних традиционных связей, к росту антиновгородских настроений у жителей подвластных земель.

В условиях кризиса начался тотальный распад всей социально-политической системы Господина Великого Новгорода — и внутри городской общины, и за ее пределами.

«А что послал князь великий Севастиана Кушелева противу Псковичъ, и тот сретил их за Порховым, а они идут от своего городка от Дупково, взяв из него 6 пушек, к Порхову. Севастьян же сказал им великого князя здоровье да и победу над Новгородци, а им велел князь великий борзее поити к Новугороду. Псковичи же из Порхова отпустиша Севастьяна к великому князю, а с ним послы своя... Севастьян с теми послы псковскими... приидоша к великому князю на усть же Шолоны иуля в 31 день, на заговенье Оспожного».[1]

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 291.

От Порхова до устья Шелони Кушелев мог доехать не более чем за два дня, следовательно, 29 июля псковичи были еще в Порхове. 30 верст от взятого ими Вышгорода до Порхова псковичи шли две недели. Фактически они стояли на месте, разоряя окрестности. Понятно нетерпение и понукание со стороны великого князя.

Получив директиву идти к Новгороду, псковичи, наконец, пошли «борзее». «И не дошед Новагорода за 20 верст, стали у Спаса на Милице». Не участвовавшее в боях и сохранившее все свои силы псковское войско могло быть использовано как средство давления на новгородцев на мирных переговорах.

Вслед за Севастьяном Кушелевым и псковскими послами, к великому князю «туто же на усть Шолоны» явились «князь Василий Федорович Шуйский, воевода Псковский, с посадники и лучшими людьми». Они были вызваны, вероятно, для участия в переговорах с новгородской делегацией.

Новгородская летопись, рассказав о Шелонской битве, сообщает о мерах, принимаемых руководством Новгорода для спасения города. Важнейшей мерой была отправка послов в Литву, «чтобы король всел на конь за Новгород». Речь шла о реализации договора с Казимиром, только что заключенного, но еще не ратифицированного. Посол ехал «кривым путем» — прямой путь в Литву шел через земли Господина Пскова. Но ливонский магистр («местер») отказался пропустить посла, и он вернулся обратно.[1] В связи с этим, нельзя не отметить, насколько своевременно был начат поход на Новгород и насколько важно было участие в войне Господина Пскова, отрезавшего Новгород от его союзника.

Меры по непосредственной обороне города заключались в сожжении всех посадов около Новгорода. Сожжены были и монастыри: Зверинский, Антонов на Поляне, Юрьев, Рождества Христова на Поле, а также Городище.

Была учреждена караульная служба: «сторожа много по граду и по каменным кострам (башням. — *Ю.А.*) на переменах день и нощь». Эти меры необходимо признать целесообразными; они свидетельствуют о намерении всерьез защищать город.

Однако тут же летописец замечает, что «разделишася людие: овии хотяху за князя (великого. — *Ю.А.*), а иннии за короля за литовского».

[1] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 447.

Внутреннее разобщение новгородского общества — коренной источник слабости великого города — преодолено не было.

«И много бысть Новгородцем пагубы, и хлеб дорог, и не бысть ржи на торгу... ни хлеба, только пшеничный хлеб, и того по оскуду». Начался голод, от которого, естественно, страдала беднейшая часть горожан. Усиливалась социальная рознь: «И бысть на лутчии люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгород». В условиях нарастающего политического кризиса появились предатели-переветники: «А переветника Упадыша Новгородци казниша, зане же перевет держал на Новгород и хотел зла Великому Новугороду с своими единомысленниками: 5 пушек железом заколачивал».

Но на Коростыни уже шли переговоры о мире, и мир был заключен, и «даша князю великому Новгородци пол шестенадцать тысячи рублев...». Поражение Новгорода — закономерное следствие эгоистической политики боярской олигархии, «а вся то Богу попущающу грех ради наших».[1]

Кампания 1471 г. была закончена.

«Стоял туто на едином месте князь велики 11 день, управляя новогородцев, и пожаловал их, дасть им мир на своей воле, как сам въосхоте...».

Следует последняя запись в походном дневнике за 6979 г.: «А князь велики Иван Васильевич, Володимерьски и Новогородски и всеа Руси самодержец възвратися оттуду к Москве с победою великою месяца Августа 13» (т. е. выступил в обратный путь). Столица встречала его в первый день нового 6980 (1472) г.[2]

Походный дневник, приведенный в Московской летописи, дает возможность составить довольно полное представление о движениях и действиях великого князя в ходе кампании 1471 г. Эти известия позволяют проследить важные черты деятельности главного командования.

Стратегический план, выработанный до начала кампании, т. е. не позднее второй половины мая, предусматривал нанесение одновременных ударов по нескольким операционным направлениям.[3]

---

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 447

[2] Там же. Т. 25. С. 292.

[3] «Основная идея плана... охватить Новгород с запада, юга и востока... заставить новгородское командование разбрасывать свои силы» (Разин. С. 313).

Главные силы (оперативная группа князя Холмского) шла прямо к Новгороду по кратчайшему пути через Руссу. Оперативная группа князя Стриги Оболенского прикрывала эту операцию с востока, двигаясь по Мсте и отсекая Новгород от его северо-восточных владений. Великокняжеский полк составлял резерв главного командования и шел позади первого эшелона в общем направлении на Руссу.

Псковская рать должна была нанести удар с западного направления по кратчайшему пути к Новгороду, отсекая его одновременно от потенциальных союзников — Литвы и Ордена.

На северном стратегическом направлении действовала судовая рать с задачей овладения новгородским Заволочьем.

Главной целью кампании ставился полный разгром противника в кратчайший срок — до того, как в войну смогут вступить потенциальные союзники Новгорода и противники Москвы — Литва, Орден и Орда.

Задача быстрого разгрома противника на основном операционном направлении могла быть решена только конным служилым ополчением, способным в кратчайший срок покрывать большие расстояния, т. е. способным к стратегическому маневру на театре военных действий. Группа Холмского продемонстрировала эту способность быстрым взятием Руссы и последовательным разгромом двух новгородских пеших ратей, переброшенных через Ильмень. Ошибочное движение к Демону не имело существенного значения — по директиве главного командования войско было направлено быстрым марш-маневром к Шелони.

Главное командование управляет войсками посредством директив, ставя им конкретные задачи (направления движений и действий), но не предписывая способа решения их. Воеводам предоставляется широкая инициатива на тактическом уровне.

Главной задачей считалось решающее поражение противника — разгром его войска и выход на подступы к его столице.

Имея в виду главную цель кампании, овладению отдельными пунктами, не лежащими на основном операционном направлении, не придается существенного значения.

Главное командование стремится организовать оперативное взаимодействие московских и псковских войск, пытаясь преодолеть пассивность и узость мышления псковского командования. Бросается в глаза существенное отличие в характере боевых действий велико-

княжеских и псковских войск. Имея относительную самостоятельность, командование псковскими войсками ориентирует их на решение частных, второстепенных задач, упуская из виду главную цель кампании и ставя свои войска под угрозу поражения. В этих условиях директива от 9 июля сыграла решающую роль.

Для оценки особенностей кампании 1471 г. целесообразно сравнить ее с предыдущими походами на Новгород. Наибольшее значение имеют в этом смысле ближайшие по времени походы: 1386 г. Дмитрия Донского и 1456 г. Василия Темного (поход 1440/1441 гг. почти не отражен в источниках).

Сравнение походов 1386 и 1456 гг. позволяет проследить как общие черты, так и отличия их друг от друга.

Общей чертой является выбор времени для похода — зима, когда болота и озера замерзли и не представляют существенной преграды для наступающих войск. Это позволяет, в принципе, двигаться к Новгороду крупными силами по кратчайшему пути в общем направлении на обход озера Ильмень с востока с выходом в долину Мсты в ее нижнем течении. Операционная линия Дмитрия Донского в деталях не известна, но к Новгороду он подошел с востока, создав угрозу прорыва к Жилотугу. Операционная линия Василия Темного шла от Торжка на Демьянск (Демон) и далее на Яжелбицы, приближаясь к низовьям Мсты с возможностью обхода оз. Ильмень с востока. Этот путь был, по-видимому, наиболее удобным для движения крупных масс войск. Основная торговая коммуникация Новгорода шла примерно по этой же линии на Торжок.

Общей чертой обоих походов было личное руководство со стороны великого князя, который шел вместе с войсками. В этих условиях, очевидно, не было необходимости в составлении сколько-нибудь развитой документации по управлению войсками и в существовании органа, ведающего этой документацией. Решающую роль, видимо, играли устные распоряжения великого князя, передаваемые через гонцов.

По-видимому, в обоих случаях великокняжеские войска шли по одному направлению, выделяя силы для охраны операционной линии и для опустошения местности. Отличием похода Василия Темного является выделение «изгонной рати» для набега на Руссу — крупный экономический и политический центр Новгородской земли, но не для овладения и удержания его как базы для дальнейших действий, а только для опустошения и захвата добычи. Однако не исключено, что целью

такого набега могло быть также желание выманить новгородцев из города и принудить к сражению в открытом поле.

Бой под Руссой, единственное за весь поход боевое столкновение в открытом поле, — главное отличие похода 1456 г. от похода Дмитрия Донского.

Конечной целью обоих походов было вынудить Новгород к принятию требований великого князя. В обоих случаях речь шла о крупных денежных выплатах. Но если в первом случае дело, по-видимому, этим и ограничивалось, то во втором случае новгородцам были предъявлены известные политические требования, в какой-то мере усиливавшие зависимость Господина Великого Новгорода от великого князя. Впрочем, политические результаты Яжелбицкого мира обычно сильно переоцениваются в литературе.

Можно сказать, что стратегия и характер управления войсками в обоих великокняжеских походах были примерно одинаковыми.

Однако состав великокняжеского войска за 70 лет изменился — повысилось значение и удельный вес конного служилого ополчения, которое, по-видимому, составило главную силу войск Василия Темного. Это позволило значительно увеличить темп движения и дало возможность ставить перед войсками новые оперативные задачи. Если ратям Дмитрия Донского (включавшим, по-видимому, большое количество земского пешего ополчения) для выхода к Новгороду потребовалось около 50 дней, то войско Василия Темного уже на третьей неделе похода оказалось на дальних подступах к городу. Наличие многочисленной конницы (вполне возможно, с участием контингента вассальных татарских царевичей) позволило провести глубокий рейд в стороне от главного операционного направления и добиться тактического успеха, фактически решившего исход всей кампании. В бою под Руссой была применена новая тактика конного боя, отработанная в борьбе на Берегу с татарами и в значительной мере заимствованная у них. В пользу относительной новизны этой тактики говорит тот факт, что для новгородцев она оказалась неожиданной.

Таким образом, походы 1386 и 1456 гг., несмотря на свои различия, отражают в принципе один и тот же подход к постановке и решению стратегических задач и организации командования.

Что касается Господина Великого Новгорода, то здесь в 1456 г. при сохранении прежней военной системы можно наблюдать два новых момента. Во-первых, это новая постановка стратегической задачи.

В отличие от кампании 1386 г., новгородские войска не ограничиваются подготовкой к обороне своего города, но проявляют стремление к активным действиям для защиты территории и важных ее пунктов от действий вражеских войск. Эта готовность к защите своей территории и к бою в открытом поле не соответствовала реальным возможностям новгородского войска, что привело к гибельному для новгородцев бою под Руссой, в котором ясно проявилось организационно-тактическое преимущество великокняжеских войск. В обеих кампаниях новгородцам не удавалось создать единого достаточно эффективного командования и управления войсками. Но если в оборонительной кампании 1386 г. этот недостаток был не очень заметен, поскольку компенсировался тактическими преимуществами войск, оборонявших укрепленный город, то в 1456 г. при попытке активных действий недостаток организации и командования проявился в полной мере и стал существенной, хотя и не единственной, причиной разгрома новгородцев в бою в открытом поле.

Вторым новым моментом является обращение за помощью к Господину Пскову, т. е. попытка создания коалиции против великого князя. В 1386 г. этот момент, по-видимому, отсутствовал — во всяком случае, о нем нет никаких известий. Обращение запоздало — хотя Псков выразил готовность вступить в войну на стороне Новгорода, его помощь была уже не нужна. Отсюда вытекает, что выступление великого князя против Новгорода, темп и характер операции были для новгородских властей неожиданными — своевременных мер для создания антивеликокняжеской коалиции принято не было. Политика новгородских властей оказалась неэффективной, что, наряду с недостатками военной организации, было причиной поражения.

По сравнению с походами 1386 и 1456 гг., кампания 1471 г. имеет ярко выраженные характерные особенности.

Временем для нее было выбрано лето — исходя из политических и стратегических соображений. В отличие от походов Дмитрия Донского и Василия Темного, Ивану III приходилось действовать в весьма сложной международной обстановке и считаться с реальной опасностью войны на нескольких направлениях. Господин Великий Новгород заключил союз с королем Казимиром, и вмешательство короля было вполне возможным, как и удар в тыл со стороны хана Ахмата. В этих условиях решающее значение приобретал фактор времени — кампания должна была начаться как можно раньше и быть скоротечной.

Целью кампании было не наказание Новгорода, не получение контрибуции, а решение принципиального вопроса о сохранении Новгорода в составе Русской земли и тем самым — политическом единстве Русского государства. Достижение этих целей требовало решительного разгрома противостоящих сил, и притом на всех направлениях. Не компромисс, а решительная победа — вот что было главной задачей кампании.

Стратегический план существенно отличался от планов походов 1386 и 1456 гг. Наступление на двух стратегических направлениях — новгородском и северо-двинском — одна из основных черт этого плана. При этом наступление на главном — новгородском — направлении велось двумя относительно самостоятельными оперативными группами при наличии общего резерва. В этих условиях необходима была организация главного командования, способного руководить оперативными группами путем директив, что, в свою очередь, требовало создания аппарата управления войсками. Великий князь шел в поход во главе второго эшелона, составляющего резерв главного командования. Он впервые выступает в походе в новом качестве — главнокомандующего, руководящего войсками через соответствующий аппарат. Главное командование обеспечивает (по крайней мере, стремится обеспечивать) взаимодействие с союзными псковскими войсками — война против Новгорода носит коалиционный характер.

Основным средством для решения конкретных оперативно-тактических задач на главном направлении было конное служилое ополчение. Именно оно обеспечивает возможность широкого и глубокого маневра и быстрого сосредоточения сил на нужных направлениях. Конное служилое ополчение 1471 г. — дальнейшее развитие тех начал, которые проявились в походе 1456 г. В 1471 г. это ополчение решало еще более сложные и масштабные задачи.

Если в оперативно-стратегическом отношении кампания 1471 г. является новым словом в военной истории России, то в тактическом плане сражение на Шелони отличается от боя под Руссой, главным образом, своим бóльшим масштабом. Тактика московской конницы была уже отработана, тактика новгородской — осталась без изменений. Можно сказать, что кампания 1471 г. на главном направлении — это соревнование двух военных систем, старой общинно-вечевой и новой княжеско-служилой, с решающим преимуществом второй.

Однако военная система великокняжеской Москвы опиралась не только на служилое ополчение.

Характерной чертой кампании 1471 г. является наличие самостоятельного северного стратегического направления.

Заволочье (Двинская земля) представляла особую ценность для Господина Великого Новгорода. Попытка Двинской земли отложиться от Новгорода в 1397–1398 гг. вызвала карательную экспедицию во главе с посадником Тимофеем Юрьевичем, которая подвергла Заволочье беспощадному разгрому.[1] Готовясь к походу 1471 г., великий князь отправил на Двину воевод Василия Образца и Бориса Слепца Тютчева[2] с устюжанами и вятчанами.

События на северном театре войны освещены почти во всех русских летописях.

Великокняжеская летопись, сообщив об отправке 31 мая Василия Образца и Бориса Слепца, соответственно, на Устюг и на Вятку, возвращается к этому сюжету после описания событий на главном театре войны — Шелонской битвы и прибытия великого князя на Ильмень, «на место, зовомое Межуберег и Коростыни, 27 [июля] в суботу. А в той же день бои был воеводам великого князя с Двиняны». Далее следует киноварный заголовок «Бои на Двине» и текст: «Василью Федоровичу Образцу, а с ним Устюжане да и прочии вои, да Борису Слепцу, а с ним Вятчане».

«А был им бой на Двине с князем Васильем Шуйским, а с ним Заволочане все и Двиняне. Было же с ним рати 12 тысяч, а с великого князя воеводами было рати 4 тысячи без 30 человек. Бысть же бой им вышед из суд обо пеши, и начаша ся бити о третьем часе дни того биши же ся и до захоженья солнечного, и за руки емлюще сечахуся. И знамя у Двинян выбиша, а трех знаменщиков под ним убиша, убили бо первого, ино другой подхватил, и того убили, ино третей взял, убивши же третьего, и знамя взяша. И так Двиняне възмятошася, и уже к вечеру одолеша полци великого князя и избиша множество Двинян и Заволочан, а инии истопоша. А князь их ранен вкинулся в лодку убеже на Калмогоры, многих же и руками изнимаша. Потом же и градкы их поимаша, и приведоша всю землю ту за великого князя.

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 383; Новгородская Первая летопись (далее — НПЛ). С. 389–393.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

Убиша же тогда князя великого рати 50 Вятчанинов, да Устюжанина одного, да Борисова человека Слепцова Мигуна, а прочии вси Богом сохранени быша».[1]

Это известие дословно повторено в летописях великокняжеского цикла — Вологодско-Пермской, Спасо-Прилуцкой, Уваровской, Воскресенской, Никоновской, а также в Холмогорской летописи. В Сокращенных сводах дается краткое известие с неверной датой — 20 июля.

В основе известия Московской летописи, по-видимому, лежит официальное донесение воевод, подвергшееся обработке в составе летописного повествования.

Известие содержит ряд важных реалий: точную дату события, точное число участников боя, довольно подробно описывает ход боя, его результат и конечное следствие.

Данные о численности войск и о потерях в бою вызывают сомнения. Собрать 12-тысячную рать в малонаселенном Северном крае едва ли было возможно. Для выставления такого числа ратников нужно было, по крайней мере, 40–50 тыс. дворов. Для перевозки этой рати нужно было примерно 400 речных судов — насадов или ушкуев (считая среднюю вместимость такого судна в 30 человек). Думается, что число воинов, сражавшихся под командой князя Василия Шуйского, сильно преувеличено — возможно, в несколько раз.[2] Более правдоподобно число ратников великокняжеских воевод. В походе судовой рати на Казань в 1469 г. участвовало примерно 1,5–2 тыс. человек, устюжан и вологжан, с добавлением вятчан эта цифра могла быть сильно увеличена.

Еще большее сомнение вызывает цифра потерь великокняжеской стороны, приводимая официальным летописцем. В ожесточенном рукопашном бою, длившемся целый день, было убито всего несколько десятков человек из 4 тысяч. Если бой был действительно таким, как его описывает летопись, потерь великокняжеских войск должно было быть гораздо больше.

В Типографской летописи изложение событий на северном театре начинается с похода на Кокшенгу: «Князь Андрей Меньшой посла

---

[1] Там же. Т. 25. С. 290.

[2] Для сравнения можно напомнить, что в 1398 г. в походе на Заволочье новгородские посадники вели с собою 3 тыс. воев, и это было большое войско, которое разгромило и разорило всю Двинскую землю (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 383; НПЛ. С. 389–393).

воеводу своего Семена Федоровича Сабурова с своими людьми на Кокшенгу... многие погосты и села повоеваша, и множество полону вземше».[1]

Этого известия нет в других летописях, но в целом оно довольно правдоподобно. Оно отвечает на вопрос, возникающий при перечислении войск, отправленных в поход против Новгорода. В составе этих войск отсутствуют вологжане — люди князя Андрея Меньшого. Вполне возможно, что они и были отправлены на Кокшенгу во главе с воеводой своего князя.

Вторая особенность — «князь... Василий Шуйский со всеми Заволочаны собрався и поиде к Устюгу и множество, 12 тысяч, с ним Новогородцев».

По точному смыслу известия получается, что наступление на северном направлении начали войска князя Шуйского.

«В ту же пору, егда князь великий беше в Новегороде, Василий же [Образец] и Борис [Слепец], с едиными Устюжаны, 4000 без 30, и Вятчане приидоша противу им, и сретошася на Двине в судех, и выидоша обои из судов на брег. И бысть межу ими бой и сеча зла. И поможе Бог и Пречистая Богородица воеводам великого князя, и погнаша Устюжане и Вятчане, а Новгородцы побегоша, и множество их изсекоша. И воевод их большего Двинского Игната Кашина ту убиша и иных многих живых поимаша. Князь же Василий утече стрелян и мало с ним Новгородцев, в суды вметався, утече, инии же в реце истопоша. Устюжане же и Вятчане идоша на Двинские городки и погосты и множество городков и погостов и сел поимаша и полону много вземше...».[2]

Связь известия Типографской летописи с Московской очевидна, очевидны и отличия. Типографская не приводит цифры потерь великокняжеских войск, не сообщает подробностей боя, но знает имя убитого «большого воеводы» двинян, говорит о «многих истопоша», что позволяет предполагать бой на воде.

«Словеса избраны», содержащиеся в нескольких летописях (Новг. IV по списку Дубровского, Соф. II), дают свою редакцию событий на Двине. «Князь Василий Шуйский, слуга Великого Новгорода, сослався с Заволоцкою землею и с Корельскою, собрався многими людьми,

---

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 191. Тот же текст см. в Софийской II летописи (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 175).

[2] Там же. Т. 24. С. 192; Т. 6. Вып. 2. Стб. 176.

да приходил на них ратми. И билися с ним ступным боем великим на воде в судех да пеша на сухе, а бишася от утра и до ночи, и поможе Бог воеводам великого князя, Василию Федоровичю и его товарищом, а побиша на том бою Новогородцев много зело, а инех руками поимаша. Тако бо уже от великия истомы бою их яко оклячивше сташа мужие Новгородци, не могуще ни рукою двинути, ниже главу свою обратити. А самого князя их на том суйме стрелою уязвиша, и похвативше его людие скоро в судне отвезоша еле жива суща. А городы Двинские огнем пожгоша, а землю их вывоеваша».[1]

Рассказ «Словес» близок известию Московской летописи и восходит к нему или его источнику, представляя собою дальнейшую литературную обработку воеводского донесения. Здесь нет даты, нет цифр, нет подробностей боя. Зато красочно описывается «изнеможение» новгородцев. Единственная новая реалия — бой на воде в судах, наряду с пешим боем на суше. Заслуживает внимания также упоминание о корелянах.

Ермолинская летопись приводит свою редакцию известия: «Великого князя воеводы Василий Федорович Образец да Борис Тютчев Слепец, а с ними Устюжане, да Вологжане, да Вятчане пришли на Двину в судех. И срете их князь Василий Васильевич Суздальский со многою силою Новогородскою и со всеми Двиняны в судех же. А обославшеся межь себе излюбиша вышед на берег битися, и бысть им бой велик зело, и победиша князя Василья, и Новогородцкую силу побили, мало их осталось, а князь Василий утече, везде бо Бог помогоше великому князю за его исправление».[2]

Ермолинская летопись проявляет зависимость от Московской, опуская дату, цифры и подробности боя, но добавляя одну любопытную деталь: предварительное соглашение о бое на суше.

Устюжская летопись также содержит известие о событиях в Заволочье: «...велел князь великий наместнику устюжскому Василью Федоровичю Образцу воевати Двинскую землю. Он же поиде с устюжаны и вятчаны на Двину ратью в судех. И встретил их князь Василий Васильевич Шуйский да Василий Микифорович воевода двинский со много силою двинскою и печерскою, да с ними шылники из Новагорода. И бысть им бой на речке на Шиленге. И бишася обои, крепко

[1] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 512.

[2] Там же Т. 23. С. 159.

поводяся. И учаша битися на четвертом часу дня, бишися и до вечера, и паде двинян, и шилников, и печерян бесчисленно множество, и устюжан 5 человек. И при вечере поможе Бог воеводе великого князя Василью Федоровичю Образъцу с устюжаны, а князь Василей Шуйской и Василий Микифорович побегоша к Новугороду. Бысть же сий бой месяца июля в 27 день, на память мученика Пантелеймона. Везде бо Бог помогаше государю за его правду».[1]

Известие Устюжской летописи, как и других летописей великокняжеской ориентации, связано с официальным рассказом. Оно опускает некоторые подробности боя, но содержит новые реалии. Василий Федорович Образец назван «наместником устюжским»; говорится о новгородских «шильниках» как участниках боя, точно названо место боя — речка Шиленга. Зато здесь не упоминается второй великокняжеский воевода, Борис Слепец, стоявший во главе вятчан, — все внимание приковано к устюжскому наместнику. Можно думать, что известие великокняжеской летописи или ее источника было известно устюжанину и положено в основу его рассказа. Но у него была и собственная информация, вероятно, от устюжан — участников боя, что позволило уточнить состав войск противника и определить место боя.

Речки Шиленги на теперешних картах (и в Атласе Маркса) не обозначено. О ней нет сведений и в Книге Большому Чертежу. Но в указателе волостей М. М. Богословского упоминается Шиленская волость, расположенная на Двине, выше Осиповской. Осиповская же волость, село Слободское-Осиповское, находится выше устья Ваенги,[2] а Ваенга впадает в Двину с правой стороны в 60 верстах ниже устья Ваги.[3] Шиленская волость была ниже устья Ваги, но выше устья Ваенги (на карте Богословского Шиленское помещено выше устья Ваги). Здесь, вероятно, и произошел бой 27 июля 1471 г.

Таким образом, все источники московской ориентации находятся в той или иной степени зависимости от донесения великокняжеских воевод, отраженного в Московской летописи, но отходят от него в деталях. Все источники рисуют одну и ту же картину ожесточенного боя, полного поражения новгородской стороны и разорения Заволочья.

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 92–93. В списке Мацеевича — то же известие с некоторыми сокращениями (Там же. С. 47).

[2] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере. Т. 1. Прим. С. 62.

[3] КБЧ. С. 165.

Судя по месту боя, следует отвергнуть версию Типографской летописи о том, что боевые действия начались с похода войск князя Шуйского на Устюг. Скорее всего, наступление начали великокняжеские войска, которые до встречи со своими противниками продвинулись далеко вниз по Двине.

Новгородская версия событий отражена в Строевском списке Новг. IV летописи.

Еще в 6978 г., т. е. до 1 сентября 1470 г., за два месяца до приезда в Новгород князя Михаила Олельковича, «поехал князь Василий Васильевич за Волок с воеводою Новгородским с Василием Микифоровичем».[1] Это важное сообщение можно рассматривать как признак подготовки к войне с великим князем — начало приведения в оборонительное состояние северных владений Великого Новгорода.

Под 1470/1471 (6979) г., рассказав о начале войны, Шелонской битве и подготовке города к обороне, летопись далее сообщает: «В то же время князь великий Иван Васильевичъ посла рать свою за Волок, и князь Василей Васильевичъ и воевода заволоцкий Василий Микифоровичъ изыдоша противу со своей ратью и с Заволочаны и с печеряны, и сступившимся им на ратный бой. И паде многое множество с обе половины. А Двиняне не тягнуши по князе по Василье Васильевиче и по воеводе по Васильи по Микифоровиче, и шестники измогоша, и Заволочан посекоша, и Двинян иссекоша. А князя Василья Васильевича и воеводу Василья Микифоровича Бог ублюде, и приехаша в Новгород в мале дружине».

Новгородский источник вполне подтверждает сведения, содержащиеся в памятниках московской ориентации, но добавляет интересные детали. Двиняне «не потягнуша» за новгородского князя и его воеводу, и это было, вероятно, одной из главных причин поражения новгородцев. Измена двинян или, во всяком случае, их нестойкость в бою, может быть объяснена общими чертами новгородско-двинских отношений. Как известно, еще в 1397 г. Заволочье пыталось отделиться от Господина Великого Новгорода и перейти под власть великого князя Московского. Это вызвало карательную экспедицию новгородцев и жестокие казни мятежников.[2] Однако коренные, внутренние причины конфликта с северной провинцией устранены, по-видимому, не

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 446.

[2] НПЛ. С. 389–393; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 383.

были. Можно предполагать, что в основе этого конфликта лежало неравноправие Двинской земли с ее метрополией, положение «пригорода», всецело подвластного городской общине (фактически — боярской элите) столичного центра. Во всяком случае, удержать в своих руках Заволочье в кампании 1471 г. новгородцам не удалось, несмотря на длительную подготовку и мобилизацию крупных сил.

Какие же контингенты участвовали в боевых действиях на Севере?

На стороне новгородцев сражались (плохо или хорошо) двиняне и заволочане, что упоминается во всех летописях. Видимо, между этими контингентами была разница. Кроме того, упоминаются печеряне и кореляне. Готовясь к войне на Севере, новгородские власти провели, видимо, своего рода тотальную мобилизацию, призвав под свои знамена языческие племена отдаленных окраин. Однако крупной роли эти контингенты, видимо, не сыграли — в составе комбатантов на Двине они не упоминаются ни в московских, ни в новгородских известиях. Решающую роль играли двиняне и заволочане — все известия говорят именно о них.

На стороне великого князя сражались устюжане и вятчане. Устюжане шли в поход со своим «наместником», как его называет Устюжская летопись. Василий Федорович Образец, таким образом, сочетал в своем лице военную и административную власть.

Наибольшего внимания заслуживает участие вятчан. Как уже отмечалось, еще в 1469 г. вятчане были далеко не лояльны по отношению к великому князю. Но в 1471 г. все было иначе. 31 мая на Вятку был послан Борис Слепец Тютчев — очевидно, поднимать в поход земское ополчение. Но независимо от этого произошло событие, представляющее особый интерес.

Великокняжеская летопись помещает известие об этом в конце рассказа о кампании 1471 г.: «А того же лета Вятчане шед суды Волгою на низ, взяша Сарай, много товара взяша, и плен много поимаша. Слышевша се Татарове Большие Орды, понеже близ ту кочевали за один день, и тако многое их множество, поидоша переимати их. И поимавше суды, и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити. Они же единако пробишися сквозь их и уидоша со всем. А под Казанью тако же хотеша переняти их, и тако проидоша мимо тех со всем в землю свою».[1]

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 291.

В Типографской летописи известие о битве вятчан помещено до рассказа о бое на Двине — сразу после сообщения о походе Семена Сабурова на Кокшенгу.

«Того же лета, в ту же пору, идоша Вятчане Камою на низ и в Волгу в судех, и шедше взяша град царев Сарай на Волзи, и множество Татар изсекоша, жены же их и дети в полон поимаша, и множество полону вземше. Возвратишася Татарове же Казаньскии переняша их на Волзе. Вятчане же бившася с ними и проидоша здравии с всем полоном, и многие ту от обоих падоша. Вятчане же пришедше из Сараю и поидоша с воеводами великого князя, с Васильем Образцом и с Борисом Слепцом, и с Устюжаны противу Новогородцев».[1]

Устюжская летопись (Архангелогородский летописец) помещает известие о походе вятчан после рассказа о бое на Двине: «Того же лета ходили Вятчане ратью на Волгу. Воивода был у них Костя Юрьев. Да взяли Сарай и полону бесчисленная множество и княгинь сарайских».[2]

Ермолинская летопись помещает краткое известие: «Того же лета Вятчане Сарай взяли».[3]

Перед нами — разные варианты известия о выдающемся военно-историческом событии. Нет оснований подвергать сомнению достоверность летописных известий. Поход судовой рати вятчан, вероятно, действительно имел место. Поход был совершен самими вятчанами, во главе с их собственным воеводой и, по-видимому, без какого-либо участия служилых людей. Это был, скорее всего, поход добровольцев — «охочих людей», непосредственной целью которого была добыча. В этом смысле поход Кости Юрьева не отличался от походов удалых ушкуйников предыдущего века, державших в страхе все Поволжье. Но если в организационном и тактическом плане поход Кости Юрьева в принципе не отличается от набегов ушкуйников, то в политическом и стратегическом плане он представляет собой совершенно иное явление. Русские люди впервые нанесли удар по столице ордынского хана. Это главная характеристика похода вятчан. Судовая рать вятских «охочих людей» фактически выступила на стороне великого князя и совершила марш-маневр, как нельзя более отвечавший инте-

---

[1] Там же. Т. 24. С. 191. То же см. в Соф. II (Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 175–176).

[2] Там же. Т. 37 С. 93. В списке Мацеевича это известие отсутствует.

[3] Там же. Т. 23. С. 159.

ресам великокняжеской политики. Остается открытым вопрос: был ли совершен этот поход по прямому указанию великого князя, с его ведома, или же совершенно самостоятельно, по инициативе самих вятчан? Независимо от ответа на этот вопрос, объективные результаты похода не вызывают сомнения. Удар по Сараю ослабил державу хана Ахмата и показал уязвимость и относительную слабость этой державы, продолжавшей оставаться грозным противником складывавшегося Русского государства. Вполне вероятно, что набег на Сарай не дал Ахмату возможности привести в исполнение планы удара по Русской земле в союзе с королем Казимиром, во всяком случае — заставил на время отказаться от похода на Русь.

В чисто военном плане поход Кости Юрьева продемонстрировал боевые возможности судовой рати, возможности совершать глубокие рейды и преодолевать попытки «переимания» со стороны противника. Судовая рать как род войск сохраняла свое значение в условиях севера и востока, сохраняла значение и система комплектования этой рати, тесно связанная с общинными вечевыми порядками Вятской земли.

В отличие от удалого похода Кости Юрьева, поход и бой судовых ратей в Заволочье представляет картину смешанного земско-служилого ополчения, создаваемого по распоряжению великого князя, возглавляемого его воеводами и действующего по его указаниям в рамках общего плана кампании. В отличие от походов на Казань в 1468 и 1469 гг., когда судовым ратям не удалось добиться успеха без взаимодействия с конным служилым ополчением, кампания 1471 г. на Волге и на Севере может быть названа триумфом судовых ратей. Они сумели самостоятельно решить крупные оперативно-тактические и стратегические задачи и сыграть важную роль во всей кампании.

Общий итог кампании 1471 г. — полное поражение боярского Новгорода. Удельно-вечевой системе был нанесен решающий удар. Создание единого Русского государства стало реальностью, сложилась новая стратегическая и политическая ситуация, возникли новые задачи и перспективы.

Походы 1472 г.

1. Поход на Пермь князя Федора Пестрого

Зимне-весенний поход 1472 г. в Пермскую землю известен по двум основным источникам — великокняжеской летописи и местной Коми-Вымской летописи.[1]

Под 6980 (1471 / 1472) г. великокняжеская летопись в основном излагает события в хронологическом порядке.

«Тое же месяца Декабря, по Рождестве Христове, явилася на небеси звезда велика...

Месяца же Генваря по Крещении другая звезда явилася...

Тоя же зимы послал князь великий на Великую Пермь князя Федора Пестрого воевати их за их неисправление...».[2]

Можно предположить, что отправка князя Федора Пестрого на Великую Пермь состоялась, скорее всего, между 6 и 16 января 1472 г.

Летописное известие о начале похода не содержит никаких подробностей — ни состава войск, ни имен воевод, ни маршрута.

Следующее упоминание о походе князя Федора относится уже к лету.[3]

«Июня 26, прииде весть великому князю из Перми, что воевода князь Федор Пестрой землю Пермскую взял. А пришел в землю ту на усть Черные реки на Фоминой неделе в четверток (9 апреля. — *Ю. А.*) и оттуду поидех на плотех и с коньми и приплыв под город Анфаловской съиде оттуда с плотов и поиде оттуду на коних на верхнюю землю к городку Искору. А Гаврила Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердыню да на Почку, на князя на Михаила. Князю же Федору не дошедшу еще городка Искора, и сретоша его Пермичи на Колве ратью, и бысть им бой меж собою. И одоле князь Федор, и поимал на том бою воеводу их Кача. И оттуду воевода князь Федор поиде таки ко Искору и взят его, и воеводы их поимал, Бурмота да Мичкина, а Зыран по опасу пришел к нему. Поимал же и иные городки и пожегл.

---

[1] *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись. С. 218–232 (далее — Флоря).

[2] ПСРЛ. Т. 12. С. 142–143; Т. 26. С. 244. Известие о начале похода в Своде конца XV в. отсутствует.

[3] Там же. Т. 25. С. 296–297; Т. 12. С. 148.

А Гаврила шед те места повоевал, на которые послан. И потом прииде князь Федор на устье Почки, где впала в Колву, и сождася тамо со всеми своими, а поиманых тех туто же приведе. Срубивше ту городок и седе в нем, и приведе всю землю ту за великого князя.

И оттуду послал князь Федор князя Михаила к великому князю, и тех Бурмота и Мичкина, и Кача, а сам остался тамо в городке Почке. А что имал у тех у Бурмота и Мичкина и Кача, и то послал к великому князю: 16 сороков соболей, да шубу соболью, да пол-30 поставов сукна, да 3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные».[1]

Известие великокняжеской летописи представляет собой изложение (пересказ, вероятно, близкий к тексту) официального документа — донесения князя Федора Пестрого. Летописец отметил точную дату прибытия этого донесения в Москву, видимо, ему придавалось достаточно большое значение.

Другие летописи передают это известие в своих вариантах. В Ермолинской летописи никаких подробностей похода нет, но дано отчество князя Федора (Федорович) и сказано, что он тех, «которые великому князю грубили, а тех всех к великому князю ведеть». Влияние великокняжеской летописи здесь несомненно, но видна и редакторская работа составителя Ермолинской: он знает отчество князя Федора, он по-своему рассказывает о его действиях. В Типографской и Вологодско-Пермской летописях это известие отсутствует. В Устюжской летописи князь Федор имеет отчество Давыдович, дата похода — 26 июня, подробности отсутствуют, но сказано, что с князем Федором шла «рать устюжская»,[2] и что после похода «рать вся цела».[3]

В основу сообщения Устюжской летописи положено, очевидно, официальное великокняжеское известие, но местный летописец добавил важное сведение об участии в походе устюжан и по своему усмотрению дал отчество руководителю похода.

Коми-Вымская летопись дает самостоятельную версию похода. Причиной похода было то, что «пермяки за Казанцев норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым великого князя грубили». Князь Федор Пестрый шел в поход «с Устюжаны, Белозерцы, Вологжаны, Вычегжаны». После победы над пермяками великий

[1] ПСРЛ. Т. 12. С. 148; Т. 25. С. 296–297
[2] Там же Т. 37 С. 48.
[3] Там же. С. 48, 93.

князь «отпустил на Пермь княжити» взятого в плен местного князя Михаила.[1]

Известия Коми-Вымской летописи по существу не противоречат официальным великокняжеским известиям, но приводят ряд новых данных, которые выглядят правдоподобно. Причиной (или одной из причин) похода на Пермь действительно могли быть дружественные отношения пермяков к Казанскому ханству (вероятно, та или иная форма зависимости от него) и враждебность их к Москве (о «грубости» пермяков пишет и Ермолинская летопись); вполне вероятно, действовали и мотивы торгового характера. Для нашей темы наибольший интерес представляет перечень сил, участвовавших в походе. Этот перечень тоже вполне правдоподобен. Об участии в походе устюжской рати пишет и Устюжская летопись. Вполне естественно участие в походе представителей других северных русских земель, перечисляемых в Коми-Вымской летописи. Отправка на княжение пленного князя Михаила также вполне правдоподобна; она соответствовала обычной практике Ивана III возвращать на княжение пленных князей, приводя их предварительно к присяге, т. е. поставив их в формально-юридическую зависимость. Коми-вымское известие можно рассматривать как ценное дополнение к официальной великокняжеской летописи.

Материалы обеих летописей позволяют проследить основные черты похода.

Во главе похода 1472 г. — воевода князь Федор Пестрый, скорее всего, сын князя Федора Давыдовича Пестрого Стародубского, впервые упоминаемого в 1429 г. (в 1472 г. ему должно было быть около 70 лет, и в дальний поход он идти не мог), его второй бездетный сын, называемый в родословцах Пеструхой.[2] Тот факт, что поход возглавляет человек княжеского рода, сын известного воеводы, может свидетельствовать о большом значении, которое придавалось походу.

Поход на Пермь по своим масштабам значительно отличался от прежних речных походов устюжан и других северных ратей. В составе четырех земских ратей, перечисленных в Коми-Вымской летописи, наряду с пехотой идет и конница — по всей вероятности, белозерские и вологодские служилые люди. Время с января до апреля ушло на сборы и подготовку к большому походу и на выдвижение войск на

[1] Флоря. С. 229.
[2] Зимин. С. 38, 42.

подступы к будущему театру военных действий. По-видимому, войско первоначально шло по берегу Вычегды, поднимаясь вверх. Вышли в бассейн Камы — река Черная впадает в Весляну, левый приток Камы; городок Усть-Черная существует и поныне. Отсюда начался поход по воде. Впервые мы имеем известие о перевозке коней на плотах. Двигаясь вниз по Весляне, войска вышли к Каме в районе Чердыни. Отряд младшего воеводы Гаврилы Нелидова пошел дальше на юг к Чердыни; главные силы — на север, к Искору. Согласно Книге Большому Чертежу, памятнику XVII в., Искор находился за Уральским хребтом. Но на карте XX в. населенный пункт Искор обозначен примерно в 6 км от левого берега Колвы, притока р. Вишеры, впадающей в Каму выше Чердыни примерно в 40 км к северу от нее.[1] Вероятно, князь Федор шел именно к этому пункту — нет сведений о переходе его войск через Средний Урал. Если марш-маневр к театру военных действий длился месяцами и проходил на протяжении многих сотен километров, то глубина самой операции в Пермской земле была, по-видимому, небольшой. Она измерялась несколькими днями пути по рекам или вдоль их берегов. В столкновении с местными племенами, вероятно, решающую роль сыграла конница. На расстоянии многих сотен верст реальное руководство походом из центра было невозможно. Роль главного командования, т. е. великого князя, сводилась, вероятно, к назначению воеводы и постановке общей стратегической и политической задачи похода, к мобилизации войск северных уездов.

Отсутствие какой-либо промежуточной документации между отправкой князя Федора и его донесением может свидетельствовать о том, что в походе он действовал достаточно самостоятельно, принимая решения на месте, по обстановке, руководствуясь самыми общими указаниями великого князя, полученными при отправлении в поход.

Важнейшее стратегическое значение похода 1472 г. — глубокий обход с севера Казанского ханства и тянущих к нему земель и выход России к Уральскому хребту — на порог дальнейшего пути в Сибирь.

В оперативно-тактическом отношении поход князя Федора показал умение войск покрывать большие расстояния, действовать в сложных условиях горно-лесистой местности на незнакомом или малознакомом театре и способность командования принимать и проводить в жизнь

[1] Атлас Маркса. Карта № 22.

самостоятельные решения, соответствующие поставленной цели и конкретной обстановке.

По сравнению с походами судовых ратей 60-х гг., поход князя Федора — качественно новое явление. Новые черты проявляются, прежде всего, в масштабах и целях похода. Это не набег лихих речных ратей, а движение пехоты и конницы далеко в глубь чужой территории. Задачей является не грабеж и опустошение, а политическое подчинение Пермской земли, включение ее в орбиту власти великого князя Московского.

Важнейшей новой чертой является участие конницы, впервые совершавшей поход по рекам, и организация этого похода на плотах. Во всех этих отношениях поход князя Федора Пестрого означает важный рубеж между старым и новым, между самостийными действиями судовых ратей и походами по повелению великого князя во главе с его воеводами.

2. Победа на Оке

Рассказав о походе князя Федора Пестрого в Пермскую землю, великокняжеская летопись далее пишет: «Того же лета злочестивый царь Ординский Ахмут подвижеся на Русскую землю со многими силами, подговорен королем. Слышавше же то, князь великы посла воевод своих к Берегу со многими силами, преже всех Федора Давыдовича отпусти с Коломничи. А князя Данила да князя Ивана Стрига со многими людьми на Ризположение к Берегу посланы».[1]

Как уже говорилось, при изложении событий 1472 г. летопись придерживается хронологического порядка. Известие от князя Федора Пестрого о победе в Пермской земле было получено 26 июня. Князья Данило (Холмский) и Иван Стрига были посланы к Берегу на Ризоположение, т. е. 2 июля. Отправка Федора Давыдовича с коломничами «преже всех» состоялась еще раньше, т. е. после 26 июня и до 2 июля. Следовательно, известие о походе Ахмата было получено в самых последних числах июня.

О переговорах короля с ханом в Москве знали давно. Первая запись за 6979 г., т. е. относящаяся к осени 1470 г., гласит, что «король Казимир послал в Большую Орду к царю Ахмату татарина Кирея Кривого...

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 297.

Пришед же тот Кирей к царю начат многие речи и обговоры от короля на великого князя говорити, многие дары принеся к нему, также к князем его, к Темирю и протчим, от короля, и челом бья, глаголя, "чтобы вольный царь пожаловал, пошел на Московского на великого князя со всею Ордою своею, и яз отселе со всею землею своею..." А князь Темир и прочий по короли же побораху, подъущающе царя... Царь же тот год весь держал Кирея у себя, не бе бо ему с чем отпустити к королю его, иных ради зацепок своих».[1]

За 6980 г. запись между событиями 2 и 10 сентября сообщает: «Тое же осени пришел к королю из Орды Кирей со царевым послом, а король в ту пору заратился со иным королем, с Угорьским».[2]

Таким образом, к лету 1472 г. ожидать нашествия были достаточные основания.

Сторожа в Поле или агентурная разведка в самой Орде своевременно предупредили о движении Ахмата.

Первое известие о мерах, принятых для отражения нашествия, носит документально-протокольный характер, напоминающий разрядные записи.[3] Можно предполагать, что Федор Давыдович возглавил Передовой полк, составленный из коломничей, — силы, наиболее близко расположенные к Берегу. Воеводы князья Холмский и Стрига Оболенский пошли несколько позже и уже «со многими силами» — очевидно, были двинуты войска второго эшелона, составившие главные силы (Большой полк с двумя воеводами).

Далее следует запись о большом пожаре, произошедшем в Москве 20 июля. Никаких сведений о положении дел на Берегу до этого времени, видимо, не поступало — войска развертывались на оборонительной линии Оки, вероятно, на обычных направлениях ордынских нашествий, т. е. на кратчайших путях к Москве, по обе стороны Коломны — именно здесь в 1451 г. перешли через Оку войска царевича Мазовши.

Но «того же месяца [июля] 30 в четверток, на заговенье (Успенского поста. — *Ю. А.*), прииде весть к великому князю, что царь со всею Ордою идет к Олексину». Это означало, что Ахмат совершает глубокий обход русской оборонительной линии, выходя к Оке примерно в 120 верстах выше Коломны — западнее ее. Перейдя Оку у Алексина, тата-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 395.

[2] Там же. С. 292.

[3] Базилевич. С. 100, прим.

ры оказывались примерно в двух конных переходах от Москвы (120 км). Такой ход событий был, по-видимому, для русского командования неожиданным.

«Князь же великий на втором часе дне того повеле пети обедню, и не вкусив ничто же, поиде вборзе к Коломне, а сыну за собою повеле в Ростов». Эта запись носит дневниковый характер, по-видимому, при великом князе велся дневник, фиксировавший основные события и действия великого князя.[1]

Объяснить поспешный отъезд великого князя к войскам можно желанием принять непосредственное руководство ими. Главные силы были, по-видимому, как обычно, собраны у Коломны. Объективно стояла задача рокировки к правому флангу для прикрытия пути на Москву от Алексина, при этом, однако, необходимо было оборонять и наиболее опасное Коломенское направление — нельзя было исключить возможность, что нападение на Алексин было только демонстрацией для отвлечения внимания от главного направления удара. Все это требовало присутствия главнокомандующего при войсках для принятия на месте решений, соответствующих обстановке. Оборона на широком фронте — одна из труднейших форм оборонительной операции. Во всех случаях необходимо было считаться с маневренными возможностями ордынской конницы, сохранявшей оперативную инициативу и выбиравшей место для удара. Нужно было считаться и с возможностью непосредственного прорыва татар у Алексина и выхода их в ближайшие дни на подступы к столице. Отсюда, вероятно, и распоряжение об отправке сына-наследника в более безопасный Ростов — в резиденцию бабки, великой княгини Марии Ярославны.

«А царь Ахмет, прииде со многими силами под град Олексин, а в нем людей мало бяше, ни пристроя городного, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, но одинако под ними много татар избиша».

Алексин, таким образом, не был готов к обороне. Нашествие татар на этом направлении оказалось для русских действительно неожиданным. Обращает на себя внимание упоминание о пушках, пищалях и самострелах как необходимых средствах обороны города. Необходимо также отметить мужество гарнизона приграничного города, вступившего в борьбу с татарами, очевидно, только с холодным оружием.

[1] Вполне вероятно, что такой дневник с точной датировкой и был положен в основу летописного текста за 1472 г.

«И потом же паки приступи ко граду с многими силами и тако... опалиша его, и что было людей в нем, все изгореша, и которые выбегоша из огня, тех изымаша».

По точному смыслу известия, гарнизон Алексина отразил первый штурм татар — атаку передового их отряда. Вторая атака последовала «многими силами» на следующий день. Татары отказались от штурма, но, окружив город со всех сторон, зажгли его. Судьба города и его гарнизона была решена. Не поддержанный извне, он не мог удержаться при нападении «многих сил». Необходимость ликвидации Алексина для татар определялась их желанием переправиться через Оку именно в этом месте, по-видимому, удобном с точки зрения физико-географических условий.

Известие о нападении на Алексин было получено в Москве в четверг, 30 июля. Гонец с донесением мог покрыть расстояние от Алексина до Москвы за сутки (150 км). Если так, то нападение татарского авангарда было совершено 29 июля, в среду. Нападение главных сил и сожжение города последовало в пятницу, 31 июля. Таким образом, на овладение (уничтожение) Алексина татарам понадобилось два дня.

«Посеам же паки Татарове поидоша вборзе на брег ко Оце с многою силою и вринушася в реку вси хотяще перейти на нашу сторону, понеже бе в том месте рати не были; приведены быша бо нашими бо на безлюдное место».

Это замечание носит не документальный, а нарративный (хотя, вероятно, официальный) характер. Выход татар к Алексину объясняется именно тем, что там, по их сведениям, было «безлюдное место», не занятое русскими войсками. Выясняется, что их привели сюда «наши», т. е. «наши» изменники, по той или иной причине оказавшиеся в стане врагов. Если русская разведка еще в конце июня сумела донести о выступлении Орды в поход, то татарские доброхоты, в свою очередь, смогли привести врагов на наиболее уязвимый участок русской оборонительной линии на Оке.

«Но толико стоял туто Петр Федорович да Семен Беклемишев с малыми зело людьми, а Татар многое множество побредоша к ним».

Место против Алексина было, таким образом, не совсем «безлюдным», но охранялось малыми силами. Здесь же были, по-видимому, броды, которыми и воспользовались татары («побредоша»).

Войска Петра Федоровича (очевидно, Челяднина) и Семена Беклемишева, соответственно первого и второго воевод полка, расположен-

кого против Алексина (их имена могли быть взяты из разрядной записи), оказались в тяжелом положении.

«Они начаша с ними стрелятися и много бишася с ними, уже и стрел мало бяше у них, и бежати помышляху».

Малочисленные русские войска, естественно, не могли вступить в рукопашный бой со «многими силами» противника, форсировавшего Оку вброд. Они пытались остановить или задержать переправу татар, осыпая их стрелами, что само по себе было, конечно, недостаточным.

Однако задержать переправу на какое-то время удалось.

«А в то время прииде к ним князь Василей Михайлович с полком своим, и посем приидоша полци княжи Юрьевы Васильевича в той же час, за ними и сам князь Юрий прииде, и тако начата одолети христиане Татаром. Татарове же, видевше множество полков христианских, побегоша за реку». В состав войск, выдвинутых на Оку, входили и полки удельных князей Московского дома. Судя по опыту кампании 1471 г., удельные князья шли со своими полками, подчиняясь главнокомандующему — великому князю. Возможно, что подтягивание войск к месту переправы у Алексина было не делом частной инициативы, а результатом целенаправленного распоряжения сверху. Во всяком случае, быстрое выдвижение войск к атакованному участку свидетельствует, во-первых, о достаточной плотности обороны, т. е. о наличии достаточных сил, во-вторых, о быстрой и правильной реакции на обстановку.

«А полци великого князя и всех князей приидоша к Берегу, и бысть многое множество их, тако же и царевича Даньяра».

Вслед за прибытием полков князя Василия и князя Юрия, к Алексину стягиваются главные силы русских войск, в том числе и вассальная татарская конница.

«И се и сам царь прииде на Берег и видев многые полки великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко серебро блистающу, и въоружены зело, и начат от Брега отступати по малу в нощи той, страх и трепет нападе на нь, и побеже гоним гневом Божиим». Эта художественная вставка носит явно нарративный характер, но отражает, вместе с тем, реальный факт. Хан Ахмат не мог помешать русским войскам перегруппироваться к угрожаемому пункту и на вторую попытку форсирования реки, ввиду большой массы русских войск, благоразумно не решился. Отступление хана от Оки означало фактически победу русских войск — они заставили

противника отойти без сражения. Таков главный смысл событий, развернувшихся в районе Алексина.

«А полков князя великого ни один человек не бывал к ним за реку понеже всемилостивый человеколюбец Бог, милуя род христианский, посла и смертоносную язву на Татар, начаша бо напрасно умирати мнози в полце их, и убоявшася бегу яшася, яко в 6 дней к катунам своим бегоша, отсюду же все лето шли бяху».

Одной из важнейших причин поспешного отступления Ахмата стала смертоносная «язва», открывшаяся в его войске. По той же причине русские войска не преследовали отступающих. Только после ухода татар «князь великы... начат многые люди свои отпущати за Татары по дорозе их, остальцов дела и полону ради христианского».

Шли, по-видимому, осторожно, не приближаясь к отступающей Орде.

«И как пришла весть к великому князю, что уже царь... ко зимовищу пошел, и тако благодарив Господа... распусти братию свою по своим отчинам, тако же и князи свои и воеводы, и вся воя своя; и разыдошася кийждо в свояси, благодаряще Господа Бога, подавшего им победу бес крове... А сам князь велики возвратися к Коломне, а с ним царевич Даньяр... и оттоле и того почтив отпусти в свои ему городок, а сам поиде к Москве и прииде в град в неделю месяца августа в 23 день». Это запись дневникового характера.

Заключительная часть рассказа содержит важные реалии. Велась разведка, от нее пришли сведения о передвижениях Ахмата. Как и в 1471 г., в походе участвовали полки братьев великого князя (не только Юрия). Видимо, как и в 1471 г., была проведена общая мобилизация великокняжеского служилого ополчения. Выясняется, что сам великий князь не стоял пассивно в Коломне, куда отправился 30 июля, а шел вместе с войсками, вероятнее всего, к тому же месту переправы против Алексина. Наконец, дается принципиальная оценка событий как «победы без крови».

Рассказ носит, несомненно, официальный характер. Особую ценность представляют данные, почерпнутые из документального источника. Этим источником могли быть походный дневник и разрядные записи. Дневник содержал точные даты передвижения великого князя, разрядные записи, имена воевод. Необходимо подчеркнуть, что оба предполагаемых нами документальных источника были использованы составителем рассказа лишь выборочно, в небольшой своей

части. Зато он украсил свое повествование чисто нарративными художественными деталями, вроде доспехов «яко серебро блистающих». Таким образом, известный нам летописный рассказ — своего рода нарративная обработка документальных источников. Документальная основа дает возможность в общих чертах реконструировать реальный ход событий, а нарративная обработка отражает официальную оценку этих событий. Не исключено и использование частных источников — рассказов участников. К ним может относиться сведение о готовности воевод бежать под натиском татар — такое известие едва ли могло быть почерпнуто из официального донесения.

Типографская летопись приводит свой рассказ о событиях на Оке.[1]

«Того же лета поиде безбожный царь Ахмет Ординский на великого князя Ивана Васильевича и на его братию и на всю Рускую землю с всеми князми и силами Ординьскими. Князь же великий отпусти к Берегу на реку на Оку противу ему свою братию, прьвие князя Юрья, по тому же дву Андреев и Бориса и своих воевод и всю силу Рускую, а сам еще остася на Москве. Братия же его, шедше, сташа у реки на брезе. Князь же Юрьи ста выше Серпухова на Оке же. Царь же поиде вверх по Дону, чая от короля себе помочи, свещався с королем Казимиром Литовским на великого князя... Но Бог и его Мати Пречистая Богородица разори и съветы и думы их, королю бо свои усобици быша в то время, и не посла царю помочи».

Таким образом, Типографская летопись подчеркивает, что Ахмат шел со всеми своими силами. Выдвижение русских войск к Берегу началось с отправки полка князя Юрия — очевидно, Дмитровского полка. Отправлены и полки всех других русских князей, т. е. произошла общая мобилизация княжеского служилого ополчения — «всей силы Русской». Упоминая о воеводах великого князя, Типографская летопись не называет их имен.

Князь Юрий стал выше Серпухова, т. е., очевидно, на крайнем правом фланге русского расположения.

Движение Ахмата с верховьев Дона определялось его расчетом на соединение с королем на основании предварительного сговора с ним.

«Царь же и Темирь, князь его больший, поидоша ко граду Олексину. Не дошед Олексина, сторожев великого князя разгониша и иных поимаша».

---

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 192–193.

Опять деталь, отсутствующая в Московской летописи, но, несомненно, имевшая место.

«Олексинцы же затворишася во граде, Татарове же приидоша под Олексин в среду, порану, Июля 29, начата к граду приступати крепко».

Это известие, отсутствующее в Московской, не противоречит ее данным, а дополняет, подтверждает и уточняет их. Известие о подходе татар к Алексину, отправленное в среду, 29 июля, могло на следующий день, в четверг, достичь Москвы.

«Гражане же из града крепко с ними бьяхуся. Назавтрее, в четверток, татарове примет изметавше и зажгоша град. Гражане же одинако не предашася в руки иноплеменник, но изгореша вси с женами и с детми в граде том и множества Татар избиша из града того».

«Прииде весть к великому князю на Москву, что Татарове под Олексиным, князь великий поиде с Москвы к Берегу вборзе в четверг июля 30. А татарове съжгоша и Олексин и начаша перевозитися на сю сторону реки Окы».

Это известие соответствует сообщению Московской летописи, но опускает детали, связанные с конкретными действиями великого князя.

«В ту же пору прииде на них сверху реки князь Василий Михайлович Верейский с своим полком, а с низу рекы от Серпухова князь Юрьи Васильевич с своими полки и отнята у них берег. А которая Татарове перевезошася реку и тех пребиша на ону сторону, а иных ту убиши и суды у них поотнимаша, и начаши чрез реку стрелятися».

Из слов Типографской летописи вытекает, что крайний правый фланг русского расположения занимал Верейский полк, который и прибыл первым на место сражения. Он располагался на Оке выше Алексина, т. е. между Калугой и Алексином. Полки князя Юрия были расположены в районе Серпухова — вотчинном владении этого князя по духовной его отца. От Серпухова до Алексина около 50 верст, полки князя Юрия могли прибыть к месту боя на следующий день после получения известия о нападении на Алексин.

Быстрое прибытие этих полков не дало возможности татарам закрепиться на берегу, на который они уже высадились. Выясняется, что переправа делалась не только вброд, а с помощью судов, которые и были захвачены русскими. Теперь-то, когда татары были отброшены на свой берег, и началась перестрелка через реку.

Важное отличие Типографской летописи от Московской — отсутствие упоминания о воеводах Петре Челяднине и Семене Бекле-

мишеве. Эти имена были летописцу неизвестны, либо действия этих воевод не имели в его глазах существенного значения.

«Противу же субботы нощи, противу Спасова дни, егда воду крестять, отступиша Татарове от Берегу, и побеже царь Ахмат со всеми уланы, князми своими, и со всеми силами опять в Поле, к своей Орде. Назавтрее же, в субботу, на Спасов день, августа 1, побегоша и останок Татар от Берега. И побегоша вси Татарове никим же гонимы, но токмо гневом Божиим и Пречистыя его Матери милостию, и всех святых чюдотворцев Руских молитвою. Тако избави Бог Рускую землю от поганых».

«Князь же великий со братьею стояв на Брегу и возвратишяся на Москву, славяще Бога и его Пречистую Матерь. И возрадовашяся радостию великою вси, и распустиша вой своя кийждо восвояси. А князь великий и братья ехаша с Москвы к своей матери, великой княгини Марье в Ростов посещати немощи ея ради. А князь Юрьи разболеся ту на Москве, приехав з Берегу».

Таким образом, Типографская летопись содержит целостный, непротиворечивый рассказ о нашествии Ахмата. Она опирается, по-видимому, на какие-то источники официального или, скорее, полуофициального характера.

Другая версия рассказа о событиях 1472 г. приведена в Ермолинской летописи,[1] а также в Софийской II и совпадающих с ней Сокращенных Сводах.[2]

«Того же лета царь Ахмут, Кичи-Ахметов сын, поиде из Орды со всеми силами своими на Русь. И поиде близ Руси. И остави у Цариц старых и больных и малых детей, и перебрався, и приде изгоном на великого князя не путма с проводники, и приведоша его проводники под Олексин городок с Литовского рубежа. А в градке том беша воевода Семен Васильевичь Беклемишев.[3] И повеле ему князь великий осаду распустити, понеже не успеша доспеха запасти ничего же, чим с Татары битися».

До этого места текст Ермолинской и Софийской II летописей совпадает. Далее в Софийской II и в Сокращенных Сводах читается: «Он же захоте у них посула, и гражане даша ему 5 рублев, и захоте жене

[1] ПСРЛ. Т. 23. С. 160–161.

[2] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 210–211; Т. 27 С. 278–279, 352–353.

[3] По оценке Сокращенных Сводов, «человек на рати вельми храбр».

своей шестого рубля. И се ему глаголюша: "Приидоша татарове", и Семен побеже за Оку и с женою и с слугами, и Татарове за ним в реку». В Ермолинской: «Семену же не успевшее распустить их. И прииде царь безвестно под Олексин, а Семен едва утече за реку от Татар, а Татарове за ним в реку, и побредоша на сю сторону». Далее продолжается общий текст с небольшими разночтениями (текст, заключенный в квадратные скобки, в Соф. II и Сокращенных Сводах отсутствует).

«И в ту пору приспе князь Василей Михайловичь на Берег, и нача с Татары битися, и не пусти их за реку. И по мале времени прииде князья Юрьи Васильевичь из Серпухова со [многими] вои [своими], и потом прииде князь Борис Васильевичь, брат его, с Козлова броду [с двором своим], и [часа того князя великого][1] воевода Петр Федорович Челяднин приспе [со множеством вои, князя великого Двором].[2] И бе видети Татаром велми страшно, тако же и самому царю, множество вой Руского.

А случися тогды день солнечный, яко же море колеблющееся в синеющееся, доспех и в шеломы с аловци.

И немога царь ничтоже створити, и [повеле] к городу [приступати своим].[3] [Они же крепко начаша битися с ними з города, и убиша у них много Татар под Олексином].[4] [И почаша изнемогати во граде людие, понеже нечем им битися, не бысть у них никаково же запаса, ни пушек, ни тюфяков, ни пищалей, ни стрел].[5]

И Татарове зажгоша град, и людие же градскиий изволиши огнем згорети, нежели предатися [в руце поганых].[6] [Князи же и воеводы, видевше христианство погибает, и велми восплакахуся, зане][7] не бе им куды пособити великие ради реки Оки [непроходимые].

[Царь же и вси Татарове] видевше множество Руси, наипаче бояхуся князя Юрья Васильевича, понеже бо имени его трепетаху [и нелзе бе ступитися на бои, но чаяху Татарове и самого князя великого туго].[8]

---

[1] Соф. II: «приспе».

[2] Там же: «с полком».

[3] Соф. II: «приступити».

[4] Там же: «много татара побили под Олексином».

[5] Там же: «изнемогаша, нечим битися, ни пушек, ни пищалей».

[6] Там же: «татарои».

[7] Там же: «с силами».

[8] Там же: «страны».

И [начата кликати чрез реку наших Татар, и приехаша к ним на берег противу их, и вспрошаху про великого князя и про царевича Даниара, и о братии великого князя. Они же сказаша, яко][1] князь великий стоит под Ростиславлем [со многими силами], а царевич Даниар Касымович на Коломне стоит [своим двором,[2] а с ним множество воев великого князя, воевод]. А князь Андрей [Васильевичь][3] [да брат его князь Андрей Васильевичь меньший] стоят в [Торусе][4] [з дворы своими и со иными многими силами]. Татарове же, удивльшеся множества воя Руского, и воспросиша: "А сей кто стоит против царя?" И рекоша наши: "А то князь Юрьи да князь Борис, братья великого князя, толко пришли с своими дворы" Татарове слышавша и сказаша [царю своему, царь же часа того][5] побеже прочь, и водя с собою посла великого князя, киличея Григория Волнина, и блюдучися того, егда князь великий пошлет князей и царевича на Орду его». Рассказ Ермолинской летописи содержит ряд оригинальных известий.

Первое из них — распоряжение великого князя воеводе Семену Беклемишеву «осаду распустити», т. е. эвакуировать не готовый к обороне Алексин. Трудно сказать, насколько достоверно это известие. Его, во всяком случае, нет в известных нам текстах, основанных на официальных документах.

Само по себе, однако, оно достаточно правдоподобно. Поэтому вполне возможно, что источником Ермолинской летописи в данном случае могли быть какие-то местные известия, например, рассказы очевидцев — участников событий. То же можно сказать и о поспешном отступлении (бегстве) Семена Беклемишева за реку. Этого известия нет в официальных источниках, но само по себе оно вполне соответствует реальной обстановке.

Быстрое подтягивание княжеских полков к переправе у Алексина в принципе совпадает с данными Московской и Типографской летописей, но изложено своими словами и с подробностями, которых в

---

[1] Там же: «спросившее Татар, яко с нашей стороны, которые князю великому служат, яко не вся сила вместе».

[2] Там же: «с татары».

[3] Там же: «Большой».

[4] В Серпухове, а с ним Муртаза, царевич Мустафин — сын царя Казанского.

[5] Соф. II: «и слышав то, побеже прочь».

официальных источниках нет. Только Ермолинская летопись знает, что князь Борис со своим двором подошел от Козлова брода.

Воевода Петр Федорович Челяднин оказывается во главе крупных сил Двора великого князя и подходит к полю сражения после полков князей Василия и Юрия, что опять-таки не соответствует официальному тексту, хотя сам по себе этот факт достаточно правдоподобен.

Сожжение Алексина происходит не до, а после попытки переправы татар, что противоречит данным Московской и Типографской летописей. Лирические вставки о блистающих доспехах, о плаче воинов при виде горящего Алексина и о страхе татар перед князем Юрием выдают свое частное происхождение, что, однако, не противоречит их правдоподобию.

Представляет интерес рассказ о переговорах ордынских татар с «нашими» через Оку. Рассказ явно частного происхождения, но он основан, по-видимому, на реалиях, которые могли быть известны его составителю. Эти реалии заслуживают внимания: они позволяют представить себе систему расположения русских войск на Берегу — от Тарусы до Коломны.

Правдоподобная деталь — хан, отступая, вез с собою киличея, посланного к нему для каких-то переговоров. Составитель Ермолинской летописи проявляет бóльшую осведомленность. Правдоподобен и мотив отступления Ахмата — боязнь удара в тыл со стороны конницы царевича Данияра, сосредоточенной на левом фланге русского расположения.

Автор Ермолинской летописи знал и о болезни великой княгини Марии Ярославны, и о внезапном заболевании князя Юрия.

Таким образом, рассказ Ермолинской, носящий в целом частный характер, включает некоторые важные реалии, известные хорошо осведомленному автору. Независимо от своего происхождения, эти реалии достаточно правдоподобны — они не противоречат другим сведениям. Сведения составителя Ермолинской летописи не могут игнорироваться при попытке реконструкции событий на Оке летом 1472 г.

Представляет интерес сопоставление реалий, содержащихся в трех основных летописных рассказах о событиях лета 1472 г.

Воеводы	Моск.	Тип.	Ерм.	Соф. II
1. Федор Давыдович	+	–	–	–
2. Кн. Данило Холмский	+	–	–	–
3. Кн. Иван Васильевич Стрига	+	–	–	–
4. Петр Федорович [Челяднин]	+	–	+	+
5. Семен Васильевич Беклемишев	+	–	+	+
Князья				
1. Василий Михайлович Верейский	+	+	+	+
2. Юрий Васильевич Дмитровский	+	+	+	+
3. Андрей Большой	–	+	+	+
4. Андрей Меньшой	–	+	+	–
5. Борис Васильевич	–	+	+	+
6. Царевич Даньяр	+	–	+	+
7. Муртаза	–	–	–	+
Географические пункты				
1. Коломна	+	–	+	+
2. Алексин	+	+	+	+
3. Серпухов	–	+	+	+
4. Таруса	–	–	+	–
5. Козлов брод	–	–	–	+
6. Ростиславль	–	–	+	+
Даты				
1. 2 июля	+	–	+	+
2. 29 июля	–	+	–	–
3. 30 июля	+	+	–	–
4. 31 июля	–	+	–	–
5. 1 августа	–	+	–	–
6. 23 августа	+	–	–	–

Создается впечатление, что составитель Московской летописи был лучше знаком с дневниковыми и разрядными записями, а составитель Типографской был лучше осведомлен о действиях удельных князей, о событиях под самим Алексином и на поле боя за переправы. Но он не знал ни о моровой язве у татар, ни о том, за сколько дней они «добежали» до своих «катун», ни о распоряжениях великого князя, ни об отправке войск вслед за татарами. Зато он знал, что князь Юрий стоял у Серпухова, знал и о болезни князя Юрия Васильевича. Возможно, он пользовался каким-то источником в ближайшем окружении этого князя.

Особенностью Ермолинской летописи является наилучшая осведомленность о событиях в районе Алексина, о действиях русских войск по обороне переправы, о расположении войск на Берегу. Эта летопись знает детали отступления Ахмата, знает о событиях в Ростове и Москве. Зато в Ермолинской нет ни одной даты, не приводится ни одного из распоряжений великого князя, известных из официальных источников. Надо думать, что ее составитель этими источниками не пользовался. Его основными источниками были рассказы участников событий. Имел он какие-то связи и в окружении князя Юрия, а может быть, и самого великого князя.

Рассказ Софийской II, очевидно, имеет общий с Ермолинской фактологический источник. Трудно сказать, в каком из этих рассказов он лучше сохранился. В обоих случаях он подвергся литературной обработке в эмоциональном плане. Это и рассказ о корыстолюбии воеводы Беклемишева в Софийской II, и лирические вставки в Ермолинской. В реальном плане между Ермолинской и Софийской II два расхождения — место расположения войск князя Андрея Большого (Серпухов или Таруса?) и присутствие (или отсутствие) Андрея Меньшого и Муртазы. Какой из двух вариантов рассказа отражает фактическую реальность, сказать затруднительно, но в пользу Ермолинской косвенно свидетельствует, что в Серпухове стоял князь Юрий — более вероятно, что князь Андрей стоял в другом месте (например, в Тарусе).

Рассказ Софийской II летописи отразился в Устюжских летописях. Список Мацеевича помещает этот рассказ в сокращенном виде, заканчивая на сожжении Алексина («згоре Олексин и с людми») и отступлении Ахмата («царь же нача боятися князя Юрия и поиде к себе в Орду»).[1]

---

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 48.

Архангелогородский летописец, основываясь на том же рассказе, приводит некоторые отсутствующие в нем подробности. «Олексенцы били челом великому князю: доспеху у них мало в городе». Тут-то и последовала грамота великого князя воеводе Беклемишеву «осаду распустити, доспеху добавити, чем с татары битися». Далее без изменений следует рассказ о корыстолюбии Беклемишева и о подтягивании русских войск к месту переправы, причем князь Василий Михайлович назван «Удалым». Дальнейшее изложение ближе к Ермолинской — тут и золоченые доспехи, и плачущие воеводы: «пособити нельзя, глубины ради того места». Приведено и известие о переговорах между татарами через реку — в варианте Софийской II (т. е. с князем Андреем и Муртазой, стоящими в Серпухове).

Главное отличие рассказа Архангелогородского летописца от Ермолинской и Софийской II — в заключительной части. «Ахмут побеже прочь, ведя с собой не много полону. И вопроси русина, что много у него били олексинцы, полону мало, а згорели мало. И русин запроси живота себе. Царь отпустити его об леща. Он же рече: "Боле 1000 голов забегло в тайник з добром". Царь был з 2 версты отошел, и воротися к городу на пожарище, и взя тайник и с людьми и з добром, и не избысть ни един, и прочь поиде. А тайник был выведен к реце, и поведавшего отпусти».[1]

Рассказ этот производит впечатление литературного вымысла (как, впрочем, и известие о рубле для жены Семена Беклемишева). Составитель Устюжской летописи самостоятельных источников не имел и находился в зависимости от Ермолинской и Софийской II, сокращая и «приукрашивая» их рассказы.

Новгородская IV летопись по списку Дубровского о событиях приводит краткую справку: «...безбожный царь Ахмат Кичи-Ахметовичь с всею Ордою прииде на Русь. Приде к реке Оке под город Олексин с Литовского рубежа, и повеле приступите к городку, и много тогды Татар под городком побита, изнемогши с Татары битися. Татарове же град зажигаша, изволиша огнем згорети, неже Татаром предатися. Князь же великий со братьею и со многою силою поиде к Берегу. И слышав то, царь побеже прочь, блюдучися то, егда великого князя царевичи возмут царицы его».[2]

---

[1] Там же. С. 93 – 94.

[2] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 513.

Текст Новгородской IV обнаруживает полную зависимость от московских летописей и самостоятельного значения не имеет.

События лета 1472 г. отразились и в Псковской летописи. Псковичи отрядили своих послов к великому князю с челобитной. Послы приехали на Москву «месяца Августа в 1 день, аже князь великий весь посполу с братьею, и с князи, и с всею силою стоит у Коломны, а только до его за один день, в само заговенье вышел: пришел тогды на великого князя... царь ис Поля Махмут Кичиахмутов сын и стоял об Оке реке. И стояв царь ордынский день да нощь у Оке реки, и прочь поиде, убегом побеже, видев нечестивый Агарянин, что с князем великим прямо его стояху противу на полторустах верстах 100 000 и 80 000 князя великого силы рускыя». Послы приехали на Коломну и там доложили псковское челобитье и «от великого князя поехали, а он еще на Коломне».[1]

Лапидарное псковское известие представляет большой интерес. Оно не имеет никакой связи ни с московской летописной традицией, ни с какими-либо московскими документальными источниками. Послы передавали то, что слышали. Это взгляд на события со стороны, глазами послов, случайно оказавшихся на Коломне в момент разгара событий. В этой относительной независимости известия — его главная ценность. Оно подтверждает основные реалии, приводимые в московских летописях, — о времени выступления великого князя, о пребывании его на Коломне, о сосредоточении на Оке «всей силы русской», о поспешном отступлении (бегстве) Ахмата. Наряду с этим, оно содержит отсутствующие в других источниках сведения о ширине фронта и о количестве русских войск.

Насколько достоверны эти сведения?

Что касается ширины развертывания войск, то эти сведения вполне правдоподобны. Расстояние от Коломны до Алексина действительно составляет примерно 150 верст.

Сложнее обстоит дело с численностью развернутых войск. Прежде всего, надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, псковские послы не могли иметь сколько-нибудь точной и достоверной информации о численности развернутых войск и должны были довольствоваться слухами. Во-вторых, известна склонность средневековых рассказчиков к преувеличению численности войск — доста-

[1] ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 188.

точно вспомнить фантастические цифры, связанные с Куликовской битвой. Труднее всего определить, насколько эти цифры преувеличены.

Нет сомнения, что на Берегу были развернуты главные силы конного служилого ополчения великого князя и удельных князей Московского дома. Это и были полки Василия Верейского, Юрия Дмитровского, Бориса Волоцкого, Андрея Углицкого и Андрея Меньшого (принимая в последнем случае известие Ермолинской летописи). Войска самого великого князя вели его воеводы, из которых пятеро известны поименно. Именно конные полки имели возможность быстро рокироваться и выдвигаться из глубины и своевременно подтягиваться на угрожаемый участок линии обороны. Но они никак не могли составить основную массу войск, развернутых на Берегу, на фронте в 150 верст от Коломны до Алексина. 90 лет спустя, при походе на Полоцк, общая численность служилого ополчения не будет превышать 30 000 человек.[1] А ведь в то время территория, занятая вотчинами и поместьями служилых людей, была, по крайней мере, втрое больше, чем во времена первого нашествия Ахмата (включая в себя и Новгород, и Тверь, и Рязань). Численность служилого ополчения на Берегу в 1472 г., в самом лучшем случае, не могла превышать и половины численности войск Ивана IV в Полоцком походе, т. е. 15–20 тыс. человек. По мобилизационным нормам середины XVI в. для обеспечения службы одного вооруженного всадника требовалось 100 четвертей земли, т. е. примерно 10 крестьянских дворов. Для развертывания 20 тыс. конного ополчения требовалось, таким образом, иметь 200 тыс. крестьянских дворов с населением 1–1,5 миллионов человек. Это фактически означало тотальную мобилизацию всех ресурсов великого княжества Московского.

Надо полагать, что основную (по численности) массу войск на Берегу составляла пехота — земское ополчение, то, что позднее называлось «посохой». Исходя из псковских и новгородских норм второй половины XV — первой половины XVI вв., один пеший ратник выставлялся с 3–5 дворов. Сделав произвольное, т. е. не достоверное, но более или менее правдоподобное предположение, что численность войск, развернутых на Берегу, была преувеличена рассказчиком в два раза, получим, что всего на Берегу было развернуто примерно 90 тыс.

[1] Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). С. 31–86.

человек, из которых примерно четвертая или пятая часть — служилая конница, а остальное — земская пехота. Даже приняв такое предположение, приходим к выводу о крайнем напряжении всех мобилизационных возможностей — мобилизация должна была охватить многие сотни тысяч дворов.

Необходимо обратить внимание на наличие в составе русских войск татарских контингентов. Им придавалось особое значение. Конница вассальных татарских царевичей по своим боевым качествам была, вероятно, лучшей в русском войске. Отсюда и стремление великого князя приглашать на службу царевичей, наделяя их землями и оказывая им свое расположение, как и вполне реальные опасения Ахмата относительно рейда этих царевичей на его тылы. При этом следует отметить, что прямого участия в боевых действиях царевичи не принимали — их держали в резерве либо на случай прорыва Ахмата через Оку, либо для его преследования в Поле.

Итак, наши источники рисуют в общем довольно непротиворечивую картину событий, связанных с первым нашествием Ахмата. Сопоставление данных этих источников дает возможность реконструировать реальный ход дел.

Осень 1470 г. В Москве стало известно о начале переговоров короля Казимира с ханом Ахматом о совместном нападении на Русскую землю. В Орду прибыл королевский посол.

Лето 1471 г. Главные силы русских войск проводят кампанию против новгородских сепаратистов. При этом судовая рать вятчан совершает нападение на Сарай и возвращается с трофеями.

Осень 1471 г. Становится известно об ответном посольстве хана к королю. Союз хана и короля приобретает реальные очертания.

Конец июня 1472 г. В Москве становится известным о выступлении хана в поход. Начинается выдвижение войск на оборонительную линию Оки, начиная с Коломенского направления.

Июль 2. В поход выступают главные силы во главе с лучшими воеводами.

Июль. Хан двигается со своими главными силами к русской границе не обычным путем, а значительно западнее, стремясь соединиться с королем. Русским сторожевым постам в Поле не удается установить маршрут движения Ахмата.

Июль 29. Орда выходит к Оке с литовского рубежа в район Алексина. Начинаются бои за Алексин.

Июль 30. В Москву приходит известие о штурме Алексина. Великий князь срочно отбывает к войскам. Начинается подтягивание войск к району Алексина на правый фланг русского расположения.

Июль 31. Пожар и гибель Алексина. Попытка форсирования Оки. Бои за переправу. С русской стороны в бой вступают Верейский, Дмитровский и Волоцкий полки и часть войск великого князя. Татарам не удается закрепиться на левом берегу.

Август 1. К району против Алексина подошли крупные силы русских войск. Хан принимает решение на поспешный отход. Русские войска его не преследуют.

Август 1–6. Ахмат отходит к своим базам. Русские войска частично переходят Оку, захватывая отставших (освобождая полон).

Август после 6-го. Роспуск войск.

Август 23. Окончание кампании. Возвращение великого князя в Москву.

Есть возможность сделать некоторые выводы о ходе кампании и о действиях главного командования русских войск.

Поскольку сведения о подготовке похода Ахмата были получены за несколько месяцев до его начала, стратегическая внезапность Ахматом достигнута не была. Мобилизация русских войск для развертывания на Берегу должна была начаться задолго до получения первых известий о походе, т. е. до конца июня. В противном случае, не было бы никакой возможности сосредоточить к началу августа на линии Коломна — Алексин несколько десятков тысяч человек. Мобилизация охватывала как служилое, так и земское ополчение.

Первоначально поход Ахмата имел успех оперативного значения — ему удалось обмануть бдительность русской сторожевой завесы (частично уничтожить ее) и выйти к Оке в неожиданном и уязвимом месте. Однако добиться дальнейших успехов Ахмату не удалось — два или три дня, потерянные татарами в боях за Алексин, были первым шагом к их поражению. Был потерян темп наступления.

Упорная оборона Алексина дала возможность подтянуться к месту боя полкам князей Василия и Юрия, а затем и главным силам великокняжеского войска. Это было возможно лишь при наличии разумной инициативы воевод, действенного оперативного руководства войсками и целесообразного их первоначального развертывания. Вместе с тем, нельзя не отметить промах главного командования в отношении Алексина — он не был ни укреплен, ни своевременно эвакуирован.

Мужество горожан в какой-то мере было искуплением этой ошибки, а их гибель — расплатой за нее.

В дальнейшем деятельность русских войск сводилась к обороне переправы без каких-либо попыток активных действий на правом берегу Оки. Кампания была краткосрочной и (если не считать гибели Алексина), с точки зрения русских войск, почти бескровной — стратегическая победа была достигнута без сражения (что особенно подчеркивает великокняжеский летописец). Оборонительная стратегия обернулась выдающимся успехом.

Чем объясняется отсутствие стремления к преследованию отступающего противника, уже признавшего свое поражение, к навязыванию ему своей воли, к полному его разгрому? Одной из причин этого могло быть опасение моровой язвы. Другой, может быть, еще более важной причиной могло быть нежелание вступать в сражение с Ордой в Поле, где превосходство татарской конницы могло сыграть роковую роль для русских. Русское главное командование не хотело идти на риск новой Куликовской битвы с ее огромными, трудно восполняемыми потерями, с победой, висевшей на волоске и купленной непомерно дорогой ценой. Необходимо было иметь в виду возможность военных действий на других направлениях (Литва, Орден), для чего нужно было беречь силы войск.

Итак, действия русского военно-политического руководства и главного командования в летней кампании 1472 г. сводились к:

— своевременной мобилизации;

— развертыванию войск на Берегу на широком фронте;

— умелому маневрированию войсками в целях обороны атакованного участка;

— отказу от преследования противника, довольствуясь его отходом.

Целесообразность той или иной линии поведения определяется, в конечном счете, ее результатами. Кампания 1472 г. показала правильность решения главного командования на организацию жесткой обороны Берега. Стратегия оказалась целесообразной. Она привела к крупнейшему успеху не только военного, но и политического масштаба — впервые за всю историю русско-ордынской борьбы хан не решился вступить в бой с русскими войсками и отступил, признав свое поражение.

При выработке решения о проведении оборонительной операции на Оке естественнее всего было, очевидно, опираться на опыт преды-

дущих кампаний по отражению ордынских нашествий. Какой же был этот опыт?

Значение Оки как оборонительного рубежа стало осознаваться, видимо, когда великое княжение Московское, перейдя от пассивной покорности к активной политике, начало борьбу с Ордой. Река Ока воспринималась как граница Русской земли. За Окой начиналось Дикое Поле, чужая враждебная земля, где подстерегала опасность. Так, когда в 1371 г. великий князь Дмитрий ехал в Орду на переговоры с Мамаем, «преосвященный митрополит Алексей проводи его до Оки, и молитву сотвори о нем, и благослови»,[1] — великого князя провожали как в боевой поход.

Первые известия о развертывании войск на Оке относятся также ко времени Дмитрия Донского. Когда в 1373 г. Мамай напал на Рязанскую землю и «грады пожгоша», великий князь Дмитрий «со всею силою своею стоял у реки Оки на брезе, а брат его... князь Владимир прииде к нему на брег по Оке реке... и Татар не пустиша, и все лето тамо стояша».[2] В 1376 г. великий князь Дмитрий «ходи за Оку ратию, стерегатися рати татарские от Мамая».[3] Таким образом, великий князь Дмитрий искал решения задачи не в пассивной обороне Берега, а в активных действиях за Окой. Это наиболее ярко проявилось в кампаниях 1378 и 1380 гг.

В 1378 г. Мамай, «собрав воя многи и посла Бегича ратию на князя великого Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». Внезапности достигнуть не удалось. Узнав о походе Бегича («се же слышав»), великий князь, «собрав вои многи и поиде противу в силе тяжце и переехав за Оку вниде в землю Рязанскую и сретошася с Татары у реки у Вожи и стоаху промежу собою реку имущу». Переход татарами реки имел следствием их полный разгром — первую победу Руси над ордынцами.[4] Попытка нашествия Бегича была отражена путем встречного удара, противник не был допущен к Берегу. Карательная экспедиция Мамая обрушилась на Рязанскую землю, на правом берегу Оки.[5]

---

[1] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 96.

[2] Там же. Т. 11. С. 19. По Рогожскому летописцу: «тамо жив весну всю» (Там же. Т. 15. Стб. 104).

[3] Там же. Т. 15. Стб. 116; Т. 11. С. 24.

[4] Там же. Стб. 134–135.

[5] Там же.

Наибольший интерес, естественно, представляет поход 1380 г., завершившийся знаменитой Куликовской битвой.

Наиболее раннее известное описание кампании 1380 г. читается в Рогожско-Симоновской летописи.

В августе 1380 г. «приидоше от Орды вести... аже взвизается рать Татарская на христианы». Получив эти известия, великий князь Дмитрий, «собрав воя многи, поиде противу их». Перейдя Оку, он получил известие, что Мамай на Дону «собравшася в поле стояша и ждуща к себе Ягайла на помощь». Великий князь Дмитрий перешел через Дон, и на устье Непрядвы произошло сражение, закончившееся разгромом Мамая, но с большими потерями для русских.[1]

Московские летописи описывают это сражение гораздо подробнее, с красочными деталями, некоторые из которых носят легендарный характер. Для нашей темы, однако, наибольшее значение имеют не подробности самого сражения, а обстоятельства похода за Оку — важнейшего стратегического решения, принятого великим князем Дмитрием.

Московская летопись изображает это таким образом.

Узнав о намерениях Мамая, великий князь Дмитрий начал мобилизацию — он «посла по брата своего... и по все князи Русские и воеводы» (приводится фантастическая численность собранных войск).

20 августа войска выступили из Коломны и, пройдя территорию великого княжества Московского, встали на Оке у устья Лопасны, т. е. прошли вверх по Оке по направлению к Серпухову, немного не дойдя до него. Здесь к войскам великого князя присоединились силы князя Владимира Андреевича «и вси вои остаточные, и нача возитися за Оку за неделю до Семена дни, в день недельный» (т. е. 26 августа). Сам великий князь со своим Двором перешел через Оку на следующий день, в понедельник (27 августа). За два дня до Рождества Богородицы (6 сентября) войска подошли к Дону. По этим данным, войска прошли 120 верст примерно за 10 дней. Такой темп движения может объясняться только тем, что основную массу войск составляло пешее земское ополчение.

На военном совете («много думавше») голоса разделились: «овии глаголаху: “поиде, княже, за Дон”, а инии глаголаху: “не ходи, понеже умножишися врази наши, не токмо Татарове, но и Литва и Рязанцы”».

[1] ПСРЛ. Т. 11. Стб. 139–140.

Великий князь принял решение, не теряя времени, перейти Дон и дать сражение.[1]

Такова фактическая основа событий, содержащаяся в великокняжеской летописи. От первоначального варианта Рогожско-Симоновской летописи ее отличают некоторые лирические и эмоциональные вставки, т. е. черты литературной обработки и фантастические цифры собранных войск. «100 000 и сто, опроче князей Русских и воевод местных... и всех ратей числом с полтораста тысящь или с двести тысящь». Происхождение этих цифр неясно, но их недостоверность очевидна. Такого количества войск невозможно было ни мобилизовать, ни сосредоточить в одном пункте у Коломны.[2] По подсчетам Е. А. Разина, численность русской рати могла составлять 50—60 тыс. человек: 20 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты.

Московская летопись включает и реалии — три точные даты, отсутствующие в Рогожском летописце, но содержавшиеся, вероятно, в официальных дневниковых записях, известных московскому летописцу.

Вологодско-Пермская летопись в статье «Побоище великому князю Дмитрию на Дону с Мамаем»[3] содержит ту же фактическую основу, но приводит множество новых подробностей, не всегда достоверных. Однако и здесь есть интересные реалии. Так, великий князь Дмитрий «всему войску повеле писати: да будете готовы все на Успение... на Коломне. И переберем полки, и дам воеводу коемуждо полку».[4] Здесь и новая правдоподобная дата сбора войск (15 августа), не противоречащая другим сведениям, и любопытное указание на сбор войска путем рассылки письменных распоряжений (грамот), и свидетельство о порядке назначения воевод при «перебирании» полков. Перечисляются и некоторые князья, участники похода (не все — в основном северных городов).

Несмотря на расхождения в ряде деталей, наши основные источники рисуют в целом непротиворечивую и довольно правдоподобную картину кампании 1380 г. Ее основные черты:

— наличие сведений о подготовке Мамая к походу, добытых, очевидно, путем агентурной разведки;

[1] Там же. Т. 25. С. 203.
[2] Разин. С. 272.
[3] ПСРЛ. Т. 26. С. 125—145.
[4] Там же. С. 130.

— мобилизация всех сил Русской земли, подвластных великому князю Дмитрию (т. е. кроме Новгорода, Твери и Рязани);

— сосредоточение войск у Коломны к назначенному сроку;

— решение о наступательном образе действий, заранее принятое великим князем;

— марш-маневр к месту нахождения Орды Мамая, установленному по данным разведки;

— вероятное численное преобладание пешего земского ополчения, определившего низкий темп движения войска;

— решение дать сражение, не теряя времени — наступательная тактика, соответствующая наступательной стратегии.

Судя по всем имеющимся данным, великий князь Дмитрий на всех этапах кампании держал управление войсками в своих руках, соединяя в своем лице функции политического главы и командующего войсками. Войска двигались по одному операционному направлению, стратегические и тактические функции главнокомандующего фактически были неразделимы. К числу этих функций относились:

— принятие стратегических решений;

— выбор операционного направления;

— распределение воевод по полкам;

— постановка общей задачи в канун сражения;

— личное участие в походе и бое.

В летней кампании 1380 г. наступательная стратегия великого князя Дмитрия полностью оправдала себя — была одержана одна из самых блестящих побед в истории России, что привело к далеко идущим последствиям.

Но победа далась дорогой ценой. По некоторым данным, одних «бояр» (т. е., очевидно, более или менее крупных военачальников) было убито более 400.[1] При всей приблизительности этой цифры, она дает общее представление об огромных потерях, естественных в рукопашном сражении такого масштаба. Такие потери не могли не отразиться на боеспособности войск, на их потенциальных возможностях к дальнейшим боевым действиям.

Основной политической предпосылкой активной стратегии великого князя Дмитрия был союз русских князей. Объединение сил Русской земли во главе с великим князем Дмитрием давало реальную возмож-

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 144.

ность с оружием в руках противостоять нашествию Мамая. Насколько прочно было это объединение? Ответ на этот вопрос дают события 1382 г.

Первоначальный рассказ о нашествии Тохтамыша читается в Рогожском летописце[1] и Симеоновской летописи. Разграбив русских купцов «в Болгарах», хан «со всею силою своею... перевезеся Волгу, поиде изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». К нему присоединились русские изменники — суздальские князья и Олег Рязанский, который и «указа ему все броды на Оце».

«Князь же великий Дмитрий Иванович, то слышавше, что сам царь идеть на него... не ста на бой противу его, ни подня руки противу царя, но поеха в свой град Кострому».

Это имело решающее значение. Тохтамыш, по-видимому, беспрепятственно перешел Оку «и преже всех взя град Серпухов и огнем пожже», а оттуда пошел на Москву, громя все на своем пути. Организатором обороны Москвы оказался находившийся там князь Остей, внук Ольгерда. Тохтамыш выманил его обманом из города и убил, и на четвертый день осады взял Москву, несмотря на мужественное, но неорганизованное сопротивление горожан. Город подвергся разгрому, жители — уничтожению.

«А иную силу царь распусти по земле воевати, и иные ходиша к Звенигороду, а иные к Волоку и к Можайску, а иные к Дмитрову, а иные рать посла на Переяславль», который был взят и сожжен.

В это время князь Владимир Андреевич, «собрав воя около себе и стояша ополчившееся близ Волока». На него-то и «наехаша неции Татарове, он же прогна их от себе», после чего они «прибегоша к Токтамышу пострашены и биты».

«Царь же слышав, что князь великий на Костроме, а князь Володимер у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда. Того ради не много дней стоявша у Москвы, но взем Москву вскоре отъиде». При отступлении хан взял Коломну и, перейдя Оку, разорил Рязанскую землю.

Таково первоначальное краткое повествование о нашествии Тохтамыша, отразившееся во всех летописных рассказах.

Рассказ Рогожско-Симоновской летописи отличается краткостью и (за исключением красочного описания бедствий взятой противником Москвы) фактологичностью. Он содержит только две даты — 23 авгус-

[1] Там же. Т. 15. Стб. 142–146.

та, когда хан подошел к Москве, и 26 августа «на память святого мученика Андреяна и Натальи», когда в 7 часов дня татары ворвались в Москву. Рогожский летописец — памятник в целом тверского происхождения, но рассказ о Тохтамыше составлен с использованием московского источника, скорее всего, рассказов очевидцев — клириков и участников событий. Московский источник, вероятно, церковного происхождения, содержащий подробные рассказы об убийстве архимандритов и игуменов. Следов документальных источников в нем не видно.

По мнению летописеведов, дальнейшим развитием рассказов о нашествии Тохтамыша были известия Новгородской IV и Софийской I летописей.

Рассказ Новгородской IV носит название «О пленении и прихождении Тохтамыша царя и о Московском взятии».[1] Он восходит к той же фактической основе, но содержит ряд подробностей и комментариев. Отказ великого князя Дмитрия «стати в лице самого царя» предваряется известием, что «слышав... како на него идет сам царь», Дмитрий «нача сбирати воя и совокупляти полки своя, и выеха из града Москвы, хотя ити противу Татар».

«И ту начаша думу думати князь Дмитрии и с прочими князи Русскими, и с воеводами, и з думцами, и с вельможами, и з боярами старейшими». Тут-то и «обретеся раздно в князех и не хотяху пособляти друг другу». Именно после этого, «познав и разумев и рассмотрев» это «неединачество по неимоверьству» (т. е. по отсутствии веры друг другу), великий князь и принял роковое решение об отказе «стати противу царя» и, оставив столицу, удалился в Кострому. Таким образом, по этой версии, отказ «стати противу царя» был вызван не благоговением перед ним, а реальными обстоятельствами — распадом союза князей.

Далее подробно и красочно рассказывается об осаде и взятии Москвы, как и в Рогожской летописи, но с большей экспрессией и без каких-либо новых реалий. Допущена только путаница в датах. Татары подошли к Москве 22 августа, в понедельник, а взяли ее 26 августа, в четверг (на самом деле, 22 августа приходилось на пятницу, а 26 августа — на вторник). Рассказ о нападении на другие города дан как в Рогожской, но опять же с гораздо большей экспрессией и подроб-

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 326–339.

ностями, а к числу городов, подвергшихся нападению, добавляются Владимир и Юрьев.

Московская летопись содержит рассказ, близкий в Новгородской IV, но в сокращенном виде. Как и в Новгородской, решение великого князя отказаться от битвы и уйти в Кострому объясняется «неодиначеством» князей.

Итак, в нашем распоряжении источники, дающие возможность в общих чертах реконструировать реальный ход событий.

Нападение Тохтамыша не было в полном смысле неожиданным — о нем были получены известия за некоторое время до его начала. Из двух версий, объясняющих причину отказа великого князя Дмитрия от борьбы с «царем», на мой взгляд, следует предпочесть ту, которая содержится в Новгородской (а затем и в других летописях). Не благоговение перед «царем», а реально сложившаяся обстановка продиктовала поведение великого князя, коренным образом расходившееся с его же поведением за два года до этого. Великий князь, видимо, первоначально хотел повторить опыт кампании 1380 г. — собрав силы, ударить по противнику, не допуская его до русских пределов. Однако в князьях «обретеся разность... не хотяху помогати... бывшу же промеж ими неодиначьству и неимоверьству».

Как и в 1380 г., великий князь Дмитрий стремился, по-видимому, к активным действиям. Такой образ действий подсказывался объективными условиями. Достаточно прочную оборону на линии Оки можно было создать только при условии надежного обеспечения ее флангов, в частности, левого (восточного). Но суздальско-нижегородские князья изменили, а Олег Рязанский, перейдя на сторону хана, «указа ему [хану] вся броды на реке Оце».

Отсутствие «одиначества» между князьями и невозможность создать прочную оборону на Оке делали неизбежным отход в глубь страны.

В этих условиях единственной возможностью было, как и в 1370 г., во время войны с Ольгердом, организовать стойкую оборону Москвы, опираясь на ее мощные укрепления, и тем самым сковать главные силы противника, а войска князя Владимира использовать для действий по флангам и тылам.[1] Если так и было задумано, то, во всяком случае, реализовать этот замысел не удалось: было потеряно управление войсками со стороны главного командования, т. е. отсутствовала какая-

[1] Там же. Т. 25. С. 186; Т. 11. С. 14.

либо связь между отдельными силами, а главное звено этого возможного плана — оборона Москвы — оказалось нестойким. Нет никаких данных о воеводах, которым была поручена оборона столицы. В городе были «людие смущены, яко овца, не имуща пастыря».

Перед нами — факт крупного стратегического поражения великого князя Дмитрия. Его главной ошибкой было оставление Москвы без твердой организации ее обороны. Но глубинная причина катастрофы в кампании 1382 г. — не на стратегическом, а на политическом уровне. Союз князей, главная опора внешней политики великого князя Дмитрия, показал свою несостоятельность как форма политической организации Русской земли. Объективных условий для эффективного противодействия ордынским нашествиям еще не существовало — не было механизма для организации такого противодействия.

Под 6906 (1397 / 1398) г. Рогожский летописец помещает известие: «Приходил Темир-Аксак Шарахманьский на Русскую землю, и князь великий Василей Дмитриевич ходил противу ратию и стоял на Оце. А князь Владимер Андреевич седел во граде Москве в осаде. Темирь Аксак, дошед Елча, возвратися всвояси, и бысть во граде Москве радость велика».[1]

В московских летописях известие о нашествии Тимура отнесено к 6903 (1395) г. и изложено совсем по-другому. В центре внимания — не само нашествие, а перенесение чудотворной иконы Божьей Матери из Владимира в Москву. О военных действиях сказано только, что, узнав о приближении Тимура, великий князь Василий «поиде с Москвы на Коломну, и ста на брезе у реки Оки». Сам же Тимур, разорив Елец, стоял две недели на одном и том же месте, но (в день прибытия в Москву иконы Божьей Матери) быстро ушел в степи.[2]

Московская летопись не противоречит Рогожской, но и не совпадает с ней. Видны два расхождения: Московская летопись ничего не говорит о князе Владимире Андреевиче, сидящем в Москве в осаде, но уточняет место расположения великокняжеских войск на Оке — это район Коломны, кратчайший путь от Оки к Москве. Ввиду отсутствия противоречий, возможна компиляция обоих рассказов: князь Владимир мог сидеть в Москве в осаде, а великий князь с войсками стоять на Оке у Коломны. Если принять эту компиляцию (конечно,

[1] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 165.

[2] Там же. Т. 25. С. 222.

достаточно гипотетическую), то в общих чертах вырисовывается схема обороны от нашествия. Она включает два основных элемента — защиту переправы через Оку и организацию обороны столицы, опираясь на ее укрепления. Это могло быть результатом осмысления неудачного опыта 1382 г.

В первом договоре великого князя Василия Дмитриевича с князем Владимиром Андреевичем (1390 г.) впервые устанавливается: «Оже ми, брате, самому сести в городе, а тобе ми послати из города, и тобе оставити свои княгини и свои дети, и свои бояре. А будет ми тобе оставити в городе, а самому ехати из города, и мне, брате, оставити свою мати, и свою братью молодшюю, и свои бояре».[1] Это именно та схема, которая вырисовывается из известий Рогожско-Симоновской летописи.

Серьезным испытанием для системы обороны южного рубежа стало нашествие Едигея. По словам Московской летописи, зимой 1408/1409 г. «некоторый князь Ордынский, именем Едигей, повелением Булата царя прииде на Русскую землю, а с ним 4 цесаревича и мнози князи Татарьстии... се же слышав, князь великий Василий Дмитриевич не стал на бой противу татар, но отъеха вборзе на Кострому».[2]

1 декабря Едигей подошел к Москве и распустил свои войска «по всему великому княжению». «И не остася таково места, иде же не были Татарове».

«Град же Москва в печали велице бысть, вои обстоим, а людие в них затворишася. Посад же около его сами пожгоша, боящееся примета. В граде бо бяше затворился с ними князь Володимер Андреевичь, братья великого князя, и мнози бояря, с ними и епискипы, и весь священический чин, и многое множество народа... от многих бо град и стран збегошася твердости ради градные».

По словам летописного рассказа, Едигей «хотя и зимовати туто, похваляшася град взяти хотяше».

Однако в Орде произошли смуты, и царь Булат, «в ужасе зело быв», потребовал от Едигея срочно вернуться в Орду. 20 декабря Едигей снял осаду и отступил, получив от Москвы откуп в 3 тыс. рублей.

Страна была разорена «от земли Рязанские и до Галича и до Белоозера, всех бо подвизашесе и вси смутишася». В числе взятых и разо-

---

[1] ДДГ. № 13. С. 38.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 238.

ренных городов летописец конкретно называет Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Новгород Нижний и Городец.

Наиболее подробный рассказ об этом нашествии читается в Никоновской летописи, соединившей в себе ряд более ранних рассказов.[1]

Едигей разжигал вражду между великим князем Василием и Витовтом Литовским и, обещая Василию свою помощь, втайне подготовил нападение на него. Нападение было внезапным. «Князь великий... не успе ни мало воинства собрати, и тако град осади (т. е. подготовил Москву к осаде. — *Ю. А.*) и в нем остави дядю своего князя Володимера Андреевича... и братью свою... и воеводы, и многая множество народа, а сам с княгинею своею и з детми отъеха на Кострому». Едигей осадил Москву, но близко подойти не решился, «пристроения ради градного и стреляния со града». По словам летописца, при отступлении Едигей заявил своей дружине: «...вскоре отъидем во Орду, да не царства лишимся... а зде князь великий Василей собрався, нас победит, что створим тогда?»

Рассказ Никоновской летописи отличается большей эмоциональностью (красочно описываются бедствия москвичей и т. п.), но фактически содержит те же реалии. Существенно важным является только описание обстоятельств начала нашествия — двуличие Едигея обеспечило ему внезапность, именно поэтому великий князь не успел собрать войска и был вынужден поспешно «отъехать» на Кострому.

Известные нам рассказы о нашествии Едигея носят в основном нарративный характер. В распоряжении летописца могли быть какие-то официальные данные о начале и конце нашествия, о плененных городах и т. п., но в его руках они подверглись сильной литературной обработке и свой документальный характер потеряли. Не видно следов ни дневниковых, ни разрядных записей. Перед нами — летописная повесть, основанная на некоторых реальных фактах. Тем не менее, из этой повести можно сделать определенные выводы.

Между событиями 1408 г. и 1382 г. много общего. Внезапность нападения, неготовность войск к отражению его, поспешный отъезд великого князя из столицы в далекую Кострому, разорение страны татарскими отрядами, не встречавшими, по-видимому, организованного сопротивления (это особенно подчеркивает Никоновская летопись). Ни в том, ни в другом случае оборона линии Оки не сыграла

[1] ПСРЛ. Т. 11. С. 203.

никакой роли и, по всей вероятности, просто не функционировала. Наряду с этим, заметно и важное отличие. В 1408 г. Москва не была брошена на произвол судьбы, а приготовлена к обороне, во главе которой был поставлен опытный и авторитетный военачальник. Именно поэтому Едигею, в отличие от Тохтамыша, взять Москву не удалось.

Тем не менее, кампания 1408 г. — крупное поражение великого княжества Московского, затормозившее его дальнейшее усиление и развитие.

В военном отношении кампания осени 1408 г. показала, что отсутствие обороны берега Оки если и не приводит к падению Москвы, то, во всяком случае, ведет к масштабному разорению всей страны на глубину в сотни километров. Из двух элементов обороны, наметившихся в начале великокняжения Василия Дмитриевича, на высоте оказался только один — оборона самой столицы, т. е. пассивная ее оборона, не поддержанная какими-либо силами извне. Каких-либо признаков существования главного командования, т. е. попыток организации взаимодействия сил, обороны отдельных городов и т. п., незаметно. Великий князь, покинув свои войска и свою столицу, теряет все нити управления и лишается какой-либо возможности влиять на ход событий.

Во всяком случае, можно констатировать, что достаточно надежной системы обороны на южном стратегическом, т. е. противоордынском, направлении в то время не существовало.

В реальных условиях начала XV в., в результате ослабления великого княжества Московского, опасность грозила не только с юга, из Поля, но и с востока — на Нижегородско-Владимирском направлении, где располагалось враждебное Москве Нижегородское княжество.

Об этом свидетельствует факт дерзкого безнаказанного нападения совместного татарско-русского отряда царевича Талычи и нижегородского боярина Семена Карамышева на Владимир в июле 6918 (1410/1411) г. Отряд в 300 человек прошел «лесом безвестно» по Клязьме, захватил врасплох и разграбил формальную столицу Русской земли. Воеводы Щока в городе не было, не было ни дозорной службы, ни какого-либо сопротивления налетчикам.[1] Восточное стратегическое направление оказалось совершенно беззащитным. Об уязвимости восточного фронта свидетельствовали и позднейшие события. Так, в 1428 г.

[1] Там же. Т. 25. С. 240.

по данным Московской летописи, татары напали на Галич, города не взяли, но землю разорили; в том же году они напали на Кострому, но были отбиты.[1] Устюжская летопись сообщает о нападении также на Лух и Плесо.[2]

В 1431 г. нападению подвергся Нижний Новгород.[3] Эти нападения приносили материальный ущерб и создавали напряженную обстановку на всем восточном фронте шириною в сотни верст.

Обстановка на восточном направлении резко ухудшилась в конце 30-х гг., когда изгнанный из Большой Орды хан Улу-Мухаммед (Махмут в русских летописях) перенес свою ставку на русскую окраину В декабре 1437 г. он разбил русских князей в бою под Белевом,[4] а через полтора года появился под стенами Москвы. Это было первое за 30 лет после Едигея нападение на русскую столицу.

Нашествие это отражено в Московской летописи чрезвычайно скупо.

«Месяца Июля в 3 в пяток прииде к Москве царь Махмут со многими силами безвестно. Князь же великий въсхоте ити противу ему Но не поспе събратися. Пошед же пакы и виде мало своих, и возвратися, и иде за Волгу. А на Москве оставиша воеводу своего князя Юрия Патрикеевича с бесчисленным христиан множеством. Царь же пришед под Москву и стояв 10 дней и поиде прочь, граду не успев ничтоже. А зла много учини земли Русской и идучи назад, досталь Коломны пожегл (Коломна уже горела в апреле того же года. — *Ю. А.*) и людей множество плени, а иных изсекл».[5]

Ермолинская летопись добавляет: «Князь великий, совокупишася с братьею в Переславле и посади на Москве князя Дмитрея Меншего, а сам поживе в Переславле и в Ростове до зимы, бе бо посады пождьжены от Татар, и люди посечены, и смрад велик от них».

Основным фактом является внезапное нападение и неготовность великокняжеского войска к его отражению. Повторилась схема, уже испробованная при нашествии Едигея, — великий князь идет «за Волгу», и оборона Москвы возлагается на воеводу. Результаты были аналогичны: столицу удалось отстоять, но значительная часть страны бы-

[1] ПСРЛ. С. 248; Т. 26. С. 186.
[2] Там же. Т. 37 С. 84.
[3] Там же. Т. 25. С. 248.
[4] Там же. С. 260.
[5] Там же. Т. 12. С. 30; Т. 27. С. 107.

ла разорена. Все недостатки этой системы обороны полностью проявились: она не смогла предотвратить разорение страны. Основной причиной этого было, очевидно, отсутствие боеготовых войск — их не удалось собрать вследствие внезапности нашествия. А эта внезапность, в свою очередь, определялась отсутствием оперативной разведки, дозорной и сторожевой службы на вероятном направлении движения противника.

Мобилизация служилого ополчения занимала длительное время. Об этом свидетельствуют данные о кампании 1445 г. против сыновей Улу-Мухаммеда на Нижегородско-Суздальском направлении. Великий князь Василий двинулся из Москвы в поход 23 мая («заговев Петрово заговенье»). 29 июня он был еще в Юрьеве, в 150 верстах от Москвы. Такую медлительность можно объяснить только тем, что шел сбор войск, распущенных по домам после зимнего похода. Действительно, когда 6 июля в Суздале (45 верст от Юрьева к востоку) он сделал смотр своим войскам, их оказалось не более тысячи. В таких условиях решающее значение приобретали, во-первых, своевременная информация о движении противника к рубежам Русской земли, во-вторых, наличие ядра боеготовых войск на основном направлении.

Летом 1449 г. «скорые Татарове Седиахматовы (т. е. Большой Орды. — *Ю. А.*) догоняли до Пахры, и княгиню князя Василия Оболенского тогда взяли, и много зла учинили...». Ордынские татары перешли Оку и совершили глубокий рейд; вассальный татарский царевич Касим, «иде противу сех из Звенигорода», их «бил и полон отъимал, они же, видев то, бежаша назад».[1] В обороне южного рубежа впервые появился новый элемент — вассальная татарская конница с ее высокими маневренными и боевыми качествами. Однако линию Оки отстоять не удалось. В 1450 г., находясь в Коломне, великий князь Василий узнал, что к русскому рубежу идет с Поля ордынский улан Малым-Бердей и «иные с ним князи со многими Татары. Князь же великий посла противу их царевича своего с Татары, да с ним воеводу своего Константина Александровича Беззубцева с Коломничи». Малым-Бердей бежал в Поле и был разбит на Битюге (приток Дона). Это было знаменательным успехом совместных действий русской и татарской конницы, выехавшей в открытую степь далеко от русского рубежа. В событиях 1450 г. можно видеть своевременную и правильную

[1] Там же. Т. 25. С. 270.

реакцию великокняжеского командования на обстановку. Однако речь шла о сравнительно небольшом нападении. Более серьезные испытания были впереди.

Летом 1451 г. «прииде весть к великому князю, что идет на него изгоном из Седи-Ахметовой Орды царевич Мазовша и поиде противу ему к Коломне, не успев събратися. Бывшу же ему близ Брашевы, и прииде весть ему, что уже Татарове близ Берега, и князь великий воротися к Москве, а что с ним людей было, тех всех отпусти к Берегу с воеводою князем Иваном Звенигородским, чтобы не толь борзо перевезлися реку Оку. Он же, убоявся, вернуся назад иным путем, а не за великим князем. Князь же великий взем Петров день на Москве, и град осадив, посади в нем матерь свою... да сына своего князь Юрья, и множество бояр и детей боярских... да сам изыде из Москвы и с сыном своим великим князем Иваном».

Не встречая никакого сопротивления на берегу Оки, татары утром 2 июля подошли к Москве, пожгли посады и фактически начали штурм города, «приступая ко всем вратам и где несть крепости каменные» Но ночью татары неожиданно сняли осаду и отступили.[1] Москва была спасена, но вся система и тактика обороны южного рубежа еще раз показали свою несостоятельность. Не только на Берегу, но и у великого князя не было боеготовых войск, оборона переправ возлагалась на войска, выдвигавшиеся из глубины и не готовые к серьезному столкновению с противником. По буквальному смыслу летописного известия, на эти войска была возложена задача только замедлить переправу татарских сил, т. е. задача, ограниченная по своему значению. В этих условиях прорыв к Москве и в глубь страны был неизбежен. Никаких данных об организации обороны в глубине страны нет; по всей вероятности, такой организации и не было. Ничего не слышно и о маневренных отрядах вассальной конницы, видимо, она еще не стала необходимым составным элементом обороны Берега. За 70 лет после нашествия Тохтамыша принципиальных изменений в обороне южного рубежа незаметно.

Горький опыт трех нашествий показал, что защита Берега — существенно важный элемент обороны южного направления. Неудержание Берега влечет за собой вторжение во внутренние уезды и разорение страны (1382, 1408, 1439, 1451 гг.).

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 271–272.

Защита Москвы — второй важнейший элемент обороны. При нашествиях Едигея, Улу-Мухаммеда и Мазовши оборона Москвы оказалась достаточно стойкой, что позволило сохранить моральный, политический, экономический и культурный центр страны.

Организации обороны внутри страны — важнейшей функции главного командования — не видно ни в одной кампании. Отступление от Берега и оставление великим князем Москвы во всех случаях ведет к потере управления страной и войсками.

Оборона Берега возможна только при наличии боеготовых войск, заранее развернутых на позициях. Во всех случаях необходима хорошо поставленная разведка — своевременное раскрытие замыслов противника.

Под 1455 (6963) г. Московская летопись сообщает о новом нападении ордынских татар. Они «перевезешася Оку ниже Коломны». Но великий князь послал «противу их князя Ивана Юрьевича со многими вои... и бысть им бой и одолеша христиане татаром».[1] Помешать переправе — защитить Берег в прямом смысле — не удалось, но перешедшие реку ордынцы были атакованы и разбиты, очевидно, конным отрядом.

В 1459 г. снова «татарове Седи-Ахметовы похвалився на Русь пошли». На этот раз великий князь Василий «отпустил противу их к Берегу сына своего великого князя Ивана со многими силами. Пришедшим же Татаром к Берегу, и не перепусти их князь великий, отбиша от них, они же побегоша».

Это известие заслуживает внимания. По буквальному его смыслу, на этот раз, в отличие от 1449, 1450 и 1455 гг., татарам не удалось перейти Оку. Подобное событие зафиксировано источниками впервые. Удалось создать эффективную оборону на месте переправы ордынцев и своевременно выдвинуть сюда достаточно крупные силы. О масштабах этой операции свидетельствует, что во главе этих сил стоял сам великий князь — наследник-соправитель. О значении, которое придавалось победе над татарами, говорит тот факт, что по этому случаю митрополит Иона «поставил церковь камену Похвалы Богородицы» — придел Успенского собора в Кремле.[2] Первая успешная защита Берега, сопровождаемая победой над ордынцами, воспринималась как далеко не ординарное событие.

---

[1] Там же. С. 273.

[2] Там же. С. 276.

В следующем 1460 г. новый хан Ахмат напал на Рязань, но был отражен горожанами.[1] Участие московских войск в этом событии не упоминается, но оно вполне возможно: с 1456 г. малолетний рязанский князь был под протекторатом Москвы, и великий князь Василий «на Рязань посла наместники свои и на прочая грады его и на власти».[2]

Следует обратить внимание на известие Софийской II летописи: рассказав о бегстве татар после поражения под Рязанью, она далее пишет: «...и князь великий Иван тогда стоял у Брега со многими людьми».

Известие уникально — оно встречается только в Воскресенском списке Софийской II.[3] Эта вставка в оригинал Софийской II (Архивский список) не попала и в других летописях не отразилась. Но не исключено, что она упоминает о подлинном событии — сосредоточении московских войск на Берегу во главе с великим князем Иваном. В условиях нападения Ахмата на Рязань, в непосредственной близости от пределов великого княжения Московского (Рязань — всего в 70 верстах от Коломны, основного оборонительного пункта на Оке), такое сосредоточение войск было вполне возможным и целесообразным.

К этому же примерно времени (1455–1462 гг.) относится и первое в известных источниках упоминание о службе на Берегу как особой государственной повинности. Великий князь Василий Васильевич дал игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану грамоту на монастырские земли в Угличском уезде: «...которые люди от них вышли из их сел... сего лета, не хотя ехати на мою службу, великого князя, к Берегу, и яз, князь великий... велел... те люди вывести опять назад».[4]

Значение этого упоминания трудно переоценить. На береговую службу призывались крестьяне из привилегированных монастырских сел далекого от Оки Угличского уезда. Тем более, надо полагать, эта обязанность возлагалась на население более близких, приграничных уездов. Эта повинность была, видимо, новая, недавно введенная — она не входила в стандартный формуляр великокняжеских податей и пошлин, перечисляемых в каждой жалованной грамоте.

Привлечение вассальных татарских царевичей к участию в отражении нашествия с юга, введение особой повинности для населения

---

[1] ПСРЛ. С. 277
[2] Там же. С. 279.
[3] Там же. Т. 6. Ч. II. Стб. 130, прим. 79.
[4] АСВР. Т. 1. № 265. С. 192.

русских сел — это новые элементы в системе обороны Берега, впервые наметившиеся в 50-х гг. (с этим связана и активизация системы обороны, особенно проявившаяся в кампании 1459 г.). Эти новые элементы нуждались в серьезной проверке. Такой проверкой стало первое нашествие Ахмата — первое со времен Тохтамыша нападение на Русскую землю главных сил Большой Орды.

Сравнение кампании 1472 г. на Оке с предыдущими попытками отражения ордынских нашествий позволяет сделать некоторые выводы.

Рассказ Московской летописи о кампании 1472 г. основан на документальных источниках в значительно большей мере, чем рассказы о нашествиях Тохтамыша и Едигея. Эти источники — разрядные и дневниковые записи. Крупную роль играют источники частного происхождения — рассказы очевидцев и участников. Однако они накладываются на фактологическую сетку, позаимствованную из документальных источников.

Рост значения документальных (официальных) источников в летописном повествовании может свидетельствовать о развитии соответствующих ведомств, и это — важное отличие кампании 1472 г. от предыдущих. Однако главное — в содержании самих событий.

В отличие от всех предыдущих кампаний (кроме кампании 1459 г., в которой сам хан, видимо, не участвовал), на Оке была создана прочная оборонительная линия, прикрытая большим количеством войск. Впервые хан Большой Орды не решился вступить в сражение с русскими войсками и отступил в степь, признав свое поражение. Система обороны на Оке надежно защитила русские земли от нового разорения.

Основным фактором, обеспечившим победу на Оке, следует признать действенную роль главного командования (ГК). Оно сумело своевременно выдвинуть силы для занятия обороны по Оке. Оборона, по-видимому, носила эшелонированный характер — войска выдвигались из глубины на наиболее важные направления.

Ошибкой первоначального развертывания была недооценка правого фланга оборонительной линии — района Алексина, который не был своевременно подготовлен к обороне. Однако эта ошибка была быстро исправлена выдвижением войск из глубины и рокировкой их по фронту. Героическая оборона Алексина силами его горожан также сыграла свою роль, задержав попытки форсирования Оки Ахматом, что позволило сосредоточить войска для отражения переправы в уязвимом пункте русской обороны.

Можно отметить инициативные действия удельных князей со своими полками — они сыграли главную роль в отражении форсирования в районе Алексина и не дали татарам развить первоначальный успех.

Однако решающее значение в победе на Оке сыграло общее оперативно-стратегическое руководство. Обращает на себя внимание, что сам великий князь, фактически осуществлявший функции ГК, в 1472 г. вел себя совсем не так, как при прежних нашествиях вели себя его предшественники. Он, по-видимому, не исключал возможности прорыва татарских отрядов к Москве, потому и отправил свою мать и сына-наследника в более безопасное место. Но сам он из Москвы отправился не за Волгу, а на Оку — к главным силам своего войска, собранным у Коломны. Это давало возможность реального управления войсками, которое непрерывно находилось в руках ГК. Именно оно обеспечило и развертывание войск, и их рокировку; оно определило общий характер операции как оборонительной на широком фронте без попыток перехода в наступление и преследования противника. Этим достигался наименьший возможный риск и наибольшая сохранность войск, что в данной ситуации представляется наиболее целесообразным.

Организация прочной обороны на Оке и сама мобилизация основной массы служилого (а по всей вероятности, и земского) ополчения были возможны только в результате укрепления государственной системы, политической власти великого князя Московского. Фактическая ликвидация княжеских усобиц, союз с Тверью, протекторат над Рязанью обеспечивали политический тыл русского войска.

Сосредоточение главных сил на южном стратегическом направлении стало возможным только после решительной победы над новгородскими сепаратистами, что обеспечило относительную стабильность на северо-западном направлении, и победы над Казанью, что обеспечило левый, восточный фланг стратегической операции на Оке.

Наиболее опасным оставалось западное направление, откуда могли угрожать войска короля Казимира. Именно в этих условиях было необходимо беречь силы войск, что и было достигнуто в ходе оборонительной операции на Оке — первой победы над Ахматом.

Первая победа над Ахматом имела следствием фактическое ослабление зависимости Русской земли от ордынского хана.[1] Важнейшей

[1] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 156–163.

причиной этого была возросшая военная мощь Русского государства, продемонстрированная в кампании на Оке.

Победа на Оке отразилась на всем стратегическом положении Русской земли.

Поход 1473 г. на помощь Пскову

К лету 1473 г. переговоры Господина Пскова с магистром «о земле и воде и обо иных обидных долех» зашли в тупик. Псковичи обратились к великому князю, «чтобы оборонил и на конь всел за дом Святой Троицы... противу Немец».

Великий князь ответил, что «рад стояти и оборонити дом Святыя Троицы... и на конь всести с всеми силами русскими, а же вас почнут Немци».

На повторный призыв, последовавший в октябре, великий князь ответил вопросом: «В кое время велите отчине моя, силе моей войску у себе быти?»

И наконец, «месяца Ноября 25... в четверг, приеха в Псков гонец от князя Данилья и от всего войска великого князя, повестуя, что воевода от великого князя князь Данилий Дмитриевич Холъмской и со всем войском и с прочими князи стал на рубеже, а к вам во Псков едет».

Псковичи встретили своих защитников с честью и отвели им место на Завеличье. Князь Холмский прибыл во Псков в день Андрея Первозванного, т. е. 30 ноября (в рукописи ошибочно 1-го), «а преже того и по два дне таки шла сила беспрестанно, воеводы и иные, и князи или дети боярские великого князя Двора или из городов бояре. Бе бо множество их видети, князей единых 22 из городов, из Ростова, из Дмитрова, из Юрьева, из Мурома, из Костромы, из Переяславля и изо иных городов».

После первых жалоб псковичей на грабежи князь Холмский навел порядок, и войска «начаша... приимати пословно как себе корм и хлеб, и вологу и мед, и пиво и конем своим овес и сено. Начаша к ним на Завеличье по черядам вожати и с коньчов».[1]

Внезапно наступившая оттепель сделала поход против Ордена невозможным. Немцы прислали своих делегатов для переговоров о мире.[2]

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 193–195.

[2] Казакова. С. 147–149.

По словам Московской летописи, «слышавше же немцы, что пришли воеводы великого князя Пскову на помочь со многими людьми, и начаша посылати послы своя в Псков о миру, и мир докончаша на всей воли Псковской на 20 лет».[1]

Бескровный поход 1473 г. не вызвал особого интереса ни у кого, кроме самих псковичей, кровно в нем заинтересованных. Хотя дело обошлось без фактических военных действий, а вернее — именно по этой причине, поход князя Данилы Холмского — важное военно-историческое событие. Орден отступил без боя — само появление во Пскове великокняжеской рати было лучшим аргументом в пользу мира, которого добивались псковичи.

Поход князя Холмского — по существу, операция стратегического масштаба и значения. Была проведена большая мобилизация, именно поэтому поход задержался с августа до ноября. Поход князя Холмского по масштабам может быть сравним с походом Дмитрия Донского на Новгород в 1386 г., в котором участвовало 30 городовых полков. В 1473 г. неполный перечень городовых полков, приведенный псковским летописцем, свидетельствует, что в походе приняли участие служилые люди среднерусских уездов, расположенных на расстоянии многих сотен километров от Пскова. В походе принимали участие и отряды татарских царевичей — видимо, планировался конный рейд в глубь Ливонии. Но само присутствие русских войск во Пскове сделало этот рейд ненужным — наступил мир.

Мобилизация больших сил со всех концов Русской земли и их марш-маневр к театру предполагаемых военных действий был важнейшей военно-политической акцией, обеспечившей на ряд лет безопасность северо-западного стратегического направления. Сам поход стал возможен благодаря относительному спокойствию на юге и на востоке после победы над Казанью и отражения нашествия Ахмата. Именно это позволило сосредоточить на северо-западном направлении крупную группировку стратегического масштаба.

Поход князя Холмского упрочил московско-псковские отношения — включение Господина Пскова в политическую систему великого княжения. Вместе с тем, отсутствие сколько-нибудь подробной официальной информации в Московской летописи об этом походе свидетельсву-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 301; Т. 12. С. 154. Еще короче: Ермолинская летопись (Там же. Т. 23. С. 161).

ет, что разрядные записи еще не стали документом важного политического значения, используемым официальным летописцем.

Поход 1477 г.

По данным великокняжеской летописи, решение о походе на Новгород было принято в мае 1477 г., после того как послы великого князя в Новгороде доложили о мятеже на вече, где были убиты сторонники великого князя, а противники его «взбесневша, аки пьянии... и к королю паки всхотеша».[1]

Как и в 1471 г., походу предшествовала идеологическая подготовка.

Великий князь «приходит ко отцу своему, митрополиту Геронтию, възвещая ему Новгородское преступление крестного целования». «То же возвещает и матери своей, и братии своей и бояром, и воеводам своим, и възверже оттоля на Новгород гнев свой». По благословению митрополита «и еже о нем священного собора архиепископ и епископ и всего священнического чина тако же и советом матери своея и молитвою, и братии своея думою и бояр своих и князей и воевод», великий князь «въоружается на свою отчину, на отступников и крестного целования преступников». Следует посещение монастырей и церквей и рассылка милостыни «по соборным церквам и монастырем и по всем церквам».

Из военно-политических мероприятий упоминается только, что великий князь «посылает... в Тферь к великому князю Михаилу прося у него помочи на Новгород». И Михаил Тверской «ни мало ослушася посылает князя Михаила Федоровича Микулинского со многими вои своими». Посылает великий князь «...братии своей... тогда сущей уже в своих отчинах веля им идти коемуждо от себя к Новугороду».

Таким образом, как и в 1471 г., поход на Новгород должен был носить характер общерусской борьбы за правое дело под водительством великого князя.

Формальное объявление войны последовало 30 сентября, когда в Новгород была послана складная грамота с подъячим Родионом Богомоловым.

Поход великого князя начался 9 октября «в четверток, на память святого апостола Иакова Алфеева». С этого времени начинаются записи походного дневника.

[1] Там же. Т. 25. С. 310.

Великий князь «сына своего великого князя Ивана остави на Москве». Вместе с великим князем в поход «вышел брат его князь Андрей Меньшой». Следует распоряжение: «Даньяру царевичю Касымову сыну велел (великий князь. — *Ю. А.*) идти на Клин наперед себя за 4 дни, да ко Твери, да к Торжьку». Татарская конница составила, таким образом, первый эшелон войск.

Сам великий князь шел на Волок, «с ним и братиа его князь Андрей Меньшой». «Обедни слушал князь великий на Волоце октября 14, да ел и пил у брата своего князя Бориса».

На Волоке же прибыл к великому князю «хидырщик», посланный Михаилом Тверским «отдавати нормы по отчине своей», т. е. обеспечивать продовольствием войска великого князя при их движении по Тверской земле. От Волока великий князь пошел на Торжок через Микулин, а Андрей Меньшой — через Старицу. В обоих случаях великокняжеские войска шли по Тверской земле, оставляя Тверь справа, т. е. обходя ее с запада. На первом стану от Волока, в Лотошине, великого князя встретил от имени Михаила Тверского князь Андрей Борисович Микулинский, «звати хлеба ести».

16 октября великий князь получил донесение от своего наместника в Торжке о прибытии в Торжок новгородского посланца просить об «опасе» для начала переговоров. Раньше этого, еще до начала похода, в Торжок прибыл с той же просьбой Федор Калитин, староста Даньславской улицы.

Обоих посланцев велено было держать в Торжке до приезда великого князя.

19 октября, воскресенье. Великий князь въехал в Торжок и принял здесь двух новгородских бояр, которые били ему челом в службу.

21 октября, вторник. Великий князь отпустил из Торжка князя Василия Васильевича Шуйского воеводой и наместником на Псков, «а Пскову князем», по челобитью псковичей.

23 октября. «Выехал князь великий из Торжка, а пошел ратью на Новгород, а шел от Торжка на Волок (Вышний Волочек. — *Ю. А.*), а оттоле меж Яжелбицкой дороги и Мсты».

Здесь же были отданы новые распоряжения.

Царевичу Данияру «ити от Торжку по за Мсте, и с ним воевода великого князя Василий Образец з Борисовичи».[1]

[1] Это распоряжение читается только в походном дневнике (ПД), приводимом Московской летописью, и других летописях великокняжеского цикла, а в разрядные книги известных нам редакций не вошло.

«А по своей стороне Мсты велел ити князю Данилу Холмскому, а с им дети боярские Двора его многы, да Володимерцы, да Переяславцы, и Костромичи вси.

Да тою же дорогою велел ити боярам своим и тверичем, Григорию и Ивану Никитичем, с Дмитровцы и Кашинцы, которые служат великому князю.

А по правую же себя велел ити межи свое дороги и Мсты князю Семену Ивановичю Ряполовскому, а с нйм Суздальци и Юрьевци.

А по левой руке от себя из Торжьку на Демон брату своему князю Андрею Меньшому, а с ним воевода великого князя Василей Сабуров с Ростовци и Ярославци, и Угличаны, и Бежичаны, и которые служат великому князю, и матери своей воеводе Семену Федоровичю ити Пешку с Двором ее с ним же ити велел.

А межи Демонские дороги и Яжелбицкые велел ити князю Александру Васильевичу да князю Борису Михайловичю Оболенским, а со князем Александром Колужане и Олексинцы и Серпуховичи, Хатуничи, и Москвичи, и Радонежци, да Новаторжцы, Берновы и Глуховы, а со князем Борисом Можайцы, Волочане и Звенигородцы и Ружане, которые служат великому князю.

А по Яжелбитской дороге велел ити Федору Давидовичу, а с ним дети боярские из Двора великого князя, да Коломничи все.

А по той же дороге велел ити князю Ивану Васильевичю Оболенскому, а с ним брати его, вся Оболенские князи, да и многие великого князя Двора, дети боярские».

Перед нами — фактически разрядная запись (РЗ), включенная в ПД. Это свидетельствует о тесной связи составителей обоих документов — об их принадлежности к канцелярии великого князя, из которой функциональные ведомства еще не выделились как органические самостоятельные структуры.

По существу своему, запись от 23 октября рисует состав и организацию великокняжеского войска и операционные направления похода.

Организационно войска имеют две ступени. Низшую составляют территориальные (городовые) подразделения, создаваемые в ходе мобилизации. Высшую — оперативные соединения, формируемые согласно разрядным записям. 27 территориальных частей (полков) сводятся в 8 оперативных соединений во главе с воеводами, назначенными великим князем. Каждое из этих соединений имеет самостоятельный маршрут движения.

Войска идут в общем направлении на Новгород несколькими параллельными колоннами. В результате этого значительно ускоряется общий темп движения, зоной боевых действий сразу охватывается большая территория противника, а сосредоточение неприятельских сил для отпора затрудняется.

При назначении маршрутов могли преследоваться определенные оперативные цели.

Отправка конницы на правый берег Мсты могла иметь целью:

— разорение вражеской территории;

— недопущение подхода к Новгороду сил из восточной части его владений (Бежецкая пятина);

— обеспечение возможности переправы главных сил через Мсту, если в этом возникнет потребность.

Татарская конница царевича Даньяра идет на правом фланге — за Мстой. При Даньяре — воеводы великого князя, осуществляющие, вероятно, функции контроля над царевичем.

Воевода Василий Образец идет, очевидно, во главе конного отряда, сопоставимого по маневренности с татарской конницей. Кто же входит в состав этого отряда? Текст, читаемый в Московской летописи, вызывает удивление: во всех остальных случаях запись от 23 октября после имени воеводы перечисляет названия городовых полков, отданных под его начало.

В тексте ПД, приведенном в Софийской II летописи, в соответствующем месте читаем: «Василий Образец с Боровичи»,[1] т. е., как обычно, приводится название территориального полка.

В Никоновской летописи: «Василий Образец Борисовичъ»,[2] что явно неверно: Василий Образец имел отчество «Федорович».[3] В первоначальном тексте, по-видимому, было написано «Боровичи», что и воспроизвел писец Софийской II. Переписчики же великокняжеской летописи, т. е. летописи по Уваровскому списку, и Никоновской летописи при передаче текста сделали ошибку — каждый свою.

Левее Мсты идет соединение князя Данилы Холмского, в состав которого, по-видимому, входит бóльшая часть Двора и три городовых полка из коренных великокняжеских уездов. Эти силы возглавляют-

[1] ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. Стб. 256.

[2] Там же. Т. 12. С. 172.

[3] См., напр.: Зимин. С. 220.

ся лучшим воеводой. С этими же силами следуют тверские бояре, только что перешедшие на службу великому князю, и служилые люди из недавно присоединенного Дмитрова,[1] а также тверского Кашина, перешедшие на великокняжескую службу.

Это последнее явление представляет большой интерес. Тверское великое княжение формально сохраняло свою независимость и в походе 1477 г. выступало в союзе с великим князем. Но в Кашинском уезде уже есть дети боярские, которые служат не своим князьям, а непосредственно великому князю Московскому. Докончания между Тверью и Москвой такой возможности не предусматривают. Издавна сложившаяся формула союзного договора между Москвой и Тверью, повторенная в очередной раз в докончании великого князя Ивана Васильевича с Михаилом Тверским (не позднее 1464 г.), исходит из идеи территориальной целостности Тверского великого княжения: «А которые земли и воды потягли к нашей отчине, ко Тфери и к Кашину... того ти, брате, подо мною... не искати... ни... под моими детьми... ни под нашею братьею меньшою». Союз между великими князьями Тверским и Московским формулируется в самом общем виде и строго симметричен: «...быти... нам... заодин... на всякого на нашего недруга». В случае нападения «царя» или «рати татарской» требовалось «помочь послати вправду, без хитрости». В случае нападения Литвы, ляхов или немцев надлежало союзному великому князю «самому на конь всести и своею братьею молодшею».[2]

Однако за время после этого докончания в реальной действительности произошли большие перемены. Весной 1476 г. Московская летопись отмечает переход на службу великому князю большой группы тверских служилых людей.[3] Не с этим ли событием связана коммендация кашинских детей боярских? Во всяком случае, она свидетельствует — как и переход тверских бояр — об ослаблении военно-служилой организации Тверского великого княжения и, соот-

[1] Дмитровский удел был по духовной грамоте Дмитрия Донского дан его четвертому сыну Петру, после его смерти в 1432 г. несколько раз переходил из рук в руки (к галицким и серпуховским князьям); по духовной Василия Темного в 1462 г. достался его сыну Юрию, а после его кончины в 1472 г. снова вошел в состав владений великого князя.

[2] ДДГ. № 63. С. 202, 205.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 308.

ветственно, об усилении военной организации великого княжения Московского. Вчерашние тверские бояре идут в поход со служилыми людьми великого князя из тверского Кашинского уезда. Видно, как московская служилая система глубоко проникает внутрь формально независимого Тверского великого княжества.

Между главными силами и Мстой следует соединение князя Ряполовского, составленное из служилых людей старых великокняжеских городов. Все эти силы двигаются в общем направлении на Яжелбицы.

Левую группу, идущую на Демон, возглавляет князь Андрей Меньшой с воеводой великого князя Василием Федоровичем Сабуровым. В состав этого соединения входят служилые люди городов, сравнительно недавно присоединенных к великому княжению (в течение ближайших 10–15 лет) — ростовцы (с 1473 г.) и ярославцы (с 60-х гг.). Вместе с ними идут служилые люди Углицкого и Бежецкого уездов. Эти уезды формально входят в состав удела князя Андрея Большого, но часть местных служилых людей уже коммендировалась великому князю. Это весьма важный факт, свидетельствующий о процессе распада прежних удельно-княжеских служилых корпораций, которые заменяются прямыми связями местных детей боярских с великокняжеской властью.

В этой же группе следует Двор великой княгини Марии Ярославны во главе с ее воеводой — родным братом Василия Сабурова. Во владения великой княгини, как известно, входил Ростов — все ростовцы следуют в поход в одном соединении.

Соединительное звено между левофланговыми силами князя Андрея Меньшого и главными силами составляет группа князей Оболенских — 11 городовых полков, разделенных между двумя воеводами. Шесть из этих полков, идущие с князем Александром Оболенским, по-видимому, первым воеводой, составлены из служилых людей, давно тянущих к Москве. Исключение составляют новоторжцы — жители пограничного и спорного с Новгородом уезда. Со вторым воеводой, князем Борисом Оболенским, идут служилые люди городов, еще недавно входивших в уделы. Можайск по духовной Дмитрия Донского был дан его третьему сыну князю Андрею, а после него перешел к старшему из Андреевичей — Ивану. С 1454 г. он непосредственно тянул к Москве, но по духовной великого князя Василия был дан его второму сыну Юрию. Только в 1472 г. Можайск вернулся под власть

великого князя. Таким образом, служилые люди Можайска за 30 лет четыре раза меняли своего сюзерена.

Волок и Звенигород в 1477 г. вообще не входят в состав владений великого князя Ивана, а принадлежат, соответственно, князю Борису и князю Андрею Большому, Борису же принадлежит и Руза. С князем Борисом Оболенским идут служилые люди этих городов, которые теперь служат не своим князьям, а самому великому князю. Легитимность такого явления издавна признавалась межкняжескими докончаниями: «А которые, брате, бояре и дети боярские служат мне, великому князю... а живут в твоем уделе, и тем ходити со мною, с великим князем, и с нашими воеводами».[1] Признавалось симметричное явление — служилые люди удельного князя, живущие на землях великого князя, идут в поход с воеводою своего князя.[2] Однако фактически это явление было далеко не симметричным. Распространение великокняжеских служилых отношений на земли удельного князя ослабляло суверенность последнего и реально усиливало его зависимость от великого князя. Одновременно оно усиливало военную мощь великого князя и действенность его руководства войсками.

По Яжелбицкой дороге идет воевода Федор Давыдович Хромой, обладающий большим военным опытом, и с ним крупные силы Двора великого князя, а также «вси Коломничи» и Коломенский полк. Связь Федора Давыдовича с этим полком известна еще по кампании 1472 г. против Ахмата; видимо, он был наместником на Коломне. Надо полагать, что по этой дороге, со своим Двором, шел и сам великий князь со своей Ставкой.

По той же дороге идут князья Оболенские со своими собственными служилыми людьми во главе с князем Иваном Васильевичем Стригой, видимо, наиболее авторитетным представителем их рода. Перейдя на службу к великому князю еще в XIV в., князья Оболенские сохранили свои уделы, превратившиеся в вотчины с остатками суверенных прав. С ними идут и дети боярские Двора — вероятно, для контроля над удельно-княжескими отрядами.

Великокняжеские войска вступили на Новгородскую землю. Походный дневник продолжает фиксировать события.

[1] ДДГ. № 56. С. 170. Докончание великого князя Василия Васильевича с Василием Серпуховским (до 1456 г.).

[2] Там же.

27 октября. Великий князь на Вышнем Волочке.

28 октября. Он на Березке.

2 ноября. На стане в Турны. Приехали псковские послы (с известием о пожаре во Пскове). Походный дневник включает текст грамоты, которую привез псковитин Харитон Качалов: «Господину государю великому князю Ивану Васильевичу, царю всея Руси... По вашему государей наших велению, что есми в другой ряд складную послали к Великому Новугороду, и наши взметчики в Великом Новегороде взметную положили, да и в Псков приехали. И нынеча по нашим грехом весь город Псков вех горел» (представляет интерес титулование великого князя).

Таким образом, выступление войск Господина Пскова составляло, как и в 1471 г., часть плана кампании. Но бедствие, обрушившееся на город (по данным Псковской летописи — 10 октября), спутало все карты и заставило отложить начало похода.

4 ноября. Болблево. Прибытие князя Михаила Федоровича Микулинского с тверскими войсками. Им велено идти по дороге за великим князем.

19 ноября на стану на Палинах «князь великий полки уряди, учинил, которому где быти».

Если распоряжения 23 октября могут рассматриваться как походные разряды, то запись 19 ноября фиксирует разряды в полном смысле слова — формирование полков как оперативных соединений: Передового, Правой Руки, Левой Руки и полка великого князя (т. е. Большого полка). «Уряженье» полков проведено на стану, во время похода, так же как это делал (по летописным данным) Дмитрий Донской. Запись об этом «уряжении», т. е. разрядная запись, воспроизведена в ПД.

Запись 19 ноября.

Передовой полк.

Кн. Андрей Меньшой.

Воеводы:

1. Кн. Данило Холмский с Костромичи.
2. Федор Давыдович с Коломничи.
3. Кн. Иван Васильевич Оболенский с Володимерцы.

Правой Руки.

Кн. Андрей Большой.

1. Тверской воевода кн. Михаил Федорович Микулинский с Тверичи.

2. Воеводы великого князя Григорий и Иван Жито Никитичи с Дмитровцами и Кашинцами.
Левой Руки.
Кн. Борис [Васильевич].
1. Кн. Василий Михайлович Верейский.
2. Воевода княгини Марии Ярославны — Семен Пешок.
«У себя в полку».
1. Кн. Иван Юрьевич и
2. Василий Образец с Боровичи.
3. Кн. Семен Ряполовский с Суздальцы и Юрьевцы.
4. Кн. Александр Васильевич [Оболенский] с Колужане, Олексинцы, Серпуховичи, Хотунцы, Москвичи, Радонежцы, Новоторжцы.
5. Кн. Борис Михайлович Оболенский с Можайцы, Волочане, Звенигородцы, Ружане.
6. Василий Сабуров с Галичане, Ярославцы, Ростовцы, Углечане, Бежане, Переяславцы — все, Муромцы — все — в полку у великого князя.

Различия между росписью 23 октября и разрядами 19 ноября очень небольшие. Оперативные соединения («полки» во главе с воеводами великого князя) были сформированы уже в Торжке, в Палинах они только получили более четкую организацию.

Можно ли проследить какую-то закономерность, какой-то исходный принцип в формировании оперативных полков из территориальных?

В РЗ 19 ноября перечислено всего 30 территориальных полков, сведенных в четыре оперативных полка.

Передовой — П — 3.
Правой Руки — ПР — 3.
Левой Руки — ЛР — 3.
«У себя» — 21.

Такое распределение сил показывает, что на полки П, ПР и ЛР возлагались частные задачи, а основные силы держались компактно, составляя резерв главного командования для решения основных задач.

Передовой полк является передовым эшелоном всего войска. Сюда входят городовые полки самых «коренных» старых городов, тянущих к великому князю на протяжении жизни нескольких поколений. Из трех воевод этого полка двое обладают наибольшим боевым опытом, в частности, в кампаниях 1471 и 1472 гг. Федор Давыдович Хромой

был, вероятно, наместником на Коломне — этим, видимо, и объясняется назначение коломничей в Передовой полк. Назначение во главе Передового младшего из братьев великого князя имеет, скорее всего, формальное, титулярное значение.

ПР состоит из служилых людей трех городов. Только один из этих городов — Дмитров — является собственно великокняжеским, и то лишь с недавних (1472 г.) пор. Два других в политическом отношении с великим князем формально не связаны, это — тверские земли. Можно предполагать, что князь Андрей Большой ведет с собой служилых людей своих уездов (кроме тех, которые уже служат великому князю). Из трех воевод этого полка один служит великому князю Тверскому, а двое других — вчерашние тверские бояре, только полтора года назад перешедшие на великокняжескую службу. Такое сосредоточение тверских служилых людей в одном оперативном полку может свидетельствовать о большой степени доверия к ним со стороны великого князя, т. е. о сближении московской и тверской служилых систем.

В состав ЛР включаются полки удельных князей — Василия Верейского и Бориса Волоцкого, а также великой княгини Марии Ярославны во главе с ее воеводой.

Один из предводителей этого полка — князь Василий Верейский, отличившийся в кампании 1472 г. в боях под Алексином.

Две трети городовых полков идут вместе с великим князем. Фактически они составляют то, что в позднейших РЗ называется Большим полком. Во главе этих сил шесть воевод.

Старейший из них — князь Иван Юрьевич Патрикеев, родственник великого князя, известный как воевода еще с 50-х гг., но не имеющий особых боевых заслуг.

Второй воевода, Василий Федорович Образец, непосредственно возглавляет служилых людей Боровского уезда, где, очевидно, он был наместником.[1] Боровск, принадлежавший некогда к Серпуховскому уделу князя Василия Ярославича, а еще ранее — к уделу Ярослава — Афанасия Владимировича, с 1456 г. входит непосредственно в состав великого княжения, и местные служилые люди могли вполне проникнуться традициями великокняжеской службы. Как и коломничи, боровичи идут под начальством своего наместника.

---

[1] В качестве наместника он упоминается в 1479 г. (ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. Стб. 288).

В известных нам случаях во главе городовых полков стоят наместники. Но по какому принципу формируются соединения, состоящие из нескольких городовых полков, остается неясным.

Во всяком случае, во главе городовых полков назначались те, кто так или иначе был связан с этим городом (городами) — как наместник или, может быть, крупный вотчинник.

Третий воевода — князь Семен Иванович Ряполовский, возглавляет суздальцев и юрьевцев. Это старые великокняжеские города, густо пропитанные местными удельно-княжескими традициями — Ряполовские, в частности, родовые вотчинники Юрьевского уезда. Сам князь Семен Иванович, по имеющимся данным, был наместником в Суздале.[1] Можно высказать предположение, что территориальный полк князя Семена состоял в какой-то мере из тянувших к его вотчине служилых людей «второго порядка» — его собственных министериалов.

Князь Александр Васильевич Оболенский возглавляет служилых людей семи городов. Четыре из них до середины 50-х гг. входили в Серпуховской удел, но за 20 лет могли проникнуться традицией великокняжеской службы (то же можно сказать и о Радонеже). Как реально формировалась эта традиция, можно представить из рассказа Ермолинской летописи о деятельности князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского в начале 60-х гг. в Ярославском княжестве. Наместник великого князя производил пересмотр служилых отношений в уезде. Служилые люди делились, очевидно, на две группы. Признанные годными для службы великому князю зачислялись на эту службу, а негодные — лишались своих вотчин.[2] По всей вероятности, такая практика имела широкое распространение, да иначе и быть не могло — у привилегированного вотчинника не было другого выбора, как получить жалованную грамоту на свои владения от нового повелителя, великого князя, и перейти к нему на службу.

Князь Борис Михайлович Оболенский возглавляет служилых людей четырех городов, из которых три входят в удельные княжества, и только Можайск непосредственно тянет к Москве (с 1472 г.).

Василий Сабуров ведет служилое ополчение пяти городов, из которых три (Галич, Бежецк и Углич) входят в удел князя Андрея Боль-

[1] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. Наместники и волостели. М., 2000. С. 160.

[2] ПСРЛ. Т. 23. С. 158. Здесь он фигурирует как «Иван Огофонович Сущеи».

шого, а два еще недавно были относительно самостоятельными владениями мелких удельных князей.

Наконец, переяславцы и муромцы — служилые люди из старых великокняжеских городов, уже долгое время вовлеченных в великокняжескую служилую систему.

Важнейший вывод, который можно сделать на основании этого обзора служилых людей по городам, — интересы великокняжеской службы превалируют над удельно-княжескими традициями. Служилые отношения, ориентированные на великого князя, пронизывают все уделы и составляют основу всей служилой системы земель, находящихся даже не в прямой, а в косвенной зависимости от великого князя Московского. На формирование оперативных соединений (полков) удельно-княжеские отношения заметного влияния не оказывают. Однако в некоторых случаях удельные князья идут, по-видимому, во главе своих полков, входящих в оперативные соединения, возглавляемых воеводами великого князя.

Кто же эти воеводы? Один из них — представитель тверского великого князя, другой — ведет служилых людей великой княгини Марии Ярославны.

11 воевод назначены самим великим князем. Трое из них, по-видимому, — наместники, стоящие во главе своих городовых полков (Федор Давыдович, Василий Образец, князь Семен Ряполовский). Установить связи остальных восьми воевод с соответствующими городами не удается.

Города по духовной великого князя Василия Васильевича и их служилые люди в РЗ 19 ноября 1477 г.

Ивану

1. Коломна — «П».
2. Владимир — «П».
3. Переяславль — «Б».
4. Кострома — «П» и «Б».
5. Галич с Солью — «Б».
6. Устюг —
7. Земля вятчан —
8. Суздаль — «Б».
9. Нижний Новгород —

10. Муром — «Б».
11. Юрьев — «Б».
12. Великая Соль —
13. Боровск — «Б».
14. Суходол —
15. Калуга — «Б».
16. Алексин — «Б».

Юрию

17. Дмитров — «ПР».
18. Можайск с Медынью — «Б».
19. Серпухов — «Б».
20. Хатунь — «Б».

Андрею Большому

21. Углич — «Б».
22. Бежецкий Верх — «Б».
23. Звенигород — «Б».

Борису

24. Ржева —
25. Волок — «Б».
26. Руза — «Б».

Андрею Меньшому

27. Вологда —
28. Кубена —
29. Заозерье —

Марии Ярославне

30. Ростов — «ЛР».

Духовная грамота Василия Темного называет поименно 30 городов и приравненных к ним мест. Из них к великому князю Ивану отходило 16, Юрию — 4, Андрею Большому — 3, Борису — 3, Андрею Меньшому — 3, к великой княгине-вдове — 1. В походе 1477 г. участвовали, по данным разрядной записи 19 ноября, служилые люди 21 города, из числа поименованных в духовной. Отсутствуют контингенты из Устюга,

Вятки, Нижнего Новгорода, Суходола, Ржевы, Вологды, Кубены, Заозерья. Но из этих городов только в Нижнем Новгороде и Ржеве можно с уверенностью говорить о развитом служилом землевладении, а все остальные могли бы быть представлены только земским ополчением.

Отсутствие служилых людей из пограничного с Казанью Нижнего Новгорода может объясняться необходимостью оставления сил на случай внезапного выступления Казанского ханства. Трудно объяснить отсутствие в походе служилых людей из Ржевы — может быть, их держали на случай осложнений с Литвой?

В походе участвовали служилые люди почти всех городов, входивших в состав великого княжения Московского в границах 1462 г. Кроме того, в поход шли, по всей видимости, служилые люди Верейско-Белозерского удела во главе со своим молодым князем, а также ростовские, ярославские и оболенские князья. Можно говорить о максимально полной мобилизации великокняжеского служилого ополчения. Но в поход не идут рязанские служилые люди, союзные с Москвой. Великое княжение Рязанское сохранило свою формальную независимость, и его силы могли быть использованы для защиты южного и юго-восточного направлений.

Служилый город в походе представляет собой определенное единство. Правда, терминология типа «Переяславцы все и Муромцы все» дает повод думать, что они могли идти в данном полку (Большом) и не «все».

Остается открытым вопрос, все ли служилые люди данного города принимают участие в походе.

Представляет интерес запись о москвичах. Служилые люди столичного города не занимают сколько-нибудь заметное место — они именуются в составе Большого полка между хотуничами и радонежцами — жителями маленьких, второстепенных уездов. Начиная с 1389 г. московская рать как особый воинский контингент во главе с воеводой великого князя фигурирует во всех докончаниях великих князей с князьями Серпуховского удела.[1] Еще в 1469 г. в походе судовой рати на Казань москвичи составляли отдельное соединение во главе с особым воеводой. Падение роли Московского полка может объясняться двумя причинами.

[1] ДДГ. № 11. С. 30; № 13. С. 37; № 16. С. 43; № 45. С. 129; № 56. С. 168; № 58. С. 179.

1) Развитие служилого землевладения сделало ненужным широкую мобилизацию не привыкших к службе городских жителей;

2) Бо́льшая часть москвичей — служилых людей — вошла в состав Двора.

Таким образом, в РЗ 19 ноября основная первичная единица — городовой «полк» — совокупность служилых людей одного города (уезда), которую можно условно на́звать «полком».

Как уже указывалось, «уряжение» полков было проведено во время самого похода и самим великим князем. Была ли при этом составлена особая РЗ, неизвестно. «Уряжение» полков — функция главного командования (ГК), и она (как и в 1380 г.) была осуществлена самим великим князем непосредственно, а не через какое-либо ведомство.

Наш основной источник — ПД — продолжает свое повествование.

«Да с того же стану с Палина отпустил князь великий воевод своих под Новгород, Городище и монастыри отнимати, чтобы не пожгли. А велел поити к Броничю князю Данилу Холмскому с Переяславцы же да с Костромичи, да князю Ивану Стриге с Володимерцы, да Федору Давыдовичу с Коломничи, да Григорию и Ивану Микитичем с Дмитровцы и Кашинцы, да князю Семену Ряполовскому с Суздальцы и с Юрьевцы. А велел им стати на Броничи и ждати вести от себя. А иным своим воеводам у озера у Ильмера на Взваде и на Ужине, тако же вести ожидая».

Первое боевое распоряжение — посылка войск для охраны монастырей и Городища. Новгородцы сжигали в 1386 и 1471 гг. монастыри — своего рода форты, удобные для размещения войск (особенно в зимнее время) в непосредственной близости от города.

На восточном и южном берегах Ильменя развертывается первый эшелон великокняжеских войск в ожидании дальнейших распоряжений ГК.

В состав восточной группы, отправленной на Бронницы во главе с князем Данилой Холмским, вошло 8 территориальных полков из состава оперативных полков Передового (костромичи, коломничи, владимирцы), Правой Руки (дмитровцы и кашинцы) и Большого (переяславцы, суздальцы и юрьевцы). Из шести воевод, посланных на Бронницы, трое относились к Передовому полку (кн. Холмский, кн. Иван Стрига и Федор Давыдович), два — к ПР (Никитичи), один — к Большому полку (кн. Ряполовский). Таким образом, основу оперативной группы составляет Передовой полк во главе со своим первым

воеводой, но он усилен частями полков ПР и Б. ГК, «урядив» полки, сохраняет возможность манипулировать войсковыми частями, создавая новые группировки конкретного целевого назначения.

Распоряжение о выдвижении войск на берег Ильменя могло преследовать цель окружения Новгорода и подготовки к тесной его блокаде; отметим, что ни в 1386, ни в 1471 гг. этого сделано не было.

21 ноября великий князь стоял у Николы на Тухоле; отсюда был послан во Псков Петеля Паюсов, а с ним отпущен и псковитин Харитон.

«А велел князь великий наместнику своему, а псковскому князю Василию Васильевичу Шуйскому с Псковичи поити ратью с пушками и пищалями и самострелы с всею приправою с чем к городу приступати». «Да как пришед на усть Шолоны, и ты бы ко мне, к великому князю, с тем прислал часа того, и яз тогды укажу ти, где ти будет быти с Псковичи». Походный дневник (ПД) отразил письменную директиву псковскому князю. Она обязывала псковичей не только идти «ратью», т. е. боевым походом, но и иметь при себе тяжелое огнестрельное оружие и «приправу» для приступа к городу. Если в известиях о походе 1471 г. об артиллерии не говорилось почти ничего, то теперь она является предметом особого внимания ГК. За эти несколько лет артиллерия выросла и в количественном отношении, и в оценке своей роли в операциях против города. Готовится не только блокада Новгорода, как в 1386 г., но предусматривается возможность его артиллерийского обстрела и штурма. Псковская рать выдвигается на устье Шелони, близкие подступы к Новгороду с его западной (Софийской) стороны. Как и передовые отряды великокняжеских войск, псковская рать, заняв свое место по диспозиции, должна ждать распоряжений Ставки. Все нити управления войсками — в руках великого князя. Самовольные действия воевод не допускаются.

Как мы видели, выступление Пскова против Новгорода планировалось с самого начала кампании, но пожар 10 октября задержал отправку псковской рати и вызвал директиву великого князя, ставящую конкретную задачу псковичам.

Итак, первое боевое распоряжение, отраженное в ПД, — директива о занятии исходных позиций для непосредственной блокады Новгорода.

23 ноября. Великий князь в Сытине. Прибыли архиепископ Феофил и посадники. Приведены речь владыки, речи посадников.

24 ноября. Речи посадников и речи бояр великого князя: «Того же дни, в понедельник, послал князь великии в Новгород воевод своих Городища, да и монастыри отнимати.

От Броннича прямо велел поити к городу воеводам своим, князю Данилу Дмитриевичу, да Федору Давыдовичу, да князю Ивану Васильевичу Стриге, да Григорью и Ивану Никитичем, с полкы своими».

Фактически это — разрядная запись, четвертая по счету в ПД. Эта директива предусматривает захват соответствующих объектов по правой стороне Волхова (Торговой).

«На другую сторону города к Юрьеву монастырю и Аркажу монастырю велел ити воеводам, князю Семену Ряполовскому, князю Александру Оболенскому, князю Борису Оболенскому, Василью Сабурову с полкы да Семену Сабурову с матери своей людьми великой княгини Марьи, да брата своего князя Андрея Меньшого, да Елизару Гусеву с князя его полком».

«И те все воеводы шли с полки своими чрез Ильмер озеру по леду.

А пришли все воеводы и тоа и друга страны одиноа нощи с понедельника на вторник и отняли Городище и монастыри все под городом».

Директива от 24 ноября ставила войскам конкретные задачи по полному окружению города с обеих сторон Волхова и захвату опорных пунктов — Городища и монастырей. Возможность двухстороннего охвата города просматривается уже в директиве от 21 ноября, назначавшей войскам соответствующие исходные позиции, на которых они должны были сосредоточиться в ожидании «вести» от великого князя. Теперь эта «весть» пришла, и войска начали выполнять свою боевую задачу.

Правофланговая группа во главе с князем Данилой Дмитриевичем Холмским имела сравнительно легкую задачу обхода города с юга, не требовавшую преодоления серьезных естественных преград. Значительно сложнее была задача у левофланговой группы. Она должна была перейти через Ильмень по льду, что, во всяком случае, связано с риском и требовало немалых усилий. Необходимо было добиться одновременного выхода войск с разных направлений в назначенные им пункты, и это было достигнуто в результате ночного марш-маневра через лед озера.

Оперативные группы, созданные директивами 21 и 24 ноября, лишь отчасти соответствовали делению войск на полки, предусмотренному записью от 19 ноября. Если правофланговая группа князя Холмского

в основном состояла из Передового полка, то левофланговая, во главе которой стоял, по-видимому, князь Ряполовский, включала, судя по именам воевод, части полков Большого (кн. Ряполовский, кн. Александр Оболенский, кн. Борис Оболенский, Василий Сабуров), Левой руки (Семен Сабуров) и Передового (полк Андрея Меньшого во главе с Елизаром Гусевым). В непосредственном распоряжении великого князя оставались, таким образом, из Большого полка воеводы князь Иван Юрьевич Патрикеев и Василий Образец, боровичи и муромцы. Не попали в разряды 21 и 24 ноября части полка Правой руки (князь Андрей Большой и тверской воевода князь Микулинский) и Левой руки (князья Борис и Василий Верейские).

Таким образом, «полки», созданные разрядами 19 ноября, представляли собой достаточно гибкие оперативные соединения, которые могли перегруппировываться главным командованием в зависимости от конкретной обстановки. Соответствующие распоряжения оформляются разрядными записями и фиксируются в ПД — основном документе о походе 1477 г.

25 ноября. «В Сытинех князь великий велел ответ дати владыце и послом Ноугородцким». Переговоры шли своим чередом, и тексты заявлений обеих сторон фиксируются в ПД.

«Того же месяца 27, в четверток, пришел князь великий под город, а чрез Ильмерь озеро по леду, а с ними братия его, князь Андрей Меньшой. Да того же дни пришел под город князь Василей Михайлович Тферьской (очевидно, Верейский. — *Ю. А.*). А князь великий пришед под город стал у Троицы на Паозерье в Лошинском селе. А брату своему велел стати князю Андрею Меньшему у Благовещения в монастыре.

А воеводам своим князь великы велел стати: около города с полкы своими

— князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве манастыре;

— а князю Данилу Холмскому во Аркажи манастыре;

— Василию Сабурову в манастыре у Пантелеймона Святого;

— а князю Александру Оболенскому у Николы на Мостицах в манастыре;

— а князю Борису Оболенскому на Супоне у Богоявления в манастыре;

— а князю Семену Ряполовскому велел стати на Пидьбе вверх по левой стороне Пидьбы и на Стипе.

А з Городищьские стороны велел князь великий стати князю Василию Михайловичю Верейскому на Лисичьи горке в манастыре.

А на Городище велел стати Федору Давыдовичу да князю Ивану Стриге да Григорью и Ивану Никитичи».

Суть распоряжений великого князя — точная дислокация сил, стянутых к Новгороду. Дислокацию, объявленную после перехода Ильменя, можно сравнить с разрядной записью 24 ноября.

Дислокация войск

24 ноября		27 ноября
Кн. Данило Дмитриевич Холмский	от Бронниц прямо	Аркаж монастырь
Федор Давыдович	от Бронниц прямо	Городище
Кн. Иван Васильевич Стрига	от Бронниц прямо	Городище
Никитичи	от Бронниц прямо	Городище
Кн. Семен Ряполовский	«на другую сторону... к Юрьеву и Аркажу»	На Пидбе
Кн. Александр Оболенский		У Николы на Мостищех
Кн. Борис Оболенский		На Супоне у Богоявления
Василий Сабуров		Пантелеймонов монастырь
Семен Сабуров		
Кн. Андрей Меньшой		У Благовещенья
Елизар Гусев		
Кн. Иван Юрьевич		Юрьев монастырь
Кн. Верейский		На Лисичьей горке

Как видно, между распределением воевод в записи 24 ноября и дислокацией, помеченной в ПД 27 ноября, только одно существенное отличие: князь Холмский, возглавлявший Передовой полк и право-

фланговую группу, оказался размещенным на левом фланге, в Аркажском монастыре.

Видимо, князь Холмский после занятия объектов на правом берегу получил другое назначение, уступив свое место во главе правофланговой группировки другому воеводе — скорее всего, Федору Давыдовичу, который назван первым в числе воевод, оставшихся на правом берегу

«Того же месяца 29 пришел под Новгород князь Борис Васильевич после брата своего великого князя на третий день, и князь великий велел стати ему на Кречневе в владичне селе вниз по Волхову».

По разрядам 19 ноября князь Борис стоял во главе полка Левой руки. Часть этого полка во главе с князем Василием Михайловичем Верейским уже прибыла на место после перехода через Ильмень и была расквартирована на правой стороне реки, на Лисичьей горке. Полк Левой руки, таким образом, перестал представлять собой единое целое, будучи разделен на две группы, далеко стоящие друг от друга. Выдвижение войск вниз по Волхову с его левой стороны обозначало окружение города с севера.

Основным политическим центром Новгорода была, очевидно, Софийская сторона — именно поэтому здесь были сосредоточены главные силы осаждавших.

«Месяца Ноября 30 в неделю князь великий велел всем воеводам по корм посылати людей половину, а другую у себя оставляти. А срок им по корм 10 дней, а на 11, в четверток по Николе дни велел всем быти под городом, где бы хто ни был».

Запись отражает заботу о продовольствии войск и о сохранении их боевой готовности. Стоит ли говорить, что войска, посланные «по корм», добывали последний у местных жителей без особых формальностей — скорее всего, путем простого грабежа, что в Средние века на чужой территории (а нередко и на своей) практиковалось повсеместно. Во всяком случае, предполагалось, что за 10 дней войска смогут пополнить свои запасы и отдохнуть. Такое распоряжение исходило от ГК — сами воеводы, очевидно, не имели формального права на подобную инициативу[1] — не могли дробить свои силы.

«Того же дни» послан Севастьян Кушелев к псковскому наместнику и «псковской рати», чтобы пошли «не мотчая и с пушками и со всею

[1] В 1471 г. во время похода на Шелонь войско князя Холмского было ослаблено за счет такого продовольствования.

приправою по первому приказу, и Севастьян сретил их у Солци на Шелони».

Псковская рать двинулась в поход, вероятно, после приказания, отправленного 21 ноября с Петелей Паюсовым, т. е. не ранее 25 ноября. Кушелев мог их встретить 2 декабря, они за 7 дней прошли примерно 150 верст, по 20 верст в день. Это довольно много, если учесть, что они шли «с пушками и со всею приправою».

Ставка держит в руках управление войсками, стянутыми не только к самому Новгороду, но и псковской ратью.

«Декабря 1 в понедельник» переговоры с новгородской делегацией в ставке на Паозерье продолжались, и выступления сторон изложены в ПД.

«Того же дни, царевич Даньяр пришел под город, а с ним воевода великого князя Василий Образец с Боровичи. И князь великий велел царевичю Даньяру стати в Кириллове манастыре да у Андрея Святого в монастыре на Городищской же стороне. А приставом царевичевым, князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звеньцу, велел стати на Ковалеве в манастыре.

А Василью Образцу с Боровичи велел стати у Спаса в манастыре на Волотове».

Вновь прибывшие силы были размещены на Торговой стороне. Любопытно, что при царевиче Даньяре состоят приставы высокого ранга — они и советники, и наблюдатели, и посредники.

«Того же месяца 3 пришел под город князь Андрей Васильевич Большой, и князь великий велел ему стати у Воскресенья на Деревянице, а тферьскому воеводе князю Михаилу Федоровичу велел стать с полком своим у Николы на Островке».

Вновь пришедшие силы размещаются на правом берегу Волхова, растягиваясь по течению реки к северу. По разрядам 19 ноября эти силы входили в полк Правой руки.

5 декабря состоялась очередная встреча великого князя с новгородской делегацией — последней был предъявлен ультиматум.

«А того же дни прииде к великому князю от наместника его псковского князя Василия Васильевича и от псковского войска посадник псковской Василий Епимахов с тем, что наместник его... с псковским войском пришли на его государя своего дело со всем с чем им велел быти к себе, и где велит им стати. И князь великий князю Василью велел стати в Бискупицах, а посадником псковским с лучшими людь-

ми велел стати в Федотиине селе Исаковы жены Полинарьина, а прочим псковичем младым велел стати в манастыре у Троицы на Веряжи да и на Клопске».

Военная организация Пскова сохраняет черты своеобразия. Посадник Василий Епимахов выступает не только от имени князя-наместника, но и от «псковского войска». Это — не служилое ополчение, а земская, городовая «рать». И ПД, излагая дословно (или близко к тексту) посольство Епимахова, приводит соответствующую терминологию. Характерно и отношение великого князя к псковскому войску: здесь различаются, кроме князя-наместника, две категории — посадники с «лучшими людьми» и «прочие люди», и эти категории дислоцируются по-разному. Следует вспомнить систему мобилизации во Пскове, отраженную в Псковской летописи: бояре «рубятся» всем городом на вече, «прочие» — по своим улицам и концам. При осаде Новгорода псковские войска размещаются на внешнем обводе блокадного кольца.

«Того же месяца 6 велел князь великий мост чинити на реце Волхове своему мастеру Аристотелю Фрязину под Городищем».

«И той мастер учинил таков мост под Городищем на судех на той реце, и донеле же князь великий одолев возвратися к Москве, а мост стоит. На предниа же возвратимся».

Как видим, запись от 6 декабря состоит из двух частей.

В первой излагается повеление великого князя о строительстве моста через Волхов. Этот мост давал возможность беспрепятственного и быстрого маневра силами по обоим берегам реки, что имело весьма большое значение, особенно в случае штурма города или вылазки осажденных. Из этого же текста мы узнаем, что с войсками великого князя шел строитель Успенского собора — при войсках были и строительные подразделения, инженерные части, необходимые при осаде города. Осада города, видимо, планировалась с самого начала.

Не меньший интерес представляет и вторая часть записи. Она раскрывает механизм составления летописного текста на основе ПД. В руках летописца был текст ПД, и он вносил в свою летопись соответствующие записи под соответствующими числами, не забегая вперед и держась близко к тексту, — воспроизводя дословно (или почти дословно) свой источник. И только один раз он позволил себе заглянуть вперед, нарушить строгую хронологию, составляющую основную нить его повествования. ПД попал в руки летописца после похода, после возвраще-

ния великого князя в Москву, когда было известно, что мост Фиоравенти «на судех» еще существует.

«Того же месяца декабря 7 прииде к великому князю владыка из Новагорода» — и состоялся очередной раунд переговоров, подробно изложенный в ПД.

«Того же дни в неделю приидоша к великому князю под Новгород Псковичи, наместник великого князя, а Псковской князь Василей Васильевичь Шуйской, а с ним посадницы Псковскии со многими вои, посадник Алексей Васильевич Качанов... и иные посадьники и дети посадничьи и боаре и дети боарьскые и многие Псковичи».

«Декабря 30 вторник прииде к князю великому служити князь Василей Шуйский из Новагорода, и приять его князь великий, и почти его, и дары дасть ему». Переход на сторону великого князя формального руководителя обороны города — свидетельство нарастающего морального разложения в стане осажденных, все в большей мере осознающих безвыходность своего положения. До капитуляции города оставался только шаг, и он был сделан на переговорах 6 января, когда новгородцы приняли все основные требования великого князя.

Кампания 1477 г. закончилась, а вместе с ней и записи в ПД, отражающие военные события. Но ведение дневника как такового продолжается. Последняя запись в нем: «Месяца Марта 5 на Москву прииде князь великий в четверток на 5 неделе поста».[1]

Дальнейшее изложение событий теряет дневниковый характер: «Тое же зимы Казанский царь ходил на Вятку... Тое же зимы месяца Декабря 6 поставлен на Москве митрополитом Геронтием на Тверь на владычество священноинок Вассиан...».

Таким образом, основа известий Московской летописи о походе 1477 г. — это походный дневник (ПД) Ставки великого князя, который велся с начала похода до возвращения великого князя в Москву. При этом можно отметить три особенности текста Московской летописи. Во-первых, записи ПД приведены с известным сокращением — не за все дни; хотя, надо полагать, в ПД отражались именно ежедневные события. Во-вторых, в состав ПД включены разрядные записи. В-третьих, текст летописи в своем теперешнем виде был составлен уже после возвращения великого князя в Москву. Перед нами, таким образом, не сам ПД как таковой, а его летописная редакция, судя по

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

всему, весьма близкая к своему первоисточнику, но все же не идентичная ему. Особый интерес представляет включение в текст рассказа летописи разрядных записей. Скорее всего, эти записи с самого начала входили в состав ПД (а не были внесены в текст позднее, при летописной его обработке).

В своем известном нам виде ПД — основной источник для реконструкции хода событий кампании 1477 г., в первую очередь — деятельности ГК.

Обстоятельным источником о кампании 1477 г. является Псковская летопись по Строевскому списку.[1]

Последняя кампания против Новгорода, как и предыдущие, сопровождалась бедствиями для мирных жителей Новгородской земли как территории, охваченной военными действиями, но с окончанием кампании наступил мир, и вчерашние враги превратились в подданных великого князя, жителей одного из городов Российского государства.

* * *

Последний поход великокняжеских войск на Новгород может быть охарактеризован как крупная наступательная стратегическая операция с решительной целью — полного поражения и капитуляции противника.

Политическими предпосылками кампании 1477 г. были, с одной стороны, стремление великого князя добиться не только внешнего подчинения, но и внутренней интеграции Господина Великого Новгорода в состав Российского государства, с другой — отсутствие политической стабильности в самом Новгороде и двусмысленное поведение новгородской верхушки.

Стратегическими предпосылками явились, во-первых, достигнутая в предыдущие годы относительная стабильность на южном и восточном направлениях; во-вторых, укрепление фактической власти великого князя в пределах Московской земли в результате ограничения прав удельных князей по договорам 1472–1473 гг. Это давало возможность проведения максимальной мобилизации служилого ополчения и развертывания его на одном стратегическом направлении под еди-

[1] ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 209–217.

ным командованием, включая сюда также псковскую рать и войска союзника — тверского великого князя.

Как и в кампании 1471 г., великокняжеское войско состояло главным образом из конного служилого ополчения. Земское ополчение существенной роли не играло, за исключением псковской рати.

Как и в 1471 г., целью операции был выход к Новгороду, не отвлекаясь на решение второстепенных задач. Все это позволяет говорить о единстве идей, об определенном стратегическом почерке главного командования в обеих кампаниях.

Вместе с тем, кампания 1477 г. имеет свои, достаточно ярко выраженные особенности.

Временем для проведения кампании был выбран осенне-зимний период, наиболее благоприятный для действий крупных войсковых масс на северо-западе.

Если в 1471 г. в условиях напряженной внешнеполитической обстановки обстоятельства заставили пойти на большой риск и начать кампанию в июне, то в 1477 г. ничто не мешало избежать такого риска и подождать до осени.

В отличие от похода 1471 г., войска великого князя двигались прямо на Новгород, обходя Ильмень справа и не выделяя левофланговой группировки для соединения с псковичами. Само наступление осуществлялось на широком фронте, несколькими колоннами, шедшими справа и слева от конницы главных сил с великим князем. Тем не менее, темп операции был невысоким — от Торжка до Новгорода шли примерно месяц, т. е. не более 15 км в день. Такой темп был не утомителен для войск и допускался реальной обстановкой — отсутствием активного сопротивления противника.

Стягивание великокняжеских войск к Ильменю закончилось окружением города со всех сторон, для чего понадобилось частью сил перейти через замерзшее озеро.

Такое всестороннее окружение Новгорода, его тесная блокада в непосредственной близости от городских стен, осуществлялось впервые. В кампании 1169 г. суздальские войска, по-видимому, подошли к городу только с одной стороны. В зимней кампании 1386 г. Дмитрий Донской ограничился выходом на ближние подступы к городу с востока и угрозой его штурма.

В походах 1441 и 1456 гг. выход великокняжеских войск на дальние подступы к городу (Демон, Русса) приводил к окончанию кампании.

В кампании 1471 г. к таким результатам привел разгром новгородского ополчения на Шелони. Выход великокняжеских и псковских войск на ближние подступы к городу был следствием этого сражения и фактически не имел особого значения — новгородцы уже капитулировали.

Таким образом, до 1477 г. опыта боевых действий против самого города не было.

Осада города в кампании 1477 / 1478 гг. была решающим средством для достижения поставленной стратегической цели. Эту осаду можно рассматривать как пример операции на окружение большого укрепленного города с многочисленным населением и средствами обороны.

Отказ от штурма Новгорода отвечал здравым стратегическим соображениям. Штурм укрепленного города связан с большими потерями и значительным риском; овладение городом путем блокады является наименее рискованным вариантом — при условии, что нет реальной угрозы деблокады города извне. В январе 1477 г. попытка Карла Смелого овладеть Нанси закончилась, как известно, катастрофой. В кампании 1477 / 1478 г. не было оснований опасаться появления деблокирующих сил — новгородские силы были окружены в самом городе. Полуторамесячная осада и связанные с нею бедствия — голод и болезни — надломили дух обороняющихся, чему способствовало и отсутствие политической стабильности в новгородском обществе, раздираемом внутренними противоречиями.

Итак, кампания была выиграна почти без потерь — решающий политический результат был достигнут сравнительно малой кровью (для победителей).

Стратегия великокняжеского командования в кампании 1477 / 1478 гг. может быть признана целесообразной — она наилучшим образом отвечала достижению поставленной цели.

Действия новгородского руководства в кампании 1477 г. не отличались последовательностью. Встав на путь конфликта с великим князем в мае-июне, оно в самый конец войны, в конце сентября, внезапно запросило псковского посредничества. К войне с великим князем Новгород был, очевидно, не готов.

Стратегический план новгородского руководства существенно отличался от того, который был принят в 1471 г. Новгородские войска не защищали территорию своей земли, а концентрировались в самом городе, подобно тому, что было в 1386 г. Ставка делалась, очевидно, на упорную оборону самого города и на то, что великокняжеские вой-

ска в зимних условиях не смогут провести длительную осаду и удастся заключить договор на компромиссных началах. Однако эти расчеты оказались несостоятельными. В отличие от кампании 1386 г., войска не только подошли к Новгороду, но и взяли его в плотное кольцо, что привело к истощению сил защитников города и вынудило их к капитуляции.

Характер боевых действий определяется, прежде всего, спецификой конкретных политических задач. В 1386 / 1387 г. речь шла о выплате новгородцами контрибуции за разбои ушкуйников, в 1441 и 1456 гг. — о наказании за выступление против великого князя. В 1477 г. речь шла о полном, безоговорочном подчинении города власти великого князя. Если походы прежних князей, в том числе Донского, преследовали хоть и важные в конкретной ситуации, но по существу своему частные, тактические задачи, то поход Ивана III ставил задачи стратегического масштаба в рамках строительства единого государства.

Борьба Новгорода против всех сил Русской земли, объединенных под знаменами Москвы, не могла кончиться ничем иным, кроме поражения. В этих условиях главное командование великокняжеских войск умело использовало все свои преимущества и сравнительно недорогой ценой добилось решительного успеха.

Основной результат кампании 1477 / 1478 гг. — ликвидация потенциальной угрозы на северо-западном направлении со стороны сепаратистских кругов Великого Новгорода. События января 1478 г. создали новую политическую и стратегическую ситуацию в стране, уже превратившейся фактически в единое государство.

Походный дневник позволяет проследить основные моменты деятельности главого командования (ГК) в кампании 1477 / 1478 гг.

Первой задачей ГК, или, точнее верховного командования на уровне политического руководства явилась подготовка к кампании. Первые черты этой подготовки прослеживаются с начала июня, когда последовало распоряжение Пскову готовиться к походу на Новгород.

К началу октября подготовка была закончена, и 9 октября начался поход главных сил. На походе задачей ГК была организация движения колонн — назначение маршрутов и дневок. Особое значение имеют записи от 23 октября и 19 ноября, раскрывающие организацию войск и конкретные направления движения. Главной задачей Ставки стало формирование соединений (полков) и непосредственное оперативное руководство ими. В условиях действий на одном театре и близости

Ставки к войскам, в руках ГК соединялись функции стратегического и оперативного руководства. Конкретный план осады города был разработан в Ставке и воплотился в точные директивы о дислокации войск.

К числу важнейших задач ГК относилась организация снабжения войск. Это направление деятельности ГК отражено в источниках впервые.

В целом можно сказать, что кампания 1477 / 1478 гг. отражает новый, более высокий уровень организации ГК и руководства войсками в целом. Опыт, полученный в предшествующих кампаниях, учитывался, и деятельность военного ведомства развивалась. Разрядные записи, носившие прежде характер разовой, текущей документации, впервые включаются в ПД, становясь документом государственного значения.

1478 г.: восточный фронт. Поход на Казань

Одной из особенностей Новгородской кампании 1477 г. было сосредоточение на северо-западном направлении служилого ополчения почти всех русских уездов. Исключение составили Нижний Новгород и северные города — Вологда и Устюг. Отсутствие служилых людей из северных городов в составе войск, мобилизованных для Новгородского похода, может объясняться удаленностью их от театра военных действий, а также слабым развитием в них служилого землевладения. Но отсутствие нижегородцев вызвано, скорее всего, оставлением их на восточном направлении — на случай внезапного выступления Казани. Насколько основательны были опасения такого выступления? Ведь с Казанью в 1469 г. был заключен мирный договор, и все последующие годы отсутствуют известия о каких-либо конфликтах с ханом.

Рассказав о возвращении великого князя из новгородского похода в Москву и о том, как новгородский «колокол вечной вознесли на колоколницю на площади и с прочими колоколы звонити», что было символическим завершением борьбы за интеграцию Господина Великого Новгорода в состав Русского государства, Московская летопись сообщает: «Тое же зимы Казанской царь ходил на Вятку и много полону поимал, и секл, и грабил через роту свою, а грады дашася за него».[1]

[1] ПСРЛ. Т. 8. С. 199; Т. 12. С. 189; Т. 25. С. 323; Т. 26. С. 257.

Это сообщение по своему стилю отличается от известий ПД — оно не датировано и крайне лапидарно. Видимо, летописец сделал свою запись на основании краткой информации официального происхождения.

Сообщение заслуживает большого внимания. Мир с Казанью оказался непрочным, и хан Ибрагим (Обреим) ожидал только удобного случая для нападения на русские земли. Длительный поход русских войск во главе с самим великим князем на Новгород, т. е. отвлечение главных сил Русской земли на северо-западное направление, представлялся таким удобным случаем.

Несмотря на свою лапидарность, известие свидетельствует о больших масштабах похода казанцев. Самое важное здесь — «грады дашася за него». Какие-то русские города на северо-востоке оказались в руках хана.

Софийская II летопись приводит свой рассказ о нападении казанцев.

«Бысть же великому князю в Новегороде, прииде весть ложнаа в Казань, яко не взял князь великий Новогорода, и побили его новугородци, и сам — четверт убежа ранен. И посла царь рать свою казанский на Вятку. Потом царю прииде правые вести, что взял князь великий Новгород и наместники посажа, и посла царь казанскии, и веле скоро воем своим възвратитися. Они же слышавше толь скоро бежаша, елико варяху в котлех еству, все опрометаша».[1]

Рассказ явно неофициального происхождения, основанный на каких-то частных сведениях, может быть, на рассказах участников борьбы с нападением казанцев. Никаких дат рассказ не содержит.

Спасо-Прилуцкая летопись приводит свое сообщение: «Егда был князь великий в Новегороде, и прииде царь казанский на Вятку, и множество полону поимав людий по селом, а иных иссече, города же ни единого не взя, и множества Татар у него под городом избиена бысть от вятчан. Прииде же на Масляной неделе, и поиде прочь на четвертой неделе поста, много зла учинив христианом».[2]

В руках составителя Спасо-Прилуцкой был источник, который знал дату прихода татар — между 25 и 31 января, и их ухода — между 22 февраля и 1 марта. Нашествие длилось, таким образом, около месяца. Источник совсем по-другому, чем Московская летопись, оценивает

[1] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 285.

[2] Там же. Т. 28. С. 147, 312.

результаты набега — татары грабили и секли только по селам, а городами овладеть не могли и понесли большие потери. Источник Спасо-Прилуцкой летописи был, по-видимому, связан с Вятской землей, откуда и мог получить свою информацию.

Четвертый вариант рассказа о событиях содержит Устюжская летопись: «Царь Абраим Казанский приходил ратью на Вятку и волости повоевал, а города ни единого не взял. И пошел было на Устюг. И река Молома была водяна, нельзя ею идти. И шел один день и воротился. И на Устюг весть пришла, что царь идет ратью, и устюжане всю зиму сидели в осаде».[1]

Устюжское известие имеет в основном местное происхождение, хотя, возможно, связано частично с вятским источником, отразившимся и в Спасо-Прилуцкой летописи. Во всяком случае, он подтверждает, что ни одного города татарам взять не удалось. Представляет интерес, что хан пытался пройти к Устюгу по Моломе, но из-за вскрытия ее не смог этого сделать — реки служили удобными путями не только летом, но и зимой. Молома — правый приток Вятки. Хан, очевидно, пытался идти по Моломе на север, обходя Хлынов слева.

Итак, перед нами четыре известия о зимнем набеге казанских татар. Известия более или менее независимы друг от друга, т. е. восходят к разным первоисточникам. Для Московской летописи таким первоисточником была краткая официальная информация, для других — местные известия и рассказы очевидцев. Местные источники проявили бóльшую заинтересованность в событиях и бóльшую точность. Единственное противоречие в известиях — оценки результатов похода: вопреки официальной информации, местные источники утверждают, что городами овладеть не удалось. Представляется, что эта оценка более правдоподобна: взятие городов татарами не могло бы пройти незамеченным для местных источников и, по всей вероятности, отразилось бы в них.

Тем не менее, февральский поход был достаточно большим военным предприятием, и ущерб, причиненный им, был, надо полагать, немалым — грабежи и опустошение земель продолжались целый месяц, а угроза была настолько серьезной, что Устюг всю зиму был на осадном положении. О реальности угрозы косвенно свидетельствует распоряжение великого князя устюжскому наместнику Петру

---

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 48, 94.

Федоровичу Челяднину: «Велел ставити город Устюг новый, а старой розвалити».[1]

Таким образом, сосредоточение главных сил русского войска на северо-западном направлении спровоцировало казанского хана на крупное военное предприятие — фактически на разрыв мирного договора 1469 г. Успехов стратегического масштаба царь Абреим не достиг, но удар, им нанесенный, был чувствителен. Оборона на северо-восточном направлении оказалась слаба, а угроза со стороны Казани — реальной.

По-видимому, это и привело к решению о новом походе на Казань.

«Тое же весны князь великий отпустил рать судовую на Казань, воевода большей Василий Федорович Образец. А из Новагорода (Нижнего. — *Ю. А.*) пошли под Казань Мая 26, вторник».[2]

Никаких дальнейших сведений об этом походе Московская летопись не содержит. Этого известия нет ни в Никоновской, ни в Вологодско-Пермской, ни в Устюжской летописях.

Софийская II приводит другую редакцию этого известия: «В лето 6986. Посла князь великы рать свою на Казань, воевод Василья Образца в судех да Бориса Слепца. И посла царь казанский с челобитьем к великому князю, князь же великий пожаловал его».[3]

Наиболее подробный рассказ содержится в Типографской летописи.

«Посла князь великий воевод своих Семиона Ивановича да Василия Федоровича Образца и с ними множество воинства в судех, к Казани. Они же плениша землю их по Волзе, множество изсекоша, а иных плениша. И приведша ко граду начаша стреляти. Бысть буря сильна и дождь, и нелзе приступити ко граду, они же въспятишася и сташа на Волзе. А Вятчане же и Устюжане плениша по Каме множество безчисленое изсекоша, а иных в полон поимаша. Царь же посла с челобитьем к великому князю и умиришася, яко же угодно бысть великому князю».[4]

Такое же известие — в летописях Спасо-Прилуцкой, Уваровской и Воскресенской[5] (без имени воеводы Семена Ивановича).

Перед нами две основные версии о весеннем походе 1478 г. Версия Московской летописи носит незавершенный характер — по каким-то

---

[1] Там же. Т. 37 С. 48, 94.

[2] Там же. Т. 25. С. 323.

[3] Там же. Т. 6. Ч. 2. Стб. 286.

[4] Там же. Т. 24. С. 196–197

[5] Там же. Т. 8. С. 199–200; Т. 28. С. 147–148, 312.

причинам официальный рассказ о походе прерван в самом начале. Этого рассказа не было в распоряжении и составителя Никоновской летописи — наиболее официального свода XVI в. Краткое известие могло быть основано на каких-то официальных источниках. Известие Типографской летописи основано, по-видимому, на рассказах участников похода, возможно также на местных — вятских и устюжских известиях, но содержит концовку официального характера.

Поход 1478 г. освещен в наших источниках достаточно противоречиво, и ход событий можно представить себе только в самых общих чертах.

Поход судовой рати по Волге сопровождается, по-видимому, аналогичным походом по Каме, но уверенности в этом нет, так как устюжский летописец не пишет об этом ни слова, а только сообщает о самовольном походе устюжан-«шильников» на Емгую.[1] Однако в пользу версии об участии устюжан в походе 1478 г. на Казань говорит упоминание в Софийской II имени Бориса Слепца (Тютчева), известного своими связями с Устюгом.

Трудно решить вопрос о воеводах. Кто такой Семен Иванович, неизвестно; если бы это был Ряполовский, он был бы назван князем. Наиболее достоверно известие о Василии Федоровиче Образце как «большем воеводе», т. е. первом воеводе Большого полка. Борис Слепец (Тютчев) стоял, возможно, во главе устюжской судовой рати.

В дошедших до нас разрядах поход 1478 г. не сохранился.

Тем не менее, важное значение похода несомненно. Поход носил карательный характер — расплату за зимнее нападение на Вятку. Судовые рати еще раз проявили свои боевые возможности — разорение земель по Волге и Каме заставило хана просить мира.

Конфликт с Казанью был на какое-то время улажен, но февральский набег на Вятскую землю показал, насколько ненадежен мир с Казанью и насколько опасно восточное стратегическое направление.

Казань снова стала объектом пристального внимания. Об этом свидетельствует запись в недошедших до нас казанских посольских книгах, отразившаяся в Разрядной книге 1598 г.

«В лето 6990-го Июля в 16 день в казанских книгах в посольствах написано: "В Нижнем Новегороде стояли воеводы от великого князя Ивана беречь от Алегама царя..."». В тех же книгах написано: «Лета

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 94.

6987 сентября в... день. От великого князя Ивана Васильевича на Вятку воеводам моим Василью Федоровичю Сабурову да Василью Федоровичю Образцу, да князю Семену Ивановичю. Что от меня учнет вам говорити Петр Михайлович, и вы бы ему верили».[1]

В своей первой части эта запись свидетельствует о существовании не дошедших до нас казанских посольских книг, говорит о сосредоточении войск на казанском направлении с оборонительной целью летом 1482 г., — о чем нет известий ни в каких других источниках. В своей второй части запись непосредственно связана с событиями 1478 г.

Осенью 1478 г. на Вятке стояли воеводы, участвовавшие, по летописным данным, в весеннем походе. С речами великого князя к ним послан Петр Михайлович (очевидно, Плещеев), и едва ли не впервые в источнике приведена точная формулировка великокняжеского послания воеводам.

Угроза со стороны Казани сохраняла свое реальное значение и была одним из факторов, определявших стратегическое положение Русской земли.

* * *

Походы 70-х гг. продемонстрировали дальнейшее развитие тех черт военной организации, которые проявились в походах предыдущего десятилетия.

Главная из этих черт — двухступенчатая система руководства войсками. Институт главного командования (ГК) во всех случаях играет определяющую роль.

В кампании 1471 г. ГК разрабатывает план операций на нескольких операционных направлениях. На главном — новгородском — оно осуществляет реальное оперативно-стратегическое руководство, обеспечивает взаимодействие великокняжеских войск и псковского земского ополчения.

В кампании 1472 г. ГК разрабатывает и осуществляет план стратегической обороны на широком фронте и добивается победы над грозным противником, не понеся существенных потерь.

[1] РК-98. С. 19–20.

В походе 1477 / 1478 г. осуществляется план наступательной операции с блокадой основного политического центра противника, что приводит к его капитуляции без существенных боевых потерь.

Во всех этих кампаниях прослеживаются достаточно определенные черты «стратегического почерка»:

— тщательная подготовка и разработка основной идеи кампании;

— правильное определение основной цели кампании;

— стремление к сосредоточению сил на важных направлениях, пренебрегая второстепенными;

— предоставление известной самостоятельности частным начальникам, действующим в рамках директивы ГК;

— связь с ними и коррекция их действий через специальных посланцев Ставки.

Свои функции ГК осуществляет, используя определенный аппарат управления, документальные следы деятельности которого прослеживаются в разрядных записях (РЗ), впервые четко обозначенных в походном дневнике (ПД) кампании 1477 г.

Тактическое руководство по-прежнему остается в руках полковых воевод.

Несмотря на отдельные промахи и ошибки (гибель Алексина в 1472 г.), действия ГК заслуживают высокой оценки, и двухступенчатая система управления и командования войсками в кампаниях 70-х гг. себя полностью оправдала.

Глава 3
Кампании 80-х гг.

Победа на Угре

События 1480 г. отразились во всех русских летописях. Кроме основного официального летописного рассказа, до нас дошли отдельные записи документального характера, отличающиеся по существу (и, вероятно, по происхождению) от нарративных летописных текстов. Эти записи вошли и в официозную великокняжескую летопись, и в Вологодско-Пермскую летопись, и во Владимирский летописец. Не-

смотря на свою неполноту и фрагментарность, эти записи представляют особую ценность — именно они дают наиболее надежную опору для попыток реконструкции хода событий на главном, южном стратегическом направлении. Источником этих фрагментов могли быть, в частности, разрядные записи и записи походного дневника великого князя (по примеру записей 1477 г.), которые в полном виде до нас не дошли.

Комплекс наших источников позволяет проследить основные моменты кампании 1480 г. и дает возможность для анализа и оценки.

Кампания 1480 г. в военно-историческом плане изучена мало. При исследовании событий 1480 г. основное внимание обращалось, как правило, на их политическую составляющую.[1]

Единственное в дореволюционной историографии исследование, специально посвященное событиям на Угре,[2] принадлежит перу А. Е. Преснякова. В отличие от своих предшественников, он анализирует не только источники, но и ход событий, рассматривая их в широком историческом контексте. А. Е. Пресняков подчеркивает высокий уровень русского руководства, видя в этом одну из причин победы на Угре.

В советской историографии события 1480 г. были наиболее обстоятельно исследованы К. В. Базилевичем. В анализе летописного материала он развивает идеи Г. Ф. Карпова и А. Е. Преснякова. Изложение хода событий 1480 г. К. В. Базилевич сопровождает анализом стратегии и тактики русских войск, что придает его исследованию военно-исторический характер. На основе этого анализа он приходит к выводу о продуманности и целесообразности действий русского командования.[3]

О высоком уровне русского военно-политического руководства в событиях 1480 г. пишет в своей интересной, но, к сожалению, не опубликованной диссертации П. Н. Павлов.[4]

---

[1] Краткий обзор историографии см.: *Шанский Д. Н.* Стояние на Угре. Некоторые итоги и задачи изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 115–123. См. также: *Алексеев Ю. Г* Освобождение Руси от ордынского ига. М., 1989. С. 45–64.

[2] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 280–298.

[3] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 102–169.

[4] *Павлов П. Н.* Освобождение Руси от татарского ига. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1951.

События 1480 г. не привлекли внимания видного советского военного историка Е. А. Разина. В своем обширном курсе истории военного искусства он счел достаточным уделить этим событиям всего несколько строк[1] и не включил победу на Угре в хронологическую таблицу важных событий военной истории.

Другой военный историк, А. А. Строков, посвятил событиям на Угре один абзац. Собственно боевые действия в кампании 1480 г. он не рассматривает, подчеркивая значение набега Менгли на владения Казимира IV и безоговорочно принимая версию о нападении русской судовой рати на улусы Большой Орды.[2]

В своей работе, вышедшей в свет в 1989 г., я сделал попытку исследования некоторых вопросов, связанных с победой на Угре, отметив наиболее важные, как мне представляется, моменты кампании 1480 г.[3]

В последние годы события 1480 г. были затронуты в трудах Н. С. Борисова,[4] А. А. Горского[5] и В. В. Каргалова. В отличие от первых двух авторов, которые событий на Угре касаются только вскользь, В. В. Каргалов[6] подвергает эти события тщательному и содержательному изучению. Он рассматривает «Стояние на Угре» как выдающееся военно-историческое событие и заслуженно высоко оценивает деятельность главного командования русских войск в лице великого князя Ивана Васильевича.

* * *

Основным итогом внутренней и внешней политики Ивана III к концу 70-х гг. XV в. были победа над новгородским боярством и ограничение самостоятельности удельных князей Московского дома (что отразилось в докончаниях 1473 г.).

---

[1] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957. С. 301.

[2] *Строков А. А.* История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общества. М., 1955. С. 366.

[3] *Алексеев Ю. Г* Освобождение Руси от ордынского ига. М., 1989.

[4] *Борисов Н. А.* Иван III. М., 2000.

[5] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.

[6] *Каргалов В. В.* На границах Руси стоять крепко! М., 1998 (далее — Каргалов).

Однако достигнутые успехи не были достаточно прочными. В Новгороде, несмотря на безоговорочное признание власти великого князя, далеко не были преодолены сепаратистские тенденции в среде мощного боярства, сохранившего свои земельные богатства. Удельные князья, хотя и заключившие соответствующие докончания с великим князем, отнюдь не были удовлетворены снижением своего политического статуса.

Оба эти фактора делали внутреннее положение складывающегося единого государства недостаточно устойчивым и потенциально чреватым серьезными конфликтами.

Внешнеполитическое положение также не было достаточно прочным. На южном стратегическом направлении существовала реальная угроза повторного нашествия хана Ахмата после его поражения в 1472 г. на Оке.

На северо-западном направлении сохранялась угроза возобновления конфликта с Орденом, срок перемирия с которым («Данильев мир») близился к концу.

На западном направлении отношения с королем Казимиром не только не стабилизировались, но и ухудшились в связи с притязаниями короля на Новгород и Псков. Опасность этих притязаний возрастала в связи с сепаратистскими настроениями новгородского боярства.

На восточном направлении сохранялась относительная стабильность после похода на Казань в 1478 г., но степень этой стабильности нельзя было преувеличивать.

Таким образом, к концу 70-х гг., несмотря на достигнутые успехи, Русское государство стояло перед лицом серьезных военно-политических проблем. Осень-зима 1479/1480 г. обозначили начало открытого кризиса.

Как сообщает официозная Московская летопись, 26 октября 1479 г., во вторник, «князь великий Иван Васильевич поиде к Новугороду Великому».[1] Причина «похода», как впоследствии выяснилось, — раскрытие заговора новгородского боярства во главе с архиепископом Феофилом. Феофил был взят под стражу и отправлен в Москву.[2] Эти события показали, насколько непрочным было подчинение новгородских бояр власти великого князя, которую они формально признали в 1478 г.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[2] Там же. Т. 24. С. 197.

Во время пребывания великого князя в Новгороде произошло и другое важное событие.

По данным Псковской летописи, 1 января 1480 г. «пригони изгоном немцы на хрестном целовании местеровы люди да арцбыскупли, да Вышегородок взяли».[1]

О масштабах нападения можно судить по словам псковского летописца: немцы сожгли городскую стену и церковь Бориса и Глеба, «а мужей и жен и деток малых мечи иссекли».[2]

Впервые за 17 лет Псковская земля стала объектом крупного нападения орденских войск. Серьезность положения вызвала обращение псковичей к великому князю в Новгород: «силы просити на немцы» 11 февраля в Псков прибыли посланные великим князем московские войска во главе с воеводой князем Андреем Никитичем Оболенским. В Пскове и его пригородах и волостях в это время шли мобилизация и сосредоточение войск в районе Изборска для ответного удара по орденским владениям. Пробыв три дня в Пскове, московские войска вместе с псковичами выступили в поход. Уничтожив после трехдневной осады немецкое укрепление («костер») Омовжу на берегу Чудского озера, русские войска подошли к Юрьеву и, простояв под ним один день, повернули обратно с полоном, «добытком» и трофеями.[3] 20 февраля войска уже вернулись в Псков.

Расстояние от Пскова до Изборска — ок. 30 км, от Изборска до Юрьева — ок. 100 км. Выступив из Пскова 14 февраля (как утверждает летопись) и вернувшись в него 20-го, русские войска вынуждены были, за вычетом четырех дней стояния под крепостями, пройти за два дня 160 км, что, разумеется, совершенно нереально. По-видимому, дата прибытия войск князя Андрея Оболенского указана неверно — скорее всего, они прибыли во Псков не 11-го, а, например, 1 февраля (дата могла быть легко перепутана переписчиком).[4] Тогда поход в Ливонию приобретает реальные черты — он длился не 6, а 16 дней, и войска прошли 160 км за 12 дней, что вполне возможно.

---

[1] ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 218.

[2] Там же. С. 219.

[3] Там же.

[4] В пользу такого предположения говорит и то, что великий князь послал войска во Псков, очевидно, до того, как узнал о мятеже братьев, т. е. до конца января.

Короткий удар русских войск по орденским землям носил характер успешной карательной экспедиции, и сам по себе не мог привести к каким-либо существенным военно-политическим результатам. Как показывает опыт предыдущих десятилетий, только пребывание в Пскове достаточно крупных сил русских войск, готовых к выступлению, могло служить надежной гарантией миролюбия со стороны орденских властей. Именно так было во время конфликтов 1460, 1463 и 1473 гг. Однако на этот раз московский воевода не только прервал успешный поход и вернулся в Псков, но и оттуда, «три ночи ночовав, да прочь поехал и своим войском на Москву». Напрасно псковичи слали ему вдогонку своих посадников «бити челом... чтобы воротился взад к Пскову». Послы «нагнали» его уже под Порховом, но он «не приаша псковского челобитья». Впервые за 20 лет своего союза с Москвой Псков оказался предоставленным собственным силам, лицом к лицу с нарастающей орденской агрессией. Уже 25 февраля нападению крупных сил немцев подвергся Изборск. Война с Орденом разгоралась.

Причину быстрого ухода московских войск из города, который находился под угрозой вражеского нашествия и который они должны были оборонять, и их форсированного марша по Псковской земле в сторону Москвы следует искать в другом крупном событии, происшедшем в те же январско-февральские недели и резко изменившем всю внутри- и внешнеполитическую ситуацию. Об этом событии московский официоз сообщает в лаконичной форме: «Тое же зимы братия князя великого, князь Андрей Большой да князь Борис, отступиша от великого князя, а княгини свои отпустиша в Ржеву».[1] Начался княжеский мятеж.

Итак, к февралю 1480 г. политическое положение Русского государства рисуется следующим образом. В Новгороде вскрыта «коромола» в верхах, имеющая достаточно глубокие корни и серьезное внутри- и внешнеполитическое значение. На северо-западном рубеже развертывается большая война с Орденом, носящая характер отражения нарастающей немецкой агрессии. В центре страны впервые за 30 лет начинается мятеж удельных князей Московского дома. Активизация внутренней реакции, всех сил, прямо или косвенно направленных против политики централизации, впервые совпадает по времени с резким обострением внешней опасности. Каждое из этих явлений само

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

по себе представляло серьезную угрозу Русскому государству, а в совокупности они ставили Русскую землю перед лицом наиболее опасной ситуации со времен межкняжеской войны 30—40-х гг. XV в.

В этой критической ситуации от политического руководства Русского государства зависело весьма многое. Необходимы были верная и быстрая оценка обстановки, своевременное принятие целесообразных решений и твердая воля в их осуществлении. Решающее значение имели, как и во всех подобных ситуациях, когда на карту поставлено будущее целого народа, степень общественной поддержки, наличие определенной морально-политической базы, которая одна и могла обеспечить успешность проведения тех или иных правительственных мер.

В эти дни военно-политическое руководство страны (т. е. фактически, великий князь) стояло перед лицом важнейших проблем стратегического масштаба.

Если агрессия со стороны Ордена угрожала северо-западным рубежам страны, то княжеский мятеж грозил охватить центральные районы государства и ставил под удар всю политическую систему Руси. Это делает понятным и оправданным решение отозвать войска с театра Ливонской войны и сосредоточить все внимание на локализации мятежа удельных князей, предоставив на время оборону Псковской земли ее собственным силам. С февраля 1480 г. начинается новый этап политического кризиса. Центральным событием этого этапа становится борьба с феодальным мятежом.

Поход князя Бориса от Волока к Угличу — первый акт открытого мятежа. Отправка княгинь и детей в Ржеву указывает на опасения и намерения мятежного князя: Волок слишком близок к Москве и не годится ни в качестве базы для дальнейших действий, ни в качестве убежища для семьи Бориса.

От Углича до Ржевы ок. 200 км. Такое расстояние могло быть пройдено войском и обозом за 10 дней. Следовательно, силы мятежных князей могли сосредоточиться в Ржеве в начале 20-х чисел февраля.

Поднимая мятеж, князья, видимо, не рассчитывают на какую-либо поддержку со стороны населения Московской земли — они явно тянутся к окраинам государства, еще недостаточно крепко связанным с центром, ориентируются не на коренные русские земли, а на порубежные районы, откуда легче бежать за рубеж в случае неудачи мятежа.

Несмотря на отсутствие широкой социальной базы, мятеж Бориса и Андрея представляет собой существенную опасность для нового

государства. Сам факт мятежа ослабляет Русскую землю перед лицом внешних врагов, отвлекая материальные и моральные силы от решения важнейших задач строительства и обороны нового государства. Движение мятежных князей от Углича к Ржеве «через Тверскую отчину» грозило осложнениями с тверским великим князем, ненадежным союзником Москвы.

Еще более опасным представляется движение мятежников в сторону Новгорода, Пскова и Литвы. Нельзя исключать возможность намерения мятежников вступить в непосредственный контакт с новгородской боярской оппозицией, связанной на данном этапе с архиепископом Феофилом. Андрей и Борис могли еще не знать о раскрытии «коромолы» Феофила и надеяться на поддержку со стороны новгородских сепаратистов. Как и во времена княжеской войны 30–50-х гг., Новгород служил центром притяжения антимосковских сил. При активной поддержке новгородских сепаратистов феодальный мятеж мог перерасти в феодальную войну с потенциальной угрозой литовской интервенции в условиях уже идущей войны с Орденом. В любом случае, мятеж князей ослаблял внутренние и внешние силы Русской земли. Отсюда стремление великого князя добиться мирного разрешения конфликта, склонить мятежников к соглашению. С февраля по апрель к мятежным князьям одно за другим отправляются три посольства, тщетно пытаясь склонить мятежников к миру.

Убедившись, что путь на Новгород закрыт, мятежные князья «...поидоша к литовскому рубежу и, пришедше, сташа в Луках, а х королю послали, чтобы их управил в их обидах с великим князем и помогал».[1] Захват Великих Лук и обращение к королю — высшая точка феодального мятежа 1480 г.

Идя по Русской земле, отряды князей Андрея и Бориса, по свидетельству псковского летописца, «грабиша и плениша, токмо мечи не секоша». Захват же ими Великих Лук был настоящим бедствием для населения: «...а Луки без останка опустьша, и бе видети многым плач и рыдание».[2]

Обращение мятежных князей к королю, «чтобы их управил в их обидах с великим князем и помогал», было, по существу, актом прямой государственной измены и открытым призывом к польско-литовской

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 199.
[2] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 220.

интервенции. Пребывание мятежников в захваченных ими Великих Луках, на самом литовском рубеже, создавало реальную возможность соединения их отрядов с польско-литовскими войсками.

Особенность феодального мятежа заключалась в том, что он развертывался на фоне войны, идущей на северо-западных рубежах страны, и поэтому не может рассматриваться изолированно от событий этой войны. Отход от Пскова войск князя Андрея Оболенского привел к резкому ухудшению стратегической ситуации на этом направлении. После нападения магистра 25 февраля на Изборск и сожжения изборских волостей (сам город устоял) орденские войска двинулись к самому Пскову, «жгучи и палячи Псковьскую волость, а в Псковь видети дым и огнь».[1] По словам Псковской II летописи, «не дошед за 10 верстъ, сташа станы вся сила немецкаа, и възъгнетуша и нощь многыя огни, хупущеся и скрьжещюще зубы на дом святыа Троица и на град Псковъ».[2] Опасность, нависшая над городом и его округой, была, по-видимому, действительно серьезной — во главе вражеских войск стоял, по псковским сведениям, сам магистр. Положение усугублялось недостаточностью руководства со стороны князя-наместника, не пользовавшегося у псковичей авторитетом. Так, по словам Псковской II летописи, Василий Васильевич Шуйский был «князь не войскыи, грубый, токмо прилежаше многому питию и граблению, а о граде не внимаше ни мала и много Пскову грубости учини».[3] Тем не менее, при подходе немцев к Пскову князь выступил в поход во главе псковского ополчения: «...князь, и посадники, и все псковичи... вседше скоро на конь». О характере ополчения красноречиво пишет далее та же Псковская II летопись: «...ови в доспесех, а инии нази, токмо в кого что угодилося, или копие, или оружие, или щит, ови на конех, ови пеши». Ополчение носило, видимо, тотальный характер — на защиту города встали все, кто только мог носить оружие. Выступив из Пскова, ополчение вышло к Устьям, где встретилось с войсками магистра. По словам Псковской II летописи, главные силы сторон стояли друг против друга целый день, не начиная сражения, однако сторожевой полк немцев изрубил псковскую пешую рать, убив 300 человек. «А доспешная рать на конех того не видеша», что, конечно.

[1] ПСРЛ. С. 52.

[2] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 52.

[3] Там же.

свидетельствует о плохой организации командования псковскими войсками и подтверждает нелестную характеристику князя.[1] Ночью магистр отступил, но «князь псковьскый Василей Шюйский и посадники не въсхотеша гнатися въследъ, но възвратишася в домы своя».[2]

В этой пассивности опять можно видеть слабость командования, в первую очередь самого князя. По данным Псковской III летописи, этот бой произошел 1 марта на Пецкой губе.[3] Отказ псковской рати от решительного сражения с войсками Ордена и от преследования их дал магистру возможность продолжать активные действия против псковских пригородов. Следующим объектом нападения стал новый городок Кобылий, в 50 км к северу от Пскова на берегу Чудского озера. По словам Псковской II летописи, немцы подошли к городу вечером 4 марта, а на рассвете 5 марта начали артиллерийский обстрел и подготовку к штурму. Город был взят и сожжен, его жители истреблены и частично взяты в плен. В числе тех, которых немцы «живых поимавше, с собою сведоша, немилостивно извязавше», оказался посадник Макарий.[4] По данным Псковской III летописи, общее число погибших доходило до 4 тыс. человек.[5] Хотя эти данные, вероятно, преувеличены (летописец не настаивает на них, приводя их как слух — «друзии сказуют»), взятие и разрушение города на Псковской земле свидетельствует о размахе орденской агрессии.[6] Итак, на северо-западном рубеже страны идет большая война.

Путешествие очередного, третьего, великокняжеского посольства длилось более трех недель: «...бе бо весна и путь истомен вельми» (они прибыли на Луки только «в субботу пятьдесятную», т. е. 20 мая).[7] К этому времени, по-видимому, князья Андрей и Борис уже получили ответ от короля на свое «челобитье».

---

[1] Там же. С. 220.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 220–221.

[4] Там же. С. 59.

[5] Там же. С. 221.

[6] Из ливонских источников известно, что магистр фон дер Борх вел переговоры с рядом имперских городов с целью привлечения их к войне против Русского государства. От Любека ливонские послы просили 2 тыс. воинов. Речь шла и о торговой блокаде Русской земли. См.: Базилевич. С. 132; Казакова. С. 159.

[7] ПСРЛ. Т. 24. С. 198. По данным Софийской летописи, «в неделю 50-ю» (т. е. 21 мая). См.: Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 290.

По словам летописи, Казимир «им отмолвил, а княгиням их дал на избылище город Витебск».[1] Казимир, таким образом, занял осторожную позицию. Он остался верен своей общей тактической линии: не воевать самому, не вступать до поры до времени в крупный, рискованный конфликт с сильным и опасным соседом, но всячески ослаблять его, поддерживать центробежные, антимосковские тенденции, помогать всем врагам великого князя, выжидая благоприятное время. И весной 1480 г. на соблазнительное, но слишком прямолинейное предложение начать интервенцию — войну против Русского государства — король отвечает двойственно: войны не начинает, прямо в конфликт не ввязывается, но поддерживает мятежников морально и материально, обеспечивая их тылы.[2] Фактическая поддержка короля, видимо, ободрила мятежников — предложения о мире снова были отклонены.[3]

Неудача третьего посольства приводит к разрыву переговоров с мятежниками: «...князь же великий оправдася перед ними и положи на Бозе упование».[4]

Основной итог второго периода политического кризиса 1480 г. — с февраля по май — был в общем благоприятным для Русского государства. Феодальный мятеж не перерос в феодальную войну, не вызвал политического раскола Русской земли на два враждебных лагеря. Несмотря на то, что мятеж продолжался, отчетливо обозначилась ограниченность социально-политической базы мятежников, которым не удалось найти сколько-нибудь влиятельных и верных союзников. Кроме воздействия объективных факторов, в этом нельзя не видеть успеха политической линии на локализацию мятежа, взятой великим князем.

Тем не менее, к началу лета общее политическое положение оставалось весьма напряженным. Княжеский мятеж продолжался, сохранялась опасность литовской интервенции. Орден не прекращал агрессии, накапливая силы для решительного наступления на русские

---

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 198; Т. 20. Ч. 1. С. 337.

[2] Базилевич. С. 129–130.

[3] По словам Московской летописи, мятежные князья «высок мыслиша и отпустиша архиепископа и бояр... ни с чем» (ПСРЛ. Т. 25. С. 326). Вологодско-Пермская летопись отмечает: «И князья того же послушав, на вотчины свои не пошли...» (Там же. Т. 26. С. 263).

[4] Там же. Т. 25. С. 326.

земли. Но главный враг надвигался с юга. Весной 1480 г. над Русской землей нависла грозная тень нашествия орды Ахмата.

После отражения нашествия 1472 г. отношения великого князя с Ахматом оставались достаточно напряженными. Обмен послами продолжался, но реального соглашения достигнуто не было. Есть основания считать, что выплата традиционного «выхода», дани, прекратилась — на это указывает прямое свидетельство Вологодско-Пермской летописи.[1] В предвидении неизбежности дальнейшего обострения отношений с Ордой, одной из главнейших задач внешней политики Русского государства было заключение союзного договора с Крымом (хан Менгли-Гирей) — в противовес намечавшемуся союзу короля Казимира с ханом Ахматом. Переговоры о союзе начались в 1474 г. (посольство Никиты Васильевича Беклемишева) и продолжались несколько лет.

Очередное русское посольство во главе с князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским отправилось в Крым 16 апреля 1480 г. Оно имело полномочия заключить двусторонний оборонительный договор против Ахмата и оборонительно-наступательный односторонний договор против Казимира.

«А учинится тамо весть князю Ивану Звенцу, что Ахмат царь на сей стороне Волги, а покочюет под Русь, и хотя ярлыка еще не даст Менгли-Гирей царь, ино князю Ивану о том говорити царю Менгли-Гирею, чтобы... на Ахмата царя пошол или брата своего отпустил с своими людми... а не пойдет Менгли-Гирей царь и брата с людми не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошол или брата отпустил с людми». Если же «будет Ахмат царь за Волгою», посол не должен делать такого заявления.[2]

Приведенное положение имеет принципиально важное значение для конкретной характеристики политической обстановки весной 1480 г. До Москвы дошли слухи о готовящемся нападении Ахмата, но еще не было точных и надежных сведений о его местонахождении и намерениях. Тем не менее, исходя из конкретной ситуации, в Москве считали вторжение Ахмата вполне реальной и близкой опасностью. Именно поэтому посол должен был потребовать от Менгли немедленной помощи против Ахмата в случае его приближения к русским границам, не дожидаясь формального заключения союзного договора.

---

[1] Там же. Т. 26. С. 265.

[2] Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 19–20.

Как видим, помощь эта мыслилась в двух возможных вариантах — выступление Крыма против самой Орды или против Казимира. В апреле 1480 г. великий князь отдавал себе полный отчет в серьезности сложившейся ситуации.

Несмотря на колебания Менгли между польско-литовской и московской ориентацией, весной 1480 г. военно-политический союз между Крымом и Москвой был заключен,[1] что являлось, без сомнения, крупным успехом русской дипломатии. Однако реальное значение союза с Крымом отнюдь не следует переоценивать. Во-первых, Менгли, только что вернувшийся к власти, еще не прочно сидел на своем престоле. Во-вторых, как вассал султана он должен был сообразовывать свои действия с политическими видами Порты. В-третьих, заинтересованный в поражении своего врага Ахмата, он не имел оснований желать чрезмерного усиления Русского государства. В-четвертых, он сохранял достаточно тесные связи с Польшей и Литвой — своими ближайшими соседями.[2] В силу всех этих факторов, союз с Менгли сам по себе не может рассматриваться как достаточная гарантия его активного выступления против врагов Русского государства. Союз с Менгли не мог быть (и не был) решающим фактором в борьбе с Ахматом.

Таким образом, к весне 1480 г. оформились обе коалиции: союз Москвы с Крымом и союз Орды с Казимиром Литовским. Дипломатическая подготовка к большой войне была в основных чертах завершена. Общая военно-политическая обстановка складывалась в это время невыгодно для Русского государства. По своим материальным и политическим возможностям союзник Ахмата Казимир Литовский намного превосходил крымского хана, союзника Москвы. Еще более неблагоприятными факторами были война с Орденом и мятеж удельных князей. Поэтому следует признать, что момент решительного выступления против Русского государства был выбран Ахматом весь-

[1] См.: Базилевич. С. 116–118.

[2] Ведя переговоры с Русским государством, Менгли одновременно пытался договориться о союзе с Казимиром. Об этом свидетельствует, например, посольство Азии-Бабы к королю в 1479–1480 гг. Крымский посол принес присягу «у брадстве и у приязни з великим королем Польским и великим князем Литовским» и должен был заключить договор на началах: «кто будет цару неприятель, то и великому королю неприятель; а кто великому королю неприятель, то тот и цару неприятель» (РИБ. Т. 27. Стб. 329–330).

ма удачно. Его нашествие летом 1480 г. действительно ставило Русскую землю в чрезвычайно тяжелое и опасное положение.

Рассказ Московской летописи о переговорах с мятежными князьями прерывается тревожной фразой: «И в то же время слышашеся о нахожении на Русь безбожного царя Ахмута Болшие Орды».[1]

Известие о начале самого похода отнесено Московской и Симеоновской летописями к началу лета 1480 г. и помещено после сообщения о смерти Коломенского епископа Никиты, последовавшей в мае. Само известие состоит из двух частей. В первой части в обобщенно-публицистической форме сообщается о самом нашествии: «Того же лета злоименитыи царь Ахмат Болшие Орды поиде на православное христианство, на Русь, святые церкви и на великого князя». Московская летопись добавляет к этому слова: «...по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса».[2] Дальнейшее содержание этой части известия сводится к четырем основным положениям. Во-первых, излагаются цели похода Ахмата: он «похвалялся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же и при Батыи беше».[3] В отличие от Симеоновской летописи, Московская летопись снова подчеркивает роль мятежных князей: «...а слышав, что братия отступиша от великого князя».[4] Во-вторых, констатируется факт союза Ахмата с Казимиром: «А король с царем съединачилися, и послы королевы тогда у царя беша».[5] Это общее положение конкретизируется: «...и совет учиниша прийти на великого князя царю от себе Полем, а королю от себе». В-третьих, говорится о составе сил Ахмата: «А с царем вся орда, и братаничь его царь Касым, да шесть сыновей царевых и бещисленные множество татар с ними». В-четвертых, оценивается характер действий Ахмата: «И поиде... тихо велми, ожидая короля с собою». Далее следует конкретизация: «...уже бо пошед, и послов его отпусти к нему, да и своего посла с ними».[6]

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[2] Там же. С. 327.

[3] Там же. Т. 18. С. 267.

[4] Там же. Т. 25. С. 327.

[5] Там же. Т. 18. С. 267. Московская летопись формулирует это положение иначе: «...послы царевы у короля беша» (Там же. Т. 25. С. 327).

[6] Там же. Т. 18. С. 267; Т. 25. С. 327 Отсюда вытекают ошибочность, а следовательно, и вторичность сообщения Московской летописи о пребывании «царевых» послов у короля, а не наоборот.

Московская и Симеоновская летописи, очевидно, приводят две редакции одного и того же известия, носящего официозный характер. Главное отличие редакции Московской летописи — настойчивое подчеркивание роли мятежа удельных князей в связи с походом Ахмата. Основное содержание известия — констатация серьезной угрозы, нависшей над Русской землей. Широковещательные цели похода Ахмата, подчеркиваемые летописным известием, не имеют аналогии в летописных сообщениях о предыдущих ордынских ратях.

За 100 лет, прошедших после Куликовской битвы, в летописях только один раз упоминается имя Батыя: по словам Софийско-Львовской летописи, Тимур Аксак в 1395 г. хотел, «аки второй Батый, разорити христианство». В представлении автора летописного известия о походе Ахмата, последний, таким образом, ставится на одну доску не только с Батыем, но и с Тимуром.

Вторая часть рассказа о начале нашествия раскрывает ответные меры великого князя. «Слышав то», великий князь «нача отпускати к Оце на Брег своих воевод с силою». Князя Андрея Меньшого он «отпустил в его отчину в Тарусу противу же им». Далее рассказ приводит первую точную дату: «И потом сына своего великого князя Ивана Ивановича отпусти к Оце же на Брег в Серпухов месяца июня в 8 день». При этом подчеркивается большое количество сил, отправленных с молодым великим князем: «...многие воеводы и воинство бесчисленно».

Таким образом, выдвижение русских войск на оборонительный рубеж Оки началось до 8 июня, в последних числах мая и первых числах июня. Именно к этому времени относится реальное начало борьбы с нашествием Ахмата.

Типографская летопись после рассказа о неудаче третьего московского посольства к мятежным князьям сообщает: «В то бо время славяще царя нашествие иноплеменных». «То время» — конец мая, если известия летописи расположены (как обычно) в строго хронологическом порядке. Далее рассказывается в общей форме, что великий князь «отпусти воевод своих к Берегу противу татаром». В отличие от московско-симеоновского рассказа, Типографская летопись сообщает конкретный факт, связанный с началом нашествия: «Татарове же пришедше плениша Беспуту и отъидоша».[1]

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 198–199. Беспута — правый приток Оки, впадающий в нее между Серпуховом и Каширой. Наличие волости за Окой — важный факт.

Первый удар был нанесен по одной из правобережных приокских русских волостей; судя по отходу татар, этот удар носил разведывательный характер. По данным Типографской летописи, именно после этого началось выдвижение крупных сил на Оку. В отличие от московско-симеоновского рассказа, во главе войск названы не только Иван Молодой и Андрей Меньшой, но и князь Василий Верейский.[1]

Софийско-Львовский рассказ воспроизводит сначала текст Типографской летописи, а затем московско-симеоновский рассказ, так что известие о начале борьбы с Ахматом повторяется.

Вологодско-Пермская летопись статью «О приходе безбожного царя Ахмата на Угру» начинает с нравоучительной сентенции: «Наших ради грех казнит нас ово пожаром, ово гладом, ово мором и ратью».[2] Далее содержится оригинальное изложение предыстории похода. Основная ответственность за нашествие Ахмата возлагается на короля Казимира: именно ему «нача враг выкладати... как бы привести на Русскую землю царя Ахмата». Тот же король, узнав о мятеже братьев и «слышав гнев великий Ахматов царев на великого же князя», «порадовался тому».[3] Затем излагается содержание «речи» короля к Ахмату через посла Кирея Амуратовича. В этой «речи» король сообщил Ахмату о феодальном мятеже на Руси (удельные князья «из земли вышли со всеми семьями, ино земля ныне Московская пуста»), о том, что-де с ним, с королем, великий князь «ныне не мирен же», и обратился к Ахмату с призывом начать нашествие («время твое»), обещав свою помощь («А яз нынече за свою обиду с тобою же иду на него»). По словам летописца, Ахмат в ответ на это «совет чинит на осень на усть Угры с королем». Далее рассказывается о посылке к Берегу русских войск, причем Ивану Молодому велено «стояти усть Угры».[4]

Рассказ Вологодско-Пермской летописи в этой своей части производит впечатление сложной контаминации подлинных известий и позднейших домыслов летописца. Явно позднейшего происхождения сообщение об отправке Ивана Молодого с самого начала на устье

свидетельствующий о распространении русской колонизации на юг, в сторону плодородных земель Дикого поля.

[1] Там же. С. 199.

[2] Там же. Т. 26. С. 262.

[3] Там же. С. 263.

[4] Там же.

Угры. Сведения об имевшейся якобы точной договоренности о встрече на Угре литовских и ордынских сил также вызывают сомнение: по существу своему, такая договоренность возможна, но русским она в то время не могла быть известна.

Итак, события начала нашествия Ахмата можно реконструировать, опираясь на два основных относительно самостоятельных и не противоречащих друг другу источника — московско-симеоновский и типографский рассказы.

Следует отметить сравнительную бедность фактических сведений, содержащихся в обоих рассказах. Они носят, в известной мере, публицистический характер. Это не столько регистрация конкретных событий, сколько обобщенные декларации о намерениях Ахмата и о действиях русского руководства, совсем не похожие на точный, лаконичный, документальный стиль, принятый при изложении походов 1471 и 1477 гг.

Единственная точная дата, приводимая в Московской и Симеоновской летописях, свидетельствует о частичном использовании летописцем документального материала, однако в отличие от событий 1471 и 1477 гг. это использование было гораздо более ограниченным и носило не систематический, а эпизодический характер. Наличие этой даты в московско-симеоновском рассказе и отсутствие ее в типографском говорит о том, что в первом рассказе документальные материалы использовались в большей мере, чем во втором. С другой стороны, сообщение Типографской летописи о нападении ордынцев на Беспуту (отсутствующее в московско-симеоновском рассказе) позволяет считать, что составитель типографского рассказа имел достаточно хороший источник информации, возможно также официального характера.

К началу июня нашествие стало фактом, и все события последующих месяцев должны рассматриваться под углом зрения этого основного факта.

Нападение ордынцев на Беспуту (очевидно, авангардов или отдельных высланных вперед отрядов) заставило русское командование обратить внимание, в первую очередь, на западный участок оборонительной линии по Оке. Об этом свидетельствует выдвижение Андрея Меньшого к Тарусе, а главных сил, собранных к тому времени, — к Серпухову. Напомним, что и в 1472 г. Ахмат избрал для своего нападения западный участок — район Алексина.

В 1382 г. Тохтамыш также, по-видимому, перешел через Оку в районе Серпухова. По летописным данным, именно этот город был взят

им в первую очередь.[1] Итак, удар ордынских войск через Оку на западном ее участке был вполне вероятной возможностью, отразившейся на первоначальном развертывании русских войск.

Однако, по рассказу Московской и Симеоновской летописей, главные силы Ахмата двигались весьма медленно и скрытно.[2] Выход передовых отрядов к Беспуте еще не определял направления главного удара,[3] и русское командование, видимо, длительное время не имело сведений о подлинных намерениях Ахмата. Медленность движения Орды давала русским возможность накапливать новые силы и держать их в резерве до выяснения направления главного удара противника. «Потом же приближающуся ему к Дону, и князь великий Иван Васильевич, слышев то, поиде сам противу ему к Коломне, месяца июля в 23 неделю...».[4]

23 июля — вторая точная дата нашего основного источника и второй след влияния на него документальных материалов. Как и в первом случае, это влияние отразилось на московско-симеоновском, а не типографском рассказе. По-видимому, именно к этому времени русские окончательно определили, что во главе ордынских войск стал сам Ахмат и что дело идет не об очередном набеге, а о военной акции стратегического масштаба.

Выдвижение главных сил Ахмата к Дону (очевидно, к его верховьям), о чем к этому времени стало известно русским, указывало на возможность нанесения удара по среднему (между Серпуховом и Коломной) или восточному (ниже Коломны) участкам оборонительной линии.[5] Этим, по-видимому, и определилось решение русского командования двинуть новые силы во главе с самим великим князем к Коломне — важнейшему стратегическому пункту на Оке, откуда войска

[1] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 203; Т. 23. С. 128; Т. 24. С. 151.

[2] «Тихо велми», «царь же идяше медленно, а все короля ожидая» (Там же. Т. 25. С. 327; Т. 18. С. 267).

[3] Беспута неоднократно являлась объектом нападений ордынцев. Так, летом 1468 г. «татарове польсти разбиша сторожев наших в Поле, и пришед без вести, и взяша Беспуту и множество полону взявшее, отъидоша» (Там же. Т. 24. С. 187).

[4] Там же. Т. 18. С. 267. Московская летопись относит это событие к 23 июня, что неверно: воскресенье приходилось на 23 июля.

[5] От верховьев Дона до Коломны — ок. 120 км, до Каширы — ок. 90 км, до Серпухова — ок. 120 км.

могут быть легко направлены и во фланг противнику, переправляющемуся выше по реке, и на восточный участок оборонительной линии, в сторону Рязани.[1]

Избрание Коломны в качестве места расположения великокняжеского полка не представляется случайным. Это традиционное место сбора войск, обороняющих Берег. Стратегическое значение этого пункта, по-видимому, вполне осознавалось русскими. От Коломны к Москве ведет если не кратчайший, то, вероятно, наиболее удобный путь вторжения вдоль течения Москвы-реки (1–2 конных или 4–5 пеших переходов). Именно к Коломне спешил в июне 1451 г. великий князь Василий Васильевич, стремясь преградить дорогу к Москве орде Сеид-Ахмета во главе с Мазовшей.[2] В дальнейшем Коломна (вероятно, сильная крепость) постоянно находилась в центре внимания великого князя, неоднократно посещавшего ее.[3]

Выдвижение великокняжеского полка к Коломне в конце июля 1480 г. завершило развертывание основных сил русского войска по оборонительному рубежу Оки. Весь левый берег, от Коломны до Тарусы (ок. 200 км), оказался занятым русскими войсками.

Если в 1472 г., во время Алексинского похода, Ахмат, по-видимому, рассчитывал на стратегическую внезапность (и в известной мере достиг ее), то в летней кампании 1480 г. он исходил из других предпосылок, ставя (по данным русских летописей) свои действия в зависимость от выступления Казимира, т. е. от общей военно-политической ситуации. Этим, надо думать, и объясняется крайне медленное, осторожное движение Орды к русским рубежам.[4] Наученный опытом неудачных боев на Оке в конце июля — начале августа 1472 г., Ахмат, видимо, не рассчитывал на возможность в одиночку, только своими

---

[1] От верховьев Дона до Рязани — ок. 120 км, от Коломны до Рязани — ок. 80 км.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 271.

[3] Он был в Коломне в апреле 1467 г. при подготовке первого Казанского похода, в августе 1469 г. во время четвертого похода на Казань. В 1472 г. во время Алексинского похода Ахмата Ставка великого князя также находилась в Коломне. О значении Коломны в системе обороны Берега см.: *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV в. — первой половине XVI в. М., 2001.

[4] В числе причин медленного движения Ахмата В. Д. Назаров называет необходимость подкормки скота после зимовки (*Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига / Вопросы истории. 1980. № 10. С. 115).

силами, нанести поражение русским войскам. Однако это ни в коей мере не означает отказа от решительных действий в благоприятной обстановке — в соответствии с политическими целями кампании.

На решительность целей Ахмата, на размах его приготовлений и масштаб сил, двинутых им против Русского государства, указывают, кроме общей сентенции летописца, конкретные факты, приводимые в летописи. С Ахматом шли его племянник Касим и шесть царевичей — вероятно, вся Большая Орда, все силы, находившиеся в распоряжении хана. Для сравнения можно указать, что осенью 1408 г. с Едигеем шли четыре царевича, а состав его войска исчислялся, по-видимому, несколькими десятками тысяч человек: только в погоню за великим князем Василием Дмитриевичем было выделено, по данным русской летописи, 30 тыс. отборной конницы.[1] Разумеется, эта цифра не является точной, но она дает общее представление о масштабе вторжения Едигея. Нет оснований сомневаться, что хан Ахмат, распоряжавшийся всеми силами Орды, располагал бóльшим войском, чем удачливый воевода хана Булата.[2]

На огромный масштаб нашествия Ахмата косвенно указывает и сама длительность кампании. Длительность ордынских «ратей» измерялась, как правило, неделями, самое большее 1–2 месяцами. Рассчитывая на нанесение стремительного удара своей конницей, ханы и «царевичи» проводили скоротечные кампании. В случае успеха (Тохтамыш в 1382 г., Едигей в 1408 г., Улу-Мухаммед в 1439 г., Мазовша в 1451 г.) они форсировали Оку, выходили к Москве, рассыпались отрядами по Русской земле, предавая города и волости огню, мечу и разорению. В случае неудачи боев за переправы (как в 1459 г., когда ордынцы были впервые отбиты от Оки русскими войсками во главе с будущим Иваном III, и в 1472 г. под Алексином), они быстро уходили в степи. На длительную кампанию у Орды не хватало сил и

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 238; Т. 20. Ч. 1. С. 225–226.

[2] В. Д. Назаров отмечает, что, по данным восточных авторов, Ахмат мог выставить до 100 тыс. воинов (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 110). В переговорах с Венецией Ахмат обещал выставить 200 тыс. конницы против Порты (*Пирлинг П.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 176). Ввиду этого трудно согласиться с предположением Р. Г. Скрынникова, что Ахмат «едва ли мог собрать более 30–40 тыс. воинов» (*Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 29).

средств — во всяком случае, такие кампании никогда не проводились прежними ханами и их военачальниками даже при наличии первоначального успеха. Тохтамыш простоял под Москвой всего несколько дней, а затем, взяв ее, быстро отступил за Оку,[1] Едигей стоял под Москвой 3 недели, Улу-Мухаммед — 10 дней, Мазовша — 2 дня. Исходя из этого, русские могли рассчитывать, что кампания 1480 г. тоже не будет длительной. Однако ход событий этой кампании существенно отличал ее от всех предыдущих. Орда Ахмата не спешила вступить в сражение. Она, как туча, нависла над южным рубежом Русской земли, сковывая русские силы на огромном протяжении оборонительного рубежа от Коломны до Тарусы, выбирая время и место для нанесения решительного удара.

Впервые за всю историю русско-ордынских войн хан Ахмат проводил длительную кампанию, не надеясь на внезапность, а рассчитывая нанести удар наверняка и с решительным политическим результатом.

Этим основным фактором определялся общий характер военно-политической обстановки для Русской земли в летние месяцы 1480 г. Политический кризис, начавшийся зимой этого года, вступил к августу в свою новую, наиболее серьезную фазу. Княжеский мятеж продолжался, удельные князья по-прежнему стояли со своими полками у литовского рубежа. Орденская агрессия расширялась, приобретая все больший размах. Нападение со стороны Казимира являлось вполне реальной возможностью. Главное же — к этому времени выяснились в общих чертах масштаб и характер нашествия Ахмата, приковывавшего к себе основное внимание великого князя и главные силы русских войск. Стало, по-видимому, ясным, что речь идет не об очередном походе Орды, а о нашествии такого масштаба и с такими целями, которые заставляли вспомнить времена Батыевой рати. Именно на южных рубежах Русского государства решалась летом-осенью 1480 г. судьба Русской земли и ее народа.

Во второй половине августа агрессия Ордена против Пскова достигла своей высшей стадии.[2] 18 августа немцы подошли к Изборску.

---

[1] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 203; Т. 25. С. 207–209.

[2] К. В. Базилевич не исключает возможности соглашения между магистром и ханом Ахматом. «Во всяком случае, в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы... и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами (Базилевич. С. 133). Согласно Хронике Рюссова, магистр

По словам Псковской III летописи, магистр подошел к городу со своими главными силами («с всею землею»). Город был подвергнут артиллерийскому обстрелу, противник готовился к штурму («примет к стенам приношаху с огнем»).[1] Однако главным объектом действий магистра Бернда фон дер Борха был отнюдь не Изборск. Поэтому, отказавшись от штурма этой крепости и оставив ее в тылу, он двинулся прямо к Пскову. 20 августа магистр подошел ко Пскову «и сташа по всему Завелицному полю шатрами».[2] Впервые за много десятков лет непосредственно под стенами Пскова появилось большое вражеское войско.[3] Псковичи подготовились к обороне. По словам Псковской II летописи, они «Завеличье сами зажгоша и по Великой реке на Выбуте и в Устьях заставы поставиша». Как свидетельствует Псковская III летопись, силы, собранные со псковских пригородов, стали на Выбуте у брода; броды через р. Великую псковичи «затворивше», т. е. заняли своими войсками.[4] Таким образом, псковичи до какой-то степени обеспечили свои фланги (Устья — при впадении р. Великой в Псковское озеро, Выбут — в 12 км выше Пскова по той же реке), исключив возможность обхода города с тыла.[5]

Подойдя к Пскову, магистр не стал сразу штурмовать город, а ожидал подхода войск своего союзника и вассала — Дерптского епископа

фон дер Борх собрал 100 тыс. войска (это, конечно, явное преувеличение, но оно показывает масштаб войска магистра, поразивший современников) (Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 287).

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 221.

[2] Там же.

[3] По данным псковских летописей, последний раз немцы стояли под Псковом 3 дня в 1370 г. (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 28, 104–105), а в августе 1393 г. под городом 8 дней стояла новгородская рать (Там же. С. 30, 107).

[4] Там же. С. 222.

[5] Следует отметить, что при прежних нападениях на Псков противник, как правило, стремился действовать по правому берегу Великой против Запсковья. Так именно поступили немцы во время большого похода в мае 1323 г., когда они стояли под городом 18 дней (Там же. С. 23, 89); в 1370 г. немцы тоже стояли на Запсковье (Там же. С. 28, 104–105). Выход противника на правый берег Великой был для Пскова особенно опасен, так как мог привести к полному окружению города. Особое значение имела защита бродов у Выбута, на кратчайшем расстоянии от Пскова: в августе 1407 г. здесь пытался форсировать Великую магистр Конрад фон Фитингоф, но был отбит после 4-дневного боя (Там же. С. 33).

Иоганна. По данным Псковской II летописи, эти войска подошли в судах (шнеках) на 4-й день (т. е. 23 августа),[1] а по сведениям Псковской III летописи, 13 шнек пришли уже на следующий день (т. е. 21 августа) и также стали станом на Завеличье.[2] Застава, поставленная псковичами в Устьях, не смогла предотвратить прорыв дерптской флотилии в р. Великую. Значение этой заставы, видимо, в том, что она воспрепятствовала высадке немцев на правом берегу Великой и окружению Пскова. Люди Дерптского епископа на своих шнеках «привезли множество ратного запаса, и хлебов, и пива, и вологи»,[3] обеспечивая тем самым снабжение войска магистра.

После соединения всех своих сил магистр стал готовиться к штурму. Начался сильный артиллерийский обстрел города из тяжелых и легких орудий («начаша множеством пушек шибати и пищалий»). Немцы, по-видимому, рассчитывали разрушить городские укрепления. Многодневный артиллерийский обстрел, которому Псков подвергся впервые за свою историю, вызвал панику в неустойчивых слоях населения столицы вечевой республики. По словам Псковской II летописи, «мнози безумнии от гражан побегоша из града за рубеж... мняхуть бо тогда уже граду взяту быти». В числе этих «безумных» летописец называет посадника Филиппа Пукышова, убежавшего вместе с женой и пойманного уже «вне града». Бегство посадника симптоматично. Как и в 1241 г., отдельные представители псковского боярства проявляли малодушие и готовность в трудную минуту предать интересы своего города. По словам Псковской II летописи, позорное малодушие проявил и наместник — князь Василий Шуйский. Он «повеле своимь и кони седлати, и хоте бежати, и посадники с псковичами едва добиша ему чолом». Однако, по-видимому, в городе в целом сохранялся порядок, и основная масса псковичей мужественно готовилась к отражению штурма.

Пользуясь благоприятным ветром «от Завеличья на град», немцы попытались применить брандеры. Собрав «по Завеличью оставшаяся древеса и жердье и солому», они сложили горючий материал в два

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 60.

[2] Там же. С. 221. В этих известиях нет прямого противоречия. Первые 13 шнек могли подойти 21-го, а «юрьевцы во многих снеках» могли подойти на 4-й день, о чем и пишет Псковская II летопись.

[3] Там же. С. 60.

учана, полили смолой, зажгли и пустили по ветру на псковскую сторону. Под прикрытием артиллерийского огня и пылающих брандеров началось форсирование Великой. Нагрузив в каждую шнеку по сотне и более воинов, немцы переплыли реку ниже крепости, в Запсковье, на участке между церквами св. Лазаря и Спаса в Логу (Надолбине), и попытались выйти на берег.

Однако псковичи не допустили этого. Бросая с крепостных стен камни, они секирами и мечами отбили немцев, захватили одну шнеку и заставили остальные повернуть обратно. Штурм был отбит.

По словам Псковской II летописи, немцы «начаша скоро скручатися, и дождавше нощи побегоша... а шнеки своя пометавше». Все три псковские летописи сообщают, что магистр стоял под городом 5 дней. Штурм, таким образом, состоялся 24 или 25 августа, и в ночь после него магистр отошел от города.

Неудача штурма Пскова фон дер Борхом объясняется, в конечном счете, двумя обстоятельствами. Собрав крупные силы с достаточными припасами и артиллерией, магистр (в отличие от русских под Новгородом в 1477 г.) не располагал специальными средствами для постройки моста или переправы через широкую и многоводную реку. В этих условиях он мог взять город только в случае, если бы артиллерийский обстрел вызвал в крепостной стене большие разрушения и подавил волю к сопротивлению у оборонявшихся. Однако этого не случилось. Псковичи сумели организовать оборону, пресечь панику и проявили большую моральную стойкость. Попытка форсировать Великую в шнеках была явной авантюрой, рассчитанной на то, чтобы захватить русских врасплох. Успешное отражение русскими немецкого штурма и понесенные при этом потери должны были убедить магистра в бесперспективности дальнейших попыток овладеть сильной русской крепостью, с ее искусной и стойкой обороной.

Несмотря на поражение, понесенное магистром под стенами Пскова, положение города и его земли продолжало оставаться критическим. Основное преимущество Ордена — сильное полевое войско (подобного которому в Пскове не было) — давало магистру возможность сохранять инициативу в своих руках и фактически беспрепятственно и безнаказанно опустошать псковские волости, нападать на маленькие города и разрушать их (как показала весенняя кампания). Агрессия Ордена продолжалась, и у Пскова не было активных средств для успешной борьбы с нею.

Именно этим объясняются неоднократные обращения псковичей за помощью к великому князю и его наместникам в Новгород («мнози гонци слаша к великому князю и к Новугороду»).[1] Но, разумеется, в августе-сентябре 1480 г. великий князь не мог оказать Пскову, «своей отчине», никакой реальной помощи. Он стоял со своими войсками в Коломне, ожидая со дня на день решительного сражения с ордой Ахмата. В Новгороде тоже, по-видимому, не было крупных сил — все боеспособные русские войска были стянуты, надо думать, к южному рубежу. Не приходится удивляться, что Пскову «не бе помощи ни от кого же», как горестно замечает псковский летописец.[2]

В этих условиях руководители Псковской республики сочли возможным обратиться за помощью к братьям великого князя, стоявшим со своими войсками в Великих Луках, в 4–5 конных переходах от Пскова (ок. 220 км).

По сообщению Псковской II летописи, князья прибыли в Псков 3 сентября, «по челобитью псковскому». Псковичи обратились к ним с просьбой, «абы мстили поганым немцам крови христианские». Речь шла, очевидно, о карательном походе в Ливонию как средстве заставить магистра прекратить свои нападения на Псковскую землю. Князья поставили условия: «Егда убо зде изволите быти женам нашим, тогда ради есмо вас боронити». Таким образом, мятежные князья фактически потребовали политического убежища в Пскове для своих семей. Реально это означало ни больше, ни меньше как превращение Пскова в политическую базу феодального мятежа, подобно тому как это случилось с Новгородом, принявшим зимой 1450 г. беглого Шемяку, разбитого под Галичем и жившего после этого в Новгороде более трех лет. Псковичи оказались в тяжелом положении. С одной стороны, они, несомненно, нуждались в эффективной помощи княжеской конницы, а с другой — отдавали себе отчет в том, что «врага царского аще кто хранит, супостат ему есть», и что по отношению к великому князю Андрей и Борис «аще и братия ему, но супостаты ему беша». Понятно поэтому, что в течение нескольких дней псковичи, по словам летописи, «беху... в мнози сетовании и в тузе, не домышляющеся о семь, что створити». Однако, «много думавше», они все же отказались от условий, предложенных князьями: «...не хощем двема работати, но хощем

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 60–61.

[2] Там же.

единого осподаря держатися, великого князя».[1] 10-дневные переговоры с князьями закончились разрывом: 13 сентября князья, «разгневавшеся поехаша из града... а помощи Пскову не учиниша ничто же». Князья, однако, не только отказали в помощи русскому городу против ливонцев. «Всташа на Мелетове»,[2] они распустили по всем волостям своих людей, которых, по мнению летописца, насчитывалось до 10 тыс.[3] Цифра, вероятно, преувеличенная, хотя несколько тысяч вооруженных людей у князей быть могло. Княжеские люди повели себя «аки невернии». Они грабили церкви, бесчинствовали над населением, захватывали пленных, «а от скота не оставиша ни куряти». Псковская земля подверглась настоящему разорению в стиле феодальной анархии, той самой «старины», под знаменем которой князья подняли свой мятеж. Только получив выкуп (псковичи «даша 200 рублев, а околицы 5 рублев»), они покинули псковские пределы и «отъидоша в Новгородскую с многим вредом».[4] Разорение Псковской земли — последний акт феодального мятежа князей Андрея и Бориса.

В августе-сентябре 1480 г. основное внимание русского командования было по-прежнему приковано к южному стратегическому направ-

---

[1] Не ясно, на чем основано мнение Н. С. Борисова, что «псковичи отправили гонца к братьям, выполняя указание Ивана III» (*Борисов Н. С.* Иван III. С. 437).

[2] Мелетово — погост в 40 верстах от Пскова (*Васильев И. И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. Псков, 1881. С. 187).

[3] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 61–62.

[4] Там же. Аналогично, но менее подробно сказано в Псковской III летописи (Там же. С. 222). Совсем по-иному изображает соответствующие события Софийско-Львовская летопись (в своей оригинальной части). По ее словам, мятежные князья «слышавшее, что немцы под Псковым воюють, и идоша Псковичем на помощь». Именно это было основной причиной отступления немцев; они «слышавшее... идущу братью великого князя на помочь Псковичем, и отидоша прочь в свою землю» (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 346). Элементарный расчет показывает, что если князья Андрей и Борис пришли во Псков 3 сентября, то свое движение от Великих Лук их конное войско должно было начать за 4–5 дней, т. е. 29–30 августа. Магистр же отступил от Пскова не позднее 25 августа; следовательно, прямой связи между отходом немцев и движением князей от Великих Лук быть не могло. Сочувствующий удельным князьям софийско-львовский летописец в данном случае допускает явную передержку. Тенденциозность известия о «помощи» мятежных князей Пскову отмечает К. В. Базилевич (Базилевич. С. 144–145).

лению. Своевременное развертывание главных сил русских войск на оборонительном рубеже Оки было важнейшим стратегическим фактором, оказавшим решающее влияние на всю последующую обстановку. «Слышав же царь Ахмат, что на тех местах на всех, где прити ему, стоят противу ему с великими князи многие люди, и царь поиде в Литовскую землю, хотя обойти же Угру».[1] Ахмат был вынужден отказаться от попыток форсирования Оки на центральном участке, что в 2–3 перехода вывело бы его к Москве (от Коломны до Москвы — ок. 80 км), и предпринять обходное движение. На характер маневра Ахмата, стремившегося скрытно обойти русские войска, указывает и Вологодско-Пермская летопись: «...царь же поиде скрытно незнаемыми пути на Литовскую землю, хотя искрасти берег».[2] Это вызвало соответствующую рокировку русских войск. «И князь великий... повеле тако ити сыну своему и брату своему князю Андрею Васильевичю Меньшому к Калузе к Угре на берег».[3] Обходное движение Ахмата было своевременно обнаружено русским командованием.

В конце сентября борьба с нашествием вступает в новую фазу. Движение Ахмата к Угре, в обход главной оборонительной линии русских, таило в себе большую опасность. Во-первых, Угра как естественная преграда значительно уступает Оке. Река сравнительно неширокая, изобилует узкими местами и бродами.[4] Защита ее на широком фронте — задача значительно более сложная, чем оборона широкой, полноводной Оки. Во-вторых, выходя к Угре, Ахмат оставался в опасной близости от русской столицы (150–180 км), т. е. не более чем в 3–4 конных переходах, и сохранял возможность стремительного удара на нее, притом с неожиданного, необычного направления. В-третьих, его вступление в Литовскую землю (точнее — на территорию русских княжеств, находившихся под юрисдикцией великого князя Литовского) усилива-

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[2] Там же. Т. 26. С. 264. Об этом же говорит самостоятельный рассказ Софийско-Львовской летописи: «...татарове искаху дороги, куды бы тайно перешед, да изгоном идти к Москве» (Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 346).

[3] Там же. Т. 25. С. 327

[4] В низовьях Угры оба берега низкие, река извилистая, протекает в широкой пойме, покрытой заливными лугами. Переправа крупных конных масс здесь особенно удобна. Подробное описание берегов Угры и бродов через нее см.: Каргалов. С. 109–115. Типографская летопись отмечает, что «знахоре ведяху его (Ахмата. — *Ю. А.*) ко Угре реце на броды» (ПСРЛ. Т. 24. С. 199).

ло вероятность соединения с войсками Казимира и угрозу эвентуального выступления последнего: оно могло побудить короля принять активное участие в войне.[1] Само движение Ахмата в литовские пределы может рассматриваться как средство политического давления на своего осторожного союзника. Во всяком случае, опасность, нависшая над Русской землей, в конце сентября становится наиболее реальной.[2]

Это заставляет великого князя принять чрезвычайные меры по отражению нашествия. Одной из этих мер является созыв церковно-служилого собора в Москве. По данным Московской летописи, после более чем двухмесячного пребывания с войсками в Коломне, 30 сентября «прииде князь великий... на Москву на совет и думу». В «совете и думе» приняли участие, по словам летописи, митрополит Геронтий, мать великого князя, дядя его князь Михаил Андреевич Верейский, а также все бояре, «все бо тогда бяше в осаде на Москве».[3] Типографская летопись называет в числе участников совещания также архиепископа Вассиана.[4] Московская и Типографская летописи подчеркивают, что участники совещания «молиша его (великого князя. — *Ю. А.*) великим молением, чтобы крепко стоял за православное хрестьянство, против бесерменству».[5]

---

[1] Это особо отмечается Типографской летописью. Ахмат шел в Литовскую землю, «ожидая к себе на помощь короля или силы его» (Там же. С. 199). Выходя к Угре, Ахмат вступал на земли многочисленных потомков черниговских князей, издавна спорные между Литвой и Русью. Как объяснил позднее (в 1490 г.) Иван III, «нашим предним великим князем да и литовским великим князем те князи на обе стороны служила с своими отчинами» (Сб. РИО. Т. 35. № 12. С. 51). Воротынск, например, был отчиной князей Воротынских; Опаковом (судя по данным конца 80-х гг.) правили королевские люди Сапежичи (Там же). Появление союзной с Казимиром орды в этом чересполосном районе, раздираемом острыми противоречиями (тут-то и убили в 1473 г. князя Семена Одоевского), являлось важным политическим фактором, сильно усложнявшим обстановку.

[2] «В течение всего великого княжения Ивана III положение его не было более сложным и трудным, чем в эти осенние месяцы 1480 г.», — с полным основанием пишет К. В. Базилевич (Базилевич. С. 134). Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь шла не о личной судьбе великого князя, а о судьбах всей Русской земли, подвергавшейся смертельной угрозе извне и изнутри.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 321.

[4] Там же. Т. 24. С. 199.

[5] Там же. Т. 25. С. 327.

«Совет и дума» в Москве выступили в поддержку политической линии на борьбу с Ахматом (линии, уже фактически проводившейся, как мы видели, на протяжении ряда месяцев). Более того, эта линия была торжественно санкционирована Церковью. По словам «Послания на Угру» архиепископа Вассиана, «митрополиту убо со всем боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословившю». Этому соответствуют и более краткие известия летописей, сообщающих о молебнах в Москве и о благословении митрополита. На «Совете и думе» были приняты важные практические решения — о мире с братьями (по их челобитью), и, по-видимому, о приведении Москвы в осадное положение.

События, связанные с приведением Москвы и других городов в осадное положение, наиболее подробно отразились в Вологодско-Пермской и Софийско-Львовской летописях (в оригинальной части последней). Вологодско-Пермская летопись сообщает, что «великий князь осадив грады свои воеводами крепкими».[1] Софийско-Львовский рассказ упоминает о таких распоряжениях великого князя, как сожжение Каширы — городка на правом берегу Оки (которому угрожала участь Алексина), эвакуация Дмитрова (население которого великий князь велел «в осаду в Переяславль... перевести Полуехту Бутурлину да Ивану Кике») и перевод из Москвы в Дмитров «строев».[2] Оборонительные меры на случай возможного вторжения противника проводились, таким образом, на широком фронте и на большую глубину, охватывая и тыловые районы страны на вероятных путях вторжения. Эти меры, к которым автор рассказа Софийско-Львовской летописи относится явно отрицательно, видя в них проявление «трусости» («городок Каширу сам велел зжечи, побежа на Москву»), заслуживают серьезного внимания. Великий князь готовил страну к упорной обороне, не исключая возможности глубокого вторжения противника. Он исходил, очевидно, из опыта предшествующих войн с Ордой. Так, в августе 1382 г. орда Тохтамыша взяла Владимир, «а люди изсекоша, а иные в полон поведоша». Та же орда разорила Звенигород, Можайск и Юрьев, взяла и сожгла Переяславль (горожане «бегоша на озеро и тамо избыша от нахождения») и «иные мнози грады, и власти, и села».[3] Аналогичное положение сложилось зимой 1408 г.

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.
[2] Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 346.
[3] Там же. Т. 25. С. 209–210.

при нашествии Едигея. Его войска «разсыпашася по всей земле, аки злии волци, по всем градам, и по странам, и по волостям, и селам, и не остася такого место, иде же не были татарове». Они взяли и сожгли Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец.[1] В июле 1439 г. Улу-Мухаммед, отступая от Москвы, разорил и выжег землю «досталь Коломны».[2] Оборонительные меры в тылу, проводимые по распоряжению великого князя, были далеко не лишними. Они свидетельствовали о намерении оказать решительное сопротивление с реальным учетом тактики противника.

В случае прорыва через оборонительную линию русских войск ордынцы даже при конечном своем поражении могли, используя маневренность своей конницы, разорить обширные районы в глубоком тылу, сжечь города и принести неисчислимые бедствия населению. Вот почему еще в 1467 г., во время первой войны с Казанью, великий князь, прежде всего, привел в оборонительное состояние Муром, Нижний Новгород, Кострому и Галич; им велено было «сидети в осаде, стеречись от Казани».[3] И в 1480 г., в гораздо более опасной обстановке, московское правительство проявляло должную предусмотрительность, обеспечивая, по мере возможности, безопасность жителей и лишая противника одного из его главных козырей.

В этой же связи, очевидно, необходимо рассматривать и приведение в оборонительное состояние самой столицы, находившейся в непосредственной близости от линии фронта. Даже с учетом осенней распутицы, ордынская конница с берегов Угры могла достичь Москвы за 6–7 переходов. Организация обороны Москвы имела важнейшее стратегическое и политическое значение. В случае прорыва ордынцев за Угру и выступления Казимира, удержание русскими в своих руках Московской крепости могло бы стать фактором, определяющим судьбу всей войны. Именно опираясь на эту крепость, русские войска имели шанс, в конечном счете, нанести поражение противнику даже при его первоначальных успехах. Однако приведение в оборонительное состояние огромного города, в который стекались и жители обширной округи, было достаточно трудным делом, сопряженным с большими материальными жертвами. Главная из них — необходи-

[1] Там же. С. 268.
[2] Там же. С. 260.
[3] Там же. С. 279.

мость сожжения посада, т. е. ликвидации дворов, жилищ и хозяйственных построек основной массы населения столицы. Эта мера непосредственно затрагивала жизненные интересы многих тысяч посадских людей — большой социальной силы, с которой правительство не могло не считаться. Тем самым вопрос о приведении Москвы в осадное положение приобретал не только военный, но и социально-политический аспект. Этим мог объясняться расчет горожан, о котором пишут Вологодско-Пермская летопись и источник Софийско-Львовской.

Активная роль горожан Москвы в защите столицы Руси неоднократно проявлялась в XIV–XV вв. В 1382 г. при нашествии Тохтамыша именно горожане взяли на себя организацию обороны Кремля и пресекли бегство «мятежников и крамолников, иже хотяху изыти из града».[1] В июле 1445 г., когда после трагической Суздальской битвы создалась реальная угроза появления перед стенами столицы войска казанских царевичей и в состоятельных верхах московского населения началась паника («могущей бо бежати, оставши град бежати хотяху»), решительное и организованное выступление «черни» навело в городе порядок («чернь же совокупившеся начаша врата̀ граднаа преже делати, а хотящих из града бежати начаша имати и бити и ковати, и тако уставися волнение, но вси общи начаша град крепити, а себе пристрой домовной готовити»).[2] В обоих этих случаях действия рядовых горожан сыграли решающую роль в организации обороны столицы.

Как же обстояло дело в 1480 г.? Конкретные требования горожан великому князю остаются неясными в деталях, но не вызывает сомнения их основной смысл: «чернь» требует организации решительной обороны против Ахмата, требует «не выдавать» столицу ордынцам. В этой настроенности основной массы московских горожан нельзя не видеть несомненных черт сходства с поведением их отцов в 1445 г. и прадедов в 1382 г. Как и тогда, московский посадский люд был готов грудью стать на защиту своего города. Наряду с этим, однако, можно отметить по нашим источникам и определенные различия, составляющие специфику поведения посада в 1480 г. и отражающие черты новой исторической эпохи.

---

[1] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 203; Т. 25. С. 207. См.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 223–231; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства... С. 640–646.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 263; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 779–784.

Основное отличие ситуации 1480 г. в том, что мы ничего не слышим о каких-либо самостоятельных действиях посада, направленных на организацию обороны города. С этим связано и отсутствие известий об открытых выступлениях посадского населения против каких-либо отдельных лиц или социальных групп, готовящихся бежать из города. Надо думать, что эта особенность положения в 1480 г. была вызвана отнюдь не большей пассивностью или меньшей патриотичностью горожан, чем в 1382 или 1445 гг., и, конечно, не меньшей степенью социальной зрелости посада. Основная причина относительно меньшей социальной активности горожан в 1480 г. кроется в конкретных особенностях обстановки, сложившейся в Москве к концу сентября — началу октября 1480 г. Если в 1382 и 1445 гг. выступления горожан происходили в условиях фактического отсутствия в Москве государственной власти, способной взять на себя организацию обороны столицы, то в 1480 г. мы встречаемся с принципиально иным положением: подготовка Москвы к обороне осуществляется по инициативе и под руководством государственной власти как составная часть общих мер по отражению нашествия Ахмата.

Это не могло не наложить своего отпечатка на поведение посадских людей: им не пришлось брать на себя функции организации обороны, и их социальная активность сохранила свой, так сказать, латентный характер, выразившись в предъявлении определенных требований великокняжеской власти. Общее усиление государственного аппарата и его эффективности в период образования централизованного государства меняло форму и характер выступлений посадских людей, их участия в обороне столицы.

Какое же реальное значение имела в этих условиях позиция московских горожан? Несмотря на ноты социального протеста, в ропоте московских горожан одинаково трудно увидеть как назревающее антифеодальное восстание,[1] так и выдвижение конкретной военно-политической программы борьбы с Ахматом, принципиально отличающейся от правительственной.[2] Тем не менее, позиция, занятая горожанами столицы в важнейшем политическом вопросе, имеет существенное значение. Русский город XV в., и прежде всего Москва, — одна из важных социальных

[1] Ср.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 877, 881.

[2] Ср.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 235; *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 120.

опор политики создания единого централизованного государства. Горожане как социальная группа кровно заинтересованы как в прекращении феодальной анархии, так и в защите от вражеских нашествий. Выступления московских горожан объективно укрепляют принятую правительством общую политическую линию на решительную и бескомпромиссную борьбу с нашествием. Готовность массы горожан упорно оборонять свою столицу — один из существенных факторов, обеспечивших твердость политической линии в не меньшей степени, чем «моления» «Совета и думы», подчеркиваемые в «Послании на Угру».

По данным Московской летописи, выступив из Москвы 3 октября, великий князь «ста на Кременце с малыми людьми, а людей всех отпусти на Угру к сыну своему великому князю Ивану».

Если следовать тексту летописи, то «люди все» — это и есть те, кто был дополнительно мобилизован во время пребывания великого князя в Москве. Наиболее вероятно, что это дополнительные контингенты Московского полка (из других районов страны трудно было бы привести войска в короткое время), т. е. ратники, набранные, в первую очередь, из тех же жителей московского посада. Они и были двинуты к Угре для непосредственной обороны переправ через реку.

3 октября — дата выступления великого князя из Москвы, четвертая точная дата, приводимая Московской летописью. Как и предыдущие даты (8 июня, 23 июля, 30 сентября), она, по всей вероятности, имеет документальное происхождение. Типографская летопись, приводя то же известие, точной даты не называет.[1]

В прямом противоречии с данными Московской летописи о пребывании великого князя в Москве стоит софийско-львовский рассказ. По его словам, великий князь находился в Красном Сельце две недели, «а владыка глаголаше ему возвратиться опять к Берегу, и едва умолен бысть».[2] Следовательно, «умоленный» архиепископом великий князь выехал из Москвы не ранее 14 октября.[3] Итак, Московская и Софийско-Львовская летописи дают две основные версии об отъезде великого князя из Москвы. Какой же из них следует отдать предпочтение?

Владимирский летописец (источник, относительно независимый от названных летописей) не сообщает точной даты выступления из Москвы.

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 199.
[2] Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 345.
[3] Эту дату принимает В. Д. Назаров (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 118).

но свидетельствует, что «прииде на Угру князь великий» 11 октября,[1] чем косвенно подтверждает официальную версию Московской летописи о кратковременном пребывании великого князя в Москве.

Другим независимым источником, подтверждающим раннюю дату выступления великого князя из Москвы, является «Послание на Угру» архиепископа Вассиана. Это «Послание» написано после получения в Москве первых известий об отражении попыток Ахмата форсировать Угру (8–11 октября) и после того, как до архиепископа дошли сведения о переговорах великого князя с Ахматом. Следовательно, к моменту написания «Послания» великий князь уже несколько дней находился в районе боевых действий (успел провести переговоры с Ахматом), а известие о боях 8–11 октября было получено в Москве после, а не до его отъезда.[2]

Чем же можно объяснить версию Софийско-Львовской летописи о длительном, двухнедельном пребывании великого князя в Красном Сельце? Для ответа на этот вопрос нужен анализ соответствующего контекста.

Рассматриваемая часть самостоятельного рассказа Софийско-Львовской летописи, как мы уже отмечали, характеризуется вполне определенной тенденцией. В изображении рассказчика глава Русского государства — ограниченный и трусливый человек, легко поддающийся чужому влиянию. Главный герой событий — архиепископ Вассиан: это он разоблачает трусость великого князя и даже предлагает самого себя поставить во главе войск.

При таком отношении рассказчика к действительности далеко не беспочвенным является предположение, что известие о длительном пребывании великого князя в Москве (Красном Сельце), противоречащее всем другим источникам, включено им для еще большего подчеркивания своей излюбленной идеи. Во всяком случае, в свете всего вышеизложенного достоверность этого известия вызывает большие сомнения. По-видимому, в конечном счете, следует предпочесть офи-

[1] ПСРЛ. Т. 30. С. 137

[2] Этим фактом опровергается мнение В. Д. Назарова о том, что великий князь отправился в поход только после получения известия о первой победе (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 118; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. //Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 287, прим. 17).

циальную московско-владимирскую версию о выступлении великого князя со своими войсками из Москвы 3 октября, т. е. о кратковременном пребывании его в Москве.[1]

Как же развивались события после 3 октября, когда, по словам Московской летописи, «князь великий поиде с Москвы к Угре противу царя»? Та же летопись указывает, что он, «пришед, ста на Кременце с малыми людьми».[2] Кременец стоит на р. Луже, в 110 км от Москвы и в 40–50 км от Угры. Сама р. Лужа, впадающая в р. Протву справа ниже Кременца, образует вместе с ней естественный оборонительный рубеж на юго-западном направлении от Москвы, являясь по отношению к Угре второй оборонительной линией. Занятие этой позиции в тылу войск, развернутых на Угре, обеспечивает надежную связь с ними и прикрывает путь на Москву в случае прорыва ордынских отрядов через реку. Кременецкая позиция занимает фланговое положение к дороге Вязьма — Москва, возможному пути вторжения литовцев, и, находясь в 2–3 переходах от нее, позволяет быстро выдвинуться на эту дорогу. Кременец, Опаков (одно из самых узких мест на Угре) и Калуга образуют треугольник со сторонами примерно по 60–70 км. Гонец с донесением может достигнуть Кременца с любого места внутри треугольника менее чем за день. Кременец (в настоящее время рабочий поселок Кременск) стоит на высоком, обрывистом берегу р. Лужи, среди покатых холмов, окруженных лесом. Лесистая местность вообще неблагоприятна для развертывания конницы, что, вероятно, учитывалось русским командованием. На левом берегу Лужи до сих пор можно видеть четырехугольное, почти правильной формы городище с высокими боками, производящими впечатление насыпных. Может быть, это часть укреплений, возводившихся в 1480 г. Никаких археологических раскопок в этом районе, насколько мне известно, не производилось. Стратегические достоинства Кременец-

[1] Однако версия Софийско-Львовской летописи оказалась очень живучей. Ее безоговорочно приняли Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин, Н. С. Борисов (Иван III. С. 436) и А. А. Горский (Москва и Орда. С. 172). С другой стороны, ее решительно отвергают Г. Ф. Карпов, А. Е. Пресняков, К. В. Базилевич, т. е. исследователи, которые специально занимались изучением событий осени 1480 г. и подвергали критическому анализу летописные известия.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

кой позиции верно оценил польский историк Ф. Папэ: она была «превосходна, ибо не только служила резервом для корпусов над Угрой, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы».[1]

Главные силы, приведенные из Москвы, были отправлены на Угру для непосредственной обороны переправ («людей всех отпусти на Угру»). Во главе войск, развернутых на Угре, стояли князья Иван Молодой и Андрей Меньшой.

Московская летопись сообщает, что Ахмат шел «со всеми своими силами мимо Мценск и Любутеск и Одоев», т. е. по правому берегу Оки к Воротынску — городку близ впадения Угры в Оку недалеко от Калуги. «Пришед... ста у Воротынска, ждучи к себе королевы помощи». Однако «король сам не иде, ни силы своея не посла, понеже бо быша ему свои усобицы». К этому известию, общему в Симеоновской и Московской летописях, последняя добавляет: «...тогда бо воева Менгли-Гирей, царь Крымский, королеву землю Подольскую, служа великому князю».[2]

Набег крымских отрядов на Подолию имел, видимо, незначительные масштабы. Казимир в течение ряда месяцев (с декабря 1479 г.) активно готовился к войне.[3] На его решение не вступать в открытую борьбу с Русским государством осенью 1480 г. гораздо сильнее, чем набег крымцев, повлияли, вероятно, соображения общего политического характера. Польские хронисты Длугош и Стрыйковский указывают, что Казимир, несмотря на совет литовцев, не пошел на встречу с Ахматом, опасаясь могущества «московского князя».[4] Набег крымцев не мог иметь серьезного значения уже потому, что именно в это время (в октябре 1480 г.) начался новый тур переговоров Менгли с Казимиром. По данным Литовской метрики, 15 октября в Вильно отправился крымский посол Байраш с полномочиями для заключения союза.[5] Таким образом, в критические недели борьбы на Угре крымский хан был далек от намерения оказать реальную помощь Русскому государству против польско-литовского короля. Войско, отправленное для

[1] Цит. по: *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 289.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 327–328.

[3] Базилевич. С. 148.

[4] См.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 217

[5] РИБ. Т. 27. Стб. 332–335.

набега на Подолию, было встречено у Перекопа королевским послом. Крымский князь Аминяк продолжал уже начатый поход, в чем потом приносил письменное извинение Казимиру.[1]

Одним из существенных факторов, повлиявших на позицию Казимира, было, видимо, движение за воссоединение с Русским государством, охватившее русские земли в составе Литовского великого княжества (т. н. «заговор князей»).[2] И. Б. Греков, подчеркивая широкий размах и существенное значение оппозиции Казимиру среди русского населения Литвы, приходит к выводу, что в 1480 г. Казимира остановили «не мелкие усобицы фамильно-династического характера, а перспективы повторения в Поднепровье новгородских событий 1471 г.». И. Б. Греков не без основания считает, что в подготовке движения за воссоединение с Русским государством «большую роль сыграла политическая и дипломатическая деятельность московского государя».[3]

Не дождавшись подхода короля, Ахмат решает форсировать Угру своими силами.[4] Русское командование, очевидно, разгадав замысел обходного движения Ахмата, упредило его. Когда он вышел к Угре, левый берег реки оказался уже занятым крупными силами русских войск («иде же стоит князь великий и братия его, и все князи и воеводы, и многое множество»).

Бои с ордынцами за переправы летопись изображает в виде перестрелки: «...приидоша татарове, и начаша стреляти москвичь, а москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати, и многих побиша татар стрелами и пильщалми и отбиша их от брега».[5] Попытка ордынцев форсировать Угру была отражена. Однако бои носили многодневный характер: «...по многи дни приступающе биющеся». Обращает на себя внимание применение русскими пищалей — огнестрельных орудий, впервые упоминаемых в полевом бою. Артиллерия в боях за переправы была, по-видимому, важным фактором, облегчившим на-

[1] РИБ. Т. 27 Стб. 335–336.

[2] Базилевич. С. 150–155.

[3] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV–XVI вв. М., 1963. С. 192–194.

[4] В. Д. Назаров высказывает вполне правдоподобное предположение, что основные силы во главе с Ахматом шли к Воротынску через Мценск и Одоев, а крупные отряды, направленные к Оке, проследовали к Угре вдоль правого берега Средней Оки (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 46).

[5] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

дежное удержание берега Угры русскими войсками (на что косвенно указывает летописец, подчеркивая большие потери ордынцев от русских пищалей). Применение артиллерии русскими имело, надо думать, значительный моральный эффект. Еще под Алексином в 1472 г. Орда не видела ничего подобного. С русской артиллерией на поле сражения ордынцы столкнулись впервые в октябрьских боях на Угре. Появление артиллерии в боевых порядках свидетельствует о качественно новом этапе в развитии русского войска. К 1480 г. имелось, по-видимому, уже достаточно заметное количество относительно легких артиллерийских орудий, которые можно было перевозить за войсками и устанавливать на огневые позиции на поле боя.[1]

Тем не менее, разумеется, было бы ошибочным преувеличивать значение артиллерии в боях на Угре. Решающей силой оставались традиционные рода войск — конница и пехота, вооруженные холодным оружием. Именно на них пала основная тяжесть многодневных боев на Угре — кульминация небывало длительной кампании против нашествия Ахмата.[2]

Типографская летопись приводит рассказ, в сущности идентичный рассказу Московской летописи, сообщая при этом новую деталь: ордынцы «овии же приидоша противу князя Андрея, а овии против великого князя мнози, а овии противу воевод вдруг приступиша». Отсюда можно заключить, что бои развертывались на широком фронте: войска Ахмата пытались форсировать реку в разных местах, на разных участках русской боевой линии. Другое сообщение Типографской летописи: «...их (ордынцев. — *Ю. А.*) стрелы многи межю наших падаху и никто же уязвляху» — выдержано в свойственном этому памятнику ирреалистическом стиле и не может приниматься как достоверное известие.

Самостоятельный рассказ о событиях на Угре содержит Вологодско-Пермская летопись. По ее сведениям, русские войска «ста по Оке и по Угре на 60 верестах». Если так, то русские силы прикрывали все сред-

---

[1] На основании разрядной записи 1512 г. В. В. Каргалов подробно описывает организацию обороны Берега с участием пищальников. Однако целесообразность привлечения позднего источника вызывает сомнения: за 30 лет состав войск и тактика могли измениться.

[2] *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец и победа на Угре // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л., 1985. С. 130; *Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 52.

нее и нижнее течение Угры — примерно от Опакова до Калуги. Ахмат «прииде на Угру октября в 8 день, в неделю, в 1 час дни».[1] Другую дату выхода татар к Угре приводит Владимирский летописец: «...месяца октября в 6 день в пятницу приходил царь Ахмат к Угре реке».[2] Обе точные даты с указанием дня недели имеют, по-видимому, документальное происхождение — это фрагменты не дошедших до нас в полном виде поденных записей, аналогичных походным дневникам 1471, 1475, 1477 гг., отразившимся также в Московской летописи. Не совпадая буквально, даты Владимирского летописца и Вологодско-Пермской летописи по существу не противоречат друг другу: передовые отряды ордынцев могли появиться на Угре 6 октября, а главные силы — на рассвете в воскресенье, 8 октября.[3] Тогда же и начались, по данным Вологодско-Пермской летописи, попытки татар форсировать реку: «хотеша перевоз взятии».[4] Вологодско-Пермская летопись далее сообщает, что «князь же великий Иван Иванович... да князь Ондрей Васильевич Меншой... сташа крепко противу безбожного царя». Как и Московская летопись, Вологодско-Пермская указывает, что бои за переправы («перевоз») носили характер перестрелки с применением русскими огнестрельного оружия («начаша стрелы пущати, и пищали, и тюфяки на татар»). Эти бои, по данным летописного рассказа, продолжались 4 дня (т. е. 8–11 октября). Как видим, известия Вологодско-Пермской летописи дополняют и конкретизируют краткое сообщение московского летописца. Попытка Ахмата с ходу форсировать Угру была отбита: он «не возможе берегу взяти и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе».[5] Это известие, отсутствующее в Московской летописи, носит также конкретный, документальный характер.

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[2] Там же. Т. 30. С. 137.

[3] *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец... С. 130; *Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 52.

[4] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[5] До нашего времени на правом берегу реки близ Воротынска сохранилась д. Якшуново. По словам местных жителей, название деревни («як-шуны» — «все видно») связано с «войной с татарами». По тем же местным преданиям, русские войска стояли в д. Дворцы на левом берегу (большая деревня сохранилась да наших дней). У д. Якшуново река делает большой выступ к югу, так что войска, расположенные на этом выступе на левом (северном) берегу, могли быть легко охвачены с флангов. Именно где-то здесь, в низовьях Угры,

Проиграв бой в низовьях Угры, Ахмат «распусти вои по всей земли Литовской». Собранная в больших массах, ордынская конница нуждалась в фураже и пропитании — отсюда и «роспуск» ее по Литовской земле.

«Татарове же приежжати начаша к реце и глаголюще Руси: “Дайте берег царю Ахмату, царь бо не на то прииде, что ему великого князя не дойти”». Это красочная сцена Вологодско-Пермской летописи представляется правдоподобной — она отвечает обычаям и традициям средневековых войн, в которых применялись методы психологического давления на противника.

Новую попытку форсировать Угру ордынцы предприняли выше по реке. «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым Городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя».[1] Ордынцы, таким образом, пытались скрытно переправиться через реку на одном из самых узких мест, действуя опять же в обход русской оборонительной линии.[2] Ахмат, по данным летописца, сам в этом предприятии не участвовал, но «посла князей своих и воевод и множество татар». Однако расчет Ахмата и тут оказался ошибочным.

«Прилучи же ся туто множество князей и бояръ великого князя, не дадяще перелести Угры».[3] Русские войска не только прочно удерживали левый берег реки, но и сохраняли возможность маневра по

по вероятному предположению В. В. Каргалова, и пытался Ахмат форсировать реку (Каргалов. С. 115–116).

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 264, 266.

[2] Опаково Городище — высокий крутой курган на правом обрывистом берегу Угры. Городище, возможно, насыпное. В его районе, по данным Краеведческого музея г. Юхнова, обнаружены предметы вооружения ориентировочно XV в.: короткий меч, маленькая железная пищаль калибром 15 мм, каменное ядро диаметром ок. 16 см. Угра в этом месте извилиста, узка и мелка, с обеих сторон видны отмели и перекаты. На левом берегу — пойма шириной 300–500 м. Местность у Опакова давала возможность скрытно сосредоточить конницу на правом берегу, а затем быстро и сравнительно легко форсировать узкую и мелководную реку. Однако развертывание здесь крупных кавалерийских масс — главных сил Орды — было бы затруднительно из-за пересеченного характера лесистой местности. Большую помощь в ознакомлении с местностью в районе Опакова оказал мне ныне покойный краевед Юхнова Владимир Егорович Маслов, которого с благодарностью вспоминаю.

[3] ПСРЛ. Т. 26. С. 266.

этому берегу. Находясь в Кременце, русское командование, видимо, надежно держало в своих руках управление войсками, развернутыми на широком фронте, и имело возможность своевременно реагировать на обстановку.

Итак, известия Вологодско-Пермской летописи, носящие в основном лаконичный, протокольно-документальный характер, в большой мере дополняют и разъясняют картину боев на Угре, в более общих чертах рисуемую Московской летописью.

Ценным дополнением к этой картине являются известия Владимирского летописца. Выше уже указывалось, что они содержат точную и наиболее раннюю дату выхода ордынских войск к реке (6 октября, пятница). Еще большее значение имеет другое известие: «...прииде на Угру князь великий месяца того же (октября. — *Ю. А.*) 11 день».[1] По данным Вологодско-Пермской летописи, 11 октября — это четвертый, последний день боев с главными силами Ахмата, пытавшимися форсировать Угру в ее низовьях. Если именно в этот день к реке подошел великий князь со своими силами, то это и решило исход боев в пользу русских.[2]

---

[1] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[2] По точному тексту Владимирского летописца получается, что во главе войск, вышедших к Угре 11 октября, стоял сам великий князь. По данным Московской летописи, как мы видим, он занял позицию на Кременце. Не исключено, однако, что на эту позицию он вышел после отражения главных сил Ахмата, т. е. после 11 октября. Неясно, на чем основывается уверенность Б. М. Клосса и В. Д. Назарова в том, что «в момент решающих военных столкновений Иван III находился в Москве, а не в Кременце» (*Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 287, прим. 17), и что «Лихачевский летописец абсолютно точен», относя 3 октября ко дню прихода на Угру сил Ивана Молодого (и отрицая тем самым эту дату как день выступления великого князя из Москвы). Во всяком случае, эта уверенность прямо противоречит «Посланию на Угру» архиепископа Вассиана и отнюдь не подкрепляется данными Владимирского летописца (на который тут же ссылаются авторы). Средний темп движения войск в походе 1471 г. составлял 20–30 км в сутки, а в условиях осенней распутицы он должен был быть значительно ниже. Следовательно, 110–120 км от Москвы до Кременца великий князь со своими войсками мог бы пройти не менее чем за 4–5 дней, а 180 км от Москвы до Угры войска могли преодолеть за 7–8 дней. Стало быть, Владимирский летописец своей датой выхода великого князя с войсками к Угре (11

Неудача попыток Ахмата форсировать своими силами Угру и произвести вторжение в глубину Русской земли — основной фактор общей политической и стратегической обстановки, сложившейся ко второй половине октября.

В октябре 1480 г. русские войска успешно решили труднейшую задачу обороны водного рубежа (далеко не сильного по своим природным качествам) на широком фронте против мощного противника, обладающего многочисленной конницей. История войн средневековья знает не много подобных примеров. Во всех войнах с Ордой до этого времени только дважды (в 1459 и 1472 гг.) русским удавалось отстоять оборонительные водные рубежи и не допустить вторжения противника. Но условия обороны на широкой, многоводной Оке были намного легче, чем на извилистой, узкой и неглубокой Угре. Победа в боях на Угре в октябре 1480 г. — пример высокого оперативно-тактического искусства русского командования и его войск, яркая страница в военной истории нашего Отечества.

Тем не менее, к этому времени окончательный перелом в борьбе с нашествием Ахмата еще не наступил. Грозное ордынское войско на берегах Угры сохраняло свою боеспособность и готовность в любое время возобновить попытки вторжения. Позиция Казимира продолжала оставаться угрожающей; возможность его выступления на стороне Ахмата сохраняла свою реальность.

К этому времени относятся переговоры с Ахматом, сведения о которых содержатся в Софийско-Львовской и Вологодско-Пермской летописях.

Переговоры показали принципиальную несовместимость позиций сторон. Если Ахмат настаивал на продолжении ордынского властвования над Русью, то великий князь рассматривал эти требования как неприемлемые для себя. В этих условиях переговоры не могли иметь ни перспективы, ни реального значения. Конфликт с Ордой, очевидно, не мог быть разрешен мирным путем.

В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что отказ от выплаты дани в 70-х гг. и непризнание ханского сюзеренитета над Русью — принципиально новые черты русской политики по отношению к Орде. Во время прежних конфликтов с Ордой вопрос так никогда не ставился.

октября) полностью подтверждает версию о выступлении из Москвы именно 3 октября (как и читается в Московской летописи).

Даже великий князь Дмитрий, этот наиболее крупный, талантливый и яркий вождь Руси в ее прежней борьбе за независимость, накануне своего знаменитого Донского похода в принципе признавал власть ордынского хана и не отказывался от выплаты «выхода» Мамаю: он только хотел «ему выход дати по християнской силе и по своему докончанью, как с ним докончал» (Мамай же просил «выхода, как было при цесаре Джанибеке»).[1] Через 100 лет после Куликовской битвы Русское государство получило возможность поставить вопрос совсем по-другому: в 1480 г. речь шла не о том или ином размере «выхода», а о принципиальном отказе от какого бы то ни было подчинения Орде.[2]

Софийско-Львовская летопись заканчивает рассказ о неудачных переговорах с Ахматом многозначительной фразой: «...хваляшеся царь все рек: "Дай Бог зиму на вас, и реки все станут, ино много дорог будет на Русь"».[3] Зловещие слова Ахмата, приведенные летописцем, намекают на новые возможности вторжения. По данным той же летописи, зима наступила рано и отличалась суровостью: «З Дмитриева же дни стала зима и реки все стали, а мразы великиа яко не мощно зрети».[4] О суровости зимы говорят и другие летописи: «...быща же мрази велики тогда, река начат ставитися».

Установление ледового покрова на Угре существенно меняло тактическую обстановку — форсирование неширокой реки по льду значительно облегчалось для ордынцев, и в той же мере усложнялись задачи русских, оборонявших левый берег Угры. К этому времени, по-видимому, в состав русских сил влились отряды Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого.

Московская и Симеоновская летописи помещают сообщение об этом непосредственно после известия о выступлении великого князя

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 202.

[2] Польский хронист конца XVI в. М. Стрыйковский приводит известие, что «московскому князю» удалось избежать столкновения с Ахматом, подкупив его воеводу Тимура и «отослав царю особенно большие дары, которые за несколько лет должны была уплатить Москва» (цит. по: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 217). А. И. Рогов с полным основанием отвергает эту версию: она не подтверждается источниками и — главное — не соответствует реальному ходу событий (Там же. С. 217–218).

[3] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 346.

[4] Там же.

из Москвы 3 октября и прибытии его на Кременец и до рассказа о боях с Ахматом на Угре.[1] Если буквально следовать контексту, бывшие мятежники «прийдоша... к великому князю на Кременец» ранее половины октября. Напротив, Типографская летопись рассказывает об этом событии после сообщения о начале ледостава, относя его к последним числам октября.

Этот вариант кажется более убедительным. Для того чтобы перейти из Новгородской земли (где они были еще 13 сентября, по сведениям псковского летописца) к Кременцу, князьям нужно было не менее 20–25 дней. Если вчерашние мятежники двинулись против Ахмата из Новгородской земли после того, как получили соответствующее распоряжение великого князя, т. е. после совещания в Москве 30 сентября — 3 октября, то их войска могли появиться на Кременце не ранее самых последних чисел октября, т. е. непосредственно перед ледоставом или даже позже его начала.[2]

Во всяком случае, прибытие этих отрядов было фактором, весьма благоприятным для русских. Войска, стоящие в обороне против Ахмата, усилились, главное же — окончился феодальный мятеж и можно было не опасаться за тыловые районы страны. Другим благоприятным фактором было нападение крымских отрядов на южную окраину владений Казимира. Это нападение уменьшало вероятность выступления Казимира на стороне Ахмата. Итак, к концу октября — началу ноября общая военно-политическая ситуация изменилась в пользу Русского государства. В то же время замерзание Угры обостряло угрозу непосредственного вторжения Ахмата и заставляло принимать новые оперативно-тактические решения.

Таким решением явился отвод главных сил с берегов замерзшей реки, которая не могла больше служить серьезным оборонительным рубежом, на тыловую Кременецкую позицию. По словам Московской летописи, «егда же река ста, тогда князь великий повеле сыну своему великому князю и брату своему князю Андрею и всем воеводам со

[1] Там же. Т. 18. С. 268; Т. 25. С. 328–329.

[2] К. В. Базилевич считает датой прихода братьев 20 октября (Базилевич. 156). Эту дату принимают и В. А. Кучкин (СИЭ. М., 1971. Т. 13. Стб. 483), В. В. Каргалов (Каргалов. С. 125). Напротив, В. Д. Назаров относит это событие к 26–27 октября (Указ. соч. С. 54–55), что представляется более обоснованным.

всеми силами отступити от брега и прийти к себе на Кременец». Такое же сообщение содержат Симеоновская и Типографская летописи.[1]

В целесообразности этого решения трудно сомневаться. Растянутые в тоненькую цепочку на многокилометровом фронте Угры, русские войска в новых условиях не имели возможности оказать эффективного сопротивления противнику, который мог быстро форсировать реку в любом подходящем месте. В этих условиях было естественно отойти главными силами на удачно выбранную позицию, которая, с одной стороны, прикрывала наиболее вероятные пути противника в глубь страны, с другой — давала возможность быстро выдвинуть силы на угрожаемый участок Угры.[2] Судя по летописному контексту, отвод войск с берегов Угры начался после ледостава, т. е. после 26 октября (очевидно, в самых последних числах октября — первых числах ноября). Угроза форсирования Угры Ахматом представлялась русскому командованию вполне реальной.

С реальностью этой угрозы связано и другое распоряжение русского руководства. По словам Типографской летописи, «князь... великий с сыном и братьею и с всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще яко "на тех полях бой с ними поставим"». Об отходе к Боровску сообщают и другие летописи: Московская (без мотивировки) и Вологодско-Пермская («отступи со всею силою в поля к Боровску, как мощно бы стати против безбожного царя Ахмата»).[3] Это означало отвод войск примерно на один конный переход (ок. 40 км) к востоку, на берега р. Протвы. В настоящее время трудно сказать, чем было вызвано это решение. Возможно, позиция у Боровска действи-

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 328; Т. 18. С. 268; Т. 24. С. 200. В оригинальной части Софийско-Львовской летописи и во Владимирском летописце это известие отсутствует.

[2] А. Е. Пресняков, К. В. Базилевич и В. В. Каргалов верно понимают необходимость и целесообразность маневра русских войск: в зимних условиях «узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому со стороны тактических требований было бы неразумным держать все силы у самой реки. В этом случае прорыв татар на левый берег Угры поставил бы обороняющиеся войска в тяжелое положение...» (Базилевич. С. 158; Каргалов. С. 127). В. Д. Назаров тоже соглашается с тем, что, «как только Угра покрывалась льдом, она переставала быть препятствием» (Указ. соч. С. 54–55).

[3] ПСРЛ. Т. 24. С. 200; Т. 25. С. 328; Т. 26. С. 273.

тельно имела тактические преимущества перед Кременецкой.[1] Боровск расположен на правом берегу Протвы, на холмах с хорошим обзором. Лесистая местность близ Боровска создавала крайне неблагоприятные условия для развертывания многочисленной конницы — основной ударной силы Ахмата. В этом случае отход от Кременца к Боровску должен рассматриваться именно в тактическом плане — как перевод войск с одной позиции на другую. Не исключено, однако, и другое объяснение. Замерзание рек ставило под угрозу прорыва ордынцев не только Угру, но и Оку. Расположенный ближе к Москве, чем Кременец, Боровск прикрывал пути на Москву не только со стороны Угры, но и со стороны Калуги; из Боровска можно было быстрее выдвинуться к среднему течению Оки между Калугой и Серпуховом. Общий стратегический замысел русского командования оставался прежним — дать оборонительное сражение в выгодных для себя условиях, не допуская прорыва противника к столице.[2]

Однако вопреки ожиданиям русского командования Ахмат не только не предпринял попытки перейти Угру и вступить в сражение, но и начал отступать от русских рубежей.

По данным Вологодско-Пермской летописи, «прочь царь пошол от Угры в четверг, канун Михайлову дни».[3] Михайлов день (8 ноября) приходился на среду. Известие Вологодско-Пермской летописи следует, по-видимому, понимать так, что отход ордынцев начался в чет-

---

[1] В. Д. Назаров тоже допускает мысль, что «поля под Боровском и впрямь были удобнее для решающей битвы с ордами хана» (Указ. соч. С. 55). По состоянию источников нельзя исключить и другую версию отхода к Боровску: «...переход основных сил к Боровску произошел после отступления Ахмед-хана; войска собирались в окрестностях этого города перед роспуском и возвращением великого князя в Москву» (Базилевич. С. 161). Эта гипотеза подтверждается буквальным смыслом известия Владимирского летописца (не использованного К. В. Базилевичем): «А от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября 10 день в пятницу. А князь великий того же дни пошел к Боровску» (ПСРЛ. Т. 30. С. 137). Отвод войск к Боровску последовал за бегством Ахмата. Мнение К. В. Базилевича разделяет и Р. Г. Скрынников (На страже московских рубежей. С. 42).

[2] К. В. Базилевич считает, что «к Боровску отошла лишь часть войска вместе с великим князем. Кременецкая позиция не была покинута» (Базилевич. С. 160).

[3] ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

верг, кануном которого был этот праздник, т. е. 9 ноября. Владимирский летописец сообщает, что «от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября в 10 день, в пятницу».[1] Московская летопись указывает, что «царь побежал ноября в 11».[2] Все три приведенные даты не противоречат друг другу по существу. Они отражают разные этапы отступления Орды, которая отходила на разных участках не одновременно.[3]

С отступлением Ахмата от Угры связан эпизод, о котором сообщают рассказы Московской и Типографской летописей. В изложении первой из них он выглядит так: «Егда отступиша сынове русскыя от брега, тогда татарове страхом одержимы побегоша, мняше, яко брег дають им Русь и хотят с ними битися. А наши мняху татар за собою реку прешедшю и побегоша на Кременець».[4] По буквальному смыслу летописного рассказа в войсках, стоявших на обоих берегах Угры, внезапно возникла паника, и они побежали друг от друга в разные стороны: «...едины от другых бежаху и ничто женяше».[5] Другие летописи, в том числе Симеоновская, близкая по тексту к Московской, об этом событии не упоминают. Эпизод, сам по себе достаточно правдоподобный (люди, долгое время стоявшие в напряженном ожидании боя, могли поддаться внезапному чувству страха), не имел, очевидно, никакого существенного значения и не мог повлиять ни на соответствующие решения русских и ордынских руководителей, ни на реальный ход событий.[6] Исход кампании был уже решен. Отказ Ахмата от форсиро-

---

[1] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[2] Там же. Т. 25. С. 326.

[3] На постепенную подготовку Ахмата к отступлению косвенно указывает Вологодско-Пермская летопись: «...и полон отпусти за многи дни к Орде» (Там же. Т. 26. С. 273).

[4] Там же. Т. 25. С. 328.

[5] Там же. Т. 24. С. 200–201.

[6] Тем не менее, как это ни парадоксально, именно этот незначительный эпизод приобрел в позднейшей историографии чуть ли не хрестоматийное звучание. По тонкому наблюдению А. Е. Преснякова, «легкой перестановкой фраз и небольшим изменением их редакции сообщение о конкретном факте обратилось в то “чудо”, которое, вероятно, умиляло московских книжников, а... у более рассудочных книжников — историков XIX в. придавало всему эпизоду несколько комический характер» (*Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 286). Нелепая картина бегущих друг от друга войск широко проникла в общие курсы, школьные учебники, хрестоматии, популярные книжки. Развивая мысль

вания Угры в сравнительно благоприятных тактических условиях может объясняться только нежеланием вступать в сражение с русскими войсками. Альтернативой сражения было отступление Орды от русских рубежей и тем самым признание своего стратегического поражения.

Пребывание ордынских войск на земле русских княжеств, находившихся под юрисдикцией великого князя Литовского, продолжалось, по данным Вологодско-Пермской летописи, 6 недель, т. е. примерно с 1 октября по 11 ноября. За это время ордынцы, по данным той же летописи, разорили волости 12 городов и захватили полон в них.[1] Разорению и разграблению подверглась обширная территория протяжением не менее 100 км с юга на север и не менее 120 км с востока на запад. Этому не приходится удивляться — во время длительного пребывания на Угре войска нуждались в снабжении всем необходимым, а сам характер Орды, архаической военно-кочевой организации, и ее выработанные веками традиции предрасполагали к грабежам и насилию над местным населением. Возможно, дополнительным мотивом для разорения русских волостей Казимира послужила досада на короля за отсутствие помощи Ахмату: московский летописец подчеркивает именно этот мотив («побеже... по королеве державе, воюя его землю за его измену»).[2]

«Стояние на Угре» завершилось полным поражением Ахмата — военным, политическим и моральным. Осознание этого основного факта — крушения своего военно-политического плана в союзе с Литвой поставить на колени Русскую землю, крушения своих великодержавных амбиций, архаических по форме и реакционных по существу, — и было, очевидно, главной причиной, заставившей Ахмата в

А. Е. Преснякова, можно утверждать, что всяческое муссирование и преувеличение роли этого эпизода связано с деятельностью консервативных кругов, стремившихся принизить роль русских войск и их предводителей в спасении Руси от нашествия Ахмата.

[1] Мещовск, Белев, Одоев, Перемысль, старый и новый Воротынск, старый и новый Завидов, Опаков, Серенск, Мезецк, Козельск.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 328. К. В. Базилевич высказал интересное и не лишенное вероятности предположение, что разорение Ахматом русских земель по литовскую сторону Угры было вызвано враждебными выступлениями русского населения против ордынцев или отказом русских князей соединиться с татарами (Базилевич. С. 154–155).

первых числах ноября отказаться от продолжения похода против Русского государства и отвести Орду в южные степи.

Последний эпизод, связанный с нашествием Ахмата, — попытка ордынцев разорить русские заокские волости. По сообщению Московской летописи, «един же царевич хотя имати украину за Окою. Князь же великий посла братью свою, дву Андреев, и услышаша татарове, и ти побегоша». Наиболее подробно это событие освещается в Вологодско-Пермской летописи: «...прочь идучи, проходил цареве сыне Амуртаза на Конин да на Нюхово, пришел в вечере, а князь великий отпустил братью свою, князя Ондрея, да князя Бориса, да князя Ондрея Меншого со множеством воевод своих. Татарове же ночи тое поимаша человека и начаша мучити его и спрашивати про великого князя. Он же, муки не мога терпети и сказа им, что князи близко... и побеже тое же ночи на ранней зоре. А князи приидоша на станы его на обед».[1]

Конин и Нюхово — волости, тянувшие в конце XV в. к Алексину.[2] Эти земли на правом берегу Оки — район старинной русской колонизации. В родословных упоминаются князья Конинские — потомки черниговских князей, родичи Оболенских, Барятинских и Мезецких. Как и другие пограничные волости, их земли подвергались частым набегам и опустошениям. О Конинских князьях сказано в родословце: «...а извелися они от войны от татарские».[3]

Рассказ Вологодско-Пермской летописи, отличающийся большой конкретностью и фактологичностью, заслуживает серьезного внимания. Из него можно сделать вывод о том, что русское командование бдительно следило за передвижением войск Ахмата: отряды двух Андреев и Бориса, посланные для преследования татар, шли за ними буквально по пятам, отстав всего на полперехода.[4] Очевидно, отведя свои главные силы к Кременцу и Боровску, русское командование не

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 274.

[2] Они упомянуты в духовной Ивана III (ДДГ. № 89. С. 360).

[3] ВОИДР. М., 1851. Т. X. С. 72.

[4] Этим опровергается сообщение Софийско-Львовской летописи: «...и проеде Серенск и Мценск, и слыша князь великий, посла опытати, еже и бысть» (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 346). От Угры до Мценска ок. 150 км, Ахмат мог пройти мимо Мценска 14 ноября. Известие о прохождении татарами Мценска могло дойти до русского командования через 2–4 дня, 6–8 дней должна была занять его проверка. Если так, то отправка удельных князей могла состояться не ранее

теряло соприкосновения с противником, знало о его намерениях и своевременно принимало эффективные контрмéры.[1]

Поход 1480 г., один из самых долгих, трудных и опасных за многие столетия, окончился, и вместе с ним окончилось ордынское иго. Войскам оставалось победоносное возвращение домой. «Того же месяца прииде князь великий Иван Васильевич на Москву, и с сыном своим, великим князем Иваном Ивановичем, и с всеми силами... И взрадовавшеся все людие радостию велиею зело».[2] Столица Русского государства радостно приветствовала своих воинов. Для этого были все основания. Борьба на Оке и Угре летом-осенью 1480 г. закончилась полной победой. Русская земля была спасена от огромного по размаху и замыслам ордынского нашествия. Однако в ноябре 1480 г. даже самые проницательные и дальновидные люди едва ли отдавали себе полный отчет в действительном значении происшедших событий. Победа на Угре осенью 1480 г. относится к тем подлинно великим историческим феноменам, реальное значение которых с течением времени возрастает, и осознание их истинного смысла и масштабов приходит только впоследствии.

Основными факторами, приведшими к победе на Угре, были, прежде всего, социально-экономические и политические предпосылки. Создание единого Русского государства на базе растущих и крепнущих экономических связей обеспечило возможность централизованного и целеустремленного военно-политического руководства, что сыграло важнейшую роль в критической ситуации лета-осени 1480 г. Русское государство 1480 г. располагало гораздо более мощными людскими и материальными ресурсами, чем союз князей во главе с Москвой за 100

24–27 ноября и была бы, разумеется, бессмысленной. См.: *Скрынников Р. Г* На страже московских рубежей. С. 41–42.

[1] К. В. Базилевич видит в факте преследования Амуртазы доказательство того, что русские войска были отведены к Боровску только частично (Базилевич. С. 161).

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 328. Владимирский летописец позволяет уточнить дату: «А на Москву оба князя велики пришли месяца декабря 28 дня во вторник» (Там же. Т. 30. С. 137). Название месяца явно ошибочно. 28 декабря в 1480 г. приходилось не на вторник, а на пятницу. А 28 ноября приходилось действительно на вторник, что, в соответствии с указанием Симеоновского летописца, позволяет установить дату вступления в Москву войск, спасших Русскую землю от последнего ордынского нашествия.

лет до этого. Если в русском войске на Куликовом поле отсутствовали полки многих княжеств, не поддержавших по тем или иным причинам освободительную миссию Москвы, то в 1480 г. великий князь имел реальную возможность распоряжаться людскими и материальными ресурсами всей Русской земли. Кроме полков, набранных на огромной территории, к этому времени сплотившейся непосредственно вокруг Москвы, в походе против Ахмата приняли участие и тверские полки, посланные по требованию великого князя — государя всея Руси.[1]

Таким образом, существовали определенные материальные предпосылки для ведения успешной войны. Но, как известно, само наличие таких предпосылок отнюдь недостаточно для достижения успеха. Требуется реализация этих предпосылок, которая может быть достигнута только при наличии целесообразного военно-политического руководства со стороны верховного главнокомандования (ВГК), в данном случае — в лице великого князя.

Кампания 1480 г. — пример оборонительной войны на двух самостоятельных направлениях — южном и северо-западном, при наличии потенциальной угрозы с запада и реально идущего мятежа князей.

В этих сложных условиях стратегическое руководство со стороны ВГК приобретает особое значение. Важнейшими задачами являются: 1) выбор направления главного удара; 2) развертывание на нем соответствующих сил; 3) выработка оперативно-стратегического плана; 4) сохранение непрерывного, реального управления войсками, т. е. способности адекватно реагировать на обстановку.

Кампания 1480 г. может быть разделена на несколько этапов.

На первом этапе (январь-февраль) военные действия шли на ливонском направлении с участием псковских и великокняжеских войск.

Важным фактором обстановки был мятеж удельных князей (февраль-май).

На втором этапе (июнь-сентябрь) великокняжеские войска были развернуты на южном направлении, а на ливонском — псковичи оборонялись от войск магистра.

На третьем этапе (октябрь-ноябрь) произошли решающие события на Угре, определившие весь исход кампании.

---

[1] «А сила была великого князя Михаила Борисовича Тверского тут же: а воеводы были князь Михаил Дмитриевич Холмский, да князь Иосиф Андреевич Дорогобужский», — сообщает тверской летописец (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497).

Нападение Ордена заставило отправить войска на северо-западное направление. Но мятеж князей вынудил пересмотреть оперативные планы, отозвать войска с ливонского театра и сосредоточить силы для изоляции мятежных князей. При этом задача вооруженного подавления мятежа не ставилась — переговоры с мятежниками имели целью примирение с ними. Мирный исход конфликта был наиболее желательным — он исключал возможность перерастания мятежа в междоусобную войну, позволяя сохранить силы и средства для решения других задач, обеспечивая мир во внутренних уездах страны. В общих чертах эту задачу удалось решить успешно — князья были вынуждены отступить в приграничный район, и тем самым основная часть страны была спасена от разрушительной феодальной усобицы.

Не позднее чем в апреле сложилась новая обстановка в связи с нашествием Ахмата.

Нашествие Ахмата при угрозе выступления его союзника Казимира определило оперативно-стратегический план русского командования. Объективно этот план должен был отвечать двум важнейшим условиям: 1) не допускать вторжения Ахмата во внутренние районы страны; 2) отразить вероятное наступление Казимира.

Главные силы страны постепенно стягиваются на южное стратегическое направление.

Псков был предоставлен своей судьбе — в данных условиях помощь ему означала бы раздробление сил и опасное ослабление их на главном направлении. По-видимому, ВГК исходило из мысли, что нашествие магистра едва ли сможет привести к фактической потере хорошо укрепленного Пскова; можно было надеяться на обороноспособность псковской крепости и на силы псковского земского ополчения. Разрушение или даже захват противником отдельных городов на псковской территории не представляли серьезной угрозы для Русского государства в целом — в случае победы на главном направлении эти потери можно было бы вернуть.

Но неудача на главном направлении означала тяжелейший кризис и ставила страну на грань катастрофы. Повторение нашествия Тохтамыша или Едигея означало бы не только разорение и опустошение центральных уездов страны.

Поражение в борьбе с Тохтамышем разрушило союз князей — политическую систему Дмитрия Донского, и продлило ордынское иго на сотню лет. Нашествие Едигея ослабило великое княжество Москов-

ское и реанимировало удельно-княжеские сепаратистские тенденции. Позднее, в условиях XVI в. нашествия Мухаммед-Гирея и Девлет-Гирея приводили к большим материальным потерям, но принципиальных политических последствий не имели — централизованное государство было уже достаточно прочным и о возрождении его политической зависимости от хана не могло быть и речи.

Нашествие Ахмата было наиболее опасным. Шел трудный процесс создания единого государства, выработки новых форм политической жизни. В этих условиях разгром центра страны мог привести к особо тяжелым последствиям — разрушить всю политическую систему складывающегося государства, вызвать консолидацию всех сил, заинтересованных в максимальном ослаблении России. В этих условиях нападение короля становилось бы более чем вероятным, центробежные силы в Новгороде и уделах получили бы реальную перспективу для осуществления децентрализаторской политики — к возвращению Руси в состояние удельной раздробленности под протекторатом хана или короля. Поэтому сосредоточение сил на южном направлении ценой ослабления их на северо-западе являлось наиболее верным стратегическим решением. При этом еще надо было стремиться к максимальному сбережению сил — на случай выступления короля.

Занятие южного оборонительного рубежа ставило русские войска в наиболее благоприятное положение. Оно создавало возможность отражения попытки Ахмата форсировать реку и вторгнуться во внутренние области страны. При попытке форсирования ханом Оки сражение произошло бы в наиболее выгодных для русских войск условиях, а следовательно — и с наибольшими шансами на успех. Отказ от наступательных действий на правом берегу Оки был вполне оправдан — перейдя Оку навстречу хану, русские войска теряли все преимущества позиционной обороны и подставляли себя под удар ордынской конницы, в которой у Ахмата было преимущество. Переходя Оку и углубляясь в степь, русские войска подставляли свой фланг и тыл под удары вражеской конницы и более того — открывали путь на Москву войскам короля Казимира на наиболее опасном, кратчайшем направлении Вязьма — Можайск.

Опасная попытка противника обойти оборонительный рубеж по Оке была своевременно парирована рокировкой сил и выдвижением резерва, а попытка форсировать Угру успешно отражена.

Тем не менее, ВГК принимает меры на случай прорыва противника через линию обороны. Меры предосторожности никогда не бывают

излишними, а в войне с сильным противником они всегда необходимы. Принятие этих мер, несмотря на их непопулярность, свидетельствует о дальновидности и твердости ВГК в осуществлении своего плана борьбы на южном направлении и, в частности, об учете печального опыта борьбы с Тохтамышем, Едигеем и Мазовшей.

Октябрьское стояние на Угре, точнее — боевые действия в форме перестрелки через реку, протекали в наиболее благоприятных для русских войск условиях. Всякое продление этого «стояния» было выгодным для русских и невыгодным для Орды.

Но сражение на подготовленной тыловой позиции у Боровска не состоялось — кампания была уже фактически выиграна, и развязка наступила, по-видимому, в какой-то мере неожиданно для русского командования.

Таким образом, русская стратегия в 1480 г. была по форме оборонительной, в отличие от наступательной стратегии, избранной за столетие до этого Дмитрием Донским. Необходимо признать, что оборонительная стратегия в условиях 1480 г. себя полностью оправдала. Она привела к крупнейшему военно-политическому успеху — фактически к полному стратегическому поражению вражеских войск, вынужденных отказаться от решения своей задачи. Кампания 1480 г. закончилась решающей победой Русского государства. При этом важно подчеркнуть, что русское войско не понесло значительных потерь и сохранило свою боеспособность. Это было одной из наиболее существенных причин отказа Казимира от эффективного вмешательства в русско-ордынскую войну, имело важнейшее значение в решении конфликта с Ливонией и в ликвидации феодального мятежа.

В действиях русского командования в 1480 г. можно отметить некоторые характерные черты. Это, прежде всего, строгая централизация руководства. Все военно-политическое руководство было сосредоточено в руках главы государства, оно по существу может быть названо верховным главнокомандованием (ВГК). Именно оно определяло политическую линию в переговорах с князьями и ханом, рубежи развертывания войск, выбор тыловых позиций, принимало решения о частичной эвакуации и подготовке к обороне городов в тылу и т. д.

Как и в кампаниях 1471 и 1472 гг., командование стремилось сохранить постоянную связь с войсками и своевременно реагировать на обстановку своими директивами (рокировка на Угру, отход к Кременцу, преследование Ахмата). Стремлением к сохранению управления

войсками, развернутыми на широком фронте, объясняется, по-видимому, избрание Кременца как места пребывания Ставки.

Одна из характерных черт русской стратегии — стремление вести оборону на широком фронте, перекрывая наиболее вероятные направления вражеского вторжения. Как и в кампании 1472 г., русские войска проявили способность быстро стягиваться к угрожаемому участку (Опаково Городище), что требовало достаточно хорошей разведки, связи и оперативности руководства. С оперативно-тактической точки зрения представляет интерес отвод главных сил на Кременецкую позицию при сохранении заслона на Угре.

К числу характерных черт стратегии ВГК относится стремление к экономии сил. Это определяется спецификой войны на нескольких направлениях — угрозой со стороны короля и действиями против Ордена.

В целом действия русского командования в 1480 г. представляются образцовыми — как пример стратегической оборонительной операции в сложных военно-политических условиях, проведенной на самом высоком уровне и с самыми положительными результатами.

В тактическом плане в действиях русских войск можно отметить умелую оборону водных рубежей с применением огнестрельного оружия (впервые в полевом бою). Применение артиллерии в боях на Угре в октябре 1480 г. — важная веха в истории русского военного искусства.

Итак, летне-осенняя кампания 1480 г. против Ахмата — яркая страница военной истории нашей страны. Еще более существенно, что на берегах Оки и Угры была одержана решающая политическая победа — фактически свергнуто ордынское иго, тяготевшее над Русью более двух столетий. Бескровная победа на Угре — крупнейшее событие эпохи, а воскресенье 12 ноября 1480 г., первый день полностью независимого Русского государства, — одна из важнейших дат в истории нашего Отечества.

В кампании 1480 г. можно обнаружить некоторые черты коалиционной стратегии.

Зерна коалиционной стратегии на основе военно-политического союза были посеяны уже в первом проекте договора с Менгли (миссия Никиты Беклемишева).

Проект докончания с Менгли, отправленный с Никитой Васильевичем Беклемишевым в марте 1474 г., предусматривал:

1. Нападение Ахмата на Менгли. В этом случае «великому князю Ивану отпустити царевичев своих на Орду».

2. Нападение Ахмата на великого князя. В этом случае «Менгли Гирею царю на него пойти, или брате брата своего отпустити с своими людьми».

3. Наступление великого князя на короля или короля на великого князя. В этом случае Менгли должен «пойти на его [короля] землю».[1]

Эти основные положения проекта союзного договора обсуждались в ходе последующих переговоров.[2]

Проект договора не предусматривал возможности одновременной войны с Ахматом и королем. Но когда в апреле 1480 г. в Крым отправился очередной посол, князь Иван Иванович Звенец Звенигородский, в его наказе было сформулировано новое положение: «коли Ахмат царь положет под Русь... чтобы царь [Менгли] пожаловал, пошел на Ахмата царя или брата своего отпустил с своими людьми. А не пойдет Менгли-Гирей царь братии своего слювли не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошел, или брата отпустил с людьми».[3]

Это положение наказа князю Звенцу имеет принципиальное значение. По мысли великого князя, помощь со стороны Менгли может быть оказана не только прямым нападением на Ахмата, но и нападением на его союзника — короля, даже если он непосредственно не выступит против Русского государства. Таким образом, нападение Менгли должно было сковать силы короля на южном направлении и не дать ему возможности (или затруднить) наступление на Русь в союзе с Ахматом. В этом и заключается зародыш коалиционной стратегии в кампании 1480 г. Хотя, как мы видели, практически результаты набега крымцев на Подолию были невелики, сама идея сковывающего удара на второстепенном направлении представляет значительный интерес — в ней можно увидеть стремление охватить весь масштаб большой войны и обнаружить зерна коалиционной стратегии.

Подводя общий итог, можно отметить, что одно из крупнейших событий в политической истории нашей страны было также одним из крупнейших событий в ее военной истории.

Победа на Угре означала коренной перелом в стратегическом положении Русского государства. Силы русского войска, не понесшего

---

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 5.

[2] Там же. № 5. С. 20–21.

[3] Там же. С. 20.

значительных потерь в борьбе на южном рубеже, теперь могли быть использованы для решения стратегических задач на северо-западном направлении. Борьба с орденской агрессией требовала организации нового похода против магистра, причем в кратчайшие сроки — до возможного возобновления похода против Орды. Этим и объясняется, что зимой 1480/1481 гг. русские войска отправляются «в немецкие земли воевати и на князя-местера за их неисправление» — в наказание за нападение на Псков, «егда царь на Угре стоял и братья отступиша от великого князя».[1] Этот зимний поход был, таким образом, не чем иным, как продолжением войны, начатой Орденом в январе 1480 г. Рассказ о походе содержится в Московской и Симеоновской летописях, тексты которых восходят, по-видимому, к одному официальному источнику, расходясь между собой в деталях. Псковские летописи дают свою, независимую версию событий. Львовская летопись содержит некоторые самостоятельные известия.

По данным Московской летописи, в походе приняли участие полки воевод князей Ивана Васильевича Булгака и Ярослава Васильевича Оболенского,[2] новгородские полки во главе с наместниками князем Василием Федоровичем Шуйским и Иваном Зиновьевичем Станищевым,[3] а также Псковский полк во главе с князем-наместником Василием Васильевичем Шуйским.[4] Симеоновская летопись, кроме этих великокняжеских воевод, называет новгородских бояр Василия Казимира и Александра Самсонова.[5] Следовательно, к началу 1481 г. в Новгороде еще сохранились черты старой военной организации: новгородские бояре шли в поход со своими земскими полками рядом с полками новгородских наместников великого князя.

По сообщению Псковской I летописи, поход был совершен по просьбе псковичей, которые «биша челом... великому князю... чтобы дал воевод своих с силою на немцы». Великий князь внял челобитью и велел новгородским наместникам «и посадникам, и тысяцким, и всем

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[2] По данным Львовской летописи, с этими воеводами шли «дмитровцы и боровичи», т. е. войска, набранные в Дмитровском и Боровском уездах (Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 348).

[3] Там же. Т. 25. С. 329.

[4] Там же. Т. 18. С. 269.

[5] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 78–79.

мужам новгородцем» идти в поход «со псковичами за псковскую обиду». Это известие подтверждает данные Симеоновской летописи о сохранении новгородской военной организации. Новгородские полки прибыли в Псков 16 января 1481 г. и стали на Полонище. 11 февраля подошли московские воеводы князья Ярослав Васильевич Оболенский и Иван Васильевич Булгак с 20-тысячным войском,[1] разместившись на Запсковье. Русское командование выжидало сбора всех своих сил, дало им необходимый отдых и уже после этого приступило к решительным действиям. Войска выступили в поход «на мясной неделе», т. е. между 18 и 25 февраля.

По данным Московской летописи, войска шли «многыми дорогами жгучи и воюючи... и немец секучи и в полон емлючи».[2]

Псковская II летопись свидетельствует, что войска шли тремя колоннами.[3] 1 марта русские войска впервые подошли к столице магистра Феллину (Вельяд).[4] За день до этого магистр бросил город и «побежал» к Риге. Князь Василий Федорович Шуйский со своим полком гнался за ним на протяжении 50 верст, но не догнал, хотя и захватил его обоз. Началась бомбардировка города из пушек, пищалей и «тюфяков» и подготовка штурма. В результате бомбардировки была разрушена стена охабня (внешнего укрепления); русские войска взяли и сожгли посад и пригородные села.[5] Гарнизон цитадели запросил пощады. Воеводы Иван Булгак и Ярослав Оболенский назначили «окуп» в 2 тыс. руб. и согласились отступить от города. Русские взяли Тарваст и Вельяд и «плениша и пожгоша всю землю немецкую от Юрьева и до Риги».[6] Впервые русские войска подошли к самому центру земель Ливонского Ордена.

Поход крупных сил по глубокому снегу в разгар лютой зимы («бе бо тогды мрази силно велици, а снег человеку в пазуху, аще у кого конь свернут з дорозе, ино двое али трое одва выволокут»)[7] был для немцев

---

[1] Там же. С. 79.

[2] Там же. Т. 25. С. 329.

[3] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 62.

[4] Там же. Т. 25. С. 329.

[5] Там же. Т. 25. С. 329. По словам Львовской летописи, русские войска взяли в Вельяде два охабня (Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 348).

[6] Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 62.

[7] Там же.

полной неожиданностью. По словам того же псковского летописца, «яко же неции рекоша, и Псков стал, не бывало тако».[1] В действиях русских войск можно отметить стремление нанести удар по главному центру вражеских земель, не отвлекаясь на второстепенные объекты. Если в феврале 1480 г. князь Андрей Оболенский со своими силами наносил удар по Дерпту (Юрьеву) и немецким укреплениям на р. Эмбах (Омовжа), то теперь русские войска наступают на столицу самого магистра. Нанесение главного удара по основному политическому центру вражеской страны свидетельствует о верном стратегическом мышлении русского командования. Русским удалось достичь полной стратегической внезапности. Хотя войска шли разными дорогами, разоряя, по средневековым обычаям, страну, главные силы с артиллерией держались вместе. Об этом свидетельствует взятие городов, отстоящих друг от друга на 20–25 км. Заслуживает внимания также применение артиллерии в условиях зимнего времени. Выступив из Пскова ок. 18–20 февраля, русские войска с тяжелой осадной артиллерией подошли к Феллину 1 марта, пройдя за 8–10 дней ок. 160 км. Средний темп движения составлял, таким образом, ок. 20 км в сутки.

Впервые за длительный период войн с Орденом русские войска перешли от стратегической обороны к решительному стратегическому наступлению, впервые они так глубоко проникли в Ливонию, впервые за 200 лет после Раковорской битвы 1268 г. над Орденом была одержана действительно большая победа. Ближайшее следствие ее — заключение 1 сентября 1481 г. новых договоров с Ливонией, обеспечивавших интересы России.[2] Зимний поход в Ливонию может рассматриваться как стратегическая операция с ограниченной целью. Это логичное завершение кампании 1480 г. — восстановление мира на северо-западном направлении.

* * *

К лету 1481 г. вполне определилась новая политическая ситуация на юго-восточных рубежах Русской земли: Орда Ахмата разгромлена и перестала быть великой державой, оказывающей решающее влияние

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 62.

[2] *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 20–21 (далее — Волков).

на ход событий в Восточной Европе. Из трех татарских улусов, прямых потомков Батыевой империи по западную сторону Урала, серьезное политическое значение сохранили два — Крымская держава Менгли-Гирея и Казанское ханство. Отношения Русского государства с Крымом продолжали оставаться дружественными, и в этом нельзя не видеть крупный успех русской дипломатии. Договор, заключенный князем Иваном Звенцом Звенигородским весной 1480 г., определил на несколько ближайших десятилетий общий стиль и характер русско-крымских отношений.[1] Союз с Крымом против Ягеллонов и потомков Ахмата превратился в один из основных инструментов русской внешней политики до самого конца великого княжения Ивана III.

Добившись относительно прочных отношений с Крымом, Русское государство получило возможность укрепить свои позиции в Среднем Поволжье. В 1482 г. был предпринят поход на Казань.

Наиболее подробные известия о походе на Казань содержит Львовская летопись. Летом 1482 г. против Казани замышлялся большой поход. Главные силы во главе с великим князем были стянуты к Владимиру, судовая рать с артиллерией под начальством Аристотеля Фиоравенти дошла до Нижнего Новгорода.[2] Впервые в дальнем походе в составе судовой рати участвовали русские пушки. В этих условиях «...царь Казанский присла с челобитьем».[3]

Летописные сведения о походе 1482 г. можно сравнить с разрядами. По их данным, в этом году «стояли воеводы в Нижнем Новгороде по казанским вестям: князь Борис Михайлович Оболенский, князь Иван Васильевич Оболенский, князь Федор Курбский, Семен Иванович Пешков, князь Дмитрей Оболенский, Констянтин Сабуров, князь Констянтин Шеховской».[4] Это первый официальный перечень русских воевод, стоящих во главе полков, развернутых против Казани.

---

[1] Это было отмечено Иваном III в наказе, данном 26 апреля 1481 г. Т. И. Скрябе: русский посол должен был передать Менгли слова великого князя: «Ты пак нам пожаловал, крепкое слово мне молвил и ярлыки свои подавал, так и ныне по тому жалуешь, на том и стоишь» (Сб. РИО. Т. 41. № 6. С. 25).

[2] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 349.

[3] Там же. По сообщению Устюжской летописи, «воеводы великого князя стояли на Волге лето все» (Там же. Т. 37. С. 49).

[4] РК-98. С. 24–25.

Князь Борис Михайлович Туреня Оболенский известен по новгородскому походу 1477 г. Он шел в составе Большого полка, возглавляя отряды можаичей, волочан, звенигородцев и ружан. Совершив переход по льду оз. Ильмень, войска князя Бориса овладели Юрьевым и Аркажским монастырями и вместе с другими полками замкнули кольцо блокады вокруг Новгорода.[1]

Брат князя Бориса, принявший монашество под именем Иоасафа, был игуменом Ферапонтова монастыря, а в июле 1481 г. был поставлен в архиепископы Ростовские.[2]

Второй воевода князь Иван Васильевич Шкурля Оболенский (родоначальник Курлятевых) — племянник Андрея Ногтя,[3] воеводы в Ливонском походе в феврале 1480 г. В казанских разрядах 1482 г. Иван Шкурля и его сын Дмитрий (пятый среди воевод) упоминаются впервые.

Впервые упоминается и третий воевода — князь Федор Курбский из рода ярославских князей. Это, скорее всего, Федор Семенович, сын первого удельного князя на Курбе.[4] Курбские были связаны с удельными князьями Московского дома — племянник Федора Семеновича Андрей (сын его младшего брата Дмитрия) был женат на дочери углицкого князя Андрея Васильевича Большого. Правнук Федора Семеновича, красноречивый корреспондент Ивана IV, бежал за границу, но во времена Ивана III и его сына Курбские верно служили Отечеству и не один из них сложил голову на поле брани.[5]

Семена Ивановича Пешкова, названного в числе воевод на четвертом месте, родословцы не знают. Известен Семен Федорович Пешок Сабуров, воевода князя Андрея Вологодского и великой княгини Марии Ярославны. В 1469 г. он со своими вологжанами участвовал в Казанском походе.[6] В 1471 г. во время войны с Новгородом ходил на Кокшенгу.[7]

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 313–315.

[2] АСВР. Т. II. С. 695; ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[3] ВОИДР. Т. X. С. 47; ср.: Зимин. С. 43–56.

[4] ВОИДР. Т. X. С. 55–57.

[5] Так, под Казанью (вероятно, в 1506 г.) был убит Роман, сын Федора Семеновича; внук Федора, Владимир Михайлович, погиб «на Берегу в царев приход» (по всей вероятности, в 1521 г. при нашествии Муххамед-Гирея) (ВОИДР. Т. X. С. 57). См.: Зимин. С. 90–92.

[6] ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

[7] Там же. Т. 28. С. 144.

а в 1477 г. с двором Марии Ярославны в составе полка Левой руки совершил переход через Ильмень.[1] В 1482 г. в походе на Казань участвует и младший брат Семена Константин Сверчок (шестой воевода). Оба они — сыновья Федора Сабура, одного из самых знатных московских бояр.[2]

Седьмой воевода, ярославский князь Константин Юрьевич Шаховской, судя по родословцам, служил князю Андрею Меньшому.[3]

Разрядная книга сообщает, что в 1482 г. полки были развернуты и на Вятке — здесь стояли Василий Федорович Сабуров, Василий Федорович Образец Симский и князь Семен Иванович Ряполовский.[4] Как и в 1469 г., для борьбы с Казанью были созданы две группы войск на двух направлениях — западном (по отношению к Казани) и северном. Все три воеводы, стоявшие на Вятке, обладали боевым опытом. Василий Федорович Сабуров (старший брат Семена Пешка и Константина Сверчка) еще в 1466 г. был наместником на Устюге,[5] а в 1477 г. участвовал в походе через Ильмень на Новгород с полком князя Андрея Меньшого.[6] Василий Федорович Образец Симский прославился победой, одержанной 27 июля 1471 г. над новгородцами на Двине, при устье р. Шиленги;[7] в 1477 г. он — второй воевода Большого полка.[8] Важно отметить, что Образец имел опыт войны с Казанью: в 1478 г. он ходил на Казань вторым воеводой судовой рати.[9] Князь Семен Хрипун Ряполовский в ноябре 1477 г. возглавлял войска, шедшие через Ильмень для обложения Новгорода,[10] а летом 1478 г. стоял во главе судовой рати, посланной на Казань.[11] Учитывая, что на Вятке стояли лучшие, наиболее опытные воеводы, можно предположить, что этому направлению уделялось особое внимание.

---

[1] Там же. Т. 25. С. 314.

[2] ВОИДР. Т. X. С. 93; Веселовский. С. 169–173.

[3] ВОИДР. Т. X. С. 59.

[4] РК-98. С. 25.

[5] ПСРЛ. Т. 37. С. 91. Архангелогородский летописец обвиняет его во взятии «посула» у вятчан (Там же).

[6] Там же. Т. 25. С. 314–315.

[7] Там же. С. 290.

[8] РК-98. С. 98.

[9] ПСРЛ. Т. 28. С. 148.

[10] Там же. Т. 25. С. 314.

[11] Там же. Т. 28. С. 148.

Разрядные записи 1482 г. особенно ценны тем, что содержат первое упоминание о недошедших до нас казанских посольских книгах. Они ссылаются на запись, сделанную в этих книгах 16 июля 1482 г. Запись содержала наказ воеводам, стоящим в Нижнем Новгороде. Сам наказ был в грамоте, посланной с гонцом Иваном Писемским. Первый дошедший до наших дней текст наказа воеводам (т. е. директивы главного командования) заслуживает дословного воспроизведения.[1]

«А се говорить от великого князя Ивану Писемскому бояром и воеводам князю Ивану Васильевичю, да князю Семену Ивановичю, да князю Борису Оболенскому, да князю Федору Курбскому, да князю Ивану Шеховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Костянтину Сабурову. Князь великий велел вам говорить: посла есми к царю в Козань князя Ивана Звенца и Бурнака есми с ним отпустил. И вы б отобрались с теми людьми, которые с вами в лехких судах, да иные б мои воеводы князь Борис Оболенский Туреня, и князь Федор Курбский, и князь Иван Шеховской, и князь Дмитрий Оболенской, и Костянтин Сабуров, и князь Михайлов сын Деева, и брата моего Андреев воевода князь Семен Стародубской промышляли бы есте моим делом».[2] В чем именно заключалось «дело», которое «опосле тово писано», остается неизвестным.

Запись точно датирована, что дает возможность уточнить время похода под Казань: он состоялся после 16 июля 1482 г. Запись дает представление о том, как передавалась директива. Директива составлялась в письменном виде и передавалась с гонцом, который должен был еще сказать и «речи» воеводам. В наказе несколько изменен и расширен перечень воевод (по сравнению с разрядной записью, приведенной выше). На первое место поставлен боярин князь Иван Васильевич. Видимо, это Булгак, участник зимнего похода 1481 г. в Ливонию. Князь Семен Иванович, второй воевода, — вероятно, Ряполовский. Если так, то он переведен в Нижний Новгород с Вятки. Князь Иван Шаховской — это Иван Юрьевич, старший брат Константина, упомянутого выше. Не названный по имени «князь Михайлов сын Деева» — выходец из ярославских князей, потомков Романа, третьего сына князя Василия Давыдовича «Грозные Очи».[3] Князь Семен Старо-

[1] Московская летопись за 1469 и 1477 гг. приводит наказы в пересказе.
[2] РК-98. С. 25.
[3] ВОИДР. Т. X. С. 62.

дубский, названный воеводой князя Андрея Углицкого, — это, вероятно, Семен Федорович.[1]

Разряды за 1482 г. называют в общей сложности имена 14 воевод, возглавлявших русские войска на казанском фронте. Десять из них — потомки удельных князей, четверо — выходцы из московских боярских родов. Из десяти княжат пять принадлежат к семьям, потомственно связанным с великокняжеской службой (И. В. Булгак, С. И. Ряполовский, трое Оболенских). Таким образом, основное ядро воевод — старые служилые люди, в достаточной степени проникнутые московской традицией. Сравнительно недавно на московской службе появились только ярославские княжата (Курбский, Деев и двое Шаховских). Это результат той служилой инкорпорации бывших удельных князей, которая особенно усилилась в 60-х гг. XV в. и отголоски которой звучат в Ермолинской летописи под 1463 г. По крайней мере, пять воевод (двое Сабуровых, князья Шаховской, Деев и Стародубский) связаны службой с удельными князьями. Но эти удельные князья — члены Московского дома, носители той же, в сущности, московской традиции (хотя и в ее консервативном варианте). Обращает на себя внимание, что вчерашние воеводы великой княгини Марии Ярославны и Андрея Меньшого оказываются на великокняжеской службе — между уделом московского князя и великокняжеским двором не было непроходимой грани. В целом высший командный состав войска, отраженный в разрядах 1482 г., представлял собой опытных и традиционно связанных с Москвой военачальников.

Князь Иван Звенец зарекомендовал себя хорошим дипломатом, и его миссия в Казань свидетельствует о желании Ивана III добиться мирного разрешения конфликта. В этом случае поход рати «в лехких судах» должен был иметь особое значение. «Промышлять делом» — значит вести военные действия. Для этого отбираются легкие суда — предполагались действия на мелководье и вообще нанесение коротких быстрых ударов, беспокоящих противника. Мирные переговоры сопровождались реальной военной акцией.[2] Русское государство стремилось не к военному разгрому Казани, а к подчинению ее своему влиянию, к установлению мирных дружественных отношений со своим восточным соседом. Нам неизвестна позиция, занятая Казанью в период «Стояния

[1] Там же. С. 64–66.

[2] Волков. С. 22.

на Угре». Активных враждебных действий сколько-нибудь значительного масштаба она, по-видимому, не предпринимала — во всяком случае, они не отразились ни в одном русском источнике. Тем не менее, как показывал опыт предшествующего десятилетия (набег 1478 г. на северо-восточные русские земли), с потенциальной угрозой со стороны Казани (вернее, антирусски настроенных кругов казанских феодалов) приходилось считаться. Победа на Угре давала возможность добиться более выгодных условий в отношениях с Казанью.

* * *

Победа на Угре и мир с Казанью создали условия для продвижения русской колонизации дальше на восток, в Сибирь. Важнейшее событие в этом плане — первый большой поход за Уральские горы в 1483 г. Известие о нем содержится в Вологодско-Пермской и Устюжской летописях. По данным Вологодско-Пермской летописи, в поход «на князя вогульского на Асыку» были отправлены два воеводы: Иван Иванович (в летописи ошибочно — Васильевич) Салтык с вологжа̀нами и князь Федор Курбский с устюжанами, вычегжанами, вымичами и великопермцами.[1] С каждым воеводой были посланы также дети боярские двора великого князя. Войско Салтыка выступило из Вологды на судах 25 апреля. Сражение с вогуличами произошло 29 июля и закончилось бегством Асыки и сына его Юмшана. Преследуя бегущих, русские войска «повоеваша» Сибирскую землю и вышли «на великую реку Обь, ширина ее 60 верст». На Оби было взято в плен несколько местных князей. Поход Салтыка закончился 9 ноября возвращением в Вологду.[2]

Устюжская летопись приводит самостоятельный рассказ. Первым воеводой она называет князя Федора Курбского Черного, в составе войск дополнительно упоминает сысоличей. Устюжская летопись точно называет место боя с вогуличами — на устье р. Пелыни (Пелыми) (очевидно, при впадении ее в Тавду) — и сообщает, что «на том бою устюжан убило семь человек». После боя войска пошли вниз «по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь» и «добра и полону взяли много».[3] От

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 276.

[2] Этот рассказ в сокращении воспроизведен в Холмогорской летописи (Там же. Т. 33. С. 124).

[3] Там же. Т. 37 С. 49.

Сибири войска пошли «по Иртишу реце вниз... да на Обь, реку великую, в Югорскую землю». Там «князей югорских воивали и в полон повели». Летопись приводит точные даты начала и конца похода для Устюжского полка — это соответственно 9 мая и 1 октября. В дополнение к этим сведениям, содержащимся в летописи Мациевича, Архангелогородский летописец сообщает, что «(на) Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли».[1]

Сопоставление известий Вологодско-Пермской и Устюжской летописей, несмотря на их лапидарно-протокольный характер, рисует черты грандиозного похода — одного из крупнейших предприятий Русского государства на его северо-восточных рубежах вплоть до прославленных походов Ермака столетие спустя. Если поход князя Федора Пестрого Стародубского на Чердынь в 1472 г. закрепил за Русским государством Пермскую землю, северо-западное Приуралье, то поход Салтыка Травина и князя Федора Курбского 1483 г. впервые вывел русских людей на необъятные просторы Сибири. Судовая рать, составленная из ополчения северорусских городов и волостей, прошла от Вологды по Сухоне и Вычегде, очевидно, до верховьев последней, т. е. не менее 2 тыс. км, из которых половину — вверх по течению, преодолела волоком северную часть Уральского хребта, а затем шла по Тавде и ее притокам, по Иртышу и Оби еще примерно такое же расстояние до «великой Оби» — Обской губы. Если новгородское боярство, проникая своими отрядами в предгорья Урала, ограничивалось эксплуатацией пушных богатств края в интересах экспортной торговли, а вятчане не поднимались выше мелких ссор с князьями соседних племен, то теперь впервые фактически ставится перспективная задача широкого политического масштаба — государственное освоение Северного Урала и Зауралья. Летом 1483 г. «приходили к великому князю от вогульского князя Юмшана Асыкина сына бити челом о опасе шурин его, вогулятин Юрга, да сотник его, вогулятин Анфим». Об этом же «печаловался» владыка Филофей Пермский. И «владыки деля», Юмшан получил разрешение приехать к великому князю. С этим разрешением («опасом») к Юмшану в Сибирь был послан Леваш — слуга епископа Пермского Филофея. Этим же летом Москву посетила и другая депутация сибирских князей «с поминки с великими от князей Кадских... и от всее земли Кадские и Югорские» просить о «полоненных

[1] Там же. С. 95.

князех, о Молдане с товарищи». Великий князь их «пожаловал... отпустил их в свою землю» «печалованием владыки Филофея да Володимера Григорьевича Ховрина».[1]

Обращает на себя внимание участие, которое принимают в судьбах сибирских князей Пермский епископ и богатый московский боярин, выходец из купеческого рода. Если связь Филофея с Сибирью может быть объяснена конфессиональными моментами — проникновением православия в среду языческих племен, то Владимира Ховрина интересуют, надо думать, прежде всего экономические сюжеты — возможность организации торговли с далекой северо-восточной окраиной. Во всяком случае, в результате «печалования» Филофея и Ховрина сибирские князья были выпущены из плена. Однако это был не только акт гуманности. «Великий князь на себя их привел, дань на них положил», — сообщает Устюжская летопись.[2] Холмогорская летопись тоже указывает, что князья «дались за великого князя во всей воли», обещали «дань давати, а дотоле не давали дани». По словам той же летописи, сибирские князья принесли языческую присягу — «з золота воду пили».[3] Итак, перед нами факт установления даннических отношений, т. е. вассальной, феодальной зависимости зауральских — вогульских и югорских — князей от Москвы. Освоение Сибири Русским государством началось, и в этом принципиальное значение похода 1483 г. Поход Салтыка и Курбского может по праву считаться исходным рубежом важнейшего исторического процесса — включения сибирских земель и народов в состав России.[4]

В военном отношении экспедиция 1483 г. представляет интерес как пример дальней операции стратегического значения. Как и в 1472 г главной силой похода была судовая рать, т. е. земское ополчение северных городов, усиленная отрядами служилых людей и возглавляемая воеводами великого князя. Как и в 1472 г., войскам приходилось действовать на большом расстоянии от своей базы, в сложных условиях

---

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 276. Это же известие с некоторыми сокращениями есть в Холмогорской летописи (Там же. Т. 33. С. 124–125). Другой вариант того же известия находим в Устюжской летописи (Там же. Т. 37 С. 49, 95).

[2] Там же. Т. 37. С. 49.

[3] Там же. Т. 33. С. 125.

[4] *Скрынников Р. Г* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 83–84.

горной и лесистой местности, преодолевать большие расстояния и естественные препятствия. В этих условиях руководство на оперативно-тактическом уровне находилось в руках воевод, и они, по-видимому, успешно справились со своими задачами, а судовые рати еще раз продемонстрировали свои высокие боевые качества.

После включения Новгородской земли в состав Русского государства и победы на Угре, существование независимого Тверского великого княжества все в большей степени становится историческим нонсенсом, неудобным и опасным анахронизмом. В условиях превращения Русской земли в единое государство для самостоятельной Твери, колеблющейся между Москвой и Литвой, не остается места.

Попытка Михаила Тверского возобновить традиционные отношения союза с Литвой привела к походу московских сил на Тверь летом 1485 г.

Сбор войск начался в июле. «Прислал князь великий... гонца в отчину свою в Великий Новгород к боярину своему наместнику Новгородскому Якову Захарьичу... велел ему ити к Тфери со всеми силами новгородскими». Разумеется, поход на Тверь был делом не только новгородских полков. «Августа 21 поиде к Тфери князь великий Иван Васильевич всея Руси и з своим сыном с великим князем Иваном Ивановичем, и з братьею своею, с князем Андреем Васильевичем и с князем Борисом Васильевичем, и с воеводы, и с многими силами на великого князя Тверского Михаила Борисовича за его неправду, что он посылал грамоты к королю Литовскому Казимиру и подымал его воинством на великого князя... всея Руси».[1]

В этом известии, носящем явно официальный характер, четко расставлены все акценты. В поход на Тверь идут силы всей Русской земли, он носит характер общегосударственного предприятия и вызван изменой («неправдой») тверского великого князя, его попыткой поднять короля на Русь. Как и новгородские походы 70-х гг., поход на Тверь мотивируется опасностью иностранной интервенции и тем самым рассматривается как общерусское дело. Действительно, новгородские бояре и тверской великий князь в аналогичных условиях проводят аналогичную политическую линию: отстаивая свою «старину», борясь против Москвы, за сохранение власти в своих землях, они обращаются за помощью к Казимиру Литовскому. Тем самым они

[1] ПСРЛ. Т. 18. С. 271; Т. 24. С. 204.

бросают вызов не только великому князю Московскому, но и всему Русскому государству. Борьба за местную «старину» приводит к конфликту со всей Русской землей, делает местных консерваторов-сепаратистов пособниками врагов Русского государства. Софийско-Львовская летопись приводит интересные детали. В походе участвуют и князь Федор Бельский — новый служилый князь, представитель русской оппозиции королю на землях, находящихся в его подданстве, и Аристотель Фиоравенти «с пушками, и с тюфякы, и с пищальми».[1] Итак, на Тверь движутся главные силы русского войска, вооруженные артиллерийскими орудиями всех разновидностей.

Войска шли крайне медленно. Только 8 сентября «прииде князь великий... и с своим сыном... и с своею братьею, и с воеводы, и с всеми силами под город Тферь и обступи град».[2] Средний темп продвижения был, таким образом, не более 7–8 км в сутки — в несколько раз ниже, чем в новгородских и ливонских походах. Русское командование не имело оснований сомневаться в успехе и, может быть, поэтому не спешило. «Воюючи во все стороны», русское войско, как туча, обложило Тверь. В субботу 10 сентября были зажжены посады «около града Тфери».[3] А уже на следующий день «приехаша к великому князю из города изо Тфери князи и бояре, тферские коромолники, и биша ему челом в службу».[4] Распад тверской политической системы завершился. Оставленный своими вассалами и «видя свое изнеможение», Михаил Тверской «того же дни на ночь побежал из града Тфери... к Литве». 12 сентября, в понедельник, к великому князю всея Руси явилась официальная тверская депутация во главе с епископом Вассианом и князем Михаилом Холмским «з братьею своею и з сыном» и «город отвориша».[5] Интересен состав депутации: кроме перечисленных лиц, в нее входили «инии мнози бояре и земские люди все». Капитуляция Твери была, следовательно, делом не только феодальной верхушки, еще остававшейся в городе, но и рядовых горожан, основ-

[1] ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. С. 352; Т. 37 С. 96.

[2] Там же. Т. 18. С. 271.

[3] По словам Холмогорской летописи, Тверь подверглась обстрелу (Там же. Т. 33. С. 125). Другие источники это не подтверждают.

[4] Там же. Т. 33. С. 125.

[5] Там же. Т. 18. С. 271.

ной массы жителей города. И это счел нужным подчеркнуть официозный московский летописец.[1]

С сопротивлением Твери было покончено. Вставал вопрос о дальнейшей судьбе столицы Тверской земли. «И князь великий послал в город Юрия Шестака да Константина Малечкина и диаков своих, Василия Долматова, да Романа Алексеева, да Леонтия Алексеева, велел горожан всех к целованию привести».[2] Итак, вопрос о будущем Твери был решен однозначно: жители стольного города были приведены к присяге и тем самым стали подданными государя всея Руси, гражданами Русского государства на общих началах, как новгородцы и владимирцы, ярославцы и костромичи. Тверское великое княжение как таковое, как особый политический организм прекратило свое существование.

Тверь сразу становится интегральной частью Русского государства. Город не завоеван, не «взят на щит», а как бы добровольно присоединился. Став подданными, целовав крест, тверичи тем самым попадают под защиту великокняжеской власти. Именно поэтому должностным лицам, посланным великим князем, вменяется в обязанность «гражан... от своей силы беречи, чтобы их не грабили».[3] Еще через три дня, 15 сентября, состоялся въезд в Тверь государя всея Руси и его сына: они присутствовали на обедне в Спасском соборе, патрональном храме Тверской земли. Здесь же, по-видимому, было объявлено важное политическое решение: великий князь «дал ту землю сыну своему, великому князю Ивану Ивановичу».[4] 18 сентября новый правитель Тверской земли «въехал в город Тферь жити», а 29 сентября Тверской поход закончился: «...великий князь Иван Васильевич приехал на Москву, взяв город Тферь».

С ликвидацией Тверского княжества исчезает важный и опасный плацдарм литовского политического влияния и потенциальной агрессии, глубоким клином врезавшийся в русские земли. Безопасность столицы Русского государства с северо-западного направления становится теперь надежно обеспеченной, как и безопасность всего Верх-

[1] «все князи и бояре тверские и вся чернь... били челом великому князю» (Там же. Т. 33. С. 125).

[2] Там же. Т. 18. С. 271.

[3] Там же.

[4] Там же.

него Поволжья. В этом плане включение Твери в состав Русского государства — крупный военно-политический успех Ивана III, сравнимый по своему масштабу и значению с присоединением Новгорода.

Кампания 1487 г.

Кампания 1487 г. особого интереса у дореволюционных историков не вызывает. Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев ограничиваются кратким пересказом летописных известий.[1] А. Е. Пресняков сказал о ней несколько слов в подстрочных примечаниях.[2] Значительно больше внимания уделил этому сюжету К. В. Базилевич. Используя Воскресенскую и Устюжскую летописи, а также Шукинскую разрядную книгу, он дал краткий очерк хода событий.[3]

Краткий очерк приводит и новейший исследователь В. А. Волков.[4]

Е. А. Разин — автор наиболее обстоятельной работы по военной истории, вышедшей в советское время, и уделявший много места событиям военной истории России, — о кампании 1487 г. не упоминает вовсе.[5]

Тем не менее, эта кампания заслуживает внимания как в историко-политическом, так и в военно-историческом аспектах.

Основным источником сведений о большом походе на Казань в 1487 г. являются летописи и разрядные записи (РЗ). В качестве источника могут быть использованы также сведения С. Герберштейна и посольские дела.

Московская летопись по Уваровскому списку в дефектном виде[6] передает рассказ, который в полном виде содержится в Никоновской летописи под заголовком «О Казанском взятии».[7]

В известии приводятся имена воевод: князя Данилы Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского. Содержатся точные даты: 11 апреля

[1] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VI. С. 112–113.

[2] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 429.

[3] Базилевич. С. 203–205.

[4] Волков. С. 23–24.

[5] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957.

[6] ПСРЛ. Т. 25. С. 331.

[7] Там же. Т. 12. С. 218–219.

(Великий четверг) — отправка войска; «на другой неделе по Велице дни во вторник 24 апреля» — отправка Магмет-Аминя; 18 мая, четверг «на 5 неделе по Велице дни» — приход воевод под Казань; 9 июля — взятие Казани; 20 июля — получение вести об этом в Москве.

Эти известия имеют признаки официального характера, восходящие к документальному первоисточнику, содержавшему точные даты и сведения, расположенные в хронологическом порядке. Таким первоисточником могли быть донесения воевод. Вместе с тем, однако, надо отметить некоторые неточности. Пасха в 1487 г. приходилась на 15 апреля, следовательно, 11 апреля, день отправки войск по Никоновской летописи, был не четверг, а среда, а 18 мая — день подхода к Казани, не четверг, а пятница.

Известие Никоновской летописи не содержит никаких подробностей ни о составе войск, отправленных под Казань, ни о ходе боевых действий.

Это же известие — в Вологодско-Пермской, Спасо-Прилуцкой и Типографской летописях.[1]

Ермолинская летопись приводит краткое известие: «Посылал князь великий к Казани своих воевод, князя Данила Дмитриевича Холмского да князя Семена Ряполовского и многое множество войску с ним, и конников, и судовников, и град взяша, и царя поимали... А в Казани посадиша брата его меньшего на царьство, и бысть тишина велми в тех странах от Татар».[2]

Это известие, несмотря на свою краткость, содержит важные сведения, говоря о «конниках» и «судовниках».

По сведениям летописей Софийской II и Уваровской: «Того же лети [6995] гибло солнце на Ильин день. И в той же день пригонил от Казани князь Федор Хрипун Ряполовский, подая весть великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали. Князь же великий рад быв и посла к митрополиту, повеле молебная свершити. Митрополит же повеле звонити во все колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебная свершиша и хвалу Богу въздаша. Царя же приведоша на Москву в четверк, за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе на княжь Данилова дворе Александровича Ярославского».[3]

[1] Там же. Т. 26. С. 278; Т. 28. С. 153; Т. 24. С. 205.
[2] Там же. Т. 23. С. 162.
[3] Там же. Т. 6. Ч. 2. Стб. 322–323; Т. 28. С. 318.

Последняя часть рассказа — о торжествах в Москве по случаю победы — могла быть позаимствована из официального источника.

Самостоятельный рассказ о походе 1487 г. приводит Устюжская летопись. Она называет имена воевод — князя Данилы Холмского и князя Семена Ряполовского (т. е. воевод судовой и конной ратей), говорит о совместном приходе их под Казань, а главное — содержит довольно подробное описание боевых действий. Такого описания в других источниках нет — у устюжского летописца могла быть своя информация (может быть, от участников событий). Это наводит на мысль об участии устюжан в походе. Летопись приводит только одну дату — взятие Казани 9 июля. Отсутствие других дат может свидетельствовать о неофициальном характере источника. Концовка рассказа носит вполне официальный характер и могла быть заимствована из какого-то документального источника: «Князь великий воевод своих изъжаловал, а бояр и детей боярских хто чего достоин. А царя Алехама посадил на Вологде за сторожи с материю и со царицею. А княжат и княгинь и татар розсажал по посельским, а иных привел к роте, что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань».[1]

Итак, в нашем распоряжении четыре основных летописных рассказа о походе 1487 г. Каждый из этих рассказов имеет свои достоинства и недостатки, с точки зрения возможности реконструкции реального хода событий.

Все четыре рассказа не противоречат, а в значительной мере дополняют друг друга.

Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее — РК-05) о казанских событиях 1484–1487 гг. содержит четыре записи.

1. Под 6992 (1484) г. — об отправке воевод на казанского царя Алехама: «и воевода тады Казань взяли, а Магмет-Амина царя в Казани на царство посадили, по великого князя наказу»;

2. Под 6993 г.: «Государь князь великий... отпустил на Казань Алегама царевича, а с ним послал воевод своих... на Магмет-Амина царя. И Алегам царевич, пришед, сел на Казани, а Магмед-Амин, царь с Казани збежал».

3. Под 6994 г.: «Великий князь послал в Казань к Махмед-Аминю царю для береженья воевод своих... по его Магмед-Аминева присылке, что он хотел братью свою меньшую великому князю выдать. И князи

---

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 96.

казанские ему братьи выдать не дали, а самого Магмед-Амина хотели убить, и он ушел [к] великого князя воеводам. И казанцы прислали за ним бить челом, и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани».

4. Под 6995 г.: «В лето 6995 г. взятье казанское при великом князе Иване Васильевиче всея Руси.

Согнал с Казани Магмед-Амина царя брат ево Алехам, а пришол из Нагаи по слову с казанцами.

И князь великий... послал под Казань Магмед-Аминя царя да воевод своих на царя Алехама казанского...».[1]

Разрядная книга 1475–1598 (далее — РК-98) записи 6992 г. не содержит, а известия 6993 г. излагает так: «...отпустил князь великий на Казань, на Алегама царя, царевича Магмедеминя, а с ним послал воевод своих... И Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин».[2]

Запись 6994 г. в общих чертах совпадает с записью в РК-05.

Таким образом, если по РК-05 поход 1485 (6993 г.) был совершен против Магмет-Амина и имел следствием утверждение на царство Алегама, то по РК-98 дело обстояло как раз наоборот.

Представляется, что в этом случае в РК-05 допущена ошибка.[3] Ясно, что если бы в 1485 г. на казанский стол сел Алегам, то в следующем году не нужно было бы посылать воевод царю Махмед-Амину для «береженья». Но если так, то вызывает подозрение и известие за 1484 (6992) г. Полное совпадение списков воевод в известии за 1484 и 1487 (6995) гг. свидетельствует, что составитель РК-05 известие о походе воевод на Казань поместил дважды: под 1484 (6992) и 1487 (6995) гг.

Разрядные записи приводят имена воевод, но не сообщают никаких реальных сведений о ходе событий.

Своеобразным источником является поздняя «Казанская история», составленная, по мнению исследователей, в конце XVI в. Перечисляя имена воевод, как в Никоновской летописи, этот источник пишет: «И встретя их казанский царь Алехам с татары своими на реке на Свияге. Бывшу же у них бою велику... и побише ту многие Казанцев

[1] РК-05. С. 26–27

[2] РК-98. С. 20–21.

[3] Об ошибках РК-05 см.: *Зимин А. А.* Текстология пространной редакции разрядных книг (за 1475–1537 гг.) //Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 149–170.

мало их живых в Казань утече, и град затворити и осадити не успеша и самого царя Алехама живы яша руками, и с ними во град въшедше...».[1]

Эти поздние сведения не соответствуют современным известиям, но отражают предания, жившие в народной памяти.

К числу таких же преданий относится и рассказ Герберштейна о захвате Алегама обманом.[2]

Реконструкция реальных событий может быть проделана на базе летописных рассказов и разрядных записей.

Победы на северо-западе (над новгородскими сепаратистами) и на юге (над Ахматом) создали к середине 80-х гг. принципиально новую стратегическую обстановку и дали возможность приступить к активным наступательным действиям на восточном стратегическом направлении.

Борьба между претендентами на ханский престол создавала нестабильную обстановку в Казани и в то же время могла способствовать усилению русского влияния.

Под 6994 (1486) г. Устюжская летопись помешает известие: «Ис Казани прибегл к великому князю... царь Махмет-Емин от брата своего от царя Аляхама, да бил челом великому князю, а назвал себе его, великого князя, отцем, а просил у него силы на брата своего на Аляхама, царя казанского, и князь великий силу порекл ему дати».[3]

Этому соответствует и известие летописей Софийской II и Уваровской: «Приеха царевич казанского царя сын, а Темиров внук, еще бе мал, к великому князю, князь же великий приат его». Далее под тем же годом: «Прислаша казанцы к великому князю, а ркучи так: "Что есмя отпустили к тебе царевича на том, что почнет наш царевич царя нашего, а меншицын сын, над нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к нам. И нынеча наш царевич, а меншицын сын услышав то, да зазвавши нас к себе на пир, хотел нас перетерети, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город, да окрепивши город, да за нами пошел, в поле».[4]

«Меньшицын сын» — это Алегам, сын Фатимы, младшей жены царя Ибрагима. Царевич, отпущенный в Москву, — это Магмет-Амин.

[1] ПСРЛ. Т. 19. Стб. 21, 226.

[2] Герберштейн. С. 170.

[3] ПСРЛ. Т. 37 С. 96.

[4] Там же.

сын Нур-Салтан, старшей жены Ибрагима, вышедшей позднее за Менгли-Гирея Крымского.

В марте 1487 г. великий князь через своего посла передает в Крым Нур-Салтан о желании «добро смотрети» ее сыну Магмет-Аминю.[1]

В Казани шла династическая борьба, и один из претендентов на казанский стол признал себя вассалом великого князя, дав ему тем самым законный повод для вмешательства в казанские дела.

При этом можно было надеяться на дружественную позицию Менгли, что обеспечивало безопасность южного стратегического направления.

Однако борьба за укрепление русского влияния в Казани осложнялась обострением отношений с Вяткой.

Устюжская летопись сообщает: «В лето 6994 Месяца Марта в 18 день вятчане пришли ратью на Устюг, у города не были, зане же весть ушла перед ними. И стояли под Осиновцем городком день и прочь пошли, а 3 волости разграбили, а устюжане в погоню за ними ходили, да не дошли их. Того же лета о Троицыне дне (15 мая. — *Ю. А.*) водою вятчане приходили на судех под Устюг под Осиновцом изгоном и стали обедать. А воевода Костя Юрьев шел с ними в неволю. А в ту пору сына его Торопа Иван, трясуа поимала, и он захотел соку соснового. И Костя сам с ним пошел в лес, взем топор. И дошед до лесу, рать покинул и с сыном в город Осиновец утек. И осиновляне на конех отпустили со многими людьми на подводах к Москве. И князь великий их пожаловал. А вятчане хватилися, оже воеводы нет, утекл. И они возмялись, начаше к городу приступати и аючи в городе. Осиновляне же им правду сказаша, что воивода их на конех и с проводники к великому князю побегл, и они на ту ночь и побегоша к Вятке».[2]

Итак, в самый канун похода на Казань возник конфликт с Вяткой и наметился раскол в вятской общине. Это, без сомнения, осложняло общую обстановку на восточном направлении — войска, идущие на Казань, нуждались в стратегическом обеспечении своего левого фланга.

Уваровская летопись, рассказав об отправке воевод на Казань в апреле («о Велице дни») 1487 г., далее пишет: «Тогда же и вятчане отступиша от великого князя. Князь же великий посла на вятчан воеводу своего Юрия Шестака Кутузова со многою силою. И он шед и

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 16. С. 59.
[2] ПСРЛ. Т. 37. С. 49–50, 96.

умиришася с ними и возвратишася».[1] Устюжское известие находит подтверждение в Софийской II и Уваровской летописях: «Тогда же и воевода вятский Костя прибеже к великому князю к Москве».[2]

Разрядная запись за 6995 г., рассказывающая о походе на Казань, далее отмечает: «Того же году послал князь великий к Вятке воевод князя Ивана Володимеровича Лыка да Юрья Ивановича Шестака».[3]

До боевых действий дело, видимо, не дошло. Как мы видели, воевода Кутузов, посланный на Вятку «со многою силою», «шед и умирися с ними и възвратишася».

Тем не менее, опасность со стороны Вятки была реальностью и учитывалась в действиях русского верховного главнокомандования (ВГК).

Важнейшим делом ВГК было определение цели похода, формирование войск, предназначенных к походу на Казань, и назначение воевод.

Целью похода было установление в Казани дружественной власти.

Официальная летопись называет имена четырех воевод: князя Данила Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского и князя Семена Романовича.[4]

Гораздо более подробные сведения содержат разрядные записи. «Князь великий... послал на Казань воевод своих по полкам. В судех. В Большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской да князь Осиф Андреевич Дорогобужской.

В Передовом полку князь Семен Иванович Ряполовской.

В Правой руке князь Олександр Васильевич Оболенской да Иван Борисович, да князь Ондреев воевода князь Василей Никитич Оболенской.

В Левой руке князь Семен Романович Ярославской да князь Борисов Васильевича воевода князь Василий Иванович Хованской.

А в конной рати князь Федор Хрипун да брат его князь Василей Мних Семеновичи Стародубские.

А пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским.

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 318; Т. 6. Вып. 2. Стб. 323.
[2] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 323; Т. 28. С. 318.
[3] РК-98. С. 21.
[4] ПСРЛ. Т. 12. С. 218.

Да к Казани же послал князь великий конную рать на помочь воеводам: князя Василия Федоровича Шуйского да Дмитрия Ивановича Киндырева. А в судех князя Ивана Васильевича Ромодановского».[1]

В поход идут одновременно конная и судовая рати — это известие Софийской II и Уваровской летописей подтверждают разрядные записи.

Большой полк идет в составе судовой рати; очевидно, ей придается решающее значение.

Во главе Большого полка — наиболее опытный и прославленный воевода, победитель на Шелони. Присутствие князя Данилы Холмского во главе войск свидетельствует о значении похода, которому придается ранг важнейшего государственного мероприятия.

Второй воевода Большого полка — из тверских удельных князей. В 1480 г. он участвовал в отражении нашествия Ахмата. Летом 1485 г. он коммендировался на службу великому князю Ивану Васильевичу. По мнению А. А. Зимина, он получил в удел «кормление» — Ярославль. Однако этот факт подтверждается только грамотой Троицкому Сергиеву монастырю, выданной князем Дорогобужским в 1490–1495 гг. на беспошлинный проезд по Шексне.[2] Нельзя исключить, что, перейдя на службу в Москву, он продолжал сохранять связь со своим тверским уделом. Став воеводой великого князя всея Руси, он мог вести с собой служилых людей из своего тверского удела. Сравнительно плавный безболезненный переход Тверского великого княжения в состав Русского государства мог способствовать сохранению тверскими князьями своих уделов. В отличие от своего брата Юрия, Иосиф Андреевич в походе 1471 г. не участвовал и в источниках впервые упоминается в 1480 г. Его военная карьера относится к 1490–1500 гг. Можно думать поэтому, что в 1487 г. он был сравнительно молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта. Назначение князя Дорогобужского в Большой полк может свидетельствовать о доверии к нему со стороны великого князя — его новые тверские подданные сразу занимают важные посты в войске.

Передовой полк возглавляет представитель старого московского княжеско-боярского рода, служившего великим князьям уже многие десятилетия. В событиях последней трети XV в. принимали участие два Семена Ивановича Ряполовских. Старший из них, Семен Хрипун —

---

[1] РК-98. С. 21.

[2] АСВР. Т. 1. № 552. С. 429.

внук родоначальника, князя Андрея Федоровича. Младший — этого Семена Хрипуна племянник. Сын Семена Хрипуна Федор Хрипун уже в 1468 г. был воеводой и разбил казанцев у Нижнего Новгорода. В 1487 г. его отцу должно было быть не менее 50—60 лет. Более вероятно, что Передовой полк возглавлял Семен Иванович Младший («Молодой»). Вероятно, тот же Семен Иванович в походе 1477 г. возглавлял суздальцев и юрьевцев в составе Большого полка, т. е. не был самостоятельным воеводой, а подчинялся воеводе Большого полка князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. Участие в походе 1477 г. — первый известный нам боевой опыт князя Семена Ивановича. В 70-х гг. он был еще сравнительно молодым человеком; его карьера, трагически оборвавшаяся опалой и казнью, относится к 80—90-х гг.[1]

Первый воевода полка Правой руки князь Александр Васильевич Оболенский — младший брат Ивана Стриги, известного воеводы 40-70-х гг. В отличие от своего старшего брата, князь Александр впервые упоминается в источниках в 1475 г., но уже в качестве боярина в составе свиты великого князя в «походе миром» на Новгород. В 1477 г. он с несколькими городовыми полками входил в состав Большого полка. Видимо, он был значительно моложе своего брата — его военная карьера расцвела в 90-х гг., а в 1501 г. он пал в битве с ливонцами.[2]

Второй воевода того же полка — выходец из Твери, сравнительно недавно перешедший на великокняжескую службу.

В этом же полку идут служилые люди князя Андрея Большого, во главе с его воеводой — одним из князей Оболенских. На их примере видно, как служба разводит под разные знамена представителей одного и того же княжеского рода: одна из линий князей Оболенских потомственно служит великому князю, другие линии — удельным князьям.

Полк Левой руки возглавляет один из ярославских князей, давно уже превратившийся в служилого человека великого князя и имеющий боевой опыт в походах на Казань.

Здесь же — и воевода удельного князя, очевидно, со служилыми людьми своего князя.

Во главе конной рати идут братья князья Ряполовские. Конной рати в разряде весны 1487 г. уделяется заметно меньшее внимание.

---

[1] Зимин. С. 38—41.

[2] Там же. С. 48—50.

тут нет деления на полки, видимо, она рассматривалась как сила второстепенного значения. Об этом свидетельствует и заранее отданное распоряжение великого князя о переходе конной рати (по прибытии под Казань) в распоряжение воеводы Передового полка. Таким образом, судя по разрядным записям, ВГК предусматривало некоторое переформирование сил по выходе в район боевых действий.

Судовая рать — пехота. Подчинение ей конной рати свидетельствует о вспомогательной роли конницы в первоначальном плане операции. Ее задачей, вероятно, было обеспечение осаждающей город пехоты от действий подвижных отрядов защитников крепости.

Упорная оборона Казани заставила выслать новые силы «на помочь».

Во главе конной рати пошел князь Василий Федорович Шуйский. В 1471 г. он ходил вместе с псковичами в поход на Новгород, 1480–1481 гг. он был наместником в Новгороде.

Второй воевода — из тверских бояр, в мае 1476 г. бивших челом в службу великому князю Ивану Васильевичу. В актовом материале упоминается какой-то Дмитрий Иванович, наместник Кашинский.[1] Издатели акта относят его, по косвенным данным, к последним годам независимости Твери (1484–1485). Но не исключено, что Дмитрий Иванович — возможно, Киндырев — был наместником уже после включения Твери в состав единого государства. В таком случае он мог вести в поход на Казань кашинское служилое ополчение. Само по себе участие тверских служилых людей в походе на Казань вполне вероятно — система тверского служилого землевладения (по крайней мере, вплоть до начала 90-х гг.) не подвергалась, по-видимому, существенным изменениям.

Воевода судовой рати князь Иван Васильевич Ромодановский упоминается здесь впервые. Видимо, он был еще молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта.[2] По-видимому, в рати, посланной «на помочь», главную роль играла конница — здесь два воеводы, из которых первый — уже опытный воин. Борьба с подвижными отрядами оказалась более сложной, чем предполагалось.

Таким образом, если действия ВГК перед походом заключались в определении цели и задач похода, в формировании войсковых соединений, назначении воевод, то во время самого похода ВГК реагирова-

---

[1] АСВР. Т. III. № 160. С. 175.

[2] Зимин. С. 39–40.

ло на сложившуюся обстановку путем присылки подкреплений за счет формирования новых полков или выдвижения на театр войны сил из стратегического резерва.

Руководство войсками на оперативно-тактическом уровне находилось в руках воевод, снабженных соответствующими инструкциями.

Общий ход кампании отражен в официальной летописи.

Войска выступили из Москвы 11 апреля «в четверток великий». «А царя Магмет-Аминя Казанского отпустил князь великий на другой недели по Велице дни во вторник, Априля 24. А пришли воеводы великого князя и с силою под город под Казань месяца Маия в 18 день, в четверток на пятой недели по Велице дни. И взяша город Казань Июля в 9 день и царя Алегама Казанского изымаша с материю и его царицею, и с двема браты и с сестрою, и с его князьми. И приведоша их на Москву.

Июля же 20 прииде весть великому князю, что город Казань взяли его воеводы и царя полонили, а пригонил с тою вестью князь Федор Хрипун Ряполовский.

И князь великий Иван Васильевичь всея Русии царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромольных князей и уланов смертию казнил, и иных коромолников».[1]

Рассказ официальной летописи позволяет сделать некоторые выводы. Марш-маневр к Казани занял 37 дней, если считать, что войска выступили именно 11 апреля. Маршрут движения неизвестен, но, исходя из сообщения других летописей об одновременном прибытии к Казани конной и судовой ратей, можно думать, что они двигались вместе. В 1469 г. судовая рать сосредоточилась в Нижнем Новгороде; вполне вероятно, что так было и в 1487 г. Передовой отряд добровольцев подошел к Казани в 1469 г. 21 мая после 4-дневного плавания вниз по Волге. Движение конной рати по берегу должно было быть, естественно, более медленным. В 1552 г. среднесуточный переход составлял ок. 30 км, дневки делались в среднем каждые 8 дней.[2] Если так, то 400 верст от Нижнего до Казани конная рать могла пройти примерно за 12—15 дней, т. е. должна была выступить из Нижнего примерно 3—5 мая и 400 км от Москвы до Нижнего пройти за 15—18 дней. Выступив из Москвы 11 апреля, конное войско могло подойти к Нижне-

[1] ПСРЛ. Т. 12. С. 218—219.

[2] Разин. С. 359.

му около 1 мая и после нескольких дней отдыха двинуться к Казани. При всей приблизительности этих расчетов они свидетельствуют о правдоподобии дат, приведенных в летописи.

Устюжская летопись приводит живой рассказ о боях под Казанью.

«И пришед сила великого князя под Казань, конная и судовая вся. И царь Алехам из города из Казани со князьями своими выехал и с силою против воевод великого князя мало побився и в город побеже. А воеводы город Казань обсели и острог около города доспели. Един князь татарский именем Алгазы со царем в город не полез, тот зла много чинил силе великого князя. А после того князя сила великого князя и прогна за Каму в поле. А царь Аляхам седе в городе 3 недели; на всяк день татарове из города вылазя билися с Русью. И прииде на царя и на татар изнеможение. И царь Аляхам сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя ко князю Данилу Дмитриевичу Холмскому да ко князю Семену Ивановичу Ряполовскому. И город взяли, и матерь цареву и его царицу, и много князей татарских и их княгинь поимали, Июля в 9 день, на память Панкратия Тавроменинского».

Список Мацеевича приводит тот же текст с незначительными сокращениями и разночтениями. Единственное серьезное отличие текста по списку Мацеевича — князь Аль-Гази («Ольгаза» по этому списку) «силе великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле», т. е. за Каму были прогнаны русские войска, а не татарский князь. Эта явная ошибка списка Мацеевича свидетельствует о вторичности его текста по сравнению с Архангелогородским.

Таким образом, боевые действия под Казанью начались с боя в открытом поле. Подробности боя неизвестны, но можно думать, что Алегам стремился нанести поражение русским войскам и не допустить штурма или осады своей столицы. Повторился сценарий осеннего похода 1469 г. в изображении той же летописи. Как и тогда, русские войска не стали штурмовать город, а приступили к правильной осаде, соорудив вокруг города острог, т. е. контрвалационную линию.

Когда же все это произошло? По сведениям официальной летописи, войска подошли к Казани 18 мая; по сведениям Устюжской летописи, Алегам сидел в городе три недели до своей капитуляции, которая произошла 9 июля (с этой датой согласны все источники). Следовательно, близкая блокада с помощью острога началась около 18 июня, т. е. борьба в поле продолжалась около месяца. Трудно поверить, что

сооружение острога могло занять столько времени.[1] Скорее всего, Устюжская летопись допускает ошибку в расчете числа недель осады. Но общая картина событий представляется довольно убедительной. Перед нами — классический пример осады большого города крупными силами с использованием фортификационных сооружений.

В этих условиях возможны были два исхода событий — капитуляция города вследствие недостатка съестных припасов или воды (как в 1469 г.), или штурм города, при благоприятных для осаждающих обстоятельствах (известия о деморализации в городе и т. п.).

В отличие от 1469 г., казанцы часть своих сил не стали вводить в город, а попытались действовать против осаждающих из открытого поля. Судя по сведениям летописца, эти действия приносили русским войскам большой ущерб (т. е. были достаточно эффективны). Может быть, именно поэтому было принято решение об отправке к Казани «на помочь» конной рати князя Василия Федоровича Шуйского в сопровождении судовой рати. Во всяком случае, русским войскам удалось одержать победу над Аль-Гази и заставить его отойти за Каму.

Осажденные в Казани войска Алегама делали ежедневные вылазки. Этот образ действий мог бы быть целесообразным при примерном равенстве сил (осажденные имели бы преимущество инициативы и могли бы легко укрыться в городе, где они легче могли восстановить свои силы, чем осаждающие) в надежде частыми вылазками измотать противника, а также имея в виду взаимодействие с силами Аль-Гази. Однако, в конечном итоге, эта тактика активной обороны себя не оправдала. Аль-Гази был отброшен, русские наращивали силы, а силы гарнизона таяли. Бесперспективность дальнейшей обороны заставила Алегама сдаться на милость победителя.

Борьба за Казань продолжалась 50 дней. В отличие от кампании 1469 г., нет сведений об «отнятии» воды — видимо, на этот раз снабжение города водой не прерывалось.

Кампанию 1487 г. целесообразно сравнить с кампанией 1469 г. — первым опытом борьбы под стенами столицы казанских ханов.

В обоих случаях стратегической целью была сама Казань — исход войны должен был решиться под ее стенами. Однако реальный ход событий в этих кампаниях существенно различается. В кампании 1469 г.

---

[1] Известно, что в 1552 г. сооружение контрвалационной линии заняло 7 дней (Разин. С. 362).

взаимодействие конной и судовой ратей удалось достигнуть только на последнем этапе, после двух лет неудачных походов. В 1487 г. это взаимодействие было заложено уже в первоначальный план и осуществлялось с самого начала боевых действий.

В кампаниях 1468–1469 гг. прослеживается стремление действовать на двух операционных направлениях, что себя не оправдало. В кампании 1487 г. все силы были развернуты на одном операционном направлении — был учтен удачный опыт осеннего похода 1469 г. князя Юрия Васильевича. Этот опыт был учтен и в тактике осады города — в постройке острога.

Условия борьбы в 1487 г. были, по-видимому, более сложными, чем осенью 1469 г. — тактика казанцев отличалась активностью, что значительно ухудшало положение осаждающих.

Тем не менее, кампания закончилась полным успехом стратегического и политического масштаба. Над Казанским ханством впервые была одержана настоящая бескомпромиссная победа — впервые казанский царь признал свою зависимость от Русского государства.

Основной причиной победы в 1487 г. можно считать фактическое создание единого Российского государства: в распоряжении великого князя впервые были практически все силы Русской земли (за исключением Вятки). Это создавало благоприятные условия для работы ВГК, державшего в своих руках все нити управления войсками и страной.

В действиях ВГК можно отметить:

— постановку широкомасштабной политико-стратегической цели, решение которой создавало новую ситуацию на всем восточном направлении;

— учет опыта предыдущих кампаний, в частности:

— правильный выбор операционного направления;

— создание на нем мощной группировки сил под единым тактическим руководством со стороны опытного воеводы;

— правильное реагирование на сложившуюся обстановку;

— своевременную посылку «на помочь» резервов ВГК.

Памятником деятельности ВГК являются разрядные записи, впервые дающие самостоятельные (независимые от летописи) сведения о полках, воеводах и директивах ВГК.

В целом можно отметить, что руководство русскими силами и на стратегическом, и на тактическом уровнях проявило себя с положительной стороны, результатом чего была достигнутая большая победа.

Со стороны казанцев можно отметить упорную оборону города и умелые действия конницы вне кольца осады. Однако общая ситуация не давала казанцам благоприятных перспектив, и капитуляция была необходимой и, в сущности, оправданной акцией. Переходя под протекторат России, Казанское ханство сохраняло свою особность, сохраняло свою династию, свой политический строй, свою веру и свой уклад жизни. Для России же победа 1487 г. была крупнейшим успехом после Угры: она укрепляла безопасность восточного и северо-восточного направлений и давала возможность дальнейшего продвижения в сторону Урала и Сибири.

Поход 1489 г. на Вятку

Поход на Вятку, не говоря уже о его политическом значении, — феномен, представляющий интерес в военно-историческом отношении.

Основными источниками о походе 1489 г. являются летописи и разрядные записи.

Официальная Московская летопись приводит краткое сообщение: «Лета 6997... июния в 11 день, послал князь великий Иван Васильевич всея Руси рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича да Григория Васильевича Морозова и иных воевод со многою силою. Они же шедше, городы поимаша, а самих вятчан к целованию приведоша, а арян к роте приведоша, а вятчан болших и з женами и з детми изведоша, да Арских князей, и таки возвратишася. И князь великий вятчан земских людей в Боровсце да в Кременце посади, а арских людей пожаловал князь великий отпустил в свою землю, а крамольников смертию казнил».[1]

Устюжская летопись рассказывает об этих событиях гораздо подробнее. С воеводами, князем Данилой Щеней и Григорием Поплевой, шли «и москвичи, и володимирцы, и тверичи, и иных городов. А у тверичь воевода Ондрей Коробов да князь Осиф Дорогобужской. А у устюжан князь Иван Иванович Звенец, а у двинян князь Иван Лыко, а у важан и у каргопольцев Юрьи Иванович Шестак». Вассальный казанский хан «по приказу великого князя посла свою рать, 700 татар». Воевода Урак, князь Казанский, и «москвичи иные шли коньми». «а

[1] ПСРЛ. Т. 12. С. 221; Т. 28. С. 154.

устюжане, и двиняне, и важане, и каргопольцы, и белозерцы, и вологжане, и вычегжане, и вымичи, и сысоличи шли в судех».[1]

Источником сведений Устюжской летописи могли быть какие-то официальные документы, не использованные в официозной летописи, а также рассказы устюжан — участников похода.

Самостоятельным источником официального происхождения являются разрядные записи.

«Лета 6997-го князь великий... посылал к Вятке воевод своих, и они шед Вятку взяли.

А были воеводы по полком:

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Ондрей Семенович Чернятинский.

В Передовом полку Григорий Васильевич Морозов да Ондрей Иванович Коробов.

В Правой руке князь Володимер Андреевич Микулинской, да Василий Борисович Бороздин, да князь Ондреев воевода Михайло Константинович.

В Левой руке Василей Семенович Бокеев, да Семен Карпович, да князь Борисов воевода Фома Иванович.

А в судовой воевода Иван Иванович Салтыков Травин, да князь Иван Семенович Кубенской да Юрьи Иванович Шестак, да наместник устюжской Иван Иванович Злоба да князь Иван Иванович Звенец.

И Злоба не дошед умер.

И Вятку тогда взяли. А в грамоте писались к великому князю князь Данило да Григорий и все воеводы.

А на Каме стоял вятских же для дел князь Борис Иванович Горбатый».[2]

Как и записи о казанском походе 1487 г., разряды свидетельствуют об иерархии полков: Большой — Передовой — Правой руки — Левой руки.

В разрядах 1489 г. впервые встречается формула «а были воеводы по полком», которая впоследствии стала постоянной в разрядных записях. Думается, что появление этой формулы в 1489 г. не было случайным — оно отражает дальнейшее совершенствование структуры разрядных записей, что, в свою очередь, было обусловлено развитием деятельности разрядного ведомства.

[1] Там же. Т. 37. С. 96.

[2] РК-98. С. 21.

В донесениях к великому князю писались только два воеводы — первый воевода Большого полка и первый воевода Передового полка. Этим, очевидно, определялась иерархия воевод. В распоряжении московского летописца была, видимо, та самая грамота, в которой «писались» эти воеводы — их имена и отразились в официальном летописном рассказе.

В отличие от разрядных записей (РЗ), Устюжская летопись приводит перечень территориальных полков — первичных тактических единиц, включаемых в оперативные соединения.

Из среднерусских городов названы только москвичи, тверичи и владимирцы (хотя были и «иные»).

В состав судовой рати входят 9 территориальных полков, из которых у четырех есть названные по именам воеводы. Надо думать, что и другие 5 территориальных полков судовой рати шли во главе со своими воеводами. Судовая рать — пехота, посаженная на суда. В своей основе это земское ополчение, собранное по определенной норме. Для северных уездов эта норма нам не известна, но представление о ней можно получить из источников по Пскову и Новгороду. Там пеший воин выставлялся обычно с 3–5 дворов. Мобилизационные нормы северных уездов едва ли могли сильно отличаться от этой цифры. Обращает на себя внимание, что в поход на Вятку идет ополчение земель, еще недавно тянувших к Великому Новгороду, — это прежде всего двиняне. В походе 1471 г. они во главе с присланным из Новгорода воеводой сражались против великокняжеского судового ополчения. В битве на р. Шиленге новгородский воевода был разбит — по словам летописи, двиняне к нему «не тянули». Теперь двиняне во главе с московским воеводой идут в поход на Вятку — последний оплот вечевого сепаратизма на Севере. Это значит, что за 10–20 лет ассимиляция северных земель в состав Российского государства сделала решающие успехи. Власть теперь могла на них опираться при проведении своей политики.

Следует обратить внимание также на белозерцев и вологжан. Белоозеро и Вологда еще несколько лет назад были самостоятельными уделами во главе со своими князьями. Теперь ополчение этих уездов идет в поход в составе великокняжеской рати — с удельной обособленностью покончено.[1] При слабом развитии служилого землевладения в этих уездах, их ополчение — пехота, посаженная на суда.

[1] Белоозеро потеряло свой удельный статус в 1483 г., Вологда — в 1481 г.

Перечень воевод, приводимый в наших источниках, представляет значительный интерес.

Списки воевод, приводимые в наших источниках, позволяют сделать некоторые наблюдения.

В Устюжской летописи и РЗ они не совпадают. Наиболее важными являются списки в РЗ, но Устюжская летопись знает двух воевод, о которых не говорится в РЗ: это князь Осиф Андреевич Дорогобужский и князь Иван Лыко. В отличие от РЗ, Устюжская называет особых воевод у тверичей и двинян, но не называет имени устюжского наместника Ивана Злобы. Эти расхождения не носят принципиального характера, но представляют известный интерес. Частный источник Устюжской летописи мог быть хорошо информирован о некоторых деталях, не отраженных в дошедших до нас РЗ. Особенно интересно сообщение о воеводах «у тверичей». Городовые полки включались в оперативные соединения, и руководителей их РЗ, как правило, не называет. Но устюжанину — участнику похода — их имена могли быть известны: так появилось упоминание о князе Иване Лыко.

Первый воевода Большого полка — князь Данило Васильевич Щеня. Внук князя Юрия Патрикеевича, женатого на одной из великих княжон, князь Данило приходился Ивану III двоюродным племянником. В разрядах впервые упоминается в 1475 г. — в «походе миром» Ивана III на Новгород он назван шестым по счету в числе бояр.[1] О его командных функциях до 1489 г. в наших источниках известий нет. Но надо иметь в виду, что разрядных записей до 1489 г. вообще дошло очень мало. Можно только сказать, что Щеня ни в 1477, ни в 1487 гг. (в походе на Казань) не был полковым воеводой.

В дальнейших походах 90-х гг. он играл выдающуюся роль, взяв Вязьму, а в 1500 г. одержав блестящую победу над литовцами на Ведроше. Последнее упоминание о нем относится к 1515 г.[2]

Второй воевода Большого полка князь Андрей Семенович Чернятинский — из рода тверских князей, оказавшихся на великокняжеской службе при падении Тверского великого княжения.[3] В разряде он упоминается единственный раз, из чего можно заключить, что он не имел ни большого боевого опыта, ни успешного продвижения по

[1] РК-98. С. 17

[2] Там же. С. 57

[3] Зимин. С. 111.

службе. Можно думать, что второй воевода Большого полка был только помощником первого и самостоятельной командной роли не играл. Он не являлся адресатом директив великого князя. Однако включение князя Чернятинского в число полковых воевод может свидетельствовать о наличии в составе Большого полка тверских служилых людей.

Первый воевода Передового полка Григорий Васильевич Поплева Морозов — представитель старого московского боярского рода. В источниках Григорий Поплева известен с 60-х гг.,[1] а первое упоминание о нем в разрядах относится в 1475 г., когда он один в «походе миром» на Новгород был в числе бояр великого князя (назван девятым из одиннадцати).[2] Он, бывший наместником в Новгороде Великом и (позднее) в Вологде, в 1485 г. во время похода на Тверь оставлен в Москве в числе бояр «у великие княгини» (назван на первом месте). Большой военной карьеры он не сделал — после 1489 г. в разрядах не упоминается. По должности первого воеводы Передового полка он был ближайшим заместителем командующего и «писался в грамате к великому князю». Тот факт, что во главе Большого и Передового полков идут бояре, свидетельствует о значении и масштабах похода.

Второй воевода Передового полка Андрей Иванович Коробов — из тверских бояр. В походе на Вятку он упоминается в разрядах впервые. По-видимому, он проявил себя с положительной стороны и впоследствии не раз занимал командные посты.[3]

Первый воевода полка Правой руки князь Владимир Андреевич Микулинский — из бывших тверских удельных князей, новых подданных государя всея Руси.[4] Князь Владимир упоминается здесь в разрядах впервые, но впоследствии он неоднократно ходил в походы в качестве полкового воеводы.[5]

Второй воевода полка Правой руки Василий Борисович Бороздин — представитель тверского служилого рода.

На московской службе трое братьев Бороздиных (Иван, Петр и Василий) принимали активное участие в походах, занимая должности

[1] Зимин. С. 234.
[2] РК-98. С. 17
[3] Зимин. С. 264.
[4] Там же. С. 109.
[5] Там же.

полковых воевод. Сам Василий в 1489 г. упоминается в разрядах впервые, но впоследствии ходил и на Литву, и на Свею, и на Казань.[1]

В полку Правой руки идет также воевода князя Андрея Углицкого Михаил Константинович — вероятно, со служилыми людьми своего князя. Это — наследник старой военной системы, отраженной в межкняжеских договорах начиная со времен Калитичей и устанавливавшей обязанность удельных князей посылать в поход своих воевод под началом воеводы великого князя.

Первый воевода полка Левой руки — Василий Семенович Бокеев. Бокеевы, как и Бороздины, — вчерашние служилые люди тверских великих князей. Как и Бороздины, Бокеевы, видимо, были хорошими воеводами — они участвовали во многих походах. Сам Василий Семенович в 1489 г. упоминается в разрядах впервые. В 1495 г. он входил в состав Двора Ивана III при его поездке в Новгород.[2]

Вторым воеводой полка Левой руки идет Семен Карпович — двоюродный брат Василия Бокеева. Упоминаемый здесь впервые, Семен Карпович впоследствии стал видным военным деятелем — в 1496 г. он ходил на Свею, в 1497 г. должен был возглавить полк Левой руки в планируемом походе на Казань, в 1501 г. возглавил Сторожевой полк в зимнем походе на Ливонию.[3]

Все руководство полка Левой руки состояло из больших тверских служилых людей. Это говорит о прочной интеграции тверичей в системе военно-служилых отношений Российского государства.

В полку Левой руки идет и воевода Волоцкого князя.

Из восьми полковых воевод конной рати, отправленной в поход на Вятскую землю, шесть — вчерашние тверские служилые люди. Это не может быть случайным. По-видимому, тверское служилое ополчение составляло важную часть конной рати, отправленной на Вятку.

Однако командование войсками находится в руках двух московских бояр.

Первый воевода судовой рати Иван Иванович Салтыков Травин — потомок смоленских князей, издавна служивших Москве. Он впервые упоминается в 1469 г., когда в качестве дворового сына боярского ходил

[1] Там же. С. 263.
[2] Там же. С. 264.
[3] РК-98. С. 27–28, 33.

с судовой ратью от Устюга на Казань.[1] В 1483 г. он был одним из руководителей выдающегося похода судовой рати за Урал до Обской губы.[2] Во главе судовой рати на Вятку идет, таким образом, воевода, имеющий богатый опыт боевых речных походов.

Второй воевода судовой рати князь Иван Семенович Кубенский — один из измельчавших ярославских князей.[3]

По духовной Василия Темного, их родовое гнездо Кубена было дано Андрею Меньшому,[4] и Кубенские оказались на московской службе. Есть сведения, что князь Иван Семенович был женат на дочери князя Андрея Углицкого.[5] Об участии его в боевых походах ни до, ни после 1489 г. ничего не известно. В 1489 г. он участвовал в походе, вероятно, как местный вотчинник, один из руководителей земского ополчения.

Третий воевода судовой рати — Юрий Иванович Шестак, представитель рода Кутузовых, видный служилый человек Двора, не раз выполнявший ответственные поручения.

В 1475 г. он в числе детей боярских Двора сопровождал Ивана III в «походе миром» на Новгород,[6] а после суда на Городище был приставом у одного из «поиманных»;[7] в 1479 г. ездил на Волок к князю Борису с требованием выдать князя Ивана Лыка Оболенского, бежавшего от суда великого князя;[8] в 1485 г. при взятии Твери был одним из тех, кому было поручено привести тверичей к целованию и обеспечить их защиту от ратных людей великого князя.[9] В 1487 г. он участвовал в походе на Вятку для обеспечения операции против Казани.[10]

Назначение в судовую рать такого видного служилого человека свидетельствует о значении, которое придавалось этому походу. В походе 1489 г. Шестак командовал ополчением важан и каргопольцев, по сведениям Устюжской летописи. Возможно, что в одном из этих уездов он был наместником.

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
[2] Там же Т. 37. С. 95.
[3] Зимин С. 87.
[4] ДДГ. № 61. С. 195.
[5] Зимин. С. 94.
[6] РК-98. С. 17.
[7] ПСРЛ. Т. 25. С. 306.
[8] Там же. Т. 6. С. 203.
[9] Там же. Т. 25. С. 330.
[10] РК-98. С. 21.

Четвертый воевода судовой рати — устюжский наместник Иван Иванович Злоба. Так как «Злоба, не дошед, умер», то в свой поход устюжане вступили под командой пятого из перечисленных воевод — князя Ивана Ивановича Звенца Звенигородского, которого называет и Устюжская летопись.

Князь Иван Иванович Звенец Звенигородский в 1468 г. с устюжанами участвовал в походе судовой рати на Казань. В 1475 г. в числе детей боярских ходил с Иваном III в «поход миром» и принимал участие в «поимании» новгородских бояр, в 1480 г. был послом в Крым. Он достиг и крупного дипломатического успеха — заключил договор и союз с Менгли-Гиреем буквально накануне нашествия Ахмата. В 1482 г. ездил с миссией в Казань.[1] Впоследствии он получил чин окольничего, принимал участие в приеме имперских послов, участвовал в поездке Ивана III в Новгород во время Свейской войны, снова ездил послом в Крым и умер во время этого посольства.[2] Князь Иван Звенец, без сомнения, один из выдающихся деятелей своего времени. В данном контексте важен его давний опыт походов с судовой ратью, в частности, с устюжанами. Этот опыт, вероятно, учитывался при его назначении в 1489 г.

Устюжская летопись называет воеводу двинского ополчения — князя Ивана Владимировича Лыка Оболенского. Его первое упоминание в источниках относится к 1479 г., когда он был наместником в Великих Луках. Жалобы лучан на своего наместника привели к суду над ним. Обвиненный в лихоимстве Лыко был осужден великим князем, но отъехал от него в Волоцкий удел к князю Борису. Захват Лыка служилыми людьми великого князя стал поводом для княжеского мятежа в 1480 г.[3] Однако служба Лыка продолжалась. В 1483 г. он ездил послом в Крым, в 1487 г. ходил на Вятку в составе войск, прикрывавших операцию против Казани, а в следующем году стерег Устюг от вятчан. Вполне вероятно, что в 1489 г. он возглавлял судовое ополчение Двинской земли, будучи тамошним наместником. Впоследствии он продолжал играть видную роль — ходил в походы в качестве полкового воеводы, принимал участие в приеме послов, бывал наместником в Новгороде.[4] Карьера князя Ивана Лыка свидетельствует, что при Иване III

[1] РК-98. С. 19.
[2] Зимин. С. 56.
[3] ПСРЛ. Т. 6. С. 203.
[4] Зимин. С. 54.

даже серьезное правонарушение и опала могли не иметь роковых последствий для служилого человека, если он ценился великим князем.

Князь Осиф Андреевич Дорогобужский в разрядах 1489 г. не упоминается, но Устюжская летопись называет его главой тверского ополчения, ставя ниже Андрея Ивановича Коробова. Можно думать, что тверичи, возглавляемые князем Дорогобужским, входили в Передовой полк. Вторым воеводой этого полка был Андрей Коробов, оказавшийся, таким образом, выше князя Дорогобужского. Сам князь Осиф Андреевич — из тверских удельных князей. В 1480 г. еще в составе тверских войск он участвовал в отражении нашествия Ахмата, но в 1485 г., накануне падения независимости Твери, перешел на службу государя всея Руси. В 1487 г. он участвовал в походе на Казань вторым воеводой Большого полка судовой рати. В дальнейшем он в качестве полкового воеводы принимал участие во многих походах на Литву, Свею и Ливонию, а в поездке Ивана III в Новгород в 1495 г. упоминается в числе «бояр из Тверской земли».[1]

Последний по счету воевода, упомянутый в разрядах, — князь Борис Иванович Горбатый, стоявший на Каме, обеспечивая правый фланг наступательной операции. Это один из суздальских князей, оказавшихся на великокняжеской службе при ликвидации независимости Суздальского княжества при великом князе Василии Дмитриевиче и окончательно — при Василии Темном. Борис Иванович упоминается в разрядах впервые, но затем совершил большую карьеру, стал боярином и участвовал во многих походах в качестве полкового воеводы.[2]

Таким образом, наши источники называют имена 17 воевод, связанных с походом 1489 г. Этот перечень позволяет сделать некоторые выводы.

Во главе войск идут бояре — видные деятели Российского государства. Это свидетельствует о значении похода на Вятку как о важном государственном мероприятии.

Наиболее видные места в числе воевод занимают тверичи, что может говорить о большом удельном весе тверского служилого ополчения, а также и о доверии великого князя к своим новым служилым людям.

---

[1] Зимин. С. 109.

[2] Там же. С. 73. В своем обзоре А. А. Зимин, очевидно, смешивает Бориса Ивановича с его племянником, человеком следующего поколения, активным деятелем времени Василия III, умершим после 1537 г.

Важную роль играют великокняжеские служилые люди, руководители судовой рати. Земскому ополчению придается большое значение в походе.

Следует обратить внимание на участие в походе воевод последних удельных князей и отряда вассального казанского хана. Все это свидетельствует о масштабе и политическом значении похода.

Командные функции на оперативно-тактическом уровне осуществляют воеводы. Но за их спиной — высшая инстанция, верховное главнокомандование (ВГК), в чьих руках политическое и стратегическое руководство. Как и в прежних кампаниях, функции ВГК — определение общего характера кампании, мобилизация и сосредоточение войск, назначение воевод и контроль над ними.

Реальный ход событий описан в Устюжской летописи.[1]

Войска, шедшие «в судех», «месяца июля в 24 день пришли на память Бориса и Глеба, а московские конная пришла под Котельнич того же месяца в 30 день, а татарская месяца августа в 2 день. А стояла вся сила под Котельничем до Преображеньева дни (6 августа. — *Ю. А.*). А было на Вятке великого князя силы 60 тысящ да 4 тысящи (по другим спискам — 72 000. — *Ю. А.*)».

Таким образом, местом сбора всех сил был город, стоявший на Вятке примерно в 100 верстах ниже Хлынова, при впадении в Вятку р. Моломы. Вниз по Моломе, вероятно, и шла из Устюга судовая рать, выходя на нее волоком из р. Юг. От Устюга до Котельнича примерно 350–400 верст.

Численность войск, вероятно, преувеличена, но цифры, приводимые летописцем, дают общее представление об огромном войске, собранном из девяти северных уездов и нескольких уездов Средней России.

«А в Преображеньев день пошли к городу Хлынову, а под Хлынов пришли Августа в 16 день, в недель, в 3 часа дни».

Таким образом, переход судовой рати вверх по Вятке занял 10 дней, средний темп против течения — 10 верст в день.

«Вятчане же, в городе затворившись, а к великого князя воеводам послали с поминки». Но «поминки» не помогли. Воеводы предъявили категорическое требование: «Уведите же вы за великого князя от велика и до мала, а изменников и коромольников выдайте головами».

---

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 96–97.

После отказа вятчан выполнить это требование, «воеводы всей силе велели приступ готовити и примет к городу всякому человеку по беремени смол да берест, да на 50 человек по 2 сажени плетеня. И к городу плетении поставляли».

«Вятчане же, видят свою погибель, сами вышли, большие люди своими головами и добили челом воеводам на всей воле великого князя»

Поход 1489 г. — пример стратегической операции с решительными политическими целями. Особенность этой кампании — действия на одном операционном направлении конной и судовой ратей в тесном тактическом взаимодействии. Был использован опыт походов на Казань осенью 1469 г. и летом 1487 г. Обращает на себя внимание выдвижение заслона к Каме — правый фланг операции прикрывался от возможных действий враждебных языческих племен.

Операция потребовала большого мобилизационного напряжения, и сосредоточение войск к пункту сбора заняло значительное время. Но сам ход боевых действий был кратким: судя по нашему источнику, кампания была решена одним ударом, без боя в открытом поле, без фактического применения силы — угрозы штурма оказалось достаточно для капитуляции противника.

Важнейший результат кампании 1489 г. — обеспечение безопасности северо-восточного стратегического направления и условий для дальнейшего продвижения русской колонизации в сторону Урала и Сибири.

Вятская вечевая республика — миниатюрная копия Великого Новгорода — не имела ни сил, ни решимости оказать серьезное сопротивление великокняжеским войскам. Пал последний очаг общинного сепаратизма — собирание русских земель под знамя Москвы фактически было закончено. Впереди была борьба за освобождение земель, попавших в руки иноземных захватчиков.

Походы 80-х гг. — краткие итоги

Источники о походах 80-х гг.

Походы источники	1480	1481	1482	1483	1485	1487	1489
ПСРЛ	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть
РК	нет	нет	нет	нет	есть	есть	есть

Как видим, походы 1480–1483 гг. в РК не отразились. Однако разрядные записи за эти годы могли быть использованы составителями летописей.

В то же время летописи содержат сведения, которых не могло быть в РЗ, — особенно это относится к кампаниям 1480 и 1487 гг., а также 1489 г. В распоряжении составителей летописи были какие-то источники, независимые от РЗ. В ряде случаев они носили официальный характер, типа походного дневника (ПД), особенно в 1480, 1485 гг. Софийская, Устюжская и Типографская летописи могли пользоваться частными источниками, достаточно осведомленными. Несмотря на свой официальный характер, Никоновская летопись дает сведения не обо всех походах. Так, о походе 1482 г. на Казань она не говорит. Таким образом, об официальном характере Никоновской летописи можно говорить только условно — она далеко не всегда использует все документальные данные о походах. Псковская летопись имеет свои местные источники официального характера, типа походных записей, и в этом смысле близких к ПД.

ПД в чистом виде не отразился в летописях 80-х гг., но, по-видимому, он использовался в 1480 и 1485 гг.

Можно отметить рост влияния РЗ на летописи. Сам факт сохранения с середины 80-х гг. почти непрерывных РЗ, вошедших позднее в РК, свидетельствует о росте канцелярии великого князя.

В составе войск можно различить:

— служилое конное ополчение;

— городское ополчение Пскова (1480 и 1481 гг.);

— городское ополчение Новгорода (1481 г.). Поход 1481 г. — по-видимому, последний поход новгородского ополчения. Ликвидация крупного боярского землевладения в 80-х гг. и создание поместной системы в Новгородской земле должны были привести к полной реорганизации военной системы Новгорода. Новгородские бояре в качестве воевод больше не упоминаются;

— судовая рать (1483, 1487 и 1489 гг.).

Можно отметить известное «районирование» сил — в походах на Казань и Вятку главное значение играют ополчения поволжских и северных уездов, псковичи и новгородцы идут в поход на Ливонию. Большой сибирский поход 1483 г. делается силами, в основном, северных уездов (судовая рать).

1480-е гг. — начало реформы служилого ополчения.

1) Появление поместного служилого землевладения на базе реформ в Новгородской земле (и как следствие — в Центре).

2) Включение тверской служилой системы в состав великокняжеской, и, по всей вероятности, то же на Белоозере и Вологде, т. е. развитие великокняжеской служилой системы за счет удельно-княжеских.

3) Ликвидация земского городового ополчения в Новгороде — замена его служилым (на поместной основе), т. е. развитие великокняжеской служилой системы за счет земской.

В то же время земское ополчение как таковое сохраняется во Пскове, а в северных уездах составляет основной воинский контингент

Наиболее важное значение имеет развитие артиллерии, ее появление на поле сражения (1480 г.), участие в трудном зимнем походе (1481 г.), в походе судовой рати на Казань (1482 г.). Развитие артиллерии — прямое следствие создания Пушечного двора (Фиоравенти, Деббосис — 1488 г.).

На пороге — появление нового рода войск. Однако артиллерия еще не стала обязательной, составной частью войска. Она не упоминается в походах на Казань (1487 г.) и на Вятку (1489 г.). Она, по-видимому, не сыграла роли и в обороне Пскова в 1480 г., хотя, по данным о походе 1477 г., в Пскове артиллерия должна была быть.

Объективная обстановка ставила перед Россией как оборонительные, так и наступательные задачи.

Оборонительный характер носила кампания 1480 г. Ее продолжением была наступательная операция зимы 1481 г. на ливонском театре, вследствие чего кампании 1480 и 1481 гг. можно рассматривать как этапы одной большой войны на двух стратегических направлениях — южном и северо-западном.

Важнейшей стратегической задачей кампании 1480 г. было отражение нашествия Ахмата, второстепенной — оборона на северо-западном направлении. В обоих случаях мы имеем дело с оборонительной стратегией. Кампания 1480 г. — пример такой стратегии в войне на двух стратегических направлениях, против двух самостоятельных противников.

В этих условиях важнейшая задача ВГК — определение главного противника и соответствующее развертывание сил. Этим оборонительная кампания 1480 г. отличается от оборонительной кампании 1472 г когда в наличии был только один актуальный противник на одном стратегическом направлении.

Другое отличие — кампания 1480 г. осложнялась княжеским мятежом, который если и не вызвал боевых действий, то создавал достаточно большое напряжение и не мог не влиять на принятие стратегических решений ВГК.

Задача ВГК в стратегической оборонительной кампании — определение основной линии обороны, т. е. основного рубежа развертывания войск, и своевременное развертывание их на этом рубеже, а также принятие мер на случай прорыва оборонительной линии, т. е. создания известной глубины обороны. В кампании 1480 г. эти задачи были решены успешно. Линию обороны противнику преодолеть не удалось.

Задачей ВГК в условиях оборонительной войны на нескольких направлениях и при реальной возможности вступления в войну нового противника является максимальная экономия сил — сохранение их для реагирования на возможное изменение обстановки. Эта задача также была решена успешно.

Исторические примеры свидетельствуют, что сохранить боеспособность войск даже в случае большого стратегического успеха удается далеко не всегда. Так, блестящая победа в кампании 1380 г. сопровождалась такими потерями, что военно-политический потенциал союза русских князей, возглавляемых Дмитрием Донским, оказался подорванным. Это обусловило успех нашествия Тохтамыша в 1382 г. Примером из другой эпохи может послужить кампания 1812 г. — уничтожение армии Наполеона сопровождалось такими потерями русских войск, что они на несколько месяцев фактически потеряли боеспособность и до лета 1813 г. не могли эффективно бороться с новой армией Наполеона на германском театре военных действий (именно это, вероятно, имел в виду М. И. Кутузов, предостерегая от похода в Пруссию весной 1813 г.).

Успех оборонительной кампании 1480 г. предопределил возможность проведения наступательной кампании 1481 г.

Эта кампания имела вполне определенную цель — нанеся чувствительный удар по владениям Ордена, заставить его заключить мир, обеспечивающий интересы Русского государства. В результате короткой зимней кампании эта цель была достигнута и на длительное время была обеспечена стабильность и безопасность северо-западного направления.

Наступательная операция 1482 г. против Казани носила, по-видимому, демонстративный характер.

Поход судовой рати в 1483 г. на Северный Урал и в Сибирь носил характер наступательной операции с целью продвижения на восток сферы политического влияния Русского государства. Успех этого похода носил не только стратегический, но и политический характер. Развивая успех похода 1472 г. князя Федора Пестрого, это был новый шаг на пути, который к середине XVII в. вывел русских людей к берегам Тихого океана и обозначил естественный географический рубеж России.

Поход на Тверь в 1485 г. носил характер скорее политического мероприятия, чем наступательной операции. Тверь сдалась почти без сопротивления, но важной чертой событий было принятие оборонительных мер на случай литовской интервенции.

Наибольшее напряжение вызывала во второй половине 80-х гг. борьба на восточном стратегическом направлении. Поход 1487 г. явился крупным военным предприятием. Стратегическая задача потребовала введения в дело второго эшелона войск, что обеспечило успех.

Поход 1489 г. на Вятку носил характер крупной стратегической наступательной операции, в сложных условиях лесисто-речной местности. Этим фактически завершился процесс создания единого Русского государства. Войска действовали на одном операционном направлении и сравнительно легко решили поставленную задачу.

Можно уловить основное отличие кампаний 80-х гг. от походов предыдущего десятилетия. В 70-х гг. основным стратегическим направлением было северо-западное, на котором и развертывались главные силы великокняжеских войск. В 80-х гг., после победы на Угре, стратегический центр тяжести переносится на восток и северо-восток.

В 80-х гг., как и ранее, прослеживается большое мобилизационное напряжение. Во всех случаях сохранялась потенциальная опасность западного направления и необходимость постоянно иметь достаточные силы для обороны южного рубежа.

Задачи, объективно стоявшие перед Русским государством в 80-х гг., были успешно решены в ходе ряда стратегических операций на южном, северо-западном и восточном направлениях. Военно-политическое положение Русского государства значительно укрепилось, и появилась возможность для постановки новых задач.

Великий князь лично участвовал в двух походах — летне-осеннем 1480 г. и тверском 1485 г. Очевидно, что в обоих случаях функции ВГК и оперативного командования войсками фактически совпадали. В кам-

пании 1480 г. можно отметить короткий период (первые дни октября), когда командование войсками на оперативном уровне на Оке — Угре находилось в руках воевод и не осуществлялось непосредственно великим князем во время его пребывания в Москве на соборе и думе. Все остальное время — с конца июля до конца ноября — Ставка находилась при войсках и, по-видимому, фактически руководила, т. е. принимала и осуществляла решения оперативно-стратегического и оперативно-тактического масштаба на южном фронте, сохраняя за собой директивное руководство на других направлениях (северо-запад, борьба с мятежом).

Во всех остальных походах Ставка находилась вне театра военных действий, и функции ВГК могли осуществляться только с помощью директив.

Непосредственное оперативно-тактическое руководство находилось в руках воевод. Функции ВГК в этих случаях заключались в формировании и развертывании войск, назначении воевод, постановке стратегических задач и посылке соответствующих директив в необходимых случаях.

Кампания 1481 г. носила характер короткой операции, быстро приведшей к решительному результату. Оперативно-тактическое руководство на театре войны оказалось достаточно компетентным, и вмешательства ВГК, по-видимому, не потребовалось.

Кампания 1487 г., напротив, приняла затяжной характер, и оперативно-тактическое руководство на первом этапе не смогло решить поставленной задачи. Потребовалось вмешательство ВГК, которое выразилось в выдвижении резерва (второго эшелона), что и привело к конечному успеху кампании.

Примером эффективной деятельности оперативно-тактического руководства может служить поход 1483 г., когда в силу объективных условий связь со Ставкой не могла быть сколько-нибудь реальной, и воеводы должны были самостоятельно принимать решения и проводить их в жизнь.

Большую самостоятельность на оперативно-тактическом уровне должны были проявить воеводы и в походе 1489 г. В этой кампании функции ВГК, кроме постановки общей задачи, непосредственно проявились в развертывании на Каме флангового охранения сил, наступающих на Вятку. В целом можно отметить достаточную эффективность сложившейся с 60-х гг. двухступенчатой схемы руководства

войсками: на стратегическом уровне — в руках ВГК; на оперативно-тактическом — в руках назначенных им воевод. Реальное функционирование этой системы требовало организации соответствующего ведомства, куда стекались бы донесения и через которое отправлялись бы директивы. Это ведомство вызревало в рамках канцелярии великого князя, и непосредственным плодом его деятельности явились разрядные записи, подобно тому как плодом деятельности посольского ведомства стали посольские книги, известные с 70-х гг.

Крупных сражений в открытом поле источники не отмечают. Это дает основание предполагать, что существенных изменений в тактике полевого боя не было.

Значительно лучше освещены вопросы тактики при обороне и взятии городов. Примером обороны города может послужить защита Пскова в конце августа 1480 г. от войск магистра. Оборона носила пассивный характер: гарнизон Пскова уповал на силу своих укреплений и на естественную преграду — р. Великую. Завеличье было оставлено без боя. Артиллерийский огонь противника не привел ни к разрушению городских укреплений, ни к моральному разложению гарнизона. Попытка форсирования Великой с помощью брандеров была успешно отражена. Сама операция против Пскова носила кратковременный характер — магистр, очевидно, рассчитывал взять город одним ударом и не предпринял никаких мер для блокады Пскова и его долговременной осады. В кампании 1480 г. на ливонском театре малые города подвергались обстрелу артиллерии противника, после чего попадали в его руки. Артиллерия стала, таким образом, важнейшей составляющей в борьбе за города.

В кампании 1481 г. применение русской осадной артиллерии против ливонских городов сыграло решающую роль, обеспечив их быстрое падение. Нет данных о применении против этих городов средств инженерной войны — подкопов, а также обычных средневековых средств — «приметов».

В походе против Казани в 1487 г., напротив, традиционные методы осады сыграли решающую роль. Важнейшим из них было сооружение острога — контрвалационной линии. Никаких сведений о применении артиллерии и примета для подготовки штурма в источниках нет — крепость сдалась, исчерпав силы для обороны.

Применение примета с целью подготовки штурма отмечается в источниках в связи с походом на Вятскую землю. Здесь даны и нормы

заготовки примета. Однако самого штурма не последовало — город сдался на капитуляцию.

Таким образом, главным новшеством в борьбе за крепости стала артиллерия, роль которой неуклонно возрастала.

Наиболее важной новинкой в обороне полевых позиций стало применение пищалей (Угра, октябрь 1480 г.). Надо полагать, что в источнике идет речь о пищалях — артиллерийских орудиях, а не ручном огнестрельном оружии; никаких данных о таком оружии вплоть до конца XV в. нет. Легкие орудия — пищали — ставились, очевидно, на позиции и могли маневрировать по мере надобности в пределах оборонительной линии. Надо думать, однако, что число таких пищалей было невелико, и их роль в обороне переправ через Угру преувеличивать не следует.

Итак, наиболее заметные изменения в тактике связаны с постепенным развитием огнестрельного оружия, хотя оно еще не привело к качественным сдвигам в характере боевых действий в поле.

Источники свидетельствуют о росте внимания к артиллерии. К 1475 г. относится первое упоминание о приезде в Москву «пушечных дел мастера» — знаменитого Аристотеля Фиоравенти. Хотя известия об артиллерийских орудиях встречаются и в более раннее время,[1] можно думать, что именно с конца 70-х гг. начинается новый этап развития артиллерийского дела на Руси. Москва становится основным центром производства огнестрельных орудий. К 1488 г. относится первое упоминание о Пушечной избе — она сгорела во время большого пожара в августе этого года.[2] Под тем же годом сообщается, что «повелением великого князя мастер Павлин Деббосис... слил пушку медяну, а в ней тысяча пудов меди».[3] Если орудие Деббосиса по своим пропорциям соответствовало знаменитой царь-пушке Андрея Чохова, отлитой 100 лет спустя, то ее калибр должен был быть ок. 46 см, а вес ядра — ок. 400 кг.[4] Орудие явно предназначалось для обороны Крем-

---

[1] Инок Фома в своем «Слове похвальном» упоминает об искусном тверском мастере Микуле Кречетникове: «Таков бяше той мастер, дяко и среди немец не обрести таковаго» (*Инок Фома*. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. 46).

[2] ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. Стб. 324–325; Т. 26. С. 279.

[3] Там же Т. 26. С. 279.

[4] Царь-пушка 1586 г. весит 40 т, имеет длину ствола 534 см, калибр — 890 мм. Длина ствола — 4,2 калибра (как у мортиры). Ядро должно было бы весить

ля. Существует ряд прямых свидетельств об изготовлении в 80-х гг. медных орудий, известны и имена некоторых пушечных мастеров.

Можно считать, что 80-е гг. — качественно новый этап истории русской артиллерии, и это одно из наиболее заметных явлений в развитии военной системы складывающегося Российского государства.

Подводя итоги военному строительству 80-х гг., можно отметить три основных факта:

— дальнейшее развитие великокняжеской служилой системы;
— развитие организации и деятельности ВГК;
— развитие производства и боевого применения артиллерии.

Глава 4
Походы 90-х гг.

Поход на Ахматовичей

Под 6999 г. в великокняжеской летописи мы читаем:

«Тое же весны Майя прииде весть к великому князю Ивану Васильевичю, что идут ордынские цари Сеит, Ахмет и Шагамет с силою на царя Менгли-Гирея Крымского. Князь великы на помощь Крымскому царю Менгли Гирею отпустил воевод своих в Поле ко Орде, князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского же, да с ними многих детей боярских Двора своего, да Мердулатова сына царевича, и со князи и со всеми казаки послал вместе же с своими воеводами.

А Казанскому царю Махмет Аминю велел послати воевод своих с силою вместе же со царевичем и с великого князя воеводами.

А князю Андрею Васильевичю и князю Борису Васильевичю и братьи своей велел послати своих воевод с силою вместе же своими воеводами. И князь Борис Васильевич воеводу своего послал с великого князя воеводами, а князя Ондрея Васильевича воеводы и силы своея не послал.

ок. 1250 кг (но пушка, очевидно, предназначалась для стрельбы каменным дробом).

И снидошася вместе великого князя воеводы с царевичем Сатылганом и с Казанского царя воеводами со Абаш Уланом и с Бубрашь Сеитом в Поле, и княж Борисов Васильевича воевода. И поидоша вместе к Орде.

Слышавше же цари Ордынские силу многу великого князя в Поле к ним приближающуся и убоявшеся возвратишася от Перекопа. Сила великого же князя возвратися во свояси без брани».[1]

Официальный характер известия не вызывает сомнений. Источником его послужили, очевидно, разрядные записи (РЗ), отразившие имена воевод — по всей вероятности, в порядке их старшинства.

Известие великокняжеской летописи воспроизведено в Уваровской летописи (Свод 1518 г.),[2] Никоновской, Типографской (с небольшими разночтениями).[3] В Спасо-Прилуцкой летописи приведено то же известие, но первым воеводой назван князь Иван Михайлович Оболенский Репня и не приведена концовка о возвращении «без брани».[4]

Софийская II летопись приводит известие и в соответствующем месте пишет: «Мердулата царевича со уланы и со князи...», а во втором случае: «...снидошася вместе великого князя воеводы с царевичем с Алтыганом...».[5] Видна ошибка переписчика, пропустившего в первом случае имя Салтыгана, и вторичность текста по отношению к Московской.

В летописи по списку Дубровского соответствующее известие изложено так:

«Тое же весны отпустил князь великий на Поле подо Орду царева сына Мердулатова Салтыгана, да с ним послал воевод своих, князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню, да с ними детей боярских Двора своего из городов.

А и с Казани царь Ахмет с ним послал же на Поле своих воевод да и казаков». Далее идет известие о пожаре во Владимире 23 мая, о посольстве к Стефану Волошскому 28 июля, о постройке «большой палаты» на площади, о посольстве от короля Римского 30 августа, о свершении стрельницы Фроловской. Затем последняя запись за 6999 г.:

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 332.
[2] Там же. Т. 28. С. 321.
[3] Там же. Т. 12. С. 228–229.
[4] Там же. Т. 28. С. 155.
[5] Там же. Т. 6. Ч. 2. Стб. 330.

«Того же лета придоша и с Поля князя великого воеводы, князь Петр Микитич да князь Иван Михайлович Репня Оболенские».[1]

Зависимость известия списка Дубровского от великокняжеской летописи очевидна — это сокращение официального рассказа. Известие о возращении князей Оболенских из похода, помещенное в самом конце годовой статьи, означает, по-видимому, только то, что переписчик разделил почему-то рассказ о походе, выделив его концовку и оторвав ее от основного текста.

Известие Московской летописи является, таким образом, нашим основным, в сущности, единственным летописным источником о походе в Поле на помощь Менгли-Гирею.

В Разрядной книге 1598 г. (РК-98) записи о походе 1491 г. нет. В Разрядной книге 1605 г. (РК-05) запись есть:

«...прислал бити челом к великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии царь Крымский Менгли Гирей, что идут на нево ордынские царевичи Сеид да Охмет с силою. И князь великий... отпустил в Поле под Орду царевича Мердулата да воевод своих князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского. А к казанскому царю Махмедиму велел писать, и велел послать царевича Селтагана с казанскими людьми и с великого князя воеводами».[2]

Запись в РК-05 имеет тесную связь с летописным известием, но в прямом смысле не является его непосредственным источником. В руках летописца имелись и какие-то другие источники, в которых были имена князей Андрея и Бориса, казанских воевод и т. п. Возможно, это была не дошедшая до нас РЗ, не отразившаяся в существующих РК.

Важным источником для изучения похода 1491 г. оказываются посольские книги.

Весной 1491 г. русский посол в Крыму князь Василий Ромодановский донес о движении Большой Орды на Менгли-Гирея. В планах Ахматовых детей было выдвижение в сторону Днепра. Менгли, выступивший против них 29 апреля, узнав об их приближении, вернулся обратно. Он попросил помощи у своего сюзерена султана Баязида, который помощь ему обещал. Но, не удовлетворившись этим (или, может быть, не надеясь на это), Менгли обратился с посланием к великому князю: «...ты брат мой рать свою борзо бы еси отпустил, Июня

---

[1] ПСРЛ. Т. 43. С. 210.

[2] РК-05. С. 30.

месяца». Посол передал слова Менгли: «Пойдут ли цари (Ахматовичи. — *Ю. А.*) на великого князя, и яз ни сына, ни брата не шлю, а иду на Орду сам, а дела есми брата своего великого князя беречи рад».

Конкретно Менгли имел в виду, что «князь великы пошлет царевича моего братанича. Да и казанского царя людей, и князь бы велики велел бы меня обослати, а поступили бы ко мне поближе, воротятся цари на меня, и они бы были мне ведомы».

Менгли предполагал возможность наступательных действий против Орды: «...будет ми помочь от брата моего от великого князя да от турьского (султана. — *Ю. А.*), и яз на них (Ахматовичей. — *Ю. А.*) иду».[1]

21 июня великий князь сообщил Менгли: «...яз Саталгана царевича на Поле послал с уланы и с князьми и с казаки, да и русских есми воевод с русскою ратью с ними послал; да и в Казань есми к Магмед-Аминю царю послал князя Ивана Ромодановского, а велел есми ему послати рать свою на Поле... А вышли из Казани Июня месяца в осьмой день, а царевич Сотылган вышел Июня месяца в третий день.

А приказал есми Сатылгану царевичу и русским воеводам, да и казанской рати: пойдут наши недруги... на тебя, и они бы пришли на Орду и дело делали... А пойдут наши недруги... на мою землю, и ты бы по своей правде... пошел на Орду и дело делал... не пойдут Ахматовы дети на тебя ни на мою сторону, а пойдут на иную сторону, ино бы Саталгану царевичю и нашей рати с тобою сниматися... и дело делати с тобою заодин».

В грамоте послу князю Василию Ромодановскому уточняется состав посланных войск: «В воеводах отпустил есми с русскою ратью князя Петра Микитича да князя Ивана Михайловича Репню Оболенских, а людей есми послал с ними не мало. Да и братии воеводы пошли с моими воеводами и сестричев моих рязанских обоих воеводы пошли». Подробно перечисляются воеводы, посланные Магмет-Амином, — их всего 12, и с ними послан казанский Двор.[2] Следует отметить, что посланный к Магмет-Амину князь Иван Ромодановский имел инструкцию «идти с казанскою ратью вместе наезжати Саталгана царевича» — с казанскими войсками шел представитель великого князя.

Материалы посольских книг существенно расширяют и уточняют сведения летописи. Отправка войск в Поле была актом большой по-

---

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 29. С. 110–114.

[2] Там же. № 36. С. 115–116.

литики. Русско-татарские войска предназначались для участия в крупном военном предприятии международного масштаба с участием крымских и, возможно, турецких войск.

Материалы посольской книги содержат точную дату начала похода, отсутствующую в летописном источнике. Как видно из грамоты князю Ромодановскому, в поход двинулись не только собственно великокняжеские войска, но и войска рязанских князей — формально суверенное Рязанское великое княжество было включено в военную систему государства всея Руси.

Особое значение имеет наказ великого князя воеводам, приведенный (в пересказе) в послании Менгли. По существу, это директива Главного командования (ГК), предусматривающая три возможных варианта развития событий. Отправка войск в Поле предназначалась для помощи Менгли и была вызвана его просьбой. Однако не исключалось, что Ахматовичи пойдут не на Крым, а на Русскую землю. В этом случае предполагались совместные действия с главными силами Менгли в соответствии с союзным договором и с обязательством, принятым на себя самим ханом. Предполагалась возможность совместного похода и в «иную сторону» — в какую, для нас не ясно, но скорее всего — в Литву.

Таким образом, большой поход в Поле предусматривал как наступательные, так и оборонительные действия, в зависимости от конкретной обстановки. Но в любом случае предусматривалось тесное сотрудничество с Менгли, причем войска великого князя отнюдь не поступали под команду крымского царя, а должны были только «ссылатися» с ним и «без вести не держатися о всем о том».

Это первый известный нам по источникам поход русских войск в глубь Поля, на многие сотни верст от русских рубежей, и первое военное предприятие, совместное с крымским союзником.

Еще летом 1485 г. на возможный вопрос Менгли, «посылал ли князь великий людей под Орду», против Ахматовичей, которые с Менгли «немирны», гонец Ивана III Шемердей Умачев должен был отвечать: «Осподарь наш князь великий... послал под Орду уланов, и князей и казаков всех, колко их есть в его земле, добра твоего везде смотреть».[1] Речь шла, как видно, о посылке не собственно русских войск, а татар, бывших на службе великого князя. По словам великого князя, «они

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 12. С. 44.

под Ордою были все лето и делали сколько могли».[1] В марте 1486 г. великий князь обещал своему союзнику: «...какими делы пойдут на тобя те цари [Ахматовичи] и яз брата твоего Нурдовлета отпущу под Орду и уланов, и князей, и казаков всех, что их в моей земли ни есть, а дела твоего везде берегу, как и своего дела».[2]

В марте 1487 г. великий князь сообщает Менгли: «Ходиша под Орду наши люди и брата твоего Нурдовлатовы царевы люди, да там под Ордой улусы имали».[3]

В августе 1487 г. великокняжеский гонец Беляк Ардашев на запрос Менгли о Нурдовлате должен был отвечать: «Нурдовлат царь пошел на Орду».[4]

Таким образом, война в Диком Поле против Ахматовичей продолжалась из года в год и велась в соответствии с русско-крымским союзным договором. Но во всех этих случаях речь шла о действиях вассальных татарских отрядов, а не собственно русских великокняжеских войск.

Поход князей Оболенских в этом смысле принципиально отличается от боевых действий предыдущих лет.

О значении похода 1491 г. свидетельствует участие в нем служилых людей Двора великого князя, т. е. отборной части великокняжеского служилого ополчения и служилых людей других русских князей. Тактические и технические возможности русской служилой конницы поднялись, видимо, на новую ступень, обеспечив возможность столь дальнего похода в степь. Такой поход стал возможным только после победы на Угре и гибели Ахмата.

Служилая конница во главе с великокняжескими воеводами идет в дальний поход в тесной связи с татарами — крымским царевичем и казанским вассалом. И это тоже новая черта в организации похода.

Присутствие Сатылгана, близкого родственника Менгли, имело и политическое, и чисто военное значение. Не менее важно и участие казанского вспомогательного отряда — недавно посаженный на казанский стол Мухаммед-Амин демонстрировал свою верность.

Участие в походе служилых людей из русских княжеств, сохранявших ту или иную степень самостоятельности, свидетельствует о

[1] Там же. № 13. С. 46.
[2] Там же. № 16. С. 58.
[3] Там же.
[4] Там же. № 18. С. 62.

том, что старая военная система, основанная на военном союзе князей, продолжает функционировать. Нарушение принципа этой системы князем Андреем Углицким повлекло за собой взятие его под стражу по обвинению в государственной измене.[1]

На южном направлении складывается принципиально новая стратегическая обстановка — инициатива переходит в руки России и ее союзников, и ведутся наступательные операции против остатков империи Ахмата.

Несмотря на отсутствие непосредственного соприкосновения с противником, летний поход 1491 г. не может игнорироваться в общем контексте русской военной истории. Это первый поход служилого ополчения в глубь Дикого Поля, первый опыт коалиционной войны на южном направлении, первое материальное проявление союза с Крымом.

Однако успешный поход 1491 г. не мог, разумеется, привести к серьезным стратегическим результатам. Остатки Ахматовой орды продолжали существовать как потенциальная угроза южному рубежу Российского государства.

Под 1492 г. великокняжеская летопись отмечает: «Месяца Июня в 10 приходили татарове ординские казаки. В головах приходил Темешом зовут, а с ним 200 и 20 казаков, в Алексин на волость на Вошань, и, пограбив, поидоша назад. И прииде погоня великого князя за ними, Федор Колтовской да Горяин Сидоров, а всех их 60 человек да 4. И учинился им бой в Поле промеж Трудов и Быстрые Сосны. И убиша погони великого князя 40 человек, а татар на том бою убили 60 человек, а иныии идучи Татарове в Орду ранены на пути изомроша».[2]

В РК-98 об этом ничего нет, а РК-05 содержит известие: «...приходили Татарове на украину на олексинские места и воевали по Вошане реки. И ходили за ними в погоню Федор Колтовской да Горяин Сидоров. И был им бой на Прудах, и побили Татарове».[3]

Разрядная запись и летописное известие очень близки друг другу — они содержат те же реалии. Летописная заметка основана, очевидно, на каких-то документальных источниках — скорее всего, на не дошедшей до нас более полной разрядной записи или на донесении великокняжеских воевод.

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 333.
[2] Там же. Т. 12. С. 233.
[3] РК-05. С. 31.

Но суть событий ясна. На южной окраине сохраняется напряженное положение, и успешные походы русских войск в Степь перемежаются с нечаянными нападениями ордынских князей. На южном рубеже несется постоянная конная служба — только в этом случае могла быть возможна погоня за казаками далеко в Степь. Южное направление остается одним из очагов напряженности на рубежах России и одним из важных факторов стратегической обстановки.

Литовская война 1492–1493 гг.

Война 1492–1493 гг. с Литвой рассматривается обычно почти исключительно в политическом аспекте, точнее — с точки зрения проблемы порубежных «верховских» княжеств.[1] Военные историки не проявляли интереса к кампаниям 1492–1493 гг. Так, Е. А. Разин уделил ей всего несколько строк.[2] Новейший исследователь В. А. Волков ограничивается кратким рассказом о событиях, отмечая тщательность подготовки и большие результаты этой, по его выражению, «хитрой» войны.[3]

Основными источниками о войне 1492–1493 гг. являются летописи, разрядные записи (РЗ) и посольские книги.

Великокняжеские летописи содержат официальную информацию о событиях.[4]

РЗ, дошедшие в составе разрядных книг 1598 и 1605 гг.,[5] отличаются за эти годы довольно большой подробностью и позволяют в какой-то мере проследить намерения русского верховного главнокомандования (ВГК).

Посольские книги содержат дипломатическую переписку с королем Казимиром, великим князем Александром[6] и крымским «царем»

---

[1] См., напр.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 93–110; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 83–92.

[2] Разин. С. 320.

[3] Волков. С. 29–33.

[4] ПСРЛ. Т. 12, 28.

[5] РК-98 и РК-05.

[6] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882.

Менгли-Гиреем,[1] имеющую непосредственное отношение к военным событиям.

Великое княжество Московское впервые лицом к лицу столкнулось с мощной Литовской державой при Дмитрии Донском. Активно вмешиваясь в отношения между русскими князьями и, в частности, поддерживая Тверь против Москвы, Ольгерд совершил три похода на Москву, в отдельных случаях достигая некоторых успехов тактического масштаба, но стратегического результата он не добился.

Второй этап московско-литовского противостояния приходится на время Витовта. Он завладел Смоленском и напал на Псков. Великий князь Василий Дмитриевич выступил против него со своими войсками. «Стояние на Угре» осенью 1408 г. закончилось мирными переговорами.

Наибольшие успехи литовской экспансии отразились в договорах 1449 г. между королем Казимиром, великим князем Василием Васильевичем и великим князем Борисом Тверским. Согласно этим договорам, Тверь попадала фактически под протекторат великого княжества Литовского.[2]

Создание Российского государства привело к коренным изменениям в обстановке. Вместо разрозненных княжеств теперь Литве противостояло единое государство.

Наиболее раннее упоминание о военных действиях на западном направлении читается в Софийской II летописи.

Под 6997 (1488 / 1489) г. она пишет: «Тое же весны посылал князь великий князя Василия Кривого княжа Иванова сына Юрьевича Воротынского воевати и иных порубежье городов литовских. Он же много повоева и возвратися. И присла король на него со многою силою своих воевод, и придоша изгоном, и победиша князя Василья, многих побиша и в полон поведоша».[3]

К. В. Базилевич видит в великокняжеском воеводе сына Ивана Юрьевича Воротынского.[4] Но это ошибка — такого князя Воротынского не было. Речь идет о князе Василии Косом Патрикееве, сыне известного боярина Ивана Юрьевича.

---

[1] Сб. РИО. Т. 41.

[2] ДДГ. № 53. С. 160; № 54. С. 163.

[3] ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. Стб. 325.

[4] Базилевич. С. 290, прим. I.

В других летописях этот неудачный поход не упоминается, молчат о нем и РЗ. Но весенний поход 1489 г. под Воротынск отразился в посольских книгах.

Осенью 1489 г. король Казимир писал Ивану III: «А еще жаловали[ся] нам князи Воротынские, князь Дмитрий и князь Семен Федорович, и иные наши князья украинные, что на их отчины воевод своих насылаешь, под городом были, города добывали, места выжгли, бояр и боярынь много поимали, и всех голов семь тысячь повели, а с тыми людьми воевод твоих было одиннадцать».[1] Король, по-видимому, имел в виду именно тот поход, о котором пишет Софийская II летопись, хотя события излагает совсем по-другому.

Отсутствие известий об этом походе в РЗ свидетельствует о неполноте дошедших до нас записей.

Судя по посланию короля, войска Ивана III предприняли крупную наступательную операцию в ближнем северском порубежье. Эта операция принципиально отличалась от мелких пограничных столкновений прошлых лет, о которых постоянно шли споры по дипломатическим каналам.

Готовясь к войне, Иван III рассчитывал на поддержку своего крымского союзника.

Тема союза против короля Казимира — изначально одна из главных в отношениях великого князя с Менгли-Гиреем. Посол Иван Андреевич Лобан Колычев, отправленный из Москвы в марте 1492 г., должен был требовать, чтобы Менгли лично выступил против короля или послал бы своего брата и своих детей со всеми людьми. «Пойдешь, господине, ты на королеву землю и ты... ко царю моему весть пошли, и государь мой... на твоего и на своего недруга на короля один человек... А землю... королеву государя нашего люди со всех сторон емлют... От Новагорода, и от Пскова, и от Тфери и от Московские земли королеву землю емлют. А князей Воротынских и Белевских, которые служили королю, князь великий и с землями поимал. А которые князи Воротынские и Одоевские осталися у короля, и у тех князь великий велел городы поимати, и поимали их».[2]

РЗ за 7000 (1491 / 1492) г. подтверждают слова русского посла в Крыму.

---

[1] Сб. РИО. Т. 35. № 8. С. 35.

[2] Там же. Т. 41. С. 139–140.

«Лета 7000-го послал князь великий воевод своих в Северу ко князьям:

В Большом полку — князя Данила Дмитриевича Холмского да Якова Захарьича, да в Большом же полку князя Володимера Андреевича Микулинского.

В Передовом полку — князя Александра Володимеровича Ростовского да князя Ивана Михайловича Воротынского;

В Правой руке — князя Василия Васильевича Шуйского да князя Василия Васильевича Ромодановского;

В Левой руке — князь Василий Мних да князь Петр Лобан Ряполовские.

В Сторожевом полку — князь Федор Васильевич Телепень да князь Константин Федорович Ушатый».[1]

О масштабах похода «в Северу» свидетельствует количество и состав воевод, возглавляющих полки. Такое количество полковых воевод в одном походе мы видим впервые. Впервые видим и членение рати на 5 полков: к обычным полкам — Большому, Передовому, Правой руки и Левой руки — добавили Сторожевой полк во главе с двумя воеводами.

Во главе Большого полка идет князь Данило Холмский, наиболее авторитетный военачальник, победитель в Шелонской битве.

Второй воевода Большого полка Яков Захарьич — видный боярин и наместник новгородский.[2] Присутствие его может свидетельствовать об участии в походе новгородского служилого ополчения.

Третий воевода Большого полка князь Владимир Андреевич Микулинский — выходец из тверских удельных князей, перешедших на московскую службу. В 1489 г. в походе на Вятку он был первым воеводой полка Правой руки.[3] Участие его в походе может свидетельствовать о наличии в составе Большого полка тверского ополчения.

Все это говорит о важном значении, которое придавалось походу «в Северу ко князьям». Это было, по-видимому, очень крупное военно-политическое мероприятие, рассчитанное на укрепление влияния на порубежных северских князей — в той или иной форме они приглашались на переход под власть государя всея Руси. При этом, однако, никакого формального разрыва отношений с королем Казимиром не было.

---

[1] РК-98. С. 21–22; РК-05. С. 31.

[2] Зимин. С. 183.

[3] РК-98. С. 21.

С королем продолжались дипломатические отношения.

Было бы неверно рассматривать порубежные конфликты как односторонние действия русских войск. В мае 1492 г. русский посол Иван Берсень Никитич Беклемишев должен был передать королю Казимиру: «Тому два года будут ограбили сторожей... мецняне... и грабежу взяли коней и доспехов и мелкой рухляди на семьдесят рублев... пограбили и пересекли сторожей великого князя, на Донце, которые ездили под Орду... и грабежу взяли на полтораста рублев...».[1] В обобщенном виде эти жалобы выглядели так: «Летось и сего лета ездили наши люди на Поле, оберегати христианства от бесурменства; ехав на них твои [короля Казимира] люди изо Мценска и изо Брянска и из иных мест... тех наших людей побили и пограбили...».[2]

«А летось тому год будет, ограбили сторожей Олексинцев... Мецняне же...».[3]

Сведения посольской книги не только свидетельствуют о порубежных конфликтах (в данном случае, о самовольстве жителей Мценска), но и содержат важные детали об организации сторожевой службы в Поле — одной из основных функций службы на южном рубеже. Как видно, эта служба была мобильной. Ее несли жители пограничных городов, заезжавшие далеко в Поле, составляя, таким образом, дальний дозор, прикрывающий русский рубеж по Оке. Нападения мецнян представляли прямую угрозу всей системе этой службы.

Миссия Ивана Берсеня Беклемишева не состоялась из-за кончины короля Казимира (7 июня 1492 г.). Не вступая в дальнейшие переговоры с новым главой Литовского государства, великий князь приступил к силовому решению проблемы.

В июне было получено донесение русского посла из Крыма. Менгли был занят своими делами и обещал выступить только осенью. Великий князь решил действовать, не дожидаясь помощи своего союзника.

«Месяца Августа 7000 г. послал князь великий Иван Васильевич всеа Руси воеводу своего Федора Телепня Оболенского с силою ратною на город Мценск за их неправду. И град Мценск взяша и землю

[1] Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 66.
[2] Там же. С. 63.
[3] Там же. С. 66.

повоеваша, и воеводу их Бориса Семенова сына Александрова, изымаша и иных многих, и приведоша их на Москву».[1]

В РК-98 это сообщение отсутствует. В РК-05 оно читается так: «...послал князь великий воеводу князя Федора Телепня Оболенского к городу Мценску. И воеводы князь Федор Васильевич Телепень с товарищи взяли город Мценск».[2] Летописное известие и разрядная запись восходят, вероятно, к одному и тому же официальному источнику.

В ноябре 1492 г. литовский посол Станислав Глебович передал от имени своего государя жалобу: «Русские великого князя люди и Мценск и Любутеск съжгли, а наместника Бориса и бояр мценских и любутских и людей их головами свели и з женами и з детми».[3] В ответ на это великий князь повторил свои претензии и добавил новые: «Нынеча как сего лета теже Мечняне и Любучане сторожей наших... многих до смерти побили, а иных головами свели... А опосле того, пришед от того Бориса... многие люди на нашу украину, волости и села пожгли, жены и дети людей наших в полон повели... и наши люди не мога того терпети ходили за своими женами и за детми и за своими животы. Ино того деля так то сталося».

Поход на Мценск и Любутск был, по-видимому, небольшим по масштабу. Косвенно об этом свидетельствует то, что назван по имени только один воевода и ничего не говорится о боях с противником.

Тем не менее, значение этого похода не следует недооценивать. Русские великокняжеские войска вступили на земли, тянувшие к Литве, провели наступательную операцию не против порубежных князей, готовых перейти на русскую службу, а против городов, признававших власть великого князя Литовского. Поход князя Федора Телепня Оболенского — акт государственной политики. Он означает фактическое начало войны.

По словам великокняжеской летописи, «того же лета [7001 — 1492/1493] приехаша к великому князю служити князь Семен Федорович Воротынский да братанич его князь Иван Михайлович и з своими вотчинами, а едучи князь Семен на великого князя имя засел литовских городов Серпееск да Мезеческ. И прииде за ними смоленский воевода князя великого Литовского... пан Юрий Глебович да

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 157
[2] РК-05. С. 32.
[3] Сб. РИО. Т. 35. № 18. С. 76.

князь Семен Иванович Можайского под грады под Серпееск да под Мезеческ с силою многою. И граждане, не возмогоша противится им, грады свои здаша. И слышав то, князь великий Иван Васильевич послал противу их сестрича своего князя Федора Рязанского да воевод своих князя Федора Колышку да князя Александра Васильевича Оболенского и иных воевод своих со многою силою, да великого князя Рязанского Ивана Васильевича воеводу Иньку Измайлова с силою.

Смоленский же воевода пан Юрий Глебович и князь Семен Иванович Можайский слышав рать сильну великого князя идущу противу их и во граде посадиша князя и панов многих во осаде, а сами убоявшеся и побегоша к Смоленску.

И прииде сила великого князя... под град Мезеческ. Они же убоявшеся и не могоша противитися, и град отвориша. И изымаша во граде Кривца окольничего Смоленского, и иных многих князей и панов, Литвы и смольнян заставы великого князя Александровы. А земских людей черных приведоша к целованию за великого князя.

И оттоле поиде сила великого князя под град Серпейск. Они же устремишася крепко ратоватися и не хотеша града здати. Воеводы же великого князя повелеша воем мужественно приступити ко граду с пушками и пищальми. И приступив ко граду и взяша его силою, и изымаша во граде Ивана Федорова сына Плюскова смолнянина, и иных многих князей и панов, и литвы, и смолнян двора великого князя Александра Литовского. И разграбив град, и сожгоша, и земских людей к целованию приведоша.

И оттоле шед, Опаков град взяв, сожгоша и земские люди черные к целованию приведоша.

И тако возвратишася, и литву и смолнян, седящих во осаде, и градских людей больших приведоша на Москву, а всех их 500 и 30. И князь великий посла их в заточение по своим городам».[1]

Разрядные записи, дошедшие в составе РК-98 и РК-05, состоят из нескольких частей, фактически — самостоятельных первичных записей, сведенных позднее в книгу.

Рассказав о переходе на службу к Ивану III целого ряда западнорусских князей (Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого, Василия и Андрея Белевских) «с вотчинами и волостьми и с Мезецком да с Серпейском», запись говорит, что Алек-

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 157–158.

сандр Литовский «прислал из Смоленска своего пана Юрия Глебовича, да князя Семена Ивановича Можайского, да князей Друцких, да те городки Мезецк и Серпейск и с волостьми поимали и позасели.

И князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал тех городов доставати своего сестрича князя Федора Васильевича Рязанского. А с ним великого князя Ивана Васильевича Рязанского воеводу Инка Измайлов со многими людьми.

А своих воевод князь великий послал князя Михайло Ивановича да князя Олександра Васильевича да князя Ондрея да князя Ивана Микитичева, да князя Ивана Володимеровича Лыка, да князь Василья Васильевича Телепня, да князя Василья Володимеровича Кашу.

А пошли с Москвы Генваря в 29 день. А были по полком:

В Большом полку — князь Михайло Иванович;

В Передовом полку — князь Олександр Васильевич да в Передовом полку со князем Олександром Васильевичем другой воевода князь Василей Васильевич Оболенский.

В Правой руке — князь Ондрей да князь Иван Смола Никитич Оболенские.

В Левой руке — князь Иван Володимерович Лыко.

В Сторожевом полку — князь Борис Михайлович Туреня да князь Василей Володимерович Каша.

А Воротынским князем и Одоевским и Белевским, и князю Михаилу Мезецкому велел князь великий быть подле Передовой полк великого князя на правой стороне или на левой, где похотят.

А не похочет князь Дмитрий быти вместе с братом своим со князем Семеном, и князю Дмитрию быти своим полком подле Большой полк, где пригоже.

А князю Семену и братаничю его князю Ивану Перемышскому быти подле Передовой полк, на правой или на левой стороне, где похотят.

А Оболенским князем и Белевским, и Мезецкому где будет пригоже со князем быть в полку, и им тут быти или где похотят.

А как сойдутся все люди, и князю Михаилу Ивановичю и князю Олександру полки пересмотрети, да в котором полку будет людей мало и им в тот полк людей прибавить».

Это первая столь подробная РЗ, известная по нашим источникам. Первая часть записи составляет преамбулу к дальнейшему тексту, объясняя политические мотивы действий великого князя.

Собственно РЗ начинается со слов: «И князь великий... послал тех городов доставати».

Эта запись состоит из трех основных частей.

В первой части говорится об отправке воевод в общих чертах, рязанских и великокняжеских, без уточнения их командных функций.

Обращает на себя внимание распоряжение великого князя об отправке рязанских воевод — при наличии формально независимого великого княжества Рязанского, и точная дата начала похода великокняжеских войск из Москвы.

Вторая часть — наиболее типичная для РЗ роспись воевод по полкам. Обозначено 5 полков в уже привычном иерархическом порядке — Большой (Б), Передовой (П), Правой руки (ПР), Левой руки (ЛР) и Сторожевой (С). Отметим, что в первых документальных известных нам разрядах ноября 1477 г. было обозначено 4 полка — великокняжеский (т. е. Большой), Передовой, Правой руки и Левой руки.[1] Сторожевой полк не предусматривался.

Сторожевой полк не фигурирует и в разрядах похода 1487 г. на Казань, и похода 1489 г. на Вятку,[2] впервые появляясь в разрядах похода 1491 / 1492 (7000) г.

Третья часть записи представляет собой инструкцию для вновь перешедших к России северских князей. Как видно, им предоставляется большая самостоятельность. Директива великого князя определяет их место в боевом (походном) расписании только в самых общих чертах — возле Передового или Большого полка, причем сами князья решают, с какой стороны этих полков им двигаться. В этой свободе выбора видно стремление сохранить хорошие отношения с новыми князьями, добиться их верной службы новому государю. Относительная самостоятельность князей определялась также самим существом дела. Они шли во главе собственных служилых людей, не привыкших к порядкам в русском великокняжеском войске.

Представляет интерес и последний параграф этой части записи, обязывающий первых воевод Большого и Передового полков пересматривать состав полков и «уравнивать» их, т. е., очевидно, переставлять подразделения из одного полка в другой. Функция организации полков передается частично в руки старших воевод. Первый воевода Большо-

[1] РК-98. С. 18.

[2] Там же. С. 20–21.

го полка (и его ближайший заместитель — первый воевода Передового полка) является полномочным командующим войсками на данном операционном направлении (или, в терминах XIX–XX вв., командующим армией).

«А на Луки Великие отпустил князь великий воевод, а были воеводы по полком.

В Большом полку князь Данило Олександрович Пенко.

В Передовом полку князь Семен Романович да Василий Борисович.

В Правой руке — Дмитрий Киндырев.

А в Левой руке прилучит у них быти Ондрею Колычеву и Ушатому ино быти Ондрею да Ушатому.

А не прилучица им быть и князю Данилу велеть быти в Левой руке князю Ондрею Прозоровскому.

А Ондрею Рудному быти в Сторожевом полку».

Эта запись определяет формирование второй армии — действующей на самостоятельном великолукском, т. е. северо-западном направлении. Здесь воевода Большого полка также наделяется большими полномочиями, вплоть до назначения воеводы полка Левой руки. Не совсем ясно выражение «а прилучитца быти». Оно означает неуверенность Ставки в прибытии или реальной дееспособности назначаемых воевод, отсюда и расширение полномочий командующего армией — первого воеводы Большого полка.

«Того же лета были воеводы в Можайску князь Василей Иванович Косой да Семен Иванович Воронцов».

На западном, можайском направлении также содержатся силы во главе с воеводами, но без подразделения на оперативно-тактические полки — вероятно, можайская группировка уступала в численности и по значению армиям юго-западной группировки князя Михаила Ивановича и северо-западной князя Данила Александровича Пенка.

«А изо Твери воеводы:

В Большом полку князь Данило Васильевич.

В Передовом — князь Петр Никитич да со князем Петром же другой воевода князь Федор Семенович Хрипун.

В Правой руке князь Осиф Андреевич Дорогобужский да со князем Осифом другой воевода князь Петр Васильевич Нагой;

В Левой руке князь Володимер Ондреевич Микулинской да со князем Володимером же другой воевода Иван Борисович, а третей воевода Петр Борисович».

Так формируется третья по счету оперативная группа армейского масштаба с подразделением на оперативно-тактические полки.

Официальное летописное известие, рассказав о походе на юго-западное направление, далее отмечает: «В то же время посылал князь великий... воевод своих под город под Вязьму ратью Данила Васильевича Щеня, да князя Василия Ивановича княж Иванова сына Юрьевича. Они же, шедше, Вязму град взяша и к целованию приведоша, а вяземских князей и панов приведоша на Москву. И князь великий их пожаловал их же вотчиною, Вязьмою, и повеле им служити».[1]

Если так, то наступление на Вязьму (западное направление) происходило одновременно с наступлением на юго-западном направлении на Серпейск и Мезецк.

«Того же лета против Литвы из Новагорода воевода Яков Захарьич, изо Пскова князь Василей Федорович Шуйский.

А изо Московские и из Тверские земли к ним же воеводы на помочь: князь Данило Олександрович Пенко, другой воевода князь Семен Романович, третий воевода Дмитрий Киндырев, четвертый воевода Василей Борисович, пятой воевода князь Петр Васильевич Нагой».

Войска из Новгорода и Пскова двинуты во главе со своими наместниками. Войска из Московской и Тверской земель, двинутые «на помочь», фактически составляют главные силы с пятью воеводами, ранее выступившими из Москвы 29 января.

Следующая запись относится к Тверской земле:

«Того же лета 7001-го князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал на Тверь сына своего князя Василья, и у него велел быти во Твери воеводам:

князь Данило Васильевич Щеня;
Юрий Захарьич;
князь Петр Никитич Оболенской;
князь Федор Семенович Хрипун;
Петр Борисович».

Запись отражает меры, принятые по созданию Тверской группировки войск, во главе которых был формально поставлен князь Василий Иванович, 13-летний юноша, будущий великий князь.

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 323.

Естественнее всего предположить, что РЗ помещены в РК в хронологическом порядке, т. е. отражают одновременные или последовательные распоряжения великого князя.

Если так, то формирование новой группировки войск в Тверской земле произошло позже, чем войска князя Данилы Щени овладели Вязьмой.

Далее следует запись: «А к Берегу изо Твери — воевода князь Осиф Ондреевич Дорогобужский, князь Михайло Федорович Микулинской, Иван Борисович».

Эти воеводы упоминаются в предыдущих записях во главе войск, посланных против Литвы. Отправка на Берег произошла, очевидно, уже после окончания Литовской кампании и относится к лету 1493 г.

«А на Берегу быти сыну великого князя князю Юрью да князю Борису Васильевичю. А воеводам быть на Берегу князю Михаилу Ивановичю.

А в Серпухове быть князю Василью Ивановичю да князю Борису Михайловичу Турене.

А в Торусе быти князю Ивану Лыку.

Да на Берегу же быть князю Ондрею да князю Ивану Смоле Никитичем».

После этих записей, относящихся к южному направлению, снова упоминается направление западное.

«А в Можайску быть Ондрею Федоровичю».

«А у великого князя воеводы: князь Иван Юрьевич, князь Данило Дмитриевич Холмский, князь Олександр Васильевич Оболенский, князь Семен Иванович Ряполовский».

Эту запись необходимо сопоставить с данными крымской посольской книги — о готовности великого князя самому «всести на конь».[1]

Единственная хронологическая реалия относится к выступлению 29 января из Москвы войск, ориентированных на юго-западное направление — во главе с князем Михаилом Ивановичем (Большой полк) и князем Александром Васильевичем (Передовой полк). Именно эти войска, по-видимому, и начали кампанию. По данным великокняжеской летописи, одновременно выступили войска на Вязьму во главе с князем Данилой Щеней.

Дальнейшие записи рисуют развертывание войск на литовском фронте, которое могло происходить примерно в то же время.

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 36. С. 158.

В марте 1493 г. в Новгород прибыл сокольник пана Яна Забережского, наместника Полоцкого, «чтобы дозволил купити кречетов». Новгородский наместник Яков Захарьич немедленно донес об этом своему государю и запросил инструкций.

Великий князь понял истинный смысл послания Яна Забережского: «Нам ся видит, что он в ту пору нынеча принял то не кречетов деля». Великий князь приказал продолжать переговоры и прислал Якову Захарьичу текст соответствующей грамоты. Наместник должен был послать с грамотой «человека такова, который умел бы тамошнее дело видети, а здеся приехав сказати», т. е. выполнить роль разведчика.

Таким образом, в марте новгородское служилое ополчение еще не выступило в поход — его воевода Яков Захарьич был в Новгороде.

Из мартовского послания Яна Забережского вообще не видно, что идет война, — боевые действия на окраине не мешали разговорам о дружбе.

Но 18 мая Ян Забережский снова обращается к Якову Захарьичу: «Ся стали зачепки от вашего государя: на миру на отчину нашего государя войну пустил, городы и волости великие забрал». При этом подтверждается стремление Александра Литовского к миру — он «шлет послы свои до великого князя». Яков Захарьич находится в Новгороде, именно туда адресована грамота великого князя в ответ на донесение наместника.[1] В тот же день, когда было отправлено письмо Яна Забережского, Александр Литовский отправил своих послов к великому князю в Москву.

Александр по-прежнему не признавал законность отъезда русских князей на службу Ивану III и обвинял его в нарушении мира, «как есмо до тобя посла нашего выправили... ино в ты часы люди твои многии пришедши, городы наши и волости Мезецк, а Серпейск, а Мосалеск, а Городечну, а Опаков, огнем пожгли, а людей наших... в полон повели со всеми их животы и статки. И теж город наш Вязму взяли и слуг наших князей Вяземских головами свели».[2]

Отсюда вытекает, что, во-первых, поход на Вязьму состоялся не позднее мая, во-вторых, что новгородское ополчение в весенних боевых действиях либо не участвовало, либо уже вернулось домой.

Таким образом, к началу мая русские войска овладели всеми городами, о которых упоминает известие великокняжеской летописи.

[1] Там же. Т. 35. № 20. С. 85–89.

[2] Там же. № 22. С. 104.

Кампания против Литвы фактически закончилась.[1] Начались переговоры о мире.

Одной из важных черт войны 1492–1493 гг. было стремление к совместным действиям с крымским союзником России. Переговоры об этом велись еще весной 1492 г.

В июне 1492 г. в Москву от Лобана Колычева поступило послание Менгли-Гирея. Крымский хан был готов к выступлению против Литвы — осенью («во жнитво») взять Киев.

«А зиме ты брат мой приди... Вилну и Краков даст Бог всхочешь взять».

Однако главной заботой Менгли, как видно из его послания, было укрепление города на Днепре, откуда он и хотел идти на Киев[2] (по мнению К. В. Базилевича, имелся в виду город Очаков).[3]

Проект широкого совместного наступления на Литву и Польшу носил, вообще говоря, довольно фантастический характер. Находясь в низовьях Днепра, Менгли сравнительно легко мог совершить нападение на Киев. Но зимний поход на Вильно и Краков явно не соответствовал реальным возможностям русских войск.

Не следует удивляться, что проект Менгли не встретил сочувствия у великого князя. В августе 1492 г. русский посол Константин Григорьевич Заболотский повез Менгли ответ Ивана III.

«Не пошел еси ныне ратью на своего и моего недруга... затем, что на Днепре город делаешь». Сообщая о смерти короля Казимира, великий князь призывал своего союзника, «чтобы еси... на Казимировых королевых детей и на Литовскую землю сам на конь всел и ратью пошел... чтобы еси поотставя ныне все свои дела, да на их бы еси на Литовскую землю пошел... А что делаешь город на Днепре... и ты бы ныне однолично то дело поотставил, а сам бы еси на конь всел и ратью пошел». Не задаваясь дальними перспективами, великий князь требовал от своего союзника немедленных конкретных действий.

[1] Литовская хроника Быховца отмечает, что русские войска взяли Вязьму, Хлепень, Мещевск, Любутск, Мценск, Серпейск (Хроника Быховца / Предисл., комм. и пер. Н. Н. Улащика. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 106).

[2] Сб. РИО. Т. 41. № 35. С. 152–153.

[3] Базилевич. С. 303.

В свою очередь, великий князь обещал, что «яз оже даст Бог ныне сам чаю всести на конь и ратью на них поити, и недружбу свою хочю им чинити, сколько ми Бог пособит».[1]

Константин Заболотский должен был также сделать устное заявление: «Осподарь мой князь великий... разослал к людем по всем своим землям, а велел им наряжатись, а сам не мотчая всести хочет на конь, и ты бы, господине, не мотчая ж всел на конь».

«А какими делы... не всхочет [Менгли] поити на Литовскую землю, учнет говорити, что ныне уже к зиме, нелзе ити, и Константину говорити царю так... осподарь мой, господарю, ныне сам на конь всел на своих недругов, а тобе, господине, в ту же пору пригоже ити на своих недругов да свое дело делати».

Видна разница в постановке вопроса о походе против Литвы. Если в марте великий князь призывал к этому Менгли и ставил свое выступление в зависимость от начала похода хана, то в августе он говорит уже о мобилизации всех своих войск и своей готовности немедленно «всести на конь», и даже о том, что он уже «ныне сам на конь всел». Готовность Ивана III «всести на конь» отражена, как мы видели, и в разрядных записях о формировании великокняжеского полка.

Из очередного донесения посла К. Заболотского выясняется, что Менгли действительно послал свои силы на Литовскую землю — под Киев, Чернигов и Путивль. Однако сам в поход не пошел. Менгли опять предлагал совместные действия (под Черниговом и Путивлем). Судя по тому, что сам хан послал туда 500 человек, речь могла идти только о набеговой операции сравнительно небольшого масштаба.[2]

Так и оценивал ее великий князь в инструкции послу в июне 1493 г. «Пишет ко мне царь, что беспрестанно его люди Литовскую землю воюют, и мы здесь слышали, что малые люди приходили сее зимы на Литовскую землю, а не имали ничего, а ныне сына послал с ним 500 человек ино пятью сот человека какая война Литовской земле?»

Сам Менгли в своих грамотах Ивану III отговаривался то тем, что «зима люта была», то тем, что «Днепр прошел, через реку нелзе было перелезти».[3]

---

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 36. С. 157–158.

[2] Там же. С. 180–183.

[3] Там же. № 41. С. 184–192.

Наконец, согласно донесению К. Заболотского, «царь... Днепр перевезлся и пошел от Днепра на Вздвиженьев день [14 сентября]... к Киеву».[1]

Однако Менгли не был удачлив. Последовал контрудар литовцев: «...который город на Днепре чинил есми, вземши и разорили», — сообщает он великому князю. Сам же царь «до зимы трижды крат на конь садился, впервые пошел, ино лед растаял, а вдругоряди разболев воротился». Только третий поход на Черкассы «с пушками и пищалми пришли есмя... и мы... Черкасской городок... и иные их городы пожгли».

Сообщение об этом Менгли датировал 16 сентября,[2] т. е. это был тот именно поход, о котором доносил ранее К. Заболотский.

О походе Менгли сообщил также его брат Ямгурчей; по его словам, были взяты и разорены Черкассы и Канев, т. е. города по Днепру ниже Киева. «Аж даст Бог... и на Киев пойдем зиме».[3]

Все это имело характер набегов, а сам Менгли «половину [рати] с собою взяв и воротился с первозимья как снег падет, лед станет».[4]

Большого похода главными силами опять не получилось. В своем ответном послании великий князь выражал недоумение и недовольство: «А ныне которого для дела воротился? Сам есми не пошел на Литовскую землю?»[5]

Таким образом, коалиционную стратегию в кампаниях 1492 и 1493 гг. реализовать не удалось. Менгли, несмотря на все свои обещания, не пошел в большой поход, ограничившись набегами на литовские окраины.

Русское командование осуществляло свой замысел войны, который носил ограниченный характер.

Русский план войны был нацелен на решение ближайших конкретных задач оперативно-тактического масштаба, полностью определяемых политическими целями войны: возвращение к Русскому государству окраинных княжеств с их князьями, вышедшими из-под власти великого князя Литовского.

Можно отметить три основных этапа кампании.

---

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 42. С. 194.

[2] Там же. № 43. С. 197

[3] Там же. № 36. С. 198.

[4] Там же. С. 196.

[5] Там же. № 48. С. 200.

На первом (лето 1492 г.) официальной целью русских войск было наказание городов, нападающих на южную сторожевую службу (Мценск, Любутск).

На втором этапе (осень 1492 г.) речь шла о помощи князьям, отложившимся от Казимира. Операции принимают более широкий характер, происходят столкновения с литовскими войсками (Мценск, Серпейск).

На третьем этапе (январь-май 1493 г.) — наступление больших ратей на юго-западном и западном направлениях и мобилизация основных сил Российского государства.

Таким образом, прослеживается постепенное, поэтапное развитие и нарастание задач и масштабов боевых действий.

К лету 1493 г. цели кампании были достигнуты. Результатом походов было овладение Мценском, Серпейском, Опаковом и Вязьмой, т. е. был достигнут крупный успех оперативно-стратегического масштаба.

Обращает на себя внимание, что операции на западном (Вязьма) и юго-западном (Серпейск) направлениях проводились одновременно («в то же время»). В принципе, это должно было заставить обороняющуюся сторону распылять свои силы и не давало возможности сосредоточить их для эффективного контрудара.

Большая мобилизация великокняжеских войск была предназначена, по-видимому, не столько для наступательных операций на новых направлениях, сколько для удержания занятых территорий в случае контрнаступления Литвы. Нет никаких признаков наступательных действий русских войск после начала мая, т. е. после решения ближайшей задачи.

Можно, таким образом, рассматривать войну 1492—1493 гг. как наступательную кампанию с ограниченными целями. Глубина операций не превышала нескольких переходов (например, от Можайска до Вязьмы ок. 150 км).

Общий стратегический замысел войны с Литвой можно представить по разрядным записям. Войска развертывались на широком фронте от псково-новгородско-литовского рубежа, от Великих Лук до Угры и среднего течения Оки. Кроме войск, собранных к январю в Москве, в поход были двинуты войска из Пскова, Новгорода и Твери, т. е. основные силы русского войска были ориентированы на борьбу на литовском фронте.

Можно проследить три основных направления — северо-западное (от Великих Лук), западное (от Можайска) и юго-западное (в сторону Оки и Угры). Кроме того, создавался общий стратегический резерв в виде Великокняжеского полка.

Развертывание войск на южном направлении происходило, вероятно, позднее — после решения основных задач на литовском фронте, т. е. не ранее мая. Трудно представить, что войска из Твери были сначала (зимой) двинуты на Берег, а потом отправлены на литовский фронт.

В стратегическом отношении кампания 1493 г. представляет интерес как пример наступательной кампании на широком фронте, на разных операционных направлениях, но на небольшую глубину. Наиболее важным стратегическим результатом было овладение Вязьмой, что значительно улучшало положение на западном направлении — прикрывая Москву и открывая кратчайшую дорогу на Смоленск.

В тактическом отношении боевые действия представляли собой борьбу за города, т. е. за укрепленные населенные пункты, в некоторых случаях с применением артиллерии и штурма укреплений (Серпейск).

Никаких сведений о боях в открытом поле и вообще о столкновениях крупных воинских масс в источниках нет.

Наступление русских войск было остановлено после первых успехов.

Об осторожности Ивана III и его нелюбви к рискованным предприятиям пишет большинство исследователей. В кампании 1493 г. эта черта политики и стратегии великого князя проявилась в полной мере. Наступление русских войск было остановлено после решения конкретных поставленных перед ними задач. Продолжение войны против Литвы угрожало конфликтом с ее потенциальными союзниками — Польшей, Чехией и Венгрией — всеми королевствами Ягеллонов. Россия же фактически не имела ни одного союзника, за исключением не очень надежного и не очень сильного Менгли. Продолжение войны было связано, таким образом, с большим политическим и стратегическим риском.

Военная история знает немало примеров, когда продолжение победоносной войны приводит к перерастанию ее в войну не победоносную — к поражению и к потере плодов одержанных побед. В условиях победоносной кампании 1493 г. великий князь проявляет редкую для победителей способность вовремя остановиться и таким способом сохранить все свои преимущества.

Но остановка наступления на Литву могла быть вызвана и стремлением укрепить северо-западное направление перед началом большой войны на этом (Свейском) направлении, на что справедливо указывает А. А. Зимин.[1] Именно это направление стало главным во внешней политике и стратегии Ивана III в начале 90-х гг.

Несмотря на свой ограниченный масштаб, война 1492–1493 гг. имеет принципиально важное значение. На западном стратегическом направлении Россия впервые перешла от обороны к наступлению. Впервые в дипломатических документах появился термин «Государь всея Руси», что было зафиксировано в договоре 5 февраля 1494 г. и означало фактически признание Российского государства (а не «Московии») субъектом международного права. В освобождении русских земель от иноземного владычества был сделан первый шаг.

Первая Свейская война 1495–1497 гг.

Основной причиной Свейской войны 1495–1497 гг. явилась борьба против монополии Ганзы на мореплавание и торговлю на Балтике. Если новгородское боярство не имело возможности бороться против этой монополии, то Российское государство не могло согласиться на неравноправное положение в сфере торговли. Закрытие Ганзейского двора в Новгороде и союз России с Данией (1493 г.) означали переход нашей страны к активной защите своих интересов на Балтике.

Другой причиной конфликта со Швецией был вопрос о границе — условия Ореховецкого мира 1323 г. шведской стороной не выполнялись.[2]

Основные русские источники о войне 1495–1497 гг. — летописи и разрядные записи. Важным источником на шведском языке является Большая рифмованная хроника.[3]

---

[1] *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 104.

[2] Базилевич. С. 385–387; *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 137–153; Казакова. С. 261–282; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. М., 1980. С. 140–145.

[3] По изданию: Scriptores Rerum Svecicarum Medii Alvi. Upsaliae, MDCCCXVIII, 1818. За перевод шведского текста приношу сердечную благодарность профессору В. Е. Возгрину.

Первое сообщение о войне со Швецией читается в официальной Уваровской летописи.

Записи за лето 7004 г. в Уваровской летописи (Свод 1518 г.) начинаются с известия: «Послал князь великий Иван Васильевич всея Русии воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарича, да князя Василья Федоровича со Псковичи ратию на Немци на Свейскую землю под город Выбор. Они же, шед, землю Немецкую поплениша и пожгоша, а Выбора града не взяша. Тогда же под Выбором убиша Ивана Андреевичя Соботу Плещеева».[1]

Судя по этим известиям, поход начался в самых первых числах сентября 1495 г., следующая запись относится к 6 сентября — поставлению на митрополию Троицкого игумена Симона.

В Спасо-Прилуцкой летописи записи за 7004 г. начинаются с аналогичного известия: «Отпустил князь великий Иван Васильевич воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня с Тверскою силою, да Якова Захариина с Новгородскою силою, да и Двора своего многих детей боярских послал на Немци ратию под Выбор. Они же начаша жечи и сечи и в полон вести, яко же бо обычай есть ратным и сотвориша землю Немецкую пусту».

Составитель Спасо-Прилуцкой летописи имел какой-то другой источник, чем составитель Уваровской. Но принципиальной разницы в известиях обеих летописей нет.

В других летописях великокняжеского цикла содержатся известия, аналогичные Уваровской (Софийская II, Никоновская).

Воскресенская летопись и Шумиловский список Никоновской приводят то же известие, но с именами воевод по полкам.[2]

Вологодско-Пермская летопись (ВП) под 7003 г. приводит известие: «Августа 6, в четверг, послал князь великий Иван Васильевич воевод своих: князя Данила Васильевича Щеня, да Якова Захарьича со многими людьми на Свейского короля Немецкого. А Яков пошел того же месяца в 10 день, в неделю».[3]

Эти точные даты могли содержаться в источнике официального происхождения. В 1495 г. 6 августа приходилось действительно на четверг, но 10 августа был понедельник — точность даты начала похода Якова Захарьича вызывает сомнения.

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 326.
[2] Там же. Т. 8. С. 230; Т. 12. С. 240.
[3] Там же. Т. 26. С. 289.

Известие ВП имеет свой самостоятельный источник документального происхождения.

Устюжская летопись помещает под 7002 г. известие: «...послал великий князь Якова Захарьина воеводою под Выбор в Немецкую землю (и князей, и бояр). Города не взял, а землю повоевали».[1]

Псковская I летопись по Погодинскому списку под 7000 г. пишет: «...прислал князь великий Иван Васильевич гонца своего, сына боярского, во Псков: чтобы отчина моя Псковичи послужили бы мне на Свею на Немцы, а яз отпустил своих воевод Якова Захарьина с Новогородскою силою, месяца Августа на Богородицыно говение (т. е. 1 августа — начало Успенского поста. — *Ю. А.*) да князя Данила Щеню с московским войском. И князь псковской Василий Федорович, и посадники псковские, и сынове посадничьи, и бояре, и весь Псков отчина государьская явилися в помощь великому князю Ивану Васильевичю з десяти сох человек конны».

Записи за 7000 г. начинаются с известия:

«Поехал князь псковской Василей Федорович и с посадники псковскими с Левонтьем Тимофеевичем и со иными посадники и со Псковичи на немцев на Свею. А ехали на Запсковье месяца сентября в 6 недельный под обед, а были у Свеи 15 недель».

«Преставися князь Псковской Василей Федорович, приехав с войны, службы великого князя, в Новегороде».[2]

Таким образом, летописные записи о походе на Выборг дошли в двух основных вариантах — официозном (и близких к нему) и псковском, приводящем независимые известия.

Разрядные записи (РЗ) за 7003 г. содержат известие: «Августа в... день послал князь великий воевод на Свейские Немцы и были воеводы под Выбором по полком.

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Федоров да княж Иванов Борисовичев воевода князь Ондрей княж Ондреев сын Голенин. В Передовом полку князь Петр Никитич Оболенской да князь Федор Семенович Ряполовский Хрипун.

В Правой руке князь Федор Васильевич Оболенский да князь Иван Иванович Слых.

В Левой руке Петр да Василей Борисовичи.

---

[1] Там же. Т. 37 С. 51, 98.

[2] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 81–82.

А из Ноугородцкие земли велел князь великий итить на Свейские немцы:

В Большем полку Яков Захарьич.

В Передовом [полку] Иван Андреевич Лобан Колычев.

В Правой руке Федор Константинович Беззубцов.

В Левой руке князь Тимофей Олександрович Тробенской.

А в Новегороде Великом велел князь великий быть наместником князю Данилу Олександровичу Ярославскому да князю Ивану Васильевичу Лыку Оболенскому. Да в Новегороде же был дворецкий Иван Михайлович Волынский.

А изо Пскова наместнику князю Василью Федоровичю Шуйскому велел князь великий итить со Псковичи на Свейскую Немцы».

Сопоставление летописных и разрядных источников позволяет сделать попытку реконструкции хода событий.

В походе участвуют три контингента. 6 августа выступили войска из Москвы под командой князя Данила Щеня; 10 августа — из Новгорода под командой Якова Захарьича; 6 сентября — псковская рать во главе с князем-наместником Василием Федоровичем Шуйским.

Первый воевода Большого полка, отправленного из Москвы, впервые упоминается в разряде 1475 г. в составе боярской свиты Ивана III при его походе «миром» в Великий Новгород. В 1489 г. он в качестве первого воеводы Большого полка возглавляет поход на Вятку, закончившийся взятием Хлынова.[1] В разрядах Первой Литовской войны 1493 г. Данило Щеня упоминается как первый воевода Большого полка из Твери.[2] Войска под его командованием одержали едва ли не самую крупную победу в этой войне, овладев Вязьмой.[3] Во главе московского Большого полка стоял, таким образом, воевода, имевший опыт успешных боевых действий.

В состав московского Большого полка входят также служилые люди волоцкого и рузского князей во главе с воеводой этих князей. Этот воевода, князь Андрей Андреевич Голенин, в разрядах упоминается впервые. Впоследствии он неоднократно ходил в походы во главе войск удельных князей.[4]

[1] РК-98. С. 21.
[2] Там же. С. 23.
[3] ПСРЛ. Т. 28. С. 323.
[4] Зимин С. 75.

Князь Петр Никитич Оболенский, первый воевода Передового полка, начал службу при дворе князя Бориса Волоцкого, участвовал в Новгородском походе 1477 г., но еще при жизни князя Бориса оказался на великокняжеской службе и имел опыт походов под Орду и на Литву.

Второй воевода князь Федор Семенович Хрипун Ряполовский впервые упомянут в разрядах под 1487 г., когда он ходил на Казань во главе конной рати.

Полк Правой руки возглавляет князь Федор Васильевич Оболенский — вероятно, Телепень, как он и назван в РК-05.[1]

В полку Левой руки идут воеводы братья Бороздины, выходцы из Твери.[2] Вполне вероятно, что в их полк входили служилые люди Тверской земли, теперь прочно инкорпорированной в состав Российского государства. Так уже было в походах на Казань в 1487 г. и на Литву в 1493 г.

Итак, во главе среднерусского контингента идут восемь воевод, из которых один служит удельным князьям Московского дома, один — еще недавно служил удельному князю Московского дома, а двое — по происхождению и по службе связаны с Тверью. Трое воевод — потомки удельных князей, связанные с московской службой на протяжении нескольких поколений. По известным источникам боевой опыт имеют, по крайней мере, четверо воевод, об остальных таких данных нет. В целом состав воевод достаточно ясно отражает социально-политическую структуру великокняжеской служилой элиты. В числе воевод два основных элемента: представители старослужилых боярских и княжеских родов Московского дома бывших удельных князей и представители вновь присоединенной, но уже прочно ассимилированной Тверской земли.

Контингент Новгородской земли возглавляет недавний наместник Яков Захарьич. В Новгородской земле уже в течение ряда лет проходит реформа служилого землевладения — старые родовые боярские вотчины заменяются поместьями служилых людей великого князя. После 1481 г. (зимний поход в Ливонию) старая организация новгородского ополчения, по-видимому, не функционирует. В результате поместной реформы 80–90 гг., в руки служилых людей великого князя перешло несколько десятков тысяч обеж,[3] т. е. участков, соответствующих пол-

---

[1] РК-05. С. 42.

[2] Зимин. С. 261–262.

[3] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Т. I. М., 1947 (далее — Веселовский). С. 287.

ноценному крестьянскому хозяйству. Новые владельцы этих населенных земель, помещики, и составляют теперь основную силу новгородского ополчения. Это конное войско могло насчитывать несколько тысяч человек.

Воевода Передового полка Иван Андреевич Лобан Колычев — выходец из боярского рода, получивший поместье в Новгородской земле.[1]

Воевода Правой руки Федор Константинович Беззубцев — представитель рода Кошкиных. Его отец известен как воевода с 50-х гг. в Казанском походе 1469 г. он возглавлял главные силы московских войск.

Воевода Левой руки князь Тимофей Александрович Тростенский — представитель княжеского рода Оболенских. В 1486 г. он участвовал в походе на Казань (среди воевод назван на третьем месте).[2] Князья Тростенские владели поместьями на новгородских землях. Новгородское ополчение, основанное на поместной системе, во главе с тем же воеводой Яковом Захарьичем было назначено в поход 1493 г. на Литву,[3] но до крупных боевых действий тогда дело не дошло. Поход 1495 г. на Выборг — фактически первый опыт, первая боевая проверка новгородского поместного ополчения.

Если в Великом Новгороде старая система земского ополчения была уже ликвидирована и заменена служилой поместной, то в Господине Пскове старая система еще сохраняла полную силу. Как видно из Псковской летописи, в ответ на призыв великого князя псковичи, как обычно, начали проводить мобилизацию на вече. Норма этой мобилизации — с 10 сох человек конный. Размеры псковской сохи нам неизвестны, но если считать ее равной старой трехобежной новгородской сохе, то конный воин выставлялся с 30 крестьянских хозяйств, что в 3 раза ниже обычной в XVI в. московской нормы. Напомним, что в январе 1480 г., когда немцы напали на пограничный псковский Вышегородок, псковичи «много скрутишася... с четырех сох конь и человек»,[4] т. е. по норме, в два с половиной раза более напряженной, чем в 1495 г., и приближающейся (по принятому нами допущению) к московской норме. Это можно объяснить тем, что в

[1] Веселовский. С. 292.

[2] РК-98. С. 20.

[3] Там же. С. 23.

[4] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 76.

1480 г. опасность грозила самому Пскову, а в 1495 г. речь шла о дальнем походе, в котором Псков непосредственно не был заинтересован. В этом проявился известный стереотип удельно-вечевого (локального) мышления, естественным для себя образом ставящего свои местные интересы выше общих, государственных.

Псковская летопись не проявляет никакого интереса к ходу военных действий, она только фиксирует дату начала похода (6 сентября) и длительность его (15 недель). Это значит, что «псковская сила» вернулась из похода около 20 декабря. В дальнейших боевых действиях она на первом этапе войны со шведами не участвовала. В походе умер псковский князь-наместник и был назначен новый, князь Александр Владимирович Ростовский, который прибыл во Псков только 24 марта. Таким образом, вечевой Господин Псков, «отчина государева», оказывал помощь государству в строго дозированном виде.

Осенью 1495 г. на Выборг двинулось большое русское войско. Показателем важности этого похода может служить поездка Ставки великого князя в Новгород.

Об этой поездке сообщают Уваровская[1] и другие летописи, наиболее подробно начало ее описано в ВП (видимо, на основании походного дневника великого князя).[2]

Великий князь выехал из Москвы 20 октября и прибыл в Новгород 17 ноября.[3] Разрядные записи содержат перечень сопровождавших его лиц.

«А с великим князем бояре: князь Василий княж Иванов сын Юрьевича, князь Олександр Васильевич Оболенский, Ондрей Федорович, князь Семен Романович, князь Семен Иванович Ряполовский, Михайло Яковлевич Русалка, Дмитрий Володимерович. Окольничие: Петр Михайлович, князь Иван Звенец, Петр Григорьевич Заболотской. Дворецкой князь Петр Васильевич Великой...

Ясельничие (2 имени). Постельничие (2 имени). Диаки (6 имен)».

Далее перечисляются «князи и дети боярские» — всего около 120 имен.

Ни в одной летописи нет ни этого списка, ни извлечения из него — он носит характер разрядной записи (РЗ), сделанной соответствующим

---

[1] Там же. Т. 28. С. 327

[2] Там же. Т. 26. С. 290.

[3] Там же. Т. 28. С. 327.

должностным лицом — скорее всего, тем, кто вел разрядные записи при канцелярии великого князя. Полное отсутствие упоминаний о списке в летописях приводит к заключению, что дневниковые записи при канцелярии и разрядные записи вели разные лица.

Некоторые аналоги списку 1495 г. дошли в более ранних разрядах. В РЗ 1475 г. о походе «миром» на Новгород читаем: «А с великим князем бояре (11 имен), окольничие (2 имени), дворецкий (1 имя), дети боярские (6 имен), дьяки (2 имени)». Всего поименовано 22 человека.

В РЗ о поездке великого князя в Новгород в 1479 г. перечислены сопровождавшие его лица — 5 бояр, окольничий, дворецкий, трое детей боярских.

В обоих случаях эти записи не находят в летописях никакой аналогии. Как и в 1495 г., записи, вероятно, велись лицами, не имевшими отношения к летописанию.

В 1475 и 1479 гг. мы имеем дело, по-видимому, с походным штабом великого князя, т. е. фактически с его Ставкой.

Список 1495 г. отличается от предыдущих своим составом.

Собственно к походному штабу можно отнести 7 бояр, 3 окольничих, дворецкого, 6 дьяков. Ясельничие и постельничие составляют непосредственную обслугу великого князя. Все остальные составляют свиту великого князя, собственно Двор его в узком смысле слова — совокупность лиц, находящихся в его непосредственном распоряжении и способных выполнять разного рода служебные поручения.

Таким образом, в октябре-ноябре 1495 г. в Новгород вместе с великим князем, его внуком Дмитрием и сыном Юрием переехала значительная часть аппарата управления Российского государства — верхушка государева Двора, что должно было дать возможность великому князю, находясь в Новгороде, эффективно выполнять свои функции главы государства, а главное — реально руководить военными действиями на уровне верховного главнокомандования (ВГК) на обширном театре войны.

О ходе боевых действий под Выборгом в наших источниках почти ничего не говорится. Известно только, что в боях за Выборг пал Иван Андреевич Суббота Плещеев — он был «застрелен из пищали». Все сведения о ходе борьбы за Выборг содержатся в шведских источниках — Рифмованной хронике.[1]

[1] Scriptores...

По шведским сведениям, первые небольшие отряды русских войск появились в Карелии в июне 1495 г. — упоминается отряд в 400 человек «около дня св. Иоанна» (24 июня).[1]

«В Успенье [15 августа] настало несчастье... русские хотели прийти, что они и сделали». Русские окружили Улофсборг и Выборг. «Они хотели быстро построить укрепления и полагали, что никто не ударит им в спину».

Правитель Швеции Стен Стуре начал сбор войск для освобождения Выборга. Судя по Рифмованной хронике, дело продвигалось медленно, к сборному пункту войска собрались только к 1 ноября.

Поход начался «восемью днями позже дня св. Мартина», т. е. 19 ноября; на сбор войск из Упсалы прибыло знамя св. Эрика. После торжественных церемоний «все шведы пускаются в путь — девять сотен... и еще две сотни осталось дома по нехватке провианта». В походе приняли участие 500 немецких рыцарей, «...а также монахи и священники. Можно было быть уверенным, они сокрушат мощь русских. В состав вооружения входили топоры, стрелы, панцири и другое оружие, всего имели в достатке».

По льду Балтийского моря шведы перешли на Аландские острова, а после дня св. Екатерины (24 ноября) двинулись в поход морем. Однако шторм с северо-востока при сильном морозе разметал шведскую эскадру — «некоторые корабли шли сюда, а другие — туда». «Многие вернулись тогда назад, сам Стен Стуре еле выбрался на Аландские острова. Более 400 рыцарей вернулись назад с большим трудом».

Между тем, борьба за Выборг продолжалась. «Белое поле покрылось щитами русских на три мили в глубину и ширину». Русские располагали многочисленной артиллерией, в том числе и крупных калибров, а также серпентинами. Пушки были заряжены свинцовыми жеребьями и железом.

Артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья. Образовались проломы в городской стене. Комендант Поссе приказал построить «внутреннюю стену перед большим проломом». И это было быстро выполнено. Ранним утром 30 ноября «со множеством лестниц и трапов» русские бросились с трех сторон на штурм крепости. Одна из башен была захвачена русскими во главе с каким-то «герцогом». Спустившись со стены, русские проникли в город. Но шве-

---

[1] Ibid.

дам удалось поджечь башню, и штурм был отбит. Русские потеряли тысячу людей и «одного очень дорогого человека, по которому рыдали все русские». Надо полагать, что речь идет об Иване Андреевиче Субботе Плещееве, гибель которого отмечают русские источники. Русские отошли от Выборга, оставив 34 пушки.

По шведскому источнику, осада крепости была снята 4 декабря.

По шведским данным, общие потери русских во время осады достигали 16 тыс. человек. Эту цифру, как и численность русских войск, участвовавших в осаде (60 тыс.),[1] нельзя признать достоверной, но силы под Выборг были двинуты действительно крупные, и потери при штурме, несомненно, были большими.

Построенный в 1293 г. на островке Линносаари в глубине залива, Выборг был первоклассной крепостью. В 1477 г. цитадель Выборга была обнесена каменной стеной с башнями, что значительно увеличило его боевую устойчивость.[2] С такой мощной крепостью русские войска имели дело впервые.

К. В. Базилевич считает, что все нападение на Выборг было задумано как внезапный и короткий удар. Однако с этим мнением трудно согласиться. Под Выборг были двинуты силы трех ратей, а осада длилась более трех месяцев. Вероятно, овладение Выборгом было главной целью кампании. Неудача под Выборгом была серьезным поражением русских войск.

Причина неудачи похода на Выборг — неумение брать сильные каменные крепости. Крупнокалиберная осадная артиллерия сделала пролом в стене, но штурм не удался — видимо, не была отработана тактика штурма.

Стратегическое значение Выборга было оценено правильно: Выборг — ключ к Финляндии, выделение крупных сил для его взятия было оправдано.

Со стороны шведов можно отметить отсутствие помощи Выборгу извне, вся надежда возлагалась на саму крепость — надежда, которая себя оправдала благодаря умелым действиям гарнизона. Можно отметить постройку второй, внутренней линии укреплений, что, по шведским источникам, фактически спасло крепость.

[1] Военная энциклопедия. Т. VII. СПб., 1912. С. 101–102.

[2] Там же. С. 101.

Верный — в принципе — стратегический замысел был погублен тактической неудачей.

Успешная оборона крепости может иметь стратегическое значение, повлиять на весь ход кампании и изменить этот ход. Крепость сковывает главные силы противника и может дать возможность наносить ему контрудары, захватить инициативу, перенести войну на его территорию и т. п.

Успешная оборона Москвы в 1408 г. не помешала Едигею предать всю страну огню и мечу на сотни верст. Оборона Выборга Кнутом Поссе и наша неудача под его стенами не означали перехода инициативы в руки шведов.

РЗ, не приводя никаких конкретных сведений, ограничиваются краткой справкой: «Лета 7004-го Декабря 25 на Рождество Христово пришли воеводы к великому князю в Великий Новгород и з под Выборга князь Данило Васильевичь да Яков Захарьич и иные воеводы».[1]

Если осада с Выборга была снята 4 декабря, то путь до Новгорода занял у воевод около 20 дней, т. е. суточный переход в среднем составлял 15–20 верст.

Сразу после известия о прибытии войск из-под Выборга следует запись: «И князь великий послал на свейские немцы из Новагорода других своих воевод, князя Василия Ивановича Юрьевича да Ондрея Федоровича Челяднина и иных своих воевод, а шли на Карелу да к Новугородку немецкому на Гамскую землю.

А были по полком:

В Большом полку — князь Василей Иванович Косой да Ондрей Федорович Челяднин.

В Передовом полку — князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Михайлович Оболенской Репня.

В Правой руке — Дмитрий Васильевич Щеня да Григорий Федорович.

В Левой руке — Семен Карпович да Ондрей Иванович».

Поход на Гамскую землю последовал почти сразу после возвращения войск из-под Выборга — «тое же зимы, генваря 17».[2]

---

[1] РК-98. С. 26.

[2] Там же. С. 27.

Пребывание Ставки в Новгороде значительно облегчало управление войсками. Передача донесения из Новгорода в Москву и соответствующей директивы из Москвы в Новгород могла занять 20–25 дней, к этому следует добавить непосредственную подготовку войск к новому походу (в данном случае еще около 20 дней). Поход в Гамскую землю начался бы не раньше 10 февраля, что означало более чем 2-месячную оперативную паузу после отступления от Выборга. Такая пауза была крайне нежелательна — она давала противнику возможность подготовиться к следующему этапу кампании.

Благодаря присутствию Ставки в Новгороде, все получилось иначе. «Бурное ликование» в войске, собранном Стеном Стуре («пьют и едят столько, сколько они могут»), внезапно прервалось.

Русские отряды появились вблизи Нишлота (Улофсборг) = Гамецкий городок = Новугород Немецкий.

Сюда был послан Кнут Карлсон с 70 воинами. «На следующий день, когда после Сретенья взошло солнце (т. е. 3 февраля. — *Ю. А.*), их перебили русские... русские залегли перед Улофсборгом, и шведским мужам пришлось весьма нелегко: русские смогли подобраться поближе, и остается лишь стенать пред Господом [о погибших шведах]».

Шведы «ушли далеко в глубь страны... русские за ними следовали и отыскивали всех... в то время они убили семь тысяч... они дошли до Крунаборга, как обыкновенно зовут Тавастгус... а затем собрались в Абосском лену [округе]... о, какой это был позор для шведов, которые не рискнули наступать».

Русские продвинулись и дальше, в сторону Або, и вышли, по-видимому, на берег Ботнического залива.

Стен Стуре начал новую мобилизацию. «Все должны непременно идти... со своим оружием... и припас нести. Тогда каждый мужчина поднялся». Стен Стуре взял артиллерию из Або — орудий было не менее сотни.

Поход начался «после дня св. Матфея», т. е. 24 февраля. «Большинство рыцарей были шведы, некоторые с санями, другие с лошадьми, они ехали, как кому нравилось».

В состав войска вошло 900 «придворных» (очевидно, рыцарей королевского двора), 2 тыс. пришло с Аландов, «...всего их оказалось более сорока тысяч».

Русские уклонились от сражения и быстро отступили.

Шведы преследовали их только на 24 мили.

«Вся страна Карелия... и половина Тавастланда была страшно разорена».[1]

Таким образом, неудача под Выборгом, несмотря на моральные и материальные потери, не привела к перелому в ходе кампании. Инициатива оставалась в руках русских войск, и они сумели нанести противнику чувствительный удар.

В данном случае Выборг не оправдал своего назначения «щита Финляндии» — он не смог прикрыть пути в глубь шведской территории. Русские войска сумели его обойти, двигаясь через Карелу, т. е. восточнее шведской крепости.

В условиях суровой зимы русские войска прошли через всю южную Финляндию, преодолев не менее 500 км. Судя по шведскому источнику, русские вышли на подступы к Або уже к середине февраля. Если поход начался из Новгорода 17 января, то среднесуточный переход составлял не менее 20—25 км. Излюбленный в те времена метод «выжженной земли», конечно, не решал исход войны, но в какой-то мере компенсировал неудачу под Выборгом.

Со стороны шведов можно отметить крупные ошибки в руководстве войсками.

Поход русских войск в глубь Финляндии не был ни предвиден, ни своевременно обнаружен — русские брали город за городом, а шведы не могли оказать им серьезного сопротивления. Сбор войск для большого похода начался (согласно шведскому источнику), когда страна была уже разорена — большое войско, собранное Стеном Стуре (численность его, вероятно, сильно преувеличена), могло только увидеть пепелища.[2] Перехватить русских и навязать им сражение (если шведы действительно стремились к этому) не удалось. В целом поход в Гамскую землю является таким же успехом русских, как оборона Выборга[3] — успехом шведов.

Надо полагать, что войска князя Василия Косого выполнили поставленную перед ними оперативно-тактическую задачу.

---

[1] Scriptores... S. 193.

[2] «Корела, Саволакс, половина Тавастлана лежали пусты, страна была опустошена больше, чем на 80 миль» (Scriptores... S. 193).

[3] Базилевич. С. 390; Волков. С. 35.

Этой задаче придавалось, по-видимому, большое значение: великий князь ждал в Новгороде возвращения воевод и только после этого уехал в Москву.

Великокняжеская летопись сообщает: «Тое же весны посылал князь великий князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю, на 10 рек. А с ними рать — Устюжане, Двиняне, Онежане, Важане. А рекам имена коих воеваша: Икем, Торма, Колокол, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавла, Поутам. А кои живут на Илименгы-реки, а те биша челом за великого князя, и с воеводами приехаша на Москву. И князь великий их пожаловал, отпустил».[1] Тот же текст в Софийско-Львовской летописи, в Холмогорской и Никоновской.

В ВП читаем: «Того же лета (7004 (1496) г. — *Ю. А.*) Июня посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих князей Ушатых, Ивана Бородатого да Петра, за море, немец воевати Каян. А с ними силы: Устюжане, Пермячи, Двиняне, Важене. И повоеваша землю ту, и взяша три бусы со всем на море, и полону приведоша. И приидоша воеводы великого князя поздорову со всеми силами Октября».[2]

В Архангелогородском списке Устюжской летописи читаем: «В лето 7004 князь великий Иван Васильевич послал на Каяны воевод своих, князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых. Да с ними Устюжане да Двиняне. И ходивше извоевали Полну реку да Торнаву, да Снежну, добра поимали много, а полону бесчислено. А ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос».[3]

РЗ о походе князей Ушатых читается только в неофициальной редакции и крайне лапидарна: «Тово же году послал государь на Каянские немцы князя Ивана Федоровича да князя Петра Федоровича Ушатых».

Таким образом, существуют три летописных рассказа о походе. Не противореча друг другу по существу, они, тем не менее, настолько отличаются друг от друга своими реалиями, что не могут рассматриваться как разные редакции одного и того же первоначального текста.

Рассказ Уваровской летописи, вошедший без изменения в позднейшую официальную Никоновскую, содержит, как мы видели, следующие элементы: 1) указание времени начала похода (весна) и его

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 327–328.
[2] Там же. Т. 26. С. 291.
[3] Там же. Т. 37. С. 98.

направления (на Каянскую землю); 2) имена воевод; 3) перечисление территорий, с которых ратники шли в поход, перечисление рек Каянской земли; 4) сообщение о конечном политическом результате похода (челобитье жителей части Каянской земли о подданстве).

В рассказе ВП содержатся те же элементы, кроме сообщения о челобитье жителей Лименги. В этом рассказе уточняется имя первого воеводы — князь «Иван» Бородатый (имя Иван носили двое князей Ушатых); прямо говорится, что великий князь послал «воевод своих... за море»; с точностью до месяца указывается начало (июнь) и конец (октябрь) похода; сообщается о взятии трех бусов «со всем на море».

Рассказ Архангелогородского летописца не указывает времени начала и конца похода, перечень территориальных отрядов он дает в сокращенном виде, князя Ивана Ушатого называет Ляпуном (а не Бородатым, как в ВП); из десяти рек, упоминаемых в Уваровской летописи, называет только две, но добавляет к ним Полну, которой нет в других известиях о походе; ничего не говорит ни о челобитье лименжан, ни о захвате бусов, зато указывает маршрут похода: «ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос».

Летописные известия о походе 1496 г. не исключают, а дополняют друг друга. Можно предположить, что на них повлиял источник более или менее официального происхождения. Этот источник наиболее полно отразился в Уваровской летописи. Другим источником послужили рассказы (или записи) участников похода. На их основе в Вологодско-Пермской летописи (ВП) были добавлены подробности, хорошо известные участникам похода, но не интересовавшие официозную летопись. Архангелогородский летописец сократил официальный источник, но добавил новые подробности о походе, также, вероятно, со слов его участников.

Основное отличие известий ВП и Архангелогородского летописца от официальной версии в том, что в них в той или иной форме говорится о морском характере похода. Русские совершали переход «морем-акияном» и имели бой со шведами, захватив три их буса.[1] Насколько правдоподобны эти сведения, не содержащиеся в официозном тексте? Самое раннее известие о походе русских по Северному океану — в скандинавском источнике. В 1349 г. русские суда прошли вдоль

[1] Бус — мореходное судно Западной Европы, упоминаемое в русской летописи с XII в.

северного побережья норвежской провинции Халоголанд и напали на крупное селение и замок Бьяркей. Прокомментировавший это известие И. П. Шаскольский справедливо связывает поход 1349 г. с войной, начатой королем Магнусом против Новгородской земли.[1]

В 1411 г. «ходиша из Заволочья войною на Мурмане (норвежцев. — *Ю. А.*) новгородским повелением, а воевода Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваша их».[2] Поход Якова Степановича был предпринят в разгар шведско-новгородской войны, когда главные силы новгородцев ходили под Выборг. Новгородское руководство верно оценивало ситуацию и наносило противнику удары на разных направлениях. Однако в летописи нет прямого указания на то, что заволочане со своим воеводой совершили именно морской поход; об этом можно только догадываться, так как кратчайший путь из Заволочья к Мурману лежит через море.

Нападения шведов и норвежцев на Северную Русь совершались также по необходимости через море. В 1419 г. «пришед Мурмане, войною в 500 человек, в бусах и шнеках, и повоеваша» ряд северных русских погостов, подробно перечисляемых в летописи. Заволочане (т. е. жители Двинской земли) дали отпор: «две шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море».[3] В 1445 г. «приидоша свее Мурмане безвестно на Волок за Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша, и людей пересекоша, а иных в полон поведоша». Застигнутые врасплох двиняне, однако, быстро оправились — они «приидоша вборзе, иных (мурман. — *Ю. А.*) иссекоша, а иных прислаша в Новгород... а воеводы их, Ивора, Петра и третьего, убиша». Остатки неприятельского войска «вметавшеся в корабли, отбегоша».[4]

Отражая набеги воинственных северных соседей, входивших на шнеках в русские реки, заволочане и двиняне двигались, очевидно, на своих речных судах.

Но русские суда ходили не только по рекам. В июне 1493 г. к Иоганну (Юхану), королю Датскому, были отправлены русские послы Дмитрий Ларев Палеолог и Дмитрий Зайцев. Летом 1494 г. послы

[1] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 162.

[2] НПЛ. С. 403.

[3] Там же. С. 411–412.

[4] Там же. С. 426.

вернулись.[1] Великокняжеская летопись не приводит никаких подробностей их путешествия, но Архангелогородский летописец сообщает, что, выехав из Москвы, послы «шли на Колывань» (т. е. Ревель, Таллин) обычным для русских послов путем через Балтийское море. Однако «назад туда не смели пройти. И они прошли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского Носу морем-акияном мимо Соловецкий монастырь на Двину... Да с ними пришел датского короля посол именем Давид».[2] Архангелогородский летописец помещает это известие под 7005 (1496 / 1497) г. Тут же приводится сообщение, что «того же лета князь великий Иван Васильевич смирился с великим князем Александром Литовским и дал за него дщерь свою». Хорошо известно, что мир с Литвой был заключен 5 февраля 1494 г., а отправка великой княжны Елены в Вильно была в январе 1495 г. Следовательно, поездка Зайцева и Ларева «морем-акияном» состоялась, скорее всего, в 1494 г., что соответствует сообщению великокняжеской летописи о времени их возвращения. Известие о путешествии Ларева и Зайцева — первое летописное упоминание об океанском плавании русских людей.

К 1496 г. относится обратное плавание датского посла Давида Кохрана. Подробности плавания известны из рассказа толмача Григория Истомы Малого, записанного Сигизмундом Герберштейном: «Они сели в устье Двины на четыре суденышка и, держась в плавании правого (восточного) берега океана, видели там и неприступные горы... проплыв 16 миль (примерно 80 верст. — *Ю. А.*), прибыли к левому берегу. Оставив справа (к северу. — *Ю. А.*) обширное море... они достигли земли Норботтен, подвластной королю шведскому; русские называют ее Каянской землей... обогнув с трудом излучистый берег, который тянулся вправо (к северу. — *Ю. А.*), они прибыли к одному мысу, который называется Святым Носом... когда водоворот стал вдруг сильно засасывать корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись, изо всех сил налегая на весла. Пройдя мимо Святого Носа, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть... несколько дней их задерживали там противные ветры... Корабельщик сказал им: "Эта скала ... зовется Семес, и если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее... ", затем

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 160.
[2] Там же. Т. 37. С. 98.

ветры улеглись, и они отплыли... они плыли уже при попутном ветре... им попался навстречу огромный мыс в виде полуострова по имени Мотка, на оконечности которого находится крепость Вардехуз... этот мыс настолько вдается в море, что его едва можно обогнуть в 8 дней... они с великим трудом перетащили на плечах через перешеек в пол-мили шириной и свои суденышки, и поклажу... Затем приплыли... к месту по имени Дронт... там они оставили свои лодки и остальную часть пути проехали по суше на санях».[1]

Рассказ Истомы неоднократно и содержательно комментировался, главным образом, с точки зрения географических реалий. Удалось установить, что русские суда дошли до Варангер-фьорда, а затем до Тромсе, в котором можно видеть загадочный «Дронт».[2] Но не меньший интерес представляют и морские реалии рассказа Истомы.

Суда, на которых шло посольство, были небольшими («суденышки», «лодки»), однако, судя по тому, что они обогнули северную оконечность Европы, довольно мореходными. «Суденышки» могли ходить как на веслах, так и, очевидно, под парусом — им важен был попутный ветер. «Суденышки» можно было перетаскивать волоком на плечах — отсюда видно, что они, во-первых, были достаточно легкими, во-вторых, располагали достаточным экипажем для переноса волоком. «Корабельщик» — бывалый моряк, достаточно хорошо знавший лоцию и морские предания. Наконец, путешествие совершалось в конце лета или осенью, когда уже можно было пользоваться в Северной Норвегии санным путем. «Суденышки» были настолько мореходны, а их экипажи настолько опытны, что могли выйти в море в такое время года, крайне неблагоприятное и опасное для плавания по океану. В то же время, «суденышки» далеко от берега не отрывались, стараясь все время держать его в виду.

Рассказ Григория Истомы — первое описание плавания русских судов по «морю-акияну». Из этого рассказа можно заключить, что известия ВП и Архангелогородского летописца о морском походе 1496 г. вполне правдоподобны. Плавание Григория Истомы совершалось в то же самое время (летом-осенью 1496 г.), что и морской поход князей Ушатых в Каянскую землю. Судовая рать шла тем же путем (другого

[1] Герберштейн. С. 201–202.

[2] *Шаскольский И. П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (путешествие Григория Истомы) // Путешествия и географические открытия в XIV–XIX вв. М., 1965. С. 7–29.

не было), что и «суденышки» посла, — через Белое море, вдоль Кольского полуострова, может быть, волоком через перешеек полуострова Рыбачий, затем вверх по рекам Каянской земли, затем волоком в реки, впадающие в Ботнический залив.

Такова наиболее правдоподобная версия о походе лета 1496 г.[1]

Легкие парусно-гребные «суденышки», аналогичные тем, на которых шли Григорий Истома и его спутники, вполне позволяли совершить дальний комбинированный морской-речной поход. Такие «суденышки», как прибрежные, лучше всего соответствовали условиям как плавания «по морю-акияну», так и особенностям сухопутного театра с его реками и переволоками.[2]

Опыт подобных комбинированных походов на Севере Руси существовал с давних времен. В 1311 г. «ходиша Новгородцы войною на Немецкую землю за море на Емь... и переехавше море, взяша первое Купецкую реку... потом взяша Черную реку... взяша Кавгалу реку и Перну-реку, и выидоша на море».[3] По мнению большинства исследователей, поход был направлен во внутреннюю часть осваиваемой шведами Финляндии и дошел до политического и стратегического центра края — шведской крепости Тавастборг (Тавастхус).[4]

В 1318 г. «ходиша Новгородцы войною за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город сумьского князя...».[5] И. П. Шаскольский, комментируя это известие, устанавливает, что «Людерев город» — это Або, резиденция шведского наместника Людера фон Кюрена, а Полная — это р. Аура-Иоки, впадающая в Ботнический залив около Або.[6]

Но походы 1311 и 1318 гг. шли через Балтийское море, точнее, его заливы. Известия ВП и Архангелогородского летописца о походе 1496 г. — первое свидетельство о дальнем морском походе русской судовой рати во главе с воеводами великого князя.

---

[1] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 25–26.

[2] Европейские путешественники встречают в море десятки русских лодей (см.: Английский путешественник о Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю. В. Готье. М., 1936. С. 81, 101, 103 и др.).

[3] НПЛ. С. 93, 333–334.

[4] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 72–79.

[5] НПЛ. С. 95, 337.

[6] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 79.

Терминология русских судов нуждается в специальном исследовании, однако можно заметить, что раньше и чаще других встречается название «лодья». По данным Повести временных лет, именно в лодьях в 882 г. совершал свой поход князь Олег во главе северного русского ополчения: подойдя к Киеву, он «похорони [спрятал] вои в лодьях». Как типично русское судно, лодья названа в договорах Олега и Игоря с Византией. Упоминания о лодьях в летописях и других источниках настолько обычны, что не нуждаются в цитировании. Лодья, судя по всему, — парусно-гребное судно со сравнительно небольшой осадкой. По летописным данным, лодьи ходили как по рекам, так и по морю. По Русской Правде, различались набойные лодьи и морские лодьи. «Продажа» (денежный штраф) за кражу их составляла, соответственно, 60 кун, 2 гривны (= 100 кун) и 3 гривны (= 150 кун), из чего можно заключить, что они значительно отличались по размерам. По-видимому, летописец не улавливал это различие. Были известны также насад, струг, учан, ушкуй, челн. Чем отличались, кроме размеров, эти типы речных судов, сказать трудно. Но можно более или менее достоверно установить основной факт — это были суда сравнительно небольшие, по преимуществу гребные, которые можно было перетаскивать волоком. Как тип речного судна оставалась и лодья: в 1471 г. в бою на Двине разбитый великокняжескими войсками новгородский воевода князь Василий Васильевич Шуйский «вметнувся в лодию, убеже на Колмогоры». Чаще всего, однако, летописец XV в. не называет конкретных типов речных судов, а дает им обобщенное определение «суда», чем косвенно подтверждает отсутствие принципиальных различий между ними.[1]

Реки и речные суда имели особенно важное значение на Севере России. В крае, покрытом дремучими лесами и непроходимыми болотами, лучшей, а по существу единственной в летнее время транспортной артерией была река, а единственным средством передвижения — легкое речное судно.

После включения северных земель в состав Русского государства судовые рати, набранные из их жителей, упоминаются постоянно. Характерно, что эти ополчения называются чаще всего по имени рек.

[1] Можно только отметить, что ушкуи были, по-видимому, более легкими судами, а насады — более прочными. В 1375 г. ушкуйники для похода вниз по Волге заменили свои ушкуи насадами (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 102).

Так, в 1489 г. важане (от р. Вага, левый приток Двины) «идут в судех» на Вятку во главе с великокняжеским воеводой Юрием Ивановичем Шестаком. В том же походе участвуют «в судех» и вологжане, и вымичи, и вычегжане, и двиняне, и каргопольцы, и сысоличи, и устюжане (во главе с великокняжеским воеводой князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским). Подобного рода судовое ополчение шло и в морской поход 1496 г. с воеводами князьями Иваном и Петром Федоровичами Ушатыми.

В источниках нет сведений об организации судового ополчения. Можно, однако, высказать предположение, что основу его составляло черносошное свободное крестьянство — хорошо известно, что в конце XV в. феодальное землевладение на Севере практически отсутствовало. Как и в соседней Норвегии, на русском Севере решительно преобладает свободное крестьянство, непосредственно подчиненное государственной власти.

Физико-географические условия театра военных действий, как уже говорилось, делают реки важнейшей (почти единственной) коммуникацией, и тем самым основным родом войск становится пехота, посаженная на суда.

«В природных условиях Норвегии конное войско не находило простора для своих действий, и флот и пехота неизбежно должны были играть большую роль», — отмечает А. Я. Гуревич.[1] То же можно сказать и о русском Севере.

В сходных социальных и природных условиях с необходимостью должны были выработаться сходные формы военной организации. Организация норвежского судового ополчения (лейданга) известна из нарративных источников (саги) и законодательных памятников XII–XIII вв. (Законы Гулатинга, Ландслов). В основе этой организации лежало деление побережья на округа, каждый из которых должен был выставить определенное число парусно-гребных судов, снабженных всем необходимым и укомплектованных боеготовым экипажем. Судовая морская повинность распространялась на все свободное население (в случае необходимости привлекались и зависимые). Сага об Олафе Трюгвассоне (XI в.) утверждает, что каждый округ (фюльк) должен был выставить 12 кораблей с 60–70 воинами на каждом. По

[1] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 195.

Законам Гулатинга (XII–XIII вв.), с каждых трех дворов на корабль выставлялся один воин. Созыв судового ополчения первоначально происходил по инициативе местных властей и носил, таким образом, локальный характер. После объединения Норвегии под королевской властью право созыва судового ополчения стало прерогативой короля. Судовое ополчение превратилось в королевскую (государственную) повинность.[1]

Отрывочные и случайные данные наших источников позволяют уловить некоторые аналогичные черты. Новгородская летопись говорит о судовых походах двинян, заволочан и т. п., почти никогда не называя воевод, стоящих во главе судовых ратей. Летопись рассказывает о речных походах вятчан по их собственной инициативе. Создается впечатление, что организация этих походов была делом местных властей.

С 70–80-х гг. XV в. характер известий о речных походах меняется. Они теперь совершаются в интересах Русского государства, по распоряжению великого князя и во главе с назначенными им воеводами. Надо полагать, что с этого времени судовое ополчение в северных землях России, как и в Норвегии, стало обязательным видом военной службы. Только в таких условиях и стал возможным большой поход через «море-акиян» в ходе Свейской войны.

Поход, видимо, начался в июне, как указывает ВП, а не весной (как пишет официальная летопись). Весной, вероятно, были отданы распоряжения о подготовке к походу — начался сбор войск и судов. К июню Белое море в основном освобождается ото льда, и парусно-гребные суда могут выйти в море.

По шведским данным, «русские вторгаются в Норботтен, жгут Сало, Люнинте, Йек, Тары и Кюн, а также Йокас у Улофсборга, вечером на св. Улофа это и произошло» (т. е. 28 июля). Русские быстро отступили — шведы не успели (не сумели) дать им бой.

В октябре русские суда были уже дома. Поход продолжался, таким образом, около четырех месяцев.[2]

С точки зрения истории русского флота, поход князей Ушатых — выдающееся событие, начало истории русского флота как составной части вооруженных сил России.

---

[1] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. С. 166–195.
[2] Scriptores... S. 194.

В масштабах Свейской войны 1495–1497 гг. весенне-осенний поход — третий по счету удар, нанесенный противнику, удар на новом операционном направлении — на левом стратегическом фланге шведов. Прежде всего, интересна сама стратегическая идея вторжения на неприятельскую территорию с моря, в обход труднопроходимых лесов и болот северной Карелии. Победа над шведами в морском бою обеспечила успех стратегического замысла. Вторжение в Норботтен было, по-видимому, неожиданным для противника — во всяком случае, ни русские, ни шведские источники не сообщают о сопротивлении, оказанном нашим войскам.

Поход северной флотилии в 1496 г. — первый в истории Российского государства пример стратегического взаимодействия сухопутных и морских сил, впоследствии ярко проявившегося в походах Петра Великого и в войнах на Средиземном и Черном морях, особенно в Первой Архипелагской кампании 1769–1794 гг. Речь идет именно о стратегическом взаимодействии — морская сила действует на самостоятельном оперативном направлении и решает самостоятельную задачу в общем стратегическом контексте.

Поход князей Ушатых можно сравнить с походами 1349 и 1411 гг. в тогдашних войнах Новгорода со шведами — это продолжение старой новгородской традиции. Однако в отличие от тех походов, в 1496 г. было осуществлено вторжение в глубь вражеской территории не столько для разорения ее, но для решения политической проблемы — включения северных земель в орбиту влияния Российского государства.[1]

Последнее известие о Свейской войне в Уваровской летописи читается под 7005 г., хотя говорит о событии 7004 г.: «Августа 19, в пяток приидоша Немцы из мория, из Стеколна Свейского государства, князя Стенктура вскоре разбоем семьдесят бус в Нарову реку под Ивангород, и начаша ко граду вборзе приступати с пушками и с пищальми, и дворы в граде зажгоша, огнем стреляя, понеже не бысть им супротивника. Удалый же воевода и наместник Ивангераду именем князь Юрий Бабич, наполнився духа ратного и храбра, нимало супротивясь супостатам, ни граждан окрепив, но вскоре устрашився и побеже из

[1] Как видим, наши источники не позволяют согласиться с Форстеном, считавшим, что «русское войско направилось по Двине, прибыло на западную сторону Кандалакшской бухты» — путь флотилии князей Ушатых шел через открытое море.

града. В граде же не бысть воеводы, и людей бе мало и запасу ратного не бысть в граде. А князь Иван Брюхо да князь Иван Гундоров стояху близко град и видяще град пленяем от Немец, и ко граду в помощь не поидоша. Немцы же град плениша и не обратиша в нем спротивящегося им, вскоре немилостивно пограбиша животы их и товара бесчислено, а людей иссекоша, а иных в плен поведоша. И тако вскоре возвратишася и побегоша от града в море».[1]

Это же известие читается и в Никоновской летописи, но год проставлен верно — 7004.

В Вологодско-Пермской летописи (ВП) рассказ о взятии Ивангорода изложен в несколько другой редакции: «Того же лета [7004] пришедша Немцы с моря в бусах взяша Ивангород пищальми огненными. А воевода был тогда великого князя в том граде князь Юрьи Бабич, и убеже из града чрез стену, а княгиню свою наперед выправил».[2]

Псковская I летопись (Погодинский список) содержит о событиях августа 1496 г. самостоятельный рассказ: «Того же лета [7004] взяше Ивангород супротив Ругодива. И пришед Немцы Свеици, людей, мужей и жен, и детей мечю предаша, а во граде хоромы и животы огню предаша. Августа в 26 день. И пригониша гонец из Иванягорода князю Псковскому Александру Володимеровичу и посадником псковским, и ко всему Пскову. И князь Псковской выеха изо Пскова на третий день, в день недельный, а посадники псковские выехаши со всем войском своим и со псковичи месяца Сентября в 1 день, ко Гдову городку... приехал князь Псковской и с посадники псковскими, и з бояры, и со всею силою своею от Иванягорода, а приехали вси здоровы, месяца Декабря в 6 день. И были тамо 12 недель на великого князя службе».[3]

Разрядные записи о событиях в Ивангороде не упоминают.

Таким образом, в нашем распоряжении два основных русских источника о взятии шведами Ивангорода — летописи великокняжеская и Псковская. Оба источника имеют очевидную документальную основу и могут считаться официальными.

По данным Рифмованной хроники, шведы долго готовились к походу и отправились «на Россию с большим войском». Численность войска достигала 2 тыс. человек. Вскоре после Успения (15 августа) шведы

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 329.
[2] Там же. Т. 26. С. 290.
[3] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 82.

подошли под «Ивана Великого», т. е. под Ивангород. Шведская флотилия состояла из больших и малых кораблей, «на которых стояли возы», т. е., вероятно, пушки и военное снаряжение. По мнению автора хроники, Ивангород был «крепким и мощным» и «имел добрый гарнизон с оружием и несравненной мощью». Тем не менее, шведы после 6-часового боя овладели крепостью «при помощи пламени, стрел и мощи пушек». Внутри крепости находилось 3 тыс. человек, видимо, мирных жителей — «как мужчины, так и женщины принялись ужасно кричать». Все они были истреблены шведами, кроме 300 человек, взятых в плен.

Город был разграблен, «нашлись сундуки, битком набитые серебром, мехами, воском и листовым золотом». Все это было погружено на корабли. Увозились также железные двери и причальные приспособления. Поход завершился ко дню св. Мартина (5 сентября).

Таким образом, шведские известия, в принципе, не противоречат русским, отличаясь деталями и эмоциональной формой изложения. Общая картина представляется достаточно ясно.

Основное отличие шведских известий от русских — подчеркивание трудностей при взятии крепости, тогда как русские летописи говорят о слабости обороны. В данном случае, думается, следует отдать предпочтение русскому источнику. Автор шведской хроники субъективно был заинтересован в том, чтобы показать мужество и упорство шведов при штурме «крепкой и мощной» русской крепости «с добрым гарнизоном», русский же источник имел возможность более объективно рассматривать ход событий.

Нападение шведов на Ивангород произошло 19 августа — дата великокняжеской летописи может быть принята за основу. Дата Псковской летописи (26 августа) относится, очевидно, не к нападению на Ивангород, а к прибытию во Псков гонца с известием об этом событии. 200 верст от Ивангорода до Пскова гонец мог покрыть за 2–3 дня, следовательно, он выехал не ранее 23 августа. Он был послан не в первый день боев за город, а тогда, когда судьба города была уже решена — город был взят и сожжен.

Великокняжеская летопись подчеркивает отсутствие организованного сопротивления противнику. Нападение шведов с моря было, повидимому, для русских неожиданным — город был не готов к отражению противника. Шведская флотилия из 70 бусов была способна перевезти не менее 4–5 тыс. воинов (считая, что по старым скандинавским законам на корабле полагалось иметь 60–70 воинов). Перед

высадкой десанта город подвергся артиллерийскому обстрелу с кораблей, что вызвало пожары и, по-видимому, панику. Воевода князь Бабич проявил позорное малодушие. Обращает на себя внимание, что вблизи крепости стояли войска двух воевод. Очевидно, русское главное командование считало положение Ивангорода опасным и заранее стягивало сюда войска.

Но усилия оказались тщетными. На оперативно-тактическом уровне под Ивангородом русские войска понесли самое тяжелое поражение за много десятков лет. Взятие и разгром Ивангорода — реванш шведов за их поражение в Гамской и Каянской землях и эффектное окончание вооруженной борьбы.

Два основных факта обеспечили успех шведов.

Первый из них — конструктивные недостатки самой крепости. Заложенная четыре года назад, она была еще не достроена. Построенная на утесе (слуде) над Наровой, крепость не имела фланкирующих бойниц с юго-восточной стороны, откуда, вероятно, и подошел шведский десант.[1] Силы гарнизона и вблизи расположенных войск были, вероятно, недостаточными.

Еще более важной причиной быстрого падения Ивангорода является отсутствие прикрытия его с моря. Отсутствие флота, который мог и должен был контролировать подходы к русским берегам, сыграло здесь роковую роль. Море — путь вторжения на вражескую территорию. Поход флотилии князей Ушатых в северную Финляндию воочию доказал это. Не менее очевидным доказательством было и овладение шведами Ивангородом. Выход к морю, обладание морским побережьем делает необходимым иметь морские силы, способные защищать этот выход и это побережье.

Судя по имеющимся данным, создание флота на Балтике входило в планы Ивана III,[2] однако на данном этапе этот план остался неосуществленным, и только через два века на Балтике появился русский флот, а вместе с ним пришла и победа над Швецией.

Обращает на себя внимание активная роль псковской рати на этом последнем этапе войны. Господин Псков быстро мобилизовал свои

[1] Волков. С. 36.

[2] *Алексеев Ю. Г.* Морская политика Ивана III. К постановке вопроса // От Древней Руси к России Нового времени. Сб. статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 108–126 (см. также наст. издание).

силы и двинул их на помощь Ивангороду — собственно, для обороны от шведского десанта. Выступив из Пскова 1 сентября, войска могли подойти к Ивангороду около 10 сентября, когда шведы уже эвакуировались.

Шведы не намеревались удерживать Ивангород, не имея для этого необходимых сил. По иностранным источникам, «так как крепость была слишком далеко от прочих шведских владений, то шведы предлагали Лифляндскому ордену (магистру Ливонии. — *Ю. А.*) взять ее себе, но Орден отказался: тогда шведы, разрушив ее почти до основания, вернулись в Выборг».[1]

Никаких сведений о боевых действиях в районе Ивангорода после его захвата шведами в источниках нет. Однако псковская рать вернулась домой только 6 декабря, проведя на службе великого князя 12 недель. В этом случае она должна выступить из района Ивангорода около 25 ноября, проведя там примерно два с половиной месяца, т. е. 11 недель. Двенадцатой неделей псковичи считали, видимо, время на марш-маневры.

По шведским данным, Стен Стуре начал готовить новый поход против России. «Он пускается в путь со ста тремя судами, их он намерен причалить в России». Одна из причин нового похода — быстрое восстановление русскими Ивангорода. «Теперь русские снова подходят к Ивану-Великому и дерзко издеваются над шведами. Им очень важен Иван-Великий, и они вовсю еще более укрепляют его».

Но новый поход Стену совершить не удалось. Судя по Рифмованной хронике, «простые люди тогда стали несговорчивее... простолюдье желало отправиться в Швецию, и они исчезли с глаз господина Стуре без следа», т. е. попросту разбежались. «Вскоре закончился этот долгий поход — к самому Рождеству». Долгая война оказалась Швеции не по силам.

К походу готовились и русские. Согласно разрядной записи, «того же лета [7004 (1496) г.] в Августе князь великий Иван Васильевич всея Русии приговорил послать воевод на свейские немцы и бысть по полком:

В Большом полку — князь Данило Васильевич да Яков Захарьич;

В Передовом полку — князь Осиф Андреевич Дорогобужский да князь Федор Семенович Хрипунов да князь Василей Ромодановский.

---

[1] *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства... С. 158.

В Правой руке — князь Федор Васильевич Телепень да Дмитрий Васильевич Шеин.

В Левой руке — Иван да Петр Борисовичи.

А князем Воротынским, князю Дмитрею да князю Семену Федоровичу да князю Ивану Михайловичю быти в Левой же руке своим полком».[1]

По-видимому, походу придавалось важное значение — во главе войск был известный воевода, победитель Вятки и Вязьмы.

В походе были должны принять участие новгородские силы — вторым воеводой был наместник Новгорода.

Можно предполагать, что в походе должны были участвовать служилые люди из Тверской земли, трое воевод — тверичи, которые, возможно, шли со своими земляками.

Пятеро воевод — представители старых московских служилых родов; можно думать, что они шли во главе среднерусских полков.

В походе должны были участвовать полки князей, только что перешедших на службу великого князя. Эти полки должны были выдвинуться с юго-западной окраины и сохранять относительную самостоятельность в управлении, как и в недавних походах на Литву.

Представляется, что на Свею должны были двинуться войска из Новгорода, юго-западных княжеств, по всей вероятности — Тверской земли и коренных московских уездов. Мобилизация охватила бо́льшую часть территории страны.

Однако новый поход не состоялся.

Под заголовком «О Казани» великокняжеская летопись сообщает: «Тое же весны Маия прииде весть к великому князю... от казанского царя Мегмет-Амина, что идет на него Шибанский царь Мамук со многою силою, а измену чинят казанские князья Калимет да Урак, да Садырь, да Агыш. И князь великий послал в Казань... воеводу своего князя Семена Ивановича Ряполовского с силою и многих детей боярских Двора своего, и понизовских городов детей боярских: новгородцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов мнози».

Таким образом, в самый разгар Свейской войны открылось новое, восточное стратегическое направление.

На это направление выдвигаются силы из ближайших уездов, которые, очевидно, не принимали участия в Свейской войне. Во главе войск поставлен воевода, имевший опыт войны с Казанью в 1487 г.

[1] РК-98. С. 27.

Обращает на себя внимание отправка в поход «многих детей боярских Двора» великого князя. Это свидетельствует о значении, которое придавалось казанскому направлению в Ставке ВГК и о наличии стратегического резерва, не задействованного на северо-западном фронте.

По словам летописи, мятежные казанские князья при известии о движении войск князя Ряполовского «выбежа ис Казани ко царю Мамуку, сам же Мамук возвратися восвояси».

С этой точки зрения, поход князя Ряполовского был вполне успешным. Этот успех, однако, был непрочным.

Сам Магмет-Амин «отпусти воеводу великого князя и с Казани... со всею силою к Москве о Семене дни, уже бо не чаящу прихода Мамукова х Казани».

К сентябрю казалось, что кризис на восточном направлении преодолен. Тогда-то, вероятно, и возник замысел нового похода на свейских немцев.

Однако обстановка на Востоке внезапно резко изменилась. По словам летописи: «Не по мнозе же времени сведал царь Мамук Шибанский, что воевода великого князя пошел из Казани со всею силою назад к Москве, понеже в Казани измена бысть над царем Магмет-Аминем, и вести из Казани к Мамуку присылаху. Мамук же царь вборзе прииде с ратию под Казань со многою силою нагайскою и со князи казанскими. Царь Магмет-Аминь... блюдяся измены от своих князей и выбежа и с Казани и со царицей и со остаточными князи своими, и прииде на Москву к великому князю, лета 7005 ноября».

Новый кризис на восточном направлении внес серьезные изменения в планы русского ВГК.

«Князь великий из Свейского походу воевод убавил, а приговорил на весну послати воевод на Казань.

А на Свейскую землю велел идтить воеводам по полком:

В Большом полку — Яков Захарьич;

В Передовом полку — князь Федор Семенович Хрипун да Воротынские князи своим полком, князь Дмитрей Федорович да князь Иван Михайлович, а князь Семен Михайлович не ходил, был болен.

В Правой руке — князь Федор Васильевич Телепень Оболенский.

В Левой руке — Иван Борисов Бороздин».

Число воевод, назначенных в Свейский поход, было уменьшено с девяти до пяти, что почти несомненно свидетельствует о соответствующем уменьшении численности войск.

Важны и изменения в командном составе.

Отсутствие князя Данилы Щени может свидетельствовать о желании иметь его в резерве ВГК, отсутствие князя Осифа Дорогобужского и одного из двух Бороздиных — об уменьшении доли тверских войск. Соответственно увеличивалось значение новгородских войск, чей воевода Яков Захарьич стал теперь командующим всею ратью. Однако по-прежнему в поход идут старомосковские воеводы и князья Воротынские.

Тем не менее, теперь внимание Ставки приковано в основном к восточному направлению, хотя сам поход отложен до весны. По разрядной книге: «А под Казань нарядил князь великий воевод, а срок учинил им стати под Казань с краю вместе» (что значит выражение «с краю», установить не удалось).

«В судовой рати, в Большом полку — князь Семен Иванович Ряполовский.

В Передовом полку — Ондрей Иванович Коробов. В Правой [руке] — Петр Борисович, в Левой [руке] — Василей Борисович.

А в конной [рати] в Большом полку — князь Василей Иванович да князь Олександр Васильевич Оболенский;

В Передовом полку — князь Федор Васильевич Телепень;

В Правой руке — князь Михайло Иванович Телятевский;

В Левой руке — Семен Карпович».[1]

Судя по числу воевод, готовился большой поход. Как и в 1487 г. намечалось тактическое взаимодействие судовой и конной ратей. Поход по Волге, естественно, не мог начаться раньше вскрытия рек, т. е. середины апреля — начала мая.

Но события развернулись по-другому. Судя по рассказу великокняжеской летописи, Мамук, овладевший Казанью осенью 1496 г., не смог в ней удержаться. Своих вчерашних союзников, мятежных князей, он «изымал и гостей и земских людей пограбил». Не имея, видимо, широкой общественной поддержки, он вскоре освободил заточенных князей и начал поход на Арский городок. Однако «Арские князи града своего не здаша, но бишася с ними крепко».

Неудача похода на Арск вызвала развал в стане Мамука: «...князи Казанские отъехаша от Мамука в Казань, и град окрепиша и царя Мамука в град не пустиша».

---

[1] РК-98. С. 28.

Фактически изгнав Мамука, казанцы обратились к великому князю. В Москву был послан Бараш-Сеит «бити челом... от всея земли, чтобы их великий князь пожаловал, а нелюбия им и вины им отдал». Казанцы просили не присылать к ним Магмет-Амина, а назначить на «царство в Казань Абдыл-Летифа царевича, Абреимова сына, меньшого барата Магомед-Аминя».

Узнав о переговорах казанцев с великим князем, Мамук отступил от Казани «в свояси и на пути умре».

В апреле 1497 г. Абдул-Летиф был отпущен из Москвы в Казань на царство в сопровождении князей Семена Даниловича Холмского и Федора Ивановича Телепня. «Они же, пришедше в Казань месяца Мая, Абдыл-Летифа посадили на царство, да и к шерти приведоша всех князей Казанских и уланов и земских князей и людей по их вере за великого князя».

Крупный конфликт на восточном направлении удалось разрешить относительно мирным путем, во всяком случае, без непосредственного вооруженного вмешательства. Несмотря на колебания и нестабильность в казанских верхах, партия, стремившаяся к союзу с Москвой и ее покровительству, оказалась сильнее, чем партия, желавшая отдать город и страну под власть Шибанского хана, — и это несмотря на крайнюю непопулярность прежнего ставленника Москвы.

Тем не менее, события на восточном направлении осенью 1496 г. сыграли большую роль в Свейской войне. Намеченный на август поход не состоялся. Со Швецией начались мирные переговоры, которые в марте 1497 г. привели к заключению перемирия на 6 лет — первого договора Российского государства со Швецией.[1]

* * *

Первый вооруженный конфликт Российского государства со Швецией — это фактически начало борьбы за мореплавание на Балтике.

Военные действия велись на широком фронте — от Финского залива до Северного океана, и на суше, и на море. Боевые действия носили характер разновременных последовательных ударов по разным операционным направлениям.

[1] Базилевич. С. 393; *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства... С. 158–159.

Главной ударной силой русских войск было конное служилое ополчение, собранное из северо-западных и среднерусских уездов. На северном участке фронта ударную силу составляли судовая рать и земское ополчение северных уездов. В боевых действиях широко применялась артиллерия, — в том числе и крупнокалиберные осадные орудия.

С русской стороны можно отметить стремление к наступательным действиям, к захвату и сохранению инициативы. Крупная неудача на первом этапе кампании не привела к отказу от продолжения борьбы. Войска выдвигаются на новое операционное направление и наносят противнику эффективный удар.

Третье операционное направление на крайнем правом фланге обозначилось первым морским походом судовой рати и глубоким вторжением во вражескую территорию.

Несмотря на успехи второго и третьего походов, Ставка готовит новый поход крупными силами — прослеживается большое упорство в стремлении добиться победы.

На протяжении всей кампании Ставка ВГК играет определяющую роль, осуществляя свою главную функцию — стратегическое руководство.

На оперативно-тактическом уровне, как и в прежних походах, руководство в руках воевод, принимающих, очевидно, самостоятельные решения в рамках директив Ставки.

Все это представляет собой дальнейшее развитие той организации командования, которая сложилась в походах 60–80-х гг. Новым является переезд Ставки в Новгород, поближе к театру военных действий. Это облегчало управление войсками и делало его более эффективным.

В оперативно-тактическом отношении наибольший интерес представляют борьба за Выборг и использование морской силы для вторжения в глубь вражеской территории на Севере.

В борьбе за Выборг русские войска впервые применили новую тактику, основанную на использовании крупнокалиберной артиллерии для подготовки штурма. Неудача штурма не снижает значения этого первого опыта новой тактики при борьбе за крепость.

Война показала существенно важное значение морской силы как средства вторжения на вражескую территорию. И поход князей Ушатых по Северному океану, и поход шведов от Выборга (или Стокгольма?) к Ивангороду привели к крупным оперативно-стратегическим

результатам. Эти результаты могли быть достигнуты только при условии господства на море в районе боевых действий. Тем самым напрашивается вывод о необходимости создания морской силы — хотя бы для обороны своего побережья. Проекты создания такой силы на данном этапе не были реализованы.[1]

Важной особенностью Свейской войны было появление «второго фронта» — восточного стратегического направления. В этих сложных условиях работа Ставки ВГК проявилась с достаточной четкостью. На восточное направление были двинуты силы из ближайших уездов страны, что на первых порах привело к стабилизации обстановки. Новое обострение положения на восточном направлении заставило готовить к походу дополнительные силы, что привело к ослаблению группировки на северо-западе и оказало влияние на дальнейшие планы ведения Свейской войны.

Действия русского ВГК в целом можно оценить положительно. Однако оно допустило крупную ошибку, не создав достаточно сильной группировки для защиты Ивангорода. Сказались и недостатки самой крепости, и низкий уровень оперативно-тактического руководства войсками в районе Ивангорода. Наибольшее значение имело отсутствие на Финском заливе морской силы, способной предупредить и отразить вражеское нападение, или хотя бы заблаговременно сообщить о движении шведского флота.

О действиях шведского командования можно судить по доступному нам шведскому источнику. Можно отметить неготовность шведов к отражению русского наступления на первом этапе войны. Нападение на Выборг было для шведов, по-видимому, неожиданным — крепость могла рассчитывать только на силы своего гарнизона. Скованность русских войск осадой Выборга не была использована шведским командованием. Сбор войска, предпринятый Стеном Стуре после начала войны, шел крайне медленно и не привел к удовлетворительным результатам. Только мужество и искусная оборона Выборга силами его гарнизона спасли город от взятия русскими войсками.

Второй набор ополчения Стена Стуре шел также весьма медленно. Шведам не удалось предотвратить глубинное вторжение в Гамскую землю и разорение ее. Не удалось им ни отрезать вторгшиеся русские войска, ни нанести ответного удара. Шведы не сумели защитить свои

[1] *Алексеев Ю. Г.* Морская политика Ивана III... С. 108–125.

северные владения от русской судовой рати, хотя, по русским источникам, они, по-видимому, пытались это сделать.

Все это в целом говорит о слабости шведского командования. Однако эти недостатки были искуплены блестящим успехом контрудара по Ивангороду — здесь шведское руководство продемонстрировало достаточно высокий оперативно-тактический уровень, в частности, искусное использование морской силы. Однако шведское командование не сумело закрепить и развить этот успех, поднять его на стратегический уровень.

В целом Свейская война является весьма важным и поучительным историческим феноменом. Не приведя к решительному результату (полному разгрому противника), война на северо-западе смогла защитить непосредственные интересы нашей страны и обогатила наши войска опытом боевых действий против сильного противника в сложных физико-географических условиях.

Важным результатом войны было укрепление позиций России на крайнем правом фланге — в районе, примыкающем к Северному океану. В стратегическом отношении война показала значение морской силы в борьбе на приморских направлениях и преподала урок, который нашей стране еще предстояло усвоить.

Поход на Север

Под 7007 г. великокняжеская летопись сообщает:

«Того же лета послал князь великий воевод своих, князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василья Бражника с силою с Устюжаны, и з Двиняне, и с Вычегжане, и с Вятчане на Югорскую землю и на Гогуличи. Они же, шедше, городы поимаша, и землю повоеваша, и князей, поимав, приведоша на Москву, а иных князей и земских людей к роте приведоша по их вере за великого князя, а иных князей и многих людей Югричь и Гогуличь тамо побиша. И придоша на Москву к великому князю вси здоровы лета 7008-го, Марта».[1]

Это, очевидно, официальное сообщение, основанное на донесениях воевод.

Вологодско-Пермская летопись (ВП) приводит это известие в своей редакции: «В лето 7000 седмаго, Марта в 12, князь великий... послал

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 328; Т. 12. С. 249.

воевод своих ратью, князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василия Ивановича Бражника в Ноугородскую землю в Каду и на Гогуличи. А с ними Устюжане, Вятчане, Пермичи, Двиняне, Важане, Пеняжане».[1]

В руках составителя ВП был какой-то самостоятельный источник, содержавший точную дату отправки воевод, отчество Василия Бражника, название Кадской земли (впервые упомянутой в той же летописи под 1483 г.),[2] знавший об участии в походе пермичей и пинежан. Северные земли названы «Ноугородцкими», вероятно, по той причине, что в прежние времена они долго были объектами новгородских походов. Источник ВП ничего не пишет о самом походе и не приводит даты его окончания. Это, видимо, какой-то полуофициальный источник, хорошо осведомленный, но только частично использованный составителем летописи.

Устюжская летопись приводит самостоятельный рассказ: «В лето 7007. Князь великий... послал рать во Югру лыжную Устюжан, да Вычегжан, Вымечь, Сысолян, Двинян, Пинежан. А воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбский, да князь Петр Ушатый, да Василий Бражник Иванов сын Гаврилова. Они же, ходивше на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали и в полон вели».[3]

Известие Устюжской летописи основано на местных источниках. Оно не только уточняет имена воевод и перечень земских отрядов, но и указывает на способ движения войск, отправленных в большой северный поход: «всю зиму» шли «на лыжах».

Герберштейн лично знал князя Семена Федоровича Курбского. По его словам, Курбский «значительную часть пути совершил пешком (т. е. на лыжах. — *Ю. А.*) из-за глубокого снега, а когда тот растаял, остальную часть пути проплыл на судах».[4]

Наиболее полные сведения о составе войск в северном походе сохранились в разрядных записях. Под 7007 г. РЗ сообщает: «Послал князь великий в Югорскую землю на Куду и на Гогуличи воевод князя Семена Курбского, да князя Петра Ушабова, да Василья Иванова сына Гаврилова.

[1] Там же. Т. 26. С. 291.

[2] Там же. С. 276.

[3] Там же. Т. 37 С. 98. Список Мацеевича приводит сокращенное известие (Там же. С. 51).

[4] Герберштейн. С. 154.

А со князем Семеном детей боярских: Цыгора да Володю Сугорских, да вятчан, которы живут в Московской земле, Костю Якошева сына Путвина, да Леву Иванова сына Олексеева, да Петрушу Попова. А Устюжан с ним 1304 ч<еловек>, а Вымеч и Вычегжан 500 человек.

А со князем Петром Ушатым дети боярские: вологжане Микита Тимофеев сын Матафтин да Микита Пушников. Да вятчан, которые живут в Московской земле, Гаврило Софонов да Ивашка Сенкин сын Бобровникова, да Ивашко Якушкин. А Двинян с ним и Важан и Панежан 1920 ч<еловек>.

А с Василеем Ивановым сыном Гаврилова дети боярские; вологжан Сиг Савельев, да Федко Неправдин, да вятчане, которые живут в Московской земле. Якуш Татаринов да Гридя Ивашков сын Татаринов. А вятчан с ним: 200 ч<еловек> руси, да 100 ч<еловек> арян, татар и отбяков».[1]

В отличие от летописных известий, РЗ раскрывают саму структуру войска, посланного в Северный поход.

Из троих воевод двое — служилые люди.

Семен Курбский — сын того Федора Семеновича, который в 1483 г. был одним из руководителей большого похода за Урал, к Обской губе.

Петр Ушатый — второй воевода в походе «морем-акияном» судовой рати в северную Финляндию в 1496 г.

В поход 1499 г. они выступают во главе земских ополчений Устюга, Двины и других северных уездов; вероятно, они были наместниками, соответственно, на Устюге и на Двине.

Третий воевода, который идет во главе вологжан, был потомственно связан с северными землями. Согласно списку Двинских волостей, тянувших к великому князю еще до 1471 г., на волостях Кегроле, Гакале, Мцени и пермских волостях «седел» Иван Гаврилов, который в 1471 г. подвергся нападению новгородцев.[2] Сам Василий в 1495 г. входил в свиту великого князя при его поездке в Новгород.[3]

Таким образом, воеводы, отправленные в походы, — это служилые люди, имевшие опыт и знакомство с условиями северного края.

С ними идут в поход дети боярские, очевидно, в качестве голов — командиров подразделений. Двое князей Сугорских, Акметек и Лыско.

[1] РК-98. С. 29.
[2] АСВР Т. III. № 15. С. 31.
[3] РК-98. С. 25.

в 1495 г. входили в свиту великого князя в качестве постельников.[1] В Дворовой тетради князья Сугорские названы дворовыми детьми боярскими по Белоозеру.[2] Сугорские — одна из измельчавших ветвей Белозерских князей, сохранивших, видимо, земли в своем бывшем уделе.[3]

Подбор воевод говорит о своего рода специализации командного состава — во главе войск идут люди, так или иначе связанные с Северным краем.

С князем Семеном Курбским идут в поход «вятчане, которые живут в Московской земле»; очевидно, это те, кто был переведен из Вятки в 1489 г. Несколько вятчан названы по имени — это, вероятно, дети боярские, головы подразделений. Основную массу войска князя Курбского составляют устюжане и вычегжане. Это — земское ополчение.

Такая же ситуация и в войсках двух других воевод. С ними идут дети боярские великого князя, вятчане из Московской земли и земское ополчение северных уездов — русских и нерусских.

Общая численность рати достигает 4 тыс. человек. Считая по обычной норме с трех дворов одного ратника, получаем 12 тыс. дворов — очень большая цифра для малолюдных северных уездов. Мобилизация потребовала, очевидно, большого напряжения сил, что говорит о том значении, которое придавалось Северному походу.

Поход 1499 / 1500 гг. можно сравнить с летним походом 1483 г., когда русские войска, перейдя через Уральский хребет, дошли до Обской губы. Поход князя Семена Курбского в 1499 / 1500 гг. — следующий шаг в этом же направлении.

Влияние Российского государства за Уральским хребтом расширялось и крепло. Сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, политический строй, веру и обычаи, северные сибирские народы втягивались в политическую и культурную орбиту России.

Кампании 90-х гг. носили наступательный характер. Русские войска впервые встретились с новыми противниками — Литвой на западе и Свеей на северо-западе. Страна выходила на широкий геостратегический простор.

---

[1] Там же. С. 26.

[2] ТК ДТ. С. 147–148.

[3] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. II. С. 167 и сл.

Если военные действия на западном направлении носили по масштабу и глубине ограниченный характер, то война на северо-западе велась на широком фронте, на разных операционных направлениях и на большую глубину. Новым явлением было широкое применение осадной артиллерии крупных калибров. Заслуживает внимание также зимний поход крупных сил в глубь территории противника.

Особый интерес вызывают действия на приморских направлениях, впервые наглядно продемонстрировавшие роль и значение морской силы в стратегическом и оперативно-тактическом масштабе.

Основу русских войск в кампаниях 90-х гг. составляло служилое ополчение, однако в морском походе через Северный океан и в зимнем походе на Югру решающую роль играла земская рать. Таким образом, несмотря на развитие служилых отношений на большей части Российского государства, на северном и северо-западном стратегических направлениях старое земское ополчение сохраняло свое значение, действуя здесь под руководством великокняжеских воевод и служилых людей великого князя.

Стратегическое руководство во всех кампаниях находилось в руках верховного главнокомандования (ВГК). Как и в прошлых кампаниях, решение оперативно-тактических задач было в руках воевод.

В действиях ВГК можно отметить, как и в прошлых кампаниях, масштабность стратегического мышления и настойчивость в предприятиях, но также осторожность и нежелание излишнего риска.

Проводя наступательные операции, русское ВГК сохраняло в своем распоряжении стратегический резерв, что давало возможность эффективно реагировать на изменение обстановки. Так, внезапное ухудшение положения на восточном (Казань) направлении весной 1496 г. было парировано своевременным введением в действие стратегического резерва князя Семена Ряполовского.

Можно также отметить и просчет русского стратегического руководства — недооценку значения приморского направления на южном участке шведского фронта (при обороне Ивангорода). Однако, несмотря на частные неудачи (Выборг, Ивангород), можно отметить, что в целом русское ВГК было на достаточно большой высоте и с задачами, объективно стоявшими перед ним, успешно справилось.

На оперативно-тактическом уровне можно отметить крупную неудачу при попытках овладеть Выборгом — новые приемы борьбы за крепость были еще недостаточно освоены.

Военная система Российского государства в кампаниях 90-х гг. проявила свою эффективность. Она отвечала требованиям и возможностям государства и в целом успешно решала поставленные задачи.

Глава 5

Кампании 1500-х гг.

Кампания 1500 г. Победа на Ведроше

Победа в войне 1492–1493 гг. была первым шагом в освобождении русских земель от литовского владычества. Однако договор 5 февраля 1494 г. был скорее перемирием, чем миром. Коренные вопросы отношений с Литвой остались нерешенными. Не удалось обеспечить твердых гарантий соблюдения великим князем Александром Литовским основных условий мира — сохранения незыблемости православной веры на русских землях под властью Литвы. Это сделало новую войну неизбежной.

Описание событий Второй Литовской войны содержится в ряде исследований.

К. В. Базилевич приводит краткий обзор кампании 1500 г., уделяя особое внимание стратегическому плану Ивана III и его переговорам с Менгли-Гиреем.[1]

С. М. Каштанов приводит подробное описание сражения на Ведроше. Вслед за Я. С. Лурье, он связывает это сражение с малодостоверным, как нам представляется, известием «Краткого летописца» (отрывка Погодинской летописи) о «бегстве» великого князя Василия.[2] На тех же позициях стоит А. А. Зимин.[3]

В военно-исторической литературе кампания 1500 г. рассматривается в исследованиях Е. А. Разина и В. А. Волкова. Е. А. Разин посвятил этой кампании две страницы своего труда, дав краткое описание боя

---

[1] Базилевич. С. 450–457

[2] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967 С. 155–165. Об этой гипотезе см.: *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 202–203.

[3] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 184–188.

на Ведроше.[1] В. А. Волков привел краткий обзор хода кампании и, в частности, сражения на Ведроше.[2]

В 1998 г. вышла статья О. О. Казакова «Битва на річці Ведроші 14 липня 1500 р.».[3] Автор проявил знание литературы и источников и дал описание битвы, в общем сходное со своими предшественниками. Работа О. О. Казакова — положительный пример интереса теперь зарубежных ученых к прошлому нашего Отечества.

Основными источниками по истории кампании 1500 г. являются русские летописи и разрядные книги. Официальные летописи рисуют общую картину событий; значительную самостоятельность представляют известия Ермолинской, Псковской и Устюжской летописей. Разрядные книги содержат перечень воевод по полкам и краткие данные о ходе кампании. Анонимная белорусская хроника (т. н. «Хроника Быховца») описывает действия литовского командования. Важным источником являются «Записки о Московии» барона С. Герберштейна, основанные на не дошедших до нас устных и письменных сообщениях. В целом корпус источников хотя и не богат, но все же позволяет представить относительно целостную картину событий и их характерные черты.

Театр войны простирался от западных отрогов Валдайской возвышенности (верховья Днепра и Западной Двины) на юг и восток и охватывал бассейн левых притоков Днепра и левых притоков Оки, вплоть до Дикого Поля. Бóльшая часть театра военных действий представляла собой слабо всхолмленную равнину, покрытую густыми лесами и прорезанную реками и немногочисленными дорогами. За исключением Западной Двины и Днепра и их наиболее крупных притоков, реки не представляли серьезных преград для войск, но лесистая местность в известной мере стесняла действия конных масс. На театре войны находилось значительное количество небольших городов-крепостей, особенно в южной его части. Эти города были столицами удельных княжеств, тянувших к Литве. Наиболее крупной крепостью был Смоленск, прикрывавший путь на Витебск — Полоцк и на Оршу — Минск — Вильно. С другой стороны, район Смоленска мог быть использован литовской стороной для наступления в направлениях Вязьма — Можайск — Малоярославец и Великие Луки — Ржев.

[1] Разин. С. 320–322.

[2] Волков. С. 37–40.

[3] Україньский Історичний журнал. 1998. № 5. С. 52–63.

Общая протяженность театра войны с севера на юг составляла ок. 900 км. Смоленский плацдарм (верхнее течение Днепра) разделял театр войны на северную и южную половины. В политическом отношении южная половина имела наибольшее значение — именно здесь были расположены русские княжества, оказавшиеся в XIV — первой половине XV вв. под властью Литвы.

Непосредственным поводом ко Второй Литовской войне стал переход на службу великому князю Ивану III пограничных князей Василия Шемячича и Семена Можайского. В апреле 1500 г. они били челом, что «на них пришла великая нужа о греческом законе, и государь бы их пожаловал, взял бы к себе и с вотчинами». «Князь великий Иван Васильевич всея Руси тоя для нужи князя Семена и князя Василя принял в службу и с вотчинами».

Фактически это означало начало войны с Литвой. С «разметною грамотою» к Александру Литовскому был послан недавний его подданный — вязмитин Афанасий Шеенок, а к перешедшим на русскую службу князьям великий князь «послал воеводу боярина своего Якова Захарьича и иных своих воевод со многими людьми».[1]

Согласно Разрядной книге, «лета 7008-го князь великий Иван Васильевич всея Руси послал воевать литовские земли князя Федора да князя Ивана Борисовичев Волоцких, а с ними велел сниматься во Вселуке наместнику ноугородцкому Андрею Федоровичу Челяднину. А наместникам луцким Губке Янову да Стерлягу Вельяминову, да пуповскому наместнику Олексею Заболотцкому велел с ними же сниматися. А как сойдутца, ино им быти по полком:

В Большом полку — Губке Янову.

В Передовом полку — Стерляге Вельяминову.

В Правой руке — Борису Колычову.

В Левой руке — Федору Плещееву.

В Сторожевом — Алексею Заболотскому.

А князю Федору и князю Ивану Борисовичем Волоцким дал князь великий свой наказ: нечто будет каково дело, и им быть по полком:

В Большом полку — князю Федору, да князю Ивану Борисовичем, да у них же быти в Большом полку Ондрею Федоровичю своим полком с великого князя знаменем.

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 333.

А в Передовой полк, и в Правую руку, и в Левую, и в Сторожевой полк выбрати воевод велел Ондрею, то положил на нем».[1]

Точный смысл этой разрядной записи позволяет сделать некоторые выводы: войска формируются из новгородских служилых людей, полка удельных волоцких князей и служилых людей пограничных районов во главе с их наместниками. Мобилизация происходит в обширном районе вдоль всей западной границы.

По сведениям Ермолинской летописи, «того же лета князь великий посылал на Литву же своих братаничев, княжь Борисовых детей, князя Федора да князя Ивана, да своего боярина Андрея Федоровича наместника Новогородского, с Новогородскою силою да князя Александра Володимерича Ростовского наместника Псковского, со Псковичи».[2]

Разрядные записи не пишут о псковичах, однако их участие в походе подтверждается псковскими летописями.

По данным Погодинского списка (Псковской I летописи), зимой 1499/1500 г. «прислал князь великий посла сваего во Псков, Микиту Ангелова, чтобы отчина моя мне послужила на зятя своего на великого князя Александра... на Литовского. И псковичи не ослушалися великих князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича: князь Псковской Александр Володимерович и посадники псковские и бояре и весь Псков порубившися з десяти сох конь, а с сорока рублев конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди, и поехаша конная рать, человек на кони в доспехе, на Литву князем великим у пособие».[3] Чем объяснить умолчание разрядных записей о псковичах, сказать трудно.

Летопись раскрывает нормы псковской мобилизации. Десять сох приравнены к 40 руб. дохода, т. е. по 4 руб. с сохи. Если псковская соха, как в соседнем Новгороде, трехобежна, то доход с обжи, т. е. одного хозяйства, равен $1^1/_3$ руб. Эта цифра сопоставима с данными новгородских писцовых книг[4] и с размером пожилого по Судебнику Ивана III. Сама норма мобилизации конной рати такая же, как в походе 1495 г. на свейских немцев,[5] и в три раза ниже, чем по уложению о службе

---

[1] РК-98. С. 29–30.

[2] ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

[3] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 84.

[4] См.: Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. Вторая половина XV — начало XVI в. / Рук. авт. коллектива и отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971.

[5] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 81.

1556 г. «Бобыли пешие люди» — обычное для Пскова явление. Пехоту составляет безлошадная беднота, которая рубится по особому расчету.

Воевода Большого полка, наместник Великих Лук Губка Янов, по другим источникам не известен. Скорее всего, он принадлежал к служилым людям невысокого ранга.[1] Воевода Передового полка и второй наместник Великих Лук Стерляг Вельяминов — выходец из старого боярского рода, однако на командных должностях неизвестен.

Борис Александрович Колычев в 1495 г. входил в свиту великого князя при его поездке в Новгород во время Свейской войны.[2] Алексей Григорьевич Заболотский в 1495 г. также входил в свиту великого князя.[3] Позднее, в 1510 г. он участвовал в походе на Оку против татар.[4]

Таким образом, ни один из воевод первого эшелона не был заметным военным деятелем и не обладал большим командным опытом. Войска первого эшелона создавались, видимо, для прикрытия границы и района сосредоточения главных сил Северной рати. Первый эшелон составляют пограничные войска во главе с воеводами невысокого ранга. Затем предполагается соединение всех сил под фактическим командованием новгородского наместника.

Андрей Федорович Челяднин с 1490 г. упоминается как боярин. В 1496 г. он был вторым воеводой Большого полка во время зимнего похода в Гамскую землю.[5] Этот большой и успешный поход, видимо, создал ему репутацию хорошего воеводы. В 1500 г. он сам формирует оперативные полки, составные части его рати. Это наделение первого воеводы Большого полка особыми полномочиями прослеживается и в более ранних кампаниях, но здесь оно особенно выразительно. По-видимому, это один из способов руководства войсками на обширном театре военных действий — Ставка передает первому воеводе часть функций главнокомандования.

«Того же лета послал князь великий воевод своих к Путимлю.

В Большом полку — Яков Захарьич.

В Передовом полку — князь Иван Михайлович Репня.

---

[1] Зимин. С. 151; *Лихачев Н. П.* О происхождении Яновых // ИРГО. СПб., 1900. Вып. 1 С. 153, 172.

[2] РК-98. С. 25.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 46.

[5] Там же. С. 27.

В Правой — князь Тимофей Олександрович Тростенский.

В Левой руке — князь Василий Мних Ряполовский.

В Сторожевом полку — Петр Михайлович Плещеев».

Яков Захарьич — один из выдающихся деятелей последних десятилетий XV в. С 1479 г. он известен как боярин. В походе 1492 г в Северскую землю был вторым воеводой Большого полка. В летней кампании 1493 г. он, будучи наместником новгородским, возглавлял новгородскую рать против Литвы, в 1495 г. — в походе на Выборг, а летом 1496 г. должен был быть вторым воеводой Большого полка в готовившемся новом походе на «свейские немцы». После отправки части войск на восточный фронт должен был возглавить Большой полк.[1] Таким образом, во главе Южной группы войск шел воевода со значительным боевым опытом и большим авторитетом в глазах великого князя. Выбор такого воеводы соответствовал не только его личным качествам, но и тому значению, которое придавалось южному операционному направлению.

Князь Иван Михайлович Репня ходил в 1491 г. в поход «под Орду» на помощь Менгли-Гирею.[2] В 1495 г. он входил в число «князей и детей боярских», сопровождавших великого князя в его поездке в Новгород,[3] а в новом походе на Свею, который планировался (но не состоялся), должен был быть вторым воеводой Передового полка.[4] В феврале 1500 г. на свадьбе князя В. Д. Холмского он назван «сыном боярским». По-видимому, он был еще сравнительно молодым человеком.

Князь Тимофей Александрович Тростенский, как и Репня, из рода князей Оболенских, издавна связанных службой с великим княжеством Московским, впервые упоминается в разрядах под 1486 г. — он был в числе воевод (третьим по списку), посланных в Казань на помощь Мохаммед-Эмину (Магмет-Амину). В походе 1495 г. на Выборг он был первым воеводой полка Левой руки из Новгородской земли. На свадьбе 1500 г. князя Холмского он был в числе «детей боярских», что может свидетельствовать о его относительной служебной молодости.[5] Последнее упоминание о нем относится к 1512 г., когда он был первым

[1] РК-98. С. 21, 23–24, 26–27

[2] ПСРЛ. Т. 28. С. 155.

[3] РК-98. С. 25.

[4] Там же. С. 27

[5] Там же. С. 16, 20, 24.

воеводой Сторожевого полка в составе войск, развернутых на Угре против татарских царевичей.[1] Князь Тимофей большой карьеры не сделал, через 17 лет после первого упоминания он занимал еще более или менее второстепенный пост.

Князь Василий Семенович Мних Ряполовский впервые упоминается в разрядах за 7000 (1491 / 1992) г., когда он в походе на Северскую землю был первым воеводой полка Левой руки. В 1495 г. он в числе «князей и детей боярских» входил в свиту великого князя. Последнее упоминание о нем относится к 1507 г., когда он был первым воеводой полка Левой руки в походе на «литовские места».[2] Таким образом, и его карьера не была блестящей — за 15 лет он, хотя и был опытным воеводой, фактически не продвинулся по службе.

Петр Михайлович Плещеев, брат одного из наиболее близких бояр Ивана III, в разрядах впервые упоминается в 1497 г. На переговорах с ливонскими немцами на Нарове о мире он был воеводой Передового полка — фактически это была, вероятно, только демонстрация силы.[3] Сын и брат знаменитых бояр, Петр Михайлович совершил большую карьеру, имел чин боярина, бывал послом, но военным человеком не был — после 1500 г. он в разрядах не упоминается († ок. 1510 г.).

Характерная черта воевод Южной группы — их принадлежность к старым московским княжеско-боярским служилым родам. В Южной группе — только собственно великокняжеские войска, без участия полков удельных князей. Можно думать, что эти войска были составлены из среднерусских городовых служилых ополчений.

Рать Якова Захарьича направлена на юго-запад, в тот район, где находятся земли князей, переходящих на русскую службу, — т. е. в тот район, который является непосредственным предметом конфликта с Литвой.

Формируется и третья оперативная группа:

«Того же лета послал князь великий воевод к Дорогобужю по полком:

В Большом полку — Юрьи Захарьич.

В Передовом — Иван Шадра Вельяминов, да князь Василий, да князь Володимер княж Борисовы дети Туренины.

---

[1] Там же. С. 47

[2] Там же. С. 22, 25, 39.

[3] Там же. С. 28.

В Правой руке — князь Федор Иванович Стригин, да княж Федора Борисовича воевода князь Иван Хованский Ушак.

В Левой руке — Петр Иванович Житов, да князь Борисов воевода Обляз Вельяминов».

Юрий Захарьич, как и его старший брат Яков, принадлежал к верхам боярской служилой элиты. С 1483 г. он был боярином, неоднократно бывал наместником, выполнял важные политические и административные поручения великого князя. Но сведений о его активной боевой деятельности нет, за исключением того, что в 1499 г. он должен был возглавить полк Правой руки в конной рати, посланной в Казань для защиты «от шибанских царевичей».[1] До боевых действий тогда дело не дошло.

Иван Васильевич Шадра Вельяминов — выходец из старомосковского боярского рода Протасьевичей, видный административный деятель. Он упоминается в источниках с начала 90-х гг., но сведений о его участии в походах до 1500 г. нет. Видимо, его назначение главой Передового полка в рати Юрия Захарьича — начало его воеводской карьеры (впоследствии не раз бывал воеводой Большого полка).[2]

Братья князья Борисовичи Туренины на командных должностях упоминаются впервые, из чего можно заключить об их молодости. Один из них («Володя») в 1495 г. был «за постелею» великого князя в новгородской поездке.[3]

Петр Иванович Житов — выходец из тверского боярского рода, перешедшего на службу к великому князю Московскому еще во времена самостоятельности Твери. В разрядах 1500 г. он упоминается впервые, но впоследствии стал крупным военным деятелем, участником многих походов.[4]

Следует обратить внимание, что полк волоцких князей не выступает как единое целое под их начальством — части этого полка под командой волоцких воевод размещены в разных оперативных группах и всюду подчинены воеводам великого князя.

Русские войска развертываются по трем разобщенным операционным направлениям.

---

[1] РК-98. С. 28.

[2] Зимин. С. 160.

[3] РК-98. С. 26.

[4] Зимин. С. 263–264.

Рать Андрея Федоровича Челяднина на правом фланге фронта охватывает Смоленский плацдарм с севера и прикрывает направление на Новгород. Расположение этих войск в Великих Луках глубоко вдается в пределы вражеской территории и создает угрозу выхода в тыл Смоленскому плацдарму.

Группа войск Якова Захарьича должна решить основную политическую задачу кампании — обеспечить возвращение России владений удельных князей юго-запада, перешедших на службу великому князю всея Руси.

Средняя группа Юрия Захарьича должна была, по-видимому, сковывать главные силы литовских войск, прикрывая направление Вязьма — Можайск и создавая угрозу Смоленску.

Кроме этих трех групп, развернутых на определенных заранее направлениях, в распоряжении великого князя сохранялся стратегический резерв.

На эти особенности развертывания русских войск обратил внимание наблюдательный и хорошо информированный иностранец — императорский посол барон Сигизмунд фон Герберштейн, побывавший в Москве в 1516 и 1527 гг. Имея обширные знакомства в разных слоях русского общества, он мог располагать достаточно надежными сведениями о еще недавней войне. Рассказывая о развертывании русских войск в начале кампании 1500 г., он отмечает, что Иван III составил три «отряда»: первый — на южном направлении, против «Северской области», второй — на западном, против Торопца и Белой, третий — «посередине, против Дорогобужа и Смоленска». «Кроме того, он сохранил часть войска в запасе, чтобы она могла скорее прийти на помощь тому отряду, против которого двинутся литовцы».[1]

О боевых действиях юго-западной группы рассказывает великокняжеская летопись.

«И Яков Захарьич пошел с Москвы Маия 3, в неделю, и пришел в Литовскую землю, городок Дебрянск взят, а воеводу и наместника дебрянскаго, пана Станислава Браташевича, поимал, и владыку дебрянского и послал к великому князю на Москву...

И оттоле Яков Захарьич пошел ко князем и привел их к крестному целованию на том, что им служити государю великому князю Ивану Васильевичю и с своими вотчинами. И оттоле пошед Яков с князьми,

[1] Герберштейн. С. 66.

город Путимль взят Августа 6, на Преображение Спасово, и князя Богдана Глинского и з женою поимал».[1]

Типографская летопись содержит самостоятельную редакцию известий — вместе с Яковом Захарьичем были посланы вассальный казанский хан Мохаммед-Эмин с русскими воеводами: князьями Федором и Иваном Палецкими. Они «многие грады и власти [волости] и села поплениша, и людей многих мечю и огню предаша, и иных в плен поведоша». Кроме Брянска и Путивля, были взяты Почеп, Радогощ, Любеч «и иные грады».[2] Опираясь на самостоятельный источник, Типографская летопись, не расходясь принципиально с официозной, расширяет ее сведения и подчеркивает, в отличие от нее, насильственный, враждебный местному населению характер действий русских воевод. Трудно сказать, насколько это справедливо. Возможность случаев насилия над местным населением исключить нельзя, однако слова Типографской летописи носят характер литературного штампа. Не в интересах воевод было уничтожать русское население, жившее на старинных землях, на которые претендовало Российское государство.

Ермолинская летопись сообщает о походе Якова Захарьича после рассказа о битве на Ведроше.

«Тогда же наперед, того же лета, посылал князь великий царя Магомет-Амина да Якова Захарьича и с ними иных воевод своих многих на Литовскую землю. Они же шедше, многия грады и волости и села поплениша и людей многих мечю и огневи предаша, а иные в плен ведоша. А се имена тем градом, тогда взяша: Брянск, Трубеск, Почап, Радогощ, Путивль, Любец, Чегереск, Пропореск, Попова Гора, Дролев, Мглин.

Да привели за великого князя князей Русских: князя Семена княж Иванова сына Андреевича Можайского, да князя Василья княж Иванова сына Дмитриевича Шемячича, и с их городы: за князем Семеном Стародуб, да Чернигов, да Гомий, а за князем Васильем город Северский, да Рыльск. И князь великий пожаловал и придал их к тем их городом: князю Семену Почап, да Мглин, да Дроков, да Попову Гору, а князю Василью — Путивль, да Радогощь, да Северскую землю.

А было с ними великого князя рати болши 60 тысящь голов князей и детей боярских опроче их служилых людей».[3]

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.
[2] Там же. Т. 24. С. 214.
[3] Там же. Т. 23. С. 196.

Составитель Ермолинской летописи имел какой-то самостоятельный источник. Он содержал наиболее полное в наших источниках перечисление взятых городов. Как и в Типографской летописи, рассказ о разорении присоединяемой земли вызывает сомнения. Большой недостоверностью страдает приводимая численность войск Якова Захарьича — она преувеличена, вероятно, в несколько раз. Тем не менее, общее впечатление о больших силах, двинутых на юго-западное направление, вполне правдоподобно — именно на этом направлении находилась политическая цель войны.

О действиях оперативной группы Якова Захарьича существует содержательное известие в Хронике Быховца: «Они пришли к Брянску так тихо, что брянскому воеводе... о том не было известно... и в ту ночь из-за измены брянцев город Брянск был сожжен. Москвичи же... вскоре поспешили к городу, и пана Станислава Барташевича [брянского воеводу] в одном селе захватили... и всю землю заняли, и жители Брянска все присягнули служить великому князю Московскому. Князь Иванович Можайский и князь Василий Иванович Шемячич, узнав о том, что москвичи взяли Брянск, приехали к Якову Захарьичу... и присягнули служить великому князю Московскому со всеми городами, с Черниговом, со Стародубом, с Гомелем, с Новгородом Северским, с Рыльском и со всеми волостями».[1] Из этого известия вытекает, во-первых, что движение войск Якова Захарьича осуществлялось скрытно и был достигнут эффект внезапности, во-вторых, что русское население (во всяком случае, бóльшая его часть) охотно переходило под власть русского государя. Тут-то и состоялось фактическое присоединение северских князей с их землями — до этого они, по русским летописным данным, били челом в службу Ивану III, следствием чего и была отправка войск Якова Захарьича.

Выступив в поход в начале мая, войска Якова Захарьича, по-видимому, быстро овладели Брянском (ок. 300 верст от Москвы). Но Путивль (ок. 250 верст от Брянска) они заняли только 6 августа. Движение от Брянска на юг шло медленно, причины чего следует искать не столько в возможном сопротивлении литовских войск, оборонявших отдельные города, сколько в общей ситуации на фронте.

Во всяком случае, действия войск Якова Захарьича были вполне успешными — основная политическая задача кампании была решена.

---

[1] Хроника Быховца. С. 111.

О действиях Северной группы есть краткое известие Вологодско-Пермской летописи: «Воеводы великого князя Ивана Васильевича град литовский Торопец взяша».[1] В Разрядной книге Пространной редакции это событие отнесено к 9 августа.[2]

Гораздо подробнее о действиях этой группы сообщает Ермолинская летопись. Перечислив войска, отправленные на это направление (и упомянув, как мы видели выше, псковичей), она далее пишет: «Они же, шед, град Торопец взяша и многия волости и села около Полотска и Витебска попленища и огнем пожгоша, а людей многих мечеви предаша, иных же в плен ведоша».[3] Если верить этому сообщению, взятие Торопца сопровождалось глубоким рейдом в земли великого князя Александра Литовского (что, однако, не подтверждается литовским источником — Хроникой Быховца).

Об участии псковской рати в этих событиях сообщают псковские летописи: «Приехал князь Псковский Александр Володимерович и посадники псковские и псковичи, а были на государьской службе в Литовской земли, и Торопец городок взяли. А приехали на Покров Святой Богородицы вси здоровы, а были там 11 недель».[4] Значит, поход псковичей начался в середине июля.

О действиях средней группы великокняжеская летопись сообщает лапидарно: «Тое же весны послал князь великий воеводу и боярина своего Юрия Захарьича со многими же людьми к Дорогобужу, и Юрии, шед, Дорогобуж взят».[5]

Наступление Юрия Захарьича вызвало тревогу у литовцев. «Слышав же то, князь великий Александр Литовский, собрав силу многу, и посла на Юрия Захарьича воевод своих многих, панов и гетманов со многими людьми, и воевода большой был князь Константин Острожской».

Наступление Юрия Захарьича, создавшее непосредственную угрозу Смоленску (Дорогобуж от него примерно в 80 верстах, 2–3 переходах), заставило Александра Литовского выдвинуть на это направление свои главные силы. Это было серьезным успехом для русских:

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 294.

[2] РК-05. С. 57

[3] ПСРЛ. Т. 23. С. 196–197

[4] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 84.

[5] Там же. Т. 28. С. 334. То же известие в Новгородской IV летописи по списку Дубровского (Там же. Т. 43. С. 212).

наступление на Смоленском направлении обеспечивало действия южной группы на наиболее важном в политическом отношении направлении на Брянск — Путивль.

Далее в официальной летописи следует известие об ответных мерах русского командования: «И князь великий Иван Васильевич всея Руси послал к Юрию на помощь воеводу и боярина своего князя Данила Васильевича Щеня с тверскою силою».[1] Русское командование реагировало на движение литовских войск вводом в действие своего резерва.

Типографская летопись, рассказав о взятии Дорогобужа, не упоминает ни о действиях Александра Литовского, ни об ответных мерах Ивана III.

Устюжская летопись по списку Мацеевича содержит самостоятельное известие. Ничего не рассказав о начале кампании, она сообщает о действиях литовцев: «Князь великий литовский Александр послал к Вязьме воеводу князя Константина Острожского... И слыша то, князь великий Иван Васильевич посла противу воеводу своего князя Данила Васильевича...». Архангелогородский летописец, приводя тот же текст, делает важное добавление: «...да с ним Двор свой великого князя».[2]

Известия летописей Дубровского и Типографской восходят к рассказу официозной летописи и являются, по-видимому, его сокращением — они не содержат никаких новых элементов.

Устюжские летописи такие элементы содержат. Это, во-первых, известие о движении литовцев к Вязьме, во-вторых (в Архангелогородском летописце) — известие о Дворе великого князя. Устюжская летопись пользовалась, видимо, самостоятельным источником, не отразившимся в официозной летописи.

Разрядные записи, ничего не говоря о действиях литовцев, отмечают выступление войск резервной группы. «Того же лета послал князь великий в Литовскую землю князя Семена Ивановича Стародубского, да князя Василья Ивановича Шемячича. Да с ними воевод своих: князя Данила Васильевича Щеня с товарищи».[3]

По данным Хроники Быховца, Александр Литовский, услышав об измене северских князей, «послал к Смоленску гетмана своего Кон-

[1] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 84.

[2] Там же. Т. 37 С. 99.

[3] РК-05. С. 60. РК-98 приводит ошибочно имя Якова Захарьича (РК-98. С. 30).

стантина Ивановича Острожского и маршала своего дворного... пана Григория Станиславовича Остиковича, и подчашного своего... пана Николая Николаевича, и маршала пана Яна Петровича, и маршала... пана Литовара Хрептовича, и иных многих князей, и панов, и дворян, и бояр своих...». Сам же «со всеми людьми великого княжества Литовского пошел к городу Минску, а оттуда к Борисову и в Борисове простоял немало времени».[1] Согласно этому известию, главные силы литовских войск во главе с самим гетманом и другими высшими военачальниками были выдвинуты к Смоленску, а в непосредственном подчинении Александра Литовского оставались только войска сравнительно второстепенного значения, хотя и названные «всеми людьми».

Прибыв в Смоленск, гетман узнал, что воевода Юрий Захарьич «стоит на Ведроши с очень небольшим числом людей». Присоединив к себе воеводу смоленского, «со всеми смольнянами, вооружившись и изготовившись», гетман пошел к Дорогобужу, но не прямым путем, а через Ельню, т. е. сильно уклонившись к югу. По сведениям литовцев, войска Юрия Захарьича стояли на Ведроше, южнее Дорогобужа. Сюда и двинулся князь Острожский. Согласно Хронике Быховца, он сделал остановку в Ельне (75 км на юго-восток от Смоленска и 40 км на юг от Дорогобужа). Здесь он получил известия от «языка», что на помощь Юрию Захарьичу «третьего же дня» подошли другие большие воеводы. К. Острожский, однако, не поверил этой информации, приказал «языка повесить» и двинулся к Ведроше (в северном направлении) для атаки русских войск.

Литовские известия о движении войск князя Острожского в общем не противоречат русским данным, но дополняют и уточняют их. Расчет Острожского был основан, видимо, на превосходстве в силах над войсками Юрия Захарьича — он стремился нанести им поражение, пока они не получили подкрепления. Движение к Дорогобужу в общем соответствует известию Устюжской летописи, что Острожский хотел выйти к Вязьме, т. е. вторгнуться в русские пределы на наиболее чувствительном направлении Вязьма (60 верст от Дорогобужа) — Можайск (120 верст от Вязьмы) — Москва. Фланговая позиция на Ведроше, занятая войсками Юрия Захарьича, заставила гетмана изменить направление и склониться вправо (к югу) от кратчайшего пути к Дорогобужу и Вязьме. О резервной группе русских войск литовцы, по-

[1] Хроника Быховца. С. 111.

видимому, не только не знали, но и не верили в возможность ее существования — именно этим объясняется самонадеянное решение гетмана атаковать русских на Ведроше.

Гетман двинулся к дер. Ведроше от Лопатина, пройдя две мили (15 русских верст) лесом. По словам Хроники, «была грязь страшная, и с большими трудностями и с нуждой едва прошли лес».[1]

В русских географических источниках XVIII в. село Ведроши (отождествляемое с Алексином) называется центром погоста того же имени, расположенного между речками Сельней, Росной, Полною и безымянным ручьем (который, возможно, в XV в. носил имя Ведроши).[2]

О ходе сражения на Ведроше русская официозная летопись не рассказывает, приводя только краткое итоговое сообщение: «...снидошася воеводы великого князя Ивана Васильевича с литовскими воеводами на Миткове поле на речке на Ведроше... месяца июля в 14, во вторник, на память святого апостола Акилы, и бысть промеж ими бои велик и сеча зла, и милостию Божиею и Пречистые Его Матери и одолеша воеводы великого князя Ивана Васильевича всея Руси литовских воевод, многих побиша... а иных многих живых поимаша воевод, панов и гетманов, и панских детей: князя Константина Острожского и пана Григория Остоковича, Ивана Литовара маршалка, иных многих, и послаша их к великому князю на Москву».[3] Вологодско-Пермская летопись (ВП) приводит то же известие с некоторыми разночтениями. Так, Иван III назван в первом случае «государем всеа Русии», во втором — «великим государем». Наиболее важное отличие: «А убиеных Литвы и Ляхов болши тритцати тысяч».[4] Официозный рассказ дополнен в ВП каким-то уникальным источником.

Типографская летопись говорит, что «бысть... бой велик с Литвою на реце на Ведроше близ Елны». В числе пленных она называет, кроме перечисленных в официозной летописи, также «пана Николаевых детей воеводы Виленского, да Друцких князей, и Мосальских князей, да Николая, Юрьева сына Зиновьевича».[5] Типографская летопись

[1] Там же. С. 112.

[2] Наиболее подробное описание местности см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 160–164.

[3] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.

[4] Там же. Т. 26. С. 293–294.

[5] Там же. Т. 24. С. 214.

также близка к официозному источнику и также дополняет его собственными сведениями.

Ермолинская летопись приводит свое известие: «В лето 7008 бысть бой с Литвою великого князя Ивана Васильевича воеводам князю Данилу Васильевичю Щеняти да Юрью Захарьичю да князю Петру Васильевичю Оболенскому да князю Михаилу Федоровичю Микулинскому, князю Иосифу Дорогобужскому, князю Федору Васильевичю Телепню Оболенскому, и иным многим воеводам, а с ними были князи, и бояре, и дети боярские из Московские земли и из Тферскии, с великого князя Литовскии Александра воеводами, с князем Константином Ивановичем с Острожским, да с Григорием Евстикувичем да с Юрьем Зиновьевичем, да с Лютором и иными многими воеводами, и великого князя двор из Вильны и из Подолии и из Волынские земли, а из Смоленска воеводы Ян Станислав, а с ним многиа воеводы и вси Смольняне, лучшие люди, на реце на Полме. И Господь Бог поможе великого князя Ивана Васильевича воинству: Литовское воинство побиша, а иных больших воевод живых поимаша и к великому князю приведши с многими их князми и детми боярскими и лучшими людьми, а множество их избиша».[1]

Особенность известия Ермолинской летописи — подробное перечисление воевод. Отмечается участие сил из Тверской земли, а с другой стороны — из ряда литовских земель. Как и имена воевод, это представляет несомненный интерес. Но о ходе самого сражения Ермолинская летопись не говорит ни слова.

Единственное в русских источниках описание сражения 14 июля содержится в Устюжской летописи.

Противоборствующие силы «сошлись о реце о Тросне, и стояше многи дни». Это стояние отчасти отмечено и у Быховца — по литовским данным, Юрий Захарьич стоял на Ведроше. «В самом бою и обои полцы бишась до шти часов, емлюще за руки. И по удолиям кровь течаше, аки вода, и трупу конь не скочит. И поможе Бог великому князю Ивану Васильевичу и всей силе московской, а Литва побеже, и мало утече за Тросну реку, занеже великого князя сила пешая изошла, да мост посекли, и много в реце истопе». В Архангелогородском летописце это известие уточняется: после многих дней стояния «Лит-

[1] ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

ва перелезла по мосту за Тросну». Тогда-то и произошло сражение, а «великаго князя сила пешая дошли да мост посекли на Тросне».[1]

Согласно Хронике Быховца, «как только литовцы вышли из леса, они встретились с москвичами, и начался ожесточенный бой. Но москвичи вскоре повернули обратно и перебежали речку Ведрошь, к своему Большому полку, и там, построившись, стояли. Литва же, пройдя быстро к реке, в спешке перешла ее, пошла за реку и стала крепко биться... но увидев, что москвичей много, а их мало... побежали. Москвичи же погнались за ними, многих побили, а других живыми забрали. Тогда был взят в плен гетман князь Константин Иванович Острожский, пан Григорий Станиславович Остикович, пан Литовар Хрептович, пан Николай Юрьевич Глебович, пан Николай Зеновьевич и иные многие паны, Ян же Петрович погиб безвестно...».[2]

Третье описание сражения 14 июля принадлежит Герберштейну: «...когда оба войска подошли к некоей реке Ведроши, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных о численности врагов... и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». Обе стороны стали искать переправы или брода. Несколько «московитов» переправилось на противоположный берег, вызывая литовцев на бой. Литовцы прогоняют их за речку. Вслед за тем начинается сражение, во время которого «помещенное в засаде войско, о существовании которого знали лишь немногие из русских, ударило с фланга в середину врагов. Пораженные страхом, литовцы разбегаются, их предводитель с большей частью свиты попадает в плен, прочие же в страхе оставляют лагерь».[3]

Рассказ Герберштейна отразил влияние литовского источника (показания пленных, вселившие «крепкую надежду» на победу, описание первого этапа боя). Известными нам русскими источниками Герберштейн, по-видимому, не пользовался. Ему остался неизвестным факт, записанный в Устюжской летописи, о разрушении русской пехотой моста в тылу литовцев.

Оригинальным в рассказе Герберштейна является известие об ударе во фланг литовцев русского засадного полка, скрытно сосредо-

[1] Там же. Т. 37 С. 51, 99.
[2] Хроника Быховца. С. 113.
[3] Герберштейн. С. 66–67.

точенного и решившего исход сражения. Не отмеченное ни в русских, ни в литовских источниках, это известие само по себе достаточно правдоподобно — оно отражает излюбленную в русском войске тактику, примененную в Куликовской битве.

Место сражения в источниках названо по-разному. Русская официозная летопись, Хроника Быховца и рассказ Герберштейна говорят о р. Ведроше, Разрядная книга Краткой редакции — о Ветрошке. Но наиболее подробная Устюжская летопись говорит о р. Тростне, а Разрядная книга Пространной редакции в одном из вариантов сообщает, что «был... бой с литовскими людьми на реке на Полме... и Литву побили, и воевод литовских поимали».

Сражение, по-видимому, произошло на территории Ведрошского погоста между реками Ведрошей (Ведрошкой) — на западе, Полмой и Росной (Тросной) — на востоке. Отдельные эпизоды сражения могли происходить на каждой из этих рек, но решающее событие имело место на Ведроше (может быть, там шла последняя фаза боя), и именно этот топоним сохранился в большинстве источников.

Все три описания сражения 14 июля в целом независимы друг от друга и в основных чертах не противоречивы. Наибольшее сомнение вызывает численность войск, приведенная в Хронике Быховца. Едва ли сам гетман, посланный королем для нанесения решающего удара по русским войскам, имел под своим началом только 3500 всадников. Нельзя поверить и в 40-тысячную конную массу, сосредоточенную русскими в лесу на Ведроше. Такого количества «хорошо вооруженных конных» нельзя было развернуть не только в глухих лесах Смоленщины, но и на всех операционных направлениях вместе. Исходя из норм середины XVI в., едва ли существенно изменившихся за предыдущие 50 лет, для обеспечения этой массы всадников требовалось бы 4 млн четвертей пашни, или примерно 400 тыс. полноценных крестьянских хозяйств (с населением в 2–4 млн человек). Таким количеством тяглого населения Россия в 1500 г. не могла располагать. Надо думать, что численность русской конницы в сражении на Ведроше преувеличена в Хронике Быховца в несколько раз — так же, как в несколько раз уменьшена численность войск гетмана. Этому удивляться не следует. В Средние века, да и позднее, при описаниях военных действий зачастую допускались умышленные и неумышленные искажения численности войск (как и потерь): для противника — в сторону преувеличения, для своих — в сторону преуменьшения. Та-

ким несомненным преувеличением представляется цифра потерь литовцев, оцененная в ВП в 30 тыс. человек.

Все три описания, расходясь в деталях, единодушно свидетельствуют, что между главными силами русских и литовцев произошло решительное сражение, закончившееся полным, катастрофическим разгромом войск великого князя Александра и, соответственно, блистательной победой войск государя всея Руси — самой большой победой на поле сражения после Куликовской битвы. Такое сокрушительное поражение неприятельского войска, закончившееся пленением его главнокомандующего со всей свитой, едва ли могло быть достигнуто только простым фронтальным ударом, который бы мог заставить противника бежать с поля сражения. И рассказ Устюжской летописи, и рассказ Герберштейна рисуют правдоподобную картину окружения неприятельских войск или, по крайней мере, их основной части, во главе с гетманом. Это свидетельствует о высоком уровне тактического искусства русских воевод.

Кто же были эти воеводы в день 14 июля? По разрядным книгам, «воеводы были по полком по росписи».

«В Большом полку — князь Семен Иванович Стародубский... да князь Василий Иванович Шемячич, да великого князя воевода князь Данило Васильевич Щеня.

В Передовом полку — князь Михаило Федорович Телятевский, да князь Петр Васильевич Оболенский, да князь Володимер княж Борисов сын Туренин.

В Правой руке — князь Осиф Ондреевич Дорогобужский, да князь Федор Васильевич Оболенский, да князь Иван Михайлович Воротынский с Татары.

В Левой руке — князь Володимер Ондреевич Микулинский, да Дмитрий Киндырев, да Петр Житов.

В Сторожевом полку — Юрьи Захарьич, да Иван Шадра».

Эта новая «роспись» вступила в силу за несколько дней до сражения, после соединения войск средней и резервной групп. По новой росписи Юрий Захарьич, возглавлявший до этого среднюю группу в качестве воеводы Большого полка, был переведен на должность первого воеводы Сторожевого полка. Воевода, только что взявший Дорогобуж, обратился к великому князю с письменным протестом: «В Сторожевом полку ему быти не мочно... то мне стеречи князя Данила». Великий князь ответил строптивому воеводе через своего посланца князя Кон-

стантина Ушатого: «Гораздо ли ты так чинишь?.. Ино тебе стеречи не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в Большом полку, таковы чинят и в Сторожевом полку. Ино не сором тебе быть в Сторожевом полку».[1]

В этой «речи было писано» «князю Данилу Васильевичю, Юрью Захарьичю, князю Федору Васильевичю Телепню, Ивану Шадре А иные воеводы еще не сошлися».[2]

Этот обмен посланиями представляет большой интерес для характеристики верховного командования русскими войсками. Стратегический резерв (по разрядам и летописи — тверские полки вместе с отрядами служилых князей) выдвигается на помощь средней группе по известиям о движении главных сил противника. Роспись по полкам составляется в Ставке, по непосредственному указанию великого князя. В ожидании большого сражения производится перемещение воевод — на наиболее ответственный пост воеводы Большого полка, т. е. командующего войсками на поле боя, назначается самый надежный и авторитетный. Именно он, а не титулярные служилые князья, вчерашние подданные Александра Литовского, несет ответственность за руководство войсками в сражении. Попытка протеста прежнего воеводы Большого полка против своего перемещения на второстепенный (хотя и важный) пост безоговорочно пресекается. Не личные счеты по старшинству, а интересы дела государева, т. е. Российского государства, определяют назначение и функции воевод. Великий князь, находясь в своей Ставке, внимательно следит за ходом операций, принимает соответствующие решения и конкретно руководит назначениями воевод, поддерживая с ними связь через своих посланцев.

Известие об обмене посланиями между Иваном III и воеводой Юрием Захарьичем позволяет определить время соединения русских войск под командой князя Щени. Судя по тому, что известие о победе пришло в Москву 17 июля, 300 верст от Ведроши до Москвы гонец мог покрыть за 3 дня. Юрий Захарьич обратился к великому князю, очевидно, после соединения войск, и успел получить ответ еще до сражения, следовательно, соединение сил началось не позже, чем за 6–7 дней до сражения, т. е. 6–7 июля. К этому времени к району будущего сражения успела подойти только часть войск. Судя по адресатам великого

[1] РК-98. С. 30.

[2] Там же. С. 30–31.

князя, еще не было полков Правой и Левой руки. В течение нескольких следующих дней («многих дней», по оценке Устюжской летописи) русские войска постепенно подтягивались и поджидали гетмана в приготовленной ему западне.

Герберштейн пишет, что после своего разгрома на Ведроше литовцы сдали русским Дорогобуж, Торопец и Белую.[1] Это не точно — известно, что, во всяком случае, Дорогобуж был взят до сражения. Но вполне вероятно, что разгром на Ведроше вызвал общий отход литовских войск и на северном направлении, и очищение ими крепостей. Именно тогда Торопец и Белая могли попасть в руки русских войск. О взятии Торопца сообщает Разрядная книга Пространной редакции, относя это событие к 9 августа, и ВП (без даты, но сразу после рассказа о сражении на Ведроше). О взятии Белой русские источники не говорят, но факт этот вполне возможен — выдвинутая далеко на восток, эта крепость не могла долго обороняться при общем поражении литовских войск.

По словам Хроники Быховца, Александр Литовский со своими войсками перешел от Борисова к р. Бобр (30–40 км от Борисова), где и получил известие, что «передовое его войско разбито на Ведроше, после чего пошел со всеми своими людьми и стал в Обольцах, где находился немалое время». Здесь он принял посла Ивана III (об этом посольстве в русских источниках нет известий), а затем «со всеми своими людьми пошел к Полоцку, и в Полоцке простоял почти всю осень, и, укрепив города Полоцк, Витебск и Смоленск и оставив там гарнизоны, возвратился в Литву».[2] Таким образом, поражение на Ведроше заставило Александра Литовского отказаться от активной борьбы.

«А как воеводы побили на Ведроше литовских людей и писали к великому князю, чтоб к ним людей прибавил, и послал к ним князь великий воевод князя Семена Рамановича да Дмитрия Васильевича Шеина. А с речью послал ко князю Даниилу Васильевичю Петра Плещеева. А писано в речи: чтоб князь Семен Раманович был в Большом полку со князем Даниилом. А Дмитрий Васильевич Шеин в Передовом полку на князь Петрово место Нагова со князем Михайлом Телятевским. А в речи писан князь Семен Раманович да Дмитрий Васильевич Шеин.

---

[1] Герберштейн. С. 67

[2] Хроника Быховца. С. 113.

Да в речи же писано: князь Данило Васильевич, князь Осиф Дорогобужский, князь Володимер Микулинский, князь Михайло Телятевский, Дмитрий Киндырев, Петр Житов».[1]

Победа, видимо, досталась недешево. Потребовались подкрепления, замена одного из воевод — вероятно, вышедшего из строя по ранению (о гибели его в бою известий нет).

В «речи» великого князя установлена иерархия воевод, отвечающая, вероятно, оценке их боевых заслуг великим князем.

По словам Герберштейна, «одним сражением и за один год московит достиг того, что великий князь литовский Витольд добивался в течение многих лет и с превеликими усилиями».[2] Эту оценку значения сражения на Ведроше нельзя назвать преувеличенной. Победа на Ведроше — успех стратегического масштаба, определивший исход всей кампании 1500 г.[3]

Говоря об этой кампании в целом, следует, прежде всего, отметить характерные черты стратегического руководства русскими войсками. Создание самостоятельных групп на трех операционных направлениях отвечало идее наступления на широком фронте, но таило в себе опасность раздробления сил, однако эта опасность была преодолена благодаря эффективной работе Ставки по координации действий оперативных групп.

Расстояние от Москвы, где, по всей вероятности, находилась Ставка, до театра войны — 300–500 км, т. е. 3–5 дней пути для гонца. Реакция Ставки на положение дел могла почувствоваться на фронте не раньше, чем через 6–10 дней после отправки гонца с донесением. Этим обусловливалась необходимость предоставления воеводам Больших полков на каждом направлении достаточной самостоятельности и инициативы — в рамках директив, отдаваемых Ставкой. По-видимому, именно эти директивы были основной формой стратегического руководства войсками со стороны верховного командования. В этих условиях расположение Ставки именно в Москве, геометрическом центре

---

[1] РК-98. С. 31.

[2] Герберштейн. С. 67

[3] Поэтому никак нельзя присоединиться к мнению старого военного историка, генерал-лейтенанта князя Н. С. Голицына, что «победа [на Ведроше] не имела никаких важных последствий» (см.: *Голицын Н. С.* Русская военная история. Ч. II. СПб., 1878. С. 88–89).

стратегического пространства войны, было наиболее целесообразным — она находилась примерно на равном расстоянии от фланговых группировок.

Главной политической целью было присоединение Северской земли, куда были направлены войска с самого начала кампании.

Если войска Якова Захарьича могли быть названы ударной группой, то войска Юрия Захарьича на Смоленском направлении и Андрея Челяднина на северном являются сковывающими группами, обеспечивающими действия ударной.

Наибольший интерес представляет создание резервной группы — главного средства в руках Ставки. Получая своевременно сведения как о действиях своих войск, так и войск противника, Ставка имела возможность оперативно реагировать на обстановку. Важнейшим решением Ставки было выдвижение резервной группы на Смоленское направление против наступающих сил литовцев. Это сорвало планы гетмана разбить войска Юрия Захарьича и привело к генеральному сражению с полным разгромом противника, чем было обеспечено решение главной задачи кампании — занятия Северской земли. Яков Захарьич мог теперь не опасаться за свой тыл, и через 3 недели после сражения южная группа войск заняла Путивль. По словам великокняжеской летописи, «шед Яков с князьми, город Путимль взят августа 6, на Преображение Спасово, и князя Богдана Глинского и з женою поимал».[1]

По словам Хроники Быховца, «в ту же осень воевода великого князя Московского Яков Захаринич, и царевич Казанский Магнистели (Магмет-Амин. — *Ю. А.*), и князь Семен Иванович Можайский, и князь Василий Иванович Шемячич, придя, взяли город Путивль и наместника путивльского князя Богдана Федоровича с княгиней и со всеми путивльцами увели в плен, и всю землю Северскую забрали».[2]

Князья Шемячич и Можайский могли прибыть в войска Якова Захарьича только после сражения на Ведроше, в котором, согласно разрядной записи, оба эти князя принимали участие.

В грамоте союзнику — хану Менгли от 11 августа — великий князь перечислил взятые русскими войсками города: Брянск, Мценск, Сер-

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.

[2] Хроника Быховца. С. 113.

пейск, Дорогобуж, Опаков, Почеп, Радогощ, Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч, Рыльск, Новгород-Северский, Трубчевск, Мосальск.[1]

Деятельность русской Ставки по стратегическому руководству войсками в кампании 1500 г. необходимо признать образцовой и соответствующей всем требованиям рационального военного искусства. «Стратегия — это здравый смысл», — говорил Мольтке-старший. Русское верховное командование этим качеством обладало в полной мере, что ярко проявилось в кампаниях и 1471 г., и 1480 г., и в не меньшей степени в кампании 1500 г.

Однако известно, что плохая тактика может погубить самую хорошую стратегию. Тактическое руководство русских войск в сражении на Ведроше было в руках воеводы Большого полка, на котором лежала фактически вся ответственность за исход сражения главных сил и тем самым — за исход всей кампании. Описание сражения на Ведроше свидетельствует, что тактическое руководство по своим достоинствам и результатам не уступало руководству стратегическому. Оно отличалось инициативностью, изобретательностью и решительностью. На поле сражения князь Даниил Щеня применил маневр, приведший к окружению и полному разгрому противника. Заманив гетмана на правый берег реки, которая, таким образом, оказалась у него в тылу, Щеня сковал противника с фронта и нанес ему внезапный фланговый удар, разрушением моста в тылу противника поставив гетмана в безвыходное положение. Можно отметить фланговую позицию по отношению к движению противника, которую занял Юрий Захарьич, что заставило гетмана отклониться от прямого пути на Дорогобуж и двинуться в труднопроходимую лесисто-болотистую местность.

Сражение на Ведроше — один из самых ярких и поучительных образцов тактического искусства русского Средневековья, не уступающий по своему уровню Ледовому побоищу и Куликовской битве. Когда Михаил Андреевич Плещеев привез в столицу весть о победе, «бысть тогда радость велика на Москве»,[2] и для этой радости были все основания.

Сравнивая сражение на Ведроше с Куликовской битвой, Е. А. Разин видит дальнейшее развитие тех же тактических принципов. Если на Куликовом поле инициатива находилась в руках татар, прорвавших

---

[1] Сб. РИО. Т. 41. С. 318; Базилевич. С. 45.
[2] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.

боевой порядок русской рати, и атака засадного полка зависела от действий татар, то на Ведроше инициатива маневра была целиком в руках русских войск. «Если на Куликовом поле засадный полк нанес удар во фланг противнику, то на Ведроше сторожевой полк атаковал литовцев с тыла и разрушил мост — единственный путь отступления литовцев. Исход боя был решен комбинированным ударом с фронта и тыла».[1]

Верховное командование литовскими войсками в лице великого князя Александра с самого начала проявляло известную пассивность. Выдвинув крупные силы к Смоленску, великий князь Александр не осуществлял, по-видимому, оперативного руководства этими силами и не оказывал влияния на действия командующего группой гетмана князя Острожского. В распоряжении литовской ставки не было, видимо, оперативных резервов, которые могли бы быть двинуты на угрожаемые направления. Литовское верховное командование рассчитывало на победу одним ударом, на одном решающем направлении. Потерпев поражение в этом сражении, Александр Литовский полностью отказался от какой-либо инициативы, ограничившись организацией пассивной обороны основных крепостей. В целом стратегическое руководство со стороны Александра Литовского отличается непродуманностью, вялостью и пассивностью.

В тактическом плане руководство гетмана также нельзя назвать удачным. Он не вел разведки, не имел верных сведений о своем противнике; втянув свои войска в лесистое дефиле, он поставил их в трудное положение, утомив длительным маршем; в начале боя, отбросив Передовой полк русских, он дал себя заманить в ловушку, перейдя реку по единственному мосту, который, по-видимому, не охранялся литовцами. Он не сумел предвидеть возможность флангового удара русских, и, очевидно, не имел тактического резерва для парирования случайностей. Имея против себя выдающегося тактика в лице князя Даниила Щени, литовский гетман явно оказался не на высоте своего положения.

Как кампания Бонапарта в 1800 г. в Италии или Румянцева в 1770 г. в Молдавии, кампания 1500 г. была выиграна одним сражением и как нельзя более оправдывает афоризм Суворова: «Один час решает успех кампании».

Основной результат кампании 1500 г. — овладение стратегически и политически важным районом на юго-западном направлении. Пере-

[1] Разин. С. 321–322.

ход под власть великого князя юго-западных русских княжеств — реальный шаг к возвращению всех русских земель в единое «государство всея Руси». Переход князей на службу Москве не только усиливал ее военную мощь, но и мог быть прецедентом для других православных князей, остававшихся пока под властью католического государя. Разгром литовских войск на Ведроше обеспечивал прочное овладение стратегической инициативой на всем театре войны.

Стратегический и политический результат кампании 1500 г заставил Александра Литовского начать переговоры о мире (январь-февраль 1501 г.).

Кампания 1501 г.

Несмотря на блестящие результаты кампании 1500 г., общая политическая обстановка в начале 1501 г. усложнилась. Александру Литовскому удалось добиться фактической поддержки своих братьев Ягеллонов, которые заняли угрожающую позицию по отношению к России и пытались оказать на нее прямое давление.

Зимой 1501 г. в Москве шли переговоры с польским, литовским и венгерско-чешским послами. Иван III занял твердую позицию, не побоявшись угроз со стороны Ягеллонов. К положительным результатам переговоры не привели, но было достигнуто соглашение о кратковременном перемирии до прибытия «великих послов».[1]

Весной 1501 г. готовился новый поход.

По данным Разрядной книги, «лета 7009 Апреля князь великий Иван Васильевич всея Руси послал воевод в Литовскую землю.

В Большом полку — князь Данило Олександрович да со князем Данилой другой воевода, князь Михайло Карамыш Курбский.

В Передовом полку — князь Василий Шуйский Немой.

В Правой руке — Иван Борисович.

В Левой руке — Петр Борисович.

А из Новагорода велел итить наместнику князю Семену Рамановичю.

А во Тверь отпустил князь великий сына своего великого князя Василья.

А у великого князя Василья во Твери воеводы князь Данило Васильевич, князь Дмитрий Володимерович, князь Володимер Ондреевич

[1] Базилевич. С. 469.

Микулинской, Дмитрий Васильевич Шеин, Василий Борисович. Окольничие Григорий да Петр Федоровы дети Давыдовичи, Петр Михайлович Плещеев, Офанасей Сакмышев.

Да с великим же князем Васильем Семен Борисович Брюхо.

Дворецкий князь Василей Голенин».[1]

Можно предполагать, что группа войск князя Данила Александровича с участием новгородских служилых людей должна была двигаться на литовские земли с севера, а группа войск из Твери — с востока. В тверской группировке были сосредоточены, по-видимому, наиболее крупные силы, судя по присутствию великого князя Василия, по числу воевод и по участию князя Даниила Щени.[2]

К. В. Базилевич справедливо отмечает, что развертывание русских войск по апрельским разрядам носило выжидательный характер. В Москве считались с возможностью литовско-ливонского союза и вторжения противника в северную часть порубежной территории. В этих условиях немедленный поход под Смоленск был рискованным.

Сосредоточение главных сил в районе Твери давало возможность относительно быстро перебросить их как для защиты Новгородско-Псковской области, так и в направлении на Ржев — Великие Луки.[3]

В походе на Литву должны были принять участие и войска Менгли. В послании к хану великий князь сообщал о своей готовности послать весной в Литовскую землю воевод «со многими людьми», отпустить «на дело» своих детей и самому, «ожь дай Бог», отправиться в поход.[4]

Великий князь требовал, чтобы Менгли, в свою очередь, либо сам сел на коня, либо послал с ратью своих детей.[5]

Посол князь Федор Ромодановский был отправлен с этой грамотой 11 марта сразу после окончания переговоров с послами Ягеллонов. Однако в пути он подвергся нападению азовских и ордынских татар, был ограблен и захвачен в плен. Выкупленный из плена, он только около 19 июня смог сообщить Менгли содержание своей миссии.[6]

Узнав о пленении своего посла, великий князь 25 мая отправил хану новую грамоту. Он сообщал о начале похода своих воевод и о

---

[1] РК-98. С. 31.
[2] Базилевич. С. 474.
[3] Там же. С. 475.
[4] Там же. С. 471; Сб. РИО. Т. 41. С. 377
[5] Базилевич. С. 471.
[6] Сб. РИО. Т. 41. С. 377.

том, что «украинным людям» велено «со всех сторон воевати Литовскую землю». Он предлагал Менгли двинуться по направлению Киев — Слуцк — Туров — Пинск — Минск.

Исходя из этого, К. В. Базилевич обоснованно считает, что главной целью операций русских войск был Смоленск, а действия «украинных людей» из Чернигова, Стародуба и других городов Северской земли должны были носить характер сковывающего удара.[1]

Однако Менгли от предложения великого князя отказался. Он узнал о движении татар Большой Орды к Дону и направился сам на Дон, чтобы поставить там крепость на берегу реки. Таким образом, совместный поход русских и крымских войск весной 1501 г. не состоялся.

Наши источники (летописи и разряды) ничего не пишут о ходе и результатах апрельского похода русских войск — вероятно, эти результаты не были значительными.

Но в мае общее положение резко изменилось.

14 мая новгородские наместники князь Семен Романович и Иван Андреевич Кольчев Лобан получили директиву, присланную из Ставки с Ярцом Зайцевым.

«Каково будет дело от Литвы, ино б шел с Новагорода наместник князь Семен Романович, а быти ему с великого князя сыном с великим князем Васильем. А был бы князь Семен в Большом полку, а в полках бы были у него воеводы.

В Передовом полку — князь Иван Тулуп, да Михайло Ондреевич Колычов.

В Правой руке — князь Иван Буйнос княж Александров сын Хохолков, да князь Иван Гундос.

В Левой руке — Иван да Василей Григорьевы дети Морозова.

В Сторожевом полку назад воевода Игнатий Образец».

С тем же Ярцом была послана и другая инструкция: «В той же речи написано: "Каково будет дело от Немец, и иттить из Новагорода наместнику Ивану Лобану Андреевичю Колычову, а быть ему в Большом полку.

А в Передовом полку — воевода Темка Янов.

А в Правую руку, и в Левую руку, и в Сторожевой полк воевод разрядить наместникам.

Да Лобану же в речи написано: каково будет дело от Немец и пойдет он на великого князя дело, а, посмотря по делу, пригоже будет взя-

[1] Базилевич. С. 472.

тии с Орешка наместника князя Володимера Турского, а с Корелы наместника Ивана Пужбальского (?).

И Лобану их с собою взять, и велети им быть с собою в воеводах в полках, в котором полку пригоже.

А другой бы наместник, Юрий Сабуров, был в Кореле с кореляны и з земцы.

А будет с Корелы и из Орешка наместников непригоже взять, и Лобану тех наместников с собою не имать.

А в Новегороде со владыкою Генадьем быть Ондрею Ондреевичу Колычову, да дворетцкому ноугородцкому Ивану Волынскому, да дьяку Сумороку Вокщерину (?)».[1]

Директива от 14 мая, как и директива июля 1500 г., — это «речь», которая «писана» и передана с посланцем великого князя. Вероятно, первоначальная форма таких инструкций была устная — как и в посольском деле, она передавалась адресату слово в слово. Но теперь «речь» осталась только в названии — инструкции уже давно носят письменную форму.

Инструкция от 14 мая вносит существенное изменение в развертывание новгородских войск.

Если апрельские планы ориентировали новгородское ополчение на выступление против Литвы в составе рати князя Данилы Александровича, то теперь новгородское ополчение делится на две группы, одна из которых, соединившись с войсками из Твери, идет на Литву, а другая нацеливается на действия против ливонских немцев. Это — вторая группа во главе со вторым новгородским наместником, который наделялся большими полномочиями. В зависимости от обстановки, он мог мобилизовать гарнизоны Орешка и Корелы во главе с их наместниками, оставляя при этом в Кореле другого наместника с гарнизоном из служилых корелян и земцев, т. е. городового земского ополчения — очевидно, на случай нападения шведов. Новгородское наместничество представляло собой большой военный округ, который подразделялся на малые городовые округа во главе с их наместниками. Директива 14 мая отражает новую стратегическую ситуацию: начались нападения ливонских немцев, заключивших союз с Александром Литовским.[2]

---

[1] РК-98. С. 32.

[2] Базилевич. С. 473.

Совместный поход был назначен на 25 июля, но в связи со смертью короля Яна-Альбрехта (17 мая) и процедурой выборов нового короля (Александра Литовского) был отложен до 28 августа.[1]

Однако фактически враждебные действия начались раньше.

2 мая фогт Нарвы сообщил в Ревель, что совершил нападение на русские земли, но потерпел неудачу и понес большие потери. Он просил о скорейшей присылке подкреплений.[2] По-видимому, именно это нападение вызвало появление директивы русской Ставки 14 мая.

Летом в Дерпте была предпринята широкая враждебная акция против русских купцов из Пскова — было захвачено 25 учанов с товарами, а 150 купцов посажены в погреб.[3] Протесты псковских и новгородских властей успеха не имели. Псковичи обратились за помощью к «князем великим Ивану Васильевичю и Василию Ивановичю, и князи великие ялися отчину свою боронити от немец».

После повторного обращения псковичей «князи великие прислали воевод своих князя Василия Васильевича Шуйского и со князи и с помещики с новгородскими и людьми своими и со всею ратною приправою. И в другую неделю приехал князь Данилей Пенко и с товарищи и со всею силою своею и жили во Пскове три недели», с 1 по 22 августа, на Завеличье и на Полонище.[4]

Хозяйственные псковичи, как всегда, подсчитали свои расходы по содержанию великокняжеских войск: «Овса сто зобниц, и сена сто стогов, да тое протори, кое на колачи, кое на хлебы, 25 рублев на один день».[5]

Войска «в землю Немецкую не поидут без государева повеления». Псковичи посылали к великому князю еще двух гонцов, одного за другим, что «немцы жгут и грабят, и головы секут, и живых ведут в свою землю». Только после этого «великие князья велели воеводам своим князю Данилу Олександровичю и князю Василию Васильеви-

---

[1] Казакова. С. 221.

[2] Базилевич. С. 473.

[3] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 84–85.

[4] Хотя псковский летописец говорит о приходе не только новгородцев, но и тверичей, среди воевод нет наиболее авторитетных — князя Данилы Щени и Якова Захарьича. Это говорит о масштабах похода — главные силы в нем не участвовали.

[5] По расчетам К. В. Базилевича, исходя из того, что псковская зобница равна 14 пудам, а суточная дача овса — 10–12 фунтов, 100 зобниц могли прокормить 5000–5500 лошадей (Базилевич. С. 470, прим. 2).

чю воевати Немецкую землю со князем псковским и с посадники и со псковичи. А делали бы дело с пословицы, как вам Бог положит на сердца...».

Поход начался «...того же месяца [августа] в 22 поехали первый стяг с воеводами, в день недельный, и иные стяги на второй день; князь псковский Иван Иванович Суздальский с посадники и со псковичи, и воеводы великого князя, князь Да́нила Олександрович Щеня (Ошибка. На самом деле, Пенко. — *Ю. А.*) и с людьми своими, и князь Василий Васильевич Шуйский, наместник новгородский и с помещики, и с людьми своими, и тверские воеводы Иван да Петр, оба Борисовича, и с товарищы воевать Немецкой земле... А иная рать, добровольныя люди, во ушкуях и в лодьях не учиниша ничего же, а сами приехали все здорови».

Известие Псковской I летописи позволяет сделать ряд выводов.

Враждебные действия дерптских властей начались, видимо, примерно в одно время с нападением нарвского войска на Новгородскую землю. Тогда-то и появилась директива от 14 мая.

Великий князь (и его формальный соправитель-наследник) проявили крайнее нежелание вступать в конфликт с Ливонией.[1] Войска прибыли в Псков только после неоднократных просьб псковичей, однако длительное время стояли в бездействии. Великий князь, возможно, надеялся, что само присутствие его войск во Пскове окажет на немцев умиротворяющее влияние и заставит их прекратить враждебные действия, как было, например, в 1473 г., когда прибытие во Псков войск князя Холмского заставило немцев заключить «Данильев мир». И только когда эти надежды не оправдались, а враждебные действия немцев усилились, войска двинулись на Ливонию.

Нападение немцев вызвало перегруппировки русских войск.

Уже директива 14 мая отражает серьезные изменения по сравнению с апрельскими разрядами. В апрельских разрядах похода на Литву упомянуто 6 воевод в группе князя Данилы Александровича Пенка и 6 воевод — в тверской группе великого князя Василия.

В директиве 14 мая для похода на Литву названо 7 воевод, из которых только один, князь Семен Романович, упоминался в апрельских разрядах. По-видимому, создавалась новая группировка войск, уже не подчиненная князю Даниилу Пенко.

[1] Казакова. С. 222.

Той же директивой формируется группа войск для действий против немцев во главе со вторым новгородским наместником, наделенным большими полномочиями. Только его ближайший помощник, воевода Передового полка, назначен великим князем. Воеводе Большого полка было предоставлено право распоряжаться гарнизонами городов на свейском направлении.

В августе во Псков прибыли войска, предназначенные для действий против немцев. Летопись называет 5 воевод, из которых четверо упоминаются в апрельских разрядах похода на Литву, в том числе и воевода Большого полка.

Можно думать, что группировки, первоначально нацеленные на Литву, теперь были переориентированы на ливонское направление.

О боевых действиях на литовском фронте весной-летом, вплоть до сентября 1501 г., в наших источниках сведений нет. Можно сделать предположение, что крупных боевых действий на этом направлении весной-летом не было — возможно, в связи с нападением немцев и с отсутствием помощи от Менгли, занятого борьбой с Ахматовичами.

Согласно разрядным записям, 7 августа Менгли сообщил великому князю, что стоит против Ахматовичей «на другой стороне Тихие Сосны» при устье и у Дона, «а улусы Шихматовичи на сей стороне Волги, и князь великий бы послал на улусы рать свою. И князь великий посла на улусы царя Магмедемина, а с ним князя Василия Ноздреватого».

Было отдано распоряжение и великой княгине Рязанской послать воевод Сунбула Тутыхина и Микиту Инкина сына Измайлова, а князю Федору Рязанскому — послать воеводу Булгака Денисьева.[1]

На открывшемся южном направлении на помощь союзнику посылаются силы казанского вассала и рязанские воеводы, которыми великий князь распоряжается как своими. О помощи со стороны Менгли на литовском направлении в таких условиях речи быть не могло.

Центр тяжести военных действий временно перемещается на северо-западное направление. Войска, собранные в августе во Пскове, вступили в боевое соприкосновение с противником. Об этом событии есть краткие сведения в Псковской летописи. 27 августа «наехали силу немецкую князь псковский Иван Иванович Горбатый с воеводы великого князя, и с посадники, и с псковичи на Серицы за Изборском 10 верст. И начаша псковичи с Немцы биться на мал час, и ту падоша

[1] РК-98. С. 32.

Псковичей 20 человек, а Немец и чюди бес числа. И князь псковский и с посадники псковскими и воеводы великих князей и ступишася первая с Немцы. И напустиша буртальники немецкии ветр на псковскую силу и на московскую силу, и пыль ис пушек и ис пищалей.

И [не] бысть пособие Божие псковичам. И убиша на первом сступе Ивана Теншина посадника псковского, и побегоша первые псковичи.

И они, поганые, повернуша на московскую силу пушками и пищалями, и бысть туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального. И потом москвичи побегоша, и бежали меташа своя быте. И изборяне выскоча из Ызборска городка, как они бежали мимо городок, и грабиша то быто московское и псковское изборяне.

И бысть во Пскове плач и рыдание, а Немцы не гонилися.

А Немцы на завтрее под Избореск поидоша, и изборяне сами посад свой зажгоша. И начаша бити пушками городок Изборск, и городок Бог ублюде и святый Никола. И стояли под Изборском день да ночь, и поидоша к Великой реке в Колбежици, жгучи и634 тручи землю псковскую, к бродам по Завелицкой стороне.

А князь псковский и с посадники псковскими и со псковичи сполна коневая рать, а молодые люди два третьего крутили щитом да сулицею, и поидоша противу их по другу сторону Великой реки, а ту бишася с Немцы много на бродах.

И придоша Немцы к Острову городку».[1]

В Воскресенской летописи события на Серице отнесены к октябрю, что противоречит всем другим источникам. Воевод великого князя — князя Данила Александровича Пенка «и иных» — «встретиша Немцы многие люди безвестно на Сирице, и потопташа Немцы, не поспели воеводы великого князя воружетися. И на том бою убили воеводу великого князя Ивана Борисовича Бороздина, убиша ис пушки. И князь Данило отъиде и ста во Пскове».[2]

Несмотря на явно ошибочную дату, сообщение Шумиловского списка представляет определенный интерес. Она приписывает неудачу на Серице внезапности нападения немцев, называет имя погибшего воеводы и уточняет обстоятельства его гибели. Московские войска отошли ко Пскову и в дальнейших осенних боях против немцев не участвовали. В распоряжении составителя Воскресенской летописи

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 85–86.

[2] Там же. Т. 8. С. 241.

был какой-то официальный памятник, использованный им только частично и к тому же неумело (вставлен не на нужное место). Тем не менее, сведения этого источника не могут игнорироваться.

По данным немецких источников, магистр Вальтер фон Плеттенберг должен был 29 августа соединиться с литовскими войсками полоцкого наместника.[1] Битва на Серице произошла во время этого движения немцев. По данным немецкого источника («Schonne Hysthorie»), у магистра было 4 тыс. всадников, 2 тыс. пеших кнехтов и всего вместе с обозами, артиллерией и крестьянами до 80 тыс. человек.[2] По данным того же источника, численность русских войск составляла 30–40 тыс.[3]

К. В. Базилевич на основе подсчета расходов псковичей на содержание войска определяет его численность (25 руб. в день, считая по 1 деньге на человека), приведенного воеводами во Псков, в 5–6 тыс. человек.[4] Эту цифру можно принять, если считать только служилых людей, т. е. вооруженных всадников. В таком случае, оказывается, что русская конница примерно сопоставима с немецкой. Что касается пятизначных чисел, приводимых немецкими хронистами, то они вызывают большое сомнение — такого огромного войска не могли выставить в поле ни немцы, ни русские. Речь могла в данном случае идти только о невооруженных людях, сопровождавших войска (обоз и т. п.).

Русские войска были наголову разбиты. Исходя из рассказа Псковской летописи, причинами этого было, во-первых, широкое применение немцами артиллерии, неожиданное для русских, во-вторых, недостатки организации и управления русскими войсками. Они вступили в бой по частям, взаимодействие между псковичами и москвичами достигнуто не было.

Наш источник ничего не говорит о численном превосходстве противника, что обычно делается в случае неудачи. Можно думать, что если превосходство в численности у немцев и было, то оно не играло существенной роли и было просто не замечено русскими.

---

[1] Казакова. С. 222–223.

[2] Ту же цифру (80 тыс.) называет участник похода Дитрих Шлибен (Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch. Стб. II. Т. 2. Рига: Москва, 1905 (далее — LUB. 2, II).

[3] Казакова. С. 223.

[4] Базилевич. С. 478.

Едва ли можно считать правдоподобными сведения поздней Воскресенской летописи, что немцы убили лишь «немногих людей». Этому не соответствует картина бегущих с поля боя войск, бросающих по дороге свое имущество («быто»).

Масштаб и значение поражения наших войск в сражении на Серице не следует преуменьшать — «бысть во Пскове плач и рыдание». Однако в сражении на Серице, как справедливо отмечает К. В. Базилевич, не участвовали главные силы русских — они, судя по именам воевод, оставались на старом месте, в районе Твери.[1]

На следующий день после боя немцы оказались под стенами Изборска. Изборянам, которые грабили «быто» бегущих с поля боя воинов, пришлось сжечь свои посады и выдержать артиллерийский обстрел, который продолжался целые сутки («день и нощь»). Но противник двинулся дальше, к самому Пскову, создав прямую угрозу захвата бродов через Великую. Псковичам пришлось провести своего рода тотальную мобилизацию по очень жесткой норме и с трудом, «много бишася», отстоять броды.

Отбитые от бродов, немцы пошли по Псковской земле к югу. «Месяца сентября в 7 день» они «начаша бити пушками городок Остров, и огненные стрелы пущати... и пленища дом святый Николы и городок взяше и огнем выжгоша, иных мечю предаша, а иных огнем сожгоша, и жен, и детей в нощь в 8 день, на Рождество Святой Богородицы, и того дни прочь отъидоша».

Гибель Острова была предрешена разгромом на Серице. «Псковские воеводы и псковичи островитянам не помогаша ничем же, и стояли отъехав от городка три версты, как Немцы городок биша и огненные стрелы пущаще, а псковские воеводы и Псковичи только смотряше».

Эта позорная картина бездействия войск, пассивно смотревших на гибель русского города, пригорода Пскова, может объясняться только деморализацией псковичей после поражения на Серице. О московских и тверских войсках не говорится ничего — видимо, они были после разгрома на Серице выведены из Пскова.

После взятия и сожжения Острова магистр вернулся к Изборску «и ночеваше под Изборском, и на завтрее поидоша прочь и западоша» (т. е. устроили засаду). Глубина операции немцев не превосходила 60–70 км.

---

[1] Базилевич. С. 478.

Изборяне «пришедше на стан, где Немцы ночевали», — очевидно, для захвата брошенного немцами «быта». «И ударишася на них Немцы западные, и гнашася за ними до самые стены, и всех иссекоша, а иных руками яша 130 человек».

По данным немецких источников, Плеттенберг уже 14 сентября вернулся в Ливонию. По немецким данным, горожане и другие жители Ливонии не проявляли желания отправляться в новый поход.[1]

Целью похода магистра было, по его словам, совместное с литовскими войсками овладение Псковом.[2] В этом смысле поход Плеттенберга оказался бесплодным. Однако и русский план наступления на Ливонию из Пскова также потерпел неудачу.

События конца августа — начала сентября на псковско-изборско-островском направлении показали не только слабость организации командования соединенными московско-псковскими войсками, но и кризис военной организации Господина Пскова. Соединенных действий Пскова и его пригородов не было — каждый заботился только о собственной защите и не оказывал друг другу никакой помощи. Жители Изборска проявили низкие моральные качества, грабя отступавшее московско-псковское войско и поддавшись на подстроенную немцами ловушку, умело рассчитанную опять же на корыстолюбие жителей Изборска.

Показателем упадка старой военной организации может служить и бесплодный поход «добровольных людей» в ушкуях и лодьях.

Псковский летописец отмечает важный факт: «Немцы с Литвою совокупися, а быти им было вместе подо Псковом, а пан Черняк не поспел, под Опочкою услышал, что Немцы выжгли Остров, а Литва мало не взяла Опочки».

Соединение немецких и литовских войск не состоялось, но оперативное взаимодействие было фактически достигнуто. В сентябре Псковская земля переживала тяжелые времена под ударами двух сильных противников. Оперативная обстановка на северо-западном (псковско-ливонском) направлении складывалась для России неблагоприятно.

Русскому ВГК приходилось решать насущную задачу борьбы на двух независимых операционных направлениях — против Литвы и

[1] LUB. 2, II. N 181. S. 118.

[2] Казакова С. 224.

против Ордена. При этом общая обстановка на западном (литовском) направлении в целом была благоприятной и определялась крупными успехами предыдущей кампании.

На северо-западном (ливонском) направлении, напротив, обстановка для русских войск была невыгодной и определялась крупными неудачами, в результате которых противник захватил инициативу.

В этих условиях русская Ставка приняла решение использовать благоприятную ситуацию на литовском фронте и нанести удар в обход смоленского плацдарма с юга. В случае успеха эта операция создавала угрозу Смоленску и заставляла противника оттянуть свои силы на юг, затрудняя взаимодействие литовских и орденских войск.

Согласно разрядным записям, «сентября в 24 день посла князь великий в Стародуб ко князю Семену и ко князю Василию Шемячичю воевод своих князя Олександра Владимировича Ростовского и иных своих воевод, и велел им со людьми быть по полком. И князи ходили ко Мстиславлю, и князя Михаила Ижеславского и королевских воевод побили, а Федня Скрыпова изымали и посады пожгли, а князь Михаил Ижеславский, да Якуш Костевич да Остафей Дашков утекли в город.

А были тогда по полком:

В Большом полку со князем Семеоном Стародубским и со князем Василием Шемячичем были великого князя воеводы князь Олександр Володимирович Ростовский да Семен Иванович Воронцов.

В Передовом полку — князь Петр Семенович Ряполовский-Лобан да князь Иван Михайлович Воротынский.

В Правой [руке] — Григорий Федорович.

В Левой [руке] — Иван Васильевич Жук.

В Сторожевом — князь Василий Васильевич Ромодановский».

Получив донесение о победе под Мстиславлем, «князь великий послал ко князем и к своим воеводам Ивана Микулина сына Ярого». Победа под Мстиславлем заслужила высокую оценку со стороны великого князя: «Ино то милосердный Бог своим милосердием, так и помиловал, и вашею службою, и мы о том Богу хвалу воздаем, а вас, оже дай Бог, за вашу службу жаловати хотим». Одновременно «велел князь великий князю Олександру и иным воеводам ехати к себе. А у князей велел остатися в Стародубе князю Ивану Воротынскому да князю Лобану Ряполовскому, написал Воротынского наперед, а Ряполовского после его. А вдругоряд написал к воеводам в речи у Ивана

же у Ярого потому же: князь Иван Воротынский, да Лобан князь Петр Ряполовский».[1]

В походе на Мстиславль разрядная запись перечисляет имена семи воевод по пяти полкам. Само количество воевод и наличие вторых воевод в Большом и Передовом полках может свидетельствовать о крупных силах, посланных в поход, и о значении похода на Мстиславль.

Формально воеводы великого князя посланы «ко князьям», только что перешедшим на русскую службу и сохранившим внешние признаки своего княжеского суверенитета. Фактически, по всей вероятности, все управление войсками находилось в руках великокняжеских воевод. Из семи воевод шестеро — из старых великокняжеских служилых людей, в том числе трое из удельных князей. Один воевода, князь Иван Михайлович Воротынский, еще совсем недавно служил великому князю Литовскому. На новой службе он занимает видное положение. Хотя в походе на Мстиславль он — второй воевода Передового полка, позади князя Петра Лобана Ряполовского, в «речи» великого князя он стоит на первом месте — выше своего недавнего начальника.

После победы пятеро воевод из семи отзываются в распоряжение великого князя, и в Стародубе остаются только двое.

Великокняжеская летопись, рассказывая об этом походе, называет князя Александра Владимировича Ростовского, Семена Воронцова и Григория Федорова сына Давыдовича, т. е. имена обоих воевод Большого полка и воеводы полка Правой руки.[2]

«И приидоша воеводы ко городу Мстиславлю ноября 4 в четверг. И встрете их из града князь Михайло Ижеславович и зять князя Юрьев Лугвеневича да великого князя Олександра Литовского воеводы Остафей Дашкович з двором великого князя [и] заставою, и з жольныри... и Божиею милостию одолеша полци великого князи Ивана Васильевича... Князи же и воеводы великого князя, постояв у города, землю учинише пусту и возвратишася к Москве с великим пленом».[3]

Известие великокняжеской летописи позволяет внести уточнения в сообщение разрядной записи. Уточняется имя одного из воевод,

[1] РК-98. С. 32–33.

[2] ПСРЛ. Т. 28. С. 335.

[3] По данным Воскресенской летописи, потери противника достигали 7 тыс. человек (Там же. Т. 8. С. 240–241).

главное же — называется точная дата выхода к Мстиславлю и боя с литовцами. От решения об отправке войск до выхода к Мстиславлю прошло полтора месяца. Столь долгий срок можно объяснить осенней распутицей, влиявшей на темп сбора и перегруппировки войск. Операция, во всяком случае, прошла успешно — литовцы были разбиты, хотя сам город остался в их руках. Следует отметить, что здесь впервые упоминаются в составе литовских войск «жолныри». Хроника Быховца рассказывает о походе русских войск (Семена Можайского) к Мстиславлю, где «сидело в осаде много литовских людей». Князь же Михаил Мстиславский узнал, что князь Семен Можайский идет с москвичами к Мстиславлю. «И, окружив город Мстиславль, стояли немало времени, и причинив немало зла около города, ушли обратно».[1]

Литовское известие в целом не противоречит русским. Нет только рассказа о бое под Мстиславлем и о поражении литовских войск. Важно отметить указание на многочисленность литовских сил в Мстиславле.

Следует иметь в виду хронологические несообразности в Хронике Быховца. Так, сражение на Ведроше отнесено к 1499 г., а поход русских к Мстиславлю соединен с походом Дмитрия Жилки на Смоленск в 1502 г. и отнесен к 1500 г. Однако известие о походе на Мстиславль само по себе вполне достоверно и подтверждено русскими источниками.

Победа под Мстиславлем — самое крупное событие кампании 1501 г. на литовском фронте. Высокая оценка этой победы в «речи» великого князя к воеводам говорит о значении, которое ей придавалось. По мнению К. В. Базилевича, присутствие в Мстиславле двора Александра Литовского свидетельствует о том, что здесь были собраны основные силы литовских войск.

Для оценки стратегического значения победы под Мстиславлем необходимо учитывать обстановку, сложившуюся к осени 1501 г. на южном направлении в связи с походом Большой Орды к Тихой Сосне (правый приток среднего Дона). Как мы уже видели, поход Ших-Ахмета вынудил Менгли-Гирея отказаться от нападения на Литву и заставил его просить помощи у великого князя. Но дело было не только в этом.

По данным Хроники Быховца, осенью 1501 г. «царь Заволжский Ших-Ахмет со своею ордою... а с ним посол великого князя Александ-

[1] Хроника Быховца. С. 115.

ра... приехали в землю Северскую, и стал под Новгородом Северским и другими городами, землю же всю, почти до самого Брянска, заполонил бесчисленным воинством». Захватив несколько городов, Ших-Ахмет послал к Александру Литовскому, призывая его «соединиться с ним» против Менгли-Гирея и великого князя Московского.[1]

Фактически речь шла о нашествии на южную окраину России. Под угрозой находились Путивль, Рыльск, Курск, Елец, земли Северского и Стародубского княжеств. Были сведения, что Ших-Ахмет стоит у Рыльска в 300 км от Мстиславля. Северские земли оказались под угрозой двойного удара: с юга — татарской конницы, с севера — литовских войск.

Стратегическое значение победы под Мстиславлем в том, что она сорвала, во-первых, план совместного нападения литовских войск и Большой Орды на Чернигово-Северскую землю, во-вторых — совместные действия литовцев с Орденом. В задачу похода входило не овладение сильно укрепленным городом, а разгром собранных под ним войск.[2] Победа под Мстиславлем улучшила общее положение на фронте и облегчила возможность нанесения удара на ливонском направлении.

Рассказав о походе на Мстиславль, разрядные записи продолжают: «Того же лета посылал князь великий из Великого Новгорода воевати Немецкие земли воевод по полком:

В Большом полку — наместник новогородский князь Данило Васильевич Щеня, да князь Иван княж Васильев сын Васильевича Шуйского, да князь Борис Тебет Уланов.

В Передовом полку — наместник же ноугородский князь Василий Васильевич Шуйский, да князь Петр Лобан Семенович Ряполовский.

В Правой руке — князь Осиф Андреевич Дорогобужский, да Петр Житов.

В Левой руке — князь Володимер Ондреевич Микулинский, да князь Федор Юрьевич Прозоровский.

В Сторожевом полку — Семен Карпович, да Михайло Ондреевич Колычев, да князь Семен Ромодановский».

Никаких дальнейших сведений об этом походе разрядные записи не содержат.

По данным великокняжеской летописи, «тое же осени, октября, посылал князь великий воевод своих, князя Даниила Олександрови-

[1] Хроника Быховца. С. 115.
[2] Там же. С. 482–483.

ча Пенка, да князя Даниила Щеня Васильевича, да князя Олександра Васильевича Оболенского и иных воевод со многими людьми Немецкие земли воевати Ливонскые за их неправду, что они воевали отчину его Псков, да и гостей его поимали в Юрьеве. Воеводы же поидоша и начаша Немецкую землю пленити, и жечи, и сечь, и в полон вести. И внезапу случись им бой велик на третьем часе нощи, ноября 20 день, приидоша Немцы безвестно с стороны со многою силою, с пушками и с пищалями. И Божиею милостию воеводы великого князя одолеша их, овех побиша, а иных поимаша, а мало их утече. И тогда на том бою убиша князя Александра Васильевича Оболенского.

И ходиша воеводы близ Колывани, выидоша на Иваньгород, а землю Немецкую учинили пусту».[1]

По сообщению Псковской летописи: «Месяца октября в 18 день послали великие князи Иван Васильевич и Василий Иванович своего воеводу князя Олександра Оболенского с силою московскою и царя татарского с татары, а велели им великие князи итти в Немецкую землю со Псковичами воевати.

И поехаша воеводы великих князей и Псковичи в землю Немецкую, того же месяца в 24, и начаша землю Немецкую воевати. А яша собе воеводы великих князей правую руку, а Псковичи левую руку.

И услышавши воеводы великих князей, что под Гельменем городком сила немецкая Юрьевская, и изъясачившася и поидоша на них, и начаша с Немцы битися.

И на первом сступе убиен бысть господин благоверный князь Александр Оболенский, за Святую Живоначальную Троицу, и за святые церкви и за отчину государей великих князей и за псковскую отчину.

И биша поганых Немец на 10 верстах, и не оставиша их ни весто ноши. А не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и Татарове аки свиней шестоперы.

И идоша мимо Юрьев и Ругодиво к Ивангороду. А псковичи труп наехаша на 3 день, а не ведаша того бою. И выидоша же Псковичи на Ивангород».[2]

Сравнение летописных сообщений с разрядными записями свидетельствует об их большом расхождении. Из 12 воевод, названных в разрядах, великокняжеская летопись упоминает только одного —

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 335.
[2] Там же. Т. 5. Вып. 1. С. 86–87.

новгородского наместника князя Даниила Щеню, а Псковская летопись — никого. Такие большие расхождения не могут быть случайными.

Между великокняжеской и Псковской летописями существенных расхождений нет. Разница только в перечне воевод: из трех воевод великокняжеской летописи Псковская знает одного. В рассказе об осеннем походе 1501 г. обе летописи взаимно независимы, но не противоречат, а скорее дополняют друг друга, показывая одни и те же события, соответственно, с московской и псковской точек зрения.

Первичность разрядных записей перед известиями великокняжеской летописи в принципе несомненна. Столь же несомненно, что составитель известия великокняжеской летописи об октябрьско-ноябрьском походе в Ливонию не пользовался известными нам разрядами и писал о событии, которое в этих разрядах не отразилось. С другой стороны, в разрядах не отразились сведения об осеннем походе на Немецкие земли во главе с князем Даниилом Александровичем Пенко. Перед нами трудноразрешимый источниковедческий парадокс, свидетельствующий, во-первых, о неполноте дошедших до нас разрядных записей за 1501 г., во-вторых, о неполном, выборочном использовании разрядных записей летописцами.

Для суждения о событиях осени 1501 г. на ливонском фронте единственным нашим источником становятся летописные известия.

Московская летопись содержит краткий официальный отчет о бое. Здесь важно указание на внезапность встречи (для русских) и наличие сильной артиллерии у противника, которая, однако, в отличие от сражения на Серице, не вызвала замешательства у русских и не сыграла крупной роли. Глубокий рейд — до самой Колывани (Ревеля) — было возможно осуществить только многочисленной конницей (скорее всего, татарской). Глубина операции московских войск достигала 250 км.

Наиболее подробное изложение событий осеннего похода в Ливонию содержит Псковская летопись. Как и в других случаях, она является официальной псковской хроникой, весьма близкой к документальным источникам. Она содержит реалии, отсутствующие в Московской летописи, точные даты событий, указывает место боя с немцами, сообщает об участии в походе татар, некоторые подробности боя. Обращает на себя внимание, что Псковская летопись всегда говорит о великих князьях во множественном числе, называя рядом с

настоящим великим князем его наследника (официального «государя Новгорода и Пскова»), чего никогда не делают ни великокняжеская летопись, ни разряды.

В то же время, в отличие от своего обыкновения, Псковская летопись не говорит о вечевых собраниях во Пскове и не называет имен предводителей псковского войска — князя и посадника.

Наступление в Ливонию русские войска осуществляли двумя колоннами, между которыми не было непосредственной связи. В бою под Гельмедом участвовали только москвичи и татары, а псковичи узнали о бое только на третий день. Противниками великокняжеских войск были войска Дерптского епископа, которые и были разбиты, из чего можно заключить, что эти войска не действовали совместно с другими силами немцев. В отличие от Московской летописи, Псковская ничего не пишет о рейде к Колывани — возможно, потому что сами псковичи в этом рейде не участвовали. Глубина операции псковских войск достигала 200 км.

По данным ливонских хроник, русские войска совместно с татарами вторглись в Ливонию 31 октября. Численность их достигала 90 тыс. человек; они не встретили должного сопротивления, так как силы Ордена были ослаблены эпидемией. Русские войска прошли через все Дерптское епископство, частично — через Рижское и Ревельское, через области Мариенбург, Адзель, Трикатен, Гельмед, Тарваст, Ервен, Везенберг, Тольсбург, Нарву со всей Вирландией и увели с собой в плен 40 тыс. человек. Немецкие хроники, таким образом, подтверждают известия русских источников о большом рейде в глубь вражеской территории и разорении ее.[1]

Особый интерес представляют документальные источники.

В письме от 23 ноября Плеттенберг сообщает гроссмейстеру Ордена о вторжении в Ливонию 1 ноября русского войска, состоящего из новгородцев, псковичей, москвичей и тверичей, при участии татар. Во главе этого войска стояли три военачальника. Русские доходили до 6 миль от Вендена: разгромив Дерптское епископство, русские остались в стране. Плеттенберг умоляет о помощи и сообщает о своем обращении к литовским властям с просьбой о выступлении в тыл русским.[2] В письме от 28 декабря Плеттенберг сообщает о разорении

[1] Казакова. С. 225.
[2] LUB 2. Bd. II. N 195. S. 130–132.

Дерптского епископства, местностей у Мариенбурга, Везенберга, Нарвы, Нейшлота и об уходе русских через Вирландию. Во время пребывания русских в Ливонии силы немцев для отпора им должны были соединиться у Гельмеда. Но силы Дерптского епископа подошли сюда за день до срока и столкнулись с русскими. У епископа было убито в бою 300 человек, у русских — 2 тыс.[1]

Ревельский бургомистр в письме от 26 ноября (на другой день после сражения) пишет, что после первоначального успеха войска Дерптского епископа под Гельмедом были разбиты, погибла бо́льшая часть кнехтов, русские захватили пушки и пушечные снаряды и двинулись к Феллину.[2]

Сведения русских летописей оказываются вполне достоверными — под Гельмедом наши войска одержали большую победу.

Осенне-зимний поход в Ливонию можно расценивать как крупный успех оперативного масштаба. Противнику был нанесен большой материальный и моральный ущерб, войска его были разбиты. Орденское командование не сумело организовать своевременного отпора русским войскам.

Кампания 1501 г. фактически закончилась этим походом. В декабре 1501 (7010) г. начался новый поход на Литву, относящийся уже к кампании 1502 (7010) г.

Основные особенности кампании 1501 г. — борьба против двух противников, на двух операционных направлениях. Этим кампания 1501 г. принципиально отличается от предыдущей. Задачи, стоявшие теперь перед русским ВГК, значительно усложнялись.

Важнейшая из этих задач — определение главного противника. Как видно по разрядам и летописям, таким противником с самого начала считалась Литва. Тем не менее, уже с мая ВГК выделило силы и на северо-западном (ливонском) направлении. Союз с Менгли оказался неэффективным — сам Менгли был вынужден просить помощи против Ахматовичей. Напротив, союз Александра Литовского с Большой Ордой оказал значительное влияние на ход событий, сковав силы крымского хана.

Очевидно, что крупномасштабного наступления на литовском фронте, сопоставимого с кампанией 1500 г., осуществить не удалось.

[1] LUB 2. Bd. II. N 213. S. 146–148.
[2] Ibid. N 196. S. 133–134.

Весной и летом, по-видимому, заметных событий не произошло, судя по молчанию наших источников.

Первое крупное наступление на литовском фронте развернулось только в октябре — начале ноября на мстиславльском направлении и ознаменовалось успехом оперативно-стратегического масштаба. Непосредственного продолжения эта операция, по-видимому, не получила, но оказала большое влияние на ход событий на всем фронте.

Нападение Ордена заставило выделить силы против Ливонии. Поражение на р. Серице создало кризис на северо-западном фронте, для преодоления которого в октябре-ноябре было осуществлено глубокое вторжение в Ливонию.

Крупный успех этих операций позволил возобновить наступление против главного противника.

Стратегическое руководство русскими силами успешно решило основную задачу — ведение боевых действий на двух расходящихся направлениях. Сковывая силы противника на одном направлении, русское командование наносило удар на другом. Для проведения таких операций (в сущности, по внутренним операционным линиям) требовалась четкая работа Ставки. Как и в прошлых кампаниях, Ставка руководила войсками с помощью директив, рассылаемых воеводам.

Крупную роль сыграл стратегический резерв ВГК — его умелое использование позволило в целом добиться успеха в сложных условиях войны в одиночку против двух противников при отсутствии реального союзника.

Вместе с тем, главная задача, поставленная великим князем, — овладение Смоленском — решена не была. В силу сложившейся реальной обстановки, кампания 1501 г. в стратегическом отношении носила в основном активно-оборонительный характер.

Кампанию 1501 г. в известной степени можно сравнить с кампанией 1480 г. В обоих случаях решалась задача борьбы на два фронта, на двух самостоятельных направлениях (в 1480 г. — стратегических, в 1501 г. — операционных). Однако способ решения этой задачи, сам характер обеих кампаний представляет существенные различия.

В 1480 г. на обоих стратегических направлениях русские войска, в силу сложившихся обстоятельств, занимали жесткую («пассивную») оборону, предоставляя инициативу ведения боевых действий противнику. При этом сохранялся стратегический резерв — главное средство в руках ВГК.

Кампания 1501 г. проходила в более благоприятных условиях. За 20 лет Россия окрепла и могла теперь ставить перед собой задачи наступательного характера.

В 1501 г. образ действий русских войск можно охарактеризовать как гибкий наступательно-оборонительный. Активная оборона на одном направлении сочетается с наступлением на другом. Фактически нанесение ударов попеременно на западном и северо-западном направлениях возможно было только при сохранении стратегического резерва и умелом маневрировании им.

В тактическом отношении можно отметить отказ от осады крепостей и стремление вести боевые действия в открытом поле. Применение противником артиллерии в полевом бою было первоначально неожиданным для русских войск, но уже во втором сражении с немцами их артиллерия не повлияла на исход боя и была частично захвачена русскими. О применении артиллерии русскими войсками сведений нет — она еще не стала необходимой составной частью войска. Главным родом войска оставалась поместная конница — именно она решила исход ливонской операции.

В организационном отношении можно отметить упадок старой вечевой военной системы Господина Пскова и, следовательно, возрастание роли и удельного веса новой военно-служилой системы Российского государства. Можно отметить рост значения Сторожевого полка, в который теперь назначаются 2–3 воеводы. Это свидетельствовало о дальнейшем развитии полковой системы организации полевых войск.

Вопрос о численности войск остается по-прежнему наиболее сложным. Цифра в 5–6 тыс. всадников, выведенная К. В. Базилевичем на основе данных Псковской летописи, представляется вполне правдоподобной. По данным немецких источников, в битве на Серице у магистра было 4 тыс. всадников и 2 тыс. кнехтов, а всего до 80 тыс. Это означает, что на одного комбатанта приходилось до 18 человек обслуги, обоза и т. п. Надо полагать, что и в русском войске было примерно такое же соотношение.

В целом кампания 1501 г. показала дальнейшее развитие тех начал организации и управления войсками, которые были закреплены и положительно проявили себя в кампаниях предыдущих десятилетий. Это, прежде всего, инстанция ВГК как органа стратегического руководства войсками и создание самостоятельных операционных направлений во главе с воеводами, действующими по директиве ВГК.

Кампания 1502 г.

Кампания 1502 г. началась в сложной внешнеполитической и стратегической обстановке. Добиться решительной победы в 1501 г. не удалось, и перед ВГК вновь стояли, в сущности, те же задачи.

Как и в 1501 г., России пришлось иметь дело с двумя основными противниками на двух самостоятельных направлениях.

Основные события начала 1502 г. развернулись на ливонском фронте. Разрядные записи о них молчат, а летописные известия весьма лапидарны. Представление о характере и масштабности этих событий дают ливонские источники.

В письме от 1 февраля 1502 г. говорится о новом нападении русских на территорию Дерптского епископства. Русские разорили местность у Кирьямпе и в Вирландии.[1] При этом сотни крестьян присоединились к русским, выступая против немецких помещиков.[2]

С 25 января по 1 февраля в Вольмаре заседал ливонский ландтаг. Ландтаг свидетельствовал о тяжелом политическом кризисе в Ливонии — на нем не присутствовали представители большинства земель и городов. Политика магистра Вальтера фон Плеттенберга стала объектом суровой критики. Представители земель, подвергшихся нападению русских, требовали от магистра эффективной защиты, угрожая в противном случае обратиться за помощью к великому магистру или датскому королю, даже намекая на возможность сепаратного мира с Россией.[3]

Все это свидетельствует не только о слабости политических связей в феодально-раздробленной Ливонии, но и об эффективности наступательных действий русских войск в ходе войны, начатой магистром против России. Тем не менее, магистру удалось после долгих прений добиться решения о продолжении войны и о вторжении в Россию у Нарвы и против Пскова.[4]

В этих условиях важнейшее значение для магистра имело военное сотрудничество с Александром, теперь уже не только великим князем Литовским, но и польским королем.

[1] Казакова. С. 227

[2] Там же; LUB. 2, II. N 230. S. 159.

[3] Казакова. С. 227–228.

[4] Там же. С. 228.

Мартовские вторжения ливонцев, отмеченные в русских летописях, — реализация решений Вольмарского ландтага.

Вторжением из Нарвы руководил комтур Ревеля, который в письме Плеттенбергу от 12 марта описал состоявшийся поход. По его словам, около Ивангорода произошло сражение с русскими, которых насчитывалось 1600 человек. На поле боя осталось 200 убитых русских; орденские отряды преследовали русских почти до Ямгорода и прекратили дальнейшее преследование из-за усталости лошадей. Местность вокруг Ивангорода была немцами опустошена.[1]

По данным великокняжеской летописи, «Марта 9 приходиша Немцы на Ивангород. Тогда убиша Лобана Колычева».[2] О масштабах нападения немцев говорил, во-первых, его объект — русская крепость, которой придавалось особое значение; во-вторых, гибель русского воеводы, наместника Новгородского. Более поздние летописи — Воскресенская и Никоновская — приводят пространную версию рассказа об этом событии: немцы у Ивангорода напали на русский отряд, стоявший в заставе «не с многими людьми», в бою был убит 21 русский воин.[3]

Более подробный рассказ поздних официальных летописей свидетельствует о том, что при составлении их были использованы источники, не известные летописцу — современнику событий, а также не вошедшие в сохранившиеся разрядные записи. Таким источником могло быть воеводское донесение.

Нападение немцев на Ивангород заставило принять меры для укрепления обороны города. Устюжская летопись отмечает: «Того же лета [7011] князь великий послал рать Устюжан, Двинян стеречи Ивангорода от Немци».[4] Любопытно, что для усиления обороны приморской крепости были посланы земские люди, знакомые с плаванием по рекам и мореходством.

Судя по всему, бой под Ивангородом был действительно проигран русскими, потерявшими своего воеводу. Ход боя неизвестен, и причины поражения русских войск установить трудно. Можно предполагать, что потери наших войск комтур в своем донесении преувеличил (как это обычно делается), а наш источник — преуменьшил. Можно также ска-

[1] LUB. 2, II. N 247 S. 169–170.

[2] ПСРЛ. Т. 28. С. 336.

[3] Там же. Т. 8. С. 241; Т. 12. С. 255.

[4] Там же. Т. 37. С. 52.

зать, что существенного значения это нападение не имело — на ход дальнейших событий оно, по-видимому, влияния не оказало.

Вторжением из Розиттена на псковском направлении руководил ландмаршал Ливонии. В донесении Плеттенбергу от 22 марта он рассказывает о ходе событий.

Войско, вторгшееся в Псковскую землю, в течение 7 дней опустошало местности вокруг Вельи и Красного городка. 17 и 18 марта оно осаждало Красный городок и трижды штурмовало его, но взять не смогло.[1]

По данным Псковской летописи (Погодинский список), «Месяца Марта в 17 день пришедше Немцы к Красному городку и в Коровьем бору волость взяша и голов посекоша много, а иных поведоша с собою. А в городке вельми притужно было». Городок удалось отстоять. На помощь Красному городку подошла псковская сила, но немцы, не приняв боя, «побегоша прочь».[2]

В целом обе ливонские акции нельзя признать удачными. Под Ивангородом они добились тактического успеха, под Красным городком, в сущности, никакого успеха не имели, если не считать разорения небольшого участка территории Псковской земли, несравнимого по размерам с областью, разоренной русскими войсками во время ноябрьско-декабрьского похода 1501 г.

Обращение Плеттенберга к полоцкому наместнику имело следствием нападение последнего на русское порубежье. Великокняжеская летопись сообщает: «Тоя же весны априля, приходил пан Петраш Епимаховичь со жолныри ис Полоцка на Пуповичи на волость, и дети боярские от князя великого многих жолныри избиша, а иных поимаша».[3] Крупных результатов Петраш Епимахович со своими жолнырями, видимо, не добился, но само упоминание жолнырей — второй раз в русских источниках — заслуживает внимания. Речь, видимо, идет о наемных солдатах, своего рода ландскнехтах. В Хронике Быховца говорится, что «великий князь Александр послал в Польшу, и в Чехию, и в Германию, и нанял за деньги несколько тысяч [человек]... Тогда приехал к нему в Литву один из них по имени Ян Чирнин, и многие

---

[1] Казакова. С. 231; LUB 2, II. N 260. S. 182–183.

[2] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 87. Другие псковские летописи об этом событии не пишут.

[3] Там же. Т. 28. С. 335–336.

другие чехи, и немцы, и поляки».[1] В Хронике это событие отнесено к 1500 г., что, очевидно, является ошибкой, связанной с путаницей дат в Хронике. Важно указание на наличие у Александра Литовского наемных воинов, которые, очевидно, и названы в нашей летописи «жолнырями».

По немецким источникам, летом 1502 г. последовали новые набеги русских на ливонскую территорию. Это были мелкие пограничные нападения, сопровождавшиеся разорением местности и уводом скота.[2]

В русских источниках о каких-либо наступательных действиях против Ливонии сведений нет. В ливонском источнике (в письме Нарвы Ревелю от 16 июля) сообщалось о концентрации русских войск в Новгороде и у Луги, но из текста видно, что они были собраны для обороны.

В этом же письме содержится интересное известие о нападении русских на корабли, посланные из Ревеля в Нарву. По словам автора письма, нападение русских было отбито, и корабли прибыли в Нарву. Однако бой шел несколько часов, что свидетельствует о масштабах нападения.[3]

Судя по всему, русская Ставка не намеревалась проводить крупных операций на северо-западном направлении. Более того, была предпринята мирная инициатива. По ливонскому источнику, Иван III писал епископу Дерпта, что если магистр попросит мир, то он его получит.[4]

Однако магистр решил продолжать войну, изменив свою тактику. Ввиду неэффективности разрозненных ударов на разных направлениях, он решил объединить свои силы и нанести ими сокрушительный удар.[5]

По рассказу Псковской I летописи:

«Приидоша местер... ко Изборску городку ратью со всем замышлением, и лезоша к городку усердне месяца Сентября в 2 день. И городка Бог ублюде и святый Никола. И отъидоше прочь, не учинивше ничего же, а стояли под городком одну нощь. Да поидоша подо Псков хупучися со всем замышлением, и с пушками, того же месяца в 6 день. А пришли во утре на втором часу на Завеличье. И псковичи сами зажгоша посад на Завеличье.

[1] Хроника Быховца. С. 114.
[2] Казакова. С. 231; LUB. 2, II. N 317, 323, 332.
[3] LUB. 2, II N 332. S. 229–230.
[4] Казакова. С. 231; LUB. 2, II. N 351.
[5] Казакова. С. 231.

И почаша погании пушками бити на дом Святыя Троицы. И псковичи помолившеся Святой Троицы и вышли противу их на Завеличье со жолныри, и почаше с ними битися Псковичи и жолныри с пищальми, и много пушками били на город на Кром, а Детинца Бог ублюде и Святая Троица.

А стояли на Завеличье один день, и пошли з Завеличья на брод к Выбуту. И псковичи противу их вышли, да там много с ними билися на броду.

И перебродились Немцы и подошли к Полонищу и много к стены лезли.

А псковичи ждали силы великого князя. И Немци стояв на Полонищи два дни, а на третий день прочь отошли тем же путем. А псковичь Бог ублюде и Святая Троица.

И князь великий прислал Данила Васильевича Щеня и князя Василия Васильевича Шуйского, наместников новгородских с силою московскою. А ждаша Псковская сила в Песках московских воевод по два дни. И приехаша московские воеводы, а уже Немцы отошли прочь ото Пскова. И выжгоша мост на Черехе и на Многе реке, и поидоша Немцы вброд, куда они погани не бывали и стал Псков.

И ожгоша Псковичи около Полонища посады, и Гремячюю гору.

И погнашася воеводы великих князей и Псковичи, и нагнаша их в Озеровах на могильнике.

И Немцы кошь свои поставиша и молвиша: "Толке де и Русь ударитца на кош, и мы де и выидем изо Псковской земли, и толке же де и на нас, ино туто нам головы покласти своя"

И Псковичи первые ударишася на кош, и по том Москвичи. И начаша межи себя дратися о быте немецком. А чюдь кошовую всю присекоша.

И Немцы в то время ступишася с Москвичи и со Псковичи, и бысть с Немцы сеча, а не велика.

И князь Псковской Иван Горбатой начаша заганивати Псковичь, чтобы не ехали розно, а они все по закустовью. И начаша ему Псковичи прозвища давати "опремом" и "кормихном". А се бы не той господин князь Иван велел стену древяную поставити около Полонища и Бродей, ино то все бы дымом взялося и до старой стены».[1]

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 87–88.

Первый шаг Плеттенберга был неудачен — Изборска взять не удалось.

Второй и главный этап похода развернулся под стенами Пскова. Пройдя 30 верст от Изборска до Пскова за 3 дня, ливонцы стали на Завеличье, где уже был сожжен посад, и начали артиллерийский обстрел города, повторяя поход фон дер Борха в августе 1480. Но, в отличие от своего предшественника, Плеттенберг не рассчитывал на флотилию гребных судов и не пытался форсировать Великую прямо против крепости. Псковичи, в свою очередь, в этот раз не ограничились пассивной обороной, но атаковали противника на Завеличье. Здесь псковичи впервые встретились с пехотой, вооруженной ручным огнестрельным оружием. Непосредственные результаты этого боя нам не известны, но магистр, видимо, убедился в невозможности форсирования Великой и в неэффективности обстрела Пскова. Он пошел на броды с целью обойти псковские войска и выйти на правый берег реки. Псковичи сумели подтянуться к бродам, где произошел второй бой, для псковичей неудачный. Немцам удалось форсировать Великую вброд и выйти вплотную к городским стенам. Фактически немцы пытались штурмовать город («много к стенам лезли»). Штурм был отбит, и, простояв у стен города два дня, немцы отошли через брод опять на левый берег. Второй этап похода магистра закончился его поражением — он вынужден был отойти от Пскова и отказаться от каких-либо попыток продолжить штурм.

С приходом великокняжеских воевод начинается третий и последний этап похода Плеттенберга. Отступив от Пскова на несколько десятков верст по направлению к границе, он занял позицию, где ожидал русских. По словам Псковской летописи, магистр рассчитывал, что русские будут грабить его обоз, подставив себя тем самым под удар ливонских войск. Расчет Плеттенберга частично оправдался. Подошедшие первыми псковские ополченцы бросились грабить «кош», за ними, по словам псковского летописца, бросились и москвичи. Боевой строй нарушился. Тут-то немцы и пошли в атаку.

Что произошло дальше на поле боя, чем закончился сам бой, псковского летописца не интересует. В центре его внимания — поведение его земляков на поле сражения. Хорошего о них он сказать может не много. Они ехали «розно», и все по «закустовью». Когда их князь-наместник пытался навести порядок и «заганивати» их, они стали давать ему обидные прозвища, забыв его заслуги перед городом. Имен-

но он, по словам летописца, велел поставить деревянную стену вокруг Полонища, которая спасла город («ино то бы все дымом взялося и до старой стены»).

Типографская летопись приводит самостоятельный рассказ о событиях:

«Приидоша Немцы майстр и местер с многим воинством в Московскую землю и стояша под градом под Изборском и биша стены многими пушками и град не разбиша. И оттоле поидоша Немци на Великую реку под град Псков и стояше под градом и стены биша многими пушками и пищалми и граду не доспеша ничто же.

И князь великий Иван Васильевич всея Руси послал воевод своих, князя Данила Васильевичи Щеня да князя Василия Васильевича Шуйского и иных многих воевод своих с множеством воиньства в Псков противу Немець. Немци же убояшася, отступиша от града за тридесять поприщь, въеводы же великого князя обоидоша их от града Изборска и сретошася с Немци на озере на Смолине, и учинишася им бой, месяца Сентября 13 день, и бишися, и разидошася обои. И на том бою убиша князя Федора Кропотича, да Григорья Дмитриева сына Давыдовича, да Юрья Тимофеевича сына Юрлова, и иных многих детей боярских, а Немец падоша бесчисленно. И оттоле Немци отидоша въсвояси, и воеводы великого князя разидошася и с своим въиньством к собе».[1]

Рассказ Типографской летописи не противоречит известиям Псковской летописи, но содержит некоторые важные реалии. Выясняется, что под Изборском немцы не просто стояли, но подвергли город сильному артиллерийскому обстрелу, который, однако, не привел к разрушению городских стен («град не разбиша»).

Еще больше, чем Псковская летопись, Типографская подчеркивает значение прихода великокняжеских воевод — именно «убоявшись» их, немцы отошли от Пскова на 30 верст (т. е. в район Изборска). Воеводы же обошли Изборск и вышли на озеро Смолино. Типографская летопись указывает место и дату боя. Сам бой изображен без подробностей, но отмечаются большие потери русских войск, называются имена видных военачальников и подчеркиваются огромные потери немцев. Итог боя — ничейный: обе стороны разошлись «к собе».

Иное известие о событиях помещает Устюжская летопись: «В лето 7011. Немци приходили ратью на Псков. А князю великому пришла

[1] ПСРЛ. Т. 24. С. 215.

весть наперед, и он послал к Пскову силу. А воевода был у них князь Данило Васильевичь Щеня, с ним много князей, и бояр, и детей боярьских. Они же Немцем к городу Пскову не даше приступити, да их встретише далече города и с Немцами билися. Тогда на бою убили боярина великого князя Ивана Борисовича Бо[ро]здина».[1]

Итак, по версии Устюжской летописи, великий князь заранее знал о приходе немцев и послал воевод, которые не пустили немцев к Пскову, встретили их далеко от города и дали им бой, о результатах которого летописец не говорит, но сообщает о гибели одного из воевод.

Великокняжеская летопись начала XVI в. фиксировала факт, что «Немци приходиша ко Пскову».[2] Воскресенская и Никоновская летописи говорят об этом событии более подробно. Битва произошла у оз. Смолина. Русское войско, подходившее к Смолину, получило ложное известие о бегстве немцев, люди бросились на немецкий «кош» и нарушили свой боевой порядок, немцы же атаковали их и убили «немногих людей, а сами ся отстояли», потому что у воевод великого князя «полки ся изрушили».[3]

Позднейшие московские летописи использовали источники, не известные ранним летописцам и, в сущности, близкие к псковскому рассказу.

Наиболее ценным немецким источником является письмо участника похода, некоего ливонского комтура. Плеттенберг выступил 27 августа из Гельмеда с войском в 25 тыс. человек, в том числе 2500 всадников. Магистр с 2500 всадниками, 2500 ландскнехтами и артиллерией приступил к Пскову и в течение трех дней осаждал его. Были сожжены три псковских предместья. 8 сентября начались переговоры. Ливонцы потребовали, чтобы Псков подчинился магистру, в противном случае город постигнет участь его предместья. Псковичи отвергли это требование.

Двое русских пленных показали, что во Пскове имеется 8 тыс. всадников и много пеших, и ожидается прибытие еще 3 тыс. всадников. Узнав об этом, Плеттенберг отошел от Пскова и со своим 5-тысячным отрядом стал ожидать русское войско. 13 сентября произошло сражение. Русское войско насчитывало 18 тыс. человек. Рыцари одержали

[1] ПСРЛ. Т. 37. С. 52, 99.

[2] Там же. Т. 28. С. 336; Т. 6. С. 48, 243; Т. 20. Ч. 1. С. 373.

[3] Там же. Т. 8. С. 242; Т. 12. С. 256.

победу; на поле боя осталось 8 тыс. убитых, но потери Ордена были невелики. После сражения рыцари вернулись в Ливонию. Магистр не распустил свои силы, он ожидал ответного похода русских.[1]

Не противореча в основных чертах рассказу Псковской летописи, письмо комтура имеет две важных особенности. Во-первых, оно сообщает о переговорах, о которых русский источник молчит. В принципе, переговоры могли иметь место, причем с русской стороны они могли преследовать цель выиграть время до подхода великокняжеских воевод. Показания русских пленных могли даваться для дезинформации противника относительно действительной численности русских войск — сведения, сообщенные пленными, заставили магистра отойти от Пскова, на что, вероятно, и рассчитывали те, кто заслал к немцам этих «пленных».

Вторая особенность — наличие в общем довольно правдоподобных данных о численности немецких войск. Преувеличенными кажутся, однако, сведения о 8 тыс. всадников в самом Пскове, о численности русских войск в бою и о числе убитых.

По данным немецкой хроники «Schonne hysthorie», магистр и архиепископ выступили в поход, имея 2 тыс. всадников, не считая крестьян и обоза. Войско подошло к Пскову, ожидая прихода литовцев. Между тем, двое русских пленных сообщили, что ожидается большое войско из русских и татар, посланное великим князем.

Магистр расположил войско на открытом поле. 13 сентября произошло сражение, которое источник называет «самой большой и трудной, главной битвой господ Ливонии с русскими». У русских было превосходство в силах, рыцари трижды прорывались через ряды русских, ливонцы потеряли обоз, но, в конце концов, обратили русских в бегство. Преследовать их рыцари были не в состоянии.

По рассказу Хроники Рюссова, в сражении участвовало 90 тыс. русских. Они «окружили всех людей магистра». Магистр велел стрелять из орудий, три раза пробился через толщу войск, нанес русским большие потери и обратил их в бегство. Так как немцы были очень утомлены, они не могли преследовать неприятеля. Простояв два дня на поле сражения, они на третий день ушли. Потери их составили 400 кнехтов во главе с их начальником и знаменосцем.[2]

---

[1] Казакова. С. 233; LUB 2, II. N 382. S. 277–279.

[2] Казакова. С. 232–233.

Герберштейн в своих «Записках» рассказывает об ожесточенности сражения. Магистр «с пушечной стрельбой храбро напал на русских». При первой атаке ему удалось рассеять их и обратить в бегство, но преследовать их он не мог из-за малочисленности своих войск и тяжелого своего вооружения. Русские привели себя в порядок и атаковали пехоту Плеттенберга, которая в числе 1500 человек построилась в виде фаланги. Пехота понесла большие потери — были убиты начальник ее, его брат и знаменосец, а всего 400 человек. Остальная часть пехоты отступила в порядке.[1]

Сопоставление русских и немецких источников позволяет оценить событие у оз. Смолина как бой с неопределенным исходом. Немцы с самого начала боя оказались в тяжелом положении (были окружены), но сумели прорвать кольцо русских. Русские разгромили ливонскую пехоту, но сами были вынуждены отступить. Крупную роль в сражении сыграла ливонская артиллерия. Поле сражения осталось за немцами, но, понеся большие потери, они были вынуждены вернуться в Ливонию.

Поход Плеттенберга можно сравнить с походом фон дер Борха в августе 1480 г. В этих походах есть ряд общих черт. В обоих случаях ливонцы рассчитывали на то, что главные силы Русской земли отвлечены на другие направления. В обоих случаях ливонцы ставили своей целью овладение Псковом, в обоих случаях пытались штурмовать город. Однако в целом события развертывались по-разному.

В 1480 г. в разгар тяжелой войны с Ахматом и в условиях княжеского мятежа великий князь не имел возможности оказать Пскову реальной помощи. Город был предоставлен своим силам и вынужден был обратиться за помощью к мятежным князьям, которые ему этой помощи, однако, не оказали. Решающую роль в спасении города сыграло мужество псковичей, которые не допустили форсирования р. Великой и отразили штурм города.

В 1502 г. немцам, благодаря превосходству в артиллерии и пехоте с огнестрельным оружием, удалось форсировать реку и подойти непосредственно к стенам города. Несмотря на упорную оборону, положение крепости, охваченной дымом пожаров горящих посадов, было критическим. Но русское ВГК сумело своевременно выдвинуть к Пскову крупные силы. Эти силы были наготове и составляли оперативный резерв ВГК. Гонец с известием о нападении магистра мог при-

[1] Герберштейн. С. 198.

скакать от Пскова до Москвы за 5 дней, следовательно, появиться там примерно 8–9 сентября (если он был послан сразу после атаки на Изборск). Столько же дней понадобилось бы для передачи распоряжения о движении на Псков войскам, стоявшим, например, в Новгороде. Двигаясь форсированным маршем, они могли подойти к Пскову через 5–6 дней и появиться у стен города около 20 сентября.

На самом же деле, псковичи ждали воевод всего 3 дня, т. е. они начали свое движение не позднее 5–6 сентября, при первом известии о нападении на Изборск. Отсюда вытекает, что войска эти были заранее сосредоточены в трех-четырех переходах от города в ожидании нападения магистра, а воеводы уже имели на руках соответствующие директивы. Следовательно, известие Устюжской летописи о том, что великий князь «наперед знал» о нападении немцев и послал воевод, соответствует реальному ходу событий.

Справедливыми оказываются и сведения немцев от середины июля о концентрации русских войск в районе Новгорода и Луги.

Прибытие великокняжеских воевод сыграло решающую роль. Немцы были вынуждены быстро отступить от города. Если отход фон дер Борха после 5-дневных боев проходил вполне спокойно, то на этот раз русские войска шли за ливонцами по пятам и дали сражение, заставившее магистра вернуться в Ливонию.

Основное отличие событий 1502 г. от событий 1480 г. — возросшая роль стратегического руководства русскими войсками, что было возможно только в условиях сильного централизованного государства. Это и сыграло решающую роль в поражении магистра Плеттенберга.

Поход Плеттенберга — последний акт войны на северо-западном направлении. Военные действия больше не возобновлялись, вскоре начались переговоры о перемирии, которое и было заключено весной 1503 г.[1]

Если целью магистра было добиться перелома в ходе военных действий, то эта цель отнюдь не была достигнута. Попытка овладения Псковом окончилась полной неудачей.

В стратегическом отношении августо-сентябрьские события на псковском направлении были для России благоприятны. Русское командование сумело быстро сосредоточить крупные силы под Псковом и сорвать план овладения этой крепостью. Плеттенберг начал свой

[1] Казакова. С. 234–242.

поход, по-видимому, в расчете на соединение с литовскими войсками. Но наступление русских войск на западном направлении сделало это соединение невозможным. После боя у Смолина немцы, понеся большие потери и опасаясь нового вторжения русских войск, вынуждены были вернуться в свою землю, признав тем самым свое поражение.

При всей важности событий на северо-западном направлении, основное внимание русского ВГК, как и прежде, привлекал литовский фронт.

«Декабря в 3 [7010 = 1501 г.] день велел князь великий из Новагорода наместникам своим князю Данилу Васильевичю да князю Василью Васильевичю Шуйскому и иным воеводам итить воевать в Литовскую землю. А наказ им послал с Третьяком Долматовым, как им быть по полком.

В Большом полку — князь Данило Васильевич, да князь Василей Васильевич Шуйский.

В Передовом полку — князь Петр Лобан Ряполовский.

В Правой [руке] — Петр Житов.

В Левой [руке] — князь Федор Прозоровский.

В Сторожевом полку — Михайло Ондреевич Колычов, да князь Семен Рамодановский».[1]

Никаких дальнейших сведений об этом зимнем походе нет.

Следующая запись в разрядной книге говорит об отправке «воевати Литовскую землю воевод изо Ржевы».

«В Большом полку — князь Михайло княж Иванов сын Васильевича, да князь Ондрей Голенин.

В Передовом — князь Иван князь Федоров сын Ушатых.

Во Правой руке — князь Василей Ших Оболенской.

В Левой руке — князь Михайло... сын Засекин.

В Сторожевом полку — князь Федор Палецкой, да Семен Жюлебин».

В марте 1502 г. великий князь в грамоте к Менгли писал: «Наш недруг литовской, снявся с Немци, станет против нас, и мы осенесь и на сей зиме посылали воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Немецкую воевати; и нашим воеводам в Литовской земле и в Немецкой земле многие бои были, и милосердьем Божьим наши воеводы везде побивали и землю Литовскую, и землю Немецкую воевали и много городов поимали. А и ныне наши люди из Литовские

[1] РК-98. С. 34.

земли и из Немецкие не выходя воюют. А уповая на Бога, хотим воевод своих со многими людми на Литовскую землю и на Немецкую послать часа того, да и детей своих хотим, ож дай Бог, отпустити, и сами, ож дай Бог, с всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги свои дела делати, сколько нам Бог пособит».[1]

В борьбе на литовском фронте активные действия Менгли-Гирея должны были иметь серьезное значение. В кампании 1501 г. он активного участия не принимал, занятый борьбой со своим главным противником — ханом Большой Орды Ших-Ахметом. Борьба эта закончилась весной 1502 г. победой крымского хана, о чем он сообщал в грамоте от 6 июля 1502 г. Разгром Ших-Ахмета серьезно изменил общую стратегическую ситуацию. Король Александр лишался своего союзника; великий князь, напротив, мог теперь с бóльшим основанием надеяться на помощь со стороны Менгли в операциях на западном направлении.

14 июля началось крупное наступление русских войск на Смоленск.

По разрядам 1502 г., «того же лета 7010-го князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал на Смоленск ратью сына своего князя Дмитрея, а с ним воевод своих. А под Смоленском велел им быть по полком.

В Большом полку — князь Дмитрей, сын великого князя Ивана Васильевича, а с ним великого князя воеводы князь Василей Данилович Холмский да Яков Захарыч.

В Передовом полку — князь Семен Иванович Стародубской да князь Василей Иванович Шемячич, а с ними великого князя воеводы князь Василий Мних да князь Иван Михайлович Репня.

В Правой руке — князь Федор Борисович Волоцкой, а с ним великого князя воеводы князь Федор Иванович Бельской да Дмитрей Васильевич Шеин.

В Левой руке — князь Федор Иванович Рязанской, а с ним великого князя воеводы князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Михайло Федорович Карамыш.

В Сторожевом полку — князь Иван Борисович, а с ним великого князя воеводы князь Михайло Федорович Телятевской да князь Федор Васильевич Телепень, да князь Константин Ярославов».[2]

---

[1] Сб. РИО. Т. 41. № 383.

[2] РК-98. С. 34.

Судя по разрядным записям, с декабря 1501 г. по август 1502 г. на Литву одна за другой были отправлены 3 рати во главе с 26 воеводами, с участием сына великого князя, двух волоцких и одного рязанского князя, и двух князей, недавно перешедших на русскую службу.

Рать из Новгородской земли заходила в тыл Смоленского плацдарма. Эту рать ведут 8 воевод во главе с князем Щеней. Наличие в составе воевод обоих наместников новгородских может свидетельствовать о том, что в поход были отправлены основные силы новгородского служилого ополчения. Все воеводы этой рати не раз упоминаются в разрядах, следовательно, имеют значительный боевой опыт.

Другая рать формально возглавляется сыном великого князя, при котором состоит опытный воевода Яков Захарьич. Всего в этой рати 11 воевод, а также волоцкие, рязанские, северские князья, что может свидетельствовать и о численности, и о политическом значении этой части войска. Можно думать, что основную роль должны были играть фланговые группировки во главе с князем Щеней и князем Дмитрием.

Ржевская рать должна была обеспечивать связь между ними, прикрывая их внутренние фланги. Против Смоленска развертывались главные силы русских войск, стремясь осуществить масштабную стратегическую операцию по овладению Смоленском.

В этих условиях весьма важным было бы одновременное выступление крымской конницы. Великий князь рекомендовал Менгли маршрут движения: Киев — Слуцк — Туров — Полоцк — Минск. Этот план являлся почти точным повторением неосуществленного плана 1500 г.[1]

8 августа Менгли получил грамоту Ивана III о начале похода князя Дмитрия на Смоленск. Но еще за 3 дня до этого Менгли отправил в поход большое войско (90 тыс.) во главе со своими сыновьями в направлении Луцк — Вильно — Троки. Инструкция царевичам предусматривала согласование действий с князем Дмитрием.[2] Фактически же глубокий рейд крымской конницы исключал реальную возможность совместных действий с русскими войсками под Смоленском.

Набег крымских царевичей продолжался до начала ноября. Они «повоевали» окрестности Луцка, Львова, Люблина, Турова, Киева — главный удар наносился не в северо-западном, а в западном направ-

[1] Базилевич. С. 491; Сб. РИО. Т. 41. С. 423–424.
[2] Сб. РИО. Т. 41. С. 430–432.

лении, без какой-либо попытки связаться с русскими войсками под Смоленском. Русский посол в Крыму Алексей Заболотский доносил: «Царевичи не пошли по тем местам, на которые, государь, ты велел им идти... а те места кажут лесны и тесны».[1] Царевичи шли по хорошо знакомым, излюбленным местам, по линии наименьшего сопротивления, заботясь о своей добыче, а не об интересах своего союзника.[2]

Организовать стратегическое и оперативное взаимодействие русских и крымских сил не удалось и на этот раз.

Судьба кампании 1502 г. решалась под стенами Смоленска. Что же там происходило?

Официальная великокняжеская летопись ограничивается кратким сообщением: «Прииде на Москву Октября 23, в неделю, великого князи сын, князь Дмитрий Иванович, землю Литовскую повоевав и попленив, града Смоленска не взял, понеже крепок бе».[3]

Из русских источников наиболее полные сведения приводит Типографская летопись.

«Июля 2 послал князь великий Иван Васильевич всея Руси сына своего князя Дмитрия Ивановича да воевод своих и многое множество воинства, да и посошные с ними были, к граду Литовскому Смоленьску. Стояша же под градом до Воздвиженья Честного Креста, и граду учинише зла много, и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша, и полону выведоша множество бесчисленно и поидоша прочь, града не взяша. Приидоша же на Москву и пожаловася отцу своему: многые дети боярские подступали под град и в волость отъежщаа грабили без его ведома, а его не послушав. За то князь великий всполесся на тех детей боярских, и многых велел поимати, да велел и казнити, по торгу ведя, велел кнутьями бити, и множество велел в тюрьму пометати».[4]

Важные сведения о борьбе за Смоленск сообщает Хроника Быховца.

«Князь... великий Александр... двинулся к Минску, а в Минске пришла к нему весть, что князь великий Московский отправил сына своего князя Дмитрия Жилку с большим войском с пушками и со всем

---

[1] Там же. С. 469.

[2] Базилевич. С. 492.

[3] ПСРЛ. Т. 28. С. 336; Т. 8. С. 243; Т. 26. С. 296. То же — в Вологодско-Пермской летописи.

[4] Там же. Т. 24. С. 214–215.

снаряжением добывати земли и отпустил его к Смоленску, и что теперь все москвичи под Смоленском и, обложив город, упорно осаждают его. Услышав это, великий князь Александр послал против него пана Трокского старосту жемайтийского, пана Станислава Яновского со всею силою великого княжества Литовского и... со всеми чужеземцы (наемниками. — *Ю. А.*)... Москвичи же, находясь под Смоленском, воевали на все стороны и город Смоленск едва ли не весь пушками окружили, день и ночь непрестанно его осаждали, и из-за больших тур, наполненных песком и землей, несказанные штурмы против него предпринимали. Однако же, милосердьем Божьим и помощью Пречистые Богородицы, не могли принести ему никакого вреда. Приняв на себя немало трудов, неся потери и губя своих людей со скорбью, и со слезами терпели с великими насмешками поражение под городом, и с помощью и с бесчестьем от города отбиваемы были. Войско же великого князя Александра, которое вел пан староста жемайтийский, пришло со всеми силами к городу Орше, и, перейдя реку Днепр, двинулось к горам. И как только об этом услышал князь Дмитрий Жилка, который находился под Смоленском, что Литва идет против него, он, не взяв города Смоленска, возвратился к Москве, к своему отцу великому князю Московскому».[1]

Поход на Смоленск, широко задуманный, окончился неудачей — в этом единодушны все источники. В чем причина поражения русских войск? Одна из них указана в Типографской летописи — это отсутствие должного порядка в служилом ополчении. Дети боярские проявили недисциплинированность, которую воевода не сумел своевременно пресечь. Вторая причина — отсутствие реальной помощи со стороны союзника, что могло позволить королю сосредоточить под Смоленском главные силы. Главная же причина — неумение бороться с сильными крепостями, что уже проявилось при неудачной осаде Выборга в 1495 г. К. В. Базилевич справедливо считает одной из причин неудачи недостаток тяжелой осадной артиллерии, способной разрушить мощные укрепления Смоленска.[2]

Во всяком случае, неудача под Смоленском была завершающим актом большой тяжелой войны. Начались мирные переговоры, и в апреле 1503 г. было заключено 6-летнее перемирие на выгодных для

[1] Хроника Быховца. С. 114–115.
[2] Базилевич. С. 495.

России условиях — за ней остались все земли, возвращенные из-под власти Литвы. В течение всей кампании инициатива находилась в руках русских войск, и они наносили противнику удары, разоряя его территорию и ослабляя его силы. Это было главной причиной того, что противнику не удалось добиться реального взаимодействия литовских и ливонских войск.

* * *

Характерная черта кампании 1502 г., как и предыдущей, — борьба с двумя сильными противниками на двух самостоятельных операционных направлениях. В этих условиях первой задачей русского ВГК было определение направления главного удара и создание соответствующей группировки сил.

Если на западном направлении русское верховное командование ставило перед войсками активные задачи стратегического масштаба, то на северо-западном направлении русские войска придерживались стратегии активной обороны. Единственной крупной операцией была оборона Пскова от сентябрьского наступления войск магистра.

Активно-оборонительная стратегия на северо-западном направлении в данных условиях оправдала себя. Главные силы русских войск не отвлекались с основного операционного направления (на Смоленск), а противнику не удалось добиться каких-либо успехов.

Как и в предыдущих кампаниях, русское ВГК пыталось наладить стратегическое взаимодействие с союзником. Но, как и в прошлые кампании, эти попытки успехом не увенчались, несмотря на благоприятную для Менгли обстановку (победу над Ших-Ахметом). Огромный по размеру и разрушительности рейд крымских царевичей в августе-ноябре преследовал только цели обогащения крымских татар, и реальной помощи русским войскам не принес. Причина этого — несходство коренных политических интересов обоих союзников.

В стратегическом отношении кампания 1502 г. показала эффективность работы русского ВГК. Не добившись блестящих успехов, оно сумело, тем не менее, в сложных условиях достигнуть общего благоприятного исхода кампании. Оно правильно определило направление своего главного удара. Сохраняя крупные резервы, оно в нужном случае создало сильную группировку на ливонском фронте. Несмотря на неудачу под Смоленском, кампания 1502 г. была успешным заверша-

ющим этапом большой трехлетней войны, закончившейся победой России.

Последние десятилетия XV в. ознаменовались крупными изменениями в вооружении, тактике и организации европейских армий. Широкое развитие бронзовой артиллерии резко повысило ее значение как при осаде крепостей, так и в полевом бою. Не меньшее значение имело появление пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, — она становится основным элементом боевого порядка, взаимодействуя с копейщиками и конницей.

Борьба с орденскими войсками с их более мощным огнестрельным оружием, артиллерией и пехотой была для наших войск трудна. Победа достигалась большой кровью русского служилого ополчения. Не всегда оно было на должной высоте с точки зрения дисциплины и организованности; старая псковская система земского ополчения показала свою неэффективность.

Объективно все должно было побудить руководство страны продолжать и расширять военную реформу и улучшать организацию служилой конницы, но прежде всего — обратить внимание на развитие артиллерии, полевой и осадной, и создать пехоту, вооруженную огнестрельным оружием. Но эти реформы выходят уже за рамки рассматриваемого периода и охватывают следующие десятилетия XVI в., вплоть до создания стрелецкого войска.

Заключение

Со времен первых Калитичей известны межкняжеские договоры, определявшие взаимные обязательства князей в случае военной опасности. Первый пример такого рода — «докончание» сыновей Ивана Калиты: «А где ми будет вести на конь всести вы со мною. А где ми будет самому не всести, а будет ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья».[1]

По мере усложнения политической структуры Московского княжества (а затем — великого княжения Московского), взаимные обязательства князей усложнялись и уточнялись.

[1] ДДГ. № 2. С. 13.

Последний договор Василия Темного с удельным князем Московского дома Василием Серпуховским 1452–1456 гг. предусматривал:

«А где мне, великому князю, всести на конь, и тебе со мною поити без ослушанья.

А где пошлю своего сына, и тебе с ним поити без ослушанья.

А где ми будет тебе послати, и тебе так же всести без ослушания.

А где пошлю своих воевод, и тебе послати с моими воеводами своего воеводу с своими людьми.

А которые брата бояре и дети боярские служат мне, великому князю, и моим детям, а живут в твоем уделе, и тем ходити со мною, с великим князем, и с нашими воеводами.

Так же которые бояре и дети боярские живут в моей отчине, в великом княжении, а имут служити тобе, князю Василью Ярославичю, и тем ходити с тобою и с твоими воеводами.

А городная осада, кто где живет, тому туто и сести в осаде опрыв бояр введенных и путников».[1]

При всем отличии договора Василия Темного от докончания первых Калитичей они содержат неизменным основное положение: приоритет старшего (великого) князя. Вместе с тем, договор Василия Темного утверждал экстерриториальный характер военно-служилой системы: военные обязательства бояр и детей боярских своему сюзерену не зависят от места их проживания.

Последний договор Ивана III с удельным князем Московского дома (Андреем Углицким, 1486 г.):

«А где мы великие князи (т. е. Иван Васильевич и Иван Иванович. — *Ю. А.*) сядем на конь сами, и тебе с нами поити.

А где тебя пошлем, и тебе поити без ослушанья.

А где пошлем своих воевод, и тебе с нашими воеводами послати своего воеводу с своими людьми.

[...]

А хто которому князю служит, где бы ни жил, с тем ему и ехати, которому служит.

А городная осада, где кто живет, тому туто и сести, опричь бояр введенных и путников».[2]

---

[1] Там же. № 58. С. 181.

[2] Там же. № 82. С. 325.

Военная конвенция Ивана III с Андреем Углицким содержит те же основные положения, что и договоры его отца с Василием Серпуховским. Внешне осталось все по-старому, «по старине и по пошлине». Старая система межкняжеских военных конвенций не была отменена формально, но была ликвидирована фактически.

Система военных конвенций опиралась на политическую структуру Русской земли как совокупность княжений, обладающих традиционными суверенными правами. Политика Ивана III привела к созданию новой структуры — единого Российского государства, обладающего суверенными правами на всей своей территории. Этот основной факт решающим образом повлиял на военную систему Русской земли — был создан институт верховного главнокомандования, т. е. объединения всей военной и политической власти в лице великого князя — государя всея Руси. Это было основным, самым главным нововведением в военной системе России — совокупность княжеских ополчений превратилась в единое российское войско под единым командованием и централизованным руководством.

Роль удельных князей как военных руководителей свелась к нулю: оставаясь теоретически «суверенными» в своих тающих уделах, князья потеряли всякую возможность оказывать какое-либо влияние на реальный ход событий. Фактическое положение удельных князей в новой военной системе отвечало их положению в новой политической системе единого Российского государства.

Крупная военная реформа соответствовала по своему характеру другим преобразованиям Ивана III — традиционным по форме, радикальным по существу.

Создание системы ВГК и ее аппарата на стратегическом уровне привело к реформе на оперативно-тактическом уровне. Полки Большой, Передовой, Правой и Левой руки, Сторожевой превратились из частей боевого порядка, формируемых перед сражением, в оперативно-тактические соединения под командой заранее, до похода, назначенных воевод. Появилась и определенная иерархия этих воевод — своего рода «табель о рангах». Возникла и система связи между ВГК и воеводами — это письменные директивы, передаваемые через специальных посланцев.

Все эти явления существенно отличают войско первого государя всея Руси от всех предыдущих русских князей.

История походов позволяет проследить этапы складывания новой военной системы. В походах 60-х гг. еще явственно видны черты ста-

рой военной организации с признаками удельно-вечевой традиции, но все более отчетливо проявляются новые черты военного руководства. В 70-х гг. впервые четко прослеживаются основы новой системы, прежде всего — единое верховное главнокомандование с его функциями стратегического руководства, а в кампании 1477 г. — первые разрядные записи, реальные плоды деятельности нового складывающегося ведомства. В кампаниях 80—90-х гг. видно дальнейшее развитие новой системы, усложнение ее функций, все более четкая разработка и выполнение планов кампаний. Образцом оборонительной кампании в сложных условиях войны на два фронта может послужить кампания 1480 г., приведшая к победе на Угре. Кампания 1500 г. может рассматриваться как образец наступательной операции с решительными целями, а последующие кампании против Литвы и Ливонии — как пример оборонительно-наступательных операций на нескольких самостоятельных направлениях.

Созданный новый механизм управления войсками, новая организация вооруженных сил, проявившие себя в походах русских войск при Иване III, образуют важный рубеж в военной истории России. С этого времени можно говорить о военной стратегии в собственном смысле слова — как одной из главных функций государственного руководства. В стратегии Ивана III проявились некоторые характерные черты:

— централизация руководства;

— тщательная предварительная подготовка кампании;

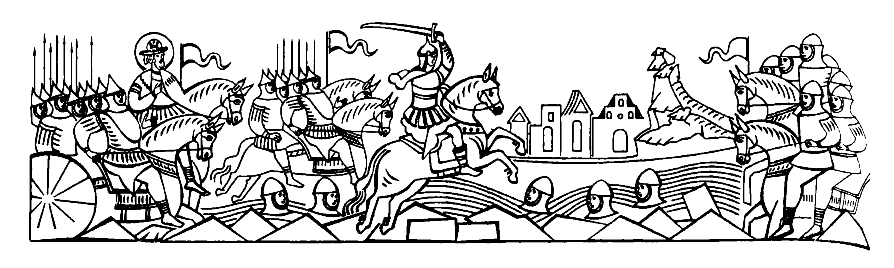
— умелый выбор направления главного удара, приводящего к решительным последствиям;

— создание и умелое использование стратегического резерва;

— способность своевременно и правильно реагировать на обстановку;

— отсутствие шаблона и застывших схем: разнообразие оперативно-стратегического маневра в зависимости от конкретных целей и задач кампании.

В целом можно считать эпоху Ивана III одной из самых плодотворных в военной истории нашей страны. За 40 с лишним лет почти непрерывных походов были достигнуты блестящие стратегические результаты, определившие дальнейшие судьбы Российского государства. Бывали проигранные бои, но не было проигранных кампаний. В военной, как и в политической истории нашей страны, открывалась новая эпоха.



Русское войско и военное искусство IX–XVII вв.

Курс лекций

Военная история — неотъемлемая часть исторического процесса. Война — важнейшее общественное явление, пронизывающее все социально-экономические, политические и культурно-исторические структуры.

Собственно наука о военной истории может быть разделена (достаточно условно) на две части: история военной организации как части общественного организма и история военного искусства, т. е. практическое использование этой военной организации для решения конкретных политических задач.

К военной организации можно отнести такие вопросы, как организация военного ведомства, комплектование войск, обучение, вооружение, снабжение войск и т. п.

К военному искусству следует отнести стратегию (искусство ведения войны) и тактику (искусство ведения боя). Промежуточное место занимает то, что на военном языке XIX–XXI вв. носит название оперативного искусства (по отношению к более раннему времени этот термин обычно не применяется) — умение сосредоточивать войска на нужных направлениях для решения поставленной задачи.

Понятно, что военное искусство зависит от социально-экономической базы общества, от его политической организации, от нравственно-культурного уровня народа. Военное искусство решает задачи, поставленные перед ним политическим руководством страны. При любых обстоятельствах основная задача военного искусства — достижение победы над противником.

Предлагаемый сжатый курс лекций преследует цель познакомить студентов — гражданских историков — с наиболее важными событиями военной истории нашего Отечества. В силу необходимости мы вынуждены излагать материал не как непрерываемую цепь событий, а в виде отдельных очерков, посвященных наиболее ярким и значимым эпизодам развития военного искусства первого тысячелетия истории России.

Лекция 1

Военное искусство Древней Руси IX – середины XII вв.

Основным источником для данного периода являются русские летописи.[1] Кроме известных студентам общих курсов истории России, необходимо обратить внимание на исследование выдающегося советского военного историка Е. А. Разина «История военного искусства».[2]

Древняя Русь в IX–X вв. переживает раннюю зарю своего существования. На базе общинных отношений создается будущее древнерусское государство. Политический строй представлен княжеской властью как исполнительным органом и вечевым собранием как законодательным. Древнейший русский летописец отмечает многочисленные межплеменные столкновения и походы первых русских князей.

В 866 г., по данным русской летописи и византийских источников, русские впервые напали на столицу Византии. Большая флотилия киевского князя Аскольда (по византийским данным — 200 «кораблей», т. е. парусно-гребных лодей) высадила десант в непосредственной близости от Константинополя. Окрестности столицы подверглись разорению. Но, на счастье греков, сильный шторм разметал русские суда и лишь немногие из них, по словам летописца, добрались до Киева.[3]

Поход Аскольда, в достоверности сведений о котором нет оснований сомневаться, преследовал, по-видимому, отнюдь не политические

[1] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 2001.

[2] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. М., 1994 (далее — Разин).

[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21–23.

цели. Целью был грабеж богатого города. Несмотря на ничтожность (с нашей точки зрения) цели, поход Аскольда представляет серьезный военно-исторический интерес. Большая лодейная флотилия впервые пересекла Черное море (от устья Днепра до Босфора — 300 морских миль, т. е. 540 км) и нанесла внезапный удар по столице Византии. Численность десанта могла доходить до 8 тыс. человек (на лодье обычно было 40 гребцов-воинов). Скорость парусно-гребной лодьи — 3–4 узла, на переход к Босфору при благоприятных условиях нужно порядка 100 часов.

Византийцы оказались застигнутыми врасплох, и только чрезвычайное напряжение сил и благоприятные погодные условия спасли столицу от вторжения «варваров». Лодейная флотилия, состоящая из небольших, но достаточно мореходных парусно-гребных судов, подобных судам викингов, — первый образец военно-морского флота Древней Руси. Как и суда викингов, русские лодьи были и транспортным, и боевым средством. Аскольд выступает не как политик и стратег, а как смелый авантюрист, проложивший для Руси впервые дорогу к Царьграду.

Наибольшее внимание наша летопись уделяет походу князя Олега в 907 г.[1] Достоверность известия вызывает сомнения. С. М. Соловьев называет его «летописным преданием», не ставя вопрос о его достоверности. А. А. Зимин считает сведения о походе легендой, составленной на основе более поздних известий. Е. А. Разин, напротив, принимает летописный рассказ безоговорочно.

В известии о походе 907 г., о котором молчат византийские источники, правдоподобные элементы перемешиваются с неправдоподобными. Правдоподобно само известие о походе большой лодейной флотилии через Черное море к Босфору — реальную возможность этого доказал поход Аскольда. Не вызывают сомнения размеры лодей — по 40 гребцов-воинов на каждой. Такие размеры подтверждаются другими источниками. Русская парусно-гребная лодья (аналог судам викингов) отличалась от них несколько меньшими размерами (что обусловливается особенностями плавания по рекам). Правдоподобна тактика Олега — высадка десанта в непосредственной близости от Константинополя: так же поступил в свое время Аскольд.

Наряду с этим, известие о походе содержит неправдоподобные элементы. Невероятно число лодей («кораблей») с десантом. Мобилизация

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29–30.

80 тыс. воинов на 2 тыс. кораблях не соответствует реальным возможностям киевского князя. Невероятно, что конница идет вдоль берега параллельно движению флотилии — для этого она должна была пройти через Болгарию, о чем нет никаких известий. И, кроме того, это бы полностью нарушило внезапность удара по Царьграду. Технически невозможно движение лодей по суше под парусами. Все эти элементы известия о походе 907 г. ставят сам поход под большой вопрос.

В 941 г. поход на Царьград совершил князь Игорь. По данным русской летописи, его войско насчитывало 10 тыс. человек, что более или менее правдоподобно. Флотилия состояла из 250 лодей. Нанести удар, неожиданный для противника, не удалось. Дружественные Византии болгары сообщили о движении русской флотилии.

Главные силы византийского флота и армии были отвлечены в это время борьбой с арабами, и Игорю удалось беспрепятственно высадиться в районе Царьграда. Однако развить свой успех Игорь не смог — византийцы сумели быстро подтянуть свои силы на защиту столицы.

В бою на суше византийцы имели численное превосходство, они поставили Игоря в тяжелое положение и вынудили русских погрузиться обратно на свои лодьи. Но русская флотилия была атакована византийскими кораблями с «текущим огнем» (трубами с горящей смесью) и была уничтожена. Игорю с остатками сил удалось прорваться к северным берегам Черного моря.[1]

Игорю не удалось добиться внезапности, и это одна из основных причин его поражения. Вторая и главная причина — превосходство противника на море. В таких условиях десантная операция не может иметь успеха. В 944 г. Игорь предпринял новый поход. На этот раз поход лодейной флотилии сопровождался идущей по берегу наемной конницей печенегов. Византийский василевс предпочел не подвергать столицу риску очередного нападения и заключил с Игорем мир.[2]

Наследник Игоря Святослав начинает свою военную деятельность с походов на ближайших, наиболее опасных соседей Киевской Руси. В 965 г. Святослав нанес поражение хазарскому кагану и разрушил основные центры его державы. Войско Святослава завоевало Тмутаракань — Таманский полуостров.[3]

---

[1] Там же. Стб. 44–45.
[2] Там же. Стб. 45.
[3] Там же. Стб. 65.

Никаких подробностей этого похода летопись не сообщает. Надо полагать, что Святослав шел в этот большой и длительный поход не только со своей конной дружиной, но и с ополчением славянских племен, подчиненных его власти. По всей вероятности, пехота шла на лодьях, а конница — берегом.

Разгром каганата был крупным политическим и стратегическим успехом. Была ликвидирована опасность с юго-востока, открывался путь на Каспий и Черное море, что имело не только стратегическое, но и экономическое значение.

Второй известный нам поход Святослава был направлен на Оку и Среднюю Волгу. Святослав подчинил своей власти славянское племя вятичей, живших на Оке, — тем самым было закончено объединение всех восточнославянских племен под властью киевского князя. Святослав после победы над вятичами вышел на Волгу и разбил племена камских болгар и буртасов.[1]

Поход на Среднюю Волгу был логическим и стратегическим продолжением войны с хазарами. Теперь все течение Волги оказалось в руках Киевской державы, что было, несомненно, крупнейшим политическим и стратегическим успехом Святослава.

Наиболее крупное предприятие Святослава — большая война с Византией. Основной византийский источник об этой войне — записки Льва Диакона, секретаря византийского василевса, непосредственного участника и свидетеля событий.[2] Общая картина войны с Византией рисуется следующим образом. В кампании 968 г. русская лодейная флотилия вышла в устье Дуная. Русский десант овладел рядом болгарских городов на Дунае,[3] но внезапное нападение печенегов на Киев заставило Святослава поспешить на помощь своей столице.

Он провел важную реформу — раздал русские города во владение своим сыновьям и заявил о переносе своей столицы в Переяславец на Дунае. Вернувшись на Дунай, Святослав столкнулся с новой политической ситуацией. Обеспокоенная успехами Святослава Византия стягивала свои силы для отпора.

В кампании 969 г. Святославу удалось добиться успехов на оперативно-тактическом уровне. Он перешел через Балканы и подошел к

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65.

[2] *Лев Диакон.* История. М., 1988.

[3] ПСРЛ. Стб. 65.

Адрианополю, создав угрозу прорыва к столице Империи. Но сражение под Адрианополем было им фактически проиграно, и он вынужден был начать отступление в северную Болгарию. Византийское войско зимой перешло Балканы и подошло к Переяславцу. Город был блокирован со всех сторон. Борьба за Переяславец продолжалась несколько месяцев. Лишенный какой-либо помощи извне, Святослав проявил исключительную активность в обороне, совершая смелые вылазки. Однако истощение сил заставило его пойти на соглашение с василевсом. Святослав обязался вывести свои войска (точнее, остатки их) из Болгарии, а василевс обещал предоставить им свободный проход.

Василевс предупредил печенегов, и те напали на дружину Святослава за днепровскими порогами. Князь и бо́льшая часть дружинников пали смертью храбрых на поле боя. К Киеву удалось прорваться только воеводе Свенельду с небольшим отрядом. Их рассказ и является русским источником о втором болгарском походе Святослава.[1]

В военной истории России князь Святослав занимает исключительное место. Перед нами — военный и политический деятель другого масштаба и уровня, чем его предшественники. В лице Святослава виден далеко зашедший симбиоз варягов и славян, о чем свидетельствует само славянское имя русского князя. В истории древнерусской державы начинался новый этап.

Отношение летописи к Святославу весьма показательно. Мы ничего не знаем о личных качествах Олега и Игоря — видим только их действия. Святослав же довольно подробно охарактеризован как личность — его привычки, отдельные высказывания и т. п. Очевидно, он производил сильное впечатление на современников, и наша летопись передает отголоски этого впечатления, оставшегося в памяти отдаленных потомков: сохранился яркий образ бесстрашного князя-воина, показавшего неувядаемый пример воинской доблести.

Стратегическое искусство Святослава проявилось в его первом походе на восток и юго-восток. При всей скудости наших сведений, видны основные черты — наступательный характер стратегии, умелый выбор направления главного удара по наиболее важным объектам, приводящий к полному разгрому противника. В этих походах, по-видимому, удается организовать взаимодействие лодейной флотилии с конницей.

---

[1] Там же. Стб. 67.

В кампании 968 г. Святослав также достигает крупного оперативно-стратегического успеха, овладев важной базой на Дунае, что создавало предпосылку дальнейших успехов в Болгарии. Но здесь же проявилась и слабость стратегической концепции Святослава — недостаточное внимание к своей основной политической и стратегической базе — Киеву. Разделение Русской земли на отдельные княжения, не связанные между собой, и попытка перенесения центра своей власти на Дунай свидетельствуют об ограниченности политического кругозора Святослава — он только князь, а не глава государства.

Кампания 969–970 гг. снова демонстрирует характерную черту стратегии Святослава — ее решительный наступательный характер и стремление нанести удар по главному центру противника. Но та же кампания показывает ошибочность стратегического расчета — переоценку своих реальных возможностей. Святослав вынужден отступать: самая лучшая тактика не может исправить просчета стратегии.

Затем следуют три стратегические ошибки. Балканские перевалы не были укреплены (может быть, не хватило сил?). Силы, и без того недостаточные, разделены на изолированные отряды, а не собраны в один кулак для контрудара по наступающему противнику. Недооценено значение морской силы — византийский флот беспрепятственно вошел в Дунай и перерезал все коммуникации. Все это вместе с недостатком сил не могло не привести к поражению. Умея проводить наступательные кампании, Святослав не сумел организовать стратегическую оборону.

Тактика Святослава отражает те же черты активности, решительности и целеустремленности. Основу боевого порядка составляет пехота, построенная в форме фаланги, т. е. способная к решительному удару. Значительно хуже обстоит дело с конницей — ее мало, она состоит главным образом из наемников и нестойка в бою. Маневрировать на поле боя фаланга не может, управление войсками в таких случаях фактически отсутствует. Но здесь-то и проявляется самая сильная сторона Святослава — его львиная храбрость и моральное воздействие на воинов. Речи Святослава перед воинами — ярчайший пример воинского красноречия, и через тысячу лет они не оставляют читателей хладнокровными.

Несмотря на конечную неудачу, велико морально-политическое значение деятельности Святослава. Образ неустрашимого князя-воина — первая яркая звезда на небосклоне русской воинской славы.

Ограниченность политического и стратегического мышления Святослава — проявление не столько его личных недостатков, сколько характерных черт эпохи — еще не сложившихся предпосылок для более масштабного государственного мышления.

* * *

Реформы Владимира Святого и, прежде всего, приобщение Руси к православию — важнейший этап формирования русской государственности. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона — первое проявление русского национального самосознания. Перед нами — уже не языческие племена, более или менее произвольно стянутые властью князя, а раннее государство (хотя еще и примитивное) со своей политической и философско-нравственной концепцией. К внешним политическим связям теперь добавились связи внутренние, идеологические — на базе православной веры и мировоззрения.

«Повесть временных лет» сохранила важное известие о военной реформе Владимира Святого в последний период его княжения: создание вокруг Киева системы городов-крепостей. Он «поча нарубати мужи лучшие от Словен, и от Кривич, и от Чюди, и от Вятичь, и от них насемь грады, бе бо рать от Печенег, и бе воююче с ними и одоле им».

Реформа Владимира Святого носит черты определенной государственной стратегии — обеспечение безопасности от кочевников-печенегов. Весьма важно создание гарнизонов новых крепостей из «лучших людей» славянских племен, подвластных Киеву. Славянские племена играют все большую роль в развитии древнерусской государственности.

Но в целом Русская земля XI в. — союз городов-княжений, слабо связанных властью старшего из князей — киевского. Союзу не хватает внутренней крепости, и он сотрясается межкняжескими усобицами. В этих малых княжеских войнах не было места сколько-нибудь выраженной стратегии — события развиваются главным образом на тактическом уровне, на поле боя.

Военную силу князей составляет дружина — наиболее близкие князю воины, фактически постоянно находящиеся на службе, и земское ополчение из жителей городов и волостей, призываемых к оружию для конкретного похода.

Одним из наиболее ярких примеров русской тактики этого времени может служить бой у Листвена (недалеко от Чернигова) в 1024 г. меж-

ду Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом. Главные силы Ярослава — варяжские наемники. У Мстислава наемников не было, но было земское ополчение северян — жителей Черниговской земли. Судя по летописи, Ярослав построил свое войско в форме глубокой фаланги.

Мстислав разделил свои силы на три части. В центре («челе») были поставлены ополченцы. На флангах находилась дружина. Ночью разразилась страшная гроза, — и этот момент Мстислав использовал для атаки. Ополченцы, против которых сражались испытанные в боях варяги, несли большие потери, но держались стойко. Дружина Мстислава стала обходить фланги варягов, угрожая выходом в тыл. Не ожидавшие этого варяги были наголову разбиты. Ярославу с остатками его войска удалось спастись бегством.[1]

Сражение у Листвена — первое известное нам применение нашими предками расчлененного боевого порядка. Князь Мстислав в этом бою проявил качества выдающегося полководца. Фактически он повторил маневр Ганнибала под Каннами, хотя, по всей вероятности, ничего о нем не слышал. Мстислав целесообразно расчленил свои силы, создав ударную группировку на обоих флангах и сковав противника в центре.

Он удачно выбрал время для начала сражения, использовав фактор внезапности. По-видимому, он каким-то образом руководил боем — все части боевого порядка действовали согласованно. Несмотря на ничтожность политической цели (с нашей точки зрения), имя Мстислава, замечательного полководца-тактика XI в., не может быть забыто.

К 1043 г. относится последний морской поход русской лодейной флотилии через Черное море. По повелению Ярослава Мудрого, во главе похода был поставлен его сын Владимир Новгородский, а воеводство (фактическое руководство войсками) было поручено Вышате.

Лодейная флотилия была разбита штормом. 6 тыс. воинов во главе с Вышатой (экипаж 150 лодей) были выброшены на берег. Остатки флотилии вместе с князем Владимиром вернулись «в Русь». Отряд Вышаты, шедший по берегу, был взят в плен византийцами. Поход потерпел полную неудачу.[2]

Князь Владимир оказался далеко не на высоте своего положения. Он потерял управление своим войском, дал ему разделиться на две

[1] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148.
[2] Там же. Стб. 154.

части, что само по себе уже предопределило поражение. Воевода Вышата проявил большое мужество, отказавшись бросить на произвол судьбы людей, выбравшихся на берег («аще жив буду, то с ними, аще погибну, то с [ними же]»), и разделил с ними трудности похода и плен.

Киевской Руси было не под силу бороться с могущественной Византийской империей. Походы через Черное море прекратились.

* * *

Во второй половине XI в. главным врагом Руси становятся половцы, кочевники из южно-уральской степи. Первое крупное нашествие половцев относится к 1068 г. Войска русских князей были разбиты, южная окраина опустошена. В дальнейшем набеги половцев, доходивших до Киева и Чернигова, не раз заставляли русских князей браться за оружие. Но прочного союза между князьями не было, и набеги половцев не прекращались. Пассивная оборона против половцев, сводившаяся к отражению их отдельных набегов, оказалась явно несостоятельной.

В 1103 г. русские князья предприняли первый крупный поход в половецкие степи. Конница шла по берегу Днепра, пехота — в лодьях. Дойдя до днепровских порогов, пехота высадилась из лодей, и все войско двинулось в степь. Впереди главных сил шел авангард — сторожевой отряд. На четвертый день похода русский передовой отряд встретился с передовым отрядом половцев и уничтожил его.

Затем 4 апреля произошло сражение главных сил. Детали его неясны. Из слов летописца видно только, что русские «воины на конях и пеши» разгромили половцев, причем было убито 20 половецких князей, а некоторые взяты в плен. Была захвачена большая добыча, но летопись не сообщает о продолжении похода в глубь степей.[1]

В походе 1103 г. обращает на себя внимание взаимодействие пехоты и конницы и создание передового отряда, имевшего самостоятельную боевую задачу. Однако победа, несмотря на свой масштаб, не имела стратегических последствий.

В 1111 г. Владимир Мономах, князь Переяславский, уговорил Святополка Киевского предпринять новый поход.[2] Поход начался 17 февраля. Пехоту и кладь везли на санях. 22 февраля русские войска были

[1] Там же. Стб. 277–279.
[2] Там же. Т. 2. Стб. 264.

на Суле, 23-го — на Хороле. Здесь сани были оставлены. 24 февраля войска вышли к р. Псёл, дальше — к Голтве. Здесь подождали «воев» — вероятно, пехоту, отставшую от конницы. 27 февраля вышли к Ворскле. Перейдя через много рек, войска на шестой неделе Великого поста, т. е. 19 марта, вышли к Дону. 21 марта русские всадники надели боевые доспехи, которые до тех пор везли на подводах. Войско было построено в боевой порядок и подошло к половецкому городу Шаруканю, который сдался без боя.

В пятницу 25 марта произошло сражение с главными силами половцев. По словам летописца, оно окончилось полной победой русских. 27 марта, в Страстной понедельник, произошло второе сражение. Половцы большими силами атаковали центр («чело») русских войск. Мономах и его двоюродный брат Давид Святославич ударили «с полки своими», надо полагать, во фланг половцев, и половцы «вдаша плещи свои на бег». Победа, по-видимому, окончательно решила судьбу кампании — о новых боях летописец не пишет.

«Возвратишася Русьстие князи в свояси со славою великою».

Это первый поход русских войск, столь подробно отраженный в летописи. Очевидно, велся дневник похода — скорее всего, одним из клириков. Это зародыш походной канцелярии. Но если поход описан довольно подробно, с точными датами и фактами, то описание сражений носит очень обобщенный характер и не содержит подробностей и особенностей тактики. Автор дневника явно не был воином.

Наибольший интерес представляет стратегия Мономаха. От пассивной обороны он перешел к решительному наступлению. Если в 1103 г. русские войска вошли в степь только на несколько переходов, то в 1111 г. многодневный поход в глубину территории противника (глубина операции от Киева превосходила 1000 км, темп операции 20–25 км в сутки) привел к разгрому его основных политических центров. В этом смысле Мономах продолжал традицию Святослава.

Поход в степь был хорошо продуман и подготовлен. Для участия в походе были мобилизованы все наличные силы. Рядом с княжеской дружиной шло земское ополчение. Были использованы транспортные средства — лодьи по воде, сани по снегу.

Можно сказать, что полководческая деятельность Мономаха — вершина военного искусства Древней Руси. Политическая целесообразность, хорошо продуманная стратегия, организация и управление войсками обеспечивали решение важнейшей политической задачи.

В результате похода 1111 г., Русская земля на несколько десятков лет была обеспечена от опасности половецких вторжений.

После Мономаха Киевская Русь как союз городов-государств на основе княжеско-вечевой власти начинает клониться к упадку. Начало феодальных отношений приводит к росту центробежных тенденций — к усилению княжеского сепаратизма и к ослаблению политических связей между русскими землями. Соответственно, сужается политический кругозор, вырождается стратегическое мышление. Над Древней Русью нависает опасность потери политического единства — основы государственности. В этих условиях растет объединяющая роль Православной Церкви.

* * *

Время Киевской Руси — утро русской государственности. Союз племен превратился в раннее государство со своей более или менее определенной политической структурой.

От времен Аскольда и Олега до Владимира Мономаха военная организация и военное искусство Руси проделали большую эволюцию. Характерная черта военной организации этого времени — возрастающая роль земского ополчения при сохранении первенствующего значения княжеской дружины. Это отражает возрастание роли населения городов-государств в решении важнейших политических и военных вопросов.

Специфическая черта военной организации Древней Руси — большая роль лодейной флотилии (судовой рати). Именно судовая рать играла главную роль в решении задач стратегического масштаба — в дальних походах по морю и рекам. Сочетание судовой рати и конницы — особенность древнерусского войска, не имеющая аналогов в других странах Европы.

Причина этого — в особенностях физико-географических условий Восточной Европы. Огромная равнина, покрытая непроходимыми лесами и болотами, имела только одну надежную связь — по рекам. Лодейная флотилия является в основном транспортным средством для перевозки пехоты и грузов. Только известие 1151 г. о боях под Киевом рисует лодейную флотилию как боевое средство. Лодьи Изяслава Киевского были покрыты палубой, на которой стояли одетые в броню лучники. Такие лодьи — настоящие боевые корабли. Их применение

на Днепре значительно затрудняло форсирование реки войсками Юрия Долгорукого. На широкой водной поверхности Днепра разыгрался настоящий бой судовых ратей.

Тактика древнерусского войска основана на взаимодействии пехоты и конницы с преобладанием последней. Более многочисленная, но хуже вооруженная пешая рать служит на поле боя основой боевого порядка, сковывая силы противника. Конная дружина наносит главный удар.

Важнейшее значение имеет расчленение боевого порядка на «чело» (центр) и «крылья» (фланги), впервые проявившееся в тактике Мстислава на Листвене, — этим обеспечивается возможность управления войсками и маневра на поле боя.

В целом военная организация и военное искусство Древней Руси в условиях XII в. соответствовали социально-экономическим возможностям и политическим потребностям своего времени. Однако принципиального решения основной геостратегической проблемы — обеспечения надежной безопасности от вражеских вторжений — достигнуто не было. Отсутствие естественных рубежей на западе и востоке остается ахиллесовой пятой Древнерусского государства.

Лекция 2

Военное искусство Руси XIII в.

Особенность геостратегического положения Древней Руси — отсутствие естественных оборонительных рубежей в виде горных хребтов, широких рек или морских пространств. И на юге, и на западе, и на востоке страна открыта для вражеских вторжений. Основной факт политической истории Руси с середины XII в. — распад Древнерусского государства, т. е. прежнего союза княжеских вечевых городов-волостей. В этих условиях обеспечение внешней безопасности страны становится прерогативой отдельных княжеств.

Оборона южного стратегического направления от половцев выпала на долю киевских князей. Эта оборона осуществлялась дипломатическим путем и отдельными военными акциями. Существенных успехов после походов Мономаха здесь достигнуто не было.

На западном направлении против католических Польши и Венгрии галицко-волынские князья достигали безопасности главным образом путем дипломатических усилий.

На восточном направлении в XII в. реальной непосредственной угрозы не ощущалось. Здесь открывалась возможность закрепиться в бассейне Средней Волги, для чего требовались наступательная политика и стратегия.

Для постановки и решения этой задачи владимиро-суздальским князьям не хватало ни материальных сил, ни широты политического кругозора.

В этой незавершенности восточной политики русских князей таилась грозная опасность — восточное стратегическое направление оставалось фактически открытым.

С распадом Древнерусского государства исчезла и государственная стратегия. Основное внимание князей привлекало решение частных задач — борьба за первенство, за политический приоритет своих княжений. Политически раздробленная Русь не имела возможности ставить задачи, выходящие за пределы узкокняжеских интересов. Ярким примером такой узкокняжеской политики и стратегии могут послужить события 1216 г.[1]

Великий князь Юрий Всеволодович и его брат Ярослав стояли во главе коалиции владимиро-суздальских князей. Мстислав Удалой, князь Торопецкий, приглашенный новгородцами на их стол, возглавлял коалицию князей Пскова и Смоленска, поддержанную Киевом. На их сторону перешел и Константин Ростовский, претендовавший на Владимирский великокняжеский стол.

Кампания началась 1 марта 1216 г. Мстислав Удалой со своими новгородцами совершил марш-маневр в Суздальскую землю, в тыл своим противникам. Началось разорение Суздальской земли. Суздальские князья вынуждены были наспех стягивать свои силы для обороны стольного Владимира. 21 апреля произошло решающее сражение на реке Липице, недалеко от Юрьева-Польского.

Мстислав Удалой атаковал противника, стоявшего на горе под прикрытием лесных засек. Новгородская пехота пробилась через эти засеки и ворвалась в боевые порядки войск Ярослава Всеволодовича. Мстислав Удалой во главе дружины бросился вслед за пехотой. Он дважды прорезал боевые линии противника и вышел ему в тыл — к обозу. Войска Ярослава обратились в бегство, за ними побежал и полк Юрия Всеволодовича, и другие суздальские полки. Бой продолжался не более двух часов — он был решен одним мощным ударом.

[1] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 111–114.

Победа была полной. Владимиро-суздальская рать была наголову разбита и фактически уничтожена; по словам летописца, на поле боя осталось больше 10 тыс. убитых суздальцев, а потери их противников — по тому же источнику — были небольшими.

Следует иметь в виду тенденциозность источника, явно сочувствовавшего Мстиславу — потери противника, вероятно, сильно преувеличены, а свои преуменьшены, как обычно делается в подобных случаях. Тем не менее, результат боя не вызывает сомнения. Суздальские князья спасались паническим бегством, сбрасывая с себя доспехи (шлем Ярослава был найден на поле боя в начале XIX в.).

Кампания была выиграна одним блестящим ударом. Юрий и Ярослав капитулировали, приняв все условия противника. Стольный город Владимир перешел в руки Константина Ростовского.

Политическая цель была достигнута. Мстислав Удалой показал качества настоящего полководца. Стратегический маневр в обход противника сразу дал в его руки инициативу и все преимущества.

Мстислав смело атаковал укрепленную позицию противника. Сама атака была проведена с большой энергией. Мстислав выстроил свои войска в две линии, использовав в первом эшелоне пехоту и нанеся решающий удар своей конницей. Сражаясь в первых рядах, Мстислав проявил большую храбрость, показывая пример своим воинам.

Кампания 1216 г. — пример хорошей стратегии и тактики при плохой политике. Разорение Суздальской земли и многочисленные жертвы на поле сражения привели, в сущности, к ничтожному политическому результату — замене одного князя другим. Притом на очень короткое время — через 2 года Константин скончался, и великокняжеский стол вернулся к его брату Юрию.

Объективно кампания 1216 г. и ей подобные межкняжеские войны ослабляли Русскую землю и в материальном, и в моральном отношении. Узость политического кругозора привела к тому, что завоевание Чингисханом всего Кавказа и Крыма осталось русским князьям неизвестным, а появление войска Субэдэ в половецких степях в непосредственной близости от Руси — совершенно неожиданным.[1]

«По грехом нашим приидоша языци незнаемы», — по выражению летописца. В 1223 г. разбитые татарами половцы обратились за помощью к русским князьям, и те после долгих совещаний решили ока-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 118.

зать им помощь: «Лучше бы нам срести их [татар] на чюжий земли, нежели на своей».

В поход отправились Мстислав Романович, великий князь Киевский, Мстислав Удалой, княживший в то время в Галиче, Мстислав Святославич из Чернигова и много младших князей с Волыни и Смоленска. О наборе земского ополчения летопись не говорит — видимо, в поход шла только конная дружина. В поход шли и союзники — половцы.[1]

Перейдя Днепр у Хортицы, русские войска углубились в половецкие степи и на 9-й день похода у р. Калки вступили в соприкосновение с татарами. Каждый князь шел во главе своего полка, единого командования не было. Как и прежде, все вопросы решались на совещании князей, но и здесь общего мнения не было.

Мстислав Киевский был против дальнейшего похода в степь. Он занял сильную позицию на правом берегу Калки на высоком холме. Мстислав Удалой со своими галичанами, черниговцами и волынцами 31 мая перешел Калку и занял позицию на ее левом берегу. Был выслан передовой отряд половцев. Этот отряд встретил крупные силы татар, был ими разбит и обратился в бегство. На плечах половцев татары ворвались в расположение главных сил русских. После упорного боя войска Мстислава Удалого были разбиты и бежали, преследуемые татарами.

В течение всего этого времени Мстислав Киевский стоял на своем холме в полном бездействии. Разбив войска Мстислава Удалого, татары начали штурмовать холм. Трехдневные атаки татар были отбиты. Тогда они предложили Мстиславу дать ему за выкуп возможность уйти со своими войсками. Мстислав согласился, но когда русские войска вышли из своего укрепления, они были окружены и перебиты татарами, а князья взяты в плен и затем убиты.

Поражение русских войск носило катастрофический характер. Войска Мстислава Удалого, бежавшие с поля боя, до самого Днепра преследовались татарами и были полностью уничтожены. Сам Мстислав Удалой с трудом переправился через Днепр и велел сжечь все лодьи, опасаясь преследования. 16 июня преследование закончилось. Пройдя по левому берегу Днепра до Витичева, татары повернули обратно в степь.

[1] Там же. С. 119–121.

Краткосрочная кампания 1223 г. — одна из самых трагических в истории нашей страны. Поражение на Калке было закономерным следствием политических, стратегических и тактических ошибок.

Князья, выступив в поход, не имели заранее продуманного плана: принципиально верное решение оказать помощь соседям не сопровождается соответствующей политической и стратегической подготовкой. Отсутствует политическая и стратегическая разведка. Нет представления о силах противника — они явно недооцениваются. Поэтому нет серьезной попытки объединить силы всех русских княжеств.

Накануне похода южные князья обратились за помощью к владимирскому великому князю Юрию Всеволодовичу. Он послал в поход своего племянника Василька Константиновича Ростовского. Но тот, дойдя до Чернигова и «слыша зло створившееся», вернулся в свой Ростов и, не побывав в бою, отслужил благодарственный молебен за свое спасение.

Отсутствие стратегического плана сопровождалось отсутствием стратегического и тактического руководства, что дало противнику возможность разбивать русских по частям.

Военная организация Древней Руси не выдержала грозного испытания. Отсутствие политического единства и государственного мышления привели к стратегическому бессилию. Лучший русский полководец своего времени, вчерашний победитель на Липице, оказался беспомощным перед новым врагом.

Наступало новое время, которое требовало принципиально новых идей в политике, военной системе, стратегии и тактике. Для ответа на эти запросы времени требовались чрезвычайные усилия.

Были ли предприняты эти усилия в ближайшие годы после катастрофы на Калке? Судя по тексту нашей летописи, событие на Калке никоим образом не отразилось на политике русских князей. Никаких попыток учесть и осмыслить полученный урок сделано не было. Продолжались те же межкняжеские распри, бессмысленные и бесперспективные набеги на соседей (мордву) без каких-либо попыток установить над ними политическую власть.

Во второй половине XII — первой четверти XIII вв. на волжских и камских болгар совершаются походы судовых ратей владимиро-суздальских князей, приводящие к частным успехам,[1] но не решающие

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 116–118.

основной политической и геостратегической задачи — обеспечения восточного стратегического направления.

Рассказ о нашествии Батыя начинается с сообщения о походе татар на Рязанскую землю. Получив ультиматум Батыя с требованием о капитуляции, рязанские князья «послаше ко князю Юрию [Всеволодовичу] Володимерскому просяще себе помощи, или бы сами придем». Но он «и сам не иде и не послуша князей рязанских мольбы, но хоте сам собе осать створеты брань».[1]

Рязань была взята татарами после 5-дневного мужественного сопротивления (с 16 по 21 декабря 1237 г.) и полностью уничтожена со всем населением. Оттуда татары пошли на Коломну, т. е. в пределы собственно великого княжества Владимирского. Только теперь «князь великий... посла против них сына своего Всеволода». В авангарде (сторожах) был послан опытный воевода Еремей Глебович.

Судя по тому, что во главе стоял старший сын — наследник, это были крупные силы. Но в бою у Коломны русские войска были окружены татарами и наголову разбиты. Еремей был убит, а князь Всеволод «в поле дружно прибеже во Владимир». Далее татары пошли к Москве (1–2 перехода от Коломны). Москва была взята, население перебито, воевода Филипп Нянько убит, а сидевший здесь князь Владимир, сын великого князя Юрия, взят в плен.

Только теперь великий князь Юрий осознал весь масштаб надвигавшейся катастрофы. Он теперь уже больше не надеялся на свои собственные силы. Оставив во Владимире сыновей Всеволода и Мстислава и «урядив их в себе место», т. е. предоставив им всю полноту власти и ответственности, он пошел за Волгу на соединение с другими князьями Владимиро-Суздальской земли.

Местом сбора была избрана р. Сить (правый приток Шексны). Здесь он ожидал соединения с братьями Ярославом Переяславским и Святославом Суздальским. С ним уже были ростовские князья. «Нача князь Юрьи полки свои совокупляти, а Жирославу приказа воеводой в дружине своей». Стольный город остался без непосредственной поддержки.

3 февраля 1238 г. татары подошли к Владимиру и после 4-дневного боя овладели городом, штурмовав его одновременно со всех сторон. Главная святыня — Успенский собор — был обложен и подожжен, в огне и дыму погибли епископ Митрофан, князья и множество жителей.

[1] Там же. С. 126.

Татары за один февраль овладели 14 городами великого княжения Владимирского. Главные силы татар, двигаясь через Тверь и Ярославль, за 16 переходов вышли к р. Сити. «Князь великий посла Дороша в посоки в 3000 муж». Отправка такого большого отряда «в посоки», т. е. в разведку, означает, что у Юрия были какие-то подозрения (или сведения) о приближении татар.

Дорош «прибеже и рече» — «уже обошли нас Татарове около». Разведка доложила об охвате татарами флангов и заходе их в тыл. «Великий князь всед на конь с братом Святославом и с сыновцы своими... И нача князь полки ставити». Получив донесение разведки, он начал строить войска в боевой порядок. Но было уже поздно. «С внезапу приспеша Татарове на Сить противу князя Юрия... И бысть сеча зла... и побегоша пред иноплеменники...».

Великий князь был убит, «и вои его много плениша», в том числе князь Василько Ростовский. Это было 4 марта 1238 г. — черный день в истории России.

Какой-то части войска удалось спастись бегством, в том числе и князю Святославу Суздальскому. Никаких подробностей этого трагического боя до нас не дошло, что уже само по себе говорит о масштабе катастрофы — некому было вести записи в бегущем с поля боя остатке русского войска.

Исходя из лапидарного известия нашего единственного источника, можно сделать некоторые предположения. В распоряжении Юрия Всеволодовича были довольно значительные силы, раз он мог отправить «в посоки» такой большой отряд. Можно думать, что у князя было порядка 10 тыс. воинов — владимирских, ростовских и суздальских во главе с их князьями.

Появление татар на поле боя было неожиданным, т. е. они достигли тактической внезапности. По всей вероятности, обойдя русские войска, они ударили во фланг и тыл. Полного окружения русских сил, по-видимому, достичь не удалось, тем не менее, русские потерпели сокрушительное поражение, сопоставимое с разгромом на Калке.

Победа татар на Сити имела стратегический характер: с великим княжеством Владимирским было покончено, и оставалась только эксплуатация победы — дальнейший разгром Руси.

Другая часть орды Батыя двинулась на северное направление — «иние же окаянныи Измаильтяне идоша к Торжку», т. е. на путь к Новгороду. «На Сбор» город был осажден. Оборона Торжка продол-

жалась 2 недели, против города была применена стенобитная техника («пороки»). Не получая ниоткуда помощи, город пал после героической обороны. Татары овладели Торжком «на Середокрестье», т. е. 5 марта.

Взяв Торжок, Батый двинулся на Новгород «селигерским путем», т. е. на Старую Руссу, сметая все на своем пути. Но у Игнача Креста, в 100 верстах от Новгорода, Батый внезапно повернул к югу. Кампания 1237 / 1238 гг. против Владимиро-Суздальской Руси окончилась. Театр военных действий был перенесен на Киевское направление. Стратегическая задача, которую, по-видимому, поставил перед собой Батый, — сокрушить наиболее сильное из русских княжеств, была решена. Руси был нанесен смертельный удар.

Овладев после 7-недельной осады Козельском, который тоже не получил никакой помощи от русских князей, Батый двинулся в половецкие степи, а затем на Южную Русь. В декабре 1240 г. он взял Киев. Русская земля была разгромлена. Наступило ордынское иго.[1]

Трагедия Древней Руси заключалась в том, что социально-экономические отношения и основанный на них княжеско-вечевой политический строй не давали реальной возможности для создания сильной государственной власти, способной обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность страны.

Этим обусловливалась узость политического кругозора и мелочная эгоистичность интересов князей — частное превалировало над общим.

Русское войско, составленное из плохо вооруженного земского ополчения, в основном пешего, и немногочисленной конницы в виде княжеских дружин, не могло успешно бороться со стратегической конницей татаро-монголов, великолепно организованной, вооруженной, дисциплинированной и имевшей огромный боевой опыт. Русская конница была способна только к тактическому маневру на поле боя, что с самого начала отдавало всю стратегическую инициативу в руки противника.

Русские города не имели достаточно сильных укреплений и средств защиты от могущественного противника, располагавшего мощной осадной техникой. Не получая помощи извне, от полевой армии, русские города не могли выдержать долгой осады.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 128.

Эти объективные предпосылки неудачи в борьбе с вражеским нашествием сочетались с субъективными — крупными ошибками политического и стратегического характера.

Уроки катастрофы на Калке ни в какой степени не были учтены. Никаких попыток объединить силы русских княжеств для отпора внешнему врагу сделано не было. Продолжались мелочные межкняжеские распри и беспринципные набеги на соседние языческие племена (например, мордву) без каких-либо попыток политического и морального подчинения их (неизвестно, например, никаких попыток христианизации языческих племен).

Полностью отсутствовали политическая и стратегическая разведка — не заметили разгрома болгар и мордвы. О Батые узнали только тогда, когда он напал на Рязанскую землю. Великий князь Владимирский отказал в помощи рязанским князьям, не понимая всей опасности ситуации и всей меры своей ответственности как самого сильного из русских князей.

Когда нашествию подверглось уже само великое княжество Владимирское, то его силы не были объединены в один мощный кулак, а вводились в кампанию по частям, и по очереди разбивались противником (Коломна, Москва). Попытки объединить силы владимиро-суздальских князей своевременно сделано не было. Выбор р. Сити как места сбора всех сил представляется сомнительным — слишком далеко от реального театра войны, да и татарская конница могла появиться здесь раньше, чем отдельные полки русских князей.

При отъезде великого князя из Владимира столица была предоставлена собственным силам, а их, видимо, было недостаточно, и город пал после недолгой борьбы. Собрав значительные силы на Сити, великий князь не имел достаточных сведений о противнике — оперативная разведка отсутствовала, а тактическая запоздала. Ввиду этого противнику удалось добиться тактической внезапности, что было одной из важных причин поражения русских. В этих условиях никакая личная храбрость на поле боя, никакая героическая оборона отдельных городов, предоставленных своим собственным силам, не могли переломить ход кампании и искупить коренных политических и стратегических ошибок.

«Но слава тех не умирает, кто за Отечество умрет», — как писал великий Державин. Воинская доблесть, даже не приводящая к победе, — ценнейшее национальное достояние, залог будущего возрождения.

* * *

Разгром Руси Батыем создал принципиально новую политическую и геостратегическую ситуацию. Осколки разгромленной Руси оказались перед лицом нового врага на западном направлении — католической феодальной агрессии. В июле 1240 г. шведская флотилия вошла в Неву и поднялась до устья Ижоры. Предводитель шведов ярл Биргер послал в Новгород фактическое объявление войны.

В этих условиях молодой новгородский князь Александр Ярославич, имея через свою сторожевую службу достаточные сведения о противнике, принял решение не ожидать сбора земского ополчения, а немедленно ударить по противнику, пока тот еще не закрепился на берегах Невы. Александр выступил в поход со своей дружиной, к которой примкнули новгородские добровольцы.

15 июля русские силы, пройдя через лес, неожиданно для шведов атаковали их лагерь. Смелая атака обеспечила успех, шведы были разбиты. Остатки их войска поспешно погрузились на свои суда (шнеки, аналоги русских лодей) и ушли в море.[1] Победа на Неве имела большое политическое значение — шведская агрессия была надолго остановлена.

В своей первой кампании Александр Ярославич проявил ценнейшие качества полководца — глазомер, т. е. умение быстро и правильно оценивать обстановку, способность принимать наиболее целесообразное решение. Александр сумел учесть фактор времени и добиться тактической внезапности — важной предпосылки победы. Разгром на Неве сорвал возможное совместное выступление шведов с немецкими рыцарями из Прибалтики.

В морально-политическом отношении победа на Неве просияла как луч света во мгле монгольского нашествия. Победитель шведов стал одним из любимых русских национальных героев. Однако блестящая победа, имевшая общерусское значение, фактически обострила отношения князя с новгородской олигархией. Причина конфликта лежала, по всей вероятности, в стремлении Александра усилить княжескую власть за счет власти олигархов. Это соответствовало владимиро-суздальской традиции и в целом отвечало общерусским интересам. Князю пришлось уехать в свой родной город Переяславль.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 132–133.

Отсутствие его в Новгороде было недолгим. Скоро война приблизилась к стенам самого Новгорода. Наступление немецких рыцарей-крестоносцев на Прибалтику отмечается уже с конца XII в. Овладев землями местных языческих племен и подвергнув их насильственному обращению в католичество, рыцари наполнили их земли своими крепостями-замками и превратили местное население в своих крепостных. Раздробленная Русь не могла оказать эффективного противодействия немецкой экспансии в Прибалтику. Овладев единственным здесь русским городом Юрьевом, превращенным в немецкий Дерпт (Тарту), рыцарская экспансия подошла к границам Псковской земли.

Попытка псковского ополчения остановить немцев оказалась неудачной. Ополчение псковичей не могло противостоять закованным в броню профессиональным воинам, имевшим большой боевой опыт и отработанную организацию. Немцы овладели Изборском, а затем и самим Псковом благодаря измене местных властей. Теперь угроза нависла над Новгородом.

Не встречая эффективного противодействия новгородского ополчения, немцы овладели северо-западной частью Новгородской земли — землями племени водь — и основали здесь крепость Копорье — в 4–5 переходах от Новгорода (120 верст). Продвигаясь вверх по Луге, немцы заняли Тесово (60 верст от Новгорода = 2 перехода) и вышли на ближайшие подступы к городу.

В этих условиях боярская олигархия вынуждена была обратиться к великому князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прислать в Новгород сына Александра.[1]

Первой задачей Александра было создание достаточно сильного войска, так как надеяться на молниеносную победу в одном сражении, как в 1240 г., не было оснований. Противник был гораздо сильнее и опаснее.

Александр проводит мобилизацию местного ополчения — новгородцев и связанных с ними нерусских племен — и обращается за помощью к отцу, великому князю Владимирскому. Тот посылает на помощь свои войска под командой брата Александра — Андрея Ярославича. Таким образом, войско, оказавшееся под начальством Алек-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 134.

сандра Невского, было фактически не новгородским, как обычно пишется в литературе, а общерусским — это соответствовало политическим и стратегическим задачам кампании. Крестоносная агрессия, благословляемая римским папой, угрожала не только Новгороду, но и всей православной Руси.

Первый этап кампании — занятие Копорья и ликвидация немецкого плацдарма в землях води. Немецкая крепость взята штурмом и разрушена (позднее на том же места была возведена русская крепость, прикрывавшая Новгород с северо-запада). Первый этап кампании против немцев закончился крупным стратегическим успехом — были обеспечены правый фланг и тыл стратегического фронта и защищены ближайшие подступы к Новгороду.

Главной задачей второго этапа кампании против Ордена было освобождение Пскова. Русское войско осадило Псков, немецкий гарнизон был взят в плен. Поход на Псков был совершен в зимнее время и был, по-видимому, для немцев неожиданным. Во всяком случае, они не смогли оказать помощи своему гарнизону.

Следующим шагом Александра было движение к Изборску (30 верст к юго-западу от Пскова). В разные направления были посланы разведывательные отряды для определения намерений и сил противника. По этим данным Александр установил, что главные силы немцев находятся на его правом фланге и намереваются совершить обходной маневр. Ввиду этого Александр повернул свои войска к северу и вышел к Чудскому озеру, не давая противнику зайти ему в тыл.

Ожидая подхода немцев, князь занял позицию на восточном обрывистом берегу озера, еще покрытого толстым льдом. Судя по имеющимся сведениям — русским и немецким — пешее ополчение было развернуто на льду озера, а в первом эшелоне поставлены стрелки из луков, т. е. легкая пехота. Конная дружина князя была помещена, по-видимому, во втором эшелоне.

Немецкий клин прорвал центр русского боевого порядка, но русская пехота не обратилась в беспорядочное бегство, на что, видимо, рассчитывали немцы, но стала обтекать фланги клина. Пехотинцы стремились стаскивать рыцарей с коней, убивали их и их коней. Развернуться против этих врагов малоподвижная фаланга не могла. В разгар боя Александр ввел в действие тактический резерв, свою конную дружину, которая завершила окружение противника на льду

озера. Под тяжестью скученных рыцарей лед начал трескаться, и многие рыцари пошли ко дну. Для русской конницы с ее более легкими доспехами такая угроза была значительно меньше.

По-видимому, у немцев началась паника. Они обратились в бегство. Им удалось прорвать кольцо окружения, что спасло их от полного истребления. По нашему источнику, преследование бегущих продолжалось до противоположного берега озера на протяжении 7 верст.

На льду Чудского озера была одержана одна из самых блестящих побед в истории нашего Отечества.[1]

Военные историки с достаточным основанием сравнивают Ледовое побоище с Каннами, а Александра Невского — с Ганнибалом. Александр Невский проявил качества выдающегося политика, стратега и тактика. Как князь Новгородский, а впоследствии великий князь Владимирский, он твердо и последовательно проводил политику в интересах не отдельного княжения, а всей Русской земли. Находясь в труднейших условиях — в тисках между ордынским игом и католической экспансией, Александр сумел проявить политическую дальновидность и реализм. Не ставя перед собой неразрешимых задач, он сосредоточивал свое внимание на решении конкретных, наиболее актуальных вопросов. Приходилось делать выбор.

Политическое подчинение хану при сохранении Православной Церкви было меньшим злом, чем завоевание страны немецкими феодалами и потеря православной веры — основы национальной самоидентификации.

Александру удалось добиться мирных отношений с Батыем ценой признания его верховной власти и тем самым спасти страну от дальнейшего разорения. Это позволило на данном этапе сосредоточить силы на борьбу с западным, более страшным врагом.

Стратегия Александра Невского была направлена на решение основной политической задачи — обеспечение безопасности Руси на западном стратегическом направлении. Для его стратегии характерны целеустремленность, активность, последовательность и глазомер. Стратегия его лишена шаблонов. В походе на шведов он основное внимание уделил быстроте действий небольшого отряда для достижения внезапности, пренебрегая сбором крупных сил. В кампаниях

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 134–135; Разин. С. 157–161.

1241 и 1242 гг. он проявил необходимую осторожность, добиваясь создания большого войска и только тогда переходя в наступление.

Александр стремится действовать наступательно, захватывая инициативу и подчиняя противника своей воле. Решающее значение он придает разгрому живой силы противника в полевом бою (Невская битва, Ледовое побоище), но когда этого требовала обстановка — смело и решительно действовал против крепостей (Копорье, Псков).

Александр придает большое значение разведке — тактической и оперативной. Это дает ему возможность своевременно разгадывать замыслы противника и принимать соответствующие решения (марш-маневр к Усть-Ижоре, маневр к Чудскому озеру). Тактическое искусство князя проявилось в двух битвах — на Неве и на Чудском озере. В первой из них он наносит противнику один стремительный удар, решивший исход боя. На Чудском озере, командуя довольно большими силами и ожидая встречи с опасным врагом, князь действует совершенно по-другому. Он занимает хорошо продуманную оборонительную позицию, как бы предоставляя противнику тактическую инициативу. Атака противника завязает. Тактический резерв Александра наносит рыцарям решающий удар.

В этом сражении Александр показал пример тактического взаимодействия конницы и пехоты. Развернутый строй пехоты и тактический резерв в виде конницы были важнейшей предпосылкой победы. Тактическое искусство Александра отвечало реальной обстановке и задачам, поставленным стратегией. Хорошая тактика материализует хорошую стратегию. Победа на поле сражения, ведущая к победе в войне, — венец стратегического и тактического искусства и истинная слава полководца.

Военно-политическая деятельность Александра Невского — моральный перелом в истории русского военного искусства. На смену прежней узко-княжеской военной идеологии и психологии впервые пришла на той же социально-экономической базе новая общерусская военная идеология. Победы Александра Невского — итог прошлого и залог будущего развития военного искусства нашей страны.

Лекция 3

Военное искусство Руси XIV — первой половины XV вв.

Основной факт социально-экономической истории Руси XIV в. — развитие служилого, т. е. феодального, землевладения. Служилые землевладельцы — непосредственная опора княжеской власти, из рук которой они получают свои вотчины. Служилая конница — наиболее мобильная и дееспособная часть вооруженных сил страны. По мере развития военно-служилых отношений снижается удельный вес и значение земского ополчения, хотя оно продолжает оставаться составной частью русского войска.

Развитию служилого землевладения соответствует усиление власти князя. Раздавая земли своим военным слугам, князь не только создает себе прочную социально-политическую опору, но и усиливает обороноспособность страны.

Новые феодальные отношения постепенно вытесняют и преобразуют прежний общинный строй. Борьба с внешними врагами переплетается с борьбой между князьями за первенство. Наибольшее значение имело противостояние Москвы и Твери — двух основных политических центров, оспаривавших друг у друга первенство в великом княжении Владимирском.

Во второй четверти XIV в. заметно проявляется ведущая роль московских князей в попытках объединения русских земель. В борьбе за великое княжение Владимирское победили прямые потомки Александра Невского — московские князья. Ко времени сыновей Ивана Калиты относится появление первых известных нам письменных докончаний, оформляющих союз московских князей.

В основе московского княжеского союза лежали три основных положения: 1) обязательство взаимной военной поддержки; 2) признание руководящей роли старшего из князей, по чьему приказу младшие должны идти в поход; 3) признание незыблемости прав младших князей на их уделы и на их служилых людей.

Основа всех отношений между Калитичами — совместное управление Москвой согласно духовной грамоте Ивана Калиты.

Особенность межкняжеских договоров московских князей 50-х — начала 60-х гг. XIV в. — их локальный характер: они были чисто «московскими» и не выходили за рамки непосредственных интересов князей Московского дома. За пределы Московского княжества внимание участников договоров не распространялось.

Надо полагать, что эта ограниченность — следствие недостатка материальных сил небольшого Московского княжества для постановки более широких политических и стратегических задач. Тем не менее, значение договоров велико — это первый известный нам документ, юридически определяющий взаимные военно-политические обязанности своих участников. На смену прежним устным договорам домонгольских времен приходит формальный письменный акт.

С приходом к власти великого князя Дмитрия (будущего Донского) происходит дальнейшее развитие княжеского союза. Теперь в сферу его действия включаются не только собственно московские, но и другие русские земли.[1]

Первым серьезным испытанием княжеского союза была борьба с походами на Москву литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича. Ольгерд вмешался в конфликт Москвы с Тверью на стороне тверского великого князя Михаила Александровича.

Свой первый поход Ольгерд совершил в 1368 г. По словам русского летописца, Ольгерд придавал большое значение внезапности своих нападений. Только когда он подошел к самому рубежу Московского княжества, «бысть весть великому князю Дмитрию». Нападение сильного врага застало Дмитрия врасплох. Его воины «не успеша от дальних мест», и только тех, «кто близ него обретошася», он отпустил в «заставу еже есть сторожевой полк». Это были москвичи, коломенцы и дмитровцы. Сюда же подошли силы союзника — серпуховского князя Владимира Андреевича. Но вторжение уже состоялось. Двигаясь по Московской земле, Ольгерд предавал все «огню и мечу». Сражение произошло 21 декабря на р. Тростне, к юго-западу от Москвы. Русские войска были наголову разбиты, их воеводы пали на поле сражения. Путь к Москве был открыт. За год до этого по распоряжению великого князя Дмитрия был построен белокаменный Кремль. За его стенами укрылись митрополит Алексий, сам Дмитрий, его двоюродный брат Владимир и жители сожженного посада. Штурмовать каменную твер-

[1] ДДГ. № 9. С. 25–28.

дыню Ольгерд не решился. Простояв под Москвой несколько дней, он пошел обратно, сжигая и разоряя все на своем пути.[1]

Первая встреча с могущественным Ольгердом закончилась полным поражением великого князя Дмитрия. Войска были разбиты, страна разорена. Военная система оказалась несостоятельной. Отсутствовала разведка — политическая, стратегическая и оперативная, не было боеготовых войск, мобилизация и развертывание носили характер импровизации. Но столицу спасли каменные стены. Владимирская трагедия 1238 г. не повторилась.

Второе столкновение с Ольгердом произошло в 1370 г. На этот раз Ольгерд шел с северо-западного направления, через Волок на Ламе. Под этим городом он встретил упорное сопротивление. Воевода князь Березуйский пал в бою. Ольгерд 6 декабря подошел к Москве, «не успев граду Волоку ничтоже». Как и в 1368 г., «князь великий... затворися в граде». Но на этот раз князь Владимир Андреевич стоял с войсками в Перемышле на Оке, южнее Калуги. Сюда же подошли союзники — пронские и рязанские полки.

Оперативная обстановка принципиально отличалась от той, которая была при первом походе Ольгерда. За считанные дни войска Владимира Андреевича могли выйти во фланг и тыл Ольгерда. Стоя перед неприступной твердыней Кремля, литовский великий князь оказался в чрезвычайно опасном положении. Умный Ольгерд это понял — и запросил мира. Получив только перемирие, он поспешно отошел от Москвы, «бояся за собой погони».[2]

Второй поход Ольгерда закончился его поражением на стратегическом уровне — он проиграл кампанию. Видно, как за два года улучшилась система обороны великого княжества Московского. Теперь противнику внезапности достичь не удалось. На наиболее вероятном направлении движения противника была подготовлена оборона, которая сковала его силы и дала время для принятия контрмер. Важнейшая из них — выдвижение полевой армии, не занятой непосредственной обороной столицы и способной выйти во фланг и тыл противника. Так впервые удалось достичь оперативного взаимодействия гарнизона Москвы с полевой армией. Пассивная оборона сменилась активной. Хотя разорения части страны избежать не удалось, победа над силь-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 184–185.

[2] Там же. С. 186.

ным врагом была достигнута. Политическое и стратегическое руководство великого князя Дмитрия оказалось на должной высоте.

Наиболее крупный поход Ольгерда состоялся в 1373 г. Союзник Ольгерда Михаил Тверской весной напал на Переяславль, Дмитров и Торжок, т. е. города к северу от Москвы. Но главный удар наносился с юго-западного направления. Здесь действовал сам Ольгерд. 12 июля литовские войска и их союзники соединились у Любутска (на Оке между Калугой и Алексином, в 5–6 переходах от Москвы). Но великий князь Дмитрий был готов к отпору. Он, «слышав то... собрал силу многу и поиде с Москвы ратью противу их». Перед Любутским оврагом произошел бой авангардов — сторожевых полков: «...изгониша Москвичи сторожевой полк Литовский и биша их, а сам князь великий Ольгерд бежа за враг». Обе рати стояли друг против друга по разные стороны глубокого оврага, не решаясь перейти его «и веземше мир межи себе разидошася».[1]

Поход Ольгерда и на этот раз закончился неудачей. Характерно, что план кампании, видимо, был заранее продуман Ольгердом: вспомогательный удар тверичей к северу от Москвы должен был сковать силы Дмитрия Московского и облегчить нанесение главного удара. Но расчет оказался ошибочным. Дмитрий разгадал замысел противника, своевременно определил направление его главного удара и, не дожидаясь подхода противника к Москве, выступил навстречу, не давая ему возможности разорять московские земли. Таким образом, впервые удалось реально прикрыть территорию Московского княжества. От активной обороны (как во время второго похода) Дмитрий теперь перешел в контрнаступление и этим сорвал замысел противника.

На наших глазах совершенствуется система обороны: налаживается разведка, растет полководческое искусство молодого великого князя.

Борьба Михаила Тверского против Москвы продолжалась. В нее втягивались все силы, недовольные политикой Дмитрия Московского, направленной на усиление великокняжеской власти.

В 1375 г. Михаил Тверской получил из Орды ярлык на великое княжение Владимирское.[2] Это означало крах всей политики московских князей со времен Ивана Калиты. Реакция Дмитрия последовала

[1] Там же. С. 187–189.
[2] Там же. С. 196.

незамедлительно. Для борьбы с Михаилом он собрал ополчение русских князей — более 20 княжеских полков встали под знамена великого князя Московского. После двух месяцев осады Твери Михаил вынужден был просить мира, признав первенство своего соперника.

Летняя кампания 1375 г. против Твери — пример операции большого масштаба силами ополчения русских князей. Следует подчеркнуть, что великий князь Дмитрий предъявил к побежденному врагу очень умеренные требования. Ему нужно было не унижение Твери, а превращение ее в союзника в борьбе против главного врага — Орды.

Усиление военно-политического значения Москвы и возглавляемого ею союза русских князей приводило к неизбежному обострению отношений с Ордой, которая в это время переживала тяжелый кризис.

К концу 70-х гг. XIV в. фактическим руководителем Орды стал темник (военачальник) Мамай, который ставил своей задачей борьбу против усиливающейся Москвы.

Первое крупное столкновение с Ордой произошло в 1378 г на р. Воже (правом притоке Оки). По словам русского летописца, правитель Орды Мамай «посла Бегича ратью на великого князя Дмитрия и на всю землю Русскую... Се же слышав князь великий собрав вои многи и поиде противу их». Русские перешли Оку и заняли позицию на р. Воже, где «стояху немного дней».

11 августа, подойдя к реке, татары с ходу атаковали русских. Русские нанесли ответный удар: с одной стороны — князь Данило Пронский, с другой — окольничий Тимофей, «а князь великий с воями своими — в лицо». Татары были наголову разбиты и бежали с поля боя, преследуемые русскими до темноты и на следующий день.[1]

Это была блестящая победа — первая победа над грозным врагом, казавшимся непобедимым. Как видно, Дмитрий имел данные разведки о приближении татар, что дало ему возможность своевременно выйти им навстречу. Позиция была занята заблаговременно и диспозиция хорошо продумана. Противнику была дана возможность начать бой, после чего он был атакован с трех сторон. Это был блестящий тактический успех. Пировать на костях, как бывало в старину, не стали, а энергично преследовали бегущего противника.

Победа на Воже стратегических последствий не имела. Обе стороны готовились к решающей схватке. Готовясь к походу на Русь, Мамай

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 199–200.

заключил союз с великим князем Ягайло Литовским. На сторону Мамая перешел рязанский великий князь Олег. Основу войска Мамая составляла ордынская конница. В дополнение к ней он создал пехоту из генуэзцев и других наемников. Впервые Орда располагала не только своей превосходной конницей, но и хорошо обученной профессиональной пехотой, что значительно усиливало боевую мощь войск Мамая. Численность войска Мамая в точности не известна, но она могла составлять несколько десятков тысяч человек.

Политической опорой великого князя Дмитрия был союз князей, в состав которого входило около 20 князей северо-восточной Руси. Главной силой было конное служилое ополчение, шедшее со своими князьями, и пешее земское ополчение. Летописные источники приводят фантастические цифры — 150 тыс. человек и больше. При отсутствии документальных источников можно исходить только из предположений, основываясь на ретроспективных данных и общих соображениях. Наибольшее доверие внушают подсчеты Е. А. Разина, определившего численность войска великого князя Дмитрия в походе 1380 г. в 20 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты.[1] Но и эти цифры представляются преувеличенными в полтора-два раза (если исходить из реалий конца XV–XVI вв.).

В основе стратегии великого князя Дмитрия лежало стремление не допустить вторжения крупных вражеских сил и тем самым спасти страну от разорения, какие бывали при всех предыдущих нашествиях. Для этого было необходимо перенести войну на территорию противника, т. е. действовать совсем не так, как в прежнее время.

Переход от пассивной обороны к стратегическому наступлению — вот основная идея русского полководца. Практически это означало выход русской рати за Оку, в сторону Дикого Поля — для нанесения удара Мамаю до того, как он соединится с Ягайлом и Олегом.

Со времен Мономаха русская рать предпринимала столь дальний поход впервые. Это было, без сомнения, весьма рискованным предприятием. Для успеха необходимо было: иметь точные сведения о расположении и намерениях противника; своевременно провести мобилизацию и сосредоточение своих войск; своевременно провести марш-маневр для встречи с противником, для чего выбрать наиболее выгодный путь и обеспечить безопасность марша; дать сражение до

[1] Разин. С. 271–273.

подхода союзников Мамая, т. е. до сосредоточения всех сил противника.

Таким образом, стратегический замысел глубокой наступательной операции требовал соответствующего оперативного обеспечения. Решающую роль играл фактор времени. Хорошо поставленная разведка — агентурная и войсковая — дала возможность определить, что Мамай и Ягайло хотят соединиться в верховьях Дона, куда подтягивается Орда, опережая своего союзника. Эти сведения позволили уточнить план кампании.

30 августа русская рать перешла Оку близ устья Лопасни. Отсюда до верховьев Дона, места сосредоточения Орды, было примерно 120 верст. На таком же расстоянии от Дона находились Ягайло (западнее русских) и Олег Рязанский. Задача была в том, чтобы выйти к месту нахождения Орды раньше, чем Ягайло и Олег. Великокняжеское войско к 5 сентября подошло к месту слияния Непрядвы и Дона, где, по данным разведки, можно было ожидать встречи с татарами. Средний темп перехода достигал 20—25 км в сутки, что является высоким показателем и свидетельствует о хорошей организации марша.

Управление войсками находилось в руках великого князя. По его инициативе, на военном совете было решено перейти Дон и выйти на Куликово поле — между Доном и Непрядвой. Здесь была намечена позиция для боя. Фланги и тыл русской рати были прикрыты реками, что не давало противнику возможности применить излюбленную татарами тактику обхода и исключало самую мысль о возможности отступления русских войск.

Куликовская битва многократно описывалась в литературе, основанной на летописных источниках. Наиболее квалифицированное описание принадлежит перу Е. А. Разина — профессионального военного историка, лично тщательно изучившего поле сражения. Основным источником для описания хода сражения послужило ему «Сказание о Мамаевом побоище».

Переправившись через Дон 6—7 сентября и уничтожив за собой мосты, русская рать построилась в боевой порядок, расчлененный по фронту и в глубину. Впереди стоял Сторожевой полк, за ним в центре — Большой полк, на флангах — Полки Правой и Левой руки. Позади Полка Левой руки в дубовой роще был расположен тактический резерв — Засадный полк. Основу боевого порядка составляла, по-видимому, пехота.

Сражение началось атакой главных сил ордынцев. Не имея возможности для маневра на узком поле сражения (ок. 5 км в ширину), татары, вопреки своему обыкновению, наносили фронтальный удар. Под их натиском русские полки медленно отступали к Непрядве. Когда противник сильно углубился в боевые порядки русских, Засадный полк во главе с воеводой Дмитрием Боброком и князем Владимиром Серпуховским нанес татарам решительный удар в их правый фланг. Не имея резервов, татары обратились в бегство, преследуемые русской конницей.

Орда Мамая была разбита наголову. Победа на Куликовом поле имела стратегическое значение — кампания 1380 г. была выиграна. Более того, разгром на Куликовом поле означал конец политической власти Мамая — он бежал в Крым и был вскоре убит.

Не удивительно, что ни один сюжет средневековой русской истории не оставил такого яркого следа в источниках, как великое сражение на Куликовом поле. Русь впервые поднялась с колен, впервые поверила в свои силы. Ордынскому игу был нанесен первый страшный удар.

Оценивая кампанию 1380 г., можно отметить следующие моменты.

Стратегический замысел великого князя Дмитрия исходил из насущных потребностей Русской земли и опирался на реальную политическую базу — союз князей.

Сосредоточение и развертывание войск, марш-маневр к полю сражения, организация управления войсками соответствовали поставленной стратегической задаче. Тактическое построение войск на поле сражения отвечало задаче нанесения противнику решительного удара силами тактического резерва в критический момент, что должно было определить и определило исход сражения.

Такая постановка тактической задачи представляет аналогию с тактикой Александра Невского в Ледовом побоище.

Идеологической предпосылкой победы является борьба за спасение Русской земли и православной веры — моральной основы национального самосознания.

В целом кампания 1380 г. — триумф военного искусства великого князя Дмитрия, одного из великих полководцев в нашей военной истории, достойного наследника Владимира Мономаха и Александра Невского.

Но победа на Куликовом поле еще не означала падения ордынского ига. Новый хан Тохтамыш в 1382 г. предпринял карательный поход

на Русскую землю. Союзниками Тохтамыша стали Олег Рязанский и суздальские князья. Тохтамыш двинулся от Волги по Рязанской земле, перешел Оку по бродам, указанным ему Олегом Рязанским, и ударил на Московскую землю с необычного — восточного — направления.

Первоначальный план великого князя Дмитрия заключался, по-видимому, в том, чтобы союзными силами князей выступить навстречу Тохтамышу и не дать ему вторгнуться на Русскую землю. В принципе, этот план повторял основную идею кампании 1380 г.

Однако князья не поддержали Дмитрия. Это заставило отказаться от наступательного образа действий. Дмитрий отправился в Кострому, надеясь, по-видимому, что сильно укрепленная Москва будет сковывать противника, что даст возможность собрать силы и действовать во фланг и тыл Тохтамыша — как это было в кампании 1370 г. против Ольгерда. Возможно, именно с этой целью к Волоку на Ламе (120 верст от Москвы) были выдвинуты силы князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Это, однако, не более чем наши предположения. Достоверных данных о планах великого князя Дмитрия в источниках нет. Реальность же заключалась в том, что Тохтамыш, не встречая организованного сопротивления, перешел Оку, сжег Серпухов и подошел к Москве. Источники ничего не говорят о воеводах, которым была поручена оборона столицы. Эту оборону пытался организовать князь Остей Ольгердович, но татары его выманили обманом за ворота Кремля и убили. Татары ворвались в Москву и подвергли ее жесточайшему разгрому.

Ордынские отряды рассыпались по Русской земле, брали города, жгли деревни, угоняли в плен (рабство) жителей. Но у Волока они натолкнулись на войско князя Владимира, который обратил их в бегство. По словам летописи, Тохтамыш, получив известие об этом, решил уйти из Москвы. «Царь же, слышав, что князь великий на Костроме, а князь Володимер у Волока, поблюдошеся, чая на себе наезда. Того ради не много дней стояша у Москвы, но взяв Москву вскоре отиде», разоряя по дороге Рязанскую землю.[1]

Итак, перед нами — очередное вторжение, разорение и разгром Русской земли. Нет ничего похожего на славную кампанию 1380 г., на доблесть великого князя, идущего во главе своих полков. Триумф

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 206–210.

сменился трагедией. В чем можно видеть причину такой быстрой перемены?

Наиболее очевидная причина — отказ князей идти в поход с Дмитрием. По-видимому, огромные потери на Куликовом поле подорвали материальные и моральные силы русского княжеского союза. На дальнейшую борьбу он оказался неспособен, а у великого князя Дмитрия не было средств заставить князей идти в поход против их воли — этому препятствовала сама природа княжеского союза как, в сущности, добровольного, хотя и не вполне равноправного объединения князей. Политический базис стратегии Дмитрия в 1382 г. оказался несостоятельным, и это было коренной, исходной причиной трагедии.

Великий князь Дмитрий оказался неготовым к такому повороту событий. Привыкший наступать и побеждать, он не умел обороняться. Он совершил роковую ошибку — оставил Москву без надлежащей организации обороны. Удалившись в Кострому, он потерял управление войсками и возможность эффективного влияния на ход событий. Как и в походе Батыя, центр страны оказался беззащитным.

Однако в отличие от трагического 1238 г., на этот раз живая сила русского войска не была уничтожена. Князь Владимир имел достаточно сил, чтобы одержать победу над ордынским отрядом. Эта победа, имевшая, по-видимому, тактический масштаб, привела к важнейшим последствиям. Согласно нашему источнику, она была одной из причин ухода Тохтамыша из Москвы. Другой причиной ухода Тохтамыша источник называет известие о местонахождении великого князя в Костроме и опасение «наезда» — внезапного нападения русских войск.

Насколько, однако, основательны были эти опасения? От Костромы до Москвы по прямой примерно 300 верст, т. е. не менее 10–15 переходов. Внезапное появление войска Дмитрия под Москвой полностью исключено. Оперативное взаимодействие Дмитрия с Владимиром, находившимся от него в 400 верстах по другую сторону Москвы, абсолютно невозможно. Таким образом, реальной опасности для Тохтамыша войска обоих князей не представляли.

Тем не менее, сам факт существования русских войск, не потерпевших поражение и поэтому относительно боеспособных, мог иметь для татар серьезное моральное значение и ускорить их уход из Русской земли. Главной же причиной ухода, думается, следует считать то, что основная цель похода была уже достигнута — Русь разорена, Москва

сожжена и разграблена, и ордынское иго снова восторжествовало. Если победа на Куликовом поле была первым ударом по ордынскому игу, то поход Тохтамыша был эффективным контрударом, продлившим это иго еще на три поколения.

Кампания 1382 г. показала слабость союза князей как военно-политической системы. Великий князь Московский в борьбе за освобождение Руси должен был рассчитывать на собственные силы Московской земли. Кампания 1382 г. выявила несостоятельность системы обороны великого княжества Московского от вторжения сильного противника.

Непосредственный вывод из уроков нашествия Тохтамыша можно видеть в докончании 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с князем Владимиром Серпуховским. В нем впервые юридически формулируется схема обороны Москвы: если один князь отправляется в поход, на другого возлагается оборона столицы.[1]

Когда в 1395 г. к берегу Оки подошел Тимур-Аксак, схема обороны была приведена в действие: князь Владимир оставался в Москве, а великий князь Василий «поиде с Москвы на Коломну и ста на брезе у реки Оки». Гроза страшного нашествия непобедимого и беспощадного Тамерлана миновала Русскую землю. По словам нашего летописца, простояв 2 недели на одном месте, Тимур 26 августа, в день прибытия в Москву из Владимира иконы Божьей Матери, внезапно ушел в степь,[2] что средневековым человеком воспринималось как чудо. С рационалистической точки зрения следует отметить важный факт — развертывание великокняжеских войск на оборонительном рубеже Оки при одновременном сохранении в столице войск князя Владимира; докончание 1390 г. имело реальное значение.

Серьезным испытанием системы обороны было нашествие Едигея зимой 1408 / 1409 г. По повелению хана Булата Едигей совершил нашествие с крупными силами — с ним были четыре «цесаревича» (ханские сыновья) и «мнози князи Татарские». Нашествие Едигея было неожиданным. Всю осень великий князь Василий простоял с войсками на Угре против своего тестя Витовта (напавшего на Псков). Сражения удалось избежать, войска были распущены по домам. Тут-то и ударил Едигей.

---

[1] ДДГ. № 13. С. 37–39.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 222–225.

1 декабря он подошел к Москве «и распустил свои войска по всему великому княжению». «И не осташася таково места, иде же не были татарове». Город срочно готовился к обороне. Был сожжен посад. «В граде же затворился княз Володимер Андреевичь», а сам великий князь Василий «отъеха вборзе на Кострому».[1]

Между событиями 1382 г. и 1408 г. много общего. Неожиданность нашествия, небоеготовность войск, поспешный отъезд великого князя в ту же Кострому (своеобразную тыловую базу?), разорение страны татарскими отрядами, не встречавшими, по-видимому, организованного сопротивления. Ни в том, ни в другом случае оборона линии Оки не сыграла никакой роли — ее, по-видимому, просто не было.

Наряду с этим, видно принципиальное отличие. В 1408 г. Москва не была брошена на произвол судьбы, а приготовлена к обороне, во главе которой стоял опытный и авторитетный военачальник. Именно поэтому Едигею, в отличие от Тохтамыша, взять Москву не удалось, и, простояв под ней 3 недели, он ушел обратно в Орду. Договор 1390 г. еще раз показал свою эффективность.

С 30-х гг. XV в. положение великого княжества Московского значительно ухудшилось. Начались усобицы между московскими князьями. За 20 лет Москва 6 раз переходила из рук в руки. Слабела великокняжеская власть, усиливались уделы, радовались внешние враги.

Грозной опасностью на восточном направлении стало новое Казанское ханство, отделившееся от Золотой Орды, — оседлый, наиболее культурный осколок Джучиева улуса. Опасность заключалась в том, что, в отличие от Орды, Казанское ханство было в непосредственной близости от Русской земли. Никакого естественного рубежа на этом направлении не существовало.

В 1439 г. основатель Казанского ханства Улу-Мухаммед «июля в 3 день... прииде к Москве со многими силами безвестно. Князь же великий восхоте ити противу ему, но не поспе собратися... и иде за Волгу. А на Москве остави воеводу своего князя Юрия Патрикеевича... царь же пришед под Москву и стояв 10 дней и поиде прочь, граду не успев ничтоже, а зла много учинив земли Русской».[2]

Снова боеготовых войск не оказалось, и великому князю Василию пришлось удалиться за Волгу. Но столица была готова к обороне, и

[1] Там же. С. 238–239.
[2] Там же. С. 260–261.

«царь» не посмел ее штурмовать. Однако «посады были пожжены от Татар, и люди посечены, и смрад велик от них». Москва устояла, но земли вокруг были опять разорены.

Итак, принятая система обороны могла обеспечить относительную безопасность столицы, но не предотвратить разорение страны. Основной причиной этого был недостаток боеготовых войск в распоряжении великого князя для отражения внезапного нашествия. А эта внезапность, в свою очередь, определялась отсутствием стратегической и оперативной разведки, сторожевой и дозорной службы на вероятном направлении наступления противника.

Борьба с Казанским ханством продолжилась и в последующие годы. Трагические события произошли в 1445 г. На Русь напали сыновья Улу-Мухаммеда. Навстречу им двинулся великий князь Василий Васильевич. Выступив из Москвы 23 мая, он 29 июня достиг Юрьева Польского, пройдя за 36 дней 150 верст. Такая медлительность может объясняться только неготовностью войск — они не были заранее мобилизованы. Сражение с татарами произошло 7 июля, под стенами Суздаля. В распоряжении великого князя оказалось не более тысячи воинов, т. е. общей мобилизации служилого ополчения провести не удалось — удельные князья Московского дома фактически не поддержали великого князя. Сражение закончилось полным разгромом русских войск, а сам великий князь, сражавшийся в первых рядах, оказался в плену,[1] что привело к тяжелым политическим осложнениям, чрезвычайно обострив межкняжескую смуту. Москва оказалась в руках врагов великого князя Василия.

Основная причина поражения под Суздалем — отсутствие твердого руководства силами великого княжения. Великий князь фактически не был главнокомандующим — удельные князья не признавали его безусловного авторитета. Военная система Московского великого княжения переживала тяжелый кризис. Этот кризис был отражением общего политического кризиса всей удельной системы. В этих условиях решать стратегические задачи обороны Русской земли было практически невозможно.

Очередное татарское нашествие произошло летом 1451 г. «Прииде весть к великому князю, что идет на него изгоном из Седи-Ахметовой Орды царевич Мазовша». Великий князь Василий «поиде про-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 262–263.

тиву ему к Коломне, не успев събратися... и прииде весть к нему, что уже Татарове близ Берега, и князь великий воротися к Москве, и что с ним людей было, тех всех отпусти к Берегу с воеводою князем Иваном Звенигородским, чтобы не столь борзо перевезлися реку Оку».

Итак, разведка донесла о движении противника, но боеготовых войск снова не оказалось. Воевода князь Иван Александрович Звенигородский не справился с поставленной перед ним задачей и без боя отошел от Берега. Путь татарам на Москву был открыт. Великий князь Василий срочно покинул столицу, приведя ее в осадное положение («осадив»). Летописец говорит о «множестве бояр и детей боярских», оставленных в столице, но имени воеводы, которому была поручена оборона Москвы, не называет.

Не встречая никакого сопротивления на берегу Оки, татары утром 1 июля подошли к Москве, пожгли посады и фактически начали штурм города, «приступая ко всем вратам и где несть крепости каменные». Судьба столицы была на волоске. Но ночью татары неожиданно сняли осаду и отступили. Москва была спасена, и современники с полным основанием могли считать это чудом и заложить церковь в Кремле в память этого события.[1]

Рационалистически рассуждая, то, что произошло, трудно иначе назвать, чем позором. Вся система обороны южного рубежа показала свою несостоятельность. Ни на Берегу, ни у великого князя не было боеготовых войск — в этих условиях прорыв противника в глубь страны был неизбежен. Уровень управления войсками был крайне низким — все держалось на импровизации. Никаких данных об организации обороны в глубине страны нет, нет данных и о маневренных отрядах для действий во фланг и тыл противника.

Горький опыт должен был научить, что защита Берега — существенно важный элемент в системе обороны от ордынских нашествий. Потеря Берега влечет за собой глубокое вторжение и разорение страны. Непосредственная защита Москвы — второй важный элемент обороны. При нашествиях Едигея и Улу-Мухаммеда и при набеге Мазовши удалось отстоять Москву и избежать катастрофы 1382 г. Но оборона Москвы как таковой не могла спасти страну от разорения.

Основным условием для организации обороны страны от внешнего врага объективно являлось всемерное усиление власти великого

[1] Там же. С. 271–272.

князя Московского. С конца 40-х гг. заметны реформы в аппарате управления — непосредственного орудия в руках великого князя.

В конце 40-х — начале 50-х гг. были достигнуты решающие успехи в борьбе с главным врагом великокняжеской власти — мятежным Дмитрием Шемякой. Он был лишен своего основного оплота — городов Галича и Устюга и вынужден был бежать в Новгород. Хотя его с честью приняли новгородские бояре-сепаратисты, с княжеской смутой было фактически покончено. Великокняжеская власть получила возможность сосредоточить свое внимание на обороне страны от внешнего врага.

К концу 50-х гг. относится первое известное нам упоминание о береговой службе как особой государственной повинности — на эту службу посылались люди даже из далеких уездов, например, из Углича (300 верст от Коломны по прямой, т. е. не менее 20 переходов пешего земского ополчения).[1] Эта служба была, видимо, новой — она не входила в стандартный перечень государственных повинностей, упоминаемых в жалованных грамотах. Создание службы на Берегу было важным шагом в укреплении южного рубежа страны.

В 1459 г. «Татарове Седи Ахметовы похвалився на Русь пошли». Великий князь Василий «отпустил противу их сына своего князя великого Ивана со многими силами. Пришедши же Татаром к Берегу, и не перепусти их князь великий — отбися от них, они же побегоша».[2]

Повторение набега Мазовши не получилось. Впервые за всю историю русско-ордынских отношений татарам не удалось форсировать Оку. Неудивительно, что это событие произвело сильное впечатление на современников. Митрополит Иона поставил «церковь камену Похвалы Богородицы» — придел Успенского собора в Кремле.

Создание системы обороны рубежа Оки — основной итог развития военного искусства Руси со времен Куликовской битвы. Важнейшей предпосылкой этого было укрепление русской государственности. В ходе преодоления княжеской усобицы вырабатывались новые формы политического и военного руководства, совершенствовалась и развивалась система служилого ополчения, рос реальный авторитет великого князя и возможности его аппарата управления.

К 60-м гг. XV в. Русская земля, несмотря на все перенесенные тяжелые испытания и неудачи, подошла более сильной, чем во времена

[1] АСВР Т. 1. № 265. С. 192.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 275–276.

наибольших успехов Дмитрия Донского. Прогрессивные процессы социально-экономических и политических отношений создавали объективные условия для позитивного развития русской государственности и ее военной системы.

Лекция 4

Русское войско и военное искусство в эпоху создания единого государства[1]

Геостратегическое положение Русской земли к 60-м гг. XV в. по-прежнему характеризовалось наличием нескольких опасных направлений.

Наибольшую опасность представляло восточное направление, откуда угрожало сильное и воинственное Казанское ханство, непосредственно граничившее с Русью, и где не было естественных оборонительных рубежей.

Сохранялась опасность с южного направления со стороны Большой Орды. Эта опасность возрастала с приходом к власти энергичного хана Ахмата, стремившегося восстановить былое могущество кочевой империи.

На западном направлении потенциальную угрозу представляла Литва, владевшая западными русскими землями. Специфической особенностью великого княжества Литовского было то, что основную массу населения составляли русские православные люди, а политическая власть находилась в руках литовских великих князей — католиков. Литовские великие князья были связаны династической унией с Польшей — большим и сильным европейским государством, форпостом агрессивной католической политики.

---

[1] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; *Алексеев Ю. Г* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007 (далее — Походы. Также см. выше настоящее издание).

Ослабление великого княжества Московского в ходе многолетней усобицы привело к усилению влияния польско-литовского короля на Тверь и Новгород.

Уязвимым звеном в политической системе Русской земли был Господин Великий Новгород, во главе которого стояла сильная боярская олигархия. Она формально признавала власть великого князя Московского, но фактически проводила самостоятельную политику в своих собственных интересах.

Опорой русской государственности на северо-западном направлении оставался Господин Псков. С 1460 г. им правили наместники великого князя. Угрозой Пскову был Ливонский Орден, с которым у псковичей были постоянные пограничные конфликты.

На Балтийском море господствовала немецкая купеческая корпорация Ганза, которая вела неравноправную торговлю с новгородским боярством.

От Карельского перешейка до Северного океана соседом Руси была Швеция, захватившая в XII–XIII вв. земли местных племен суми и еми. На этих землях были построены шведские города-крепости. Из этих крепостей наибольшее значение имел Выборг, расположенный непосредственно близ границы с русскими землями на Карельском перешейке. Господствуя на Балтийском море, немецкая Ганза имела в лице Швеции верного союзника.

На крайнем Севере русские земли, принадлежавшие Господину Великому Новгороду, не раз подвергались нападению воинственных «мурман» — норвежцев, но до крупных боевых действий дело пока не доходило.

Основным фактом политической истории Русской земли в 60-х гг. XV в. был приход к власти в Москве великого князя Ивана Васильевича, бывшего до 1462 г. соправителем слепого отца. Духовная грамота великого князя Василия Темного провозглашала Ивана великим князем и передавала ему бóльшую часть городов и земель великого княжения. Однако удельная система как таковая сохраняла полное значение — каждый из четырех братьев нового великого князя был полноправным властителем в своем уделе, сохраняя право суда, сбора дани и собственное служилое ополчение.

Первой внешнеполитической акцией великого князя Ивана была попытка решения казанской проблемы — обеспечение безопасности на восточном стратегическом направлении. Начиная с 1462 г., лодей-

ные флотилии русских северных городов проводят операции вдоль северного рубежа Казанского ханства, укрепляя влияние России в Пермской земле, формально уже давно признавшей власть великого князя и частично перешедшей в православие.[1]

Осенью 1467 г. была сделана попытка посадить на казанский престол царевича Касима — русского вассала, имевшего династические права на Казанское ханство.[2] Поход, предпринятый Касимом со своими татарами и русской служилой конницей, закончился неудачей — переправиться через Волгу против Казани не удалось. Ответом на выступление Касима была война, начатая ханом Ибрагимом (Обреимом) против Русской земли.

Татарские отряды атаковали русские земли на широком фронте — от Галича до Рязани. Но русские города были приведены в готовность заблаговременно — по грамотам великого князя. О такой заблаговременной подготовке летопись пишет впервые. Ни одного города казанцам взять не удалось, хотя сельские места, естественно, пострадали.

Новым этапом войны был летний поход судовой рати по Каме и ее притокам и одновременно — наступление от Нижнего Новгорода по Волге. К существенным результатам походы не привели, но накапливался боевой опыт, разведывалась местность, уточнялись силы и тактика противника.

Решающие события развернулись в 1469 г.[3] Весной в Нижнем Новгороде было сосредоточено служилое ополчение русских городов под командой воеводы Константина Александровича Беззубцева. Летопись впервые приводит подробную роспись маршрутов движения полков к месту сосредоточения. Кроме служилых людей, к оружию призвали и городское ополчение, в частности, Московский полк. Великий князь не идет в поход со своим войском. По его письменной директиве из Нижнего Новгорода к Казани для разведки отправлен передовой отряд.

Воевода этого отряда Иван Руно нарушил директиву и попытался самостоятельно штурмовать Казань. Напав на город врасплох, русские освободили пленников, содержавшихся на посаде под городом, но

---

[1] Походы. С. 7–21.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 279; Походы. С. 36–63.

[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 281; Походы. С. 64–95.

штурм был отбит и отряд Руна оказался в тяжелом положении. Фактически был сорван весь план кампании. Воеводе Беззубцеву пришлось идти на помощь передовому отряду, не дождавшись сбора всех сил, а затем с большим трудом пробиваться обратно.

Не удался и поход судовой рати из Устюга вниз по Каме — татары перегородили устье Камы, и только часть судовой рати смогла пробиться в Волгу, а затем отойти к Нижнему Новгороду.[1] Но в конце августа был начат новый поход. На этот раз конная и судовая рати действовали совместно под командой князя Юрия — брата великого князя. Казань была окружена со всех сторон, лишена питьевой воды, и хан был вынужден капитулировать. По условиям договора, он должен был отпустить всех русских пленников, захваченных казанцами в прежние годы.[2]

В кампании 1469 г. ставка великого князя впервые находилась далеко от фронта и управляла войсками с помощью письменных директив. Это стало возможным только потому, что в руках великого князя — фактически верховного главнокомандующего, соединявшего в своем лице всю политическую власть и руководство войсками, — появился новый аппарат управления. Здесь оформлялись и фиксировались распоряжения великого князя, директивы воеводам и их донесения с фронта. Создание такого ведомства, будущего Разрядного приказа, означало важный шаг в развитии государственного управления и было крупной военной реформой.

Впервые функции стратегического и тактического руководства были разделены — стратегическое руководство сосредоточивалось в Ставке, тактическое оставалось в руках воевод. В условиях России с ее огромным пространством и постоянным наличием нескольких стратегических и операционных направлений, эта реформа имела особо важное значение.

В ходе войны с Казанью русское верховное главнокомандование (ВГК) проявило большое упорство в достижении поставленной цели — полного сокрушения противника. Первые неудачи заставили пересмотреть оперативные планы и выработать оптимальную организацию взаимодействия пехоты и конницы.[3]

---

[1] ПСРЛ. Т. 37 С. 91.

[2] Там же. С. 92.

[3] Походы. С. 36–95.

Победа над Казанью имела важное моральное, политическое и стратегическое значение. Впервые на восточном направлении Россия перешла от пассивной обороны к решительному наступлению, впервые после Куликовской битвы была одержана победа над страной Джучиева улуса. Победа над Казанью на какое-то время обеспечила безопасность восточного стратегического направления и дала возможность перейти к решению других политических задач. Важнейшая из них — борьба с сепаратизмом новгородской боярской олигархии.

Весной 1471 г. новгородское боярство пригласило на новгородский стол короля Казимира и заключило с ним договор против великого князя Московского. Договор был составлен, но еще не ратифицирован.[1] Приглашение короля-католика и союз с ним означали прямую измену России, более того — отпадение от русской Православной Церкви, что имело особо важное значение для средневекового миропонимания. Одновременно велись переговоры о совместном выступлении короля Казимира и хана Ахмата против Руси.

После долгих безуспешных переговоров с новгородским боярством великий князь Иван принимает решение о походе на Новгород.[2] Поход в весенне-летнее время был связан с большим риском в силу физико-географических особенностей Новгородской земли, покрытой труднопроходимыми болотами и озерами. Наиболее благоприятные условия для похода были осенью, однако к этому времени договор с Казимиром мог вступить в силу, и король мог фактически приступить к его реализации, а также упрочить свой союз с Ахматом.

Исходя из этого, великий князь принимает решение о начале похода, как только подсохнут дороги от весенней распутицы. Это было очень рискованно, но в случае успеха сулило несомненный стратегический и политический выигрыш.

18 июня в Новгород прибыли послы великого князя и его союзника Господина Пскова с «разметными грамотами» — формальным объявлением войны. Великокняжеские войска, разделенные на три эшелона, были уже в походе. Одновременно с наступлением главных сил на новгородском направлении судовая рать во главе с воеводой Василием Образцом была послана на Двину против колоний новгородского боярства.

---

[1] ГНП. № 77 С. 129.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 286–291.

24 июня первый эшелон воеводы князя Холмского взял Руссу и вышел на дальние подступы к Новгороду. Новгородцы ответили контрударом своей судовой рати через оз. Ильмень, однако в сражении с великокняжескими войсками эта рать была разбита. Одержав победу, князь Холмский решил повернуть на юго-восток и овладеть крепостью Демон, оказавшейся в тылу русских войск, о чем и послал донесение великому князю.

Великий князь со своим полком находился в это время у оз. Коломно в нескольких переходах от передового эшелона. Получив донесение князя Холмского, он 9 июля отменил его решение и приказал двигаться не на юго-восток, а на северо-запад для соединения с союзными псковскими войсками, которые медленно подтягивались к театру войны.[1] Навстречу псковичам двигалось большое новгородское земское войско, имевшее реальные шансы для победы над менее многочисленным псковским ополчением.

Поражение псковичей могло резко ухудшить всю стратегическую и политическую обстановку, в частности, сделать более вероятным вступление в войну Казимира. Но директива великого князя, данная 9 июля на оз. Коломно, привела к тому, что 14 июля на Шелони произошло сражение между великокняжеским служилым ополчением и новгородской земской ратью. Новгородская рать была наголову разбита, и участь Новгорода была решена.[2] Судовая рать, посланная на Двину, также одержала решительную победу над новгородцами.

Новгородские власти приняли условия, продиктованные великим князем, и 11 августа в селе Коростыни был заключен мир. Сохранив свои внутренние порядки, Господин Великий Новгород потерял внешнеполитическую независимость и полностью признал над собой власть великого князя Московского.[3] Это было крупнейшее политическое событие — фактически создавалось единое Русское государство.

Молниеносная летняя кампания 1471 г. может служить примером наступательной стратегической операции на двух независимых операционных направлениях с целью полного разгрома противника.

Смелое решение о весенне-летнем походе полностью себя оправдало. Все попытки реализации союза новгородского боярства с Казимиром, а Казимира — с Ахматом и их совместные выступления были

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.
[2] Там же. С. 288–289.
[3] Там же. С. 291.

сорваны. Образцом здравого стратегического мышления может служить директива 9 июля, непосредственно приведшая к решительной победе на Шелони...

В течение всего похода Ставка держит управление войсками в своих руках, своевременно отдавая директивы и контролируя действия воевод — новое ведомство действовало четко. В тактическом отношении решающая победа на Шелони была победой сравнительно небольшого (5–7 тыс.) служилого конного ополчения над земским, по преимуществу пешим войском, гораздо более многочисленным (до 30 тыс.), но не профессиональным и плохо руководимым.

Существенно важную роль в победе над новгородским боярством сыграла идеологическая база действий великого князя — его войска сражались за единство Руси и главное — за православную веру, а не за короля-католика и своекорыстных бояр-олигархов.

Победа на Шелони и Коростынский мир определили дальнейшую судьбу Новгорода. Новгородское боярство продолжало интриговать в надежде на помощь Казимира, но новый поход великокняжеских войск зимой 1477 / 1478 гг. привел к полной ликвидации боярской республики. Отныне Великий Новгород стал неотъемлемой частью единого Русского государства, а его вечевой колокол переехал на одну из площадей Кремля, сердца новой Российской державы.

Победа над новгородским боярским сепаратизмом существенно улучшила геостратегическое положение Русского государства. Теперь это было именно государство, а не союз князей во главе с одним из них. Но внутри страны еще оставались уделы братьев великого князя, не заинтересованных в усилении государственной власти. Новгородские бояре еще сохранили свои огромные вотчины — основу своего социально-политического могущества.

Наиболее опасным было южное стратегическое направление. Хан Большой Орды Ахмат стремился к возрождению прежней безоговорочной власти над «русским улусом» Чингизидов.

Летом 1472 г. Ахмат предпринял поход против Русского государства, но на берегу Оки был встречен русским войском. Овладев на правом берегу реки городом Алексином, чья героическая оборона дала время развернуть войска на левом берегу, хан не решился вступить в бой с главными силами русского войска и отступил в степь.[1] Основной

[1] Там же. С. 297–298; Походы. С. 146–181.

причиной отступления Ахмата было то, что русское ВГК смогло быстро развернуть боеготовые войска за широким водным рубежом. Вторжение было предотвращено, но решающая схватка с Ахматом была еще впереди.

Готовясь к новому походу на Русь, Ахмат заключил союз с королем Казимиром. Потенциальными союзниками Ахмата были все силы, заинтересованные в ослаблении и раздроблении Руси. Они выступили почти одновременно.[1] В конце 1479 г. был обнаружен и ликвидирован заговор новгородских сепаратистов во главе с архиепископом Феофилом.

В ночь на 1 января 1480 г. началось нападение Ливонского Ордена на Псков. На защиту Пскова были посланы великокняжеские войска, которые начали успешный поход против немцев. В конце января начался мятеж удельных князей Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого — братьев великого князя. Над страной нависла зловещая тень новой княжеской усобицы, подобной «Шемякиной смуте» в предыдущем поколении. Мятежные князья обратились за помощью к королю, о союзе которого с ханом было уже известно.

России угрожало не просто нашествие, как во времена Тохтамыша и Едигея, а борьба с целой коалицией врагов на трех операционных направлениях. Важнейшей задачей военно-политического руководства страны в лице великого князя Ивана стала выработка принципиального стратегического решения о путях борьбы с грозящей катастрофой.

Это решение свелось к трем основным положениям: 1) главные силы сосредоточить на южном направлении для отражения нашествия Ахмата; 2) оборону против Ордена предоставить силам Господина Пскова; 3) добиться мирного урегулирования конфликта с мятежными князьями.

С февраля-марта началось осуществление этого плана. Переговоры с князьями к успеху на данном этапе не привели, но мятежникам не удалось найти союзников в Русской земле, а король не захотел ввязываться в открытый конфликт с великим князем. Мятежники оказались в изоляции.

Господин Псков мужественно отражал нападение Ордена, не получая помощи от великого князя. Псковичи стойко держали оборону северо-западного рубежа Русской земли.

[1] Походы. С. 218–222.

Главные силы Русского государства развертывались с июня на рубеже Оки. Большая Орда медленно двигалась к русским пределам, обеспечивая выпас коней в наилучших погодных условиях и надеясь на соединение с силами короля Казимира. В конце сентября обозначилось движение Ахмата в западном направлении, в обход главной оборонительной линии русских войск на Оке. Хан вышел к р. Угре — левому притоку Оки. Это значительно ухудшило положение русских войск. Широкая полноводная Ока сама по себе являлась оборонительным рубежом, который было нелегко форсировать и за которым на подготовленных позициях были развернуты русские войска. Узкая, извилистая Угра со многими бродами и перекатами серьезного рубежа для обороны не представляла. С выходом татар к Угре опасность вторжения резко возросла. Легко перейдя Угру, Орда за 3–4 конных перехода выходила под стены Москвы.

Русская Ставка приняла ответные меры. Была проведена рокировка войск в западном направлении для прикрытия линии Угры. Москва и ряд прифронтовых городов были приведены в осадное положение и частично эвакуированы. Была проведена дополнительная мобилизация. Важным политическим и идеологическим мероприятием было совещание в Москве с 30 сентября по 2 октября, на котором Освященный собор во главе с митрополитом благословил великого князя и его войска на самоотверженную борьбу с врагом Руси и Православной Церкви.

После совещания великий князь выехал к войскам на Угру, ведя с собою подкрепления.[1] Между тем, хан подошел к устью Угры. С 8 по 11 октября татары пытались форсировать реку в низовьях, но были отражены. Не удалась и попытка форсировать реку выше — в 60 км от устья, у Опакова.

Ставка великого князя расположилась в Кременце — в вершине равностороннего треугольника, основанием которого была линия Опаков — Воротынск. Расстояние от Кременца до любого пункта оборонительной линии не превышало 60 верст — донесение в Ставку и ее ответ могли быть доставлены за сутки. Находясь в Кременце, Ставка имела реальную возможность оперативно реагировать на обстановку.

Началось многодневное «Стояние на Угре» — в сущности, боевых действий на широком фронте в форме перестрелки из луков, а с рус-

[1] Там же. С. 241–245.

ской стороны из пищалей — легких орудий, впервые установленных на позициях. «Стояние на Угре» в непрерывной боевой готовности в условиях холодного осеннего времени требовало большого физического и морального напряжения. Но эта позиционная форма борьбы была для русских войск более выгодна, чем для татар — русские были у себя дома, а татары далеко от своей базы и вынуждены были предаваться грабежам и разорениям своей прифронтовой полосы. Время работало на русских.

В конце октября подошли силы удельных князей, с которыми удалось, наконец, заключить мирный договор. Прибытие их полков усилило войско великого князя. В последних числах октября ударили сильные морозы («не мочно было зрети»). Угра и Ока замерзли. Это создало новую оперативно-тактическую обстановку. Реки теперь перестали быть оборонительным рубежом и могли быть легко преодолены в любом месте.

Исходя из этого, по распоряжению великого князя войска были с берега Угры стянуты к Кременцу для боя с противником, если он перейдет реку, а позднее — к Боровску на позицию, которая прикрывала пути не только от Угры, но и от Оки, и одновременно была на фланге возможного движения войск короля Казимира.

Отход на тыловые позиции не обошелся без инцидента, который потом усиленно расписывался в литературе. В части войск возникла мысль, что за ними гонятся татары, и они впали в панику. Никакого серьезного значения этот эпизод не имел и на ход событий никак не повлиял.[1]

С другой стороны, отход русских войск от береговой линии привел татар к мысли, что русские готовят их глубокий обход. Это заставило Ахмата, в свою очередь, поспешно отступить от берега. 11 ноября русские дозоры увидели в морозной мгле зимнего утра пустую степь. В погоню за татарами были посланы конные полки. Но татары ушли, разоряя по дороге то, что еще оставалось нетронутым. «Стояние на Угре», самая длительная и трудная оборонительная операция русских войск, закончилось. Закончилось и ордынское иго. Отход Ахмата от Угры и Оки — не просто отступление, а катастрофа — крах всей его политики и стратегии.[2]

---

[1] Походы. С. 256.

[2] Там же. С. 258.

С военно-исторической точки зрения события 1480 г. представляют чрезвычайно большой интерес. Перед нами — пример оборонительной стратегической кампании в сложных условиях, приведшей к полному поражению противника с минимальными потерями со стороны обороняющихся.

Основной предпосылкой победы русских войск на Угре было твердое стратегическое руководство Ставки. Русское ВГК сумело выработать и провести в жизнь наиболее целесообразный план действий, своевременно определить направление главного удара и рационально распределить свои силы по обоим операционным направлениям (северо-запад и юг). Была успешно решена главная политическая и стратегическая задача — страна была спасена от вторжения и разорения. При этом войска сохранили свою боеспособность, не понеся существенных потерь. Стратегический успех в борьбе с внешним врагом сочетался с политическим успехом — удельным князьям не удалось начать новую усобицу, и они фактически вынуждены были капитулировать.

Тактика русских войск на Угре представляется в данных условиях наиболее целесообразной — она отвечает стратегической задаче обороны от вторжения при максимальной экономии сил. И на стратегическом, и на тактическом уровне действия русских войск следует признать образцовыми.

Умелое сочетание политики, стратегии и тактики позволило одержать одну из крупнейших побед в истории нашего Отечества, а день 12 ноября 1480 г. можно считать подлинным национальным праздником — первым днем свободной, независимой России.

Сохранение боеспособности русского войска было существенно важным стратегическим фактором. Король не посмел выступить против России, а магистр Ордена не сумел помешать победе на Угре. Естественным продолжением летне-осенней кампании 1480 г. было зимнее (январь-февраль 1481 г.) наступление на ливонском направлении — карательная экспедиция против Ордена. В зимнем походе впервые участвовала тяжелая артиллерия, под ее огнем падали стены орденских крепостей.[1] Сам магистр с трудом избежал пленения, поспешно покинув свою столицу Феллин (Вельяд). Мирный договор с Ливонией подтверждал выгодные для России условия прежних до-

[1] Там же. С. 267–269.

говоров — на территориальную целостность Ливонии Россия не посягала.

Но обеспечение безопасности на восточном стратегическом направлении требовало новых усилий. Ближайшей задачей было установление в Казанском ханстве власти, дружественной для России. С этой целью весной-летом 1487 г. был предпринят большой поход во главе с князем Данилом Дмитриевичем Холмским. В поход шла и судовая рать, и конница — уроки «Первой Казани» были учтены. После 2-месячной осады враждебный для России хан Али (Алегам) капитулировал. Русские войска 9 июля вступили в Казань, и на ханский престол был возведен дружественный для России Мухамед-Эмин (Магомет-амин). Это был крупный военно-политический успех, торжественно отмеченный в Москве и подчеркнутый русской дипломатией за границей.

* * *

Падение ордынского ига открывало новый этап в истории России. 80-е и 90-е гг. XV в. прошли под знаком усиления и укрепления Российского государства и роста его международного престижа. Германская империя, Венгрия, Молдавия, итальянские города, Дания искали дружбы с новым могущественным государством, вступали с ним в дипломатические и торговые отношения.

Единоверная с Россией православная Грузия искала помощи и покровительства русского государя, в дружественные отношения с Россией вступали страны мусульманского Востока и сильнейшая из них — османская Турция.[1]

Реальной материальной основой всех этих внешнеполитических успехов было укрепление военной мощи Русского государства.

В 80–90-х гг. продолжается военная реформа. Первое направление ее — дальнейшее развитие служилого ополчения, основной ударной силы русского войска. В результате аграрной реформы, проведенной в Новгородской земле, на месте прежних боярских и монастырских вотчин появились поместья служилых людей, полностью зависимых от великого князя Московского — теперь Государя всея Руси.

[1] ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 156.

Бо́льшая часть прежних вотчин была дана крестьянам на оброк. Это был своего рода резервный земельный фонд для обеспечения финансовых и военных потребностей государства.

Другим направлением военной реформы было создание службы «по прибору». В отличие от земского ополчения, созываемого только во время войны и содержащегося за счет сельского или городского населения, служилые люди «по прибору» несли постоянную, пожизненную и наследственную военную службу. Они получали небольшие земельные участки и частично денежное жалование. Люди «по прибору» составляли гарнизоны крепостей и обслуживали артиллерию. Это были пищальники, затинщики, воротники, городовые казаки.

Третьим направлением военной реформы было строительство крепостей. Крупнейшей крепостью был Московский Кремль, выстроенный из кирпича в 1485–1495 гг. на месте старого белокаменного Кремля Дмитрия Донского. Мощные крепости создавались на северо-западном стратегическом направлении (Новгород, Орешек, Корела, Копорье).

Особое значение имела постройка Ивангорода на р. Нарове, против немецкой Нарвы. Ивангород был не только крепостью, но и первым русским портом на Балтике.[1]

Четвертое направление реформы — создание в Москве Пушечной избы, первого русского арсенала, что обеспечивало дальнейшее развитие артиллерии.[2] Первая в истории России геологическая экспедиция в 1490 г. обнаружила залежи медной и серебряной руды на р. Цильме — левом притоке Печоры.[3] Разработка этого месторождения ослабила зависимость страны от ввоза металлов из-за границы и имела прямую связь с развитием производства новых литых артиллерийских орудий.

В 90-х гг. XV в. намечалось и создание на Балтике русского военного флота. Русские послы в Венецию должны были найти мастеров по строительству галер и производству зажигательных смесей для стрельбы по кораблям противника.[4] Замысел этот, однако, осущест-

---

[1] Там же. С. 157.

[2] Походы. С. 309–310.

[3] ПСРЛ. Т. 28. С. 156.

[4] *Алексеев Ю. Г.* Морская политика Ивана III // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 112–114.

вить не удалось, и русский галерный флот на Балтике появился только через 200 лет при Петре Великом.

Главной задачей государства оставалось обеспечение стратегической безопасности страны. С целью укрепления восточного направления в 1487 г., скажем об этом еще раз, предпринимается поход на Казань. Целью его было установление в Казани дружественной для России политической власти. Это был совместный поход судовой рати и конницы — как и осенью 1469 г., удалось добиться полного тактического взаимодействия двух родов войск. После упорного сопротивления враждебный России хан Шах-Али капитулировал, и на престол был возведен Мухаммед-Эмин. 9 июля 1487 г. в Казань впервые вступили русские войска.[1] Этот крупный политический успех был торжественно отпразднован в Москве и подчеркнут в заявлениях русских представителей в Западной Европе.

Основной целью политики великого князя Ивана было воссоединение русских земель — создание Государства всея Руси. Это означало, во-первых, включение в состав единого государства земель и княжеств северо-восточной Руси; во-вторых, освобождение православных южной и западной Руси от католической Литвы.

Существование независимого Русского государства было невозможно без торговых сношений со странами Европы, в частности — без свободного для русских мореплавания на Балтике. Потенциальным союзником России была Дания, боровшаяся с Ганзой.

Таким образом, к 90-м гг. обозначилось два стратегических направления: западное — борьба за освобождение русских земель, и северо-западное — борьба за свободу мореплавания.

В 1492–1493 гг. войска Русского государства освободили от Литвы ряд православных княжеств и городов. По мирному договору 1494 г. Литва была вынуждена признать великого князя Ивана Государем всея Руси.[2] Это было крупным политическим успехом — первым шагом к воссоединению западных русских земель с единым Русским государством.

На северо-западном направлении в 1493 г. был заключен союз с Данией, а в 1495 г. начались боевые действия против Швеции, союзника Ганзы. Осенью 1495 г. крупные силы русских войск осадили

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 153.
[2] Походы. С. 322–334.

шведскую крепость Выборг. Сюда была подтянута тяжелая осадная артиллерия. Однако овладеть крепостью не удалось. Штурм, предпринятый русскими войсками 30 ноября, был отбит, и осаду пришлось снять. Основной причиной неудачи следует считать, по-видимому, отсутствие опыта в борьбе с мощными крепостями европейского типа.

Летом 1496 г. русская судовая рать во главе с воеводой князем Иваном Ушатым совершила поход из устьев Онеги и Двины вокруг Кольского полуострова в Северную Финляндию, находившуюся под властью Швеции. Этот поход, очень скудно освещенный в источниках, представляет, тем не менее, особый интерес. По пути в океане наши лодьи имели бой со шведскими «бусами», и три таких буса взяли в плен. Русские лодьи показали хорошую мореходность, а их сравнительно небольшие размеры позволили перемещаться волоком в северные финляндские реки. Местное население признало власть русского государя.[1]

Поход «морем-акияном» судовой рати, состоявшей из жителей северных русских земель, был первым опытом океанского плавания под знаменами Российского государства. Морские силы впервые приняли участие в решении стратегической задачи. Собственно, с этого времени и следовало бы начинать историю русского флота, но эта история на 200 лет прервалась — вплоть до реформ Петра Великого.

В августе 1496 г. шведская флотилия из 70 бусов с экипажами до 2 тыс. человек вошла в Нарову и атаковала еще не достроенный Ивангород. После упорного боя шведы завладели Ивангородом и разграбили его, но удержаться в нем не смогли и при приближении русского войска поспешно ушли в море.[2] Этот боевой эпизод показал значение морской силы в борьбе на приморском направлении — если бы у русских такие силы под Ивангородом были, то ход событий мог быть совсем иным. Первая Свейская война закончилась в марте 1497 г. миром, обеспечившим для русских свободу мореплавания на Балтике.

Мир с Литвой, заключенный в 1494 г., оказался непрочным — слишком велики были противоречия, национальные и конфессиональные, разделявшие обе стороны. В апреле 1500 г. началась новая война с Литвой. Целью великого князя Ивана, как и прежде, было воссоединение с единым Русским государством земель, населенных православными русским людьми.

[1] Там же. С. 354–355.
[2] Там же. С. 355–359.

Для кампании 1500 г. русским ВГК были сформированы четыре рати.[1] На юго-западном направлении на Брянск — Путивль наступала рать воеводы Якова Захарьича. Задачей этой рати было непосредственное освобождение местных городов и княжеств от власти Литвы. На правом крыле фронта, в обход Смоленского плацдарма, действовала рать воеводы Андрея Челяднина. На центральном направлении Дорогобуж — Смоленск была развернута рать воеводы Юрия Захарьича. Таким образом, русские войска действовали на трех самостоятельных операционных направлениях и решали свои самостоятельные задачи без непосредственной связи друг с другом. Это повышало значение деятельности ВГК. Четвертая рать воеводы князя Данилы Щени не получила своего операционного направления и фактически являлась стратегическим резервом ВГК.

К началу июля южная рать Якова Захарьича успешно решила задачу овладения Брянском и двинулась на Путивль. Русское население в своей основной массе переходило на сторону Русского государства, сопротивление оказывали только литовские гарнизоны.

Успешно развивались и операции северной рати воеводы Челяднина — она заходила в тыл Смоленскому плацдарму. На центральном направлении рать Юрия Захарьича овладела Дорогобужем и вышла на дальние подступы к Смоленску — основному узлу всей оборонительно-наступательной системы великого княжества Литовского.

Великий князь Александр Литовский принял решение, сосредоточив свои силы на смоленско-дорогобужском направлении, нанести удар по центральной группировке русских войск. Во главе литовских войск был поставлен сам гетман князь Константин Острожский. Выступив из Смоленска, гетман двинулся в направлении Дорогобуж — Вязьма. Учитывая, что на других направлениях литовцы оказывали только пассивное сопротивление, можно полагать, что под командованием князя Острожского находились главные силы литовского войска, о чем говорит и высокий статус их командующего.

Русское ВГК приняло решение использовать свой стратегический резерв. Рать князя Данилы Щени была двинута на помощь рати Юрия Захарьича. После соединения обеих ратей первым воеводой Большого полка стал князь Данила Щеня, а Юрий Захарьич был назначен воеводой Сторожевого полка, т. е. значительно понижен в должности.

[1] Походы. С. 373–391.

Это вызвало его протест, который был отклонен великим князем, указавшим, что все воеводы решают одну общую задачу.

Соединенное русское войско заняло позицию вправо от дороги Смоленск — Дорогобуж в глухом лесу на р. Ведроше, левом притоке Днепра. Фланговая позиция, занятая русскими войсками, заставила князя Острожского свернуть с дороги на Дорогобуж для атаки своего противника. При таких обстоятельствах 14 июля произошло сражение, решившее участь кампании 1500 г. и в значительной степени исход всей войны.

В сражении на Ведроше князь Данила Щеня использовал излюбленный русский тактический прием, примененный еще Александром Невским на Чудском озере и Дмитрием Донским на Куликовом поле. Инициатива начала боя была предоставлена противнику, который затем был атакован во фланг и тыл. Литовские войска были разбиты наголову, гетман и вся его свита попали в плен. Судя по всему, русским удалось добиться окружения противника на поле боя, что со времен Ганнибала является венцом тактического искусства.

На стратегическом уровне основной предпосылкой победы на Ведроше было умелое использование русской Ставкой своего стратегического резерва, на тактическом уровне — искусство князя Данилы Щени и его подчиненных.

Так была одержана одна из самых блестящих побед в военной истории России. Кампания 1500 г. закончилась полной победой русских войск на всех трех операционных направлениях.[1]

Но война продолжалась. Александр Литовский искал и нашел союзников. В кампании 1501 г. русским войскам пришлось решать трудную задачу борьбы против трех противников — Литвы, к которой вскоре присоединилась Польша, Ливонского Ордена и против остатков Большой Орды. Единственным и не очень надежным союзником был крымский хан, но с ним не удалось наладить реального взаимодействия.

В этих условиях русским войскам приходилось вести активно-оборонительную кампанию, маневрируя силами в зависимости от обстановки.[2] Наиболее крупным успехом была победа под Ижеславлем (Мстиславлем) 4 ноября. Литовские войска потерпели тяжелое по-

[1] Там же. С. 391–394.
[2] Там же. С. 395–414.

ражение. Это сорвало планы совместного наступления Литвы и татар, Литвы и Ордена.

Борьба на северо-западном (ливонском) направлении шла с переменным успехом. Ливонцам удалось одержать победу на р. Серице, где они применили полевую артиллерию, и вторгнуться в Псковскую землю, но развить первоначальный успех они не смогли и вскоре отступили в свою землю. В свою очередь, русские войска после победы под Мстиславлем нанесли мощный удар по ливонцам — в сражении под Гельмедом ливонцы были разбиты. Последовал глубокий опустошительный рейд русских войск, доходивший до Колывани (Ревель, Таллин).

Основным содержанием кампании 1502 г. была борьба с ливонцами на псковском и нарвском направлениях и операции главных сил русского войска против Смоленска.[1]

В борьбе на приморском (нарвском) направлении русским удалось добиться частичной блокады Нарвы. Возможно, на этом направлении приняла участие лодейная флотилия, переброшенная с Севера, — русский источник упоминает об онежанах, устюжанах и двинянах, посланных к Ивангороду.

Попытка магистра Вальтера фон Плеттенберга овладеть Псковом не удалась — он отступил к границам Ливонии, а последнее сражение войны у оз. Смолина привело к дальнейшему отступлению рыцарей.

Главной целью кампании было овладение Смоленском. Двухмесячная осада Смоленска не привела к успеху, несмотря на применение русскими тяжелой артиллерии. По-видимому, не удалось добиться достаточной плотности артиллерийского огня. Одна из главных причин неудачи — низкий уровень командования силами, сосредоточенными под Смоленском. Поставленный во главе этих сил князь Дмитрий Жилка (сын великого князя Ивана) не сумел добиться порядка и дисциплины в своих войсках. Видимо, он не пользовался достаточным авторитетом у служилых людей — главной силы своего войска. Неудача под Смоленском — последний акт большой Литовской войны.

Однако результаты первой победоносной кампании 1500 г. были столь убедительны, что 6-летнее перемирие, заключенное в апреле 1503 г., оставило за Россией все освобожденные от Литвы земли. Был сделан новый большой шаг к воссоединению всех русских земель, и это — основной итог 3-летней войны.[2]

[1] Походы. С. 415–431.

[2] ПСРЛ. Т. 28. С. 336.

Война 1500–1503 гг. — первое крупное столкновение войск Русского государства с европейскими армиями. Это была наиболее длительная и трудная война Ивана III.

Политическая цель войны соответствовала реальным интересам и возможностям страны. Стратегия отвечала политическим целям и реальной обстановке. За исключением поражения под Смоленском, задачи, поставленные перед стратегией, были решены.

Двухступенчатая система управления войсками ВГК — фронт себя оправдала. Ставка держала стратегическое управление в своих руках и умело маневрировала силами. На тактическом уровне обнаружилось отставание от европейских армий: отсутствие пехоты с огнестрельным оружием. Россию не коснулась реформа европейской пехоты, проявился и недостаток мощности осадной артиллерии. Это снизило успехи русских войск и стало причиной тактических неудач.

Недостатком было отсутствие постоянного военного флота, что затрудняло борьбу на приморских направлениях и отдавало инициативу в руки противника. Однако эти недостатки не оказали решающего влияния на исход войны.

В новый XVI в. Россия вступила мощным единым государством, добившимся полной политической независимости и международного авторитета. Вооруженные силы страны оправдали свое назначение и обеспечили безопасность России на всех стратегических направлениях. После 1451 г. страна не подвергалась вражеским глубоким вторжениям (а за предшествующие 70 лет таких опустошительных вторжений было четыре). Два поколения русских людей не видели на своей земле ни одного вражеского воина, за исключением пленных.

Ликвидация феодальной раздробленности (от нее остались только отдельные пережитки) и обеспечение внешней безопасности привели к экономическому подъему — развитию сельского хозяйства, росту городов и торговли. Материальные успехи привели к подъему национального самосознания — стала вырабатываться новая политическая идеология, отражавшая новое, почетное место России как великой мировой державы («Третий Рим»).

Новый XVI в. нес новые проблемы, которые требовали нового подхода и новых решений.

Лекция 5

Русское войско и военное искусство в XVI в.

С конца XV в. политической задачей Российского государства оставалось освобождение западнорусских земель от власти Литвы. Ближайшей задачей было овладение Смоленском и обеспечение безопасности Москвы на западном направлении. Великий князь Василий Иванович пытался продолжать политику своего отца.

28 июля 1514 г. русские войска овладели Смоленском. После победы на Ведроше это был крупнейший успех в борьбе на западном направлении, успех стратегического масштаба.

Решающую роль сыграл огонь тяжелой артиллерии. По словам польского короля, 140 русских бомбард «непрерывно стреляли».[1] Интенсивный обстрел заставил литовский гарнизон капитулировать. Впервые огонь русской артиллерии решил судьбу вражеской крепости. Этого не удалось добиться ни в 1495 г. при осаде Выборга, ни в 1502 г. при первой осаде Смоленска. По-видимому, за первое десятилетие XVI в. были достигнуты большие успехи в производстве артиллерийских орудий.[2]

После взятия Смоленска русские войска главными силами вышли к Орше (100 км к западу от Смоленска). Передовые отряды двинулись дальше, в глубь Литвы — на Борисов, Минск и Друцк. Однако Михаил Глинский, западнорусский князь, перешедший на службу Русскому государству, пользовавшийся полным доверием великого князя Василия и поставленный во главе основной группировки русских войск, оказался изменником — он выдал королю Сигизмунду планы русского командования.

Король, оставив небольшие силы у Борисова, главную часть своих войск двинул к Орше. Во главе польско-литовских войск стоял князь Острожский, разбитый когда-то на Ведроше и пробывший несколько лет в русском плену.

[1] *Лобин А. Н.* Битва под Оршей. СПб., 2011. С. 45.

[2] Там же. С. 38.

Во главе русских войск, выдвинутых к Орше, стоял воевода Иван Андреевич Челяднин. Когда польско-литовские войска вышли к Орше и встали против русских на правом берегу Днепра, Челяднин решил, видимо, повторить сценарий битвы при Ведроше — дать противнику перейти реку, а затем отрезать ему путь к отступлению.

Боевой порядок князя Острожского состоял из двух основных линий. В центре второй линии стояла пехота, в том числе профессионалы — «жолнеры». Впереди была развернута конница, на правом фланге — литовская, на левом — польские латники. На флангах пехоты, на огневых позициях была развернута полевая артиллерия.

Сражение 8 сентября началось атакой левого фланга противника русской конницей воеводы Голицы. Эта атака была встречена контратакой литовской конницы с фронта, а во фланг полк Голицы был атакован польской пехотой, выдвинутой из второй линии. Под огнем пехоты противника Голица в беспорядке отступил за боевую линию русских войск.

Левофланговый отряд русской конницы также атаковал противника, но, углубившись в его боевые порядки, попал под залповый огонь полевой артиллерии, а затем был атакован во фланг польскими латниками. Прижатая к болотистой долине речки Крапивны, русская конница была уничтожена.

Во время этих боев фланговых полков главные силы Челяднина держали себя пассивно. Только после разгрома своих фланговых отрядов Челяднин решил атаковать вырвавшиеся вперед конные отряды противника. Но было уже поздно. Скученное на узком пространстве русское войско было разгромлено. Сражение было проиграно, многие воеводы и сам Челяднин взяты в плен. Князь Константин Иванович Острожский взял реванш за свой разгром на Ведроше.[1]

Поражение под Оршей было следствием грубого стратегического и тактического просчетов. План глубокого наступления после взятия Смоленска не отвечал реальным возможностям русских войск. В тактическом отношении руководство И. А. Челяднина оказалось несостоятельным. По-видимому, не был заранее продуман план боя. Крупнейшей ошибкой было отсутствие общего резерва. Это был отход от испытанной в боях тактики русских полководцев со времен Александра Невского. В бою отсутствовало взаимодействие основных частей

[1] Разин. С. 351–353; *Лобин А. Н.* Указ. соч. С. 142–184.

боевого порядка и фактически не было руководства боем со стороны командующего. Войска вступали в бой по частям и по частям были разбиты.

Важную роль сыграло техническое превосходство противника, прежде всего — наличие полевой артиллерии и умение ее использовать. В противоположность своему противнику, князь Острожский хорошо продумал план боя и искусно руководил сражением. Смыв с себя позор разгрома на Ведроше, князь Острожский показал себя достойным учеником своих победителей.

Следует отметить, что бытующая в литературе оценка численности русских войск под Оршей (80 тыс. человек) преувеличена в несколько раз. Такого количества служилых людей и их боевых холопов у Челяднина не могло быть — ведь и полвека спустя, в Полоцком походе царя Ивана их было меньше 40 тыс.[1]

Победа литовцев под Оршей не привела к стратегическим последствиям. Война продолжалась с переменным успехом, и по перемирию 1522 г. Смоленск остался за Россией. Фактически война была выиграна.

Новым и существенно важным фактором геостратегической обстановки стал союз Крыма с Литвой. В ходе войны с Литвой татары не раз нападали на русские земли, а в 1521 г. хан Мухаммед-Гирей, обманув бдительность русских воевод, оборонявших южный рубеж («Берег»), внезапно перешел Оку у Коломны и подошел к Москве. Штурмовать город он не решился, но посады были сожжены. В течение трех месяцев татары разоряли русские земли. Одновременно с крымским ханом на Россию напал и казанский хан, разоривший Нижегородский уезд.[2] Так впервые за 70 лет Русская земля подверглась татарскому нашествию.

Союз Крыма с Казанью поставил перед политическим руководством страны новые сложные задачи. Важной задачей стало обеспечение безопасности Русского государства на кратчайшем к Москве восточном направлении. С 1523 г. начинаются походы русских войск на Казань. К решающему успеху они не привели, но важным результатом было основание города Васильсурска в 200 км выше Казани по Волге. Васильсурск стал передовой базой для дальнейших походов.

[1] Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004.
[2] ПСРЛ. Т. 12. М., 2000.

Приход к власти царя Ивана в 1547 г. ознаменовался крупной военной реформой — было создано стрелецкое войско. Предшественниками стрельцов были пищальники. При Иване III так назывались люди «по прибору», обслуживавшие крепостную артиллерию. При Василии III появляются пищальники, набираемые для походов из посадских людей. Они снабжались и вооружались за счет своих общин, т. е. были фактически ополченцами — пехотой с огнестрельным оружием. В отличие от пищальников, стрельцы получили постоянную военную организацию. В 1550 г. было создано 6 «статей» (полков) по 500 человек в каждой. «Статьи» делились на сотни. В новую службу «по прибору» были отобраны лучшие из пищальников. Они составили постоянный гарнизон Москвы и участвовали в боевых походах. Стрельцы получали от государства единое обмундирование, огнестрельное и холодное оружие, небольшое денежное жалование и право заниматься в мирное время ремеслом и торговлей.

Стрельцы были войском, максимально приближенным к постоянной армии. В отличие от европейской пехоты, они не были наемниками-профессионалами. В морально-политическом отношении это было большим преимуществом, но по уровню боевой подготовки стрельцы уступали профессионалам-наемникам.

Общее количество стрельцов к концу XVI в. достигло, по разным подсчетам, от 15 до 20 тыс. человек. Эта полурегулярная пехота стала важнейшей составной частью русского войска, дополняя служилую конницу.[1]

Важнейшим военным предприятием царя Ивана был поход на Казань в 1552 г., сравнительно хорошо освещенный в наших источниках. Походу предшествовала длительная и всесторонняя подготовка. В 1550 г. на Волге в непосредственной близости от Казани был построен городок — крепость Свияжск, ставший базой осадной армии. Васильсурск и Свияжск существенно облегчали ведение боевых действий против Казани.

Новый поход на Казань был тщательно продуман. Артиллерию («наряд») и запасы решено было везти с судовой ратью по Оке и Волге к Свияжску. Для защиты Свияжска и переправы через Волгу от Казани до Камы были выделены значительные силы.

---

[1] *Волков В. А.* Войны и войска Московской Руси. М., 2004 (далее — Волков). С. 344–354.

Главные силы были сосредоточены в Москве и должны были двигаться к Свияжску двумя параллельными колоннами. Правая колонна должна была своими фланговыми отрядами отражать вероятные атаки крымского хана. И действительно — крымские татары, усиленные турецкой пехотой (янычарами) и артиллерией, предприняли набег на Тулу, чтобы сорвать марш-маневр русских войск. В упорных боях атака была отражена.

1 июля главные силы русских войск выступили из Москвы и 13 августа подошли к Свияжску, куда уже были доставлены артиллерия и запасы. Среднесуточный темп перехода достигал 25–30 верст, что говорит о хорошей организации марша.

К 20 августа русские войска перешли через Волгу и сосредоточились под стенами Казани. Достоверных данных о численности русских войск нет. По наиболее правдоподобным расчетам Е. А. Разина, она могла достигать 50 тыс. человек.[1]

Расположенная на труднодоступной болотистой местности между р. Казанкой и оз. Булак, Казань представляла собой сильную деревянную крепость с многочисленными башнями. Численность гарнизона, по источникам, составляла 30 тыс. человек, что, несомненно, сильно преувеличено. Вне стен крепости в Арском лесу был создан опорный пункт для отряда, действующего в тыл осаждающим; фактически это было повторением тактики обороны города в 1487 г.

В отличие от кампании 1487 г., русские войска располагали мощной артиллерией (150 осадных орудий, не считая легких полевых) и средствами для минной войны — подкопа с целью взрыва крепостных стен.

В ночь на 26 августа русские приступили к сооружению циркумвалационной линии (острога) в 200 м от стен крепости. Как и в 1469 и 1487 гг., прежде всего было решено отвести от города р. Казанку — основной источник питьевой воды. Но, потеряв этот источник, жители стали пользоваться водой из болотистого ручья.

29 августа начался артиллерийский обстрел города. Как и в 1487 г., отряд татар, находившийся вне крепости, своими активными действиями в тыл осаждающих затруднял осадные работы. Но в результате 10-дневного рейда русских войск в Арский лес, отряд Япанчи, действовавший в тыл русских, был разбит, и Арский городок разрушен.

[1] Разин. С. 350.

Штурм крепости состоялся 2 октября. Были взорваны два подкопа, под прикрытием артиллерийского огня, стрельбы стрельцов и лучников русские войска ворвались в крепость. Противник оказывал упорное сопротивление, переходя в контратаки. Только введение в бой русского общего резерва решило исход сражения. Казань была взята.[1]

Казанская операция 1552 г. — самое яркое событие в военной истории России в XVI в. Это образец стратегической наступательной операции с решительной целью полного разгрома противника.

Политическая цель похода соответствовала жизненно важным интересам Российского государства. После падения ордынского ига, включение Казанского ханства в состав России было важнейшим событием в истории нашей страны. Непосредственным следствием овладения Казанью стало в течение ближайших нескольких лет добровольное вхождение в состав России башкир, овладение Астраханью, выход России на Северный Кавказ. Наследие Чингизидов в Европе — Джучиев улус — перестал существовать. Если падение Византийской империи и завоевание османами юго-восточной Европы было величайшим торжеством ислама, то падение Казанского ханства демонстрировало другую составляющую исторического процесса — победу христианской Европы над реликтами когда-то могущественной империи кочевников.

В геостратегическом отношении овладение Казанью означало радикальное решение проблем восточного направления. Восточный фронт был фактически ликвидирован.

Стратегия похода 1552 г. отвечала его политическим целям. Обращает на себя внимание тщательность подготовки похода, разработка плана и его образцовое выполнение. Сосредоточение, развертывание и марш-маневр в сложных условиях (угроза правому флангу) были проведены, можно сказать, блестяще. Управление войсками непрерывно находилось в руках Ставки, т. е. самого царя Ивана IV, шедшего вместе с войсками и осуществлявшего непосредственное оперативное руководство.

Тактика осады отвечала стратегическим задачам и отражала новый, более высокий уровень военного искусства, чем в 1487 г. Новым было, прежде всего, широкое применение артиллерии и ручного стрелкового оружия, а также минная война — подрыв крепостных стен путем взрыва пороха. Штурм крепости в этих условиях — новый шаг в раз-

---

[1] Там же. С. 355–367.

витии русского военного искусства. Следует обратить внимание на целесообразность задач, поставленных перед отдельными частями войск, выделение общего резерва, своевременно введенного в действие. Все это дает возможность относить Казанскую кампанию к самым блестящим достижениям военного искусства России.

Со стороны татар следует отметить традиционность тактики обороны, не включавшей новых элементов, и при этом — исключительное мужество и стойкость в обороне своего города. Героическая оборона Казани, теперь органической части Российского государства, — такая же, как и искусство русских войск, неотъемлемая часть военной истории нашего Отечества.

Успешное решение казанской проблемы дало возможность активизировать внешнюю политику и на других направлениях. После некоторых колебаний царь Иван принял решение начать наступление на Ливонию. Целью этого наступления могло быть овладение побережьем Балтийского моря и развитие торговых связей с Западной Европой. В отличие от своего деда, стремившегося к сохранению мира с Ливонией и к защите торговых отношений, опираясь на пограничные русские крепости и приморский порт Ивангород, царь Иван поставил перед собой задачу гораздо более широкую, что с неизбежностью должно было вызвать серьезные политические осложнения. Благоприятным фактором для России было, что Империя, чьим вассалом считался Ливонский Орден, была занята религиозной войной и эффективной помощи Ордену оказать не могла. Можно было надеяться на сравнительно быструю победу над Орденом.

Ливония была покрыта сетью укрепленных замков-крепостей, которых насчитывалось до 150. Имелся и целый ряд больших сильных крепостей с первоклассной артиллерией. Основную боевую силу составляли рыцари — профессиональные наследственные воины, имевшие в своем распоряжении военных слуг (кнехтов) и вооруженных крестьян, призванных на службу во время войны. Борьба с Орденом оказалась далеко не легким делом.

В кампании 1558 г. русские войска овладели Нарвой, Дерптом и несколькими другими сильными крепостями. Решающую роль в овладении ими сыграла русская артиллерия. Конница под командованием русских воевод разорила обширную территорию и доходила до Ревеля и Риги. Однако с наступлением осени войска были выведены из Ливонии, за исключением небольших гарнизонов в крепостях.

Этим воспользовались ливонские войска. Их командующий Кетлер с 20 тыс. армией перешел в наступление, вновь овладел одним из небольших замков и разорил псковскую окраину. После короткого перемирия военные действия возобновились. Немцы осадили Юрьев (Дерпт), но взять его не смогли. Русские овладели сильной крепостью Феллином.

Результаты 3-летней войны нельзя назвать удовлетворительными. Несмотря на ряд частных успехов, задача овладения Ливонией решена не была. В действиях русских войск не видно ясно поставленной стратегической цели. Войска противника сохранили боеспособность, а основные крепости — Ревель и Рига — оставались в его руках.

В 1561 г. Орден прекратил свое существование. Северная часть его земель вдоль берега Финского залива перешла под власть Швеции, средняя часть с Ригой — к Литве, южная часть образовала новое герцогство Курляндское.

Крупным успехом русской дипломатии было перемирие со Швецией на 20 лет. Это давало возможность сосредоточить силы против Литвы. Наиболее удачным событием в войне с Литвой был поход на Полоцк зимой 1562/1563 гг.

Для похода на Полоцк были сосредоточены главные силы русского войска: более 30 тыс. человек, в том числе 18 тыс. конных служилых людей и более 2 тыс. человек в «наряде», и артиллерия, насчитывавшая до 200 орудий.

Русские войска под личным командованием царя Ивана в декабре-январе вышли к Полоцку и после 3-недельной осады овладели городом 15 февраля 1563 г. Решающую роль во взятии города сыграла артиллерия. В оперативном отношении следует отметить чрезвычайную трудность марша в зимних условиях по единственной дороге от Можайска. Тяжелая артиллерия была доставлена из Великих Лук, когда уже шла осада Полоцка.[1] Овладение Полоцком было блестящим оперативно-тактическим успехом, но в стратегическом отношении оно не могло непосредственно повлиять на решение основной цели войны — овладение Ливонией. Полоцкая операция, как и ливонские кампании 1558–1560 гг., свидетельствует о нечеткости стратегической линии русского верховного командования.

Зимой 1564 г. была предпринята попытка овладения Оршей, куда двинулись войска из Полоцка под командованием князя П. И. Шуй-

[1] Разин. С. 372–373.

ского. Поход этот закончился катастрофой. 26 января войско князя Шуйского было у р. Уллы внезапно атаковано литовскими войсками князя Радзивилла и наголову разбито. На поле боя пал сам князь Шуйский, противнику досталось множество пленных и весь обоз.[1]

Непосредственной причиной этой катастрофы, которую можно сравнить только с катастрофой под Оршей в 1514 г., является низкий уровень руководства войсками со стороны князя П. И. Шуйского. Отсутствовала разведка, боевое охранение, элементарный порядок на марше. Противник застал русских врасплох. Они даже не успели построиться в боевой порядок. Князь П. И. Шуйский хорошо зарекомендовал себя в ливонских походах. Его разгром на Улле имеет, надо думать, более общие причины — упадок боевого духа и воинской дисциплины в войсках, недостаточно контролируемых верховным командованием. За год до этого царь шел вместе с войсками и оперативно вникал во все детали трудного похода, а теперь, в отсутствие царя, его лучший воевода оказался неспособным к самостоятельному командованию. Видимо, между стратегическим и оперативным руководством, между Ставкой и фронтовым командованием порвалась связь, которая одна только и может обеспечить успех операции.

В стратегическом отношении операция против Орши, как, впрочем, и против Полоцка, была бесполезной — она не отвечала общей стратегической задаче борьбы на ливонском фронте. Поражение на Улле и последовавшая вскоре измена воеводы князя Курбского обозначили кризис в ходе войны.

Еще большее значение имело начало опричной политики в декабре 1564 г. Введение опричнины, независимо от субъективных целей царя Ивана, объективно вело к морально-политическому и социально-экономическому расколу страны, что означало отход от политики прежних государей и грозило в будущем еще более тяжелыми последствиями.

После 1564 г. военные действия в Ливонии почти прекратились, а на литовском фронте происходил обмен ударами тактического масштаба.

Важным событием стало 3-летнее перемирие, заключенное в 1570 г. с Речью Посполитой, — новым названием объединившихся Литвы и Польши. Перемирие позволило сосредоточить силы на шведском

[1] Волков. С. 186–187.

фронте. Осенью 1570 г. большое русское войско осадило с суши Ревель. Город подвергся ожесточенным бомбардировкам, но шведский флот обеспечивал подвоз подкреплений и снабжение крепости. После 7-месячной осады русские войска в марте 1571 г. вынуждены были отойти от города. Это было первым крупным поражением русских войск на северо-западном направлении. Причина неудачи под Ревелем очевидна — приморскую крепость нельзя-взять без помощи флота. Однако никаких мер по созданию морской силы на Балтийском театре, способной взаимодействовать с сухопутными войсками, предпринято не было. Наем датского капера Карстена Роде для действий против вражеской торговли в Балтийском море отнюдь не отвечал насущной задаче оперативно-тактического взаимодействия сухопутных и морских сил на приморском направлении. Вспомним, что еще в 1490-х гг. великий князь Иван планировал постройку галер — боевых судов, наиболее пригодных для действий в Финском заливе. Проект тогда осуществить не удалось, но в целесообразности его не возникает сомнений. Однако царь Иван и в этом деле, как и в некоторых других, отнюдь не продолжал политику своего деда. Отказ от попытки создать на Балтике полноценный флот — одна из крупных ошибок, обусловивших поражение в Ливонской войне.

Следует подчеркнуть, что к этому времени уже установились связи по морю с Англией и русские люди имели полную возможность ознакомиться с кораблями англичан, приходившими в Северную Двину. Но для постройки флота нужна была политическая воля — инициатива царя, а ее-то как раз и не было. Без флота борьба за Балтику не имела ни перспектив, ни особого смысла.

Создание морской силы было настоятельной необходимостью не только на Балтике, но и на Белом море. Летом 1571 г. отряд кораблей Швеции, Голландии и Гамбурга вошел в Белое море и создал угрозу захвата Соловецких островов. Угроза эта тогда не реализовалась, но потенциально сохранилась. На Севере русская лодейная флотилия имела опыт успешной борьбы со шведами в 1496 г. (поход князя Петра Ушатого «морем-акияном»), но опыт этот в новых условиях никак не был использован — по-видимому, просто забыт начальством, и северные берега страны оставались беззащитными.

К 70-м гг. XVI в. политическое и военное положение России значительно ухудшилось. Появились явные признаки экономического истощения — запустение земель в связи с убылью сельского населе-

ния, бежавшего от огромного роста налогов и от опричного террора. Силы государства начали истощаться в бесконечной войне на западе.

Геостратегическое положение существенно ухудшилось в связи с фактическим открытием южного фронта. Нападения крымских татар, поддерживаемые Турцией, становились все более частыми и масштабными. Крупнейшее нашествие хана Девлет-Гирея произошло в мае 1571 г. Ему удалось, обойдя с запада русские войска, оборонявшие Берег, внезапно напасть на Москву, сжечь посады, вызвать катастрофический пожар в самом Кремле и как в прежние времена разорить ряд русских уездов. Успеху хана способствовали несогласованные действия опричных и земских воевод.

Но когда в следующем году Девлет пытался повторить свое нашествие, он был встречен на р. Лопасне юго-западнее Москвы ратью воеводы князя Михаила Ивановича Воротынского и в многодневном бою разбит наголову.[1]

Угроза на южном направлении отвлекала значительные силы с западного фронта. Тем не менее, после неудачной осады Ревеля война со Швецией продолжалась. Под личным командованием самого царя был взят Вейсенштейн (Пайда), русские войска овладели в 1576 г. почти всеми городами в Эстонии. Однако Ревель оставался недосягаемым, и успехи русских, как и прежде, носили оперативно-тактический, но не стратегический характер. Войне со Швецией не было видно конца.[2]

Избрание на польский престол нового короля Стефана Батория в 1576 г. ознаменовало начало последнего периода Ливонской войны. Стефан Баторий провел военную реформу. Основу ее составило приглашение на службу профессионалов-наемников из Германии и Венгрии. Была также значительно усилена артиллерия. Стефан Баторий заключил союз со Швецией и фактически имел союзников в лице Турции и Крыма. Россия оказалась в кольце врагов.

Царь Иван в последний раз попытался захватить инициативу и провести наступательную операцию в Ливонии. Для кампании 1577 г. было собрано довольно большое войско, в том числе 10 тыс. служилых людей, 15 тыс. стрельцов, ок. 8 тыс. вспомогательной «посохи» (пехоты). В 1562 г. для Полоцкого похода было призвано ок. 35 тыс. конных

[1] Волков. С. 151–157

[2] Разин. С. 373–374.

воинов — ударной силы русского войска. По сравнению с 1562 г., число служилых людей в 1577 г. сократилось втрое. Истощенная непрерывной войной страна напрягала последние силы.

Поход 1577 г. не принес удовлетворительных результатов. Перед войсками не было поставлено четкой стратегической задачи, их силы дробились в осадах крепостей. Основу войска в 1577 г. составляла сравнительно малоподвижная пехота. Добиться перелома в ходе войны не удалось. В 1578 г. шведы, перейдя в наступление, атаковали русские войска, осаждавшие Венден, и нанесли им полное поражение. Этим фактически закончились боевые действия на ливонском театре войны.[1] Теперь инициатива окончательно перешла к противнику.

В 1579 г. Баторий начал вторжение в русские земли. Первый удар был нанесен по Полоцку, который был взят после упорной обороны немногочисленного гарнизона. Отряд воеводы Шеина, посланный на помощь Полоцку, вместо атаки сам перешел к обороне и никакой помощи крепости не оказал, а затем был разбит поляками. Не встречая организованного сопротивления, войска Батория разоряли Смоленскую и Северскую земли.[2]

Кампания 1579 г. — печальный пример пассивности главного командования, потерявшего, очевидно, волю к борьбе. Это могло быть следствием полного истощения сил и моральных ресурсов. «Цель войны — мозг неприятельского главнокомандующего», — утверждал английский военный писатель Лиддл-Харт. При всей парадоксальности этого высказывания, оно не лишено основания. Потеря главным командованием воли к борьбе фактически означает поражение. Это именно то, что случилось с Россией на последнем этапе Ливонской войны. Страна была истощена, войск было мало, но и то, что было в наличии, бездействовало. Неприятельские войска вторгались на территорию России, наносили удар за ударом, брали города, жгли деревни, а остатки русских войск бездействовали. Стратегически война была проиграна бесповоротно.

Однако в истории нет таких трудных положений, в которых не играли бы роль моральные качества реальных участников исторического процесса. На тусклом фоне заката стратегии царя Ивана резко выделяется оборона Пскова осенью-зимой 1581 / 1582 гг.

---

[1] Там же. С. 374–375.
[2] Там же. С. 375–376.

Занимающий исключительно важное стратегическое положение (ключ ко всей северо-западной России) Псков не раз подвергался нападениям крупных сил противников.

В 1480 г. на Псков напал магистр фон дер Борх. Его нападение было отражено псковичами, для длительной осады у него не было сил. В августе 1502 г. к Пскову подошел магистр Вальтер фон Плеттенберг. Ему удалось форсировать р. Великую и начать штурм псковской крепости. Однако Ставка русского ВГК ввела в действие стратегический резерв, и, узнав о его приближении, магистр поспешно отступил от города.

Теперь, осенью 1581 г., не было никаких стратегических резервов и фактически не было Ставки. Псков был предоставлен самому себе. 5-месячная оборона Пскова, отразившего три общих штурма, сыграла решающую роль на позднем этапе войны. Материальные и моральные силы наемного войска Стефана Батория были подорваны, он вынужден был снять осаду и признать свое поражение.[1] Война на этом фактически закончилась, а перемирие, заключенное в январе 1582 г., восстанавливало довоенную границу с Литвой.

Имена воевод князей Ивана Петровича Шуйского и Василия Федоровича Скопина-Шуйского занимают почетное место в ряду героев русской военной истории. При полном параличе главного командования, не получая никакой помощи, гарнизон Пскова решил свою задачу и смыл позор последних двух лет злополучной Ливонской войны.

Война со Швецией закончилась хуже — по перемирию на р. Плюссе, пришлось отдать побережье Финского залива от Нарвы до устья Невы, в том числе и Ивангород, который мог бы стать, но не стал, колыбелью русского флота на Балтике. Правда, шведам вскоре, по Тявзинскому миру 1595 г., пришлось вернуть эти земли России.

Итак, Ливонская война, самая продолжительная война в истории России, закончилась полным поражением и значительным ухудшением геополитического и геостратегического положения нашей страны. Войну начала могучая держава, одержавшая победу над Казанью, а закончила истощенная страна, стоявшая на пороге Смуты.

Исходной причиной поражения является неверный политический расчет, поставивший перед стратегией невыполнимую задачу. Поэтому по мере продолжения успешно начатой войны стратегическое по-

[1] Разин. С. 374–383.

ложение постепенно ухудшалось. Дипломатия царя Ивана, несмотря на всю свою активность и изобретательность (вроде изобретения русского «голдовника» — вассала в лице принца Магнуса), не смогла исправить исходной ошибки — избежать политической изоляции России путем приобретения надежного союзника. Стратегия не смогла исправить ошибок, допущенных на политическом уровне. За всю войну не удалось добиться по-настоящему крупного стратегического успеха, который мог бы определить дальнейший ход и исход войны.

Самая удачная за всю войну Полоцкая операция была, в сущности, стратегически бесполезна (как несколько веков спустя знаменитый Брусиловский прорыв).

В ходе длительной войны менялось к худшему социально-экономическое положение страны, сокращая реальные возможности для успешного продолжения войны. В этих условиях поражение было неизбежным.

С точки зрения оперативного искусства, нельзя не отметить низкий уровень управления войсками со стороны главного командования. Предоставленные сами себе воеводы почти неизменно терпели поражения, за исключением тех случаев, когда ими непосредственно руководил царь. Создается впечатление, что хорошо зарекомендовавшая себя при Иване III двухступенчатая система управления Ставка — фронт в Ливонской войне не работала: верховного главнокомандования фактически не было, его заменило фронтовое главное командование, когда с войском шел сам царь. Возможной причиной этого были личные свойства царя Ивана, мало доверявшего своим воеводам. И действительно — такие воеводы, как князь Петр Иванович Шуйский, наголову разбитый при Улле, или князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнувшийся от пожара в Кремле, куда он спрятался от татар, которых должен был отразить от Москвы, особого доверия не заслуживали.

По-настоящему талантливыми воеводами были победитель Девлет-Гирея князь Михаил Иванович Воротынский (погибший позднее от рук опричников) и герой Пскова князь Иван Петрович Шуйский. Они действовали самостоятельно, без видимого руководства со стороны царя.

В тактическом отношении важный момент — рост роли стрелецкой пехоты по мере ослабления служилой конницы, и применение «гуляй-города» — передвижных деревянных укреплений, хорошо проявивших себя при разгроме Девлет-Гирея.

Артиллерия прекрасно проявила себя при взятии ливонских городов и Полоцка и стала новым родом войск наряду с конницей и пехотой.

* * *

Несмотря на поражение в Ливонской войне, военная система Российского государства в XVI в. достигла значительных успехов. Стрелецкое войско было шагом на пути к регулярной армии. Появился новый род войск — артиллерия. Была разработана система оборонительных сооружений на южном направлении — «засечные черты», которые хотя и не исключали опасности нашествий татар, но, во всяком случае, облегчали борьбу с ними.

Основным успехом было включение Казанского и Астраханского ханств в состав Российского государства, что обеспечивало безопасность на восточном стратегическом направлении, превращало Волгу в важнейшую торговую артерию и открывало русской колонизации путь в Сибирь.

Постройка Архангельска и открытие торгового пути в Европу через Северный океан было важным успехом и могло бы стать предпосылкой для создания собственного флота на Севере. Предпосылки эти, однако, реализованы не были.

Тяжелый кризис, порожденный опричниной и Ливонской войной, создавал нарастающее социально-политическое напряжение и угрожал еще большими бедствиями, под знаком которых страна и вступила в новый, XVII в.

Лекция 6

Русское войско и военное искусство в первой половине XVII в.

Начало XVII в. ознаменовалось для нашей страны тяжелым кризисом, охватившим все стороны государственного организма. Современники называли этот кризис «Смутой», и это название наиболее полно отражает характер событий.

С военно-исторической точки зрения, события Смуты представляют значительный интерес в стратегическом, оперативном и тактическом отношениях. На всех этапах Смуты решающую роль играл морально-политический фактор, сильнейшим образом влиявший на состав, организацию и боевую деятельность войск.

Первый этап Смуты — авантюра Лжедмитрия (беглого монаха Гришки Отрепьева), фактически — начало польско-католической интервенции, с конечной целью ликвидации русской государственности и Православной Церкви. В политическом отношении Лжедмитрий был орудием польского короля Сигизмунда III и римской курии.

Войско Лжедмитрия состояло из польской шляхты, русских изменников и казаков. Первоначальный состав войска насчитывал несколько тысяч человек. Основным оружием Лжедмитрия была широкая и искусная социально-политическая демагогия. Выдавая себя за «царевича Дмитрия», самозванец стремился привлечь на свою сторону все слои русского общества, давая им всевозможные нереальные и противоречащие друг другу обещания. Наибольшее значение имело обещание восстановить старинное право крестьянского перехода (т. н. «Юрьев день»). Реальной базой демагогии была непопулярность Бориса Годунова и его правительства, не имевшего широкой социальной опоры и допускавшего серьезные ошибки во внутренней политике.

Стратегической базой Лжедмитрия была Северская земля — юго-западная окраина России. Население Северской земли — казаки, беглые холопы, мелкие служилые люди, крестьяне — поддерживали Лжедмитрия и пополняли ряды его войска.

16 октября 1604 г. войско Лжедмитрия перешло границу Русского государства и начало поход на Москву, первоначально не встречая серьезного сопротивления. Многие города с их населением и гарнизонами добровольно переходили на сторону Лжедмитрия. Только Новгород-Северский, гарнизон которого составлял отряд стрельцов под командой Петра Федоровича Басманова, отказался сдаваться и отразил штурм противника.[1]

Правительственные войска чрезвычайно медленно подтягивались к театру военных действий. Неудача Самозванца под Новгород-Северским создавала благоприятные условия для перехода правитель-

[1] Разин. С. 63.

ственных войск в наступление. 21 января 1605 г. произошло крупнейшее сражение кампании — у села Добрыничи. Войско Самозванца было наголову разбито. Однако правительственные войска не воспользовались победой и дали возможность Самозванцу восстановить свои силы и занять стратегически важный город Кромы.

13 апреля скоропостижно умер царь Борис. 7 мая воевода Басманов с войсками присягнули Самозванцу, и в июне он беспрепятственно вступил в Москву. Основным фактором, обеспечившим победу Самозванцу, было морально-политическое разложение его противников. Правительство Бориса Годунова фактически оказалось бессильным перед лицом польско-католической интервенции, орудием которой был Лжедмитрий.

В стратегическом отношении следует отметить правильный выбор базы Самозванцем и верное решение о походе на Москву. В оперативно-тактическом отношении можно отметить неудачу Самозванца под Новгород-Северским и разгром его под Добрыничами. В сражении под Добрыничами решающую роль сыграл ружейный огонь стрелецкой пехоты и стрельба легкой полевой артиллерии. В этом бою русская пехота впервые применила линейный боевой порядок, который в XVII–XVIII вв. был основным во всех европейских армиях. Однако хорошая тактика не может спасти плохую стратегию, и победа под Добрыничами не привела к перелому в ходе кампании.[1]

Занятие Москвы Самозванцем было венцом его авантюры. Захватив власть в интересах врагов России, он не смог эту власть удержать. В мае 1606 г. Лжедмитрий и его ближайшие приспешники были убиты восставшими москвичами.

Новый царь Василий Шуйский, наскоро избранный верхушкой московского общества, с самого начала оказался в трудном положении. Уже в июне 1606 г. появился Иван Болотников, который выдавал себя за воеводу «царя Дмитрия». Войско Болотникова состояло из казаков, беглых холопов, мелких служилых людей и частично крестьян. В советской исторической литературе Болотников фигурирует как руководитель «крестьянской войны», хотя этот далеко не бесспорный тезис не принят в новейшей историографии. Во всяком случае, Болотников — яркая фигура, лишенная черт национального предательства и беспринципного авантюризма, характерных для Лжедмитрия.

[1] Разин. С. 68–75.

В военном отношении действия Болотникова отличаются ясно поставленной целью — стремлением овладеть Москвой как столицей законного «царя Дмитрия». К воеводе «царя Дмитрия» примкнули средние служилые люди ряда южных городов, а также некоторые бояре, недовольные правительством Шуйского. Но основную опору движения составляли холопы и казаки.

7 октября к Москве подошли отряды рязанских служилых людей, а 28 октября — главные силы Болотникова. Полной блокады Москвы восставшим достичь не удалось. К Москве подходили отряды служилых людей северных и западных городов, оставшихся верными правительству. Москву обороняли служилые люди, стрельцы и посадские люди — жители Москвы. Болотникову не удалось создать единое и твердое руководство войсками и преодолеть социальные противоречия среди восставших. В лагере восставших началось морально-политическое разложение.

1–2 декабря в бою под Котлами юго-восточнее Москвы Болотников потерпел поражение. Отступив от Москвы, он создал себе базу в Калуге, где держался до мая 1607 г., после чего ему пришлось отойти к Туле. После упорной обороны Тулы, исчерпав все средства для сопротивления, Болотников вынужден был 10 октября сдаться правительственным войскам.

Основная причина поражения Болотникова — неудачно выбранная политическая цель. Возвращение «царя Дмитрия» не могло быть лозунгом для сплочения основной массы русского народа и преодоления социальных противоречий. Несмотря на отдельные оперативно-тактические успехи Болотникова, перевес в силах оставался за правительственными войсками. Легитимному правительству Шуйского удалось сохранить русскую государственность.[1]

Новый этап польско-католической интервенции начался летом 1607 г. Ее орудием стал второй Лжедмитрий, получивший у современников прозвище «Тушинский вор». Его политические цели и социальная демагогия в принципе были такими же, как у первого Лжедмитрия. Отличие состояло в том, что «Тушинский вор» был совершенным ничтожеством, и во главе его войск стояли польские и литовские магнаты: Ружинский, Маховецкий, Ян Сапега (брат королевского канцлера) и др.

[1] Там же. С. 88–127.

Войско «Тушинского вора» состояло главным образом из польско-литовской шляхты. К этому основному ядру примыкали казаки, беглые холопы и другие остатки войска Гришки Отрепьева. Сам «Тушинский вор» никакой самостоятельной роли не играл и был марионеткой в руках своих хозяев.

Первые слухи о втором самозванце относятся к лету 1607 г., когда его отряды пытались соединиться с войском Болотникова. После капитуляции Болотникова, «Вор» закрепился в Путивле и Орле. Правительственные войска сосредоточились у Болхова, прикрывая юго-западные пути к Москве. В течение зимы правительственные войска бездействовали, и войска «Вора» усиливались за счет притока свежих подкреплений из Польши. В конце апреля 1608 г. интервенты перешли в наступление и в сражении у Болхова 30 апреля — 1 мая нанесли поражение правительственным войскам воеводы князя Д. И. Шуйского, причем в руки противника попала вся артиллерия. Путь к Москве был открыт.

Подойдя к Москве, интервенты создали укрепленный лагерь в Тушине, северо-западнее столицы. Полностью окружить Москву противнику не удалось, но большинство путей к Москве было перекрыто их отрядами. Правительственные войска ограничивались пассивной обороной столицы. Отряды интервентов наводнили страну, не встречая организованного сопротивления. Некоторые города сами переходили на сторону «царя Дмитрия», других насильно заставляли «целовать крест» «Вору».

Правительство Шуйского теряло контроль над центром и югом страны. Опорой в борьбе с интервентами оставались Смоленск, Новгород, Псков, Север и города Верхнего Поволжья.[1] В сентябре 1608 г. войска интервентов осадили Троицкий Сергиев монастырь, важный стратегический пункт на Ярославской дороге. Еще более важным было морально-политическое и идеологическое значение этого крупного монастыря, оплота русского православия. 15 месяцев небольшой гарнизон монастырской крепости, во главе с воеводами Долгоруковым и Голохвастовым, поддержанный крестьянами окрестных деревень, нашедшими убежище за монастырскими стенами, и боеспособными иноками монастыря, выдерживал осаду войск Лисовского и Сапеги, отбивая неоднократные приступы и делая вылазки. Оборона Троиц-

---

[1] Разин. С. 134–141.

кого Сергиева монастыря, имевшая большое оперативно-тактическое значение, — один из ярчайших подвигов в военной истории России.[1]

В 1609 г. начался новый этап Смуты. Польско-католическая интервенция переросла в открытую фазу: Сигизмунд III объявил войну России. Поводом для этого послужил договор между Россией и Швецией. Швеция обязалась предоставить России наемное войско, а Россия уступала Швеции город Корелу.

Вступление Польши в войну против России резко изменило положение «Тушинского вора» — он перестал интересовать своих хозяев. Польско-литовская шляхта, составлявшая основу войска «Вора», теперь покинула его и перешла на службу своему королю. Тушинский лагерь опустел. Никому ненужный «Вор» тайно бежал из своего лагеря и был вскоре убит казаками. Его политическая роль закончилась гораздо раньше его смерти.

Основной причиной провала авантюры «Тушинского вора», т. е. второго этапа скрытой польско-католической интервенции, является то, что Русское государство оказалось более прочным, чем рассчитывали его противники. Правительство Шуйского сумело отстоять Москву и, несмотря на ряд неудач, сохранить основы государственного порядка.

Стратегия «Вора», опиравшегося главным образом на польско-литовскую шляхту, с самого начала была обречена. Социальная демагогия «Вора» имела гораздо меньший успех, чем демагогия Гришки Отрепьева, которому удалось хоть ненадолго захватить столицу.

Неудача авантюр самозванцев заставила короля и папскую курию перейти к открытой интервенции. Король рассчитывал на быструю победу. Объявив о своем намерении восстановить в России «порядок», Сигизмунд III двинулся к Москве по кратчайшему направлению — через Смоленск.

Смоленск был первоклассной крепостью на левом берегу Днепра. Гарнизон крепости насчитывал до 5 тыс. человек при 170 орудиях. Крепость имела большие запасы оружия, боеприпасов и продовольствия. Гарнизон мог пополняться за счет горожан (8 тыс. дворов) и посадского населения. 6 тыс. посадских дворов были сожжены при приближении противника. Посадские люди перешли в город. Воевода Смоленска Михаил Борисович Шеин принял меры для организации

[1] Там же. С. 142–152.

стойкой обороны крепости, выделив, в частности, подвижный резерв из состава гарнизона. В сентябре 1609 г. польское войско подошло к Смоленску. На первом этапе борьбы противник не располагал превосходством в артиллерии. Но в июле 1610 г. поляки подвезли из Риги тяжелую осадную артиллерию и добились огневого превосходства над гарнизоном крепости. Начались массированные бомбардировки для разрушения крепостных сооружений. Наибольшие потери гарнизон крепости нес от голода и болезней. К началу 1611 г. в крепости оставалось не более 200 боеспособных воинов. 3 июня противник ворвался в крепость. Остатки гарнизона взорвали пороховой погреб и погибли. В руки противника попали только раненые, в том числе воевода Шеин.

Оборона Смоленска — одно из выдающихся событий военной истории России. Небольшой гарнизон в течение 20 месяцев, не получая никакой помощи извне, оборонялся от противника, силы которого непрерывно росли. Главные силы польского войска были надолго прикованы к Смоленску. Это могло создать благоприятные предпосылки для коренного перелома в ходе всей войны. Но этого не случилось. Морально-политическое разложение верхов русского общества зашло слишком далеко...

В мае 1609 г. наемное шведское войско выступило из Новгорода. Наемники были профессиональными солдатами самых разных европейских национальностей. Начальником наемников был шведский генерал Делагарди, а главное командование осуществлял русский воевода князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Войско Скопина-Шуйского двинулось по направлению к Москве. В состав его включились русские ратные люди и добровольцы. Войско двигалось медленно, освобождая один за другим русские города. Одновременно происходило обучение ратному делу. Удельный вес наемников постепенно уменьшался.

В марте 1610 г., освободив от осады Троицкий Сергиев монастырь, победоносное войско вступило в Москву. В борьбе с интервенцией был достигнут первый крупный успех. Скопин-Шуйский намеревался двинуться на помощь осажденному Смоленску. Но молодой талантливый полководец внезапно умер — предположительно, был отравлен. В его лице правительство Шуйского потеряло последнюю надежную опору.

Изменники-бояре в феврале 1610 г. заключили договор с королем, признав его сына царем всея Руси. В июле они заставили царя Василия

отречься от престола, а в сентябре открыли полякам вход в Москву. Начался самый страшный этап Смуты.

В этих условиях выдающуюся роль сыграл патриарх Московский и всея Руси Гермоген. Он обратился с воззванием к русскому народу дружно встать на защиту Отечества и православной веры. Грамоты патриарха расходились по городам и селам, возрождая и укрепляя моральный дух и нравственное самосознание русских людей. Поляки заключили патриарха в Чудов монастырь и уморили голодом, но слово его не пропало даром. Русский народ стал подниматься на борьбу за спасение своей страны и своей веры.

В марте 1611 г. в Москве вспыхнуло восстание горожан. Поляки подавили восстание и сожгли бóльшую часть Москвы. Но к столице уже приближалось Первое ополчение. Сбор его начался в Рязанском уезде, и основное ядро его составляли рязанские служилые люди во главе с Прокопием Петровичем Ляпуновым. В состав ополчения входили также представители верхов московского общества во главе с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким. К ополчению примкнули казаки и остатки «тушинцев» под руководством Ивана Заруцкого. Это была наименее надежная часть войска.

Разнохарактерный состав затруднял создание твердого военно-политического руководства, что роковым образом сказалось на судьбе Первого ополчения. Спровоцированные польскими агентами казаки Заруцкого убили Прокопия Ляпунова — наиболее яркого руководителя Ополчения. Задачу спасти Россию Первое ополчение решить не смогло.

1 сентября 1611 г. земский староста Нижнего Новгорода Кузьма Минин обратился к горожанам Нижнего Новгорода с призывом создать новое земское ополчение. Средства на содержание войска собирались с купцов, посадских людей и монастырей.

В ополчение призывались служилые люди, стрельцы, посадские люди, пушкари, крестьяне и все имевшие привычку к ратной службе. От иностранных наемников руководство Ополчения категорически отказалось. Все призванные в Ополчение обязывались строго соблюдать дисциплину и повиноваться назначенным начальникам. Во главе организации и снабжения Ополчения стоял «выборный человек» Кузьма Минин, а главнокомандующим воеводой был избран князь Дмитрий Михайлович Пожарский, имевший опыт боев с поляками в марте 1611 г. на улицах Москвы, где получил тяжелое ранение.

Новое Ополчение с самого начала получило строгую, четкую организацию. Денежное жалование выплачивалось служилым людям не в зависимости от социального статуса, а за реальную боевую службу.

Первой стратегической задачей являлось расширение базы Ополчения путем освобождения городов Среднего и Верхнего Поволжья и Владимиро-Суздальской земли. Важнейшей задачей было закрепление Ярославля и установление прочной связи с Севером.[1]

С апреля по июль 1612 г. Ополчение находилось в Ярославле, где занималось сбором сил и боевой подготовкой. Был создан Совет Всей Земли — фактически временное правительство Российского государства. Отдельные отряды освобождали города северо-запада России и готовили их к обороне от шведских интервентов, засевших в Новгороде. В конце июля Второе ополчение выступило к Москве. К 20 августа войска Пожарского вступили в Москву. Польский гарнизон Кремля и Китай-города оказался в блокаде. На помощь осажденным полякам из Смоленска шло войско гетмана Хоткевича. Кроме войск Пожарского, под Москвой стояли остатки Первого ополчения во главе с князем Д. Т. Трубецким и казаки Заруцкого. Организационного единства между Первым и Вторым ополчениями не было.

22 августа к западным окраинам Москвы подошло войско Хоткевича, которое везло продовольствие для осажденных в Кремле и Китай-городе поляков. Наступил решительный момент борьбы за Москву. У противника было численное превосходство, его войска состояли в основном из опытных, профессиональных воинов. Прорыв Хоткевича к Кремлю означал бы полное поражение русских войск, пытавшихся освободить столицу.

Главной задачей русских войск было не допустить такого прорыва. 22 августа Хоткевич нанес удар с западного направления, но прорвать оборону русских не смог. 24 августа боевые действия развернулись на южном направлении. Оказывая противнику упорное сопротивление, русские войска изматывали его силы и создавали предпосылки для перелома в ходе боя. Общая контратака, проведенная русскими войсками в конце дня 24 августа, привела к разгрому войска Хоткевича и поспешному его отступлению к Можайску.[2]

---

[1] Разин. С. 182.

[2] Там же. С. 192.

22 октября русские овладели Китай-городом, а через несколько дней остатки польского гарнизона капитулировали в Кремле. В ходе борьбы за спасение Русского государства произошел коренной перелом, хотя предстояла еще борьба со шведской интервенцией на Северо-Западе.

После падения правительства Шуйского и захвата Москвы поляками, наемное войско Делагарди фактически начало военные действия против России. Началась шведская интервенция. Русские города Корела, Ивангород и другие оказывали противнику упорное сопротивление, но централизованной организации отпора интервентам при отсутствии правительства создать было невозможно. Русские города один за другим оказывались в руках шведов.

Наибольшее значение имел захват шведами Новгорода в результате предательства новгородского воеводы князя И. Н. Одоевского. Городское и крестьянское население повсеместно уходило в леса, прятало продовольствие, вело партизанскую войну, но изгнать интервентов, естественно, было не в силах. Только с образованием в Москве правительства появилась возможность начать решительную борьбу против шведских оккупантов.

Важнейшее значение имела оборона Пскова. Гарнизон Пскова отразил 5 попыток противника овладеть городом. Последняя, пятая попытка летом 1615 г. закончилась полным поражением самого короля Густава Адольфа. Несмотря на большое превосходство в силах и наличие мощной осадной артиллерии, Густав Адольф, как некогда Стефан Баторий, был вынужден снять осаду с крепости и с позором отступить.

Тактический успех русских войск под Псковом приобрел стратегическое значение. Победа наших войск под Псковом обозначила неудачу всей шведской интервенции, и заставила короля пойти на мирные переговоры.[1]

Решающее значение в преодолении Смуты имел созыв Земского Собора в Москве и избрание нового царя Михаила Федоровича. В стране начал восстанавливаться государственный порядок.

Борьба с польскими и шведскими интервентами, остатками «тушинцев» и разного рода бандитскими шайками, рассыпанными по стране, продолжалась еще несколько лет, но исход ее был ясен. Столбовский мир со Швецией (1617 г.) и Деулинское перемирие с Польшей (1618 г.) закончили войну с внешними врагами.

[1] Там же. С. 198–203.

Россия вышла из Смуты обессиленная, обескровленная, но живая. И это было главным итогом многолетних народных бедствий.

Важнейшая причина победы над польской и шведской интервенцией — окрепшее в ходе войны национально-государственное самосознание русского народа. Широкий народный характер борьбы за спасение Отечества и православной веры позволил преодолеть ошибки и неудачи правительственной политики в первые годы Смуты, сохранить и восстановить основы русской государственности. В борьбе за спасение России морально-политической фактор сыграл решающую роль — именно он обеспечил возможность создания народных ополчений, выигравших борьбу с интервентами.

В военно-политическом отношении Смута представляет собой попытку разрушения Русского государства путем скрытой и открытой интервенции. В стратегическом отношении можно выделить два основных этапа Смуты.

На первом этапе (1604–1610) стратегическая инициатива находилась в основном в руках врагов России. Им удалось дважды овладеть Москвой, захватить ряд русских городов и подвергнуть опустошению значительную часть территории России. Сопротивление интервентам носило в основном локальный характер и проявлялось, главным образом, в упорной обороне отдельных наиболее важных пунктов (Москва, Троице-Сергиев монастырь, Смоленск). Контрнаступление Скопина-Шуйского нанесло сильный удар по интервентам, но в общенародную борьбу перейти не смогло.

На втором этапе, начиная с 1611 г., борьба с интервентами приобретает широкий общенародный характер, и стратегическая инициатива переходит в руки народных ополчений. Ополчение Минина и Пожарского одерживает решительную победу над польскими интервентами, что обеспечивает спасение России и восстановление российской государственности.

Создание народных ополчений было принципиально новым явлением в истории России. Организация вооруженной силы и возрождение государственности впервые шли не «сверху» (правительственная власть фактически отсутствовала), а стали делом широких народных масс, выдвинувших своих талантливых руководителей.

Опыт борьбы с интервентами показал непригодность для России наемного войска иностранцев-профессионалов. Русский народ взял на себя дело спасения своего государства. Это стало возможным в ус-

ловиях подъема национального самосознания, преодоления морально-политического разложения, характерного для первого периода Смуты. Управление войсками на стратегическом уровне переходит в руки руководителей ополчения.

Основной чертой стратегии народного ополчения был ее активный наступательный характер. Стратегия была направлена на решение основной задачи — освобождение столицы. Решение этой задачи обеспечивалось операциями по расширению и укреплению базы наступления.

В борьбе против шведских интервентов (1611–1617) наступательная стратегия сочеталась с упорной обороной важнейших пунктов (Псков) и широким развитием партизанского движения. Проявление народной инициативы, направленной на возрождение государственности, — важнейшая черта стратегии второго этапа Смуты.

В области тактики наибольший интерес представляет возрастание роли пехоты — появление линейного боевого порядка. Можно отметить ряд случаев умелого применения подвижных полевых укреплений и развитие тактики уличного боя. Конница в ряде случаев умело взаимодействовала с пехотой, но потеряла роль главной ударной силы русского войска на поле боя. Существенно возросла роль артиллерии в полевом бою, особенно при обороне и взятии крепостей. Крепости как мощные долговременные фортификационные сооружения сохранили важнейшее оперативно-тактическое и стратегическое значение. Борьба за крепости в ряде случаев существенно влияла на ход и исход оборонительных и наступательных кампаний.

В целом эпоха Смуты, эпоха борьбы за сохранение Русского государства от интервенции, скрытой и открытой, значительно обогатила военное дело и военное искусство России. Имена героев борьбы за спасение России — патриарха Гермогена, Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, Михаила Борисовича Шеина, Кузьмы Минина и Дмитрия Михайловича Пожарского — драгоценное достояние нашего национального самосознания.

* * *

Условия Деулинского перемирия поставили нашу страну в тяжелое положение. Потеря Смоленска резко ухудшила геостратегическое положение России. Смоленск — ключ к Москве. Имея в руках эту

сильнейшую крепость, противник оказывался на дальних подступах к русской столице. Возвращение Смоленска было насущной необходимостью для обеспечения безопасности Русского государства.

Основным фактором международного положения, начиная с 1618 г., была большая война католической империи против протестантских княжеств, в которую втянулись постепенно все государства Европы. Выступая против Польши, Россия объективно становилась участником Тридцатилетней войны на стороне протестантских государств.

Наиболее важным союзником России была Швеция. Потеря выхода на Балтику было для России на данном этапе менее тягостна, чем непосредственная угроза Москве. Переговоры со шведским королем Густавом Адольфом имели следствием важное соглашение по экономическим и военно-техническим вопросам. Россия стала продавать в Швецию хлеб — впервые в русской истории хлеб стал экспортным товаром. Поставки русского хлеба существенно облегчили экономическое положение Швеции и ее протестантских союзников — Голландии и других.

Швеция предоставляла России военно-техническую помощь, что обеспечило возможность проведения важной военной реформы. Военно-техническое сотрудничество со Швецией позволило провести в Российском государстве перевооружение полевой артиллерии и создание полков «нового строя».

Смута нанесла сильнейший удар по основному роду войск России — служилой коннице. Служилые люди стали фактически неспособны к несению полевой службы. Так, в 1630 г. полевую службу могли нести только 20 тыс. служилых людей из общего числа 92 тыс. Страна фактически была неспособна к серьезной войне.[1]

В 1630 г. шведский инженер Юлиус Кост привез в Россию новую технологию отливки легких полевых орудий. Их изготовление резко усилило мощь русской полевой артиллерии. В 1632 г. Андреас Виниус основал два новых оружейных завода — в Туле и Кашире. Этим был начат новый — мануфактурный — период развития военной промышленности России.[2]

В создании полков «нового строя» крупную роль сыграл выходец из Швеции генерал Лесли. Формирование полков началось в 1630 г.

---

[1] Волков. С. 294.

[2] Там же. С. 293.

По первоначальному проекту предполагалось создать два солдатских (пехотных) полка, в которые призывались беспоместные служилые люди. Однако вследствие нежелания дворян нести пехотную службу в полки стали призывать и людей из других сословий, в том числе даточных людей из монастырских вотчин. Солдаты находились на полном казенном обеспечении и получали жалование — 5 руб. в год. Вооружение и обмундирование поставляла казна.

В кавалерии формировались рейтарские и драгунские полки. В рейтары и драгуны дети боярские шли более охотно. Все полки проходили обучение под руководством офицеров-иностранцев. Впервые была введена система воинских званий. Общая численность войск «нового строя» достигала 17 тыс. человек. Это было войско, близкое к европейским стандартам, но не имевшее боевого опыта и собственных традиций.[1]

В отличие от армий Западной Европы, полки «нового строя» не составляли основу вооруженной силы, а сочетались с войсками старого типа — служилым конным ополчением, стрельцами и другими людьми «по прибору». Армия представляла собой механическое соединение старых и новых элементов.

Революция в военном деле, охватившая Европу с конца XV в., т. е. превращение пехоты в основной род войск, коснулась и России, но не привела к коренным преобразованиям русской армии. В этих условиях военно-техническое и организационно-тактическое превосходство оставалось за Польшей.

Кончина короля Сигизмунда III 25 апреля 1632 г. ускорила выступление России. В июне 1632 г. Земский Собор принял решение о начале войны.

Главные силы русского войска под командованием М. Б. Шеина, героя обороны Смоленска 1609–1611 гг., выступили в поход в августе и в сентябре начали боевые действия против Смоленска. Численность войск Шеина достигала 30 тыс. человек, гарнизон Смоленска насчитывал 4 тыс. человек. Шеин отказался от штурма города и приступил к его блокаде.

Артиллерия — основное боевое средство русской армии для действия против крепости — сосредоточивалась крайне медленно, и только к марту 1633 г. в распоряжении Шеина оказались наиболее

[1] Там же. С. 294–295.

крупные осадные орудия, предназначенные для разрушения крепостных стен. Несмотря на использование мощной осадной артиллерии, штурмы крепости, предпринятые в мае и июне, были отбиты.

Полной блокады города добиться не удалось. В 40 верстах от Смоленска располагалось войско пана Гонсевского, которое поддерживало связь с гарнизоном. Предложение воеводы Передового полка князя Прозоровского атаковать Гонсевского крупными силами было Шеиным отклонено. Осадная армия оставалась пассивной. Между тем, оперативно-стратегическая обстановка резко ухудшилась.

Новый король Владислав IV с войском в 15 тыс. человек двинулся на помощь Смоленску. 25 августа он беспрепятственно подошел к городу. В бою у Покровской горы 11–13 сентября он нанес поражение войскам Шеина. Войско короля соединилось с гарнизоном крепости, и теперь Шеин сам оказался в блокаде. В ходе кампании произошел крутой перелом.

Общее стратегическое положение к этому времени также значительно ухудшилось. Потенциальный союзник России Густав Адольф пал в сражении при Люцене в ноябре 1632 г., а его преемники не придавали значения союзу с Россией. Россия осталась в одиночестве против Польши с ее военно-техническим и общекультурным превосходством.

1 октября 1633 г. скоропостижно скончался престарелый патриарх Филарет, фактический правитель Российского государства, инициатор военной реформы и Смоленской войны. Царь Михаил Федорович не нашел надежных помощников.

Существенно важную роль в ходе всей войны сыграло вступление Крымского ханства в войну против России. Нападения татар привели к массовому отъезду служилых людей из действующей армии для защиты своих владений. Как когда-то, в далеком 1502 г., во время первой осады Смоленска, командование войсками оказалось не в силах предотвратить это массовое дезертирство.

Правительство не смогло реально повлиять на создавшуюся обстановку. Для помощи заблокированной в своем лагере армии Шеина была двинута рать из Можайска, но фактического участия в боевых действиях она не принимала.

Положение Шеина становилось катастрофическим — его войска умирали от голода. В этих условиях, не получая никакой помощи из Москвы, Шеин позволил себе вступить в переговоры с поляками и 15

февраля 1634 г. заключил договор о «почетной капитуляции». Остатки русских войск были выпущены из окружения со знаменами и личным оружием, но вся артиллерия и прочее имущество осталось в руках противника. Проходя мимо короля, русские войска должны были преклонить перед ним знамена в знак своего унижения перед победителем. Это, возможно, сыграло в судьбе Шеина роковую роль.

«Почетная капитуляция» не понравилась в Москве. Героическое прошлое Шеина было забыто. По приговору Боярской думы Михаил Борисович Шеин и его второй воевода Лев Измайлов были казнены отсечением головы, а другие воеводы подвергнуты разным менее тяжелым наказаниям.

Война фактически была проиграна, но военные действия еще продолжались. Король Владислав, окрыленный своим успехом, затеял поход на Москву, но, осадив по дороге небольшую крепость Белую, встретил упорное сопротивление, был ранен и не стал искушать судьбу.

По мирному договору 1 июня 1634 г. (Поляновский мир) к России перешел городок Серпейск, но Смоленск и вся его область остались в руках Польши. Россия согласилась выплатить 20 тыс. рублей, взамен чего Владислав IV отказался от титула «царя всея Руси» — этого позорного для России наследия Смуты.

Недолгая и малопочетная для нашей страны Смоленская война не может быть игнорирована при изучении военной истории России. Наше национальное достояние, бесценный исторический опыт, включает не только светлые, но и темные страницы.

Первый вопрос, возникающий при попытке анализа хода событий Смоленской войны: соответствовала ли поставленная задача интересам России? На этот вопрос необходимо ответить утвердительно. Возвращение Смоленска было жизненно важно для безопасности страны.

Но была ли Россия готова к войне? Смотровые десятни 1630 г. свидетельствуют о значительном повышении боевой ценности служилого ополчения. Однако для войны с Польшей этого ополчения было мало. Начавшаяся военная реформа еще не могла дать серьезных результатов — полки «нового строя» еще проходили только первый этап своего обучения. С этой точки зрения, вступление в войну было преждевременным. Оно ускорилось привходящими факторами: общеевропейскими событиями и «бескоролевьем» в Польше, т. е. факторами конъюнктурного порядка. Расчет на конъюнктуру оказался ошибочным.

В чисто военном плане сосредоточение основных сил на главном Смоленском направлении было целесообразным. Успех на этом направлении мог предопределить исход всей войны. Целесообразным было и выделение право- и левофланговых группировок для обеспечения действий главных сил. Однако реализация плана на оперативно-тактическом уровне оказалась неудачной.

Развертывание войск и их марш-маневр к цели операции растянулись настолько, что сама стратегическая идея оказалась под угрозой срыва. Командующий ударной армией далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд как на героя обороны Смоленска за 20 лет до этого. Он проявил недопустимую медлительность и пассивность, в результате чего наступательная операция переродилась в пассивно-оборонительную и закончилась катастрофой. Верховное командование в Москве не сумело организовать контрнаступления и добиться перелома ситуации в свою пользу.

В противоположность Шеину, действия поляков необходимо признать достаточно целесообразными. Войско Гонсевского сумело сохранить оперативную связь с гарнизоном Смоленска, а Шеин упустил возможность превосходящими силами нанести поражение Гонсевскому, что было одной из серьезных ошибок русского командования. Гарнизон Смоленска умело и стойко оборонял крепость, создавая тем самым предпосылки для дальнейших успехов поляков. Наступление короля Владислава и победа его на Покровской горе привели к окружению войск Шеина. Король Владислав сумел эффективно блокировать армию Шеина, прервав все ее сообщения, что привело русских к катастрофе.

Однако дальнейшие действия короля вызывают некоторое изумление. Вместо того чтобы блокировать крепость Белую с ее маленьким гарнизоном и продолжить наступление на главном направлении, король дал себя втянуть в затяжную борьбу за второстепенный объект. Оперативный успех поляков под Смоленском не перерос в успех стратегический.

Наиболее надежной силой в войске Шеина оказались полки «нового строя», что открывало перспективу для дальнейшего развития военной реформы.

В области тактики представляет интерес отказ от старой традиции сооружения сплошных циркумвалационных и контрвалационных линий. На смену им пришли земляные шанцы со своими гарнизонами.

Впрочем, систему осады Смоленска нельзя признать удачной — она не смогла обеспечить надежную блокаду крепости.

Тяжелая артиллерия сделала свое дело, но штурмы не удались. Видимо, не сумели обеспечить взаимодействия штурмующих колонн с артиллерийским огнем. В 1514 г. Смоленск взяли без штурма, одной артиллерией. Сейчас это не удалось. Судьба крепости зависит не только от стойкости гарнизона, но и от общей оперативной обстановки. В 1609–1611 гг. Смоленск был предоставлен своим силам и, несмотря на героическую оборону, пал. В 1632–1634 гг. вся армия противника была нацелена на помощь Смоленску, и под его стенами решился исход всей войны.

Смоленская война была проиграна на оперативно-тактическом уровне обеими основными инстанциями командования — и верховным, и фронтовым. Правильно поставленная политическая цель и разумный по существу стратегический замысел не были реализованы из-за непростительной медлительности и пассивности. «Время дороже всего», как считал Суворов, — оно-то и было потеряно и в Москве, и под Смоленском.

Решающую роль в ходе войны сыграл постоянно действующий фактор — общая неготовность страны и ее армии. Военно-политическое руководство не сумело преодолеть этот негативный фактор. Важную роль сыграли факторы привходящие — распад союза со Швецией и появление южного (Крымского) фронта. Принять адекватные меры в этой новой обстановке военно-политическое руководство не сумело.

Все это в совокупности привело к тяжелому поражению, но на поражениях учатся. «Горести дымные не терпев, тепла не видати», — писал когда-то древнерусский мудрец. Горький опыт был использован в дальнейшем развитии русского войска и военного искусства.

Лекция 7
Русское войско и военное искусство во второй половине XVII в.

В нашей стране к середине XVII в. в рамках господствующих феодальных отношений заметны признаки новых, буржуазных отношений, замедленных разорением страны в Смуту. Это замедление определило технико-экономическое отставание России от передовых стран Западной Европы, что, в первую очередь, сказывалось на материальной стороне военного дела: количестве и качестве вооружения. Новейшие образцы западноевропейской технологии проникали в нашу страну со значительным запозданием.

К середине XVII в. политический строй России — самодержавная монархия с Земским Собором — соответствовал социально-экономическим условиям и национальным традициям Российского государства и в общих чертах обеспечивал возможность решения основной геостратегической задачи — сохранению национальной независимости, социально-экономическому и культурному освоению огромной территории при наличии неблагоприятных физико-географических условий.

Основным родом войск оставалось конное служилое ополчение с его преимущественно холодным оружием и старомодными защитными доспехами. Этому соответствовала и тактика, в которой не отразились новые черты, характерные для западноевропейской конницы, — служилое ополчение по своему социальному положению, быту и традициям не могло не быть консервативным. Можно, однако, отметить постепенное проникновение в наше конное служилое ополчение ручного огнестрельного оружия.

Основной организационной единицей русской конницы оставался служилый город. Организационно-тактической единицей была сотня. Регулярного военного обучения служилая конница не проходила, но имела богатый боевой опыт почти непрерывной службы на южной окраине в столкновениях с набегами крымских татар.

Смоленская война продемонстрировала упадок роли служилого ополчения как боевой силы русского войска. Однако тесная связь с

верхами русского общества и вековая традиция позволяли служилому ополчению играть важную военно-политическую роль в Российском государстве. По росписи 1651 г. служилое ополчение насчитывало ок. 40 тыс. человек и составляло 30% русского войска.[1] В целом служилое ополчение, исчерпавшее свою когда-то прогрессивную роль, было наиболее архаичной структурой в вооруженных силах России и в наибольшей степени отличало русское войско от армий Западной Европы.

Важной особенностью русского войска была «служба по прибору», введенная еще Иваном III, — наследственная пожизненная военная служба в пехоте и гарнизонах крепостей (пищальщики, пушкари, затинщики и т. п.). Наибольшее значение имела стрелецкая пехота. Стрелецкие «приказы» (полки), созданные Иваном IV в середине XVI в., были наиболее боеспособной частью русского войска и в наибольшей степени приближались к типу регулярной армии.

Служилые люди «по прибору» составляли особое сословие русского общества; эта наиболее характерная особенность принципиально отличала их от наемных армий западноевропейских стран. Сословная корпоративность придавала службе «по прибору» известный консерватизм, но занятия ремеслом и торговлей снижали уровень боевой подготовки и воинской дисциплины.

В профессиональном отношении стрелецкая пехота уступала наемной пехоте Западной Европы, но в морально-политическом отношении русские люди «по прибору», неразрывно связанные со своей страной, были несравненно выше западноевропейских наемников.

В практике середины XVII в. и позднее стрелецкие полки все в большей степени исполняли функции внутренних войск, хотя оставались важным элементом в системе обороны страны от внешнего врага. По «росписи» 1651 г., русское войско насчитывало ок. 130 тыс. человек. Наиболее крупным контингентом были стрельцы (более 40 тыс. человек). Вместе с городовыми казаками и пушкарями они составляли более половины всего войска (свыше 60 тыс. человек).[2]

Поздним пережитком земского ополчения средневековой Руси, когда-то игравшего важную роль в составе русского войска, были «даточные люди», набираемые по особому расчету из тяглого населения

[1] Волков. С. 410.

[2] Там же.

городов и деревень. «Даточные люди» несли разнообразные военно-служебные обязанности — от строительства городов и укреплений до участия в боевых действиях. Не имевшие постоянной организации и структуры, «даточные люди» были своего рода людским резервом в системе вооруженных сил Российского государства.

Принципиально новой структурой, не связанной ни с какими традициями, были полки «нового строя», создаваемые по западноевропейскому образцу с командным составом из иностранных офицеров. Эти полки в Смоленской войне показали хорошие боевые качества. Однако в составе русского войска они оставались чужеродным элементом, не имевшим прямых связей с другими родами войск. Полки «нового строя», созданные в период Смоленской войны и получившие боевой опыт, были после войны распущены, что показывает непонимание значения постоянного войска. Однако именно за этими полками было будущее, и в 40-х гг. начался новый этап военной реформы: формирование новых солдатских, рейтарских и драгунских полков. Для комплектования новых полков призывались не только дети боярские, но и вольные люди разных сословий.

«Даточные люди» тяглых дворов призывались в новые полки по особому расчету и получали небольшое казенное жалование. Это было принципиальным отходом от старых традиций земского ополчения, которое содержалось за счет своих общин.

На протяжении многих десятилетий полки «нового строя» росли качественно и количественно. В годы Польской войны 1654–1667 гг. солдатская служба стала постоянной повинностью всего тяглого населения. В целом было призвано на службу не менее 100 тыс. человек. В 1665 г. на службе находилось одновременно 55 солдатских полков, в которых было не менее 50–60 тыс. солдат. Вооружение их состояло из пищалей, позднее — мушкетов (фитильных и с замками). Холодное оружие — шпаги, бердыши, пики. Появились гранатчики для действия разными гранатами весом 0,5–2 кг. Солдаты получили карманное жалование — 60 алтын на человека в месяц.[1]

При этом в составе вооруженных сил оставались многочисленные контингенты войск старого типа: служилое конное ополчение, стрельцы, служилые люди «по прибору» и т. п.

[1] Волков. С. 396–397.

Таким образом, русское войско в течение длительного времени представляло собой механическое соединение разнородных по существу структур с разными принципами комплектования, организации и обучения. Старое перемешивалось с новым, надолго сохраняя свою специфику.

Основным отличием русского войска от западноевропейских армий оставался его национальный характер: отсутствие сколько-нибудь заметных наемных формирований. Служба в русском войске была исполнением долга перед Отечеством, а не средством обогащения.

Важной реформой военного ведомства было создание т. н. «разрядов», т. е. территориальных военных округов, на базе которых формировались оперативно-стратегические соединения во главе с воеводами. Так появилась новая командная инстанция между верховным командованием и войсками. Прежнее деление войск на театре военных действий на полки Большой, Передовой, Правой руки и т. п., унаследованное от XV–XVI вв., ушло в прошлое.

Одной из особенностей вооруженных сил России, как и прежде, было отсутствие современного военно-морского флота. Несмотря на оживление торговых отношений с морскими державами (Англией и Голландией), чьи корабли постоянно посещали новый морской порт Архангельск, не делалось никаких попыток научиться строить свои корабли и познакомиться с новыми достижениями в морском деле. Лодейные флотилии на Северном океане, когда-то игравшие важную роль в боевых действиях, фактически приходили в упадок. Со своей старой средневековой техникой они не могли соперничать с кораблями XVII в.: высокобортными, многопушечными, мореходными, с развитым рангоутом и такелажем, многочисленной артиллерией и новыми навигационными инструментами.

Постройка корабля «Фредерик» гольштинскими мастерами при царе Михаиле Федоровиче для плавания по Каспию и корабля «Орел» для той же цели при царе Алексее Михайловиче не имела почти никакого практического значения с точки зрения создания и развития морской силы.

Отсутствие военно-морского флота делало обширные морские театры России и ее берега беззащитными, а операции русских войск на прибрежных театрах изначально бесперспективными...

Наиболее важное событие в военной истории России второй половины XVII в. — большая Польская война 1654–1667 гг.

Прологом к этой войне послужило восстание украинских казаков во главе с Богданом Хмельницким против господства польских магнатов и притеснений Православной Церкви. Вооруженная борьба началась в 1648 г. и шла с переменным успехом. К 1653 г. обозначилось поражение украинских казаков — борьба с Польско-Литовским государством оказалась им не под силу. Тогда Богдан Хмельницкий обратился за помощью к России. Земский Собор в октябре 1653 г. принял решение оказать помощь Хмельницкому и объявить Польше войну. В январе 1654 г. на Раде (собрании) в Переяславле казаки во главе с Хмельницким приняли присягу царю Алексею Михайловичу, что означало вхождение в состав Российского государства.

Основной причиной этих событий была неправомерность власти католического польско-литовского короля и его магнатов над коренным православным населением западнорусских земель. Эта власть, установившаяся в горестные для Руси века татарского ига, все меньше соответствовала новому положению вещей — возрождению Российской державы, росту ее политической роли и авторитета как оплота православного христианства. Православная Русь была притягательным магнитом для всех православных русских людей, живших за ее пределами. В идейно-политическом смысле это было продолжением политики Ивана III, направленной на воссоединение всех русских земель.

Военные действия начались весной 1654 г. Главные силы русского войска были развернуты на центральном — смоленском — направлении; правофланговая группировка была сосредоточена в районе Новгорода и Пскова с задачей неглубокого обхода Смоленского плацдарма; с севера левофланговая группировка была сосредоточена в районе Брянска с задачей обхода южного фланга Смоленского плацдарма и выхода в тыл его к Борисову.

Перед походом войскам был отдан строгий приказ «белорусцев православной веры, которые биться не учнут, в полон не брать и не разорять». Русское командование рассчитывало на благоприятное отношение к своим войскам — политической целью войны было именно воссоединение с православным русским населением, оказавшимся под властью чужеземцев-католиков.

Серьезное сопротивление со стороны противника, по-видимому, не ожидалось — главные силы польских войск были втянуты в боевые действия на южном направлении, против войск Хмельницкого. 4 июня

в Ставку пришло известие о сдаче без боя Дорогобужа — важнейшего опорного пункта противника на пути к Смоленску. Вспомним, что во время первой большой русско-литовской войны в 1500 г. именно падение Дорогобужа заставило литовское командование выдвинуть свои главные силы, в результате чего произошло сражение на Ведроше, решившее участь всей кампании. На этот раз все было иначе. Противник явно избегал сражения в поле.

Рать, обходившая Смоленский плацдарм с севера, взяла Невель и Полоцк. Левофланговая группа овладела Рославлем. Решительное сопротивление оказал только Мстиславль — его пришлось брать приступом, в результате чего город был сожжен. Не встречая сопротивления, Ставка 5 июля приблизилась непосредственно к самому Смоленску.

Первый бой с поляками произошел только 26 июля, недалеко от Смоленска. Серьезного значения, по-видимому, этот бой не имел. Русские войска продолжали наступать, заходя глубоко в тыл Смоленского плацдарма. Только теперь противник проявил активность. Войско князя Радзивилла имело бой с русскими войсками под Шкловом и было вынуждено отступить.

Поляки, видимо, стремились оказать помощь Смоленску, который фактически находился в оперативном окружении. 16 августа русские войска предприняли первый приступ к Смоленску. Приступ был отражен. 20 августа новая попытка поляков прорваться к Смоленску закончилась их неудачей в сражении под Борисовом. Одновременно продолжалось успешное наступление русских войск совместно с казаками Хмельницкого на южном (украинском) направлении.

Даже краткий обзор летней кампании 1654 г. показывает ее характерные черты. Как и в 1500 г., русские войска наступают одновременно на нескольких операционных направлениях. Как и тогда, стратегическая инициатива с самого начала захвачена и прочно удерживается русскими войсками.

Однако Ставка находится теперь не в центре страны, как это, по-видимому, было в 1500 г., а двигается вместе с главной группировкой войск, нацеленной на Смоленск. Ставка поддерживает непрерывную связь с воеводами направлений, получая от них донесения и, очевидно, реагируя на них.

Непосредственной целью кампании было овладение Смоленском, и с этой точки зрения действия русского командования следует признать целесообразными. Целесообразно и стремление к охвату Смолен-

ского плацдарма со всех сторон с заходом в его глубокий тыл. В этих условиях действия на южном направлении совместно с войсками Хмельницкого при всей своей политической важности носят характер вспомогательной операции, отвлекающей силы противника.

Характерная черта кампании 1654 г. — сочувственное отношение местного населения к русским войскам и отказ от сотрудничества с поляками. Так, жители Могилева категорически отказались впустить в город войско Януша Радзивилла, но «честно со святыми иконами» встретили русские войска.

С 10 по 23 сентября шли переговоры о сдаче Смоленска. 25 сентября царь уже пировал в возвращенном России городе вместе с признавшей его власть местной шляхтой. Освобождение Смоленска от поляков имело решающее политическое и стратегическое значение. Была достигнута действительно блестящая победа, позорные пятна Смуты и Смоленской войны смыты. Эпилог этой блестящей кампании — взятие Витебска войсками Василия Петровича Шереметева 22 ноября после 3-месячной осады. За всю историю войн с Речью Посполитой была одержана самая решительная победа.

Основная причина победы в кампании 1654 г. — правильная постановка политической цели и соответствующая ей стратегия. Поставленная цель отвечала коренным интересам Российского государства и русского православного населения, жившего под властью польского католического короля и его магнатов. Стратегия русского командования отражала возросшую военную мощь Российского государства, залечившего тяжелые раны, оставленные Смутой.

Кампания была выиграна, но до победы в войне было еще далеко. Главные силы противника не были разгромлены, и Речь Посполитая сохраняла возможность для продолжения борьбы.

С наступлением зимы служилое ополчение русского войска было выведено на зимовку, и на гарнизонной службе были оставлены полки «нового строя» и стрельцы. Теперь началось контрнаступление противника. В целом оно серьезных успехов не достигло.

Весной возобновилось наступление главных сил русского войска на западном направлении. 31 июля 1655 г. был достигнут крупнейший политический и стратегический успех — русские войска вступили в столицу Великого княжества Литовского. Войска противника в решительное сражение не вступали. Город за городом переходили к русским войскам: Минск, Ковно, Гродно.

На южном направлении русские войска совместно с войсками Хмельницкого вступили в Галицию, дошли до Львова и привели к присяге русскому царю жителей Люблина. В сентябре-октябре русские войска вышли к Бресту, но здесь впервые встретили упорное сопротивление и отступили от города.

Чем можно объяснить эти блестящие, почти фантастические успехи русских войск? Без сомнения, существенную роль играла правильно поставленная политическая и стратегическая цель. Но слабое сопротивление литовцев имело и внутренние причины — Речь Посполитая переживала серьезный политический кризис. Претендентом на польский престол выступил шведский король Карл X. Поддержанный частью польских магнатов, он овладел Варшавой и Краковом. Великий гетман Литовский Януш Радзивилл признал власть шведского короля в обмен на помощь в войне против России. Польско-Литовское государство оказалось на пороге гибели.

Это резко изменило всю международную обстановку и вынуждало Россию принять новые политические и стратегические решения. В интересах собственной безопасности Россия не могла допустить уничтожения Польши и превращения Швеции в гегемона над всей Балтикой. Главным врагом теперь становилась не ослабленная Польша, а агрессивная, могущественная Швеция во главе с ее воинственным королем. С Польшей было заключено перемирие, Швеции была объявлена война.

В кампании 1656 г. против Швеции русские войска действовали на трех операционных направлениях. Главная группировка войск во главе с самим царем наступала вдоль берега Западной Двины на Ригу. В направлении на Юрьев шла рать воевод князя А. Н. Трубецкого и князя Ю. А. Долгорукова. Третьим направлением была Ингерманландия, т. е. побережье Финского залива и Невы. Здесь действовали войска воеводы П. Потемкина.

Наступая на главном направлении, русские войска, овладев Динабургом (Даугавпилс) и Кокенгаузеном (Кокнесе), 21 августа начали осаду Риги. Гарнизон Риги получал подкрепление морем, и осада была бесперспективной. 2 октября русские войска сняли осаду и отступили.

Войска, действовавшие на Юрьевском направлении, после 2-месячной осады 12 октября овладели Юрьевом. Наибольших успехов добились войска воеводы Потемкина. Им удалось овладеть Нотебур-

гом и Ниеншанцем. Используя лодейную флотилию, они вышли в Финский залив и 22 июля в морском бою у о. Котлин нанесли поражение шведам, захватив один из их кораблей.[1]

Характерная черта кампании 1656 г. — действия по трем операционным направлениям, не объединенным единой стратегической целью. При этом наступление на главном направлении, несмотря на отдельные тактические успехи, потерпело полную неудачу. Ригу взять не удалось. Как за 100 лет до этого, в Ливонскую войну, была попытка овладения приморской крепостью без поддержки морской силы. На горьком опыте походов царя Ивана против Риги и Ревеля не научились ничему. Овладение Юрьевом и другими городами в средней части Ливонии существенного влияния на ход борьбы со Швецией оказать не могло.

Наибольший интерес представляют действия отряда Потемкина. Здесь сухопутные войска взаимодействовали с лодейной флотилией, как бы вспоминая традиции армии Ивана III и предвосхищая будущие победы Петра Великого. Но небольшие силы, выделенные Потемкину, не могли решить крупных стратегических задач и овладеть основными крепостями шведов на этом направлении — Кексгольмом, Выборгом и Нарвой. Успехи сил Потемкина не имели продолжения и в общем ходе войны оказались бесполезными.

Основной результат кампании 1656 г. — реальная помощь Польше в борьбе со Швецией.

В кампании 1657 г. шведы перешли в контрнаступление, но им удалось добиться лишь частных успехов — захватить Псково-Печерский монастырь, осадить Юрьев, а затем и Гдов. Но обе осады были неудачными — русские гарнизоны отстояли свои города. К Гдову подошли войска новгородского разряда, которые под командой князя Ивана Андреевича Хованского нанесли шведам решительное поражение и вторглись в Ливонию. Взаимодействуя с лодейной флотилией, Хованский разорил окрестности Нарвы, а также земли Ивангородского и Ямского уездов, отошедшие к шведам по Столбовскому миру. Умелые и решительные действия князя Хованского определили победоносный исход кампании 1657 г.

В 1658 г. Хованский продолжил наступление и осадил Нарву. Однако развить свои успехи ему не удалось. Заключив мир с Данией,

[1] История военного морского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 141.

шведы получили возможность перебросить под Нарву новые силы и перейти в контрнаступление. Сковав силы Хованского под Нарвой, шведы захватили обратно Ямбург и Ниеншанц.

Война закончилась — в апреле было заключено перемирие на выгодных для России условиях.

Основной результат русско-шведской войны — спасение Польши от уничтожения. Другая задача, объективно стоявшая перед Россией, — возвращение земель, утраченных в результате Смуты, решена не была.

С точки зрения истории военного искусства, война со Швецией показала в целом недостаточно ясное понимание военно-политическим руководством России стратегических целей войны. Наиболее успешной была кампания 1657 г., когда русским войскам удалось нанести решающее поражение шведам под Гдовом и создать предпосылки для успешного наступления в Эстляндии. Однако развить и закрепить эти успехи не удалось. Не видно попыток русского главного командования облегчить наступление войск Хованского в Эстляндии нанесением сковывающего удара где-нибудь в средней части Ливонии. В этих условиях успех шведского контрнаступления в 1658 г. был неизбежен. Стратегическая цель войны достигнута Россией не была. Вопреки мнению авторов СИЭ,[1] главное командование русских войск было далеко не на высоте даже по сравнению с Ливонской войной Ивана IV.

Спасение Польши имело двоякие последствия. Шведская экспансия была остановлена, но возрожденная Польша с новой силой возобновила борьбу против России.

После смерти Богдана Хмельницкого новый выборный гетман Иван Выговский отказался от Переяславского соглашения и признал власть польского короля над Украиной. 29 июня 1659 г. Выговский в союзе с крымским ханом нанес русским войскам тяжелое поражение под Конотопом. Мирный договор между Речью Посполитой и Швецией, заключенный в мае 1660 г., создал новую стратегическую ситуацию.

Против России теперь была двинута вся польско-литовская армия. В войне произошел коренной перелом. На западном направлении рус-

[1] Советская историческая энциклопедия. В 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 12. М., 1969. Стб. 392.

ские войска перешли к обороне, ограничиваясь защитой важнейших крепостей (Вильно, Брест, Ковно, Гродно, Борисов). На южном направлении русские войска потерпели тяжелое поражение под Чудновом. В последующие два года положение на фронте продолжало ухудшаться. Белорусские и литовские города один за другим переходили в руки противника — защищать их не было сил. Главной причиной этих неудач было ухудшение внутриполитического положения России вследствие экономического истощения.

Последнее крупное наступление польско-литовских войск 1663-1664 гг. ставило перед собой широкие цели — нанесением концентрированного удара с юга и запада прорваться к русской столице. Однако русскому командованию удалось в зимних условиях провести мобилизацию и сорвать план противника.

В последующие два года боевых действий почти не было. Обе стороны были истощены войной. Начались переговоры, которые в январе 1667 г. завершились подписанием весьма выгодного для России Андрусовского перемирия.

Политические цели войны были в основном достигнуты. За Россией остались Смоленск, Левобережная Украина, бóльшая часть Белоруссии и Киев. Несмотря на ряд частных неудач, война показала возросшее военно-политическое могущество Российского государства, залечившего тяжелые раны, нанесенные Смутой.

Война показала недостаточную твердость и последовательность военно-политического руководства России в постановке и решении стратегических задач. Начав войну за освобождение Украины, не следовало отвлекаться для решения второстепенного в данном случае вопроса — возвращения выхода к морю. С другой стороны, если в ходе войны было принято решение о переориентации на шведский фронт, то здесь и нужно было сосредоточивать главные силы и последовательно добиваться успеха на этом направлении, пожертвовав на это время успехами на польском фронте.

При данном соотношении сил, а главное — при отсутствии флота на Балтике, стратегический успех на нескольких фронтах был невозможен, что и показал ход военных действий. Ничего не выиграв на северо-западном (шведском) направлении, Россия значительно ухудшила свое положение на западном (польском) и южном (украинском) направлениях, потеряв плоды блестящих успехов первых лет войны, потеряла стратегическую инициативу и вступила в полосу многолет-

них неудач. Политический расчет русского правительства оказался ошибочным.

Война 1654–1667 гг. ускорила проведение военных реформ, показала необходимость их и резко увеличила удельный вес и значение полков «нового строя». Однако органического слияния этих полков и старой военной системы не произошло. Русское войско продолжало оставаться механическим соединением разнородных элементов.

Отрицательную роль играло отсутствие единого органа управления войсками. Оно было раздроблено на ряд приказов — Разрядный, Рейтарский, Пушкарский, Стрелецкий и др. Сама система приказов как ведомств, создаваемых по мере возникновения конкретных задач, к концу XVII в. исчерпала свои потенциальные возможности. В силу недостаточного развития отечественной промышленности, военно-техническое отставание от европейских армий преодолеть не удалось. Коренным недостатком оставалось отсутствие военного флота, что сильнейшим образом отразилось на ходе и результатах войны со Швецией.

В силу всего этого, русская армия не могла решать широкие внешнеполитические задачи, которые объективно стояли перед страной на исходе XVII в. Несмотря на все успехи, достигнутые позитивным развитием в XVII в., страна по-прежнему оставалась на задворках Европы, переживавшей бурный рост науки, техники и культуры Нового времени. Для преодоления разрыва с передовыми странами требовались чрезвычайные национально-государственные усилия, проведение коренных и всесторонних реформ.

Военные реформы Петра Великого означали новый этап развития вооруженных сил России и русского военного искусства. По своему уровню вооруженные силы России приблизились к армиям Западной Европы, что показала Северная война 1700–1721 гг.

Развитие металлургической промышленности позволило снабдить вооруженные силы России первоклассной для своего времени военной техникой. Коренные реформы государственного управления обеспечили создание твердой государственной власти и верховного главнокомандования, способного ставить и решать насущные задачи по обеспечению внешней и внутренней безопасности страны.

Стратегия Петра Великого ставила реальные задачи, соответствующие политическим потребностям России. Петр Великий проявил себя как выдающийся военный организатор и стратег. Характерные черты его стратегии:

— активный наступательный характер;

— постановка и решение существенно важных задач, обеспечивающих достижение победы в войне с могущественным противником;

— способность реально руководить войсками на огромном по размерам театре войны;

— обеспечение стратегического и оперативно-тактического взаимодействия сухопутной армии и военно-морского флота; при этом строительство флота, его корабельный состав и боевая подготовка подчинялись решению понятных оперативно-стратегических и тактических задач;

— упорство в достижении поставленной цели, несмотря ни на какие временные неудачи.

Все это позволяет считать Петра Великого одним из великих полководцев не только России, но и мировой военной истории.

Тактика русских войск соответствовала решению на поле боя задач, поставленных стратегий, отвечала особенностям боевой подготовки, вооружения и национальным особенностям русского солдата. Блестящий образец тактики Петра Великого — Полтавское сражение, фактически определившее победоносный для России исход Северной войны.

Эпоха Петра Великого подвела итог предыдущему развитию Российского государства и открыла перед нашим Отечеством новые перспективы великой мировой державы.

Источники и литература

— *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII в. / Пер. со швед. и лат. С. А. Аннинского, А. М. Александрова. Под ред. В. Л. Янина. М., 2000.

— *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. и лат. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

— Книга Полоцкого похода 1563 г. / Подг. текста, статья и указатели К. В. Петрова. Науч. ред. Г. П. Енин. СПб., 2004.

— *Лев Диакон.* История / Пер. с греч. М. М. Копыленко под ред. С. А. Иванова. Вступ. ст. М. Я. Сюзюмова. Комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988.

— Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 2001; Т. 5. Вып. 1–2. М., 2000, 2003; Т. 12. М., 2000; Т. 24. М., 2000; Т. 25. М., 2004; Т. 28. М.; Л., 1963; Т. 37. Л., 1982.

— Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1966.

— Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1–3 / Под ред. В. И. Буганова. М., 1977–1989.

— Александр Невский в истории России (Материалы научно-практической конференции, 26–28 сент. 1995 г.). Новгород, 1996.

— *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М., 1994.

— *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

— *Он же.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

— *Он же.* Морская политика Ивана III. К постановке вопроса // От Древней Руси к России нового времени. К 70-летию А. Л. Хорошкевич / Сост. А. В. Юрасов; отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 108–125.

— *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

— *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. 1–7. СПб., 1909–1913.

— *Бескровный Л. Г* Очерки военной историографии России. М., 1962.

— *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000.

— *Вайнштейн О. А.* Россия и Тридцатилетняя война. Л., 1947.

— *Волков В. А.* Войны и войска Московской Руси. М., 2004.

— *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1941.

— *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010.

— *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

— *Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А.* Военная история России. М., 2001.

— История военного искусства. Курс лекций / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. Т. 1. М., 1955.

— История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000.

— История внешней политики России. Конец XV–XVII вв. (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1999.

— *Каргалов В. В.* На границе Руси стоять крепко! М., 1998.

— *Карпов Г Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508. М., 1867.

— *Керсновский А. А.* Философия войны. М., 2010.

— *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XII–XV вв. Л., 1976.

— *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства в XVII в. Ярославль, 2000.

— *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 2010.

— *Он же.* Стародубская война (1534–1537). М., 2008.

— *Куц О. Ю.* Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.

— *Лобин А. Н.* Битва под Оршей. СПб., 2011.

— *Любомиров П. Г* Очерк истории Нижегородского ополчения. М., 1939.

— *Малов А. В.* Московские выборные полки нового строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006.

— *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1–2. СПб., 1891–1894.

—*Михневич Н. П.* История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия. СПб., 1896.

— На пути к регулярной армии России: от славянской дружины к постоянному войску / Ред. В. А. Золотарев и Ю. П. Квятковский. СПб., 2000.

— *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

— Отечественная артиллерия. 600 лет / Под ред. Г. Е. Передельского. М., 1986.

— *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

— *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. М., 1994.

— *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М., 2002.

— *Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.

— *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951.

— *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

— *Строков А. А.* История военного искусства. Т. 1. М., 1955.

— Угорщина. К 525-летию «Великого стояния на Угре» //Материалы научной конференции. Калуга, 6–7 октября 2005 г. / Ред. Г. А. Массалитина и В. П. Новиков. Калуга, 2005.

— *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

— *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

Хронологическая таблица

866 г. — поход Аскольда на Царьград.

907 г. — летописное известие о походе Олега на Царьград.

941 г. — поход Игоря на Царьград.

944 г. — второй поход Игоря.

965–966 гг. — победы Святослава над хазарами и булгарами.

968 г. — первый поход Святослава против Византии.

968–970 гг. — второй и третий походы Святослава против Византии.

1024 г. — сражение при Лиственe. Победа русских войск над варяжскими наемниками.

1043 г. — последний лодейный поход в Черное море.

1068 г. — первое нашествие половцев.

1103 г. — первый поход русских князей в половецкие степи.

1111 г., февраль-март — большой поход Мономаха и разгром половецкого племенного центра на Дону.

1216 г., апрель 21 — битва на Липице. Победа Мстислава Удалого над владимиро-суздальскими князьями.

1223 г., май 31 — битва на Калке. Разгром русских войск татаро-монголами.

1237 г., декабрь — разгром Рязани Батыем.

1238 г., февраль 7 — взятие Владимира Батыем.

Март 4 — битва на Сити. Гибель великого князя Юрия Всеволодовича.

Осень-зима — героическая оборона Козельска.

1240 г., июль 15 — разгром шведов на Неве.

1242 г., апрель 5 — «Ледовое побоище». Победа Александра Невского над ливонскими рыцарями.

1367 г. — постройка белокаменного Кремля.

1368–1373 гг. — отражение нашествий Ольгерда.

1378 г., август 11 — первая победа над татарами на р. Воже.

1380 г., сентябрь 8 — Куликовская битва. Разгром Орды Мамая.

1382 г., август 26 — взятие и разорение Москвы Тохтамышем.

1390 г. — договор князей об организации обороны Москвы.

1395 г. — нашествие Тимура. Первое развертывание русских войск на рубеже Оки.

1408 г., декабрь — успешная оборона Москвы от Едигея.

1439 г., июль — оборона Москвы от Улу-Мухаммеда.

1445 г., июль 7 — сражение под Суздалем. Пленение великого князя Василия.

1451 г., июль 1 — набег Мазовши на Москву.

1455–1462 гг. — первое известие о службе на Берегу.

1459 г. — первое отражение нашествия татар на р. Оке.

1462 г. — начало восточных походов лодейных ратей.

1467–1469 гг. — «Первая Казань». Победа над Казанским ханством.

1471 г. — кампания против новгородских сепаратистов.

Июль 14 — победа князя Холмского на Шелони.

1472 г. — победа на Оке. Отражение первого нашествия Ахмата.

1477–1478 гг. — ликвидация новгородского боярского сепаратизма.

1480 г. — победа на Угре. Освобождение Руси от ордынского ига.

Октябрь 8 — ноябрь 11 — «стояние на Угре».

1487 г., июль 9 — вступление в Казань русских войск князя Данила Холмского.

1492 г. — основание Ивангорода.

1492–1494 гг. — первая война с Литвой. Освобождение Брянска и Вязьмы.

1495–1497 гг. — Свейская война.

1496 г., июнь-октябрь — первый океанский поход лодейной флотилии во главе с князем Иваном Ушатым.

1500–1503 гг. — Вторая Литовская война.

1500 г., июль 14 — победа на Ведроше. Разгром литовских войск воеводой князем Данилом Щеней.

1502 г., август-сентябрь — отражение нападения на Псков магистра Плеттенберга.

1512–1522 гг. — война с Литвой.

1514 г., июль 28 — взятие Смоленска.

Сентябрь 8 — сражение под Оршей. Поражение русских войск воеводы Челяднина.

1521 г., май-сентябрь — нашествие на Москву крымского хана Мухаммед-Гирея.

1550 г. — создание стрелецкого войска.

1552 г., октябрь 2 — взятие Казани. Включение Казанского ханства в состав России.

1558 г., январь — начало Ливонской войны.

1558–1560 гг. — успешные действия русских войск в Ливонии.

1563 г., февраль 15 — взятие Полоцка русскими войсками во главе с Иваном IV

1564 г., январь 26 — сражение на Улле. Поражение воеводы князя П. И. Шуйского.

1571 г., май-сентябрь — нашествие на Москву крымского хана Девлет-Гирея.

1572 г., 2–3 августа — сражение на Лопасне. Разгром Девлет-Гирея русскими войсками во главе с князем М. И. Воротынским.

1577 г. — последнее наступление русских в Ливонии.

1581 г., август — 1582 г., январь — оборона Пскова войсками воеводы князя И. П. Шуйского. Поражение Батория под Псковом.

1604 г., октябрь 16 — Лжедмитрий переходит границу. Начало скрытой интервенции.

1605 г., январь 21 — сражение под Добрыничами. Разгром Лжедмитрия.

1605 г., июнь 20 — захват Самозванцем Москвы.

1606 г., май 17 — убийство Самозванца.

1606 г., июнь — начало восстания И. И. Болотникова.

1606 г., октябрь-ноябрь — блокада Москвы войсками И. И. Болотникова.

1606 г., декабрь 1–2 — сражение под Котлами.

1607 г., октябрь 10 — капитуляция И. И. Болотникова.

1608 г., сентябрь — 1610 г., январь — оборона Троице-Сергиевой Лавры от войск интервентов.

1609 г., сентябрь — 1611 г., июнь — оборона Смоленска гарнизоном во главе с воеводой М. Б. Шеиным.

1610 г., сентябрь 21 — вступление поляков в Москву.

1611 г., март — восстание в Москве. Сожжение Москвы поляками.

1611 г., сентябрь 1 — начало создания Второго ополчения во главе с Мининым и Пожарским.

1612 г., август 22–24 — победа русских войск над гетманом Хоткевичем под Москвой.

1612 г., октябрь 22 — освобождение Москвы от поляков.

1615 г. — поражение Густава Адольфа под Псковом.

1617 г., февраль 24 — Столбовский мир со Швецией.

1618 г., декабрь 3 — Деулинское перемирие с Польшей.

1632 г., июнь — начало Смоленской войны.

Сентябрь — блокада поляками лагеря М. Б. Шеина.

1634 г., февраль — капитуляция М. Б. Шеина.

Июль — Поляновский мир.

1654–1667 гг. — война за освобождение Украины и Белоруссии.

1654 г., сентябрь 30 — освобождение Смоленска.

1655 г., июль 31 — вступление русских войск в Вильно.

1656–1658 гг. — война со Швецией.

1656 г., июль 22 — бой у о. Котлин. Победа русской флотилии П. Потемкина над шведами.

1667 г., январь 30 — Андрусовское перемирие. Возвращение в состав Российского государства левобережья Днепра и Киева.

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ ПО ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ РОССИИ

Кампания 1216 г. Мстислав Удалой на Липице*

Текстологический анализ летописной повести о Липицкой битве проделал Я. С. Лурье.[1] Предлагаемая статья — попытка анализа событий кампании 1216 г. с реально-исторической, преимущественно военно-исторической точки зрения.

В 1214 г. «выиде из Новгорода князь Мстислав Мстиславич... иде в Галич к королю, просити собе Галича у него.

Новгородцы же сдумаша князя у них нет и послаша в Переяславль по Ярославе Всеволодиче».[2] Новый князь, прибыв в Новгород, повел жесткую политику. Он «изыма Якуна Зуболомича и Фому Новоторжского посадника, и поточи их на Тферь».

---

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Кампания 1216 г. Мстислав Удалой на Липице // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики: Сб. научных статей в честь 85-летия проф. В. А. Якубского. СПб., 2009. С. 117–137

[1] *Лурье Я. С.* Повесть о битве на Липице в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 96–115.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 110.

Тем временем прежний новгородский князь Мстислав Мстиславич, оставивший в Новгороде жену и детей, «поиде...к Новугороду Великому на Ярослава Всеволодича, зятя своего. И поя с собою Володимера Рюриковича ис Переяславля (Южного. — *Ю. А.*), и из Киева Мстислав Романович посла сына своего Всеволода. И собрашася вси в граде Смоленсце».

Против Ярослава собралась целая коалиция южнорусских князей Ростиславичей — потомков Ростислава Мстиславича Смоленского, внука Мономаха. Это резко обострило обстановку в Новгороде.

«Новгородцы же, слышавше, яко Мстислав стоит собрався в Смоленсце, взмятошася, начаша веча деяти». Новгородцы фактически выступили против своего князя.

«Ярослав же, усмотрев, яко нетвердо ему хощет быти седение, и выиде из града и поиде в Торжок». Ярослав пошел на полный разрыв с Новгородом. Захватив новгородских гостей (по словам летописца, «более двух тысяч», что невероятно), он «покова разослал их по городом своим, а товары их розда и кони».

Новгородцы прислали к нему своих послов, желая, очевидно, продолжать переговоры, но он их «изнима».

Ярослав получил поддержку со стороны других суздальских князей. Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович «присла ему помощь Святослова, брата его и Михаила Борисовича, воеводу своего, с полком своим, а Константин (князь Ростовский. — *Ю. А.*) присламша сына своего Всеволода. И тако начаша воевати волость Торопечьскую из Торжку».

Суздальские рати нанесли удар по собственному владению Мстислава — Торопецкой волости.

Узнав об отъезде Ярослава из Новгорода в Торжок, Мстислав «поиде к Новугороду», оставив в Смоленске Владимира и Всеволода. Вступив в Новгород, Мстислав «изнима наместника Ярославля... и вси дворные люди покова». Из этого видно, что, начиная борьбу с Новгородом, Ярослав не терял надежды вернуться в город, оставив там своего наместника и аппарат управления — «дворных людей».

Но новгородцы уже сделали свой выбор. «Целова Мстислав крест к Новугороду, а Новгородцы к нему, яко быти за один, и за Новогородские волости голова сложити».

«Поидем, поищем мужей своих, а ваше братья, и волости своя, да не будет Новый Торг над Новым городом, ни Новгород под Торжком,

но где Святая София, ту и Новгород, а в мнозе и мале Бог и правда», — в таких выражениях передает летописец речь Мстислава к новгородцам.[1] Это означало борьбу не на жизнь, а на смерть.

К Ярославу в Торжок Мстислав послал требование: «поиде с Торжку в свою волость, не надобе тобе волость Новогородская». В ответ на это требование Ярослав «рече сице: "Яко же тобе се отчина, тако же и мне"».

Итак, материальное яблоко раздора между Новгородом и князем Ярославом — Торжок — важнейший стратегический пункт, экономический узел. Обладание Торжком давало суздальскому князю решающее преимущество — возможность контроля над новгородско-низовской торговлей. Но дело шло и о более глубоких, принципиальных противоречиях. Идейная основа новгородской политики — неделимость земель, тянущих к Великому Новгороду. В основе позиции Ярослава — представление о единстве Русской земли как общей отчине русских князей. Он отрицает какие-либо особые права Мстислава на Новгород.

Непримиримость этих концепций усиливалась враждой между Мстиславом и суздальскими князьями, которые начали «воевать» его наследственную Торопецкую волость. На данном этапе суздальские князья выступали совместно — вражда между великим князем Юрием и Константином Ростовским не помешала последнему послать своего сына в поход вместе с великокняжеским воеводой. Так фактически сформировались две враждебные друг другу коалиции князей.

Возможности для мирного решения конфликта были исчерпаны.

«Месяца Марта в 1 день, во вторник по чистой неделе»[2] «поиде Мстислав Мстиславич с новгородцы на князь на Ярослава Всеволодича». «А в четверок (т. е. 3 марта. — *Ю. А.*) побегоша к Ярославу крестопреступницы [трое из них названы по имени] с женами и детьми».[3]

Это значит, что в своем отрицательном отношении к князю Ярославу новгородцы не были единодушны — существовала партия сторонников Ярослава, т. е. мира с суздальскими князьями.

Мстислав «поиде Серегерем и выиде в свою волость», т. е. в Торопецкое княжество. Здесь Мстислав «рече Новгородцем: идите в за-

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 186.
[2] НПЛ. С. 55.
[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 111.

житие, только голов не емлите». Это означает, что войска получили разрешение кормиться и фуражироваться за счет местного населения, но не должны были захватывать людей (что, по-видимому, было не редкостью, иначе бы специально не запрещалось).

«Идоша, исполнишася корма, и сами и кони и быша вверху Волзе».[1] Войска Мстислава совершили глубокий обход сил противника, стоявших, вероятно, в Торжке. Выход новгородцев и их союзников к верховьям Волги отдал стратегическую инициативу в руки Мстислава. Суздальцы проделали контрманевр. «Князь Святослав осел бе городец Ржеву у Мстиславль с полки»[2] (180 верст от Торопца). Этот маневр суздальцев против отчины Мстислава вызвал немедленную реакцию. «Мстислав же с князем Володимером Псковским поиде вборзе к городку, и они (т. е. суздальцы. — *Ю. А.*) в то время отступиша прочь».[3]

Мстислав «шед взяша Зубцов» — город в 30 верстах от Ржевы вниз по Волге. В это время «прииде к ним Володимер Рюрикович со Смольняны» — войска союзников Мстислава, собранные в Смоленске, стали стягиваться к верхнему Поволжью.

Новое предложение о мире, отправленное в Торжок, было отвергнуто Ярославом: «мира не хощу, а пошли есте, поидете же».

Ярослав принял меры для защиты Торжка от наступающих войск Мстислава: «учиниша твердь Ярославли мужи: пути от Новагорода изсекоша и реку Тферцу». По-видимому, были созданы засеки на дорогах и на реке — наиболее удобном пути в зимнее время. Ярослав, очевидно, ожидал удара с севера, не придавая значения (или не имея сведений) тому, что его противники зашли в тыл Торжку и готовы перерезать его сообщение с Тверью.

Выход в глубокий стратегический тыл противника открывал перед Мстиславом два варианта возможных действий. «И рекоша ему [Мстиславу]: княже, поиде к Торжку». «Рече же Мстислав и Володимер: поидем к Переяславлю, есть у нас третий друг».[4] «Третий друг» —

---

[1] НПЛ. С. 55; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 186.

[2] По сообщениям Новг. I и Новг. IV, Ржеву осадило 10-тысячное войско, что совершенно невероятно. Такими огромными силами суздальцы вряд ли располагали, во всяком случае, они не могли их двинуть на второстепенные направления.

[3] НПЛ. С. 55.

[4] Там же.

очевидно, Константин Ростовский, на союз с которым мог надеяться Мстислав.

«Новгородцы... реша князем: “поидем к Торжку”. И князи реша: аще поидем к Торжку, то испустошим Новгородскую волость».[1]

Движение на Торжок затягивало кампанию и опустошало новгородские земли. Мстислав избрал другой вариант — удар по собственным землям Ярослава. «И поидоша ко Тфери и пожгоша села».

При этом еще «не бе им вести, [где Ярослав] в Торжку ли, или во Тфери». Расчет Мстислава оказался верным. «Ярослав же, слышав оже емлют села, ехав из Торжку во Тферь».[2]

Свой выход из Торжка Ярослав прикрыл стражей в составе сотни воинов. Этот отряд был встречен всего в 15 верстах от Торжка стражей, высланной Мстиславом во главе с Яруном. Стража Ярослава была разбита и частично пленена. Этот бой в день Благовещения (25 марта) — первое боевое столкновение между суздальскими войсками и их противниками.

Пассивное поведение Ярослава полностью отдавало стратегическую инициативу в руки его противников. Новгородцы «по Волзе поидоша воюючи, и пожгоша Шошу и Дубну» (80–100 верст от Твери). «А Володимир со Псковичи, и Смольняны взяши город Коснятин и пожгоша и все Поволжье повоеваша». Новгородцы, смольняне, псковичи беспощадно грабили и жгли Русскую землю. Они обошли Тверь с востока и вышли на подступы к самому Переяславлю — стольному городу Ярослава. Самоубийственная междоусобная война была в полном разгаре.

Успехи Мстислава создали новую стратегическую ситуацию. Старая вражда между Константином Ростовским и великим князем Юрием оказалась сильнее, чем интересы совместной борьбы в защиту Суздальской земли. Начались переговоры о вступлении Константина в союз с Мстиславом. «Послаша... боярина... к князю Константину Всеволодичю в Ростов, и Володимера Псковского со Псковичи и Смолянены на рубеж послаша проводити и».

«И срете княж Константинов воевода Еремей из Ростова Мстислава и его братию и рече: “князь Константин кланяется вам, аз рад слышав приход ваш, и в помочь вам пять сот мужей рати. А ко мне присласта

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 186.
[2] Там же. Ч. 2. С. 187.

со всеми речьми Всеволода, шурина моего"». И князья «отрядиста оттоле Всеволода со многими вои, и послаша его по князю Константину». Это было важнейшим политическим успехом князя Мстислава, плодом его смелой наступательной стратегии, а с другой стороны — следствием пассивности его противников, их неумения и нежелания вести активные действия, защищая пределы Суздальской земли.

Войска Мстислава «поидоша по Волзе вниз. И ту пометаша возы, а на коне полезоша и поидоша к Переяславлю воюющи».[1] «Пометаша возы, а на коне полезоша» — значит, по-видимому, перешли от походного движения, когда доспехи везли на возах, в боевую готовность. «И быша на Городище на реце Сарре (впадает в Ростовское озеро. — *Ю. А.*) у святой Марины, на Великую субботу, месяца Апреля в 9».[2]

«И ту прииде к ним князь Константин Ростовский, и взрадовашася видя их, и крест целоваша, и отрядиша князя Володимера Псковского с дружиною в Ростов».[3] Посылка отряда Владимира Псковского к Ростову могла преследовать цель обеспечить лояльность нового союзника и в то же время обезопасить его владение от возможного нападения суздальских войск. «А сами приидоше полки сташа против Переяславля в Фомину неделю (17 апреля. — *Ю. А.*)».

«И ехаша из полков под город, и яша человека и испыташа, что Ярослава в граде нет, но пошел бе к князю Юрию с полкы, с Новогородцы и с Новоторжцы».

При вторжении противника Ярослав не стал защищать свой город, но пошел с войсками на соединение с великим князем. Такое решение следует признать целесообразным. Для сражения с Мстиславом требовалось сосредоточение всех сил суздальской коалиции. «Князь же Юрий Всеволодич со Святославом и с прочей братью вышли беху из Володимера, и полцы беху с ними сильны: Муромцы и Бродницы, и Городчане, и вся сила Суздальской земли. Погнано бяше из поилий и до пешца».[4]

«Пешцы», по-видимому, это беднейший разряд, безлошадные крестьяне.[5] Во всяком случае, призыв на службу «пешцев» — явление,

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 187.

[2] НПЛ. С. 55. В Новг. IV и в Моск. летописи — неверно («на Велик день»).

[3] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 188.

[4] Там же.

[5] См. Уставную грамоту митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю // АСРВ. Т. III. № 5. С. 17.

очевидно, необычное, вызывающее удивление у современников. В Суздальской земле произошла своего рода тотальная мобилизация.

«И сташа князи Юрий и Ярослав с братью на реце Кзе». Кза (Гза) — приток Колакши, впадающий в Клязьму. Войска суздальских князей двинулись от Владимира к северу для встречи с войсками Мстислава и его союзников.

«Князь же Мстислав и Володимер с Новгородцы постависта свои полки близ Юрьева, и князь Константин далее стояша со своими полки на реце Липице».

Войска обоих противников находились в видимости друг от друга: «узреша полки стояша Юрьевы и Ярославли». Мстислав послал к князю Юрию Лариона-сотника. «Кланяем ти ся, с тобою нам нету обиды, обида нам с Ярославом». Это была очевидная попытка расколоть союз суздальских князей.

Ярославу же было заявлено: «Пусти мужи Новогородцы и Новоторжцы, и что зашел еси волости новогородские, Волок вспяти, а мир с нами возьми, а крови не проливай».

Из переговоров, разумеется, ничего не вышло — слишком далеко зашли новгородцы в Суздальскую землю, и крови уже пролилось достаточно.

Не имела успеха и «последняя речь», с которой «посласта к обоим князем» Мстислав и Владимир Псковский. «Мы пришли было есми, братие, не на пролитие крови, но управити ся межи собой, едино бо есми племя, и дати старейшинство болшему брату Константину, да посадитися и в Володимере, а вам Суздальская земля вся».

Впервые в высказываниях Мстислава прозвучал мотив о единстве Русской земли. Однако «последняя речь» была нацелена на разжигание вражды между Юрием и Константином и означала попытку прямого вмешательства новгородского князя в дела Суздальской земли.

Разумеется, эта попытка встретила решительный отпор со стороны великого князя. «Рци братии моей Мстиславу и Володимеру, да еще отец наш с Константином нас не управил, то вы ли хощете нас с ним умирити?» А Константину было заявлено: «Еда одолевши нас, тогды тобе вся земля».

Мстислав сознавал, что слабое звено в его коалиции — князь Константин, только что перешедший на его сторону и всеми корнями связанный с Суздальской землей. Мстислав и Владимир явились к

нему, и «гадаста с ним много». Речь шла, очевидно, о каких-то спорных вопросах.

«И целоваша крест, яко не быти в нем перевету». Спорные вопросы каким-то образом удалось решить.

Одним из результатов переговоров был переход главных сил Мстислава к Липице, где уже стояли войска Константина. Ночью войска отошли «за дебрь» и встали на Юрьевой горе. Войска великого князя Юрия стояли на Авдоевой горе. Между противниками была «дебрь» и протекал ручей Тунег.

«И послали князи ко князю Юрию 3 мужи мира просити: аще ли не даси мира, да отступите дале на ровно место, и мы на вашу сторону преидем, или мы отступим на Липици, а вы к нам преидите».

Но великий князь отверг какие-либо переговоры: «пришли есте в нашу землю, то сей ли дебри не преидите».

Великий князь принял меры для укрепления своей позиции. На своей горе суздальцы устроили «твердь оплетено бо бе плетенем, место то и насованы колья», в лесу была устроена засека. Мстислав знал об этом и именно поэтому хотел выманить суздальцев на ровное место.

Юрий не поддался на эту хитрость. «То же слышавше князи [Мстислав и его союзник Владимир] и посласта противу Ярославлих людей молодых битися. И бившеся ти день и до ночи, и не присердно бьяхуся, бяше бо того дни буря и студено вельми».

Отправка «людей молодых» (очевидно, пехотинцев) «битися» могла преследовать разведывательные цели.

«На утрие же хотеша поите к Володимерю, не заимающе полки их и нача рядитися в станех». Речь шла, по-видимому, о движении к Владимиру, обходя войска великого князя. Но движение это было замечено суздальцами («видевше их с горы»). И полки Мстислава «вспятиша... назад».

Мстислав получил подкрепление из Ростова, подошел Владимир Псковский, очевидно, с ростовской силой. «Нача князь Константин молвити Мстиславу и Володимеру: “аще поидем мимо, взмятуть ны в тыл. А другое, мои люди к боеви не дерзи... тамо и раззидути в городы”».[1]

Осторожный Константин опасался удара в тыл — вполне вероятного в этих условиях. Он не надеялся на своих воинов. Недаром с Константином шли многократные переговоры с повторным крестоце-

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 188.

лованием. Думается, что дело было вовсе не в том, что ростовцы были «к боеви не дерзки». Они не имели никакого основания сражаться против своих братьев плечом к плечу с новгородцами, вторгшимися на их родную Суздальскую землю. А их князь, переметнувшийся в стан врагов Суздальской земли, отдавал себе в этом отчет.

Но если не оставлять врага в тылу, то надо его атаковать на сильной позиции на Авдоевой горе.

«Мстислав же рече: гора нам не может помощи, ни гора нас победит, но зряще на креста честного и на правду, поидем к ним». Это простое решение было рискованным, но по существу своему единственно возможным. Захват тактической инициативы мог стать предпосылкой победы.

«И почаша ставити полки». «Володимер Смоленский постави полки своя с края, а от него ста Мстислав и Всеволод с Новгородцы и Володимер Псковский со Псковичи. А оттоле ста Константин с Ростовцы».

Вероятно, перечисление полков начиналось, как обычно, с правого фланга. Во всяком случае, центр боевого порядка составили наиболее надежные и боеспособные части. Наиболее уязвимым был фланг, где стояли ненадежные ростовцы во главе со своим князем.

«Ярослав же своими полки с Муромцы и с Городчане и с Бродники противу Володимеру с Смольняны.

А Юрий ста противу Мстиславу и Новогородцем со всею землею Суздальскою. А меньшие братья его противу Константина».

В боевом порядке суздальцев, как и у Мстислава, наибольшее внимание уделялось центру. Видно, что против полка Константина были развернуты второстепенные силы. Относительно слабым кажется и фланг, возглавляемый Ярославом, — здесь стоят разнородные полки, едва ли спаянные крепким содружеством.

Никаких сведений о каком-либо резерве у той и другой стороны нет.

Нет также никаких сведений о предварительных распоряжениях, намечавших цели и задачи частям боевого порядка. Это, впрочем, не означает, что таких распоряжений не было сделано.

Нет данных и об иерархии фактических начальников отдельных частей боевого порядка. Иерархия начальников частей, вероятно, соответствовала иерархии князей. Из текста всего летописного рассказа о походе вырисовывается фигура князя Мстислава. Тактическая идея Мстислава — атака, по-видимому, лобовая с ударом по центру и без попытки обойти фланги противника. Вполне возможно, что ус-

ловия местности и не давали возможности для такого маневра. Можно только сказать, что, находясь в центре с новгородцами, Мстислав придавал большое значение своему смоленскому (как думается, правому) крылу.

«Нача же Мстислав и Володимер укрепляти Новгородцы и Смольняне: "братия, се выли есми в землю сильную, а зря на Бога станем крепко, не озараемся назад, побегоше не уйти. А забудем, братия, домов и жен и детей. А коли любо умирати, да кто хочет пешь, а кто на конех". Новгородцы же глаголище: "и мы не хощем измрети на конех, но яко же отци наши билися на Колакше пеши". Мстислав же рад тому бысть».[1]

Новгородцы помнили, как в далеком 1097 г. их боем на Колакше под Суздалем «сседоша с коней» и пешими «сступишася» с войском князя Олега Святославича. Тот бой окончился блестящей победой князя Мстислава Мономашича, за которым шли новгородцы.[2]

Речь Мстислава — пример традиционного воинского красноречия перед боем, ведущего свое начало от речи Святослава перед битвой под Доростолом.

«Новгородци же, сседавше, и порты с себе, и сапози сметавша боси поскочиша. А Смольняне же молодые полезоша с конь, тако же, и поидоша боси, завивиюще ноги.

По них отряди Володимер Ивара Михайловича с полком, а сами поехаше за ними на конех».

«Егда бе полк Иварь з дебри, подчеся под Ивором конь. Пешци же, не ожидающе Ивара удориша на Ярославлих пешцев».

Атака новгородской и смоленской пехоты была направлена не прямо в центр, а в то крыло противника, где стояли полки Ярослава.

Вырисовывается идея двухэшелонного построения атаки. Первая волна — пехота, поддержанная отрядом Ивора Михайловича. Вторая волна — князья со своей конной дружиной. «Пешцы кликнувше вергоша ови кии а си топор, и ото бегоша им, и почаша их бити. И подсекоша стяг Ярославль. И приспе же Ивор с Смольняны же, и досекошася и другого стяга Ярославля. А князи еще не доехали».

Атака шла через лес, который затруднял движение конного полка Ивора. Действуя топорами и простыми дубинами, пехота прорвала

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 192.
[2] Там же. Т. 1. Стб. 240.

боевой порядок противника, достигнув стяга Ярослава. Падение стяга — знак поражения. Подоспевший полк Ивора со смольнянами развил успех — пробились и к другому стягу.

Атака первого эшелона дала блестящий результат. «Видев же князь Мстислав и рече: не дай Бог, брате, выдати добрых людей. И удариша на них сквозе свои пешци. Мстислав с своим полком, а Володимер с своим, а Всеволод Мстиславич с дружиною, а Володимер с Псковици приспеже, Костянтин с Ростовцы». Началась общая атака. «Мстислав же, проеха трижды сквозь полки Юрьевы и Ярославли, секуще людей и, бе бо у него топор на руце с поворузом, и тем сечаше. Тако же и Володимер. Створише брань велику и досекошася до товаров. Юрьи же и Ярослав видевшее кончину, аки на ниве класы пожинаху, и побегоша с меньшею братьею и с Муромскими князи».[1]

Конные дружинники князей составили второй эшелон развития успеха пехоты. В рукопашном бою конницы большую роль играет личная храбрость и сила князя, лично ведущего свои войска. Судя по словам летописца, Мстислав Удалой оказался вполне на высоте своего положения. Боевые порядки противника были прорваны на всю глубину, и атакующие вышли к ним в тыл — к обозам, что, собственно, и означало физическое поражение.

Конечный непосредственный итог почти всякого средневекового сражения — захват добычи. Сражение было выиграно. «Мстислав же рече к Новогородцем: "не пристоите, братие, к корысти, но пристоите боеви, еда како обрящете на ны, смятут ны"».

Предусмотрительный князь понимал опасность — грабеж обоза мог привести к потере боевого строя и дать противнику возможность нанести внезапный контрудар. Этого, однако, не случилось. Суздальцы бежали с поля боя. Летописец-новгородец подчеркивает: «Новгородцы же не брежаху товару, но бьяхуся крепко, а Смольняне посадиша на товары и лупяху мертви, а о боеви не прележаху».[2] К боевым действиям это уже прямого отношения не имело.

Сражение закончилось. «Побеждены быша полки сильные Суздальской земли месяца Апреля 21, в четверг 2 недели по Пасце».[3] Сражение, происходившее утром («ступ был в обед час», т. е. в часы,

[1] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 193.

[2] Там же. С. 194.

[3] Там же.

когда обычно служат обедню — 8–9 часов утра), было коротким — в полдень бежавший с поля боя князь Юрий был уже под стенами своей столицы (проскакав 60 верст) «на 4 кони, а трех удушив».

«Избьено же их бысть многое множество, а иныи в реках бежаще истопоша. Глаголах бо, яко избьено бысть на том бои Суздальских полков 9000 и 200 и 30 и 3 человека. Новогородцев же только 5 человек убьено бысть, и один Смольнянин. А изымаша Суздальцев руками только 60 человек, а оставша бегоша в Володимер, и друзии в Суздаль и в Переяславль, в Юрьев». Войско суздальцев перестало существовать. Оно разбежалось по своим городам.

Как во многих средневековых источниках, цифры боевых потерь фантастичны и отнюдь не увязываются с описанием хода боя. Невероятна, прежде всего, точность потерь суздальцев — такого или подобного подсчета никто никак не мог бы проделать после сражения. Потери суздальцев преувеличены, по всей вероятности, в несколько раз. Не менее невероятно и число потерь победителей: в кровопролитном рукопашном бою они потеряли всего шесть человек, как при случайной встрече кавалерийских разъездов. Более правдоподобно исчисление трофеев. «Беяше бо к Юрья стягов 17, а труб 40, столько же и бубнов, а у Ярослава стягов 13, а труб и бубнов 60». Соотношение между захваченными трофеями может дать представление о соотношении боевых сил Юрия и Ярослава как 3 к 2, что более или менее правдоподобно, исходя из размеров их владений.

Вызывает удивление и крайне незначительное число пленных. Цифра эта, однако, по существу своему правдоподобна. Она свидетельствует о том, что новгородцы и их союзники не преследовали бегущих врагов, а остались пировать на костях, согласно распространенному средневековому обычаю.

Действительно, «князи же весь день той стояша на побоище, а на утрие поидоша к Володимеру и приидоша к нему в неделю рано», т. е. утром 24 апреля. 60 верст от поля боя до Владимира Мстислав и его союзники прошли за два дня. Мстислав запретил штурмовать город, и князь Юрий сдался на волю победителей.

Князь Ярослав затворился в своем Переяславле, и Мстислав со своими союзниками пошел к Переяславлю «в пяток 3 недели по Пасце», т. е. 29 апреля. Шли они, очевидно, от Владимира — в 120 верстах к югу от Переяславля. Ярослав стал просить о мире и «во вторник 4 недели по Пасхе», т. е. 3 мая, вышел из города для сдачи князьям.

Князья приняли его капитуляцию, не дойдя до Переяславля. За четыре дня князья прошли 120 верст, т. е. шли тем же темпом, как от Липицы к Владимиру. В среду на Преполовение, т. е. 11 мая, был заключен, наконец, мир.

«И поидоша князи розно. Константин к Володимеру, а Мстислав к Новугороду и Володимер к Пскову»: Кампания 1216 г. окончилась.

* * *

«Страшно же чюдо и дивно, братие, поидоша бо сынове на отца, а отцы на дети, а брат на брата...».[1]

Внешним поводом кровавой междоусобной войны 1216 г. был конфликт Господина Великого Новгорода с князем Ярославом Всеволодовичем — недовольство поведением этого князя на новгородском столе. Однако коренные причины этого конфликта были более глубокими. Фактически произошло столкновение двух политических концепций. Князь Ярослав во время своего краткого пребывания в Новгороде пытался проводить политику сильной княжеской власти в стиле великокняжеской традиции, которая складывалась в Суздальской земле при Андрее Боголюбском и особенно при Всеволоде Большое Гнездо. Принципиальной основой этой традиции был тезис о приоритете великокняжеской власти над местными интересами.

Основой новгородской политической идеологии был тезис о неприкосновенности новгородской традиции и о ее приоритете над всеми прочими: «где святая София, ту и Новгород».

Если суздальская великокняжеская традиция пока еще смутно, неосознанно исходила из представления о Русской земле как о едином целом объекте княжеской власти, то новгородская традиция вела к идее новгородского сепаратизма, к приоритету части над целым.

В условиях первых десятилетий XIII в. мысль о единстве Русской земли могла носить только виртуальный характер — не было никаких политических институтов, которые могли бы ее реально воплотить. Разрыв Новгорода с переяславским князем, сыном Всеволода Большое Гнездо и носителем суздальской традиции, привел к образованию антисуздальской коалиции князей во главе с Мстиславом — фактически к расколу Русской земли на два враждебных лагеря. Великий князь Вла-

[1] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 188.

димирский и его братья оказались почти в одиночестве, и сама суздальская коалиция оказалась непрочной — ее разъедала борьба между Юрием Владимирским и Константином Ростовским — своего рода мина замедленного действия, заложенная завещанием их отца, следствие внутреннего противоречия между стремлением Всеволода к сильной великокняжеской власти и реальной невозможностью перестроить внутреннюю структуру великого княжения Владимирского. Антисуздальская коалиция, по существу своему консервативная, с самого начала имела существенные политические преимущества — определенные предпосылки успеха.

Но эти политические предпосылки могли быть реализованы только умелой стратегией. В лице Мстислава Удалого коалиции нашла выдающегося военного предводителя.

Основная стратегическая идея Мстислава — решительное наступление против жизненно важных центров противника. Не тратя времени и сил на решение частных, второстепенных задач, Мстислав совершает смелый марш-маневр в глубь территории противника, обходит его основные узлы сопротивления и сразу захватывает стратегическую инициативу. Предавая огню и мечу суздальские земли, он заставил своего противника бросить на произвол судьбы собственное княжение и спешить соединиться с другими суздальскими князьями. Смелый марш-маневр Мстислава вызывает раскол в суздальской коалиции. В этих благоприятных для себя условиях Мстислав стремится к решительному сражению.

Его тактическая идея — нанесение удара по живой силе противника, а не поиск каких-либо местных преимуществ. Он понимает, что победы можно достигнуть только в бою, а не маневрированием. И он атакует противника, стоящего на весьма выгодной укрепленной позиции.

Основным условием победы в таких обстоятельствах может быть только смелая, решительная атака.

Для такой атаки Мстислав фактически строит свои войска в два эшелона. Первый эшелон — пехота, которая прорывает вражеские укрепления и врывается в расположение противника. Второй эшелон — княжеская конница, идущая вслед за пехотой и развивающая ее успех. Главный удар наносится не по центру, а по флангу противника, где стоят полки Ярослава, особенно ненавистного новгородцам. Разгром этого фланга и прорыв в тактический тыл к обозам определяет конечное поражение противника.

Не имея тактического резерва, Мстислав может воздействовать на события только личным примером — нанесением удара в нужное место и в нужное время.

Другую картину можно наблюдать у суздальцев. Их стратегия отличается пассивностью. Закрепившись в Торжке, Ярослав не предпринимает каких-либо активных действий. Атака Святославом Ржевы — второстепенного пункта, атака, не поддержанная другими силами, — наглядный пример такой беспомощной стратегии. При вторжении противника Ярослав оставляет Торжок и Тверь, спешит к своему городу, но оставляет и его, стремясь соединиться со старшим братом. Возможным объяснением такого поведения может быть недостаток сил. Суздальская коалиция запаздывает и с мобилизацией, и с развертыванием своих войск. Юрий выступает в поход, когда Мстислав уже в центре его княжества; Юрий и Ярослав следуют движениям Мстислава и принимают навязываемые им условия боя, не пытаясь перехватить инициативу и нанести противнику встречный удар. Князья больше рассчитывают на силу укреплений, чем на силу своих войск.

И в самом бою на Липице пассивная оборона суздальских полков, растянутых по фронту, отсутствие, судя по всему, у них какого-либо общего тактического руководства, с самого начала обрекали их на поражение.

В военной истории средневековой Руси кампания Мстислава и битва на Липице — одна из блестящих страниц.

Однако не только блестящих, но и трагических. Самая лучшая тактика не может спасти плохую стратегию. Но и самая лучшая стратегия не может искупить узости политического кругозора, мелочности политических интересов, не может исправить порочную политическую идеологию. Во имя чего проливалась русская кровь в битве на Липице? «Аще ли будете ненавистно живуще, в распрях и которающеся, то погибнете сами и потеряете землю отец своих и дед своих», — предупреждал когда-то Ярослав Мудрый. Распря между новгородцами и суздальцами усилила раскол Русской земли. Междоусобная война русских против русских, разорение и опустошение Суздальской земли новгородцами, ослабление власти и авторитета великого князя, рост взаимного ожесточения и недоверия — прелюдия к еще более грозным событиям, которые уже стояли на пороге. И герой Липицкой битвы спустя всего 7 лет испил горькую чашу страшного поражения и бегства

с поля боя на Калке, а его противник, бежавший с поля боя при Липице, пал смертью храбрых в безнадежном бою на Сити.

Политическая система княжеской вечевой Руси, преобладание частных интересов над общими однозначно привели и к Липице, и к Калке, и к Сити. До подлинного осознания единства Руси было еще далеко.

Межкняжеский союз XIV в. как военная система*

Первое известное межкняжеское докончание — грамота сыновей Ивана Калиты.[1]

Единственный документ, на который она сама ссылается, — духовная грамота Ивана Калиты — «целовали есмы по душевной грамоте отца нашего». Поэтому надо думать, что других, более ранних межкняжеских письменных докончаний (и вообще письменных актов) на Москве не было — традиция составления таких договоров не существовала.

Грамота весьма сложна по содержанию: она стремится охватить все основные вопросы межкняжеских отношений. Отсюда многообразие ее сюжетов и некоторая хаотичность ее построения (нечеткость формуляра грамоты также косвенно свидетельствует об отсутствии традиции таких письменных докончаний). Суть грамоты — военно-политический союз князей Московского дома: «быти ны заодин до живота». Это первое и основное положение в дальнейшем развивается и конкретизируется. «А брата своего старейшего имети ны и чтити во отцево место. А брату нашему нас имети (в братстве без обиды —

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Межкняжеский союз XIV в. как военная система//Историк в России между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания к 90-летию со дня рождения А. А. Зимина/Под ред. В. П. Козлова. М., 2012. С. 75–93.

[1] См.. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XVI–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 2. С. 11–13; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 20–27.

вероятный текст, утраченный в дошедшей грамоте. — *Ю. А.*). А кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг. А кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг. А тобе, господине, князь великии, без нас не доканчивати ни с ким». Докончание гарантирует права наследников — «кого из нас Бог отъведет, печаловатися княгинею его и детми, как при животе». При этом особо оговаривается: «А по животе кто из бояр и слуг иметь служити оу наших княгинь... нелюбья не держати, ни посягати без исправы, но блюсти как и своих». Права бояр и слуг вдовой княгини гарантируются князьями. «А которыи люди по нашим волостемъ выиманы... те так и знают свою службу, в которую кто уряжен». От этих слуг низшего ранга обособляются слуги вольные: «А вольным слугам воля, кто в кормленьи бывал и в доводе при нашем отци и при нас». Итак, «вольные слуги» — это те, кто исполняет важные судебно-административные функции, представляя княжескую власть на местах.

Непосредственное отношение к военному союзу имеет статья, состоящая из трех основных положений:

1. «А где ми будет въсести на конь, всести вы со мною».

Так устанавливается прямое, непосредственное обязательство младших князей идти в поход вместе со старшим.

2. «А где ми будет самому не всести, а будет ми вас послати, всести вы на конь без ослушания».

Старший князь может посылать младших в поход, в котором сам не участвует, выступает в роли главнокомандующего, распоряжающегося силами своих братьев, т. е. всего Московского княжества.

3. «А что ся оучинить просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцкого, и от наших наместников, исправа ны оучинити, а нелюбья не держати».

Вероятно, имеется в виду какое-то конкретное событие. «Просторожа», по всей вероятности, ошибка, допущенная при несении сторожевой службы (по аналогии «проигрался, промытился»), а не «передовой отряд», как сообщается в «Памятниках русского права».[1] Но если поводом и было конкретное событие, то текст докончания придает ему обобщающий смысл: речь идет об ошибках вообще, которые могут быть

[1] См.: Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 514.

допущены и самими князьями, и зависимыми от них людьми. В связи с этим, важно упоминание тысяцкого, который мог быть только у старшего князя — это московский тысяцкий, глава московского городского ополчения. Кроме него, есть наместники князей — также предводители войск. По смыслу статьи, «просторожа» не должна приводить к конфликту, к ослаблению союза между московскими князьями. Межкняжеское «одиначество», категория, известная еще со времен Ярослава Мудрого, теперь оформляется письменным актом и утверждается крестным целованием. Судя по упоминанию тысяцкого, в поход идут не только служилые люди князей, но и земское (городское) ополчение. В древнерусские времена участие земских людей в походах — обычное дело. В походе против новгородцев в 1216 г. в Суздальской земле была проведена мобилизация: «Бяшет бо погнано ис посилеи и до пешьца»,[1] т. е. до беднейших крестьян.

Докончание Калитичей свидетельствует, что, несмотря на развитие феодальных отношений, земское ополчение и в середине XIV в. было существенно важной составной частью русского войска.

Таким образом, докончание Калитичей, оформляя военно-политический союз московских князей, исходит, во-первых, из основополагающего документа — духовной отца, во-вторых, фиксирует существующие обычаи.

Как же действовали на практике положения договора, насколько он был эффективен? Судить об этом можно по летописным известиям. В 1341 г. литовская рать подошла к Можайску, пожгла посад, но города не взяла. Можайск — город в уделе великого князя Семена. Летопись не сообщает о каком-либо походе князей на защиту Можайска. Видимо, город был предоставлен своим силам. В том же году отмечается серьезный конфликт с новгородцами. «Со всей низовскою силою» великий князь явился под Торжок. Черные люди Торжка встали на сторону великого князя, и до военных действий дело не дошло.[2] Надо полагать, что младшие московские князья участвовали в походе вместе «со всею низовскою силою».

К 1342 г. относится нападение ливонских немцев на Изборск. Вопреки ожиданиям и просьбам псковичей, Ольгерд Литовский не оказал городу никакой помощи. Немцы после 10-дневной осады отступи-

[1] ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 61.
[2] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 173.

ли от города, а псковичи раскаялись в своей попытке отдаться под власть Ольгерда.[1] Никаких сведений об участии войск великого князя в этих событиях нет — договор Калитичей не предусматривал обязательности защиты немосковских земель и носил в этом смысле локальный характер.

Об этом свидетельствует и событие 1346 г., когда Ольгерд предпринял крупный поход на Новгород под тем предлогом, что его оскорбил посадник новгородский («зань же ми лаял... назвал меня псом»). Ольгерд вышел к Шелони на устье Мшаги (где впоследствии произошла знаменитая битва). Он разорил Лугу, с Порхова взял большой выкуп.[2] Московские князья не предприняли никаких действий в защиту Новгорода.

Наиболее серьезным было нападение на Новгород свейского короля Магнуша в 1347 г., который взял Орешек. «А Ижеру почал крестити во свою веру». Фактически это было одним из наиболее крупных актов католической агрессии против России. Новгородцы обратились к великому князю Семену с челобитьем: «Поиди, господине, к намъ боронити своее отчины Великого Новагорода». Великий князь Семен, «помедливъ же немного... поиде в Новгород», но до города он не дошел «и паки возвратися на Москву, а в Новгород посла брата своего князя Ивана». Но князь Иван, «слышав же, яко взяша Немци городок Ореховец, взратися назад». Новгородцам пришлось отбиваться от свеев своими полками, что они успешно и сделали. Таким образом, московский княжеский союз в данном случае оказался неэффективным. Хотя Новгород был «отчиной великого князя», великий князь Семен послал в поход своего брата. Когда Казимир Польский «взя лестью землю Волынскую» в 1349 г.,[3] великий князь Семен отнесся к этому совершенно безучастно. Южная Русь не попадала в поле зрения великого князя Владимирского.

Свой последний поход великий князь Семен совершил в 1352 г., когда, «собрав воя многи», пошел на Смоленск, но, встретив Ольгерда и простояв 8 дней на Угре, «взял мир».[4] По всей вероятности, младшие братья были с ним в этом походе.

---

[1] Там же. С. 174.
[2] Там же. С. 175.
[3] Там же. С. 176–177
[4] Там же. С. 178.

Итак, союз Калитичей, заключенный «у отня гроба», имел локальное значение и до общерусского уровня отнюдь не поднимался. Причина этого, по всей вероятности, в фактической слабости великого княжества. Оно не могло ставить перед собой сколько-нибудь серьезных военно-политических задач. Общерусские интересы оставались вне поля зрения первых Калитичей.

Первое докончание Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем (1367 г.)[1] исходит из устоявшегося основного принципа княжеских отношений «одиначества»: «Быти ны заодин». Как и в грамоте сыновей Калиты, утверждается приоритет старшего брата «во отца место». При этом грамота ссылается на уже существующую традицию — «жити ны по тому, как то отци наши жили съ братом своим... со князем великимъ с Семеномъ». Новая грамота подчеркивает значение старшего брата великого князя: «А тобе, брату моему молодшему... держати ти подо мною княженье мое великое чесно и грозно». Старший же князь обещает держать младшего «в братстве, без обиды, во всем». Как и договор Калитичей, докончание содержит ряд уточнений общего принципа «одиначества». Кроме старых формул, появляются новые: «А что ти, слышав о мне от крестьянина ли, от поганина ли, о моем добре или о лисе, или о нашей отчине и о всех крестьянах, то ти мне поведати и в правду, без примышления, по целованью». Обязательство носит взаимный характер. Общее положение «А бояром и слугам вольнымъ воля» в грамоте конкретизируется: «А кто будет бояр и слуг къ тобе, брату моему молодшему, от мене отъехал до сего докончанья, или по сем докончаньи к тобе приедет, на тых ми нелюбья не держати» (обязательство взаимное). Грамота содержит принципиально новое важное положение: «А чего ми будеть искати на твоих боярех, или чего искати тобе на моих боярех, нам отослати от собе по боярину, те тому делу оучинять исправу. А ци о какове деле межи собе сопрутся, ехати им на трети, кого собе изберуть, тамо ехав, перемолвятся».

Таким образом, создается институт смешанной боярской комиссии для решения спорных вопросов между князем и чужим боярином и институт третейского суда, чье решение, видимо, считается окончательным. Это положение свидетельствует об исключительно важной роли боярина, о его авторитете в глазах князя. Такой же процедуре

[1] ДДГ. № 5. С. 19–21; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 32–35.

подвергаются и споры между самими князьями — «тому тако же межи нас исправа».

Докончание подтверждает старый порядок выплаты ордынской «тягости» и «протора» — младший брат дает платежи «со своего удела брату своему старейшему по давным свертком». Докончание особо рассматривает вопрос о дани с бояр: «А коли ми будет... дань взяти на своих боярех в великом княженьи, а кто будет твоих бояр и слуг... ми дань взяти» (по всей вероятности, в утраченном тексте читалось что-нибудь вроде «и на тех как на своих в великом княженьи»). По-видимому, дань с бояр была не повседневным явлением, а рассматривалась как особый случай: «А который боярин поедет ис кормленья от тобе ли ко мне, от мене ли к тобе, а службы не отслужив, тому дати кормленье по исправе, а любо служба отслужити ему». Впервые в межкняжеских договорах ставится вопрос о кормлениях и службе. Приведенный текст не совсем ясен. Его можно понимать, например, так: боярин, самовольно оставивший свое кормление, т. е. не выполнивший обязанностей, с ним связанных, должен «по исправе» (т. е. по суду) возместить убытки либо отслужить положенную ему службу. Предложенная интерпретация не является бесспорной. Но здесь важна тесная связь двух понятий — «кормление» и «служба». Это как бы две стороны одной медали, отражающие суть отношений между князем и его боярином.

Статья о военных обязательствах князей дана в новой редакции: «А коли ми будеть где отпущати своих воевод из великого княженья, а кто будет... твоих бояр и слуг, тобе послати своих воевод с моими воеводами вместе, без ослушанья. А кто ся ослушает, того ми казнити, а тобе, брату моему, со мною». В отличие от договора Калитичей, здесь впервые говорится не о самих князьях, а о воеводах как должностных лицах, ведущих войска в поход. Ничего не говорится о возможных ошибках («простороже»), подлежащих «исправе», зато однозначно сказано об «ослушанье» (воевод младшего князя), влекущем за собою «казнь» — наказание от обоих князей. «А кого коли оставити оу тобе бояр, про то ти мене доложити, то ны оучинити по згадце, кому будет слично ся остати, тому остатися, кому ехати, тому ехати». Это весьма важное положение. Бояре младшего князя делятся на тех, которые идут в поход с воеводами, и на тех, «кому... ся остати», т. е. остаются с князем, не идущим в поход. Отбор этих бояр делается «по згадце» обоих князей, т. е. великий князь непосредственно руководит этим отбо-

ром, контролируя тем самым действия «брата молодшего». «А тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушанья, по згадце, како будет мне слично и тобе, брату моему молодшему». Точно определяется характер отношений младшего к старшему — это служба без ослушания так, как будет «слично» старшему брату: «И тобе, брату моему молодшему» — добавление чисто этикетное. «А мне тобе кормити по твоеи службе». Тем самым удельный князь, «брат молодший», приравнивается к служилому боярину, получающему кормление по своей «службе». С этой «службой» связана и последняя клаузула договора: «А коли ти будет всести со мною на конь, а кто будет твоих бояр и слуг, где кто ни живет, тем быти под твоим стягом». Тем самым определяется экстерриториальность боярской службы: независимо от места проживания, бояре и вольные слуги идут в поход со своим князем, составляя целостное воинское подразделение.

Докончание 1367 г. характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, это резкое увеличение власти старшего брата, великого князя — младший брат у него на «службе» и получает от него кормление. Вторая существенная черта — большое внимание, уделяемое боярам и их службе. Бояре идут с князем в поход, держат кормление, представляют князя на переговорах с представителями другого князя. Намечается деление бояр на тех, кто идет в поход с воеводами на общих основаниях, и тех, кто остается при князе. Это деление еще несовершенно и даже не сформулировано терминологически, но фактически оно уже есть и отражает одну из особенностей боярской службы — сочетание военных и административных обязанностей.

Докончание не только развивает и уточняет основные черты военного союза князей Московского дома, которые уже были заложены в докончании Калитичей. Докончание 1367 г. может рассматриваться как новый этап в развитии межкняжеского союза. По справедливому предположению Л. В. Черепнина, договор был заключен в начале обострения московско-тверских и московско-литовских отношений, т. е. в преддверии особо активной политики великого княжества Московского. В таких условиях военная опасность резко усиливалась, и заключение нового договора о военном союзе было весьма актуальным. Проверка эффективности нового докончания произошла очень скоро.

В 1368 г. «князь Михайло (Тверской. — *Ю. А.*) бежа в Литву к великому князю Ольгерду, зятю своему... и жаловашеся ему на великого князя Дмитрия и просяше у него помощи собе и оборони». В поход

против великого князя Дмитрия отправились Ольгерд и «вси князи Литовские, и князь Михайло Тферской и Смоленскаа сила». По словам русского летописца, Ольгерд придавал большое значение внезапности своих походов — «таковою козньюмногы грады и земли поима и повоева не токмо силою, но и злохитрьством сим».[1] И на этот раз «сего похода его не ведущу на собе великому князю Дмитрею Ивановичю, о иже идет на него Ольгерд со многою силюю». Только когда Ольгерд подошел к самому рубежу, «бысть весть великому князю Дмитрию». Только тогда великий князь Дмитрий «нача разсылати грамоты по всем градом своим, веля быти к себе всем воем своим». Но было уже поздно: «близ бо уже пришедшу Олгирду». Нападение сильного врага застало великого князя Дмитрия врасплох... Его воины «не успеша от далных мест», и только тех, кто «близ его обретошася сих отпусти в заставу противу Олгерду, еже есть сторожевыи полк, а воеводство приказа Дмитрею Минину». Здесь и вступило в силу только что заключенное докончание. «А от князя Володимера Андреевича воевода бе Окинф Федорович, нарицаемый Шуба».

Ополчение было собрано наспех. В поход пошли «москвичи, коломенци и дмитровци», т. е. воины из мест севернее и юго-восточнее Москвы, но не упомянуты звенигородцы и можайцы, жители мест западнее Москвы и близкие к театру военных действий, — их, видимо, собрать уже не удалось. Ольгерд «перешед рубеж и начат воевати порубежная места, жещи и грабити, а люди сещи». По-видимому, первое время Ольгерд двигался осторожно, опасаясь встречи с главными силами русских. Он шел с западного и юго-западного направлений, по очереди разбивая местных князей — Семена Стародубского (в Холохоле) и Константина Оболенского (в Оболенске). Сражение с великокняжескими войсками произошло 21 декабря на р. Тросне — «ту изби сторожевыи полк князя великого заставу Московского и уби ту Дмитрея Минина и Акинфа Шубу и иных многых». Судя по всему, московские войска были разбиты наголову, и путь на Москву был открыт. Пленные показали, что «князь велики в граде своем Москве, а рать не успели к нему собратися». Теперь Ольгерд устремился к Москве: «и пришед ста около града». Столица приготовилась к обороне. Посад «пожжень бысть примету для, а князь велики... и князь Володимер Андреевич и Алексии митрополит в граде затворишася, с ними же

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 184.

бояре их вси прилучьшиися тогда с ними и вси християне». Ольгерд не решился на штурм каменной крепости. Простояв под Москвой «три дня и три нощи», Ольгерд отступил, сжег остатки посада и разорил всю землю. «Се же прьвое зло Москве от Литвы сьтворися».[1]

Итак, большой поход Ольгерда предотвратить не удалось: войска были разбиты, страна разорена, Москву спасли только ее недавно выстроенные белокаменные стены. Докончание 1367 г. соблюдалось. И младший князь, и его войска, и бояре выступили в поход по требованию великого князя. Но военная организация великого княжения страдала такими недостатками, которые ни одно межкняжеское докончание устранить не могло. Отсутствовала стратегическая и оперативная разведка, не было боеготовых войск, рубежи ничем не прикрывались, а поспешный и запоздалый сбор войск носил характер неудачной импровизации. Первое столкновение с грозным противником, Литвой, во главе войск которой стоял первоклассный полководец, закончилось полным поражением. Несмотря на неудачу в борьбе с Ольгердом, княжеский союз продолжал действовать. В ту же зиму 1368/1369 г. «князь Володимер Андреевич, послан великим князем, иде в Новгород Псковичем на помощь» против немцев и пробыл там до лета. Княжеский союз взял под защиту русский город, не входивший в состав княжества Московского.

Второе столкновение с Ольгердом произошло в 1370 г. По научению своего тестя, Михаила Тверского, Ольгерд «поиде в другие про нево к Москве». Как и в первом походе, с Ольгердом были «вси князи Литовские», а также Святослав Смоленский и Михаил Тверской. На этот раз Ольгерд шел с северо-западного направления, через Волоколамск. Но под этим городом он встретил упорное сопротивление. Воевода князь Василий Иванович Березуйский погиб в бою, но Ольгерд, «не успев граду Волоку ничто же», двинулся от него к Москве и 6 декабря стал около Москвы. Как и в 1368 г., «князь великий... затворися в граде». Но на этот раз «князь Володимер Андреевич съ силою събравшися стояше в Перемышле ополчившееся». Перемышль — городок на Оке, в 30 верстах южнее Калуги и примерно в 200 верстах от Москвы. Сюда же подошли союзники — пронский князь Владимир Андреевич, «с нимъ же рать рязанская».

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 184–185.

Оперативная обстановка принципиально отличалась от той, которая была в первом походе Ольгерда. За 8–10 переходов войска Владимира Андреевича могли подойти к Москве и в считанные дни выйти во фланг и тыл Ольгерда. Умный литовский князь понял всю опасность своего положения «и убояся и нача мира просити». Получив перемирие, он «поиде от Москвы в свою землю, и идоша с опасением, бояся за собою погони». Ольгерд стоял под Москвой 8 дней, выпрашивая мира, — возможности его были на этом исчерпаны. Хотя он и «посад пожже, и люди в полон поведе», второй поход Ольгерда окончился поражением на стратегическом уровне.[1]

Видно, как за два года улучшилась система обороны великого княжества Московского. Внезапности Ольгерду достичь не удалось. Теперь на одном из наиболее вероятных направлений вторжения противника были развернуты боеготовые силы, которые задержали его движение к Москве. При отражении вражеского вторжения дóрог каждый день — он может быть использован для принятия соответствующих контрмер.

Важнейшая из них — выдвижение полевой армии, сил, не втянутых в непосредственную оборону Москвы, для нанесения контрудара противнику. По всей вероятности, такая мера была продумана и подготовлена заранее — учитывался опыт пассивной обороны 1368 г., когда противнику удалось безнаказанно уйти, разорив всю страну. Теперь все было готово к отражению нашествия — фактически оперативно-стратегическое руководство княжеского союза в лице великого князя Дмитрия оказалось на должной высоте.

Крупнейшее военное событие начала 70-х гг. — битва на Скорнищеве москвичей с рязанцами в декабре 1371 г. Из участников сражения упоминается только воевода князь Дмитрий Михайлович Волынский, стоявший во главе великокняжеских войск.[2] Сам великий князь Дмитрий в битве, видимо, не участвовал. Надо полагать, что не был там и князь Владимир Андреевич, а войска его шли под руководством великокняжеского воеводы.

Война с Литвой продолжалась. Весной 1373 г. Михаил Тверской в третий раз навел на Русь своих литовских союзников. Весной союзники Михаила пытались неудачно взять Переяславль, сам Михаил

---

[1] Там же. С. 186.

[2] Там же. С. 187.

сжег посад Дмитрова и взял откуп с города. Был взят и разорен Торжок, а новгородская рать, пытавшаяся защитить город, была разбита. Но главный удар наносился с юго-западного направления. 12 июля Ольгерд соединился с Михаилом Тверским у Любутска (город между Калугой и Алексином, ок. 150 верст от Москвы). «Слышев же то, князь великий Дмитрий Иванович и събрав силу многу и поиде с Москвы ратью противу их. И сретошася близ града Любутьска. И первое ту приходя изгониша Москвичи сторожевои полк Литовскои и биша их, а сам князь великы Ольгерд бежа за враг». Обе рати несколько дней стояли друг против друга, разделенные глубоким, непроходимым оврагом, и «вземши мир межи себе разидошася разно».[1]

Кампания 1373 г. — новый шаг в развитии системы обороны великого княжества. Великий князь Дмитрий не принял мер для защиты Переяславля и Дмитрова, не оказал помощи новгородцам. Видимо, он понимал, что эти действия противника носят в основном отвлекающий характер, и берег свои войска для отражения главных сил Ольгерда. На этот раз великий князь Дмитрий не стал запираться за стенами Кремля, а вышел навстречу врагу, не подпустив его близко к Москве. Стояние под Любутском показало возросшие силы русского войска. Ольгерд не решился на продолжение борьбы, и третий его поход закончился.

Военная система Московского великого княжества оказалась эффективной, а действия великого князя Дмитрия целесообразными и успешными. В борьбе с Ольгердом Дмитрий впервые перешел от обороны к наступлению — не стал ждать появления Ольгерда у стен Кремля, а пошел к нему навстречу. Разорения и опустошения удалось избежать. Напряженная борьба с сильным противником окончилась победой Москвы. Союз московских князей выдержал испытание.

Победа над Литвой обозначила новые грани в политике великого князя Дмитрия. Борьба с Тверью продолжилась — Михаил Тверской теперь опирался на помощь Орды. Летом 1375 г. он «сложил с себя целование» к Дмитрию. Началась новая война.

Для кампании против Твери великий князь Дмитрий впервые провел мобилизацию всех русских князей, выйдя далеко за рамки московского межкняжеского союза.[2]

---

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 189.

[2] Там же. С. 190–191.

По призыву великого князя Дмитрия к нему на Волок для похода на Тверь «придоша... вси князи Русстии кыиждо с силою своею». Это были:

1. Дмитрий Константинович Суздальский.
2. Владимир Андреевич.
3. Борис Константинович.
4. Семен Дмитриевич.
5. Андрей Федорович Ростовский.
6. Василий Константинович.
7. Брат его Александр Константинович.
8. Иван Васильевич Смоленский.
9. Василий Васильевич Ярославский.
10. Роман Васильевич Белозерский.
11. Федор Романович Белозерский.
12. Василий Михайлович Кашинский.
13. Федор Михайлович Моложский.
14. Андрей Федорович Стародубский.
15. Роман Михайлович Брянский.
16. Роман Семенович Новосильский.
17. Семен Константинович Оболенский.
18. Брат его Иван Константинович Тарусский.

Такое княжеское ополчение упоминается в летописи впервые. Фактически это уже был общерусский союз князей (кроме рязанских), по всей видимости, не оформленный особой договорной грамотой, а созданный единовременно по призыву великого князя Дмитрия. Это был показатель роста авторитета великого князя Московского, признание его ведущей роли на Руси.

Ближайшим результатом победы над Тверью стал договор великого князя Дмитрия с Михаилом Тверским.[1] Этот договор по содержанию впервые вышел за пределы Московского княжества. Преамбула грамоты отражает ее особое значение: «По благословенью отца нашего Алексия, митрополита всея Руси, на сем, брате молодшии, князь великии Михайло Олександрович, целуи ко мне крест к брату старейшему, князю великому Дмитрию Ивановичу, и к брату моему князю Владимиру Ондреевичу, и к нашей вотчине, к Великому Новугороду, и за свои дети, и за свои братаничи». Это договор не просто между

[1] ДДГ. № 9. С. 25–28; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 52–54.

князьями, а между двумя политическими структурами — двумя великими княжениями, Московско-Новгородским (т. е., в сущности, Владимирским) и Тверским. При этом сразу устанавливается взаимное положение договаривающихся сторон — это не равноправные партнеры, а «брат молодший» и «брат старейший». «Братом» великого князя Тверского оказывается младший князь Московского дома — юридически они по договору равноправны, оба они — «братья молодшие» великого князя Дмитрия. Далее идут две статьи, повторяющие соответствующие клаузулы договора великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховскими: «добра ти нам хотети во всем» и о «добре и о лисе» — на Тверь распространяются обязательства серпуховского князя. После этих общих положений следует собственно военная статья: «А где ми буде, брате, поити на рать, или моему брату... всести ти с нами самому на конь без хитрости. А пошлем воевод, и тобе и своих воевод послати». Статья опять же распространяет на Михаила Тверского нормы отношений между великим и удельными князьями Московского дома.

«А поидут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу их. Или мы поидем на них, и тобе с нами с одиного поити на них». Эта статья содержит принципиально важное положение об оборонительном и наступательном союзе против Орды. Отношения с Ордой вступают в новую фазу — от пассивного терпения, которым пронизаны грамоты Калиты и его сыновей, Русь переходит к активной борьбе против завоевателей. Докончание с Михаилом Тверским можно рассматривать как важный шаг к созданию общерусского антиордынского союза. «А поидет на нас литва или на смоленского на князя на великого, или на кого на нашю братью на князеи, нам ся их боронити, а тобе с нами всим с одиного. Или поидут на тобе, и нам тако же по тебе помагати и боронитися всим с одиного».

Оборонительный военный союз направлен против Литвы, под его защитой оказывается Смоленск — ближайший объект наступательных замыслов Ольгерда. Под защиту берутся и другие князья. Фактически союз должен обеспечить защиту всей Русской земли. Это придает договору значение важнейшего общерусского военно-политического союза и принципиально отличает его от всех предыдущих известных нам княжеских докончаний. «А кто бояр и слуг отъехал от нас к тобе или от тобе к нам... в ты села нам и тобе не въступатися». Право отъезда бояр и слуг гарантируется неприкосновенностью их владений и

распространяется теперь не только на Московское княжение, но и на политическую систему Твери. «А кто будет, служа нам, князем, а вшол в каково дело, а того поискав своим князем, а того своим судьям опчим не судити». Дело — конфликт, тяжба, проступок, — в какое «вошел» боярин или слуга, разбирается князем, которому он служит, а не «вопчим» (смесным) судом, т. е. князь имеет полную власть судить своего боярина. Боярин подсуден своему князю. «А кто служит нам или тобе, а живет в нашеи вотчине, в великом княженьи, или в твоеи вотчине во Тфери, и на тых нам взяти дань, как и на своих, по целованью, без хитрости». Бояре платят дань по месту жительства, а не по службе. Этому соответствует и клаузула «а судом и данью потянути по земле и по воде», т. е. именно по месту жительства.

Как и в докончании с Владимиром Серпуховским, предусматривается смесный боярский суд по спорным между князьями вопросам: «Съедутся бояре наши на рубеже, да межи нас поговорят». Смесный боярский суд может перерасти в третейский: «А не оуговорятся, ини едут на третии, на князя на великого на Ольга. На кого помолвит, виноватыи перед правым поклонитися, а взятое отъдастъ». Третейский суд Олега Рязанского является высшей судебной инстанцией в спорах великих князей. Его решение носит окончательный характер. «А чьи судьи на третии не поедут или на кого третии помолвит, ан взятого не отдаст, то правому отнятии, а то ему не в-ызмену».

Такое большое значение третейского суда может объясняться либо традицией, впервые письменно зафиксированной, либо привходящими обстоятельствами — стремлением привлечь Олега Рязанского к союзу московских и тверских князей. Во всяком случае, эта статья свидетельствует о наличии (или попытке создания) определенных межкняжеских связей, что имеет весьма актуальное значение в деле создания общерусского антиордынского и антилитовского союзов.

«Вопчий» боярский суд в межкняжеских спорах предусматривается и другой статьей: «Всему обидному... межи нас суд вопчии от первого нашего целованья, от Положенья вериг святого апостола Петра». «Суд вопчии» разбирает обидные дела, возникшие после этого «первого целования» (16 сентября, сразу после окончания войны с Тверью). Здесь также предусматривается процедура третейского суда с приглашением Олега Рязанского. При этом подчеркивается авторитет «вопчего» боярского суда: «А нам, князем, в суд вопчии не вступатися, ведают то те, на ком есме положили».

Докончание с Тверью имеет особое значение, оно устанавливает иерархическую связь между двумя великими княжениями. Оно является не только мирным, но и союзным договором, оборонительным и наступательным, направленным против двух главных врагов — Орды и Литвы, и, в принципе, гарантирует безопасность всех русских княжеств. Докончание подчеркивает особое значение бояр как главных фигур на службе великого князя и гарантирует их права. Самое главное — докончание может рассматриваться как этап создания общерусского союза князей во главе с великим князем Московско-Владимирским.

Таким образом, во второй половине 70-х гг. XIV в. впервые после монгольского нашествия фактически сложился общерусский союз князей — принципиально новая военно-политическая организация, означавшая новый этап в развитии системы обороны Русской земли. Победа на Куликовом поле — главный результат деятельности этого союза и в то же время высшая кульминационная точка его исторической траектории.

Поход Тохтамыша 1382 г. показал всю непрочность общерусского княжеского союза. Первоначальный замысел великого князя Дмитрия не допустить Тохтамыша на Русскую землю, нанеся ему встречный удар, реализовать не удалось: в князьях «обретеся разность не хотяху помогати... бывшу же промеж ими неодиначьству и неимоверьству».[1] Для организации отпора Тохтамышу, для спасения Русской земли от вторжения оказалось недостаточно договорных (в сущности, добровольных) отношений между князьями. Катастрофа 1382 г. создала новую военно-политическую ситуацию, ослабив реальный авторитет великого князя Московского и заставив его отказаться — в данных условиях — от постановки задач общерусского масштаба. Кругозор великокняжеской политики вынужденно сужался.

Договор великого князя Дмитрия с Олегом Рязанским, который Л. В. Черепнин относит к 1382 г. (вероятно, правильно),[2] в отличие от московско-тверского договора, не содержит развернутых положений о боярской службе. Положение о военном союзе сформулировано в самом общем виде «одиначества», без конкретизации взаимных обязательств «всести на конь», «посылати своих воевод» и т. п. Предусмат-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 207

[2] ДДГ. № 10. С. 29–33; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 54–58.

ривается союз против Орды и Литвы, но не дается никаких гарантий защиты русских княжеств. Идея общерусского княжеского союза утрачена. С точки зрения этой идеи, договор с Рязанью — шаг назад.

Составлению нового докончания между великим князем Дмитрием и Владимиром Серпуховским[1] предшествовал серьезный конфликт между ними. По данным Московской летописи, 18 января 1389 г. (6896 г.) в Дмитрове родился сын князя Владимира Андреевича Ярослав, получивший при крещении имя Афанасий.[2] «Тогда же розмирье бысть великому князю Дмитрию Ивановичу со князем Володимером Андреевичемъ, и поимани быша бояре стареишии княжи Володимеровы, и разведены вси разно по городом и седеша вси в нятьи у приставов». За полвека после кончины основателя Московского дома это было первое «розмирье» между Калитичами. Причины его источники не раскрывают. По мнению Л. В. Черепнина, этой причиной было то, что великий князь Дмитрий отнял у Владимира Серпуховского Галич и Дмитров. Это мнение весьма правдоподобно. Но для нас в данном случае важен не повод, а сам факт этого конфликта и его исход. «Розмирье» продолжалось недолго. Уже в марте, на Благовещение, великий князь Дмитрий «взя мир и прощенье и любовь с князем Володимером Андреевичем». Важно также, что при «розмирье» сам князь Владимир никаким репрессиям, по-видимому, не подвергался, и ему не пришлось бежать из своего княжества. Ответчиками за своего князя стали его «бояре старейшие». Осознание общих задач и интересов, стремление к единству перед лицом внешнего врага оказались сильнее, чем взаимное недовольство, — московский княжеский союз выдержал испытание на прочность.

По благословению митрополита Пимена великий князь Дмитрий «приял в любовь брата своего молодшего и своего сына» князя Владимира Андреевича. Эта формула встречалась еще в договоре 1374–1375 гг., текст которого плохо сохранился.

Новая иерархия определяет место Владимира Андреевича на одном уровне с князем Юрием Дмитриевичем и окончательно закрепляет великое княжение за потомками Дмитрия Донского, т. е. только за одной линией Калитичей. Эта формула теперь распространяется и на всех детей великого князя Дмитрия.

---

[1] ДДГ. № 11. С. 30–33; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 39–45.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 214.

Как и в первом договоре с великим князем, Владимир Серпуховский должен «служити без ослушанья». Договор включает старые статьи: «О друге — недруге», «О добре и лисе», «Не канчивати ни с кем» — это теперь уже устоявшиеся формулы военно-политического союза Калитичей. Устоявшаяся формула и о правах бояр и вольных слуг на отъезд и гарантия их вотчинных прав при проживании в чужом уделе — «их блюсти, как и своих, и дань на них взяти, как на своих». «А нам ли взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогды ти взяти на своих то же по кормленью и по путем».

Как видно было из предыдущего докончания, дань на боярах — мероприятие не повседневное. В новом докончании впервые появляется деление великокняжеских бояр на «больших» и «путных». Этому соответствует взятие дани князем Владимиром Серпуховским на своих боярах «по кормленью» и «по путем». Видимо, «бояре путные» заведуют «путями» — отраслями княжеского хозяйства, а «большие» держат кормления, т. е. выступают в качестве наместников и волостелей. Деление бояр прослеживается еще в первом договоре с Владимиром Серпуховским: они делятся на тех, кому ехать в поход и кому оставаться, — это делается «по згадце» между князьями. Теперь появляются термины, обозначающие специфику — дифференциацию бояр.

Статья, посвященная военной службе, в основе традиционна. Однако она предусматривает два варианта: «А коли ми будет послати на рать своих воевод, а твоих бояр кто имеет жити в моем уделе и в великом княжении, и тем поехати с моими воеводами, а моим... с твоими...». Как верно отметил Л. В. Черепнин, это означает военную реформу — введение территориального принципа мобилизации служилого ополчения. Такая система ускоряла и упрощала мобилизацию, но ослабляла связи между боярами и их князем. Естественно, это было чувствительно для бояр Владимира Серпуховского — великокняжеские бояре, жившие в Серпуховском княжестве, в любом случае оказывались под начальством великого князя, возглавлявшего военную организацию. В целом реформа ослабляла военные силы удельного князя, но для организации обороны страны была полезной. Насколько важна быстрая мобилизация, показывают события, связанные с первым походом Ольгерда на Москву (1368 г.). «А нам ли будет самому всести на конь, а тобе со мною или ти куды пошлю, и твои бояре с тобою». По этому варианту бояре идут в поход со своим князем — по старому принципу формирования княжеских полков. Таким образом, территориальный

принцип вводился лишь для случая, когда сам удельный князь в поход не шел. А если он шел, то с ним шел и его полк во главе с его боярами, вероятно, наместниками — кормленщиками. Но это полк не территориальный, составленный по старому принципу вассально-служебных отношений. «А Московская рать, хто ходил с воеводами, те и нонеча с воеводами. А нам их не принимати». Впервые фиксируется особое положение Московской рати. Она идет со своими воеводами. Надо полагать, что воеводы заменили тысяцкого, о котором говорилось в договоре Калитичей. Особое положение москвичей, идущих в поход, оговорено условием: «нам их не принимати», т. е. они знали только своих воевод, а с князьями не шли.

Но кто такие эти воеводы? Ответ на этот вопрос дает докончание нового великого князя Василия Дмитриевича, заключенное через несколько месяцев после разбираемого нами документа, с тем же серпуховским князем: «А московская рать ходит с моим воеводою, как и преже сего».[1] Таким образом, Московскую рать возглавлял воевода великого князя, и это уже не новость — это уже традиция. По словам великокняжеской летописи, последний тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов скончался в сентябре 1375 г. «в чернецах и в схиме».[2] Следовательно, после этого в походах москвичей их возглавлял уже не тысяцкий, а воевода великого князя.

«А гости, и суконники, и городские люди, а в службу их не принимати». Это особая защита некоторых категорий городского населения — верхушки купечества. Их не надо принимать в службу, подчинять своим частным интересам, а «блюсти с одиного» как целое, представляющее общий интерес. Подлежали ли они мобилизации в составе Московской рати? Позднее известие (1469 г.) подчеркивает, что великий князь Иван Васильевич пошел в поход на Казань в составе Московского полка «сурожан и суконников, и прочих всех москвичей». Ходили ли они до этого в походы?

Как и в договорах 1367 и 1375 гг., действует боярский смесный суд — коллегия по решению споров между князьями. Сохраняется и третейский суд. Решение боярской коллегии не может быть оспорено: «Бояром вины нет». Вспоминается прощальное обращение Дмитрия Донского к боярам в летописной повести «О житии и преставлении

[1] ДДГ. № 13. С. 39.
[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 189.

великого князя Дмитрия Ивановича»: «Вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей».[1]

Логическим и историческим продолжением, своего рода итогом развития московского княжеского союза времени Дмитрия Донского служит докончание великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским, заключенное через несколько месяцев после вокняжения Василия.[2] Новое великокняжение началось с «розмирья»: «И поиде князь Володимер с сыном своим... и с бояры старейшими в свой град Серпухов и оттуду в Торжек, и тамо пребысть неколико время... донде же умиришася... Зимы же тоя по крещении смирися князь великий... с князем Володимером Андреевичем и дасть ему к его отчине Волок да Ржеву».[3]

Л. В. Черепнин с достаточным основанием полагает, что «причиной ссоры служил все тот же вопрос о Галиче и Дмитрове».[4] Любопытно, что на этот раз князь Владимир не стал ждать «поимания» своих «бояр старейших», а сразу же уехал из Москвы вместе с ними. По-видимому, как и в предыдущем случае, «розмирье» обошлось без крови. Во всяком случае, как и тогда, оно длилось недолго и закончилась новым докончанием. В основу этого докончания положен предыдущий договор, заключенный всего за несколько месяцев до того. Однако введены некоторые довольно важные изменения. Это, прежде всего, новая иерархия князей. Великий князь теперь не «отец» удельного князя, а только «брат старейший», что несколько смягчает зависимость князя Владимира. Он теперь «держал» великого князя только «честно», а не «честно и грозно». Исчез термин «служба» удельного князя. Формула «добра хотети» теперь уточнена: «в Орде и на Руси». Уточнен тезис о боярской службе с удела — о территориальном принципе теперь не говорится, т. е. бояре идут с воеводами своего князя. Полностью восстановлен старый удельный принцип формирования служилого ополчения.

Самое главное нововведение — формула о городской осаде. Теперь связь бояр со своим князем в походе сохраняется либо непосредственно, если он идет в поход сам, либо через его воеводу, который идет в

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 216.
[2] ДДГ. № 13. С. 36–39.
[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 218.
[4] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 63–67.

поход под воеводой великого князя. Удельно-княжеский полк, таким образом, сохраняется как целое. Это нововведение, вернее возвращение к старому, отмененному только что порядку, может свидетельствовать о большом внимании, которое договаривающиеся князья с полным основанием уделяли вопросам формирования служилого ополчения — новой ударной силы русского войска.

Наиболее важное нововведение касается городской осады. «Оже ми, брато, самому сести в городе, а тебя ми послати из города, и тебе оставити своя княгине и свои дети, и свои бояре. А будет ми тобе оставити в городе, а самому ехати ми из города, и мне, брате, оставити своя мати и свою братью молодшую и свои бояре». Параграф о городской осаде — результат обобщения и осмысления реального исторического опыта борьбы с нашествиями Ольгерда и Тохтамыша. Впервые заранее предусматриваются меры по организации обороны Москвы и разделение функций князей. Семьи князей, остающиеся в Москве, — как бы заложники, гарантирующие упорную оборону города, не помышляя о сдаче, так как трагедия Тохтамышева нашествия не должна повториться. Вместе с тем, предусматривается создание полевой рати, способной действовать против неприятеля вне стен Москвы.

Новое докончание повторяет теперь уже традиционные статьи о боярском суде и гарантии боярских прав. Новым является точное определение: «А коли нам взяти на своих боярех на путных, и тобе взяти на своих боярех на десяти». Тенденция к дифференциации бояр, начавшаяся ранее, приобретает более конкретные черты. «Путные» бояре — особая категория бояр; у великого князя их, по-видимому, десять. Они подлежат особому обложению, и князь Владимир должен также взять дань с десяти своих бояр (которые не названы путными). Дифференциация боярских функций отражает процесс развития аппарата управления.

Межкняжеские докончания XIV в. явственно делятся на две группы: договоры между князьями Московского дома и договоры великих князей Московских с другими великими князьями — тверскими и рязанскими. Соответственно вырисовываются два княжеских союза — московский и общерусский. Попытка создания общерусского союза князей во главе с великим князем Московским в 70-х гг. XIV в. поначалу имела успех. Но этот общерусский союз не выдержал тяжелых испытаний борьбы с Ордой в начале 80-х гг. и фактически распался. Союз князей Московского дома, напротив, в рамках рассматриваемого времени оказался

долговечным и эффективным. Формуляр докончаний московских князей между собой выработал свою традицию, постепенно обогащаясь новыми элементами, но сохраняя незыблемой первоначальную основу «старейшинства» и «одиначества».

Наиболее последовательная тенденция в развитии военной конвенции московских князей — усиление и уточнение роли великого князя как руководителя всем делом обороны при сохранении относительной самостоятельности младшего князя и целостности его полка. Другая важнейшая черта военных конвенций московских князей — внимание, уделяемое боярству и его службе.

Были ли эффективны военные статьи межкняжеских договоров XIV в.? На этот вопрос следует дать положительный ответ. Военная организация московского союза князей соответствовала реальной политической действительности. Эта организация выдержала тяжелые испытания и сыграла важнейшую роль в войнах XIV в.

Три похода Ольгерда*

Походы Ольгерда против великого князя Дмитрия входят в сложный конгломерат политических отношений конца 60-х — начала 70-х гг. XIV в.[1] В политическую борьбу были втянуты Москва и Тверь, Новгород и Орда, Рязань и Смоленск, но основным стержнем были московско-тверские отношения. Ольгерд выступал в качестве союзника великого князя Михаила Тверского — походы Ольгерда были эпизодами в ожесточенной борьбе за великое княжение Владимирское между двумя основными претендентами — Михаилом Тверским и Дмитрием Московским. Эти походы должны, по-видимому, рассматриваться на этом этапе не как акт целенаправленного наступления Литвы на Русь, а как составная часть московско-тверского соперничества.

---

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г* Три похода Ольгерда // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 25–34.

[1] См., напр.: *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 206–208; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 562–575.

Известия о походах Ольгерда дошли в двух основных вариантах. Краткий вариант читается в Новгородской IV летописи (Новг. IV). Пространный — в Рогожском летописце (Рог.), Тверском сборнике,[1] Ермолинском (Ерм.),[2] Типографском (Тип.),[3] Московском своде (Моск. св.),[4] Спасо-Прилуцкой (Прил.) и Уваровской (Увар.) летописи,[5] а также Никоновской летописи (Никон.).[6]

Пространный вариант, в свою очередь, включает тверскую редакцию с антимосковской тенденцией (Рог.) и московскую (в большинстве других летописей). В изложении фактического хода событий рассказы пространного варианта весьма близки друг другу, расходясь только в деталях. Можно предположить, что в их основе — один источник, подвергшийся последовательно тверской и московской обработке. Краткий вариант рассказа в Новг. IV включает два эпизода — поход 1368 г. и поход 1372 г. Оба эпизода изложены лапидарно, без деталей. Наиболее полное изложение содержится в Московской великокняжеской летописи[7] и близких к ней Прил. и Увар.[8]

Рассказ о походе 1368 г. начинается с того, что обиженный великим князем Дмитрием князь Михаил Тверской «бежа в Литву к великому князю Олгерду, зятю своему, бе бо за ним сестра родная князя Михаилова, и жаловашеся ему на великого князя Дмитрея, и просяше у него помощи собе и оборони, паче же самого подшаше ити к Москве ратью, и сестру свою научал глаголити ему. Послушав же его Олгерд и собра силу многу и поиде к Москве в силе тяжца <...> а с ним брат его Кестутай с сыном Витовтом и сынове Олгердовы, и вси князи Литовскии, и князь Михаило Тферьски и Смоленская сила, ведаше же их с собою, а не видеша нихта камо идяше». Таким образом, инициатором и вдохновителем литовского нашествия был тверской князь — он не только уговорил Ольгерда напасть на Русскую землю вместе со всеми литовскими князьями, но и сам присоединился к походу.

---

[1] Рогожский летописец. Тверской сборник//ПСРЛ. Т. 15. Пг., 1922.
[2] ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910.
[3] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.
[4] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.
[5] ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963.
[6] ПСРЛ. Т. 9–14. СПб., 1862–1910.
[7] Там же. Т. 25. С. 184–189.
[8] Там же. Т. 28. С. 75–77, 237–239.

Далее идет выразительная характеристика Ольгерда: «Бе бо обычай его таков: когда ни поидяше на воину, то не ведаше мысли его никто же камо идет же творяши того ради, да не будет весть земли тои, на ню же идяшо, и таковою казнью многы грады и земли поима и повоева не токмо силою, но и злохитрством сим». Из этой характеристики вытекает, что Ольгерд соблюдал основные принципы военного искусства — соблюдение тайны и внезапность нападения на противника. Тактика внезапного нападения была успешно применена и на этот раз: «...не ведущу <...> великому князю Дмитрею Ивановичю о иже идет на него Олгерд со многое силою, донели же прииде близ к рубежу, и тогда бысть весть великому князю Дмитрею». Только когда Дмитрий «нача рассылати граматы по всем градам своим, веля быти к собе всем воем своим».[1]

Известие о рассылке грамот по городам заслуживает внимания. Его нет ни в Прил., ни в Увар., но есть в Никон. — вторичной по отношению к Моск. св. Это едва ли не первое упоминание о мобилизации по грамотам, а не устным распоряжениям. Но было уже поздно: «...близ бо уже пришедшю Олгирду. А воины Дмитрия, которые не успеша от далних мест, но елицу близ его обретошася сих отпусти в заставу противу Олгерду, еже есть сторожевый полк».

Стратегический эффект внезапного нападения был полностью достигнут. Военное руководство Москвы оказалось далеко не на высоте. Не было ни стратегического предвидения, ни тактической разведки, ни, по-видимому, элементарной охраны рубежа. Мобилизацию провести не удалось — ее заменила импровизация. Великий князь распоряжался только воинами, оказавшимися около него. Они должны были прикрывать дальнейший сбор сил и подготовку к обороне. «Застава» здесь приравнена, как видим, к Сторожевому полку, который играл роль авангарда. Воеводой был поставлен Дмитрий Минин, «а от князя Володимера Андреевича воевода бе Окинф Федорович, нарицаемый Шуба». В состав Сторожевого полка вошли москвичи, коломенцы и дмитровцы. Это, надо полагать, служилые люди, а не земские ополчения. Обращает на себя внимание, что рядом с людьми великого князя Дмитрия идут люди князя Владимира Серпуховского — его двоюродного брата и единственного союзника.[2] Застава, конечно, не

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 184.

[2] Докончание великого князя Дмитрия с князем Владимиром Андреевичем. 1367 г. //Духовные и Договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Сост. Л. В. Черепнин. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1950. С. 19–21.

успела выйти к рубежу. Ольгерд «начат <...> жещи и грабити, и люди сещи». Ольгерд шел вперед, уничтожая отряды местных князей. Так, в Холме был убит князь Семен Дмитриевич Стародубский-Крапива, а в Оболенске — князь Константин Юрьевич Оболенский. Не имея единого общего руководства, силы русских князей разбивались поодиночке. Сторожевой полк — «застава» — встретил Ольгерда на р. Тростне (левый приток верхнего течения р. Нары), примерно в 60 верстах от Москвы. По данным Моск. св., сражение произошло «месяца декабря 21, во вторник». (Это явная ошибка. В 1368 г. вторник приходился на 21 ноября, а не декабря.)[1] Ольгерд «изби <...> заставу Московскую, и уби ту Дмитрия Минина и Акинфа Шубу и иных многих». Наскоро сколоченный Сторожевой полк был, по-видимому, разбит наголову.

Ольгерд понимал, что «застава», им разбитая, — сравнительно небольшая часть русского войска, и стал допрашивать пленных, «где есть князь великий с силою своею». Пленные единодушно («яко едиными усты») отвечали: «Князь великий в граде своем Москве, а рати не успели к нему собратися». Теперь Ольгерд мог не опасаться встречи с главными силами русских. Он «начат подвижнее бытии и большее дерзновение приим и напрасно устремися к Москве и пришед ста около града». От Тростны до Москвы он мог дойти за три дня, т. е. появиться около города примерно 24–25 ноября. Но город успел подготовиться к обороне. «Посад <...> пожжен бысть примету деле», т. е. во избежание использования посадских строений в качестве «примета» для штурма городских стен. Это бедствие означало, что посадские люди — торгово-ремесленное население столицы — должны были переселиться со своим скарбом внутрь Кремля. «Князь великий Дмитрий Иванович и князь Володимер Андреевич и Алексий митрополит в граде затворишася, с ними же бояре их вси прилучившися тогда с ними и вси християне». Перед глазами Ольгерда открылся белокаменный Кремль, только за год до этого построенный по распоряжению великого князя Дмитрия.[2] Ольгерд не решился на штурм каменной твердыни. «Стояв же у града 3 дни и 3 нощи отъиде прочь, не успев граду ничто же, но остаток посада пожже и манастыри, и церкви, и власти (волости. — *Ю. А.*), и села попали, а християне ис-

[1] Верную дату дает Никон., см.: ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 11.

[2] Там же. С. 7.

сече, а иные в полон поведе, иже не успели разбежатися, именья же их builtграби, и много зла сотворив възвратися в землю свою».

Итак, страна была разорена на сотни верст в глубину от литовского рубежа. Летописец подвел итог: «Се же първые зло Москве от Литвы сътворися от Федорчукавой бо рати, татарские в 40 и в едино лето таково ино не быве от ничто же».

Первый поход Ольгерда не имел стратегических результатов, но ознаменовался неслыханным за два поколения разорением Русской земли — ее части, прилегающей к Москве с запада и юго-запада. Это было бесспорным успехом Ольгерда и тяжелым поражением великого князя Дмитрия. Военная система великого княжества Московского показала свою несостоятельность. Врага, вторгшегося в глубь страны, не удалось ни остановить, ни обратить в бегство — он спокойно уехал, уводя с собой полон и награбленное имущество. Никакой рациональной организации командования не существовало. Фактически страна оказалась беззащитной.

Но на этом мрачном фоне есть одно светлое пятно. Кремль сыграл роль неприступной для врага цитадели, укрыв в своих стенах и все руководство страны, и массу городского и пригородного люда. Своевременная постройка белокаменной крепости спасла страну от еще более тяжких бед и была мудрейшей мерой великокняжеской власти в деле обороны страны. Стратегия чисто пассивной обороны, которой, если можно так выразиться, придерживалось московское руководство (фактически оно, по-видимому, вообще не управляло войсками), оказалась возможной благодаря кремлевской твердыне.

Несмотря на отсутствие серьезных политических и стратегических результатов, поход Ольгерда фактически стал «первой Литовщиной» — первым нападением на Русь грозного западного соседа. Успешность и безнаказанность этого нападения грозила новыми бедами.

Конфликт Москвы с Тверью разгорался. В 1370 г. князь «Михайло Тферской снова прибег в Литву» и снова «нача намолвливати великого князя Олгерда <...> дабы метил его от великого князя Московского».

Ободренный предыдущим успехом, Ольгерд «послаша князя Михаила и поиде в другие про нево к Москве». Снова он пошел «с силою многою, с ним же брат его Кестут, и вси князи Литовские, и князь Святослав Смоленский с силою смоленскою, и князь Михайло с Тверичи». На этот раз удар наносился с северо-западного направления. «Прииде же Ольгерд с всеми силами к Волоку и ста около городка».

Но «на мосту у града стояще князь Василий Иванович Березейский». При обороне города он был смертельно ранен, но «Ольгерд не успев граду Волоку ничто же поиде от него к Москве и ста около Москвы декабря 6 на Николин день. А князь великий Дмитрий Иванович затворился в граде». Первый акт похода был неудачен — Волок взять не удалось. Но дальше, казалось, все пойдет по-старому. Великий князь заперся в Кремле, страна безначальна и беззащитна. Но нет. «Князь Володимер Андреевич с силой собравшееся стояше в Перемышле ополчившееся. Ту же прииде к нему князь Володимер Дмитриевич Проньский, с ним же рать Рязанская».[1]

Это была совершенно новая, неожиданная для Ольгерда стратегическая ситуация. В 3–4 переходах на его правом фланге сосредоточивались русские войска, угрожая его тылу, московские и рязанские, во главе со своими князьями (т. е. полновластными командующими, а не воеводами, как на Тростне). А он, как прежде, стоял, упершись в неприступную для него белокаменную твердыню. Ольгерд сумел быстро оценить всю опасность — ведь он оказался почти в ловушке своего положения. Неудивительно, что он «убояся и начав миру просити. Князь же великий Дмитрий взя с ним мир до Петрова дня» (т. е. перемирие на полгода до 29 июня), хотя Ольгерд просил «вечного мира». Теперь он был просителем, и условия диктовал московский великий князь. И Ольгерд по необходимости «смирився и тако поиде от Москвы в свою землю».

Положение Ольгерда было действительно весьма скверным (и может быть сравнимо с положением Наполеона после сражения под Малоярославцем, когда он понял, что ему пришел конец). Неудивительно, что, простояв под Москвой 8 дней (в условиях нарастающей опасности), «идяше с многим опасением, бояся за собою погони». Впрочем, это не помешало ему захватить полон.[2]

Так закончился второй поход выдающегося литовского полководца.

Сравнение двух походов весьма поучительно.

Ольгерд остался Ольгердом, сторонником наступательной стратегии удара крупными силами по центру вражеской страны. Но его противник словно переродился. Никакой внезапности достичь не удалось, на направлении своего удара Ольгерд встретил твердую оборону и фактически проиграл бой под Волоком. Но самое главное — на мос-

[1] Перемышль расположен на р. Моче, притоке Павры.

[2] ПСРЛ. Т. 25. С. 186.

ковском направлении его ожидала не пассивная оборона, а контрманевр полевой армии, нацеленный на его фланг и тыл. Москву защищали ее стены и гарнизоны, а полевая армия должна была нанести удар по противнику, подошедшему к столице. Между крепостью и полевыми войсками было фактически достигнуто взаимодействие на оперативном уровне.

Такого взаимодействия на Руси удалось достичь впервые.

За полтора века до этого, в трагическом для нашей страны 1238 г великий князь Юрий Всеволодович оставил свою столицу, надеясь на ее гарнизоны и укрепления. И помчался собирать войска в далеком Заволжье. Если у великого князя была надежда, что Владимир продержится до подхода вновь собранных войск, то это была страшная ошибка. Столица не была готова к обороне и не выдержала удара противника, вновь набранное войско было уничтожено в бою. Никакого взаимодействия крепости-столицы с войсками полевой армии достигнуть не удалось, да по состоянию военной системы того времени и не могло удаться. План Юрия Всеволодовича (если у него был такой план) был принципиально неверен. Элементарный расчет показывает, что набранные за Волгой войска могли появиться в районе Владимира не ранее, чем к концу марта. Значит, столица должна была выдержать двухмесячную осаду со стороны мощного противника, на что не было никаких шансов.

Теперь, во втором зимнем походе Ольгерда, это удалось полностью. Грозный завоеватель поспешно отступил от русской столицы, и это был первый несомненный и крупный успех молодого московского великого князя и его верного серпуховского союзника. Можно сказать, что в военном искусстве Руси открывалась новая страница.

Весной 1372 (6881) г. начался новый этап московско-тверской борьбы. «По Велице дни в Фомину неделю князь Михайло Тферьскы подвел рать Литовскую в таю, князя Кестутыя с сыном Витовтом, князя Андрея Полоцкого, князя Дмитрия Друтьского, и иных князей Литовских, и с ними Литва, Ляхи, Жемать. И приидоша изгоном без вести в среду на Фомине неделю (7 апреля. — *Ю. А.*), как обедню отпевают, к граду к Переславлю, и посад около города и церкви и села пожгоша, город же не взяша, а бояр и людей множество полониша, а иных побиша, и имение их пограбиша и отъидоша с великою корыстью».[1] Все

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 185–186.

вокруг было разорено, но город устоял, и это было главное. Сказалась предусмотрительность великого князя Дмитрия: согласно Никон., он в 1369 г. «заложил град Переяславль единого лета срублен бысть».[1] «А князь Михайло Тферьскы с своею ратью в то время шед, град Дмитров пограби, посад и села пожже, а бояр и людей многое множество и с женами и з детьми в Тферь сведе, а з города окуп взя. И оттоле, совокупясь все рати вместе, Литовская и Тферская, и поидоша к Кашину, и сотвориша ему тако же, яко Дмитрову и Переяславлю, а з города окуп взяша».[2]

Перед нами — факт большого наступления Михаила Тверского и его союзников. Удар наносится внезапно («таи») по городам севернее Москвы. Союзники действуют в двух направлениях, атакуя одновременно два русских (московских) города. На расстоянии примерно 90 верст друг от друга. Затем литовско-тверское наступление повернуло на север для решения собственно тверских вопросов. Был наказан Кашин за неповиновение Михаилу Александровичу. За то же прегрешение наказывались и новгородские волости. 31 мая тверская рать подошла к Торжку и подвергла его полному разгрому: «...еже и от поганых Татар такого не бывало ему, и многы множество товара взя и корысть бесчислену приобрет и полон поведе и тако отъиде в Тферь».[3] Сочувствующий Михаилу Тверскому автор Рог. видит в разгроме Торжка кару Божию. «Си же вся казни наводит Бог на нас <...> Вижьте яко ничтоже от человек возможно против Божией помощи».[4]

Во всех этих боевых действиях Ольгерд непосредственно не участвовал. Не участвовали и войска великого князя Дмитрия — они не выступили на защиту Переяславля и Дмитрова. Можно предполагать, что великий князь Дмитрий рассматривал нападение Михаила Тверского на города севернее Москвы как маневр с целью отвлечь внимание от главного направления, на котором ожидалось наступление самого Ольгерда. И действительно: «Того же лета <...> Олгерд собрав вое многи и в силе тяжце подвижеся, а в думе со князем Михаилом Тферьским со единого и поиде ратью к Москве. Тогда же и князь Михайло с Тферичи поиде ратью, и совокупившеся под Любутьском с

[1] Там же. Т. 11. С. 12.
[2] Там же. Т. 25. С. 187–188.
[3] Там же. С. 188.
[4] Там же. Т. 15. С. 102–103.

князем велики Олгердом месяца июня 12». «Слышав же то, князь великы Дмитрей Иванович и събрав силу многу и поиде с Москвы ратью противу их, и сретошася близ града Любутьска. И первая ту прихода изгониша Москвичи сторожевой полк Литовской и биша их. А сам князь великий Олгерд беже за враг. И сташа противу собе обе рати въоружися. А промеж их враг крут, и глубок зело, яко не лзе бяше полком толь борзо снятися на бои. И стояша ту неколико дни, и вземше мир межи себе разидошася разно».

На этот раз московское командование оказалось на высоте положения. Оно сумело разгадать стратегический замысел противника и намерение нанести удар по столице с южного направления. Своевременно главные силы русских войск были выдвинуты для встречи противника на рубеже, не давая ему возможности вторгнуться в глубь Русской земли и подвергнуть ее опустошению, как в первые два похода Ольгерда. Стратегия великого князя Дмитрия изменилась коренным образом. Он не стал ждать появления противника у стен Кремля, а сам пошел ему навстречу для боя в открытом поле. Оборонительная стратегия сменилась наступательной — целью похода к Любутску могло быть не только поражение противника в бою, но и защита страны от вторжения и разорения. Это новый шаг в военном искусстве великого князя Дмитрия, миниатюрная модель будущего похода на Куликово поле.

Само сражение главных сил русских и литовских войск не состоялось. Оно ограничилось боем авангардов, в котором, по нашему источнику, литовцы были разбиты и сам Ольгерд бежал.

По буквальному смыслу летописи, москвичи пришли на литовцев «изгоном», т. е. внезапно, быстрым ударом. Возможно, эта внезапность и была одной из причин разгрома сторожевого полка Ольгерда. Особенности местности — глубокий и крутой овраг — ставили наступающую сторону в трудное положение. Это и было поводом для фактического прекращения боевых действий и начала переговоров о мире. Тверской летописец подчеркивает свою радость по поводу мирного исхода стояния под Любутском: «Христиане вздох издаша к Богу от чиста сердца о миру, даби несотворилося кровопролитие в том месте. Господь же Бог наш услыши молитву их, дасть им мир и избавление от напрасныя смерти».[1]

---

[1] ПСРЛ. Т. 15. С. 103.

Итак, третий поход великого князя Ольгерда закончился полной неудачей. «Неудачный для него бой под Любутском <...> привел к отказу Ольгерда от дальнейших военных действий», — подводит итог похода А. Е. Пресняков.[1]

Стратегический замысел противника был разгадан московским командованием. Широко задуманная литовско-тверская операция с нанесением ударов по разным направлениям ограничилась разорением посадов двух русских городов. Наибольшие потери понес Новгород — его пригород Торжок был безжалостно разорен тверичами. Великокняжеское московское войско не имело никакой возможности предотвратить эту акцию — оно готовилось к отражению главных сил противника на юго-западном направлении.

Подводя итоги трем походам Ольгерда в чистом военном отношении (не касаясь их политической стороны), можно отметить основной факт — развитие системы обороны и военного искусства великого княжества Московского. Переход от пассивной обороны в первом походе к активной обороне во втором и к стратегическому наступлению (контрманевру) в третьем походе — этапы роста военного мастерства будущего победителя на Куликовском поле и вместе с тем — совершенствования военной системы великого княжества Московского.

Наряду с созданием и укреплением межкняжеского союза во главе с Москвой, улучшение военной системы великого княжества Московского в ходе борьбы с Ольгердом — важнейшие моменты подготовки к великому историческому событию — первой попытке свержения ордынского ига.

Две столетние войны*

Один из наиболее серьезных и проницательных исследователей истории военного искусства Николай Петрович Михневич сравнивает Дмитрия Донского с его выдающимся современником — англий-

---

[1] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 208.

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Две столетние войны // История, университет, историк. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 14–25.

ским королем Эдвардом III, победоносно начавшим Столетнюю войну против Франции.[1]

Для такого сравнения есть определенные основания. Если Столетняя война, начатая Эдвардом III, была основным содержанием военной и политической истории Англии своего времени, то борьба с татарским игом, начатая Дмитрием, была на столетие квинтэссенцией истории России. С этой точки зрения, масштабы событий, степень национальной напряженности, размах военных действий действительно могут быть сравнимы.

Однако сразу видна несравнимость целей. Эдвард начал агрессию против страны, которая Англии непосредственно не угрожала. Его целью был захват французской короны — фактически ликвидация независимости Франции.[2]

Дмитрий Донской начал борьбу за само существование своей страны — против ига, тяготевшего над Русью в течение полутора веков. Его целью было спасение Русской земли от национального унижения, от непрерывной угрозы вражеских вторжений и разорения страны.

Существенно отличаются политические условия деятельности обоих полководцев.

Эдвард — глава сильного феодального королевства, с устойчивыми традициями и явными чертами новых буржуазных отношений. Политическая база Дмитрия — межкняжеский союз, сложившийся к середине XIV в. путем договоров князей — наследников Ивана Калиты.

Основа московского княжеского союза:

1. обязательство взаимной военной поддержки;

2. признание руководящей роли старшего из князей по чину, приказу; младшие должны идти в поход;

3. незыблемость прав младших князей на их уделы и их служилых людей, т. е. «суверенность» уделов.

Особенность межкняжеского союза 50-х и начала 60-х гг. XIV в. — его локальный характер. Он был чисто «московский» и не выходил за рамки непосредственных интересов Калитичей. За пределы Московского княжества внимание участников договоров не распространялось.

---

[1] *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898.

[2] *Разин Е. А.* История военного искусства..Т. II. М., 1957. С. 454.

Надо полагать, что эта ограниченность — следствие недостатка сил небольшого Московского княжества для постановки более широких политических и стратегических задач.

С приходом к власти великого князя Дмитрия в начале 60-х гг. происходит существенное развитие княжеского союза. Теперь в сферу его действия включаются не только собственно московские, но и другие русские земли.[1]

Первым серьезным испытанием княжеского союза была борьба с походами на Москву литовского великого князя Ольгерда Гедиминовича, который вмешался в конфликт между Москвой и Тверью на стороне тверского великого князя Михаила Александровича.[2]

Первый поход Ольгерда в 1368 г. закончился полным поражением великого князя Дмитрия. Его войска были разбиты, страна разорена.[3] Военная система оказалась несостоятельной. Отсутствовала разведка политическая, стратегическая и оперативная. Не было боеготовых войск, мобилизация и развертывание носили характер импровизации. Столицу спасли каменные стены, только что возведенные по повелению великого князя Дмитрия.

Второе столкновение с Ольгердом произошло в 1370 г. Ольгерд шел с северо-запада через Волок на Ламе. Под этим городом он встретил упорное сопротивление. «Не успев граду Волоку ничто же», Ольгерд 6 декабря подошел к Москве.

Как и в 1368 г., великий князь Дмитрий «затворися в граде». Но на этот раз двоюродный брат великого князя, князь Владимир Андреевич, стоял с войсками в Перемышле на Оке, южнее Калуги. Сюда же подтягивались союзники — пронские и рязанские полки.

Оперативная обстановка принципиально отличалась от той, которая была при первом походе Ольгерда. За считанные дни войска князя Владимира Андреевича могли выйти во фланги и тыл Ольгерда. Стоя перед неприступной белокаменной твердыней Кремля, литовский великий князь оказывался в чрезвычайно опасном положении. Умный Ольгерд это понял и запросил мира. Получив только переми-

---

[1] Духовные и договорные грамоты удельных и великих князей XIV–XVI вв. / Изд. подг. Л. В. Черепнин. Под ред. С. В. Бахрушина. М.; Л., 1950. № 9.

[2] *Разин Е. А.* История военного искусства. С. 262–266.

[3] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 184–185.

рие, он поспешно отошел от Москвы, «боясь за собой погони».[1] Второй поход Ольгерда закончился его поражением на стратегическом уровне — он проиграл кампанию.

Видно, как за два года улучшилась система обороны Великого княжества Московского. Теперь Ольгерду внезапности достичь не удалось. На наиболее вероятном направлении движения противника была подготовлена оборона, которая сковала его силы и дала время для принятия контрмер. Важнейшая из них — выдвижение полевой армии, не занятой непосредственной обороной столицы и способной выйти во фланг и тыл противника. Так впервые удалось достичь оперативного взаимодействия гарнизона Москвы и полевой армии. Пассивная оборона сменилась активной. Хотя разорения части страны избежать не удалось, победа над врагом была одержана. Политическое и стратегическое руководство великого князя Дмитрия оказалось на должной высоте.

Наиболее крупный поход Ольгерда состоялся в 1373 г. Союзник Ольгерда Михаил Тверской весной напал на Переяславль, Дмитров и Торжок, т. е. города к северу от Москвы. Но главный удар наносился с юго-западного направления. Здесь наступал сам Ольгерд.

12 июля литовские войска и их союзники соединились у Любутска (на Оке между Калугой и Алексином) в 5–6 переходах от Москвы. Но великий князь Дмитрий был готов к отпору. Он «слышав то... собрал силу многу и поиде с Москвы ратью противу их». Перед Любутским оврагом произошел бой авангардов — сторожевых полков: «изгониша Москвичи сторожевой полк Литовский и биша их, а сам великий князь Ольгерд бежа за враг». Обе рати стояли друг против друга по разные стороны глубокого оврага, не решаясь перейти его, и «взямше мир между себе разидошася».[2]

Поход Ольгерда и на этот раз закончился неудачей. Характерно, что план кампании был, видимо, заранее разработан Ольгердом: вспомогательный удар тверичей к северу от Москвы должен был сковать силы Дмитрия Московского и облегчить нанесение главного удара. Но Дмитрий разгадал замысел противника, своевременно определил направление его главного удара и, не дожидаясь подхода противника к Москве, выступил навстречу, не давая врагу возможности разорять

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 186.

[2] Там же. С. 189.

московские земли. Так впервые удалось реально прикрыть территорию Московского княжества. От активной обороны (как во время второго похода Ольгерда) Дмитрий теперь перешел в контрнаступление и этим сорвал замысел противника.

На наших глазах совершенствуется система обороны: налаживается разведка, растет полководческое искусство молодого великого князя.

Борьба Михаила Тверского против Москвы продолжалась. В нее втягивались все силы, недовольные политикой Дмитрия Московского, направленной на усиление великокняжеской власти.

В 1375 г. Михаил Тверской получил из Орды ярлык на великое княжение Владимирское. Это означало крах всей политики московских князей со времен Ивана Калиты.

Реакция Дмитрия последовала незамедлительно. Для борьбы с Михаилом он собрал ополчение русских князей — более 20 княжеских полков встали под знамена великого князя Московского. После двух месяцев осады Твери Михаил вынужден был просить мира, признав первенство своего соперника.[1]

Летняя кампания 1375 г. против Твери — пример операции большого масштаба силами ополчения русских князей. Следует подчеркнуть, что великий князь Дмитрий проявил к побежденному врагу очень умеренные требования. Ему нужно было не унижение Твери, а превращение ее в союзника в борьбе против главного врага — Орды.

Усиление военно-политического значения Москвы и возглавляемого ею союза русских князей приводило к неизбежному обострению отношений с Ордой, которая в это время переживала тяжелый кризис.

К концу 70-х гг. XIV в. фактическим руководителем Орды стал темник (военачальник) Мамай, который ставил своей задачей борьбу против усиливающейся Москвы.

Первое крупное столкновение с Ордой произошло в 1378 г. на р. Воже (правом притоке Оки). По словам русского летописца, правитель Орды Мамай «посла Бегича ратью на великого князя Дмитрия и на всю землю Русскую... Се же слышав князь великий собрав вои многи и поиде противу их». Русские перешли Оку и заняли позицию на р. Воже, где «стояху немного дней».

[1] Там же. С. 190–191.

11 августа, подойдя к реке, татары сходу атаковали русских. Русские нанесли ответный удар: с одной стороны — князь Данило Пронский, с другой — окольничий Тимофей, «а князь великий с воями своими — в лицо». Татары были наголову разбиты и бежали с поля боя, преследуемые русскими до темноты и на следующий день.[1]

Это была блестящая победа — первая победа над грозным врагом, казавшимся непобедимым.

Как видно, Дмитрий имел данные разведки о приближении татар, что дало ему возможность своевременно выйти им навстречу. Позиция была занята заблаговременно и диспозиция хорошо продумана. Противнику была дана возможность начать бой, после чего он был атакован с трех сторон. Это был блестящий тактический успех. Пировать на костях, как бывало в старину, не стали, а энергично преследовали бегущего противника.

Победа на Воже стратегических последствий не имела. Обе стороны готовились к решающей схватке.

Готовясь к походу на Русь, Мамай заключил союз с великим князем Ягайло Литовским. На сторону Мамая перешел рязанский великий князь Олег.

Основу войска Мамая составляла ордынская конница. В дополнение к ней он создал пехоту из генуэзцев и других наемников. Впервые Орда располагала не только своей превосходной конницей, но и хорошо обученной профессиональной пехотой, что значительно усиливало боевую мощь войск Мамая. Численность войска Мамая в точности не известна, но она могла составлять несколько десятков тысяч человек.

Политической опорой великого князя Дмитрия был союз князей, в состав которого входило около 20 князей северо-восточной Руси.

Главной силой было конное служилое ополчение, шедшее со своими князьями, и пешее земское ополчение. Летописные источники приводят фантастические цифры — 150 тыс. человек и больше. При отсутствии документальных источников можно исходить только из предположений, основываясь на ретроспективных данных и общих соображениях. Наибольшее доверие внушают подсчеты Е. А. Разина, определившего численность войска великого князя Дмитрия в походе 1380 г. в 20 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты.[2] Но и эти цифры представ-

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 199–200.

[2] *Разин Е. А.* История военного искусства. С. 271–273.

ляются преувеличенными в 1,5–2 раза (если исходить из реалий конца XV–XVI вв.).

В основе стратегии великого князя Дмитрия лежало стремление не допустить вторжения крупных вражеских сил и тем самым спасти страну от разорения, какие бывали при всех предыдущих нашествиях. Для этого было необходимо перенести войну на территорию противника, т. е. действовать совсем не так, как в прежнее время.

Переход от пассивной обороны к стратегическому наступлению — вот основная идея русского полководца.

Практически это означало выход русской рати за Оку, в сторону Дикого поля — для нанесения удара Мамаю до того, как он соединится с Ягайлом и Олегом.

Со времен Мономаха русская рать предпринимала столь дальний поход впервые. Это было, без сомнения, весьма рискованным предприятием. Для успеха необходимо было:

— иметь точные сведения о расположении и намерениях противника;

— своевременно провести мобилизацию и сосредоточение своих войск;

— своевременно провести марш-маневр для встречи с противником, для чего выбрать наиболее выгодный путь и обеспечить безопасность марша;

— дать сражение до подхода союзников Мамая, т. е. до сосредоточения всех сил противника.

Таким образом, стратегический замысел глубокой наступательной операции требовал соответствующего оперативного обеспечения. Решающую роль играл фактор времени.

Хорошо поставленная разведка — агентурная и войсковая — дала возможность определить, что Мамай и Ягайло хотят соединиться в верховьях Дона, куда подтягивается Орда, опережая своего союзника. Эти сведения позволили уточнить план кампании.

30 августа русская рать перешла Оку близ устья Лопасни. Отсюда до верховьев Дона, места сосредоточения Орды, было примерно 120 верст. На таком же расстоянии от Дона находились Ягайло (западнее русских) и Олег Рязанский. Задача была в том, чтобы выйти к месту нахождения Орды раньше, чем Ягайло и Олег. Великокняжеское войско 5 сентября подошло к месту слияния Непрядвы и Дона, где, по данным разведки, можно было ожидать встречи с татарами. Средний

темп перехода достигал 20–25 км в сутки, что является высоким показателем и свидетельствует о хорошей организации марша.

Управление войсками находилось в руках великого князя. По его инициативе, на военном совете было решено перейти Дон и выйти на Куликово поле — между Доном и Непрядвой. Здесь была намечена позиция для боя. Фланги и тыл русской рати были прикрыты реками, это не давало противнику возможности применить излюбленную татарами тактику обхода и исключало самую мысль о возможности отступления русских войск.[1]

Куликовская битва многократно описывалась в литературе, основанной на летописных источниках. Наиболее квалифицированное описание принадлежит перу Е. А. Разина — профессионального военного историка, лично тщательно изучившего поле сражения. Основным источником для описания хода сражения послужило ему «Сказание о Мамаевом побоище».

Переправившись через Дон 6–7 сентября и уничтожив за собой мосты, русская рать построилась в боевой порядок, расчлененный по фронту и в глубину. Впереди стоял Сторожевой полк, за ним в центре — Большой полк, на флангах — Полки Правой и Левой руки. Позади Полка Левой руки в дубовой роще был расположен тактический резерв — Засадный полк. Основу боевого порядка составляла, по-видимому, пехота.

Сражение началось атакой главных сил ордынцев. Не имея возможности для маневра на узком поле сражения (ок. 5 км в ширину), татары, вопреки своему обыкновению, наносили фронтальный удар. Под их натиском русские полки медленно отступали к Непрядве. Когда противник сильно углубился в боевые порядки русских, Засадный полк во главе с воеводой Дмитрием Боброком и князем Владимиром Серпуховским нанес татарам решительный удар в их правый фланг. Не имея резервов, татары обратились в бегство, преследуемые русской конницей.[2]

Орда Мамая была разбита наголову. Победа на Куликовом поле имела стратегическое значение — кампания 1380 г. была выиграна. Более того, разгром на Куликовом поле означал конец политической власти Мамая — он бежал в Крым и был вскоре убит.

---

[1] Новейшее исследование: *Азбелев С. И.* География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. М., 2003. № 3 (53). С. 4–5.

[2] *Разин Е. А.* История военного искусства. С. 268–291.

Неудивительно, что ни один сюжет средневековой русской истории не оставил такого яркого следа в источниках, как великое сражение на Куликовом поле. Русь впервые поднялась с колен, впервые поверила в свои силы. Ордынскому игу был нанесен первый страшный удар.

Оценивая кампанию 1380 г., можно отметить следующие моменты.

Стратегический замысел великого князя Дмитрия исходил из насущных потребностей Русской земли и опирался на реальную политическую базу — союз князей.

Сосредоточение и развертывание войск, марш-маневр к полю сражения, организация управления войсками соответствовали поставленной стратегической задаче.

Тактическое построение войск на поле сражения отвечало задаче нанесения противнику решительного удара силами тактического резерва в критический момент, что должно было определить и определило исход сражения. Такая постановка тактической задачи представляет аналогию с тактикой Александра Невского в Ледовом побоище.

Один из наиболее авторитетных исследователей военного искусства Средневековой Европы Филипп Контамин считает основными чертами средневековой западноевропейской стратегии:

— боязнь полевых сражений;

— стремление укрыться в укрепленном месте («осадный рефлекс»);

— кампания, доведенная до конца, была исключением, а прерванная — правилом;

— очень медленное продвижение наступающих, упорная оборона атакуемых;

— операции, ограниченные во времени и пространстве;

— борьба за крепости.[1]

Как мы видим, это все очень далеко от стратегии и тактики Дмитрия Донского.

По мнению Н. П. Михневича, лучшими образцами средневекового военного искусства «следует признать Куликовскую битву... и сражение при Креси».

В действиях великого князя Дмитрия Михневич отмечает:

— превосходный боевой порядок с частным и общим резервом;

---

[1] *Контамин Ф.* Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова. Науч. ред., предисл. Ю. П. Малинина. СПб., 2001. С. 235.

— искусное расположение резервов;

— превосходное ведение боя частными начальниками;

— современное введение в действие общего резерва;

— общую контратаку после одержанного успеха;

— преследование разбитого противника прямо с поля сражения.

В целом, по оценке Михневича, Куликовская битва — «один из образцов, редко имевших место во всемирной истории».[1]

В Западной Европе «сражение при Креси считается величайшим образцом военного искусства в конце Средневековья».[2]

Анализируя действия Эдварда III, Михневич отмечает основные моменты:

— опустошение Франции между Сеной и Соммой;

— наступление параллельно с французами в направлении на Фландрию;

— остановку у Креси для принятия боя;

— занятие позиции правым флангом — к неприятелю, левым — к лесу.

Заняв превосходную позицию и выиграв сражение, благодаря прекрасным качествам своего войска, Эдвард не сумел правильно оценить обстановку, т. е. размеров одержанной им победы. Только утром следующего дня была двинута кавалерия для уничтожения французов, еще остававшихся на поле сражения.

Эдвард вел бой слишком осторожно и не закончил его преследованием противника.

Подводя итоги, Михневич приходит к выводу, что «без всякой натяжки можно сказать, что военное искусство Дмитрия Донского несравненно выше, чем у Эдварда III... Можно ли оспаривать, что русское военное искусство в эту эпоху было гораздо выше, чем в Западной Европе?»[3]

К аналогичным выводам приходит и другой выдающийся русский военный историк — Дмитрий Федорович Маславский. Он сам тщательно осматривал Куликово поле[4] и сделал ряд интересных замечаний

[1] *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства... С. 18.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 20.

[4] *Маславский Д. Ф.* Военный сборник. 1881. Август. № 8. С. 228–233; Сентябрь. № 9. С. 27–28.

о построении русского войска в день сражения и о ходе самого боя. Маславский считает, что можно сравнивать Куликовскую битву с классическими битвами при Марафоне и Фарсале. «Как при Марафоне фланги боевого порядка Мильтиада были обеспечены от охвата... так и на Куликовом поле татары, благодаря свойствам местности, вынуждены были вести непривычный им фронтальный бой и не могли развернуть свои превосходные силы для охвата... При Фарсале Помпей был вдвое сильнее Юлия Цезаря, но в обоих случаях успех был решен не численным превосходством, а искусством: шесть резервных когорт... Юлия Цезаря... ударом во фланг и тыл всей неприятельской линии решили победу. Так и во время Куликовского сражения отборный резерв... ударом во фланг и тыл татарам решил бой».[1]

Действия великого князя Дмитрия на походе и в бою могут служить образцом не только в нравственном, но и в стратегическом и тактическом отношениях.[2]

И Маславский, и Михневич основное внимание уделяют вопросам тактики. Но можно продолжить сравнение Дмитрия Донского с Эдвардом III на уровне политики и стратегии.

Столетняя война Англии против Франции, начатая Эдвардом, шла от блестящей победы при Креси до позорного договора в Бордо — полного изгнания англичан из Франции.

«Столетняя война» Руси против Орды, начатая Дмитрием Донским, шла от победы на Куликовом поле до победы на Угре — полного уничтожения ига и гибели кочевой империи Чингизидов.

Стратегия Эдварда в 1346 г. была направлена не на разгром главных сил противника и овладение его столицей (т. е. достижение непосредственной цели войны), а на решение частной задачи — овладение портом Кале как базой будущих операций. Блестящая победа при Креси приводит к ограниченному стратегическому результату — началу длительной обороны Кале.

Кампания князя Дмитрия в 1380 г. направлена на достижение решительного стратегического результата — разгрома главных сил противника и ликвидации опасности вторжения на Русскую землю.

Победа при Креси отнюдь не определила характера и исхода Столетней войны. Только Генрих V, правнук Эдварда III, проявил качества

[1] Там же. № 9. С. 27–28.
[2] Там же. С. 28.

стратега — его победа при Азинкуре в 1415 г. привела фактически к капитуляции Франции. Но эта капитуляция, означавшая (по договору в Труа)[1] объединение Англии и Франции под властью одного короля, со всей ясностью показала несостоятельность политических целей войны. Договор в Труа был предвестником поражения англичан и начала политического кризиса в самой Англии (война Алой и Белой Розы). Даже хорошая стратегия не может спасти плохую политику.

Из Столетней войны Эдварда III Англия вышла обессиленной и деморализованной.

Из «Столетней войны» Дмитрия Донского Русская земля вышла единым мощным государством, пришедшим на смену «союза князей». Это новое государство и решило вековую задачу восстановления национального суверенитета России.

Господин Псков в геостратегической системе во второй половине XV в.*

Говорить о геостратегической системе России возможно только начиная с образования Российского государства, когда на смену прежней княжеской стратегии приходит стратегия государственная. В чем их отличие? Княжеская стратегия направлена, прежде всего, почти исключительно на охрану интересов своего княжества, иногда союзников его, а союз князей — это вещь переменчивая. Стратегическая система государства направлена на защиту интересов всего государ-

---

[1] *Фавье Ж.* Столетняя война. СПб., 2009. С. 440.

* Текст доклада Ю. Г. Алексеева записан К. В. Петровым 17 апреля 2010 г. на кафедре истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Господин Псков в геостратегической системе во второй половине XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сб. трудов Междунар. научн. конф., 19–20 мая 2010 г. / Отв. ред. В. И. Охотникова. Псков, 2011. С. 6–12.

ства, всей России. Вот в этом принципиальное отличие той геостратегической системы, которая сложилась в 60–70-х гг. XV в., от того, что было до этого. Даже если взять стратегию Дмитрия Донского, то и она охватывала интересы не всей Русской земли и не выдержала испытания Куликовской битвой и нашествием Тохтамыша. Она носила все-таки княжеский, а не государственный характер. Теперь, с 60–70-х гг. XV в., все принципиально изменилось, начался новый этап не только в жизни нашего государства, но и в таком проявлении его, как государственная стратегия. «Господин Псков» имеет свои специфические особенности. Псковичи гордятся своей Судной грамотой, и правильно: замечательно интересный памятник. Но и псковские летописи тоже замечательный памятник, который имеет ряд преимуществ перед другими летописями: это самый документальный, самый достоверный летописный памятник. То, что мы знаем о системе обороны Пскова, мы знаем, прежде всего, из псковских летописей.

Мы рассмотрим три основных вопроса. Первое: систему обороны Пскова, которая во второй половине XV в. не отличалась от того, что было раньше, если судить по псковским летописям. Каковы основные черты этой системы? Основа военной системы Пскова — это земское ополчение, которое созывается по постановлению веча. «Поруб» с определенного числа дворов, с которого выставляется ратник, — как правило, с пяти. Но иногда это число колеблется и составляет три двора ввиду крайнего напряжения сил, как, например, в 1480 г. Второе: мобилизация бояр отдельно от рядовых псковичей; бояре тоже приглашаются на службу по решению веча, но с ними делаются соответствующие расчеты. И третий элемент: «охочие люди», «охочий человек». «Охочие люди», в основном, — это беднота, это пехота, которая идет в поход на насадах, на гребных парусных судах, либо пешком; пешая рать во главе со своим назначенным воеводой. Вот три элемента военной системы Пскова: земское ополчение, боярские отряды и «охочий человек», и эта система видна во всех документах конца XV в. без существенных изменений.

Второй вопрос: рассмотрим практическое применение военной системы и Псков в системе обороны Русского государства. Тут рассмотрим два подвопроса: а) Псков под защитой Русского государства и б) Псков на защите Русского государства. Псков под защитой Русского государства — это кампания 1463 г. и кампания 1473 г. Нападение ливонских немцев на Псков в 1463 г. вызвало присылку велико-

княжеских войск для обороны Пскова, и нападение немцев было отражено. В кампании 1473 г. дело до военных действий не дошло, немцы очень рвались напасть на Псков, но не решились. Почему? А потому, что к Пскову была послана, по просьбе псковичей и по решению великого князя, рать, включавшая отряды из почти 22 уездов· если не главная, то, видимо, очень важная часть русского войска. Обстановка была благоприятной, потому что в 1472 г. удалось отразить первое нашествие Ахмата, на южном фронте наступила некоторая временная стабильность, почему и появилась возможность послать большое войско на ливонских немцев. Придя во Псков в конце ноября 1473 г., оно готовилось к походу в Ливонию, но ненастная погода, теплая зима, сопровождавшаяся осенней распутицей, воспрепятствовали походу, и немцы поспешили заключить мир, который действовал в течение семи лет. Таким образом, и тут Русское государство пришло на помощь «Господину Пскову» и защитило его от эвентуальной, очень вероятной агрессии немцев, магистра Вальтера фон Гензе.

А вот теперь интересная вещь: Псков на защите интересов Русского государства. Рассмотрим важнейшее событие: 1480 г. Кампания 1480 г. — одна из самых трудных и сложных в военной истории России, когда пришлось отражать нашествие Ахмата, грозившее смести Великое княжество Московское, т. е. вернуть Русскую землю к временам Батыя. И тут же — мятеж князей, и тут же — нападение Ливонского Ордена. Вот тут-то как раз Псков и выступил в защиту Русской земли. В критический период с января по сентябрь 1480 г. Псков отражал агрессию немцев, Ливонского Ордена под командованием фон дер Борха. Начались нападения на псковский пригород Вышгородок, было послано великокняжеское войско для отражения немцев, но в это время ситуация на Руси резко изменилась: начался мятеж князей, и войско князя Ногтя Оболенского было отозвано обратно, несмотря на просьбы псковичей. Уже начали поход, углубились на территорию Ливонии, но обстановка изменилась, и князь Андрей Оболенский срочно вернулся обратно. Псковичи его упрашивали, они удивлялись, почему он уходит, обещали ему разные «поминки», но ничего не поделаешь — он был отозван на главный театр будущей войны, для того чтобы обезопасить Русь от мятежа князей. С этого времени, с марта по сентябрь 1480 г., Псков был один, предоставлен своим силам, никакой помощи великий князь Пскову не оказал, и Псков оборонялся своими силами от Ливонского Ордена.

Это была труднейшая и, я бы сказал, благороднейшая задача Пскова. Направление главного удара шло с юга — нашествие орды Ахмата, которое, в отличие от предыдущих нашествий, отличалось масштабностью целей и угрожало смести только что родившееся Русское государство. Это было направление главного удара противника, и соответственно направлению главного удара, главные силы русских войск были стянуты к южному рубежу.

Пскову никакой помощи оказано не было, и оказано быть не могло. Псков должен был сам обезопасить себя и северо-западные рубежи России, и он это доблестно сделал. В тяжелом положении оказался Псков, немцы нападали на пригороды Пскова, жгли исады (рыболовные угодья), и самая опасная ситуация сложилась в 20-х числах августа, когда фон дер Борх подошел к Изборску и от него подошел к Пскову. Шесть дней стоял около Пскова, впервые Псков подвергся артиллерийскому обстрелу, и вот тут-то псковичи проявили большое мужество. Псковский князь Василий Шуйский оказался не на высоте и один из посадников тоже оказался совсем не на высоте. А вот псковичи и рядовые горожане выдержали артиллерийский обстрел, а это страшная вещь, тем более с непривычки, впервые на улицах Пскова стали рваться вражеские ядра.

Фон дер Борх предпринял наступление прямо против стен Кремля с помощью брандеров. В 20-х числах августа начался штурм, брандеры подошли к берегу р. Великой, но были отражены псковичами, — один из брандеров был захвачен, атака не удалась. Немцам не удалось закрепиться на правом берегу Великой, и они поспешно отошли. Вот это было мужество псковичей, которые сражались не только за родной город, это была защита России. Псков-то ведь отдельно уже не существует, это часть России; Псков защищает не себя самого, а Русское государство, его северо-западные рубежи. Кампания 1480 г. показала, что Псков — чрезвычайно важное звено в системе обороны Русского государства, в критические месяцы обороны против Ахмата на южном рубеже Псков сыграл свою роль на Северо-Западе. И наградой за это было то, что по просьбе псковичей в январе-феврале 1481 г. была произведена карательная экспедиция против Ордена и его поведения в период «стояния на Угре». По просьбе псковичей было послано войско, и оно вместе с псковичами углубилось в Ливонию; впервые русская осадная артиллерия участвовала в зимнем походе, и чуть не поймали магистра, которому с трудом удалось бежать из Феллина.

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет кампания 1500–1502 гг.: это первая большая Ливонская война. В кампании 1500 г псковские войска принимали участие в составе северной группировки русских войск, которая, по замыслу нашей Ставки, охватывала левое крыло Смоленского плацдарма противника. Кроме этих событий, боев псковичи не вели, но, по данным Псковской летописи, достоверность которой заслуживает самой высокой оценки, в походе участвовали.

Кампания 1501 г. была, по сути, коалиционной войной: против России выступают Литва и Орден, а также союзники Литвы — «Ахматовичи». А союзник у России один, и ненадежный, слабый, неверный — крымский хан Менгли-Гирей. Коалиционная война велась на двух основных направлениях — северо-западном и юго-западном. Направление главного удара — юго-западное, против Литвы, северо-западное направление — вспомогательное, оно прикрывает северный фланг наступления русских войск на Литву. Ливонский Орден вступает в войну в мае 1501 г., несмотря на все старания России избежать конфликта. Псковичи просят присылки сил для защиты Пскова, но до августа месяца из Москвы сил не присылают, надеясь на мирное поведение Ливонии.

Наконец, в августе войска присланы, и начинается поход великокняжеских и псковских войск против Ордена, — поход, к сожалению, неудачный. Наши войска встречаются с немцами на р. Серице и терпят полное поражение; Псковская летопись об этом пишет подробно. Впервые мы встретились с легкой полевой артиллерией противника, гром орудий и дым от них произвели сильное впечатление на наши войска, и они были разбиты. Нанеся тяжелое поражение, немцы вторглись в Псковскую землю, подошли к Изборску, осадили его, бомбардировали, подошли даже к Острову; стремились у Опочки соединиться с литовцами, но это не получилось, поскольку литовские войска были скованы действиями наших главных сил.

Итак, кампания 1501 г. для псковичей началась неудачно, но последовал реванш. В октябре 1501 г. к Пскову были посланы великокняжеские войска, и 24 октября псковское ополчение вместе с великокняжескими войсками само вторглось в Ливонию и под Гельмедом наголову разбило ливонцев. Это была блестящая победа, войска Дерптского епископа потерпели полное поражение, а наши войска, вторгшись далеко в Ливонию, доходили до самого Ревеля и вернулись

благополучно домой. Конечно, были потери, но, тем не менее, это был поход удачный, Ливония была разорена, но не ради кровожадности, а с целью ослабления территории противника, как это делали в то время все. Ведь образ войны был в Средние века примерно одинаков у всех, все вражескую территорию опустошали.

Проанализируем теперь кампанию 1502 г. Магистр Вальтер фон Плеттенберг снова выступает на стороне Польско-литовского государства. Польша и Литва получили единого главу государства — Александра, и вот Ливонский Орден выступает на стороне Польско-литовского государства. Главной целью наших войск было занятие Смоленска, и главные силы были прикованы к Смоленску. На правом фланге, на Ливонском направлении, были опять-таки войска относительно небольшие, что позволило немцам в период с марта по август действовать активно, хотя и небольшими силами, и глубоко на территорию России они не проникали. А вот в августе они предприняли большое наступление. Магистр Вальтер фон Плеттенберг возревновал к лаврам фон дер Борха, подошел к Пскову, хотел взять его штурмом. В отличие от фон дер Борха, Плеттенберг был более осторожен, не стал форсировать Великую, обошел ее и переправился через Великую выше, подойдя к его стенам. И начался штурм, сопровождавшийся обстрелами и пожарами, который, тем не менее, был отбит. Войско немцев стояло под Псковом, и положение стало критическим: у русской пехоты не было огнестрельного оружия, и в этом была ее принципиальная слабость. Но под стенами Пскова появился резерв главного командования, который был заранее приготовлен на случай выступления немцев против Пскова. Это очень любопытная вещь — создание стратегического резерва для парирования случайностей, возможного выступления противника. Подошло войско во главе с князем Даниилом Васильевичем Щеней, победителем на Ведроше, и немцы поспешно отступили, все бросили, перебежали обратно через Великую и поспешно стали отступать, преследуемые нашими войсками. 13 сентября недалеко от Изборска, на озере Смолино, произошло последнее сражение этой войны, которое закончилось, в общем-то, более-менее вничью: обе стороны понесли большие потери, немцы отступили к себе, наши отступили к себе, в тактическом отношении сражение неопределенное. Но в стратегическом отношении оно означает поражение Плеттенберга, окончательный его отказ от активных действий против Пскова и Русской земли в целом. На этом,

собственно, большая война с Ливонией и Литвой закончилась. Каковы же были ее итоги?

«Господин Псков», сохраняя свою автономию, органически вошел в стратегическую систему обороны Русского государства, что имело решающее значение для Пскова и для Русского государства. Первый вывод: участие псковичей в кампаниях 1480, 1501–1502 гг. сыграло большую роль в ходе всех этих самых войн. Второй: псковское земское ополчение себя изжило; как показали все перечисленные кампании, боеспособность этого ополчения была низкой по сравнению с новыми требованиями. Время земских ополчений прошло, и требовалась коренная реформа вооруженных сил Пскова, которая дала бы возможность включить Псков в состав Русского государства. 1510 г., являясь временем присоединения Пскова к Русскому государству, является одновременно и датой ликвидации республиканского строя и реформирования вооруженных сил «Господина Пскова».

Морская политика Ивана III (к постановке вопроса)*

Под «морской политикой» в самом элементарном, первичном ее значении можно понимать всю совокупность замыслов и действий руководства страны, связанных с использованием моря и морской силы, т. е. мореходных судов и необходимой для них инфраструктуры — соответствующих береговых сооружений, обеспечивающих деятельность этих судов, а также подготовку и комплектование личного состава. Необходимо отметить, что хотя вопрос о морской политике Ивана III в целом не ставился, отдельные аспекты ее в какой-то мере привлекали внимание исследователей — главным образом, в связи с мореплаванием на Балтике, отношениями с Ганзой, Ливонией и Швецией.[1]

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Морская политика Ивана III (к постановке вопроса)//От Древней Руси к России Нового времени. К 70-летию А. Л. Хорошкевич/Сост. А. В. Юрасов; отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 108–125.

[1] *Клейненберг И. Э.* Мероприятия Русского государства по укреплению нарвской границы в конце XV в.//Военно-исторический журнал. 1960. № 6.

Источники для изучения «морской политики» Ивана III небогаты. Это отдельные летописные записи, отдельные упоминания в русских дипломатических актах, отдельные свидетельства иностранцев, прежде всего, ганзейцев и ливонцев. Однако бедность источников в данном случае — не свидетельство незначительности явления. Для его оценки необходимо исследование фактической стороны дела.

Включение Новгородской земли в состав Русского государства в 70-е гг. XV в. поставило Ивана III перед проблемами, до тех пор находившимися в компетенции новгородских властей. Это проблемы морской торговли на Балтике, тесно связанные с отношениями с Ганзой, Ливонией и Швецией. Почти безраздельное господство Ганзы на Балтике, с чем было вынуждено мириться новгородское боярское правительство, не отвечало интересам Российского государства. Сложившаяся веками практика отношений с Ганзой и Ливонией требовала пересмотра.

До конца 80-х гг. XV в. главное внимание Ивана III было привлечено к обеспечению безопасности восточной и южной границ Русского государства.[1] Но уже договор 1487 г. с Ганзой отражал новые тенденции русской политики в балтийских делах. На переговорах с ганзейскими послами русская сторона выдвинула ряд новых положений, существенно менявших старую новгородско-ганзейскую традицию. В заключенном договоре эти требования были удовлетворены лишь частично, но начало пересмотру отношений было положено. Особое

С. 125–127; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XV вв. Л., 1975; *Она же.* Русско-датские торговые отношения в конце XV — начале XVI вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. / Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского. Л., 1970. С. 89–104; *Хорошкевич А. Л.* Борьба России за создание флота в конце XIV — начале XVI вв. // Военно-исторический журнал. 1974. № 5. С. 82–86; *Она же.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. статей / Отв. ред. А. К. Бирон. Рига, 1968. С. 13–31; *Она же.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI вв. М., 1980; *Алексеев Ю. Г.* На пути к морю: Первые шаги балтийской политики Ивана III // Петербургские чтения-95: Материалы науч. конф. 22–26 мая 1995 г. С. 267–270; *Он же.* «Ходили з Двины моремакияном» // Вестник СПбГУ 1997. Сер. 2. Вып. 1. С. 3–12.

[1] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 194.

значение имеет ст. 3 договора, провозглашавшая гарантии безопасности русских купцов во время морских путешествий (в прежних договорах такой статьи не было).[1] Статья отражала интерес русского правительства к вопросам морской торговли. Но для реализации этого интереса необходима была морская сила — вопрос о создании собственного флота стал фактически на повестку дня.

Внимание московского правительства к балтийским проблемам отразилось и в договорах с Ливонией.[2] Договор о перемирии на 10 лет Пскова с Дерптом, заключенный в 1463 г. и сохранившийся в летописном изложении, содержит черты, принципиально новые для русско-прибалтийских отношений. Во-первых, главным действующим лицом на переговорах (судя по сообщению псковских летописей) являются не псковские власти, а князь Федор Юрьевич Шуйский, посланный великим князем Иваном III на помощь псковичам против немцев; именно этому воеводе «бьют челом» о мире немецкие послы (формула о «челобитье» тоже встречается впервые). Во-вторых, в этом договоре впервые упоминаются «Русский конец и святые церкви» в Юрьеве (Дерпте) и «пошлина... великих князей, что в Юрьеве» — какие-то особые платежи, которые епископ должен «великому князю давати по старине» (т. е. по справедливости).

Русские церкви в Юрьеве были известны и раньше, о них упоминает автор анонимного «Хождения на Флорентийский собор» 1438–1439 гг., это церкви св. Николая и св. Георгия. Они, очевидно, были патрональными храмами русских купцов, проживавших в Юрьеве или приезжавших туда по торговым делам. Известна и «печать юрьевская», принадлежавшая церкви св. Георгия. Однако до 1463 г. ни в одном договоре ни эти церкви, ни «Русский конец» (очевидно, русский квартал) не упоминаются. Русские люди, жившие в немецком Дерпте, либо не попадали в поле зрения псковских и новгородских властей, либо (что вероятнее) эти власти не имели возможности оказать им реальную помощь. Но в 1460 г. «Господин Псков» перешел под покровительство великого князя Московского, и с этой поры отношения с прибалтийскими немцами перестают быть делом псковских властей, а становятся частью внешней политики формирующегося Русского государства.

---

[1] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 191.

[2] Там же. С. 163–170.

Эта новая политическая реальность и проявилась впервые в псковско-дерптском договоре 1463 г.[1]

Начало 70-х гг. XV в. ознаменовалось крупными изменениями в политической ситуации на северо-востоке Европы. В 1471 г. была ликвидирована независимость Новгородской боярской республики — она признала себя «отчиной» государя всея Руси, т. е. интегральной частью Русского государства. Это привело к резкому обострению отношений Русского государства с Литвой, Ливонией и Ордой. Борьба за становление России вступила в решающую фазу.

Переговоры псковских властей с ливонскими послами в 1472–1473 гг. (по вопросу о продлении перемирия 1463 г.) не привели ни к какому результату: магистр Бернд фон дер Борх отказался заключить мир. Над псковской землей нависла угроза немецкого вторжения. Встревоженные псковичи обратились за помощью к великому князю. И помощь пришла. 30 ноября 1473 г. в город вступили передовые отряды русского войска, собранного из 22 городов страны. Во главе этой общерусской рати стоял воевода князь Даниил Дмитриевич Холмский, прославившийся победой на Шелони над новгородским ополчением.

До похода в Ливонию дело не дошло — появления русских войск и победителя битвы на Шелони в Пскове оказалось достаточно. Уже в начале января 1474 г., после нескольких дней переговоров, ливонские послы, прибывшие в Псков с просьбой магистра о мире, целовали крест на договорной грамоте. Был заключен Данильев мир, названный так по имени князя Холмского.

Фактически в январе 1474 г. заключена целая серия соглашений: между Псковом и Ливонским Орденом был заключен мир на 20 лет; между Псковом и Новгородом, с одной стороны, и Дерптским епископством — с другой, на 30 лет. Текст этого договора полностью сохранился. Во вводной части (преамбуле) Иван III и его сын (Иван Молодой) впервые в международном договоре именуются «царями всея Руси». «Государи благоверные великие князи русские и цари» прислали воеводу своего «боронити свои отчины Новгорода и Пскова, обид своих поискати на немцах на юрьевцах, своих даней...». Официально провозглашается, что Псков и Новгород находятся под защитой

[1] Псковские летописи (далее — ПЛ). Вып. 1 / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1941. С. 67; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 134–143.

Русского государства и что оно имеет в Прибалтике свои собственные интересы.

Сам договор состоял из 28 основных положений (статей, не пронумерованных в тексте). Первое из них воспроизводит статью договора 1463 г. об обязательстве епископа гарантировать неприкосновенность русских церквей и Русского конца в Дерпте — «держати чисто, по старине и по крестному целованию»; повторяется и формула о дани, которую епископ должен платить великому князю «по крестному целованию». Размещение этих статей в начале договора свидетельствует, что именно они содержали положения, особенно важные с точки зрения Ивана III — охрана веры и имущества русских людей, проживающих за границей.

Ряд статей договора посвящен пограничным и судебно-правовым вопросам и не содержит принципиально новых положений, зато такие положения отразились в статьях о торговле. Псковские купцы получают по договору большие права — гарантии «чистого» (беспрепятственного) пути, освобождение от таможенных пошлин. Такими же правами пользовались и немецкие купцы. Но, сверх того, псковские купцы получают очень редкое в Средние века право розничной торговли, обычно не предоставляемое иностранцам. Немецкие купцы в Псковской земле такого права не имеют, по крайней мере, договор молчит об этом. Кроме того, немецким купцам запрещалось во Пскове держать корчмы и торговать пивом.

Итак, договор 1474 г. не только уравнивает псковских купцов с немецкими, но и дает им определенные торговые преимущества. Содержание Данильева мира отражает основной факт — создание Российского государства, способного защитить своих подданных и их интересы. Но отстаивая свои законные интересы, Русское государство не предъявляет каких-либо территориальных претензий соседям, — оно стремится, прежде всего, к мирным торговым отношениям. Данильев мир стал новым шагом в балтийской политике Ивана III.[1]

Новое обострение ситуации на северо-западных рубежах Русского государства произошло в 1480 г., на последнем этапе борьбы против

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М., Л. 1949 (далее — ГВНП). № 78. С. 133–136; ПЛ. Вып. 1. С. 193–196; ПЛ. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 55–59; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 148–154.

ордынского ига. Нападение войск магистра фон дер Борха на псковские земли зимой-летом 1480 г. вызвало ответные меры.

В феврале 1481 г. русские войска под руководством воевод князей Ивана Васильевича Булгака и Ярослава Васильевича Оболенского совершили поход вглубь Ливонии. Зимний поход 1481 г. носил общерусский характер: «посылал князь великий в Немецкие земли воевати и на князя местера, за их неисправление, что они приходиша ратью на его отчину на Псков...», — так объясняет причину похода официальный московский летописец.

Зимний поход 1481 г. — важная веха в военной истории России. Впервые вместе с полевыми войсками двигалась тяжелая артиллерия, впервые войска не только опустошали местность (как это было принято в то время во всех войнах Европы), а сосредоточенными массами действовали против крупных укрепленных городов — столицы магистра Феллина, Каркуса и Тарваста.[1] Результатом зимнего похода была новая серия договоров. Полностью сохранился только договор между Новгородом и Ливонией, заключенный 1 сентября 1481 г. (договоры Пскова с Дерптом и Пскова с Ливонией известны по литературе). Вводная часть договора соответствует формуле Данильева мира. Он заключается «по Божьей воле и по великих государей веленью царей русских», наместникам которых в Новгороде — князю Василию Федоровичу Шуйскому и Григорию Васильевичу Морозову — «добиша челом» ливонские послы. Как и в 1474 г., ливонцы выступают в качестве стороны, просящей мира и получающей его в качестве милости со стороны русских государей. Перемирие заключается на 10 лет. Договором предусматривался съезд представителей обеих сторон «на Рождество Христово, на Нарове реце, на пошлом месте, по старине». Съезд должен был рассмотреть и решить конкретные спорные вопросы — «дати исправа всем обидным делам». За два года должно было состояться три таких съезда: если все три съезда не смогут дать «на обе половины управы», то договор о перемирии теряет свою силу. Повидимому, такой съезд — традиционный инструмент для решения новгородско-ливонских споров.

Сам же договор о перемирии содержал 24 основных положения, которые можно назвать статьями. Многие из них традиционны: это статьи о границе и ее неприкосновенности, о беспрепятственном про-

[1] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 329.

езде купцов и послов, о беспрепятственной «без вывета» торговле, об общих основах отношений к подданным другой стороны, о непричастности послов и гостей к порубежным спорам и др. Видимо, все это — «старина и пошлина», устоявшаяся в новгородско-ливонских отношениях. По аналогии с соответствующей статьей Данильева мира, устанавливается, что «пива и корчмы немцом не продавати в Новгороде, а ни по пригородом».

Наибольший интерес представляют статьи, содержащие новые положения. В них обеспечиваются торговые интересы русских купцов в Нарве (они освобождаются от некоторых пошлин), а весы и весовые единицы в Нарве приводятся в соответствие с новгородскими. По новому положению новгородцы получают право беспошлинно покупать коней в Ливонии: «судьи того коня у новгородского купца сильно не отнимати, а денег не наметывати». По старому же договору 1448 г заключенному еще зятем Шемяки, князем Александром Васильевичем Чарторыйским, с каждой лошади шли особые платежи фогту (правителю Нарвы), а «крупных» лошадей фогт Нарвы мог не пропустить вообще.

Есть статья, требующая от епископа Дерптского «церкви Божии св. Николы и св. Георгия очистити, а Русский конец и села тых церквей очистити, по крестному целованию, по старине». Значит, в ходе конфликта 1480–1481 гг. церкви и Русский конец, видимо, были захвачены или ограблены немцами в нарушение прежних договоров. Справедливость («старина») теперь восстанавливается.

Впервые в новгородско-ливонский договор включается статья об особой защите чести и достоинства русского человека в Ливонии. Она отражает одно из основных направлений зарубежной политики Ивана III.

Договор 1481 г., завершивший победоносную войну России с Ливонией, можно охарактеризовать как весьма мягкий для проигравшей стороны. Ей не предъявляется территориальных претензий, ее подданные не подвергаются дискриминации. В то же время договор твердо и последовательно отстаивает интересы русских людей: оказавшись за рубежом, они остаются под покровительством и защитой своего государства.[1]

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее — АЗР). СПб., 1846. Т. 1. № 75. С. 95–97;

Итак, первые шаги балтийской политики Ивана III отличаются принципиальностью и твердостью, но в то же время миролюбием и умеренностью. На них лежит печать политического реализма, характерного для первого государя всея Руси. Его политика проникнута заботой и вниманием к насущным интересам русской торговли и русских людей за рубежом, прежде всего, к ликвидации того неравноправного положения, в котором русские купцы находились веками вследствие ганзейско-ливонской торговой монополии, могущества Ливонского Ордена и слабости новгородско-псковских политических институтов.

Крупнейшими событиями в балтийской политике Ивана III стали постройка Ивангорода, договор с Данией и закрытие Ганзейского двора в Новгороде.

В 1489 г. Иван III категорически отверг попытку орденских властей добиться через посла императора Фридриха III пересмотра русско-ливонской границы. На переговорах с ливонским послом в феврале 1491 г. по поводу продления мирного договора, 10-летний срок которого истекал, Иван III выдвинул два новых условия: об обязательстве ливонских властей оказывать защиту на море русским послам и торговым людям и об улучшении положения Русской церкви в Ревеле и Дерпте.[1] Оба требования отражали основные направления балтийской политики — заботу о развитии русского торгового мореплавания и об интересах русских людей, проживающих в Ливонии. Ливонские власти не пошли на эти условия. Переговоры затянулись.

Орден вновь пытался обратиться к посредничеству императорского посла. На переговорах посла Георга фон Турна («Юрий Делятор» русских источников) с дьяком Федором Курицыным зимою 1491 / 1492 г. выяснилось, в частности, что ливонцы не берут на себя защиту русских людей на море: магистру «на море воли нет».[2] Отказ магистра от защиты русских на море фактически заставлял русское правительство самому взять на себя непосредственное решение этой назревшей проблемы.

ГВНП. № 73. С. 122–123; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 153–170.

[1] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 172–173.

[2] Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (1498–1594 гг.). СПб., 1851. Стб. 81–82.

В текст договора 1493 г. была включена статья об обязанности ливонских немцев «блюсти... великого князя послов и наместников великого князя новгородских послов и новгородцев на своих городех и на землях и *на море* (курсив мой. — *Ю. А.*)».[1] Таким образом, требование Ивана III было, по крайней мере, формально удовлетворено, что было несомненным успехом русской политики. По предположению Н. А. Казаковой, на изменение позиции орденских властей оказало влияние строительство Ивангорода, начатое весной 1492 г. Первая русская крепость и первый морской порт на Балтике меняли соотношение сил и открывали перед морской политикой Ивана III новые перспективы. «Строительство Ивангорода несколько напоминает... строительство Петербурга»,[2] — справедливо отмечает А. Л. Хорошкевич. Схожесть, прежде всего, в том, что постройка обоих городов-крепостей была вызвана государственными потребностями, происходила по инициативе государственной власти и преследовала не только экономические, но и стратегические цели. Постройка Ивангорода может рассматриваться как важнейший акт морской политики Ивана III.

Нападения на русские торговые суда были обычным делом. Так, в июне 1494 г. пять шведов из Выборга захватили маленькое русское судно с товаром, выбросили команду за борт и пригнали свой приз в ганзейский г. Данциг.[3] О нападении шведов на два русских купеческих судна сообщается и в феврале 1494 г.[4]

Постройка Ивангорода означала фактически переход к активной морской политике на Балтике, что требовало создания своего собственного флота.

25 мая 1494 г. Иоганн фон Ункель, ливонский агент в Новгороде, сообщил магистрату г. Ревель, что посол великого князя Мануил Грек, только что пребывавший проездом в Ревеле, имел задание нанять венецианцев — корабельных мастеров, «которые могут галеры делать». Ливонский агент с тревогой писал, что с помощью этих галер, которые могут ходить как по ветру, так и против ветра, русские смогут завоевать

[1] АЗР. Т. 1. № 112; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 177–178.

[2] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 139.

[3] Liv-, Est und Curlandishes Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1900. Abt. 2. Bd. 1 (далее — LUB). N 7.

[4] Ibid. N 144.

господство на Балтийском море. По словам Ункеля, русский посол должен был также нанять некого человека, который может днем и ночью плавать в море на много миль и поджигать ночью суда в море.[1]

Сообщение Ункеля — первое свидетельство о планах создания русского флота с учетом новейших достижений европейской техники. Рассказ о таинственном человеке, который может «днем и ночью плавать в море» и поджигать ночью суда, относится, видимо, к области фантазии малосведущего человека, но известие о галерах заслуживает внимания. Галера — наиболее совершенный тип парусно-гребного судна, наилучшим образом приспособленного для боевых действий в шхерах и узкостях Финского залива, т. е. на морских подступах к русским берегам, в частности, к Ивангороду. Лучшими мастерами — строителями галер являлись именно венецианцы, поэтому обращение к ним было наиболее целесообразным. Два века спустя Петр Великий, создавая флот на Балтике, уделял особое внимание галерам, которые принесли победы при Гангуте и Гренгаме.

Мануил Грек — известный русский дипломат конца XV в. В мае 1493 г. вместе с дьяком Данилой Мамыревым он был послан в Венецию и Милан.[2] На обратном пути он посетил Ревель: в расходной книге Ревельского магистрата сохранилась запись от 17 мая 1494 г. об отпуске угощения «греку по имени Мануил, послу великого князя Московского», двух бочонков пива, двух бутылок «романеи», двух бутылок «бастарда» и двух бутылок «мальвазии», что обошлось ревельским бюргерам в 6 марок 2 шиллинга.[3] Летом 1494 г. посольство Мануила вернулось в Москву.[4]

Таким образом, мысль о приглашении мастеров для постройки галер могла возникнуть не позднее весны 1493 г. — вскоре после начала строительства Ивангорода. Переговоры о приглашении мастеров могли иметь место в 1493–1494 гг. Никаких следов об этих переговорах в русских материалах нет, как и нет известий о прибытии мастеров и их деятельности в России.

В начале 1495 г. русские послы в Литву князь Семен Иванович Ряполовский, Михаил Яковлевич Морозов Русалка и дьяк Василий

[1] Ibid. N 2.

[2] ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 158.

[3] LUB. N 2.

[4] ПСРЛ. Т. 28. С. 158.

Григорьевич Кулешин получили специальное задание Ивана III выведать у тамошних купцов, «есть ли пристанище в Жамоитской земле с моря, приставают ли корабли ли бусы».[1] В этом контексте известие о найме венецианских мастеров-кораблестроителей для строительства русских галер выглядит вполне естественным и правдоподобным.[2] Но поиск мастеров-иностранцев был только частью мероприятий Ивана III по закреплению на берегах Балтики. Другой частью было укрепление Ивангорода — морских ворот России. Между Ивангородом и ближайшей к нему крепостью Ямой прокладывается широкая дорога, пригодная для движения не только пехоты и конницы, но и артиллерии. Маневр войсками между этими крепостями (расстояние 22 км) мог быть осуществлен за одни сутки, что позволяет рассматривать Ивангород — Яму как своего рода укрепленный район на приморском участке северо-западной границы Русского государства.[3]

Оригинальной конструкцией были разборные наплавные мосты, состоящие из секций, соединенных между собой крюками.[4] Эта конструкция позволяла в случае необходимости быстро переправлять войска и грузы на другой берег реки, что увеличивало как оборонительные, так и наступательные возможности крепости. Отсутствие у ливонцев таких переправочных средств послужило одной из причин их неудачи под Псковом в тревожном для русских августе 1480 г., когда магистр Бернд фон дер Борх с огромным войском подошел к городу, в то время как главные силы Русского государства отражали грозное нашествие хана Ахмата.

Весьма важное значение для обороны Ивангорода с моря должна была иметь особая система заграждений-ряжей, которые давали возможность прохода только русским ладьям, закрывая путь к Ивангороду более крупным судам. Об этом проекте фогт (комендант) Нарвско-

---

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. СПб., 1882. С. 176.

[2] По шведским источникам 1520-х гг., король Густав Ваза, обеспокоенный появлением русских судов на Балтике, решил также «приступить к строительству флота» по венецианскому образцу. См.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 163, прим. 537

[3] LUB. N 290. См.: *Клейненберг И. Э.* Мероприятия Русского государства... С. 125–127

[4] LUB. N 550. См.: *Клейненберг И. Э.* Мероприятия Русского государства... С. 125–127.

го замка писал магистру Ливонского Ордена Вальтеру Плеттенбергу в апреле 1496 г. Проект заграждения р. Наровы находился, очевидно, в тесной связи с шедшей в то время русско-шведской войной и с намерением шведов совершить нападение на Ивангород (об этом намерении фогт сообщает в том же письме).[1]

Первым равноправным договором о морской торговле на Балтике стал для молодого Русского государства договор с Данией, заключенный в 1493 г. и послуживший основой русско-датского союза, направленного на защиту обоюдных интересов на море.[2] Датское королевство, располагавшее хорошим флотом и давними морскими традициями, пошло на заключение договора с нарождающейся морской державой, учитывая ее международный авторитет и значение русской торговли на Балтике. Особое значение имели статьи, гарантирующие свободную и равноправную для обеих сторон деятельность рыбаков, охотников и иных людей в землях и водах, издревле тянущих к каждой из договаривающихся сторон, статьи о свободном передвижении посланцев и гонцов, а также торговых людей «по всей земле и воде» обеих договаривающихся сторон.[3] Датские купцы, везущие такие необходимые для русских товары, как сельдь и соль, стали частыми гостями в новом морском порту, к немалой досаде ганзейцев, объявивших морскую блокаду России.[4]

Одной из главных причин войны между Швецией и Русским государством, вспыхнувшей летом 1495 г., явилось, несомненно, стремление шведов не допустить выхода России на Балтику: именно молодой русский порт послужил главным объектом враждебных действий с их стороны. По шведским данным, к весне 1496 г. в Ивангороде были сосредоточены тысячи русских лодей для морской экспедиции через Финский залив к шведскому Выборгу.[5] Хотя число русских судов,

---

[1] LUB. N 334.

[2] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 110. См.: *Казакова Н. А.* Русско-датские торговые отношения в конце XV — начале XVI в. С. 89–104.

[3] *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 597–599.

[4] LUB. N 143. См.: *Казакова Н. А.* Русско-датские торговые отношения... С. 92.

[5] См.: *Хорошкевич А. Л.* Борьба России за создание флота... С. 84.

несомненно, преувеличено шведами, известие свидетельствует о важном значении Ивангорода как морской базы.

Уже в апреле 1496 г. нарвский фогт пишет магистру о слухах — о готовящемся нападении на Ивангород. Само нападение произошло в августе. Русские летописи сообщают об этом событии кратко, но выразительно. Шведы пришли со стороны моря на судах (*бусах*), оснащенных артиллерией, и застали русских врасплох. Система заграждений, которая планировалась в устье Наровы, не была, по-видимому, завершена. Воевода князь Семен Бабич не сумел организовать оборону крепости и проявил позорное малодушие.[1] Брошенный своим воеводой на произвол судьбы город несколько дней оказывал мужественное сопротивление, но все же был взят и дотла разорен, о чем с удовлетворением сообщали друг другу ганзейцы.[2]

Однако торжество врагов России было преждевременным. Судя по всем известиям (и русским, и ливонским), к этому времени Ивангород был уже достаточно большим портом, он выполнял уже роль морских ворот Русского государства. В считанные годы он превратился в грозного соперника ливонской Нарвы. Именно в этом проявилось закономерное следствие создания нового государства, потребности которого требовали выхода к морю. Напротив, успех шведов в августе 1496 г носил случайный характер и не мог изменить общего хода событий. Разграбив русский город, шведы, сознавая непрочность своего успеха, стремились как можно скорее уйти к своим берегам. В официальном сообщении Нарвы Ревелю, написанном через 5 дней после захвата Ивангорода, подчеркивается, что шведы только ждут попутного ветра, чтобы уйти.[3] Для этой поспешности были основания. В том же письме приводится «верное известие», что гребные суда русских, идущие из Пскова, должны через два или три дня появиться у Ивангорода и близ устья Наровы, где стоят шведские суда. Сюда же стягиваются и сухопутные войска русских.

Нападение на Ивангород ни в малейшей мере не повлияло на решимость Ивана III прочно закрепиться на берегах Балтики, опираясь на свой новый порт. Сразу после бегства шведов из разграбленного ими города в нем закипели восстановительные и строительные работы.

[1] ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 290.

[2] LUB. N 400, 406.

[3] Там же. N 400.

Описание Ивангорода, сделанное в 1498 г. писцом Матвеем Валуевым,[1] рисует картину процветающего города. В самом городе (т. е. внутри крепостных стен) стоит церковь св. Николая и пять дворов, в том числе четыре купеческих. Любопытно, что внутри крепости стоят именно дворы купцов — купцы играли основную роль в новом городе, представляя торговые интересы Русского государства. Интересно также, что из четырех купцов — два «москвитина» и один новгородец, т. е. на первый план выдвигаются столичные торговые люди, наиболее тесно связанные с московским правительством; за городом на посаде, «на горе», стоят дворы воротников, обслуживающих городские ворота, а также торговых людей. Всего таких дворов 27. Наконец, внизу, «на Подоле», т. е. под горой, у самой реки, живут опять же торговые люди и «казаки» — наемные работники. Таких дворов 133. В них сосредоточена основная масса жителей Ивангорода. Перечисляются также дворы ремесленников 14 специальностей: больше всего плотников (5 дворов), кузнецов (4 двора), продавцов съестных припасов (квасники, хлебники, калачники — всего 10 дворов). В числе дворовладельцев упомянуты «перевозник» и «извозники» — владельцы транспортных средств, овчинники, учанник (изготовитель сосудов — учанов), банник. Перед нами — довольно крупный город, насчитывающий до 1 тыс. жителей (в среднем на двор — 5–7 человек), основную массу которых составляют торговые люди и ремесленники, обслуживающие гарнизон крепости. Таким образом, разорение города шведами отнюдь не приостановило рост и развитие молодой русской крепости на Балтике. Быстрый рост нового города обусловливался его необходимостью для Русского государства, тесной связью с экономическими, политическими, военно-образовательными интересами страны. Когда в сентябре 1502 г. во время войны Ливонии против Русского государства войска ливонцев попытались штурмовать Ивангород, они потерпели полное поражение,[2] — усиление укреплений Ивангорода после 1496 г. принесло свои плоды.

И в последующие десятилетия Ивангород сохранил значение основного русского морского порта — «окна в Европу» для России того времени. Русское правительство заботилось о том, чтобы морская

---

[1] Новгородские писцовые книги, изданные Императорской Археографической комиссией. СПб., 1889. Т. IV Стб. 227

[2] Псковские летописи. Вып. 1. С. 87–88.

торговля шла именно через Ивангород[1] — этим стимулировалось экономическое развитие нового города. Когда в 1517 г., в силу нового русско-датского торгового договора, датские купцы получили право построить дворы в русских городах (соответственно, и русские купцы — в Дании), этими городами стали Ивангород и Новгород.[2] Самый молодой русский торговый город был приравнен к самому старому. Этим подчеркивалось значение первого русского порта на Балтике. Ивангород становится главным центром русской торговли на Балтике, обогнав Новгород и Псков.[3] Основное преимущество Ивангорода перед старыми торговыми городами — приморское положение, создающее благоприятные условия для развития собственного русского мореплавания. В 1517 г. отмечено прибытие в Копенгаген первого русского мореходного судна — в этом нельзя не увидеть результата мер, предпринимавшихся для создания русского флота. Первые десятилетия XVI в. — время процветания Ивангорода и время появления русского мореходства на Балтике.

Таким образом, морская политика Ивана III на Балтике была вызвана и стимулировалась, главным образом, задачами развития русской морской торговли. Она была тесно связана с вопросами обороны против Ливонии, Швеции и Ганзы. Материальным воплощением этой политики было строительство крепости-порта Ивангорода и мероприятия по приобретению мореходных судов (эта последняя черта морской политики просматривается в источниках в самых общих контурах).

О боевых действиях наших кораблей на Балтике во время Свейской войны 1495–1497 гг. нет никаких известий, что, скорее всего, свидетельствует об отсутствии таковых действий. Русские корабли на Балтике, если они и существовали, еще не представляли собой боевой силы. Создание настоящего флота на Балтике было делом будущего. Морская политика Ивана III — первый шаг в этом направлении.

Однако морская политика Ивана III не ограничивалась Балтикой. В сфере его внимания был и Северный морской театр. Об этом свидетельствует поход, предпринятый в разгар Свейской войны. Морской поход лета 1496 г. мало привлекает внимание историков. В новейших

---

[1] *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей... С. 27.

[2] Российская историческая библиотека. Т. 16. СПб., 1897. № 9. Стб. 22.

[3] *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей... С. 28.

работах ему посвящено всего несколько строк.[1] Тем не менее, этот поход представляет определенный интерес и не может игнорироваться ни при изучении социально-политической истории России, ни при изучении истории русского флота.

Под 7004 (1495/1496) г. великокняжеская летопись сообщает: «Тое же весны посылал князь великий князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю, на 10 рек.[2] А с ними рать — Устюжане, Двиняне, Онежане, Важане. А рекам имена коих воеваша: Икем, Торма, Колокол, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавла, Поутам. А кои живут на Илименгы-реки, а те биша челом за великого князя, и с воеводами приехаша на Москву. И князь великий их пожаловал, отпустил».[3] Тот же текст встречаем и в Софийско-Львовской летописи, и в Холмогорской, и в Никоновской.[4]

В Вологодско-Пермской летописи читаем: «Того же лета (7004 = 1496 г. — *Ю. А.*), июня, посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих князей Ушатых, Ивана Бородатого да Петра, за море немец воевати Каян. А с ними силы: Устюжане, Пермичи, Двиняне, Важене. И повоеваша землю ту, и взяша три бусы со всем на море, и полону приведоша. И приидоша воеводы великого князя поздорову со всеми силами октября».[5]

В Архангелогородском списке Устюжской летописи читаем: «В лето 7004 князь великий Иван Васильевич послал на Каяны воевод своих, князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых. Да с ними

---

[1] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 391; *Шаскольский И. П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомы)//Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. Сб. статей/Отв. ред. и авт. предисл. М. И. Белов. М.; Л., 1965. С. 25–26.

[2] Каянская земля — область к востоку от северной части Ботнического залива. См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XVI в. Л., 1987. С. 133. Из приведенных в летописи названий рек три легко обнаруживаются на современной карте — Кеми, Лименга и Торнео, впадающие в Ботнический залив с севера и северо-востока.

[3] ПСРЛ. Т. 28. С. 327

[4] Там же. С. 363; Т. 20 (1-я пол.). Л., 1977. Т. 33. С. 132 (без упоминания двинян и важан); Т. 12. СПб., 1901. С. 242 (с небольшими разночтениями в названиях рек).

[5] Там же. Т. 26. С. 240.

Устюжане да Двиняне. И ходившие извоевали Полну реку да Торнаву, да Снежну, добра поимали много, а полону бесчислено. А ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос».[1]

Разрядная запись о походе князей Ушатых читается только в неофициальной редакции и крайне лапидарна: «Тово же гóду послал государь на Каянские немцы князя Ивана Федоровича да князя Петра Федоровича Ушатых».[2]

Таким образом, существуют три летописных рассказа о походе. Не противореча друг другу по существу, они, тем не менее, настолько отличаются друг от друга своими реалиями, что не могут рассматриваться как разные редакции одного и того же первоначального текста.

Рассказ Уваровской летописи, вошедший без изменения в позднейшую официальную Никоновскую летопись, содержит следующие элементы: 1) указание времени начала похода (весна) и его направления (на Каянскую землю); 2) имена воевод; 3) перечисление территорий, с которых ратники шли в поход, перечисление рек Каянской земли; 4) сообщение о конечном политическом результате похода (челобитье жителей части Каянской земли о подданстве).

В рассказе Вологодско-Пермской летописи содержатся те же элементы, кроме сообщения о челобитье жителей Лименги. В этом рассказе уточняется имя первого воеводы — князь Иван *Бородатый* (курсив мой. — *Ю. А.*); прямо говорится, что великий князь послал «воевод своих... за море»; с точностью до месяца указывается начало (июнь) и конец (октябрь) похода; сообщается о взятии трех бусов «со всем на море».[3]

Рассказ Архангелогородского летописца не указывает времени начала и конца похода, перечень территориальных отрядов он дает в сокращенном виде, князя Ивана Ушатого называет Ляпуном (а не Бородатым, как в Вологодско-Пермской); из десяти рек, упоминаемых

---

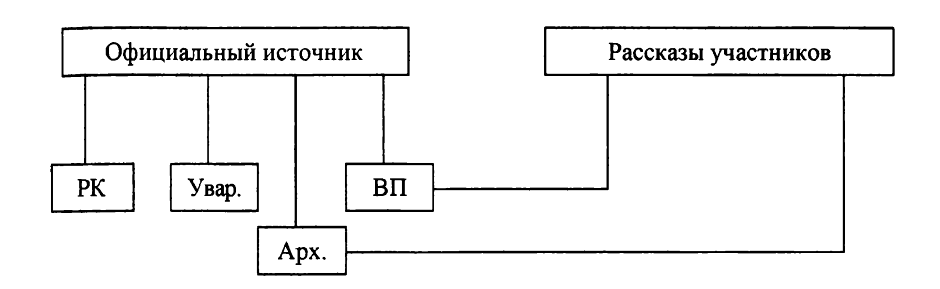
[1] ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 98. Список Мацеевича приводит тот же текст в дефектном виде: вместо «на Каяны» — «на казанских татар». Названия рек опущены (Там же. С. 51).

[2] Разрядная книга. 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1977. С. 50.

[3] По Родословцам, два сына князя Федора Ивановича Ушатого (из рода ярославских князей) носили имя Иван — Ляпун и Бородатый. См.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1988. С. 89.

в Уваровской летописи, называет только две, но добавляет к ним Полну, которой нет в других известиях о походе; ничего не говорит ни о челобитье лименжан, ни о захвате бусов, зато указывает маршрут похода: «...ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос».

Летописные известия о походе 1496 г. не исключают, а дополняют друг друга. Можно предположить, что на них повлиял источник более или менее официального происхождения. Этот источник наиболее полно отразился в Уваровской летописи. Другим источником послужили рассказы (или записи) участников похода. На их основе в Вологодско-Пермской летописи были добавлены подробности, хорошо известные участникам похода, но не интересовавшие официозную летопись. Архангелогородский летописец сократил официальный источник, но добавил новые подробности о походе, также, вероятно, со слов его участников (см. схему).



РК — Разрядная книга; Увар. — Уваровская летопись;
ВП — Вологодско-Пермская летопись; Арх. — Архангелогородская летопись

Итак, основное отличие известий Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца от официальной версии в том, что в них в той или иной форме говорится о морском характере похода. Русские совершали переход «морем-акияном» и имели бой со шведами, захватив три буса.[1] Насколько правдоподобны эти сведения, не содержащиеся в официозном тексте?

[1] Бус — мореходное судно Западной Европы, впервые упоминаемое в русской летописи под 1204 г. (в связи с нападением латинян на Царьград). См.: Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 246. Более

Самое раннее известие о походе русских по Северному океану — в скандинавском источнике. В 1349 г. русские суда прошли вдоль северного побережья норвежской провинции Халоголанд и напали на крупное селение и замок Бьяркей. Прокомментировавший это известие И. П. Шаскольский справедливо связывает поход 1349 г. с войной, начатой королем Магнусом против Новгородской земли.[1]

В 1411 г. «ходиша изь Заволочья воуною на Мурманѣ (норвежцев. — *Ю. А.*) новгородчкымъ повелѣниемъ, а воевода Яков Степанович, посадникъ двиньскыи, и повоеваша их».[2] Поход Якова Степановича был предпринят в разгар шведско-норвежской войны, когда главные силы новгородцев ходили на Выборг. Новгородское руководство верно оценивало ситуацию и нанесло противнику удары на разных направлениях. Однако в летописи нет прямого указания на то, что заволочане со своим воеводой совершили именно морской поход; об этом можно только догадываться, так как кратчайший путь из Заволочья к Мурману лежит через море.

Нападения шведов и норвежцев на Северную Русь совершались также по необходимости через море. В 1419 г. «пришед Мурмане, воиню в 500 человек, в бусах и шнеках, и повоеваша» ряд северных русских погостов, подробно перечисляемых в летописи. Заволочане (т. е. жители Двинской земли) дали отпор: «две шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море».[3] В 1445 г. «приидоша свее Мурмане безвестно на Волок и Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша, и людей пересекоша, а иных в полон поведоша». Застигнутые врасплох двиняне, однако, быстро оправились: они «приидоша вборзе, иных (мурман. — *Ю. А.*) иссекоша, а иных прислаша в Новгород... а воеводы их, Ивора, Петра и третьего, убиша». Остатки неприятельского войска отступили: «вметавшеся в корабли, отбегоша».[4]

Отражая набеги воинственных северных соседей, входивших на шнеках в русские реки, заволочане и двиняне двигались, очевидно, на

раннее чтение дает название «корабль» (Там же. С. 26). На севере Европы летопись впервые упоминает бусы под 1419 г. (Там же. С. 411).

[1] Jslandska annaler / Ed. G. Storm. Christiania, 1888. S. 354; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 162.

[2] НПЛ. С. 403.

[3] Там же. С. 411–412.

[4] Там же. С. 426.

своих речных судах. Но русские суда ходили не только по рекам. В июне 1493 г. к Иоганну (Юхану), королю Датскому, были отправлены русские послы Дмитрий Ларев Палеолог и Дмитрий Зайцев. Летом 1494 г. послы вернулись.[1] Великокняжеская летопись не приводит никаких подробностей их путешествия, но Архангелогородский летописец сообщает, что, выехав из Москвы, послы «шли на Колывань» (т. е. Ревель, Таллин) обычным для русских послов путем — через Балтийское море. Однако «назад туда не смели пройти. И они прошли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского Носу морем-акияном мимо Соловецкий монастырь на Двину... Да с ними пришел датского короля посол именем Давид».[2] Архангелогородский летописец помещает это известие под 7005 (1496/1497) г. Тут же приводится сообщение, что «того же лета князь великий Иван Васильевич смирился с великим князем Александром Литовским и дал за него дщерь свою». Хорошо известно, что мир с Литвой был заключен 5 февраля 1494 г., а отправка великой княжны Елены в Вильно — в январе 1495 г. Следовательно, поездка Зайцева и Ларева «морем-акияном» состоялась, скорее всего, в 1494 г., что соответствует сообщению великокняжеской летописи о времени их возвращения.[3] Известие о путешествии Ларева и Зайцева — первое летописное упоминание об океанском путешествии русских людей.

В 1496 г. датский посол Давид Кохран возвращался домой по морю. Подробности его путешествия известны из рассказа толмача Григория Истомы Малого, записанного Сигизмундом Герберштейном: «Они сели в устье Двины на четыре суденышка и, держась в плавании правого (восточного. — *Ю. А.*) берега океана, видели там высокие и неприступные горы... проплыв шестнадцать миль (примерно 80 верст. — *Ю. А.*)... прибыли к левому берегу. Оставив справа (к северу. — *Ю. А.*) обширное море... они достигли земли Норботтен, подвластной королю шведскому; русские называют ее Каянской землей... обогнув с трудом излучистый берег, который тянулся вправо (к северу. — *Ю. А.*), они прибыли к одному мысу, который назывался Святым Носом... когда водоворот стал вдруг сильно засасывать корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись, изо всех сил налегая на весла. Пройдя мимо

[1] ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 160.

[2] Там же. Т. 37. С. 98.

[3] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 141.

Святого Носа, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть... несколько дней их задерживали там противные ветры... Корабельщик сказал им: "Эта скала... зовется Семес, и если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее..." затем ветры улеглись, и они отплыли... они плыли уже при попутном ветре... им попался навстречу огромный мыс в виде полуострова по имени Мотка, на оконечности которого находится крепость Вардехуз... этот мыс настолько вдается в море, что его едва можно обогнуть в восемь дней... они с великим трудом перетащили на плечах через перешеек в полмили шириной и свои суденышки, и поклажу... Затем приплыли... к месту по имени Дронг... там они оставили свои лодки и остальную часть пути проехали по суше на санях».[1]

Рассказ Истомы неоднократно и содержательно комментировался, главным образом, с точки зрения географических реалий. Удалось установить, что русские суда дошли до Варангер-фьорда, а затем до Тромсе, в котором можно видеть загадочный «Дронт».[2] Но не меньший интерес представляют и морские реалии рассказа Истомы.

Суда, на которых шло посольство, были небольшими («суденышки», «лодки»), однако, судя по тому, что они обогнули северную оконечность Европы, довольно мореходными. «Суденышки» могли ходить как на веслах, так и, очевидно, под парусом — им важен попутный ветер. «Суденышки» можно было перетаскивать волоком на плечах — отсюда видно, что они, во-первых, были достаточно легкими, во-вторых, располагали достаточным экипажем для переноса волоком. «Корабельник» был бывалый моряк, достаточно хорошо знавший лоцию и морские предания. Наконец, путешествие совершалось в конце лета или осенью, кода уже в Северной Норвегии пользовались санным путем. «Суденышки» были настолько мореходны, а их экипажи настолько опытны, что могли выйти в море в такое крайне неблагоприятное и опасное время года. В то же время «суденышки» далеко от берега не удалялись.

Рассказ Григория Истомы — первое описание путешествия русских судов по «морю-акияну». Из этого рассказа можно заключить, что из-

---

[1] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с лат. и нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 201–202.

[2] *Замысловский Е. Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884; *Шаскольский И. П.* Об одном плавании... С. 7–29.

вестия Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца о морском походе 1496 г. вполне правдоподобны. Путешествие Григория Истомы совершалось в то же самое время (летом-осенью 1496 г.), что и морской поход князей Ушатых в Каянскую землю. Судовая рать шла тем же путем (другого не было), что и «суденышки» посла, — через Белое море, вдоль Кольского полуострова, может быть, волоком через перешеек полуострова Рыбачий, затем вверх по рекам Каянской земли, а затем волоком в реки, впадающие в Ботнический залив.

Такова наиболее правдоподобная версия о походе лета 1496 г.[1]

Легкие парусно-гребные «суденышки», аналогичные тем, на которых шли Григорий Истома и его спутники, вполне позволяли совершить дальний комбинированный морской и речной поход. Такие «суденышки» (вероятно, прибрежные) лучше всего соответствовали как условиям плавания «по морю-акияну», так и особенностям сухопутного театра с его реками и переволоками.[2]

Опыт подобных комбинированных походов на Севере Руси существовал с давних времен. В 1311 г. «ходиша Новгородцы войною на Немецкую землю за море на Емь... и переехавше море, взяша первое Купецкую реку... потом взяша Черную реку... придоше к городу Ваною... и потом и душе взяша Кавгалу реку и Перну реку, и выидоша на море».[3] По мнению большинства исследователей, поход был направлен

---

[1] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 25–26. Другой маршрут похода рисует К. В. Базилевич: «Войско... обогнув р. Полною Мурманский нос, вступило... в Лапландию» (Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 391). На карте И. А. Голубцова, приложенной к указанной книге Базилевича, показан маршрут похода по р. Полной вдоль Кольского полуострова с востока на запад. Версию эту, однако, трудно принять. О плавании по р. Полной нет никаких известий. Вряд ли плавание через Белое море можно назвать походом через «море-акиян». А ведь именно о таком походе единодушно говорят северные летописцы. Возможность же (техническая) такого похода может считаться доказанной рассказом Истомы.

[2] Русским парусно-гребным судам были хорошо известны воды Северного океана и его морей. Европейские путешественники XVI в., открывавшие для себя северные моря, встречают в море десятки русских людей. См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю. В. Готье. М., 1936. С. 81, 101, 103 и др.; *Геррит де Фер.* Плавание Баренца. Л., 1936. С. 272–297.

[3] НПЛ. С. 93, 333–334.

на внутреннюю часть осваиваемой шведами Финляндии и дошел до политического и стратегического центра края — шведской крепости Тавастборг (Тавастхус).[1]

В 1318 г. «ходиша Новгородцы войною за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город сумьского князя...»[2] И. П. Шаскольский, комментируя это известие, устанавливает, что «Людерев город» — это Або, резиденция шведского наместника Людера фон Кюрена, а Полная — это р. Аура-Йоки, впадающая в Ботнический залив около Або.[3]

Но походы 1311 и 1318 гг. шли через Балтийское море, точнее, его заливы. Известия Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца о походе 1496 г. — первое свидетельство о дальнем морском походе русской судовой рати во главе с воеводами великого князя. В стратегическом отношении поход должен рассматриваться в контексте Свейской войны 1495–1497 гг., вызванной борьбой России и Дании за свободу мореплавания на Балтике против монополии Ганзы, на стороне которой стояла Швеция.[4] В политическом отношении целью похода было возвращение в русское подданство племен «Каянской земли», лежавшей к северу от Ботнического залива.[5]

Терминология русских судов нуждается в специальном исследовании, однако можно заметить, что раньше и чаще других встречается название «лодья». По данным «Повести временных лет», именно в лодьях в 882 г. совершал свой поход князь Олег во главе северного русского ополчения: подойдя к Киеву, он «похорони (т. е. спрятал. — *Ю. А.*) вои в лодьях».[6] Как типично русское судно, лодья названа в договорах Олега и Игоря с Византией.[7] Упоминания о лодьях в летописях и других источниках настолько обычны, что не нуждаются в цитировании. Лодья, судя по всему, это парусно-гребное судно со сравнительно небольшой осадкой. По летописным данным, лодьи

---

[1] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 72–79.

[2] НПЛ. С. 95, 337.

[3] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 79.

[4] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 388–393; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 144–147

[5] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 139–141.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 23.

[7] Памятники русского права. Т. 1 / Отв. ред. С. В. Юшков. М., 1952. С. 8, 32.

ходили как по рекам, так и по морю. По Русской Правде, различались набойные лодьи и морские лодьи. «Продажа» (денежный штраф) за их кражу составляла соответственно 60 кун, 2 гривны (= 100 кун) и 3 гривны (= 150 кун), из чего можно заключить, что они незначительно отличались по размерам.[1] По-видимому, летописец не улавливал это различие.[2] Были известны также насад, струг, учан, ушкуй, челн.[3] Чем отличались, кроме размеров, эти типы речных судов, сказать трудно. Но можно более или менее достоверно установить основной факт — это были суда сравнительно небольшие, по-преимуществу гребные, которые можно было перетаскивать волоком. Как тип речного судна оставалась и лодья: в 1471 г. в бою на Двине разбитый великокняжескими войсками новгородский воевода князь Василий Васильевич Шуйский, «вкинувся в лодию, убеже на Колмогоры».[4] Однако чаще всего летописец XV в. не называет конкретных типов речных судов, а дает им обобщенное определение «суда»,[5] чем кос-

[1] Правда Русская. Т. 1 / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. С. 113. Описание морской лодьи (правда, XVII в.) см.: *Нефедов А. С.* Северное русское судостроение и мореходство в XIV–XVII вв. и его вклад в строительство и становление Российского флота в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 18–19. См. также летописные статьи 1043 г.: «начаша лодьи разбивати и корабли розби» (ПСРЛ. Т. 25. С. 376) и 1272 г.: «местер... поиде к Пскову в кораблях и лодиях» (Там же. Т. 28. С. 60).

[2] Аскольд, Олег и Игорь ходили к Царьграду на «кораблях», но в договорах с греками типичным русским судном названа «лодья», а греческим — «кубара».

[3] 1159 г.: Ростислав Мстиславич послал «в насаде на Берладники» (ПСРЛ. Т. 25. С. 67); по Пространной Правде, «за струг гривна» (= 50 кун), т. е. немного меньше, чем за простую лодью; 1183 г.: «волжские болгары прибегоша к учанам и начаша метанья в них» (ПСРЛ. Т. 25. С. 90); 1229 г.: «у кого ся избиеть учан... или у Русина, или у Латинского...» (Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом). В 1471 г. из Новгорода по озеру или беженцы из осады «в великих учанах... а 50 человек в судне, и поболе» (Там же. С. 292); 1366 г.: «поидоша... полтораста ушкуев с разбойники...»; 1375 г.: «идоша разбойницы в 70 ушкуях... и приидоша к Костроме... а их только 2 тысячи» (Там же. С. 183, 191). По Пространной Правде, «за челн 20 кун», т. е. втрое меньше, чем за простую лодью.

[4] ПСРЛ. Т. 28. С. 127. Другое чтение дает Московская летопись по Уваровскому списку: «вкинувся в *лодку*...» (Там же. Т. 25. С. 290).

[5] «И сретоша на Двине в судех, и выидоша обои из судов на брег...» (Там же).

венно подтверждает отсутствие принципиальных различий между ними.[1]

Реки и речные суда имели особенно важное значение на Севере России. В крае, покрытом дремучими лесами и непроходимыми болотами, лучшей (по существу — единственной в летнее время) транспортной артерией являлась река, а единственным средством передвижения — легкое речное судно. Именно по рекам «в судех» совершались дальние походы. Походы ушкуйников были частным предприятием новгородских бояр, снаряжавших за свой счет грабительские ватаги из многих десятков речных судов и сотен, а иногда и тысяч вооруженных «молодцов» (по московской терминологии — «разбойников»).[2]

Удалые речные походы совершали не только новгородские ушкуйники. В 1471 г. «ходили Вятчане ратью на Волгу. Воевода у них был Костя Юрьев. Да взяли Сарай и полону бесчисленное множество»,[3] — отмечает Архангелогородский летописец. Великокняжеская летопись имени вятского воеводы не называет, но приводит некоторые подробности похода: татары Большой Орды, которые «ту близ кочевали за один день», пытались перенять вятчан на обратном пути «и всю Волгу заступиша суды своими...», вятчане же «пробишася». Под Казанью «тако же хотеша переняти их», но они «и тамо проидоша мимо тех... в землю свою».[4] Набег на Сарай в канун похода Ивана III на Новгород едва ли может рассматриваться как грабительская экспедиция в ушкуйническом стиле. Но нет данных, что поход Кости Юрьева был совершен по повелению великого князя. Можно думать, что инициатором похода были местные вятские власти — руководство вечевой общины Вятской земли, сохранившей до конца 80-х гг. XV в. черты своей самостоятельности. Костя Юрьев — один из руководителей этой общины. В 1486 г. он возглавил поход вятчан на Устюг, на этот раз

[1] Можно только отметить, что ушкуи, по-видимому, были более легкими судами, а насады — более прочными; в 1375 г. ушкуйники для похода вниз по Волге от Булгар заменили свои ушкуи насадами (Там же. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 102).

[2] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 36–51.

[3] ПСРЛ. Т. 37. С. 93.

[4] Там же. Т. 25. С. 291.

против русского города.[1] Этот поход также не был грабительским — вятские верхи выступали против великого князя в разгар борьбы с Казанским ханством.

Судовые речные рати снаряжала и великокняжеская власть. Под 1469 г. летопись сообщает о большом походе великокняжеских войск в судовой рати по Волге на Казань. Походы судовой рати во главе с великокняжескими воеводами совершались из Вологды и Устюга волоком в притоки Камы и далее на Казань.[2]

При встрече с противником, также идущим в судах, ратники либо выходили на берег и вели бой на берегу (как на Двине в 1471 г.), либо вступали в бой на своих судах (как под Казанью и под Звеничем Бором в 1469 г.). По внутренним водным путям совершались походы в Северное Приуралье.

Об одном из самых замечательных речных походов рассказывает Вологодско-Пермская летопись. 25 апреля 1483 г. воевода Иван Иванович Салтык Травин с детьми боярскими великого князя и с вологжанами вышел в поход на вогуличей. Другой воевода, князь Федор Курбский, шел в поход из Устюга с устюжанами, вычегжанами, вымичами и великопермцами. Сражение с вогуличами произошло 29 июля. Князь Асыка был разбит и со своим сыном Юшманом бежал с поля боя. «И поидоше оттоле воеводы великого князя в Сибирь, и повоеваша Сибирскую землю. И поидоша оттуда на великую реку Обь, ширина ее 60 верст... И прииде Иван Иванович Салтык на Вологду ноября в 9».[3]

Устюжская летопись сообщает другие подробности этого похода. Она называет сысоличей, указывает место боя с вогуличами — устье р. Пелыни, рассказывает о потерях устюжан в этом бою (7 человек), уточняет маршрут похода. После боя на Пелыни (левый приток Тавды) воеводы великого князя «пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь... А от Сибири шли по Иртышку реце вниз... да на Обь, реку великую, в Югорскую землю». Из Устюга «пошла рать... Мая в 9 день, а на Устюг пришла на Покров Пресвятые Богородицы»,[4] т. е. 1 октября.

[1] Там же. Т. 37. С. 49. В известии Софийско-Львовской летописи Константин Юрьев назван «воеводой Вятским» (Там же. Т. 20 (1-я пол.). С. 352).

[2] Там же. Т. 25. С. 281–283.

[3] Там же. Т. 26. С. 275–276.

[4] Там же. Т. 37. С. 49.

Текст Устюжской летописи не оставляет сомнения в том, что поход совершался по рекам — в речных судах, перетаскиваемых в случае необходимости волоком. За полгода навигации русские воины прошли более 3,5 тыс. км. Русское войско шло, по-видимому, вверх по Вычегде, затем волоком в Печору, из нее волоком в Лозьву. На этом участке надо было преодолеть северную часть Уральского хребта. Далее — вниз по Лозьве до Тавды, мимо устья Пелыни, затем Тавдой до Тобола, Тоболом — в Иртыш, Иртышом — в Обь.

Кто же участвовал в этом многомесячном походе? Летопись различает детей боярских великого князя и местных жителей. Дети боярские присылаются, видимо, из Москвы. Местные жители, населяющие берега рек, составляют судовую (пешую) рать, набираемую по мобилизации. Они же, очевидно, содержат и готовят для похода речные суда. Если конное ополчение детей боярских составляет главную ударную силу русских войск в борьбе на южном и западном стратегических направлениях, то здесь, на Севере и Северо-Востоке, где нет феодальных вотчин и поместий, основную силу составляет пешее судовое ополчение.

После включения северных земель в состав Русского государства судовые рати, набранные из их жителей, упоминаются постоянно. Характерно, что эти ополчения называются чаще всего по имени рек. Так, в 1489 г. важане (от р. Вага, левый приток Двины) «идут в судех» на Вятку во главе с великокняжеским воеводой Юрием Ивановичем Шестаком. В том же походе участвуют «в судех» и вологжане, и вымичи, и вычегжане, и двиняне, и каргопольцы, и сысоличи, и устюжане (во главе с великокняжеским воеводой князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским). Подобного рода судовое ополчение шло и в морской поход 1496 г. с воеводами князьями Иваном и Петром Федоровичами Ушатыми.

В источниках нет сведений об организации судового ополчения. Можно, однако, предположить, что основу его составляло черносошное свободное крестьянство (хорошо известно, что в конце XV в. феодальное землевладение на Севере практически отсутствовало). Как и в соседней Норвегии, на Русском Севере решительно преобладает свободное крестьянство, непосредственно подчиненное государственной власти.

Физико-географические условия театра военных действий, как уже говорилось, делают реки важнейшей (почти единственной) коммуни-

кацией, тем самым основным родом войск становится пехота, посаженная на суда.

«В природных условиях Норвегии конное войско не находило простора для своих действий; и флот, и пехота неизбежно должны были играть большую роль»,[1] — отмечал А. Я. Гуревич. То же самое можно сказать и о Русском Севере.

В сходных социальных и природных условиях должны были сложиться аналогичные формы военной организации. Организация норвежского судового ополчения (лейданга) известна из нарративных источников (саги) и законодательных памятников XII–XIII вв. (Законы Гулатинга, Ландслов). В основе этой организации лежало деление побережья на округа, каждый из которых должен был выставить определенное число парусно-гребных судов, снабженных всем необходимым и укомплектованных боевым экипажем. Судовая морская повинность распространялась на все свободное население (в случае необходимости привлекались и зависимые). Сага об Олафе Трюггвассоне (XI в.) утверждает, что каждый округ (фюльк) должен был выставить 12 кораблей (на каждом корабле 60–70 воинов). По Законам Гулатинга (XII–XIII вв.), с каждых трех дворов на корабль выставлялся один воин. Созыв судового ополчения первоначально происходил по инициативе местных властей и носил локальный характер. После объединения Норвегии под королевской властью право созыва судового ополчения стало прерогативой короля. Судовое ополчение превратилось в королевскую (государственную) повинность.[2]

Отрывочные и случайные данные наших источников позволяют уловить некоторые аналогичные черты. Новгородская летопись говорит о судовых походах двинян, заволочан и т. п., почти никогда не называя воевод, стоявших во главе судовых ратей. Летопись рассказывает о речных походах вятчан по их собственной инициативе. Создается впечатление, что организация таких походов была делом местных властей.

С 70–80-х гг. XV в. характер известий о речных походах меняется. Они совершаются в интересах Русского государства, по распоряжению великого князя и во главе с назначенными им воеводами. Надо полагать, что с этого времени судовое ополчение в северных землях

---

[1] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 195.

[2] Там же. С. 166–195.

России, как и в Норвегии, стало обязательным видом военной службы. Только в таких условиях и стал возможным большой поход через «море-акиян» в ходе Свейской войны.

Несмотря на крайнюю скудость источников и неполноту сведений, летний морской поход 1496 г. может рассматриваться как выдающееся событие в истории военного мореходства. Судовое ополчение успешно совершило трудный, опасный поход и решило важную стратегическую и политическую задачу. Впервые по волнам Северного океана прошли военные суда Российского государства, впервые они получили боевое крещение в схватке со шведскими бусами. Судовое ополчение Русского Севера показало свою практическую боевую ценность как составной части вооруженных сил возрожденного Российского государства. Судовое ополчение продолжало существовать до коренных реформ Петра Великого, положивших начало регулярному военному флоту России, оно может считаться одним из источников будущей морской силы нашего Отечества.

Если на Балтийском театре морская политика Ивана III делала только первые шаги, то на Северном театре она имела возможность опереться на давнюю и прочную традицию — на выработанные веками навыки судостроения, мореходства и организацию морской силы. Новым здесь было использование этих традиций в интересах государственной политики — для решения насущных задач Свейской войны. В походе 1496 г. северное ополчение шло под командой воевод великого князя, что дает возможность предположить участие в походе и других служилых людей. В ходе всей Свейской войны поход «морем-акияном» был одним из наиболее удачных предприятий, организация и осуществление которого свидетельствуют о зрелости стратегического мышления русского верховного командования (т. е., в сущности, самого Ивана III и его ближайших советников) и о характерном «почерке» этого командования — удары по противнику наносят с разных направлений для решения общей стратегической задачи. Так было в 1469 г. во время «Первой Казани», в 1471 г. — в походе на Новгород, а также в Первой Литовской войне 1492–1493 гг., как и позднее во второй — 1500–1503 гг. Во время Свейской войны в решении стратегической задачи впервые приняли участие морские силы, вполне успешно сыгравшие свою роль.

Есть основания видеть в морской политике Ивана III первый шаг к осознанию значения моря и морской силы для Российского государ-

ства. Дальнейшие шаги в этом направлении — постройка морского порта в Архангельске, развитие мореходства на Русском Севере в XVII в., чем была непосредственно подготовлена коренная реформа Петра Великого — создание регулярного военно-морского флота.

Тверичи — воеводы Ивана III*

Суть большой военной реформы Ивана III — замена прежней удельно-княжеской военной системы военной системой единого Российского государства. Один из важных моментов этой реформы — формирование оперативно-тактических единиц — полков (Большого, Передового, Правой и Левой руки, Сторожевого), которые более правильно было бы назвать корпусами, во главе с заранее назначаемыми воеводами.

Такими воеводами были как представители старомосковских боярских и удельно-княжеских родов, так и служилые люди из вновь присоединившихся княжеств. Эти служилые люди добровольно или вынужденно перешли на службу к великому князю Московскому — государю всея Руси.

Первые сведения о переходе тверских служилых людей к великому князю Московскому относятся к 60-м гг. XV в.: в 1468 г. на службе у Ивана III был князь Данило Дмитриевич Холмский, принимавший участие в Первой Казанской войне.[1] В 1476 г. к великому князю Московскому перешла уже целая группа тверских служилых людей.[2]

В походе 1471 г. на Новгород участвовали войска великого князя Тверского во главе с князем Михаилом Федоровичем Микулинским — они входят в состав полка Правой руки. Кроме них — собственно тверские

---

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г* Тверичи — воеводы Ивана III // Первый Петербургско-Тверской семинар «Тверской край в науке и культуре»: Сб. научных статей / Под ред. Ю. В. Кривошеева, В. М. Воробьева. Тверь, 2009. С. 86–96.

[1] ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 187

[2] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 308.

войска в составе того же полка во главе с воеводами Григорием и Иваном Никитичами Бороздиными, которые вели кашинцев и дмитровцев. Эти воеводы — вчерашние служилые люди великого князя Тверского, перешедшие на службу Москве. Кашин входил в состав великого княжества Тверского, но, как видно, его служилое ополчение шло уже под знаменами и с воеводами государя Московского.[1]

События 1485 г. — переломный момент в истории Тверской земли. Отныне она стала частью единого Российского государства. И это сразу же отразилось как на служебных отношениях тверичей, так и на персоналиях всего командного состава российского войска.

В большом походе 1487 г. на Казань в судовой рати в Большом полку идут «князь Данило Дмитриевич Холмский да князь Осиф Андреевич Дорогобужский».[2]

Оба — тверичи, но первый из них уже двадцать лет на московской службе — он прославленный воевода, победитель на Шелони, а второй — вчерашний удельный князь Тверского дома. В 1480 г. он участвовал в «стоянии на Угре» во главе войска Михаила Тверского,[3] а теперь впервые идет в поход как воевода великого князя всея Руси.

В полку Правой руки вторым воеводой идет Иван Борисович. Это — Бороздин, представитель тверского служилого рода. Уже на второй день после включения Тверской земли в состав единого государства представители Твери играют видную роль и участвуют в важнейшей стратегической операции русских войск, приведшей к блестящей победе и крупным политическим последствиям.

Следующим большим походом русских войск был поход на Вятку в 1489 г.

По данным Устюжской летописи, с воеводами Данилой Васильевичем Щеней и Григорием Поплевой Морозовым шли «москвичи, и володимерцы, и тверичи, и иных городов. А у тверич воеводы Ондрей Коробов да князь Осиф Дорогобужский».[4]

Согласно разрядным записям, «в Большом полку шли князь Данило Васильевич Щеня да князь Ондрей Семенович Чернятинский.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 313.

[2] Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1966 (далее — РК-98).

[3] ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 497

[4] ПСРЛ. Т. 37. М., 1987. С. 96.

В Передовом полку Григорий Васильевич Морозов да Ондрей Иванович Коробов.

В Правой руке князь Василий Андреевич Микулинский да Василий Борисович Бороздин, да князь Ондреев (Углицкого) воевода Михайло Константинович.

В Левой руке Василий Семенович Бокеев да Семен Карпович, да князь Борисов (Волоцкого) воевода Фома Иванович».[1]

Из десяти воевод конной рати — шестеро тверичей. Это бывшие удельные князья Чернятинский и Микулинский, воеводы Андрей Коробов, Василий Бороздин, Василий Бокеев и Семен Карпович. Поход на Вятку — очень важное военное предприятие: по летописным данным, в нем участвуют несколько десятков тысяч человек, и в этой стратегической операции, имевшей целью обеспечить стабильность северо-восточных рубежей России, воеводы-тверичи составляют наиболее значительную по численности группу высшего командного состава.

Крупнейшим военно-политическим событием начала 90-х гг. XV в. была Первая Литовская война 1492–1493 гг. Она развертывалась на широком фронте, на нескольких операционных направлениях и вызывала большое напряжение воинских сил. Целью войны было воссоединение с Россией земель на юго-западных подступах к Москве, в широкой полосе по Оке и ее притокам.

В кампании 1492 г., по разрядным книгам, в Большом полку были воеводы князь Данило Дмитриевич Холмский, Яков Захарьич и князь Владимир Андреевич Микулинский. Из трех воевод Большого полка — двое тверичей, в том числе участник недавнего похода на Вятку.

Война с Литвой разгоралась, — и в январе 1493 г. начался новый большой поход. В числе выступивших из Москвы 29 января нет ни одного тверича. Этим список воевод Литовского похода сильно отличается от недавних походов на Казань и Вятку, в которых, как мы видели, тверичи играли важную и даже доминирующую роль.[2]

Но одновременно с этой ратью, отправленной на юго-запад для поддержки местных русских князей, формируется вторая оперативная группа (или армия, выражаясь терминами XIX–XX вв.). Эта рать идет от Великих Лук — на правом стратегическом фланге литовского фрон-

[1] РК-98. С. 21.

[2] В январском походе решающую роль играли воеводы князья Оболенские. Их семь человек из восьми воевод.

та. Первым воеводой Большого полка назван ярославский князь Данило Александрович Пенко. Из семи воевод полков этой рати — двое тверичей. Василий Борисович Бороздин, второй воевода Передового полка, и Дмитрий Киндырев — первый воевода полка Правой руки.[1]

Судя по разрядам, кроме двух фланговых армий формировалась и третья — из Твери: здесь названо восемь воевод во главе с князем Данилой Васильевичем Щеней. Из этих воевод — четверо тверичей: князь Осиф Андреевич Дорогобужский, первый воевода полка Правой руки, князь Владимир Андреевич Микулинский, первый воевода полка Левой руки, и братья Иван и Петр Борисовичи Бороздины, второй и третий воево́ды того же полка.[2]

Как видно из официозного летописного сообщения, князь Данило Васильевич Щеня со своими силами был направлен на Вязьму, и совместно с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым, не названным в разрядах, овладел этим городом,[3] одержав самую крупную победу во всей кампании. Именно в этом походе, как мы видели, наибольшую роль в составе воевод играли тверичи.

Четвертая армия формировалась в Новгороде и Пскове во главе с соответствующими наместниками, «на помочь» этой рати «изо Московские и из Тверские земли» было назначено пять воевод, третий и четвертый из них — тверичи: Дмитрий Киндырев и Василий Борисович Бороздин.[4]

Надо полагать, что отправка войска на помощь Новгородско-Псковской группе заставила создать новую оперативную группировку в Тверской земле. Во главе ее формально был поставлен 13-летний князь Василий, сын великого князя (будущий Василий III). Ему было придано пять воевод во главе с князем Данилой Васильевичем Щеней. Пятым из списка воевод назван тверич Петр Борисович Бороздин.

Постоянно действующим фактором стратегической обстановки была необходимость обороны Берега, южного фланга, от возможного

---

[1] Следует отметить, что в поход от Великих Лук идут трое воевод — ярославские княжата. В походе от Москвы на юго-запад их не вызвано ни одного.

[2] РК-98. С. 22–24.

[3] ПСРЛ. Т. 24. С. 211.

[4] В этом же походе Данило Пенко и Семен Романович — два ярославских князя, и один Оболенский Нагой — соответственно, первый, второй и пятый по нумерации.

нападения Ахматовичей — ханов Большой Орды. В 1493 г. «к Берегу изо Твери (были посланы) воевода князь Осиф Андреевич Дорогобужский, князь Михайло Федорович Микулинский, Иван Борисович (Бороздин). А на Берегу быти сыну великого князя князю Юрью да князю Борису Васильевичу (Волоцкому)». На Берегу была развернута целая армия: в Серпухове — двое князей Оболенских, в Тарусе — еще один князь Оболенский (Иван Лыко), «да на Берегу же быти князю Андрею да князю Ивану Смоле Никитичам (Оболенским)».

Как показывают источники, в кампании 1493 г. тверские воеводы — и в ударной группе на Вяземском направлении, и в оборонительной группировке на Берегу. Если присутствие в составе воевод пятерых Оболенских на Берегу может объясняться близостью к южному рубежу их родовых владений и традиционных связей, то назначение сюда воевод из далекой Тверской земли может свидетельствовать об уважении к их командным качествам.

Первая Свейская война 1495–1497 гг. имела целью обезопасить северо-западное направление и добиться свободы мореплавания на Балтике.

По разрядам, в походе на Выборг осенью 1495 г. участвовали три рати: главные силы князя Данилы Щени, новгородская рать наместника Якова Захарьича и псковская рать наместника князя Василия Федоровича Шуйского. В рати князя Данилы Щени воеводами полка Левой руки шли братья тверичи Петр и Василий Борисовичи Бороздины.[1]

В большой зимний поход на Гамскую землю в глубь шведской Финляндии были посланы войска во главе с князем Василием Ивановичем Патрикеевым Косым. Первым воеводой полка Левой руки в этом войске был тверич Семен Карпович.[2]

Осенью 1496 г. готовился новый большой поход на шведов во главе с князем Щеней. Его ближайшим помощником, по тогдашней «табели о рангах» — первым воеводой Передового полка, должен был идти князь Осиф Андреевич Дорогобужский, а воеводами полка Левой руки — братья Иван да Петр Борисовичи Бороздины.

Из-за осложнений с Казанью оперативные планы пришлось пересмотреть. Число полковых воевод, назначенных теперь в поход на

---

[1] РК-98. С. 24.

[2] Там же. С. 27.

Свею, было уменьшено с девяти до пяти, но в их числе остался воевода полка Левой руки Иван Борисович Бороздин.

К весне 1497 г. начал готовиться большой поход под Казань для поддержки хана Мухаммед-Эмина. В судовой рати в Передовом полку должен был идти первым воеводой Андрей Иванович Коробов, в Правой руке — Петр Борисович, в Левой руке — Василий Борисович Бороздины.

Тверичи должны были идти и в конной рати, которую возглавил князь Александр Васильевич Оболенский, полком Левой руки командовал тверич Семен Карпович.

Обстановка в Казани стабилизировалась, и поход весны 1497 г. не состоялся. Обращает на себя внимание участие воевод-тверичей в походах по Волге и ее притокам — на Казань и на Вятку. Вполне возможно, что воеводы-тверичи возглавляли служилых людей из своей земли, а также, в судовой рати, и земское ополчение.

Наиболее крупным военным предприятием великого князя Ивана была Большая Литовская война 1500–1503 гг., осложнившаяся войной с Ливонией.[1] Как и в Первой Литовской войне, целью было возвращение из-под власти Литвы русских земель с православным населением.

Решающую роль играла кампания 1500 г., определившая, в сущности, победоносный исход всей войны. В ходе этой кампании были достигнуты наиболее крупные оперативно-стратегические результаты.

Оперативная группа (армия, рать) во главе с Яковом Захарьичем действовала на левом фланге. Она была нацелена на решение основной политической задачи кампании — овладение спорными с Литвой русскими княжествами. Развертывание войска проходило на широком фронте.

В районе Великих Лук на правом (северном) фланге литовского фронта формировалась оперативная группа из служилых людей приграничных уездов, а также Новгорода и Пскова, во главе с воеводой Андреем Федоровичем Челядниным.

Третья группа во главе с Юрием Захарьичем была двинута на центральное направление: Дорогобуж — Смоленск. В числе восьми воевод этой рати — тверич Петр Иванович Житов, первый воевода полка Левой руки.

[1] См.: *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 413–479 наст. издания.

Решающую роль в кампании сыграла именно эта рать. Захватив Дорогобуж, она создала непосредственную угрозу Смоленску, что заставило великого князя Александра Литовского двинуть на это направление главные силы своих войск.

Великий князь Иван Васильевич ответил на это выдвижением своего стратегического резерва во главе с воеводой князем Данилой Васильевичем Щеней.

14 июля 1500 г. произошло сражение на Ведроше, в котором литовские войска были наголову разбиты, а русские войска одержали одну из самых блестящих побед в истории нашего Отечества.

По разрядным записям, в этой битве участвовало 12 воевод великого князя (не считая двух только что перешедших от Литвы удельных князей). В числе воевод-победителей — четыре тверича:

— первый воевода полка Правой руки князь Осиф Андреевич Дорогобужский;

— первый воевода полка Левой руки князь Владимир Михайлович Микулинский;

— второй воевода этого же полка Дмитрий Киндырев;

— третий воевода того же полка Петр Житов.

Победители на Ведроше были отмечены особой благодарственной речью великого князя: «Да в речи уж писано: князь Данило Васильевич, князь Осиф Дорогобужский, князь Михайла Телятевский, Дмитрий Киндырев, Петр Житов». В «речи», кроме главного героя, командующего армией, отмечено пятеро воевод, из них четыре тверича. Это — лучшее признание доблести тверичей-воевод на службе Российскому государству.

Великий князь Александр Литовский не смирился со своим поражением в кампании 1500 г. и решил продолжать войну, рассчитывая на помощь своих союзников.

В апреле 1501 г. русское командование планировало новый поход в Литовскую землю. В состав войск, возглавляемых ярославским князем Данилой Александровичем Пенко, входило шесть полковых воевод, в числе их — двое тверичей: воевода полка Правой руки Иван Борисович, воевода полка Левой руки — Петр Борисович Бороздины.

В Твери создавалась группировка войск под формальным руководством великого князя Василия (будущего Василия III), а фактически, вероятно, под командованием князя Данилы Щени. В числе воевод этой группировки — двое тверичей: князь Владимир Андреевич Ми-

кулинский (на третьем месте) и Василий Борисович Бороздин (на пятом).

В мае 1501 г. обстановка резко изменилась. В войну против России фактически вступила Ливония. Это заставило создать новую группировку войск для обороны северо-западного направления. После многократных просьб псковичей о помощи, 22 августа войска великого князя пошли в поход на Ливонию. В походе участвовали войска, присланные, видимо, из Москвы во главе с князем Данилой Александровичем Пенко, служилое ополчение из Новгорода и псковичи со своим наместником, «и тверские воеводы, Иван да Петр Борисовичи (Бороздины)».[1]

Служилое ополчение Тверской земли во главе со своими воеводами было переброшено на северо-западное направление.

Сражение 27 августа на р. Серице под Изборском закончилось поражением русских войск: «И на том бою воеводу великого князя Ивана Борисовича убиша из пушки».[2]

Основная причина поражения на Серице — военно-техническое превосходство противника. Русское войско впервые встретилось с новым грозным противником — полевой артиллерией и пехотой с огнестрельным оружием. На поле боя смертью храбрых пал один из воевод-тверичей, в прошлом участник многих походов.

В кампании 1502 г. России также пришлось вести борьбу против двух противников: Литвы и Ливонии. Боевые действия на северо-западном направлении носили активно-оборонительный характер и закончились успешной обороной Пскова, после чего противник отступил в Ливонию.

Главной задачей кампании было овладение Смоленском.

Еще зимой на Смоленском направлении были развернуты войска князя Данилы Щени. В составе этой рати тверской воевода Петр Житов возглавлял полк Правой руки.

Это последнее упоминание тверских воевод в походах войск Российского государства при Иване III.

Итак, за 15 лет, от взятия Казани до походов в кампании 1502 г тверичи-воеводы участвовали почти во всех боевых действиях.

---

[1] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 84–85.

[2] ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 241.

Обращает на себя внимание, что наибольшую роль тверичи играли в походах на восток и северо-восток, значительно меньшую — в походах на южном и юго-западном направлениях. Такое географическое распределение наводит на мысль о том, что тверичи-воеводы шли с полками служилых людей своей земли, в которой они сохраняли свои вотчины и родовые связи. Фактическое сохранение тверской служилой системы после включения Твери в состав Российского государства сыграло, видимо, большую роль в служебной деятельности воевод-тверичей. Можно считать, что это было положительным явлением в процессе строительства вооруженных сил Российского государства: старые традиции органически вливались в новую военную систему без какой-либо существенной ломки и деформации. Тверская служилая система становилась на службу Российскому государству, сохраняя старые традиции.

Общее представление о тверичах-воеводах в войсках Ивана III дает приводимая таблица.

Воеводы-тверичи

1. Бокеев В. С.	1449 г. на Вятку
2. Бороздин В. Б.	1449 г. на Вятку 1493 г. на Литву от Великих Лук 1501 г. в Твери
3. Бороздин Г. Н.	1477 г. на Новгород
4. Бороздин И. Б.	1487 г. на Казань 1493 г. на Литву из Твери 1493 г. к Берегу из Твери 1496 г. на Свею 1501 г. на Литву 1501 г. на Ливонию
5. Бороздин И. Н. Жито	1471 г. на Новгород 1477 г. на Новгород
6. Бороздин П. Б.	1493 г. на Литву из Твери 1493 г. в Твери

	1495 г. на Свею 1496 г. на Свею 1501 г. на Литву 1501 г. на Ливонию
7. Бороздин П. И. Житов	1500 г. на Литву (Ведроша) 1501 г. на Ливонию 1501 г. на Литву
8. кн. Дорогобужский И. А.	1480 г. на Угре 1487 г. на Казань 1489 г. на Вятку 1493 г. на Литву из Твери 1493 г. к Берегу из Твери 1496 г. на Свею 1500 г. на Литву (Ведроша) 1501 г. на Ливонию
9. кн. Дорогобужский Ю. А.	1471 г. на Новгород
10. Карпов С. К.	1489 г. на Вятку
11. Киндырев Д. И.	1487 г. на Казань 1493 г. на Литву с Великих Лук
12. Коробов А. И.	1489 г. на Вятку 1497 г. на Казань
13. кн. Микулинский В. А.	1489 г. на Вятку 1493 г. на Литву 1493 г. на Литву из Твери
14. кн. Микулинский М. Ф.	1472 г. на Новгород 1493 г. к Берегу из Твери 1500 г. на Литву (Ведроша) 1501 г. в Твери 1501 г. на Ливонию
15. кн. Холмский Д. Д.	1468 г. Муром 1471 г. на Новгород 1472 г. на Оке 1473 г. на Ливонию

	1477 г. на Новгород 1487 г. на Казань 1492 г. на Литву 1493 г. у вел. кн. (резерв)
16. кн. Холмский В. Д.	1502 г. на Смоленск
17. кн. Холмский С. Д.	1487 г. на Казань
18. кн. Чернятинский А. С.	1489 г. на Вятку

Некоторые сведения о судьбах потомков тверских воевод Ивана III (по состоянию к середине XVI в.) содержат Тысячная книга и Дворовая тетрадь (далее — ТКДТ).[1] Речь идет, таким образом, о поколении внуков старых воевод.

Из состава дворовых служилых людей по Тверской земле выбыли князья Дорогобужские, Бокеевы, Карповы, Киндыревы, Коробовы, князья Холмские.

В числе воевод Ивана III упоминаются Борисовы, пересекающиеся с Бороздиными. Идентификация их потомства затруднена. Сложно сказать, кто из них в середине XVI в. был потомком воевод Ивана III. В списках середины XVI в. числятся 19 дворовых детей боярских с семейным именем Борисовы. 9 из них связаны с Тверской землей. По Твери служат Никитины дети Александр, Василий и Матвей, Михайло Васильев сын Петрова.[2] По Кашину записаны Андрей Андреев, Иван и Никита Васильевы, Стенька Глебов.[3]

Из Бороздиных служит по Зубцову и Старице дворовый сын боярский Богдан Игнатьев.[4]

Связь с Тверью сохранили все Житовы. По Твери служили дети боярские сыновья Петра Житова Андрей, Васюк Большой, Васюк Меньшой, Данило и Роман.[5] Возможно, это сыновья Петра Ивановича Бороздина-Житова, воеводы начала 1500-х гг.

---

[1] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

[2] ТКДТ. С. 195.

[3] Там же. С. 134, 136.

[4] Там же. С. 182–183.

[5] Там же. С. 195.

Князь Микулинский Дмитрий княж Иванов сын числится в Тысячной книге как сын боярский I статьи по Твери.[1] Князья Микулинские Телятевские записаны в Дворовой тетради как ярославские помещики.[2]

Из князей Чернятинских (Чертинских) «княж Васильевы дети» князья Иван и Никита числятся в Тысячной книге как дети боярские III статьи по Старице, прежде служившие князю Андрею Старицкому,[3] а в Дворовой тетради — как дворовые дети боярские по Торжку.[4]

Таким образом, к середине XVI в. большинство потомков старых тверских воевод Ивана III уже служили по другим уездам, утратив наследственные связи с Тверской землей. Корпус воевод и полки этого времени формируются, видимо, по другим принципам. Родовые наследственные связи воевод с их землями и их полками потеряли прежнее значение.

Список воевод Ивана III*

Предлагаемый список воевод — первичный материал для дальнейшего изучения целого ряда вопросов, таких как, например, военная реформа Ивана III, характер формирования и структура высшего командного состава, иерархия воевод, их служебная карьера, их взаимоотношения с Боярской Думой, Государевым двором и реликтами удельно-княжеской системы.

Организация обороны страны от внешнего врага — одна из важнейших функций государства, пронизывающая все социально-экономические, политические и морально-психологические сферы бытия общественного организма. Само существование народа, в конечном счете, зависит от способности государства успешно решить задачу обороны страны.

[1] ТКДТ. С. 79.

[2] Там же. С. 123.

[3] Там же. С. 81.

[4] Там же. С. 198.

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г* Список воевод Ивана III // Русские древности: К 75-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С. 216–234.

Поэтому не удивительно, что именно к этим вопросам традиционно и вполне обоснованно притягивается внимание государственной власти, отражаемое в дошедших до нас источниках.

Важнейшее дело Ивана III — освобождение от ордынского ига и создание единого Российского государства — реализовывалось в бесчисленных кампаниях, походах и боях. В области государственного строительства одной из важнейших реформ была военная реформа, суть которой — создание новой военной системы единого государства вместо прежней удельно-княжеской системы. Особенность проведения большинства реформ Ивана III заключается в том, что старые институты не уничтожались одним указом, а перестраивались, подчиняясь новым требованиям государства. Так было, например, с удельно-княжеской политической системой в большинстве русских земель. Было ли так с военной системой уделов? Ответ на этот вопрос может дать только тщательное изучение командных кадров нового государства, составленного из множества прежних уделов.

Важнейшей реформой было введение новой полковой организации — создание оперативно-тактических соединений, формируемых не накануне сражения, как в доброе старое время, а заблаговременно. Наиболее существенной частью реформы было фактическое создание института верховного главнокомандования — отделение стратегического руководства вооруженными силами от оперативно-тактического руководства во время похода и в бою. Как отразилась эта важнейшая реформа на высшем командном составе войск?

При отсутствии профессионального военного образования в России, как и повсюду в Европе, одни и те же лица выступали в качестве военачальников и гражданских администраторов. Как влияла эта практика на формирование и функционирование высшего командного состава?

Какую роль в формировании и функционировании высшего командного состава играли старые наследственные, родовые и вотчинные связи?

Как соотносится высший командный состав с политической элитой — боярами, окольничими — и с Государевым двором?

Вот только неполный перечень вопросов, которые возникают при самом первом знакомстве со списками воевод Ивана III.

Эпоха Ивана III — время выдающихся успехов русского оружия. Персонажи списка — реальные творцы этих успехов.

Сохраняя за собой стратегическое руководство, Ставка великого князя — верховного главнокомандующего предоставляла полковым воеводам, исполнителям ее директив, достаточно широкое поле деятельности.

Разгром новгородских сепаратистов на Шелони, первое взятие Казани, поход лодейной флотилии Северным океаном, блестящая победа на Ведроше — ступени развития оперативного русского тактического искусства. Воеводы Ивана III в подавляющем большинстве своем достойно выполняли свой долг и обеспечивали решение задач, поставленных перед ними. Всестороннее и глубокое изучение их деятельности тем более необходимо, что существующая историческая традиция явно недооценивает значение эпохи Ивана III в истории развития русского военного искусства.

Список воевод Ивана III

№	Воевода	Место службы	Источник
1.	Бабич кн. Юрий	1496 г. воевода в Ивангороде.	ПСРЛ. Т. 28. С. 329.
2.	Беззубцев Константин Александрович	1469 г. на Казань. № 1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
3.	Беззубцев Федор Константинович	1495 г. на Выборг. ПР-1.	РК-98. С. 24.
4.	Беклемишев Семен Васильевич	1472 г. воевода в Алексине.	ПСРЛ. Т. 25. С. 297
5.	Бельский кн. Федор Иванович	1485 г. на Тверь. 1499/1500 г. на Казань. Б-1. 1502 г. на Смоленск. ПР-1.	ПСРЛ. Т. 20. С. 352. РК-98. С. 28. РК-98. С. 34.

6.	Бокеев Василий Семенович	1489 г. на Вятку. ЛР-1 в конной рати.	РК-98. С. 21.
7.	Бороздин Василий Борисович	1489 г. на Вятку. П-2 в конной рати. 1493 г. на Литву от Лук. ПР-2. 1501 г. Тверь. У вел. кн. Василия — № 6.	РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 31.
8.	Бороздин Григорий Никитич	1477 г. на Новгород. ПР-2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 313.
9.	Бороздин Иван Борисович	1487 г. на Казань. ПР-2 в судовой рати. 1493 г. на Литву из Твери. ЛР-2. К Берегу из Твери. № 3. 1496 г. на Свею. ЛР-1 (не состоялось). 1501 г. на Литву. ПР-1. 1501 г. на немцев — пал в бою на Серице.	РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 23. РК-98. С. 27. РК-98. С. 31. ПСРЛ. Т. 8. С. 241.
10.	Бороздин Иван Никитич Жито	1471 г. на Новгород с Тверской ратью. № 2. 1477 г. на Новгород. ПР-2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 288. ПСРЛ. Т. 25. С. 313.
11.	Бороздин Петр Борисович	1493 г. на Литву из Твери. ЛР-3. воев. № 5 у вел. кн. Василия. 1495 г. на Свею под Выборг. ЛР-1. 1496 г. на Свею. ЛР-2. 1501 г. апрель. На Литву. ЛР-1. 1501 г., август. На немцев от Пскова	РК-98. С. 23. РК-98. С. 23. РК-98. С. 24. РК-98. С. 27. РК-98. С. 31. ПСРЛ. Т. 5/1. С. 85.

12.	Бороздин Петр Иванович Житов	1500 г. к Дорогобужу. ЛР-1. На Ведроше. ЛР-3. 1501 г. на немцев. ПР-2. Декабрь. на Литву. П-1.	РК-98. С. 29. РК-98. С. 30. РК-98. С. 33. РК-98. С. 33
13.	*Брюхо [Морозов] Федор Борисович*	1469 г. послан к Устюгу, поход на Казань	ПСРЛ. Т. 25. С. 281
14.	Булгак кн. Иван Васильевич	1481 г. на Ливонию. № 1. 1482 г. в Нижнем Новгороде по Казанским вестям. № 1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 329. РК-98. С. 19.
15.	*Бурдук Андрей*	1469 г. к Устюгу — на Казань.	ПСРЛ. Т. 25. С. 282
16.	Вельяминов Иван Васильевич Шадра	1500 г. к Дорогобужу. П-1. На Ведроше. С-2.	РК-98. С..30. РК-98. С. 30.
17.	Вельяминов Обляз	1500 г. к Дорогобужу. ЛР-2. воев. кн. Бориса Волоцкого.	РК-98. С. 30
18.	Вельяминов Стерляга	1500 г. на Литву, наместник в Луках. № 2. П-1.	РК-98. С. 29.
19.	Воронцов Семен Иванович	1493 г. в Можайске — № 2. 1501 г. на Мстиславль. Б-2.	РК-98. С. 23. РК-98. С. 33.
20.	Воротынский кн. Дмитрий Федорович	Служилый князь 1493 г. — «где похочет» со своим полком. 1496 г. на Свейскую землю со своим полком.	 РК-98. С. 22. РК-98. С. 27

21.	Воротынский кн. Иван Михайлович	1493 г. на Литву с полком Воротынских. 1496 г. на Свею с полком Воротынских в ЛР. 1500 г. на Ведроше в ПР «с Татары». 1501 г. на Мстиславль. П-2.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 27 РК-98. С. 30. РК-98. С. 33.
22.	Воротынский кн. Семен Федорович	1493 г. на Литву с полком Воротынских. 1496 г. на Свею в ЛР со своим полком.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 27
23.	Гаврилов [Заболотский] Василий Иванович Бражник	1499 г. на Югру. № 3.	РК-98. С. 29.
24.	*Глухой Иван Игнатьевич*	1469 г. на Казань.	ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
25.	Голенин кн. Андрей Андреевич	1495 г. на Выборг. Б-2. воев. кн. Ивана Борисовича. 1502 г. на Литву из Ржевы. Б-2.	РК-98. С. 24. РК-98. С. 34.
26.	Горбатый [Суздальский] кн. Борис Иванович	1489 г. — стоял на Каме «вятских для дел».	РК-98. С. 21.
27.	Григорий Федорович [Хромой]	1496 г. на Гамскую землю. ПР-2.	РК-98. С. 27
28.	Гундорев кн. Иван Федорович [«Гундос»]	1496 г. под Ивангородом. 1501 г. на Литву. ПР-2.	ПСРЛ. Т. 28. С. 329. РК-98. С. 34.

29.	Гусев Елизар Васильевич	1477 г. на Новгород «с князя своего полком» [вероятно, Андрея Большого].	ПСРЛ. Т. 25. С. 315.
30.	Деев кн. Михайлов сын	1482 г. — стоит в Нижнем Новгороде.	РК-98. С. 19.
31.	Дорогобужский кн. Иосиф Андреевич	1480 г. на Угре воев. вел. кн. Тверского. 1487 г. на Казань. Б-2 в судовой рати. 1489 г. на Вятку во главе тверского ополчения. 1493 г. из Твери на Литву. ПР-1. К Берегу из Твери. № 1. 1496 г. на Свею. П-1 (не состоялся). 1500 г. на Ведроше. ПР-2. 1501 г. из Новгорода на немцев. ПР-1.	ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497 РК-98. С. 20. ПСРЛ. Т. 37. С. 96–97 РК-98. С. 23. РК-98. С. 23. РК-98. С. 27. РК-98. С. 30. РК-98. С. 33.
32.	Дорогобужский кн. Юрий Андреевич	1471 г. на Новгород — воев. вел. кн. Тверского	ПСРЛ. Т. 25. С. 288.
33.	Жук Иван Васильевич	1501 г. на Мстиславль. ЛР-1.	РК-98. С. 32.
34.	Жулебин Семен Иванович	1501 г. из Ржевы на Литву. С-2.	РК-98. С. 34.
35.	Заболотский Алексей Григорьевич	1500 г. на Литву. С-1. Пуповский наместник.	РК-98. С. 29.
36.	Засекин кн. Михаил Иванович	1501 г. на Литву из Ржевы. ЛР-1.	РК-98. С. 34.
37	Захарьич Юрий	1493 г. в Твери у в. кн. Василия, воевода № 2.	РК-98. С. 23.

		1500 г. на Дорогобуж. Б-1. На Ведроше. С-1.	РК-98. С. 30. РК-98. С. 30.
38.	Захарьич Яков	1485 г. на Тверь — наместник Новгорода. 1492 г. в Северу. Б-2. 1493 г. на Литву из Новгорода. 1495 г. под Выборг из Новгорода. Б-1. 1496 г. на Свею (не состоялось). Б-2. Б-1. не состоялось. 1500 г. на Путивль. Б-1. 1502 г. на Смоленск. Б-2.	ПСРЛ. Т. 18. С. 271. РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 24. РК-98. С. 27. РК-98. С. 27. РК-98. С. 30. РК-98. С. 34.
39.	Звенигородский кн. Иван Иванович Звенец	1468 г. на Казань в судовой рати с устюжанами. 1477 г. на Новгород — пристав у татар. 1489 г. на Вятку с устюжанами в судовой рати. 1495 г. с вел. кн. в Новгород, окольничий № 2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 28. ПСРЛ. Т. 25. С. 316. ПСРЛ. Т. 37. С. 96. РК-98. С. 24.
40.	Измайлов Иван Иванович [Инка]	Воев. рязанский 1492 г. на Литву.	РК-98. С. 22.
41.	Измайлов Никита Иванович	Воев. рязанский — вел. кн. Анны. 1501 г. под Орду.	РК-98. С. 32.
42.	Киндырев Дмитрий Иванович	1847 г. на Казань. Конная рать, на помощь, № 2. 1493 г. на Литву с Лук Великих. ПР-1. 1500 г. на Ведроше. ЛР-2.	РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 30.

43.	*Кожанов Борис*	1462 г. на черемису с устюжанами.	ПСРЛ. Т. 37 С. 90.
44.	Колычев Андрей Андреевич	1493 г. на Литву с Лук. ЛР-1. 1501 г. в Новгороде с владыкою.	РК-98. С. 23. РК-98. С. 32.
45.	Колычев Борис Александрович	1500 г. на Литву. ПР-1.	РК-98. С. 29.
46.	Колычев Иван Андреевич Лобан	1495 г. на Свею из Новгорода. П-1. 1501 г. наместник Новгорода. № 2. на немцев. Б-1. 1502 г. Март 9. Убит под Ивангородом.	РК-98. С. 24. РК-98. С. 31. ПСРЛ. Т. 28. С. 336.
47	Колычев Михаил Андреевич	1501 г. из Новгорода на Литву. П-2. На немцев из Новгорода. С-2. Декабрь. На Литву. С-1.	РК-98. С. 33.
48.	Коробов Андрей Иванович	1489 г. на Вятку. П-2. 1497 г. на Казань. Судовая рать. П-1 (не состоялось).	РК-98. С. 21. РК-98. С. 28.
49.	*Кропотич кн. Федор*	1502 г. Сентябрь — пал в бою на оз. Смолино.	ПСРЛ. Т. 24. С. 215.
50.	Кубенский кн. Иван Семенович	1489 г. на Вятку. Судовая рать. № 2.	РК-98. С. 21.
51.	Курбский кн. Михаил Федорович Карамыш	1501 г. на Литву. Б-2. 1502 г. на Смоленск. ЛР-2.	РК-98. С. 31. РК-98. С. 34.
52.	Курбский кн. Семен Федорович	1499 г. на Югру. № 1.	РК-98. С. 29.

53.	Курбский кн. Федор Семенович Черный	1482 г. в Нижнем Новгороде «по казанским вестям». 1483 г. на Обь. № 2.	РК-98. С. 20. ПСРЛ. Т. 26. С. 276.
54.	Кутузов Юрий Иванович Шестак	1485 г. на Тверь. 1487 г. «на Вятку». № 1. «умиришася». 1489 г. на Вятку с важанами и каргопольцами в судовой рати.	ПСРЛ. Т. 18. С. 271. ПСРЛ. Т. 28. С. 310. ПСРЛ. Т. 37 С. 96. РК-98. С. 21.
55.	Микулинский кн. Владимир Андреевич	1489 г. на Вятку. ПР-1. 1491 / 1492 г. на Северу. Б-3. 1493 г. на Литву из Твери. ЛР-1.	РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 23.
56.	Микулинский кн. Михаил Федорович	1477 г. от вел. кн. Тверского на Новгород. 1493 г. из Твери к Берегу. № 2. 1500 г. на Ведроше. ЛР-1. 1501 г. в Твери у вел. кн. Василия. № 4. На немцев. ЛР-1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 23. РК-98. С. 30. РК-98. С. 31. РК-98. С. 33.
57.	Михаил Иванович кн., сын кн. Ивана Васильевича	1501 г. из Ржевы на Литву. Б-1.	РК-98. С. 34.
58.	Михаил Константинович	1489 г. на Вятку. ПР-3. Воевода кн. Андрея Углицкого.	РК-98. С. 21.
59.	Морозов Василий Григорьевич	1501 г. на Литву. ЛР-2.	РК-98. С. 32.

60.	Морозов Иван Григорьевич	1501 г. на Литву. ЛР-1.	РК-98. С. 32.
61.	Морозов Григорий Васильевич Поплева	1489 г. на Вятку. П-1.	РК-98. С. 21.
62.	Морозов Семен Борисович Брюхо	1501 г. Тверь, у вел. кн. Василия Ивановича.	РК-98. С. 31.
63.	*Нелидов Гаврило*	1472 г. на Пермь.	ПСРЛ. Т. 25. С. 296.
64.	Ноздроватый кн. Василий Иванович	1501 г. на Орду.	РК-98. С. 32.
65.	Оболенский кн. Александр Васильевич	1477 г. на Новгород «в полку вел. кн.» № 3. 1487 г. на Казань. ПР-1. 1493 г. на Литву. П-1. У вел. кн. № 3. 1497 г. на Казань. Б-2 (не состоялось). 1501 г. пал в битве под Гельмедом 24.11.1501 г.	ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 21. РК-98. С. 22. РК-98. С. 24. РК-98. С. 28. ПСРЛ. Т. 28. С. 335.
66.	Оболенский кн. Андрей Никитич Ноготь	1480 г. на Ливонию от Пскова. 1493 г. на Литву. ПР-1. На Берегу. № 1.	ПСРЛ. Т. 5. С. 218. РК-98. С. 22. РК-98. С. 24.
67	Оболенский кн. Борис Михайлович Туреня	1477 г. на Новгород в полку вел. кн. 1482 г. стоит в Нижнем Новгороде «по казанским вестям». № 1. 1493 г. на Литву. С-1. В Серпухове. № 2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 19. РК-98. С. 22. РК-98. С. 24.

68.	Оболенский кн. Василий Борисович Туренин	1500 г. к Дорогобужу. П-2, с братом.	РК-98. С. 29.
69.	Оболенский кн. Василий Васильевич Телепень	1493 г. на Литву. П-2.	РК-98. С. 22.
70.	Оболенский кн. Василий Владимирович Каша	1493 г. на Литву. С-2.	РК-98. С. 22.
71.	Оболенский кн. Василий Никитич	Воевода кн. Андрея Большого 1487 г. на Казань. ПР-3.	РК-98. С. 21.
72.	Оболенский кн. Владимир Борисович Туренин	1500 г. на Дорогобуж. П-2, с братом. На Ведроше. П-3. 1501 г. наместник в Орешке.	РК-98. С. 30. РК-98. С. 30. РК-98. С. 31.
73.	Оболенский кн. Дмитрий [Иванович]	1482 г. в Нижнем Новгороде «по казанским вестям». № 5.	РК-98. С. 19.
74.	Оболенский кн. Иван Васильевич Стрига	1467 г. на Казань. 1468 г. стоит на Костроме. 1471 г. на Новгород. 1472 г. против Ахмата «с Коломничи». 1477 г. на Новгород. П-3. с владимирцами.	ПСРЛ. Т. 25. С. 279. ПСРЛ. Т. 25. С. 286. ПСРЛ. Т. 25. С. 297 ПСРЛ. Т. 25. С. 313.
75.	Оболенский кн. Иван Васильевич [Шкурля]	1482 г. в Нижнем Новгороде «по казанским вестям».	РК-98. С. 20.

76.	Оболенский кн. Иван Владимирович Лыко	1487 г. на Вятку. № 1. 1489 г. на Вятку с двинянами. 1493 г. на Литву. ЛР-1. Быть на Берегу в Тарусе. 1495 г. в Новгороде наместник № 2.	РК-98. С. 21. ПСРЛ. Т. 37 С. 96. РК-98. С. 22. РК-98. С. 24. РК-98. С. 24.
77	Оболенский кн. Иван Михайлович Репня	1491 г. на Ахматовичей. № 2. 1496 г. на Гамскую землю. П-2. 1500 г. на Литву к Путивлю. П-1. 1502 г. на Смоленск. П-2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 332. РК-98. С. 27 РК-98. С. 30. РК-98. С. 34.
78.	Оболенский кн. Иван Никитич Смола	1493 г. на Литву. ПР-2. На Берегу. № 2.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 24.
79.	Оболенский кн. Константин Ярославич	1502 г. на Смоленск. С-3.	РК-98. С. 34.
80.	Оболенский кн. Петр Васильевич Нагой	1493 г. из Твери на Литву. ПР-2. 1500 г. на Ведроше. П-2.	РК-98. С. 23. РК-98. С. 30.
81.	Оболенский кн. Петр Никитич	1477 г. на Новгород. Пристав у татар. 1491 г. на Ахматовичей. № 1. 1493 г. в Твери с вел. кн. Василием. № 3. 1495 г. на Выборг. П-1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 316. ПСРЛ. Т. 25. С. 332. РК-98. С. 23. РК-98. С. 24.

82.	Оболенский кн. Федор Васильевич Телепень	1492 г. в Северу. С-1. 1495 г. на Выборг. ПР-1. 1496 г. на Свею. ПР-1 (поход не состоялся). 1497 г. на Казань (конная рать). П-1. 1500 г. на Ведроше. ПР-2. 1502 г. на Смоленск. С-2.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 24. РК-98. С. 27 РК-98. С. 28. РК-98. С. 30. РК-98. С. 30.
83.	Образец [Симский] Василий Федорович	1471 г. на Двину «с Устюжаны». 1477 г. на Новгород. «У вел. кн. с Боровичи». 1478 г. на Казань. № 2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 286. ПСРЛ. Т. 25. С. 313. ПСРЛ. Т. 24. С. 196–197
84.	Образец Игнатий Борисович	1501 г. на Литву. С-1.	РК-98. С. 32.
85.	Палецкий кн. Иван Иванович	1500 г. на Путивль с казанскими татарами.	ПСРЛ. Т. 24. С. 214.
86.	Палецкий кн. Федор Иванович	1500 г. на Путивль с казанскими татарами. № 1. 1502 г. из Ржевы на Литву. С-1.	ПСРЛ. Т. 24. С. 214. РК-98. С. 34.
87.	Патрикеев кн. Василий Иванович Косой	1489 г. на Воротынск. № 1. 1493 г. в Можайске. № 1. Быть в Серпухове. № 1. 1496 г. на Гамскую землю. Б-1. 1497 г. на Казань конная рать. Б-1 (поход не состоялся).	ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 325. РК-98. С. 23. РК-98. С. 23. РК-98. С. 27. РК-98. С. 29.

88.	Патрикеев кн. Иван Юрьевич	1477 г. на Новгород «у вел. кн. в полку». № 1. 1493 г. «у вел. кн. в полку» № 1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 23.
89.	Патрикеев кн. Михаил Иванович Колышка	1493 г. на Литву. Б-1. На Берегу. № 1.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 23.
90.	*Плещеев Иван Андреевич Суббота*	1495 г. пал под Выборгом.	ПСРЛ. Т. 28. С. 326.
91.	Плещеев Петр Михайлович	1500 г. к Путивлю. С-1. 1501 г. у вел. кн. Василия в Твери окольничий. № 3.	РК-98. С. 30. РК-98. С. 31.
92.	Плещеев Тимофей Михайлович Юрло	1469 г. послан к Устюгу. Взят в плен.	ПСРЛ. Т. 25. С. 279. ПСРЛ. Т. 37 С. 98.
93.	Плещеев Федор Михайлович	1500 г. на Литву. ЛР-1.	РК-98. С. 29–30.
94.	Прозоровский кн. Андрей Иванович	1493 г. из Лук на Литву. ЛР-1.	РК-98. С. 23.
95.	Прозоровский кн. Федор Юрьевич	1501 г. на немцев из Новгорода. ЛР-2. Декабрь. На Литву из Новгорода. ЛР-1.	РК-98. С. 33. РК-98. С. 33.
96.	Пужбальский кн. Иван Иванович Брюхо	1501 г. на немцев, «если пригоже будет». Наместник Корелы.	РК-98. С. 32.
97	Ромодановский кн. Василий Васильевич	1491 / 1492 г. на Северу. ПР-2.	РК-98. С. 22.

		1496 г. на Свею. П-3 (не состоялся). 1501 г. на Литву. С-1.	РК-98. С. 27 РК-98. С. 33.
98.	Ромодановский кн. Иван Васильевич	1487 г. на Казань «на помочь в судех». № 1.	РК-98. С. 21.
99.	Ромодановский кн. Семен Васильевич	1501 г. на немцев. С-3. 1501 г. Декабрь. На Литву. С-2.	РК-98. С. 33. РК-98. С. 34.
100.	Ростовский кн. Александр Владимирович	1496 г. на Свею к Ивангороду — наместник псковский. 1500 г. на Литву — взял Торопец. 1501 г. на Литву — на Мстиславль. Б-1. 1502 г. на Смоленск. ЛР-1.	ПСРЛ. Т. 5/1. С. 82. ПСРЛ. Т. 51. С. 84. РК-98. С. 33. РК-98. С. 34.
101.	Рудный Андрей	1493 г. на Литву из Лук Великих. С-1.	РК-98. С. 23.
102.	Руно Иван Дмитриевич	1468 г. к Галичу с Москвы — бой на Каме. 1469 г. на Казань.	ПСРЛ. Т. 25. С. 280. ПСРЛ. Т. 25. С. 282.
103.	Ряполовский кн. Василий Семенович Мних	1492 г. в Северу. ЛР-1. 1500 г. на Путивль. ЛР-1. 1502 г. на Смоленск. П-1.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 30. РК-98. С. 34.
104.	Ряполовский кн. Петро Семенович Лобан	1492 г. в Северу. ЛР-2. 1501 г. к Мстиславлю. П-1. На Литву. Декабрь. П-1.	РК-98. С. 22. РК-98. С. 33. РК-98. С. 33.
105.	Ряполовский кн. Семен Иванович	1477 г. на Новгород с суздальцами и юрьевцами — «у вел. кн. в полку»	ПСРЛ. Т. 25. С. 313.

		1478 г. на Казань. № 1. 1482 г. на Вятке. № 3. 1487 г. на Казань. Судовая рать. П-2. 1493 г. «у вел. кн.» № 4. 1496 г. в Казань на помощь Магмет-Амину. 1497 г. на Казань судовая рать. Б-1 (поход не состоялся).	ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 25. РК-98. С. 28. РК-98. С. 24. РК-98. С. 28. РК-98. С. 28.
106.	Ряполовский кн. Федор Семенович	1468 г. из Нижнего Новгорода на татар. 1487 г. на Казань в конной рати. № 1. 1493 г. из Твери на Литву. П-2. 1495 г. на Выборг. П-2. 1496 г. на Свею. П-2. П-1 (поход не состоялся).	ПСРЛ. Т. 25. С. 281 РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 24. РК-98. С. 27
107	Сабуров Василий Федорович	1477 г. на Новгород. ЛР-1. «в полку у вел. кн». 1478 г. Сентябрь. На Вятке. № 1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 20.
108.	Сабуров Константин Федорович Сверчок	1482 г. в Нижнем Новгороде. № 6.	РК-98. С. 20.
109.	Сабуров Семен Федорович Пешек	1469 г. на Казань с Вологды — воев. кн. Андрея Меньшого. 1471 г. на Кокшенгу. 1477 г. на Новгород — воев. вел. кн. Марии Ярославны с ее Двором. ЛР-2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 282. ПСРЛ. Т. 24. С. 191 ПСРЛ. Т. 25. С. 313.

110.	Сабуров Юрий Константинович	1501 г. наместник в Кореле.	РК-98. С. 32.
111.	Сакмышев Афанасий Степанович	1501 г. у вел. кн. Василия «во Твери окольничий». № 4.	РК-98. С. 33.
112.	Салтык Травин Иван Иванович	1469 г. к Устюгу на Казань. № 6. 1483 г. на Сибирь в судовой рати. № 1. 1489 г. на Вятку. Судовая рать. № 1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 282. ПСРЛ. Т. 26. С. 276. РК-98. С. 21.
113.	Слых кн. Иван Иванович	1495 г. на Выборг. ПР-2.	РК-98. С. 21.
114.	Семен Карпович	1489 г. на Вятку. ЛР-2. 1496 г. на Гамскую землю. ЛР-1. 1497 г. на Казань. Конная рать. ЛР-1 (поход не состоялся). 1501 г. из Новгорода на немцев. С-1.	РК-98. С. 21. РК-98. С. 27. РК-98. С. 28. РК-98. С. 33.
115.	Стапищев Иван Зиновьевич	1481 г. на немцев. Наместник новгородский. № 2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 329.
116.	Стародубский кн. Семен [Федорович]	1482 г. воев. кн. Андрея Большого — на Казань.	РК-98. С. 20.
117	Стародубский кн. Федор Федорович Пеструха	1472 г. Поход на Пермь. № 1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 296.
118.	Сугорские князья (Владимир Лысый Цыгор)	1499 г. Начальные люди у воевод в Северном походе.	РК-98. С. 28.

119.	Суздальский = Горбатый кн. Иван Иванович	1502 г. — наместник псковский.	ПСРЛ. Т. 5/1. С. 84–85, 87–88.
120.	Телятевский кн. Михаил Иванович	1497 г. на Казань. Конная рать. ПР-1 (не состоялся).	РК-98. С. 28.
121.	Телятевский кн. Михаил Федорович	1500 г. на Ведроше. П-1. 1502 г. на Смоленск. С-1.	РК-98. С. 30. РК-98. С. 34.
122.	Тростенский кн. Тимофей Александрович	1486 г. на Казань. № 3. 1495 г. на Выборг из Новгорода. ЛР-1. 1500 г. на Путивль. ПР-1.	РК-98. С. 20. РК-98. С. 24. РК-98. С. 29.
123.	Тулуп [Палецкий] кн. Иван Васильевич [Немой]	1501 г. на Литву от Новгорода. П-1.	РК-98. С. 31.
124.	Тутыхин Сунбул	Воевода рязанский вел. кн. Анны. 1501 г. на Ахматовичей.	РК-98. С. 32.
125.	Тютчев Борис Матвеевич Слепец	1462 г. на черемису — судовая рать. 1471 г. на Новгород с вятчанами. 1478 г. на Казань. № 2.	ПСРЛ. Т. 37. С. 90. ПСРЛ. Т. 25. С. 286. ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 286.
126.	Уланов кн. Борис Тебет	1501 г. из Новгорода на немцев. Б-3.	РК-98. С. 33.
127	Ушатый кн. Иван Федорович Бородатый Ляпун	1496 г. «Морем-акияном». № 1. 1501/1502 г. на Литву из Ржевы. П-1.	ПСРЛ. Т. 28. С. 327; Т. 26. С. 391; Т. 37 С. 98. РК-98. С. 34.

128.	Ушатый кн. Константин Федорович	1492 г. в Северу. С-2.	РК-98. С. 22.
129.	Ушатый кн. Петр Федорович	1846 г. «Морем-акиянном». № 2. 1499 г. на Югру. № 2.	ПСРЛ. Т. 28. С. 327; Т. 26. С. 391; Т. 37 С. 98. РК-98. С. 29.
130.	Фома Иванович	1489 г. на Вятку. Воев. кн. Бориса Васильевича. ЛР-3.	РК-98. С. 21.
131.	Хованский кн. Василий Иванович	Воев. кн. Бориса Васильевича 1487 г. на Казань. ЛР-2 судовая рать.	РК-98. С. 21.
132.	Хованский кн. Иван Иванович Ушак	Воев. кн. Федора Борисовича 1500 г. к Дорогобужу. ПР-2.	РК-98. С. 30.
133.	Холмский кн. Василий Данилович	1502 г. на Смоленск. Б-2.	РК-98. С. 34.
134.	Холмский кн. Данило Дмитриевич	1468 г. из Мурома на казанцев. 1471 г. на Новгород. № 1. 1472 г. на Оке. 1473 г. на помощь Пскову. 1477 г. на Новгород. П-1. 1487 г. на Казань. Судовая рать. Б-1. 1492 г. в Северу. Б-1. 1493 г. «у вел. кн.». № 2.	ПСРЛ. Т. 24. С. 187 ПСРЛ. Т. 25. С. 286. ПСРЛ. Т. 25. С. 292. ПСРЛ. Т. 5/2. С. 193. ПСРЛ. Т. 25. С. 313. РК-98. С. 20. РК-98. С. 22. РК-98. С. 24.

135.	Холмский кн. Семен Данилович	1497 г. на Казань. № 1.	ПСРЛ. Т. 28. С. 328.
136.	Хохолков кн. Иван Александрович Буйнос	1501 г. на Литву. ПР-1.	РК-98. С. 32.
137	Хромой Григорий Федорович	1501 г. во Твери окольничий у вел. кн. Василия. № 1. На Мстиславль. ПР-1.	РК-98. С. 31. РК-98. С. 32.
138.	Хромой Петр Федорович	1501 г. во Твери у в. кн. Василия окольничий. № 2.	РК-98. С. 31.
139.	Хромой Федор Давыдович	1471 г. на Новгород. П-2. 1472 г. на Оку «с Коломничи». 1477 г. на Новгород. П-2.	ПСРЛ. Т. 25. С. 286. ПСРЛ. Т. 25. С. 292. ПСРЛ. Т. 25. С. 313.
140.	Челяднин Андрей Федорович	1493 г. в Можайске. 1496 г. на Гамскую землю. Б-2. 1500 г. из Лук на Литву. Б-1.	РК-98. С. 23. РК-98. С. 27 РК-98. С. 30.
141.	Челяднин Петр Федорович	1472 г. на Оке с Двором.	ПСРЛ. Т. 25. С. 292.
142.	Чернятинский кн. Андрей Семенович	1489 г. на Вятку. Б-2.	РК-98. С. 21.
143.	Шаховский кн. Иван Юрьевич	1482 г. в Нижний Новгород. № 3.	РК-98. С. 19.
144.	Шаховский кн. Константин Юрьевич	1482 г. в Нижнем Новгороде «по казанским вестям». № 7.	РК-98. С. 20.

145.	Шеин Дмитрий Васильевич	1496 г. на Гамскую землю. ПР-1. Август. На Свею. ПР-2 (не состоялся). 1500 г. после Ведроши. П-2. 1501 г. у вел. кн. Василия. № 4. 1502 г. на Смоленск. ПР-2.	РК-98. С. 27. РК-98. С. 27 РК-98. С. 30. РК-98. С. 31. РК-98. С. 34.
146.	Шуйский кн. Василий Васильевич [Бледный]	1477 г. наместник псковский и воевода на Новгород. 1481 г. на немцев. 1492 г. на Северу. ПР-1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 13. ПСРЛ. Т. 25. С. 329. РК-98. С. 22.
147	Шуйский кн. Василий Васильевич [Немой]	1501 г. наместник новгородский. На Литву. П-1. Во Псков на немцев с новгородцами. На немцев. П-1. 1501 г. Декабрь. На Литву. Б-2. 1502 г. наместник новгородский — на помощь Пскову.	РК-98. С. 31. ПСРЛ. Т. 5/1. С. 85. РК-98. С. 33. РК-98. С. 34. ПСРЛ. Т. 5/1. С. 87
148.	Шуйский кн. Василий Федорович	1471 г. на Новгород с псковичами. 1481 г. на немцев — наместник Новгородский. 1487 г. на Казань. Конная рать «на помощь». 1493 г. на Литву из Пскова.	ПСРЛ. Т. 25. С. 290. ПСРЛ. Т. 25. С. 329. РК-98. С. 20. РК-98. С. 23.

		1495 г. на Выборг с псковичами. «Преставился» в Новгороде.	ПСРЛ. Т. 5/1. С. 82.
149.	Шуйский кн. Иван Васильевич	1501 г. на немцев. Б-2.	РК-98. С. 33.
150.	Шуйский кн. Федор Юрьевич	1463 г. на немцев.	ПСРЛ. Т. 5/2. С. 154.
151.	Щеня кн. Данило Васильевич	1489 г. на Вятку. Б-1. 1493 г. на Литву из Твери. Б-1. Взял Вязьму. 1495 г. на Выборг. Б-1. 1500 г. на Литву. Победа на Ведроше. Б-1. 1501 г. на немцев из Новгорода. Б-1. Победа под Гельмедом. 1502 г. на немцев из Пскова на оз. Смолино. Б-1. 1501 г. на Литву из Новгорода. Декабрь. Наместник Новгорода. Б-1.	РК-98. С. 21. РК-98. С. 23. РК-98. С. 26. РК-98. С. 30. ПСРЛ. Т. 24. С. 215. ПСРЛ. Т. 5/1. С. 87–88. РК-98. С. 33.
152.	Янов Губка	1500 г. на Литву. Наместник Лук. Б-1.	РК-98. С. 29.
153.	Янов Темка	1501 г. на немцев из Новгорода. П-1.	РК-98. С. 32.
154.	Ярославский кн. Данило Александрович Пенко	1493 г. из Лук на Литву. Б-1. 1501 г. Апрель. На Литву. Б-1. Июль. Псков. Б-1.	РК-98. С. 23. РК-98. С. 31. ПСРЛ. Т. 5/1. С. 85–86.

155.	Ярославский кн. Данило Васильевич	1469 г. на Казань с устюжанами и с Двором.	ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
156.	Ярославский кн. Семен Романович	1467/1468 г. на черемису. № 1. 1487 г. на Казань. Судовая рать. ЛР-1. 1493 г. на Литву с Лук. П-1. 1500 г. после Ведроши. Б-2. 1501 г. — наместник Новгорода. На Литву. Б-1.	ПСРЛ. Т. 25. С. 279. РК-98. С. 20. РК-98. С. 23. РК-98. С. 30. РК-98. С. 31. РК-98. С. 31.

Список сокращений

Б-1 — Первый воевода Большого полка
Б-2 — Второй воевода Большого полка
Б-3 — Третий воевода Большого полка
ЛР-1 — Первый воевода полка Левой руки
ЛР-2 — Второй воевода полка Левой руки
ЛР-3 — Третий воевода полка Левой руки
П-1 — Первый воевода Передового полка
П-2 — Второй воевода Передового полка
П-3 — Третий воевода Передового полка
ПР-1 — Первый воевода полка Правой руки
ПР-2 — Второй воевода полка Правой руки
ПР-3 — Третий воевода полка Правой руки
С-1 — Первый воевода Сторожевого полка
С-2 — Второй воевода Сторожевого полка
С-3 — Третий воевода Сторожевого полка
№ 1 — Первый из названных воевод в данном тексте
№ 2 — Второй из названных воевод в данном тексте
РК-98 — Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1966.

Кампания 1500 г. в свете новейших исследований*

Кампания 1500 г. и, в частности, сражение на Ведроше относятся к числу таких событий, которые не могут не привлекать внимание новых и новых поколений историков. Из работ, вышедших в последние годы, наибольший интерес представляют, с моей точки зрения, исследования М. М. Крома[1] и Н. Н. Смирнова.[2] Достоинства этих исследований — значительное расширение источниковой базы, вводимой в научный оборот, и широкое привлечение зарубежной историографии. Это позволяет уточнить ряд фактических данных событий и их оценку.

К важнейшим вопросам необходимо отнести проблему численности войск противоборствующих сторон. В этом отношении большой интерес представляет статья А. Н. Лобина, подводящая итог ряду предшествующих исследований,[3] и рецензия О. А. Курбатова на книгу о походах при Иване III.[4]

Характерной особенностью зарубежной историографии кампании 1500 г. является ее, так сказать, локально-географический характер. О ней пишут в основном польские историки, опираясь на свои польскоязычные источники. Внимание западноевропейских военных исто-

---

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Кампания 1500 г. в свете новейших исследований //«По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 317–330.

[1] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.

[2] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности русских и литовских войск в битве на Ведроше //Русское Средневековье. Сб. статей в честь проф. Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 599–624.

[3] *Лобин А. Н.* Дискуссия о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. //Единорогъ. Материалы по военной истории Средних веков и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 511–521.

[4] *Курбатов О. А.* О новой книге Ю. Г. Алексеева //Единорогъ. Материалы по военной истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. С. 522–528.

риков эта кампания (как, впрочем, и другие события русской военной истории XV в.) практически не привлекает. Причиной этого, надо думать, является изолированное положение православной России в католической Европе XV в. С точки зрения Сильвио Пикколомини, сформулировавшего понятие «Европа» для середины XV в., Россия в эту часть света не входила, а относилась к темной массе татарских и языческих стран Азии. Такое отношение к России проявилось и у Герберштейна, автора самого беспристрастного и добросовестного сочинения о «Московии».[1] Изучение событий военной истории России XV в. (в частности, самого яркого — кампании 1500 г.) — это долг русских историков не только перед отечественной, но и перед мировой исторической наукой.

Война с Литвой в 1500 г. — закономерный этап многолетней борьбы Российского государства за воссоединение русских земель, утраченных в период ордынского ига.

В исследовании М. М. Крома подробно прослежены события 80-х — начала 90-х гг. XV в. на русско-литовском рубеже. Основное содержание этих событий — постепенное возвращение в состав единого «Государства всея Руси» западнорусских земель, в свое время захваченных Литвой.

М. М. Кром показал, что конфессиональные мотивы (дискриминация Православной Церкви) были не единственной причиной войны 1500 г. (как и предыдущих столкновений с Литвой).[2] В Литве существовала относительная веротерпимость, и не преследование Православной Церкви заставляло (в 80-х — начале 90-х гг. XV в.) князей русско-литовского порубежья переходить под власть великого князя Московского. «Ход и исход событий... определялся растущим военно-политическим натиском Московского государства».[3] Однако отрицать наличие конфессиональной мотивации тоже не приходится: в послании Александру Литовскому в канун войны великий князь Иван пишет: «а наперед того от твоего отца и от твоих предков такая нужа о вере им (русским князьям. — *Ю. А.*) не была». Значит, в конце XV в. что-то в положении Православной Церкви на русских землях в Литве изменилось — усилилась католическая экспансия. Об этом свиде-

---

[1] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

[2] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой.

[3] Там же. С. 205.

тельствует и сложное положение, в котором оказалась православная королева Елена в католической семье своего мужа.[1]

М. М. Кром различает три этапа развития русско-литовского конфликта.

До 1492 г. из-за отъездов из Литвы в Россию православных «украинных» (порубежных) князей Московское правительство, почти не затрачивая усилий, поставило под свой контроль стратегически важную территорию в верховьях Оки.

В 1492–1494 гг., благодаря переходам Новосильских князей, при активном участии московских войск более мелкие княжата были вынуждены перейти под власть Российского государства по договору 5 февраля 1494 г.

Война 1500 г. обозначила третий этап этого процесса: «сильнее проявился элемент завоевания, меньше элемент добровольного перехода».[2]

Итак, можно наблюдать постепенное усиление активной внешней политики Российского государства, политики, опирающейся, в конечном счете, на военную силу.

Это вызывает ответную реакцию в Литве. Русская княжеская верхушка все теснее сращивается с литовской знатью, а основная масса княжат — со шляхтой. Теперь они «так дорожили господарской службой, что даже потеря родовых имений не могла заставить их сменить литовское подданство на московское».[3]

В великом княжестве Литовском теперь проходит, в сущности, тот же процесс централизации и усиления государственной власти, который в Московской Руси начался на несколько десятков лет раньше. Что касается городов, то, по наблюдению М. М. Крома, их степень лояльности к Литве находилась в прямой зависимости от объема прав, привилегий и активности в отстаивании этих прав.

Крупные привилегированные города (Полоцк, Витебск, Минск, Смоленск) занимают бескомпромиссную пролитовскую позицию. Лояльность городов поддерживается усиленной антимосковской пропагандой: «Слухи о московской "тирании" должны были побудить

---

[1] «Нас укоряют беспрестани, а зовут нас некрестени». Свекровь — старуха-мать Александра — «всех пуще греческий закон укоряет» (*Алексеев Ю. Г* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 245).

[2] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 117.

[3] Там же. С. 138.

еще больше ценить привилегии... в Великом княжестве Литовском». «Тирания», по этим слухам, заключалась в том, что «никто не владеет богатством иначе, как с разрешения князя».[4]

Однако жители небольших городков, не имевших «привилегий», легко признавали власть того, на чьей стороне был военный перевес, т. е. никакой особой «лояльности» по отношению к Литве и враждебности по отношению к Москве не проявляли.[5]

Как уже отмечалось, Литва в принципе шла по тому же пути, что и Московская Русь, но со значительным опозданием. К моменту решающего столкновения в 1500 г. Московская Русь подошла более цельным и сильным государством, чем Литва, и это обеспечивало ей серьезные политические, военные и моральные преимущества.

Вековой опыт истории — непрерывной борьбы за самое свое физическое существование — выработал в Московской Руси другой тип отношений между государством и личностью, чем тот, который в то время господствовал в Западной Европе и в тянущейся к ней Литве. Как бы торговались с королем о своих привилегиях жители французских городов XII в., если бы под их стенами стоял Атилла или Батый? Лучший критерий истины — общественно-историческая практика, добытая кровью многих поколений, — научила русский народ ценить целое больше частного, ставить интересы государства выше своих личных интересов. Только твердая государственная власть может спасти страну от гибели. Моральным базисом этой власти в XV в. было православие — такого базиса в Литве не было. Ни Литва, ни позже Речь Посполитая не смогли создать сильного государства, основанного не на «привилегиях», а на народном доверии к власти. Конфликт между Россией и Литвой (а позднее Польшей) — столкновение двух историко-психологических типов, двух социально-исторических мировоззрений. Кампания 1500 г. — один из ярких моментов этого столкновения.

Одним из наиболее важных вопросов при изучении событий военной истории является определение численности противоборствующих армий.

Достоверных сведений о численности русских и литовских войск в кампании 1500 г. (в частности, в битве при Ведроше) в источниках нет.

---

[4] Там же. С. 249.

[5] Там же.

Русские источники об этом молчат. Литовские и польские хроники единодушно определяют численность русской армии на Ведроше в 40 тыс. человек, «помимо пеших», и даже до 50 тыс., а литовцев — в 10 раз меньше — не более 4 тыс., и даже 3,5 тыс., «помимо пеших».[1] На таких же позициях стоит и теперешняя белорусская историография: успех на Ведроше был обеспечен 10-кратным численным превосходством русской армии.[2]

Эти цифры повлияли на русскую историографию. Наиболее квалифицированный советский военный историк Е. А. Разин говорит о 40-тысячной русской армии, однако при этом оценивает литовскую армию тоже в 40 тыс. человек и отмечает, что в обоих случаях «очевидно значительное преувеличение» и можно сделать вывод только о численном равенстве сторон. Потери литовцев он оценивает в 8 тыс. убитых.[3]

Мне представляется, что численность русской конницы в литовских источниках преувеличена в несколько раз и, соответственно, в несколько раз уменьшена численность литовской.[4] Это позволяет говорить об относительной сопоставимости между собой численности обеих армий.

Нельзя не согласиться с Н. В. Смирновым, что решить вопрос о численности русской армии в конце XV — начале XVI вв., опираясь на свидетельства современников и более поздних сочинений, невозможно. Отсюда вытекает необходимость в выработке метода реконструкции по имеющимся косвенным данным.[5]

Один из методов такой реконструкции предлагает сам Н. В. Смирнов. В его основе два момента: определение территории, которая экономически обеспечивает несение военной службы, и на базе этого — определение предельной численности выставляемых с этих земель контингентов.[6]

---

[1] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 601.

[2] *Саганович Г. М.* Войска Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. Минск, 1994. С. 55 (цит. по: *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 603).

[3] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1951. С. 321–322.

[4] См. также: *Курбатов О. А.* О новой книге Ю. Г. Алексеева. С. 526 и сл.

[5] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 603.

[6] Там же. С. 604.

Источниками для реконструкции являются разрядные записи и десятни XVI–XVII в. Существенное значение имеет Книга Полоцкого похода 1563 г., в которой впервые приведены (более или менее достоверные) сведения о численности русской конницы.[1]

Н. В. Смирнов приходит к важному выводу: на протяжении целого столетия — с середины XVI до середины XVII вв. — число служилых людей «по отечеству», выступавших с изучаемых уездов (сопоставимых территорий), осталось практически неизменным: в среднем это 225–255 человек.[2]

К похожим выводам можно прийти и иным путем.

В походе 1471 г. на Новгород ударная группа русского войска под командованием князя Даниила Холмского насчитывала, по данным летописи, ок. 5 тыс. человек.[3] Это, вероятно, были главные силы — на других, второстепенных, направлениях войск, по всей вероятности, было меньше. Значит, в походе 1471 г. в распоряжении великого князя было меньше 10 тыс. человек служилой конницы.

В этом походе участвовали служилые люди примерно 30 городов, которые по духовной великого князя Василия Васильевича были даны его сыновьям. Следовательно, среднее число служилых людей на город в 1471 г. составляло ок. 300 человек.

По данным новгородских писцовых книг, нормальное крестьянское хозяйство (двор) составляет обжу. Размер запашки на общих — примерно 10 четвертей.[4] По Уложению о службе 1556 г. конный воин выставлялся со 100 четвертей. Следовательно, конный воин обеспечивался трудом десяти крестьянских хозяйств. Эта норма положена в основу расчетов В. В. Пенского.

Суммируя свои данные, Н. В. Смирнов приходит к выводу, что предельная численность поместного войска, выставляемого с территории в пределах границ Русского государства 1500 г., составляет ок. 16 тыс. служилых людей «по отечеству».[5]

---

[1] Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004.

[2] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 605.

[3] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 119.

[4] Подробнее о размерах запашки на обжу см.: *Шапиро А. Л.* «Обжа» //Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI вв. Л., 1971. С. 20–29.

[5] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 608.

На основании десятен XVI в., Н. В. Смирнов устанавливает, что при идеальном выполнении норм Уложения о службе 1556 г. служилые люди могли выставлять в поход по одному боевому холопу на двоих. Следовательно, максимальная численность конницы в непосредственном распоряжении великого князя в 1500 г. могла составить 24 тыс. человек.[1]

К этому можно добавить примерно 5 тыс. человек из Рязанского княжества, Псковской земли, татарских отрядов, дружин перешедших на службу России верховских князей. Всего, таким образом, порядка 30 тыс. человек.[2]

О численности пехоты нет никаких сведений, но в маневренной кампании 1500 г. пехота не могла играть заметной роли.

А. Н. Лобин предложил использовать средний показатель численности «сотни» на основе подсчета числа сотенных голов в разрядных записях начала XVI в. Средний показатель «сотни», по этим подсчетам, составлял 200 человек (1 помещик + 1 боевой холоп). Умножая этот показатель на число сотенных голов у того или иного воеводы, можно вычислить примерный размер данной войсковой группировки.

По подсчетам А. Н. Лобина, в походах XVI в. в действующей (полевой) армии бывало 12–14 тыс. человек[3] (вероятно, на одном направлении). В сражении под Оршей в 1514 г. было 11–14 тыс. русских бойцов.[4] Если учесть, что в 1500 г. русские войска были развернуты на трех направлениях, то, исходя из оценки А. Н. Лобина, общая численность их должна была составлять порядка 30 тыс. человек.

Свою методику оценки численности русских войск предложил М. М. Кром. Путем сравнения числа воевод по разрядным книгам с летописными записями он определяет приблизительное число ратников на одного воеводу. В первой трети XVI в. эта величина не превышала 3500 человек.[5] Используя методику М. М. Крома и подсчитав число воевод, участвовавших в кампании 1500 г., можно прийти к выводу,

---

[1] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности.... С. 610.

[2] Там же. С. 612.

[3] *Лобин А. Н.* Дискуссия о численности... С. 513.

[4] *Он же.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. СПб., 2011.

[5] *Кром М. М.* О численности русского войска в первой трети XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 82.

что общая численность русских ратников на литовском фронте должна была составить примерно 40–50 тыс. человек.

В. В. Пенской в своей методике исходит из предположения о численности населения Московской Руси в XVI в. в 8 млн человек. Он считает, что только половина крестьян живет на землях служилых людей (650–700 тыс. крестьянских хозяйств). Принимая пропорцию 1 всадник с 10 дворов, он получает максимально возможную численность комбатантов — не более 40 тыс. человек.[1]

Недостаток фактических данных и отсутствие общепринятой методики делают все подсчеты и оценки весьма приблизительными и условными.

Тем не менее, по отношению к концу XV — началу XVI вв. цифры, предлагаемые Н. В. Смирновым, А. Н. Лобиным и В. В. Пенским (косвенно также и М. М. Кромом), представляются наиболее если не достоверными, то правдоподобными, тем более что они существенно друг от друга не отличаются, относясь к одному порядку чисел: 30–50 тыс. человек, способных реально участвовать в бою. Это и был тот максимум сил, которые Иван III мог развернуть на всем литовском фронте в кампании 1500 г.

Литовское войско, по подсчетам польских и русских историков, в 1500 г. могло достигать 30 тыс. всадников,[2] т. е. имело потенциальное превосходство в численности перед конницей Ивана III. Однако военная и прежде всего политическая система Литовского государства не позволяла быстро использовать это преимущество. «Великий князь Литовский не обладал **достаточной властью**, чтобы добиться от своих подданных послушного выполнения своих служебных обязанностей»[3] (здесь и далее выделено мной), в то время как «**политическая система** России давала в руки великого князя отличные инструменты воздействия».[4]

Это позволило развернуть русское войско быстрее и в более полном составе.

Затягивание войны повышало шансы Великого княжества Литовского: помимо угрозы мобилизации всего литовского войска, возмож-

[1] *Лобин А. Н.* Дискуссия о численности... С. 516.

[2] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 614–615.

[3] Там же. С. 615–616.

[4] Там же. С. 616.

но было выступление потенциальных союзников — Польши и Чехии, а также Ливонского Ордена. России угрожала целая коалиция, а единственный союзник нашей страны крымский хан Менгли-Гирей был малоуправляем и малонадежен.

Отсюда вытекало, что Россия должна была добиться решающего успеха в самом начале кампании. Это соображение и было положено в основу русского плана войны и развертывания наших войск.

По мнению Н. В. Смирнова, развертывание русских войск в 1500 г. очень напоминает кампанию 1493 г. Тогда армия тоже была разделена на четыре корпуса, из которых северная группировка активных боевых действий не вела, угрожая флангу противника, центральная группировка наносила вспомогательный удар на Вязьму, а южная — главный удар по верховским княжествам.[1]

Развертывание 1500 г. в общих чертах повторяет ту же схему. Правофланговая северная группировка наступает из Великих Лук и оттягивает на себя силы Полоцкой и Витебской земель; центральная группировка наносит удар от Вязьмы в направлении Дорогобуж — Смоленск; левофланговая южная группировка — в направлении верховских княжеств и Северской земли. Н. В. Смирнов отмечает рискованность такого распыления сил: сравнительно небольшие русские армии могут легко попасть под удар литовских войск, которые, действуя по внутренним операционным линиям, способны создать на каждом направлении большое численное превосходство.[2]

Для компенсации этой угрозы создается четвертая, резервная группировка сил. Ее расположение в районе Твери показывает, что наибольшая угроза ожидалась со стороны Смоленска. Резервная рать Даниила Щени подстраховывала в равной степени северную и центральную армии. Также предполагалась возможность переброски южной армии на соединение с центральной, но победа на Ведроше сделала эту рокировку ненужной.

---

[1] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности.... С. 617.

[2] Там же. С. 616. «Чистая (рациональная) стратегия... признает... только принцип сосредоточения сил. Единство в операции — таков ее идеал, — считал один из видных военных теоретиков XIX в. генерал Г. А. Леер. — Разделение сил... неизбежное зло... уступка, делаемая... обстановке». Эта «уступка» в русском плане развертывания вызывалась конкретными политическими целями войны.

Мнение Н. В. Смирнова о переброске рати Якова Захарьича основано, мне кажется, на формулировке разрядной записи в книге 1475–1598 гг.: «Послал князь великий в Литовскую землю... воевод своих князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарьича и иных воевод. И они ходили к Рославлю и к Ельне и бой был на Ведроше». Далее идет перечисление воевод без упоминания Якова Захарьича.[1]

В разрядной книге 1475–1605 гг. известие читается иначе: «...послал князь великий... воевод своих князя Данила Васильевича Щеня с товарыщи. И они ходили к Ростиславлю и к Ельне».[2]

Из двух приведенных редакций разрядной записи вторая мне представляется более верной — она исключает мысль о намерении Ставки пожертвовать успехами на главном (южном) операционном направлении. Рать Якова Захарьича после овладения Брянском наступала на Путивль, преодолевая сопротивление противника и присоединяя к себе по дороге войска местных князей. Переброска ее на другое направление была крайне нежелательной и технически затруднительной.

От Брянска до Путивля по прямой 200 верст, до Ельни — 270 верст. Рать Якова Захарьича для переброски туда и обратно должна была бы потратить не менее 20 конных переходов.

Надо полагать, что задача поддержки центральной, а в случае необходимости и правофланговой северной рати, возлагалась только на рать Щени — стратегический резерв Ставки.

Вполне соглашаясь с наблюдениями Н. В. Смирнова о сходном характере русского развертывания в 1492–1493 и 1500 гг., хотелось бы отметить и существенную разницу — кампания 1500 г. принципиально отличалась своим масштабом и более наступательным характером, прежде всего значительно большей глубиной операций.

Южная рать Якова Захарьича, решая главную задачу кампании, наносила удар на глубину не менее 600 верст и овладевала большим количеством городов с русским православным населением.

Наступлением рати Якова Захарьича «были взяты под защиту владения перешедших на московскую службу князей»,[3] т. е. была достигнута основная политическая цель войны. Литовские города были взяты силой, «но какого-либо сопротивления историки не отмечают.

---

[1] Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 30.

[2] Разрядная книга 1475–1605 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1977. С. 60.

[3] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 115.

Помощь из Литвы так и не подошла, а после разгрома на Ведроше всякая надежда на нее исчезла».[1]

Центральная рать Юрия Захарьича, овладев Дорогобужем, создавала реальную угрозу Смоленску — центру всего оборонительно-наступательного плацдарма Литовского государства, подойдя к нему на расстояние примерно трех переходов. Это и заставило Александра Литовского предоставить южные города их собственной участи и двинуть свои главные силы — войска первого эшелона во главе с коронным гетманом.

Общая расстановка русских сил, по оценке Н. В. Смирнова, такова:

1. Северная рать (правофланговая новгородская) Андрея Федоровича Челяднина — 4–5 тыс. человек;

2. Центральная рать Юрия Захарьича — до 5 тыс.;

3. Южная (левофланговая) рать Якова Захарьича — 7–9 тыс.;

4. Резервная рать Даниила Щени — до 4 тыс.

Объединенная рать Даниила Щени и Юрия Захарьича должна была в этом случае насчитывать 8–9 тыс. служилых людей и их боевых холопов.[2]

Эти цифры представляются достаточно правдоподобными. Сравнивая русское развертывание 1492–1493 и 1500 гг., можно отметить последовательное развитие одной и той же политической и стратегической идеи, одной и той же системы двухступенчатой организации управления войсками: Ставка — фронт, разделение стратегических и оперативно-тактических функций, способность Ставки адекватно оценивать обстановку и своевременно на нее реагировать.

По оценке Н. В. Смирнова, Александр Литовский не стал повторять ошибок своего отца Казимира IV и пассивно ожидать развития событий. «План литовской армии строился на стремлении свести к минимуму территориальные потери в расчете на затягивание конфликта». Александр мог рассчитывать на полную мобилизацию сил Литвы и на поддержку своих братьев — Яна Ольбрахта Польского и Казимира Чешского, а также на вступление в войну Ливонского Ордена.

Медленность мобилизации «посполитого рушения» и магнатских отрядов привела к созданию двух оперативно-стратегических эшело-

[1] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 205.

[2] *Смирнов Н. В.* Реконструкция состава и численности... С. 620.

[3] Там же.

нов. Первый, под командованием великого гетмана князя Константина Острожского, состоял из боеготовых войск, ранее других прибывших на сбор. Второй эшелон, во главе с самим великим князем Литовским, должен был состоять из частей, пребывающих с опозданием, и в перспективе включать в свой состав наемные отряды.[1]

В качестве направления главного удара было принято Смоленское, что, по справедливому замечанию Н. В. Смирнова, было наиболее целесообразным. Смоленский плацдарм позволял действовать по внутренним операционным линиям против каждой из трех русских ратей, достигая численного превосходства, создавал угрозу центральному району Русского государства и наилучшим образом обеспечивал безопасность литовских городов на южном направлении, нависая над тылом рати Якова Захарьича, — даже ничейный результат сражения Острожского с силами центральной русской рати «заставил бы русское командование свернуть крупномасштабные операции в северских землях».[2]

Таким образом, планы развертывания русских и литовских войск были основаны на принципиально разных политических и стратегических идеях. Решительное наступление русских войск на южном направлении отвечало политическим целям войны — воссоединению русских земель. Активно-оборонительная стратегия Александра Литовского определялась стремлением на данном этапе сохранить status quo — оставить за собой захваченные Литвой русские земли.

Армия князя Константина Острожского, по подсчетам Н. В. Смирнова, могла насчитывать 5–6 тыс. человек.[3] Если так, то Острожский имел численное превосходство над ратью Юрия Захарьича. В этих условиях выдвижение стратегического резерва русской Ставки было вполне оправданным — соединенная рать Щени и Юрия Захарьича получала превосходство над противником.

Добиться численного превосходства над противником накануне решительного сражения — одна из важнейших предпосылок победы,[4] и эта предпосылка русской Ставкой была достигнута.

---

[1] Там же. С. 620–621.

[2] Там же. С. 621.

[3] Там же. С. 623.

[4] «Иногда один лишний батальон решает участь дня», — считал Наполеон (см.: *Леер Г. А.* Военная стратегия. Учебный курс. СПб., 1877. С. 145).

Однако численное преимущество русских на Ведроше не носило характера подавляющего количественного превосходства (8–9 тыс. против 5–6 тыс.) и само по себе не могло обеспечить достижение решительной победы. Выдвижением резервной рати в нужный момент на нужное направление стратегия русской Ставки сказала свое слово. Теперь судьба сражения перешла в руки тактического руководства воевод русской рати, прежде всего князя Даниила Васильевича Щени.

«Бой есть... средство самое решительное, способное в кратчайшее время привести к развязке».[1]

«Решающую роль в победе русских войск... сыграли удачное планирование кампании, умелое руководство в бою и ошибки литовского командующего», — справедливо отмечает Н. В. Смирнов.

Известно, что плохая тактика может погубить самую хорошую стратегию. Тактика князя Даниила Щени в битве на Ведроше была достойным воплощением стратегии русской Ставки. В глухих болотистых приднепровских лесах была одержана одна из самых замечательных побед в военной истории, а ее непосредственный творец может быть поставлен в один ряд с лучшими русскими полководцами-тактиками, победителями на полях сражений.

Кампании 1500–1502 гг. были попытками Александра Литовского (теперь уже короля) взять реванш за свое поражение в 1500 г. Россия вынуждена была вести войну против коалиции Литвы и Ордена на двух стратегических направлениях, что обусловливает активно-оборонительный характер русской стратегии. Война шла с переменным успехом, но основной ее итог — перемирие, заключенное в апреле 1503 г., — в сущности, подтвердил результаты победы на Ведроше, и взять реванш Александру не удалось. В борьбе за возвращение русских земель был сделан новый большой шаг. Победа на Ведроше переросла тактические и стратегические рамки и стала важнейшим политическим событием, обозначившим новую эпоху в русско-литовских отношениях.

Политическое значение победы на Ведроше отмечает М. М. Кром: «Разгром литовского войска на Ведроше... лишил великого князя Александра надежды на отвоевание потерянных земель. По перемирию 1503 г. все верховские и северские князья с их вотчинами были записаны "в московскую сторону"».[2]

[1] *Леер Г. А.* Военная стратегия. Учебный курс. С. 245.

[2] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 115–116.

Политические и стратегические идеи, положенные в основу литовского плана войны, и их воплощение оказались несостоятельными. Напротив, русское развертывание и управление войсками Ставкой показывают поучительные примеры с точки зрения истории военного искусства.

Русское развертывание — образец подчинения собственно военной стратегии более высокой инстанции — стратегии государственно-политической. Стратегия — орудие в руках политики, решающее задачи, поставленные интересами государства. Для решения этих задач собственно военные, технологические моменты отступают на второй план. Для достижения цели приходится идти на риск, нарушая общепринятые принципы.

Видный военный теоретик XIX в. генерал Г. А. Леер на основании изучения войн в XVII–XIX вв., прежде всего кампаний Наполеона, утверждает: «Чистая (рациональная) стратегия признает... только принцип сосредоточения сил. Единство в операции — таков ее идеал. Все лучшие авторитеты в военном деле относились к нему (этому принципу. — *Ю. А.*) с глубоким уважением».[1]

Но развертывание русских войск по трем расходящимся операционным направлениям в корне противоречит этому принципу и содержит в себе большой риск. На этот риск приходится идти ради решения главной задачи кампании, всей цели войны. Подобно тому как в 1471 г. пришлось идти на риск гибели в лесах и болотах Новгородского края ради спасения единства Руси.

«Простая операционная линия предполагает полное единство операции, т. е. один предмет действий... действия сосредоточенными силами... одну цельную и неразрывную во всех смыслах операцию... Само собой разумеется, что при равных с противником силах или при незначительном превосходстве над ним следует держать силы сосредоточенными, т. е. отдать предпочтение простым операционным линиям».[2] В этих рассуждениях поклонника наполеоновского военного искусства — его приговор развертыванию русских войск в 1500 г.

Для ослабления вредной стороны разделения сил Г. А. Леер рекомендует установку «внутренней связи между отдельно оперирующи-

---

[1] *Леер Г. А.* Военная стратегия. С. 143–144.

[2] Там же. С. 147–148.

ми массами путем объединения командования над ними в руках одного общего главнокомандующего».[1]

Эта рекомендация была полностью реализована. Без знания опыта наполеоновских войн, исходя из своего собственного опыта и здравого смысла. В распоряжении великого князя Ивана была Ставка Верховного главнокомандования (ВГК), которая и осуществляла «внутреннюю связь между отдельно оперирующими массами», подчиняя ход кампании достижению единой поставленной цели.

По теории Г. А. Леера, «стратегические резервы назначаются для прикрытия тыла армии, для подкрепления ее и, наконец, для прикрытия ее отступления на случай неудачи. Их составляют... из войск, сильно пострадавших и утомленных предшествующими действиями... из не вполне обученных».[2] Думается, что это скорее можно назвать оперативно-тактическим резервом.

Русская Ставка использовала свой стратегический резерв совсем иначе — для наращивания удара из глубины по одному из направлений, обеспечивающих решение главной задачи кампании. Во главе стратегического резерва стоял один из лучших русских полководцев, что свидетельствует о значении стратегического резерва в глазах русской Ставки как одного из важнейших средств достижения победы в активной наступательной кампании.

Стратегическое развертывание русских войск в кампании 1500 г. и руководство ими со стороны ВГК не совпадают с наполеоновскими войнами, не совпадают с теоретическими взглядами Г. А. Леера. Но зато они в наибольшей степени отвечают принципу, сформулированному русским фельдмаршалом Петром Александровичем Румянцевым за полвека до появления Наполеона на исторической сцене: «Искусство военное... состоит в одном том, чтобы держать всегда в виду главную причину (цель. — *Ю. А.*) войны. Полководец... в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие, от того зависящие».[3]

[1] *Леер Г. А.* Военная стратегия. С. 151.

[2] Там же. С. 251.

[3] Цит. по: *Клокман Ю. Г.* Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 176.

«Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела»*

Средневековая Русь до последней четверти XV в. — это совокупность княжеств, каждое из которых в известном смысле было самостоятельной системой, возглавляемой своим князем, опиравшейся на свой служебный аппарат — прежде всего военных слуг, вчерашних дружинников, а теперь — потомственных землевладельцев. Никаких реальных и формальных обязательств за пределами данного княжества эти слуги не имели и иметь не могли — они зависели только от своего князя. Князь имел над слугами право суда и дани, под его знаменами ходили в походы. Именно это положение было положено в основу межкняжеских военных конвенцией, известных нам с середины XIV в., начиная с первого договора Калитичей, — духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

Великое княжение Владимирское состояло из таких княжеств, связанных между собой только на высшем уровне — межкняжескими договорами и традицией. Служилый человек нес службу своему князю и никому больше.

Но в последней четверти XV в. произошли разительные перемены. На протяжении жизни одного поколения совокупность княжеств превратилась в единое целое, а великий князь Владимирский и Московский — в Государя всея Руси. Появилась новая историческая реальность — Российское государство.

Государь всея Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской... объединил в своем лице всю Русскую землю. Объектом его власти стало не княжество, а государство. Слуги его из слуг княжеских превратились в служилых людей Российского государства.

---

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г* «Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела» //Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Юбилейный выпуск/ Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2010. С. 226–230.

Этот крупнейший переворот в исторической реальности не мог не отразиться на национальном и личном самосознании русских людей. Вершителем их судеб теперь стал не местный удельный князь, которому из поколения в поколение служили их предки, а государь всея Руси. А, следовательно, сепаратистские интересы и отношения теперь должны отступить перед интересами общими — общенациональными, общегосударственными.

По словам С. Б. Веселовского, началось полное перерождение класса служилых землевладельцев. Иван III сделал очень много, чтобы разрушить дружинную организацию армии и низвести крупных бояр на положение родовых служилых людей, всецело подчиненных государю.[1]

Июль 1500 г. Уже третий месяц идет большая война — Русское государство борется за возвращение земель, захваченных Литвой в тяжелые времена упадка Руси, княжеских смут и татарского лихолетья.

Рать воеводы Юрия Захарьича овладела Дорогобужем. В глухом лесу поджидает она своего противника — гетмана князя Константина Острожского, который ведет с собой главные силы великого князя Александра Литовского.

Русская Ставка внимательно следит за ходом событий. Узнав о движении Острожского, великий князь Иван вводит в действие свой стратегический резерв — рать князя Данилы Васильевича Щени.

Одновременно в войска из Ставки поступает новое боевое расписание — расписка воевод по полкам.

«В Большом полку князь Семен Иванович Стародубский... да князь Василий Иванович Шемячич да великого князя воевода князь Данило Васильевич Щеня...

...в Сторожевом полку Юрий Захарьич да Иван Шадра».[2]

Накануне решительного сражения происходит смена командования. Первый воевода Большого полка — фактически и формально командующий всей армией. Все понимают, что этот командующий — не жалкий, хотя и родовитый князек, вчерашний вассал Александра Ли-

[1] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1964. С. 76–77.

[2] Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под. ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 30–31.

товского, а опытный воевода Щеня. Тот, который смирил непокорную Вятку (1489 г.), освободил от литовцев Вязьму (1493 г.).

А вчерашний воевода Большого полка, герой Дорогобужа, отодвинут на задний план — ведь Сторожевой полк иерархически ниже всех других — Передового, Правой руки, Левой руки.

Впервые и единственный раз воевода решается обратиться с письменным протестом к самому великому князю Ивану (который, по словам современника, «встречу (спор с ним. — *Ю. А.*) любил и за встречу жаловал»).

«И Юрьи Захарьич писал к великому князю, что ему в Сторожевом полку быти не мочно. "То мне стеречи князя Данила"».

И великий князь им отвечал: «Гораздо ли ты так чинишь, говоришь: в Сторожевом полку быти тебе непригоже, стеречь княж Данилова полку? Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в Большом полку, таковы чинят и в Сторожевом полку; ино не сором тебе быть в Сторожевом полку».[1]

Старое представление о ценностях столкнулась с новым. В глазах великого князя Большой полк и Сторожевой полк — одно целое; все воеводы и полки — единый целостный механизм, решающий общую задачу — «дело» государя, т. е. Российского государства. На этом фоне нет места личным амбициям.

Волей великого князя механизм приводится в действие.

14 июля на речке Ведроше русские воеводы одерживают одну из самых блестящих побед в истории нашего Отечества.

Поучение великого князя честолюбивому воеводе — едва ли не первый пример общественного сознания. На заре местнических споров великий князь сформулировал тезис о приоритете государственных интересов перед частными амбициями. Это — истоки той идеи, что высшая честь для служилого человека любого ранга — исполнение своего долга перед Отечеством.

Эта новая система ценностей, порожденная великим историческим фактом — рождением Российского государства, постепенно становится основой общественного сознания.

Почти через сотню лет, во времена полного расцвета местнической психологии, русским послам в Польшу князю Федору Троекурову и дьяку Дружине Петелину, в ответ на их местническую жалобу было

[1] Там же.

заявлено: «Добро искати, дела и прибытка государю, а не своей чести и бесчестью».

Даже такая важная для корпоративного сознания категория, как местническая «честь», отступает перед идеей государственного «дела».

Так под влиянием исторической реальности формулируется характерный для России приоритет государственных, т. е. общенациональных, отношений и интересов над всеми прочими — корпоративными и личными. Только такой приоритет, ставший одной из основ нашего национального самосознания, мог на протяжении долгих веков обеспечить само существование России и ее народа.

Реалии России XV–XVII столетий вынуждали ее «дважды в год концентрировать и расходовать все свои экономические и людские резервы для отражения опустошительных нашествий».[1] Эти реалии, подобных которым не знало ни одно европейское государство, с необходимостью должны были выработать именно такую систему национальных ценностей, определить именно такой тип государства, с «небывало возросшей ролью самодержца» как персонификации этого государства и несущего ответ только перед Богом.

Едва ли можно видеть в Российском государстве XV–XVII вв. «регрессивные» тенденции.[2] Тип государства, сложившийся в позднесредневековой России, был результатом реального исторического развития, и именно этот тип государства с сильной централизованной властью, поставленной выше каких-либо местных, сословных, корпоративных и частных интересов, оказался в данных условиях наиболее жизнестойким, а стало быть и наилучшим.

Перерождение общественного самосознания из удельно-княжеского в национально-государственное, впервые ощутимо проявившееся накануне сражения на Ведроше, — это и результат, и предпосылка дальнейшего развития российского менталитета.

---

[1] *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 400.

[2] Там же.

Две кампании*

Военное искусство решает задачи, поставленные перед ним политическим руководством страны. При любых обстоятельствах цель военного искусства — победа над противником.

Перед нами — две кампании начала XVI в. — 1500 г. и 1514 г. Один и тот же противник, одни и те же воеводы, один и тот же театр военных действий. Только вместо старого великого князя Ивана III, «Государя всея Руси», — его сын Василий, которого можно назвать «счастливым наследником» великого отца.

Результаты кампаний — противоположные.

Кампания 1500 г. — полный, катастрофический разгром литовского войска в сражении 14 июля на р. Ведроше (правый приток Днепра). В глухом болотистом лесу одержана одна из самых блистательных побед русского оружия. В тактике, оперативном искусстве и стратегии сделан новый шаг вперед от Ледового побоища и Куликовской битвы.

Кампания 1514 г. — полный разгром русского войска (только что освободившего Смоленск) в сражении 8 сентября под Оршей в 120 верстах к западу от Смоленска. Гетман князь Константин Острожский, наголову разбитый на Ведроше и попавший в плен со всей своей вельможной свитой, отомстил своим вчерашним победителям (у которых он провел несколько лет в плену). Воевода Андрей Федорович Челяднин, один из героев битвы на Ведроше, теперь сам оказался в плену со всем своим штабом.

Почему же это случилось? Да, план русской кампании 1500 г. был хорошо продуман и стал венцом русского военного искусства времени Ивана III. А в 1514 г. после успеха под Смоленском наши войска бросились вперед, углубляясь на территорию противника. Русский главнокомандующий князь Михаил Львович Глинский, выходец из Литвы, пользовался полным доверием «счастливого наследника великого Государя», и «наследник» не разглядел в нем беспринципного авантюриста. Находясь во главе русского войска, Глинский выдал королю Сигизмунду планы русского командования. И на тактическом,

* Печатается по изданию: *Алексеев Ю. Г.* Две кампании // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5: К 80-летию профессора И. Я. Фроянова / Под ред. А. В. Петрова. СПб., 2016. С. 44–46.

и на оперативном уровнях мы полностью проиграли своему противнику.

Но где исходная, коренная причина такой метаморфозы? Неужели все сводится только к личным качествам главы государства, т. е. к фактору субъективному, а следовательно — более или менее случайному?

За 40 лет своего великого княжения Иван III провел 10 кампаний на всех стратегических направлениях. Что в них общего? Прежде всего, направленность к единой цели — созданию и укреплению Российского государства.[1] Эта неизменная, постоянная цель — генеральная линия всей деятельности «Государя всея Руси», основная идея всей его долгой жизни. Единство цели, «сверхзадача», определяет основную особенность кампаний: прежде всего, активный, наступательный характер на политическом, стратегическом и оперативно-тактическом уровнях. Созидательная, позитивная «сверхзадача» Ивана III лежит в основе всей его деятельности. Цель диктует средства. Все, что нам известно о деятельности и личности «Государя всея Руси», говорит о том, что перед нами — одухотворенный великой идеей прагматик-реалист.

В военной деятельности Ивана III в наибольшей степени воплощается то, что можно назвать «принципом Румянцева» — одного из величайших русских полководцев: «Искусство военное состоит в одном том, чтобы держать всегда в виду главную причуду (цель) войны. Полководец... в предмете имеет один главный пункт и к одному течет со всем устремлением, поелику одолением одного опровергает все другие, от того зависящие».[2] Единство великой цели, умение найти «главный пункт» для ее достижения — наиболее характерная черта «разумного самодержца» (как его чрезвычайно удачно назвал А. С. Пушкин).

Выбор есть выбор. Выбирая одно, мы отказываемся от другого. Следовательно, выбор цели, с чего начинается всякая разумная деятельность, должен иметь веские обоснования, должен отвечать реальной обстановке и быть озарением, освященным высокой нравственной созидательной идеей. Для Ивана III такой идеей было освобождение

---

[1] См.: *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991; *Он же.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007 (см. также наст. издание).

[2] Цит. по: *Клокман Ю. Р.* Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 176.

всех русских православных земель от всех врагов, т. е. создание единого Государства, ни от кого не зависимого, ни от каких земных властей.

Неуклонное следование этой цели — главная, исходная причина успеха Ивана III. Ему удалось создать великое Российское Государство — то самое, в котором мы с вами живем. Менялись формы правления, проносились самоубийственные смуты, менялись названия Государства. Но оно стояло и стоит, «Третий Рим», как нравственный маяк в бушующем море западного язычества с его техноманией и нравственным разложением.

Для подготовки и проведения кампании 1514 г. явственно видны совсем иные принципы. Основной из них — потеря единства цели, высокой «сверхзадачи» — отход от «принципа Румянцева». Катастрофа под Оршей — расплата.

Перед нами — две системы мышления: реализм и авантюризм. Замена высокой цели целью случайной, конъюнктурной, сиюминутной — вот глубинная, коренная причина трагедии под Оршей.

На наше счастье, противник — король Сигизмунд — тоже не отличался подлинной реалистичностью мышления. Блестящая победа его войска под Оршей не привела к победе в войне. «Счастливому наследнику» великого отца пришлось пережить трудные времена. Открылся южный фронт — напал Мухаммед-Гирей — и Россия впервые за 70 лет увидела на своей земле противника. Несколько месяцев шло разорение русских уездов вокруг Москвы. Столицу штурмовать Мухаммед-Гирей не решился. Зато открылся восточный фронт — на Нижний Новгород осмелился напасть казанский хан. На глазах рушилась вся система, построенная великим отцом «счастливого наследника». И это — расплата за авантюру 1514 г.!

Но наследник оказался действительно счастливым. Все обошлось. И даже удалось развестись с бесплодной женой и вступить во второй брак — с племянницей изменника и авантюриста Глинского... Ох уж эти Глинские!

И тем не менее, злополучная кампания 1514 г. остается мрачным памятником плохого планирования, плохого руководства, а главное — неверной в принципе, конъюнктурной, сиюминутной системы мышления.

Великий Суворов восхищался молодым Бонапартом, его замечательной первой кампанией в Италии. Называл его «чудо-богатырем», ставил его на одну доску с великими полководцами прошлого. Но

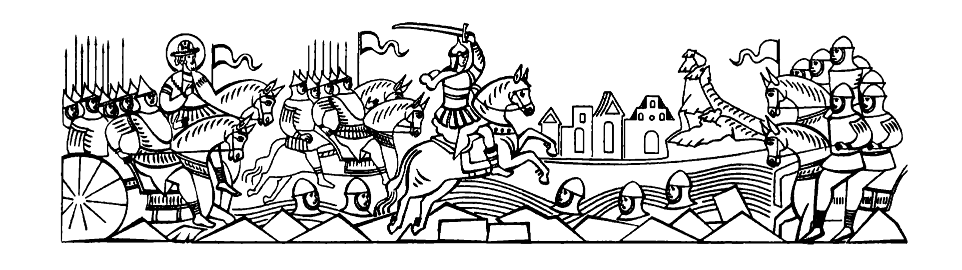
когда император Наполеон, упоенный счастьем, славой и победами диктатор всей покорной ему Европы, двинулся в 1812 г. на Россию — куда девалось его «счастье»? Ни к одной своей кампании император так тщательно и всесторонне не готовился, как к 1812 г., включая печатание фальшивых денег и подготовку французского театра к гастролям в Москве. Никогда в его распоряжении не было таких огромных сил, такого подавляющего превосходства над противником, знакомым ему по Аустерлицу и Фридланду... И что же? Великий поход Великой Армии великого полководца оказался великой авантюрой зарвавшегося игрока. Ничтожность, безнравственность цели — завоевания России (и всего мира!) привела к потере реализма, к потере здравого смысла. Не сумел найти великий император тот самый «главный принцип», о котором писал русский фельдмаршал — «полководец... течет со всем стремлением поелику одолением оного опровергает все другие, от того зависящие».

Не следовал он «принципу Румянцева». Только через полвека после русского полководца бывший император, имея досуг на о. Св. Елены, выскажет своими словами ту же самую мысль — секрет полководческого искусства (конечно, не ссылаясь на русского фельдмаршала, о котором, как о «варваре», великий император не имел никакого понятия).

Величайший поход закончился величайшей катастрофой в военной истории. И это несмотря на то, что «великому императору», как почти всегда в его судьбе, очень везло. Не нашелся в России достойный его противник, который мог бы, например, нанести ему тяжелое поражение в конце июля, ударив по растянутым коммуникациям и ослабленному авангарду. Барклай де Толли — не Суворов. Удачно соединившись с Багратионом, он несколько дней бестолково топтался на месте и сам чуть не попал в тяжелое положение, потеряв Смоленск.

У Барклая, искусного и опытного генерала, не было «сверхзадачи», единой линии, ведущей к великой цели. А вот у его преемника, старика Кутузова, такая «сверхзадача» была. Это — уничтожение армии Наполеона. И частные ошибки, и частные неудачи, и Бородино, после которого пришлось быстро-быстро отступать, и трагический пожар Москвы, и собственный риск быть отстраненным от командования — ничего не поколебало старого фельдмаршала, дравшегося при Кагуле под командой Румянцева и бравшего Измаил под командой Суворова.

Все решилось 2 октября под Малоярославцем. Наполеон это понял и недаром приготовил себе яд, на всякий случай, чтобы не попасть в плен. И гибель армии, и бегство из России в чужой краденой шубе, и жертвенный героизм Нея, и создание новой армии — все это уже не могло спасти игрока, которому изменило чувство реальности, — тот самый, ничем не замутненный реализм, освященный высокой нравственной целью, который обеспечил Ивану III создание «Государства всея Руси» и, в частности, великую победу в кампании 1500 г.



Сокращения в тексте книги

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.

АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства / Подг. к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин. Ч. 1. М., 1951.

Базилевич — *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. / Отв. ред. и вступ. статья Л. В. Черепнина. М., 1952.

Баиов — *Баиов А. К.* Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля. Пг., 1915.

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Волков — *Волков В. А.* Войны и войска Московской Руси. М., 2004.

ВОИДР — Временник Общества Истории и Древностей Российских. Вып. X. М., 1851.

Герберштейн — *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. и лат. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Давыдов — *Давыдов В. И.* Присоединение Коми-края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты удельных и великих князей XIV–XVI вв. / Изд. подг. Л. В. Черепнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л., 1950.

Зимин — *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России второй половины XV — первой трети XVI вв. М., 1988.

ИРГО — Известия Императорского Русского географического общества.

Казакова — *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI вв. Л., 1975.

Карамзин — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VI. М., 1998.

Каргалов — *Каргалов В. В.* На границе Руси стоять крепко! М., 1998.

Карпов — *Карпов Г Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508 гг. М., 1867.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ПЛ — Псковские летописи. Вып. 1–2 / Подг. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941–1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000; Т. 5. Вып. 1. М., 2003; Т. 5. Вып. 2. М., 2000; Т. 6. Вып. 2. М., 2001; Т. 8. М., 2001; Т. 10. М.; 2000; Т. 11. М., 2000; Т. 12. М., 2000; Т. 15. М. 2000; Т. 18. СПб., 1913; Т. 19. СПб., 1903; Т. 20. М., 2005; Т. 23. М., 2004; Т. 24. М., 2000; Т. 25. М., 2004; Т. 26. М., 1959; Т. 27. М., 1962; Т. 28. М.; Л., 1963; Т. 30. М., 2005; Т. 33. Л., 1977; Т. 37. Л. 1982; Т. 43. М., 2004.

Разин — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957.

РК-98 — Разрядные книги 1475–1598 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1966.

РК-05 — Разрядные книги 1475–1605 гг. / Ред. В. И. Буганов. М., 1977.

РИБ — Русская историческая библиотека.

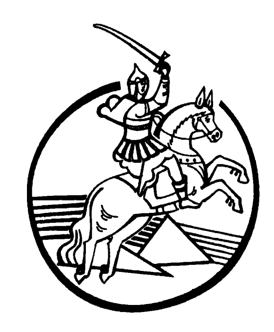
Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882; Т. 41. СПб., 1884.

Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1989.

ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Содержание

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ ПО ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ РОССИИ

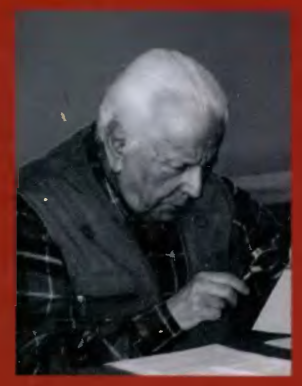


Ю. Г. Алексеев
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Директор издательства: *О. Л. Абышко*
Художественное оформление: *А. В. Самойлова*
Оригинал-макет: *Ю. В. Никитина*

По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге: ООО «Университетская книга — СПб»
Тел. (812) 640-0871; e-mail: ukniga1@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга — СПб»
Тел. (495) 915-4079; e-mail: ukniga1@westcall.net

Формат 60×88 1/16. 47 печ. л. Печать офсетная. Тираж 400 экз.
Заказ № 166



Юрий Георгиевич АЛЕКСЕЕВ
(1926–2017)

Доктор исторических наук, профессор. Родился в Ленинграде. Участник Великой Отечественной войны. Флотский офицер. В 1953 г., в результате ранения, оставил военную службу. Будучи на службе, поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, который окончил в 1954 г. С 1960 г. работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. С 1970 по 1992 гг. – профессор Ленинградского государственного педагогического института (РГПУ) им. А. И. Герцена. С 1992 г. – профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Ю. Г. Алексеев – автор цикла монографий, посвященных истории России второй половины XV в. Его перу принадлежат исследования Псковской судной грамоты и Судебника 1497 г., а также военной истории Российского государства XI–XVII вв.